

НИКОЛАЙ ЗЕНЬКОВИЧ

ЦК ЗАКРЫТ, ВСЕ УШЛИ...

ОЧЕНЬ
ЛИЧНАЯ
КНИГА

МОСКВЕ

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Николай Зенькович
ЦК ЗАКРЫТ, ВСЕ УШЛИ...

Очень личная книга

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
1999

ББК 84.Р7
З 57

Исключительное право публикации книги Николая Зеньковича «ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Зенькович Н. А.

З 57 ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. —
М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — 575 с.: ил. — (Досье).
ISBN 5-224-00070-X

Книга о роспуске ЦК КПСС, о последнем годе лишенных властных полномочий Политбюро и Секретариата, об их агонии. Автор, работавший в ЦК КПСС в 1985-1991 гг. и являвшийся его внутренним хроникером, присутствовал на заседаниях высших органов партийной власти, деятельность которых освещал в советской и зарубежной печати, делится своими наблюдениями о причинах краха.

Книга, благодаря обилию впервые публикующихся документов, свидетельств, материалов, имеет источниковедческую ценность, представляя собой своеобразную хронику, «краткий курс» истории конца КПСС.

ББК 84.Р7

ISBN 5-224-00070-X

© Н. Зенькович, 1998
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»,
1998
© В. Щербань, оформление, 1998

Часть 1

КРАТКИЙ КУРС КОНЦА КПСС

Глава 1

НЕОЖИДАННЫЙ ЗВОНОК

Примерно в три часа дня зазвонил телефон внутренней связи. Я снял трубку.

За двадцать минут до этого все аппараты, включая правительственную связь и междугороднюю ВЧ, кроме прямого городского, были выведены на приемную: по просьбе одного зарубежного издания я отвечал на вопросы о событиях, связанных с ГКЧП. Поэтому и попросил секретаря со мной не соединять.

Вопросы были не из легких.

— Лично вы были у Белого дома? — спросил корреспондент влиятельного зарубежного издания.

— Да.

— Какое впечатление сложилось у вас о собравшихся?

— На Краснопресненскую набережную я вышел к восьми часам вечера двадцатого августа. Это был второй день путча. Сплошной поток молодых мужчин вынес меня к Белому дому России. Людей было очень много. Однако мне не показалось, что все они горели желанием живыми кольцами, плечом к плечу, опоясать забаррикадировавшегося президента России. Немало было зевак, праздношатающихся, пьяных...

— Но ведь Ельцин первым осудил действия хунты...

— Да, он отменил распоряжения ГКЧП и выступил в защиту законного президента СССР Горбачева. Но я бы не сказал, что все собравшиеся на площади пришли спасать демократию. Не думаю, что если бы

действительно начался штурм Белого дома, собравшиеся закрыли бы его своими телами...

— Но ведь на них были направлены стволы танковых орудий...

— А москвичи разукрасили их цветами и российскими флажками. Раздавали танкистам бутерброды, фрукты, сигареты. Армия в народ стрелять не будет — в этом все были уверены. Отсюда и отсутствие страха, ощущение легкости и приподнятости. Правда, несколько БМП и танков защитники Белого дома забросали камнями и бутылками с зажигательной смесью. Одна БМП сгорела.

— Правда ли, что путч тщательно готовился, а причина неудачи в дилетантских действиях заговорщиков? Рассказывают, что глава хунты Янаев, просмотрев видеозапись пресс-конференции ГКЧП девятнадцатого августа, распорядился вырезать кадры, где у него дрожали руки...

— Ваши коллеги окрестили случившееся «путчем дрожащих рук». Этим все сказано. Если бы переворот действительно готовился тщательно, дрожащих рук, уверяю вас, не было бы.

— Вы хотите сказать: то, что едва не завершилось трагедией, оказалось опереточным фарсом?

— Ну какая же это тщательная подготовка? Не было арестов и задержаний. Границы и аэропорты оставались открытыми. Не отключалась связь. Даже запрещенные вначале реформаторские органы печати продолжали выходить. Правда, экипажи танков направили стволы орудий туда, где подозревались очаги сопротивления московских демократов, но пушечные магазины были пусты.

— Еще два месяца назад Ельцин требовал отставки Горбачева, а во время путча выступил за его возвращение к власти. Совершенно неожиданный поворот, не так ли?

— Что Ельцин так себя поведет, члены ГКЧП, наверное, никак не ожидали. Их просчет был в том, что они представляли Ельцина мелким. Раз уж он так сражался с Горбачевым, раз у него такая обида, то он, мол, не может не быть доволен поражением противника. Тем более что накопилось на него немало и личных обид. Они рассчитывали, что Ельцин будет хотя

бы втайне торжествовать, и поэтому с ним можно будет сговориться. И заговорщики делали эту попытку. А он повел себя с ними как избранный народом глава российского государства. В этом одна из причин их поражения. И в этом одна из важнейших причин победы Ельцина.

— Вы считаете, что это победа Ельцина?

— Несомненно. Из августовского кризиса Ельцин вышел победителем. Это была не просто размолвка двух лидеров, это была борьба двух сил. Какое-то время эта борьба велась не напрямую. С одной стороны стояли консерваторы, с другой — сторонники реформ. Посередине возвышался Горбачев, который подобно полупроводнику гасил слабые попытки правых прийти к власти. И вот этот буфер, этот полупроводник на некоторое время устранился — ушел в отпуск. И сразу же обе силы столкнулись в открытой схватке. Победили сторонники радикальных реформ.

— Вы очень осторожны в оценках. Ничего не говорите о просчете заговорщиков, которые не предполагали; насколько глубоки внутренние изменения в советском обществе, насколько сильны перестроечные настроения. Людей не остановили ни введение комендантского часа, ни слухи о предстоящем штурме здания российского парламента.

— Знаете, мне бы не хотелось говорить о баррикадах, защитивших демократию. Я сам был у Белого дома и видел, кто их воздвигал...

Интервьюирование проходило по телефону. На том конце провода крутилась магнитофонная бобина, записывавшая каждое мое слово. Но и на моем столе, рядом с телефонным аппаратом, светился зеленый глазок диктофона. К этому меня вынудили зарубежные журналисты, которые в своих изданиях зачастую вольно интерпретировали мои комментарии. Пришлось применять защитные меры.

Закончив интервью, опять переключил телефонные аппараты на себя. И вот первый звонок.

— Николай Александрович, — услышал в трубке растерянный голос своего референта Галины Александровны Пташкиной, — мы не можем выйти из здания. Выходы перекрыты. Блокированы все подъезды — восьмой, девятый, двадцатый...

Сначала не понял, о чем говорит одна из наших старейших и аккуратнейших работниц. Какие выходы, почему заблокированы? Двадцать минут сидел в одиночестве, отвечая на вопросы иностранного корреспондента, и представления не имел, что происходит в это время. Оказывается, когда я подыскивал осторожные формулировки, уединившись в своем кабинете, технические работники носились по коридорам комплекса зданий ЦК, пытаясь выбраться наружу. Они услышали распоряжение из Управления делами, которое передавалось по местной радиотрансляционной сети, о немедленной эвакуации из помещений. В панике схватив пожитки, бедные женщины рванулись к выходу.

Радио в моем кабинете было выключено — и не потому, что оно мешало интервью. Включал я его крайне редко. Для меня всегда было загадкой, как можно работать при включенном на полную мощность радио. Этим искусством обладали многие мои коллеги. Видно, крепкие нервы у мужиков.

Не успел я расспросить о деталях, как в трубке послышались частые гудки. В недоумении поднялся с кресла и открыл дверь в приемную, чтобы выяснить, что в конце концов происходит.

Приемная была пуста. Отсутствовала и секретарь, сторожившая вход в кабинет Станислава Архиповича Чибиряева — первого заместителя заведующего гуманитарным отделом. Наши кабинеты располагались напротив, их разделяла небольшая приемная, в которой сидели два секретаря — моя Валентина и чибиряевская Лидия. Обеих на местах не было. Заглянул в кабинет Станислава Архиповича — он тоже оказался пуст.

Мое недоумение возросло. Охваченный тревогой, я вернулся в приемную — и услышал требовательный, резкий звук телефона правительственной связи из своего кабинета. Звонила кремлевская «вертушка» — красивый белый телефон с золотым государственным гербом в центре диска. Аппарат появился в моем кабинете год назад — после утверждения автора этих записок в должности заместителя руководителя пресс-центра ЦК КПСС.

Поскольку это была новая должность, не предусмотренная штатным расписанием политической организации, имевшей почти столетнюю историю, то ее

приравняли к должности заместителя заведующего отделом. В аппарате ЦК «вертушка» полагалась должностным лицам, начиная с заведующего сектором. Правда, иногда «волшебный» телефон устанавливали тем, кто был рангом ниже — консультантам, например. Но это делалось крайне редко. Такой чести могли удостоиться люди, работавшие непосредственно на заведующего отделом, готовившие ему речи, выступления, писавшие статьи за его подписью в газеты и журналы, а нередко и книги. Да-да, и книги тоже. Причем все это происходило не в какие-то там застойные, а в наши, перестроечные времена.

Но к этой теме я еще вернусь.

Услышав в приемной звонок «вертушки», я метнулся в свой кабинет. Первое время меня, неопытного аппаратчика, удивляла манера цековских должностных разговаривать по телефону правительственной связи. Человек внутренне группировался, лицо приобретало свирепое выражение, взгляд хмурился, голос становился твердым и вместе с тем вопросительно-подобострастным: а вдруг звонит большой начальник? Это был целый ритуал. Если по городскому телефону произносилось обычно «да-да» или «слушаю», то по «вертушке» непременно следовало называть фамилию. Не знаю, кто установил такое правило, но в ЦК его придерживались неукоснительно. Внешне это напоминало разговор военных.

Что поделывать, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Поддерживал общепринятую среди цековских работников манеру разговора по телефону и я. Схватил трубку «кремлевки», торопливо назвал фамилию. То, что услышал, повергло меня в смятение.

— Быстро на выход! Наши все вышли? Немедленно покидай здание!

Голос сдавленный, вроде бы знакомый. Ба, да это же мой начальник!

Ошеломленный и растерянный, я опустил трубку на рычаг. Бред какой-то!

Вышел в коридор. Тишина. Ни одного человека. Как будто все вымерло. Сделал несколько шагов по направлению к кабинетам других замов — Ренчиса и Сидоровича. Заколебался, заходить ли. Решительно толкнул дверь. Кабинеты обоих пусты. В приемных,

где за столиком с батареей телефонных аппаратов обычно сидят секретари, никого.

Вернулся обратно. На седьмом этаже громадного десятиэтажного здания — ни души. Ау, где ты, гуманитарный отдел? В угловом отсеке — кабинет заведующего отделом Виктора Васильевича Рябова. Ни одного человечка. Спустился на шестой этаж, к коллегам из идеологического отдела. Такая же картина.

Надо, видно, выбираться из здания. В памяти всплыли картины захвата зданий ЦК в восточноевропейских странах. Вернулся в свой кабинет. Все телефоны молчат. Поднял трубку городского, «вертушки», — нет, работают, связь не отключена.

Пора. Что взять с собой? За шесть лет работы накопился огромный архив, горы заготовок речей, статей, интервью начальников. В шкафах и сейфах немало личных вещей. Ведь большую часть времени — нередко до десяти — одиннадцати вечера — проводил на работе. Служебный кабинет стал вторым родным домом. Черт с ними, вещами! Хватаю диктофон с только что записанным текстом интервью — сбрасывает, наверное, старая журналистская привычка, — запикиваю его в издававший виды коричневый «дипломат», с которым не расстанусь вот уже пятнадцать лет, и, окинув взглядом в последний раз большой письменный стол, заваленный бумагами, направляюсь к выходу.

Вызываю лифт. Загорается табло — значит, работает. С «дипломатом» в руке оказываюсь на первом этаже. И сразу попадаю в растревоженный человеческий муравейник. Множество людей скопилось у выхода. Наш подъезд — шестой. Здание расположено в центре цековского городка. Он связан многими переходами, в которых запросто можно заблудиться. За шесть лет я изучил все, с закрытыми глазами могу выйти к любому месту — на улицу Куйбышева, к проезду Владимирова или к улице Степана Разина. Москвичи знают, на каком расстоянии друг от друга расположены названные мною места.

Просторный вестибюль шестого подъезда переполнен колышущейся людской массой. На лицах растерянность, страх, непонимание происходящего. Кто-то держит в руках кулек с тремя-четырьмя свекольными котлетками — последней цековской привилегией, кто-

то судорожно прижимает к груди папку с бумагами. Чтобы выйти из здания, надо пересечь двор. Отсюда на волю два пути. Первый, если повернуть налево, ведет к железным решетчатым воротам, за ними улица Куйбышева. Второй — направо, мимо здания столовой, к улице Степана Разина. Время от времени кто в одиночку, кто в составе небольшой группы пытается покинуть здание. Бесплезно! Все возвращаются назад, жалкие и испуганные: выходы перекрыты толпами неистовствующих людей. Не пропускают никого.

Людей все прибывает. Шестой подъезд — десятиэтажное здание, построенное в середине шестидесятых годов. Здесь было расположено много отделов ЦК — организационный, идеологический, гуманитарный, социально-экономический, аграрный, национальной политики. В боковых отсеках, расположенных напротив кабинетов заведующих отделами, сидели секретари ЦК — Строев, Манаенков, Калашников. Не менее сотни кабинетов занимали сотрудники аппарата президента, включая первого заместителя председателя Совета обороны страны Бакланова.

Среди мечущихся в вестибюле и по двору фигур, чего греха таить, попадались и знакомые лица из президентского аппарата. Паника усиливалась. Высокая, худая, лет под семьдесят старуха из машбюро хватала мужчин за руки:

— Делайте же что-нибудь! Надо звонить в Управление делами, коменданту... Пусть откроют коллекторы и выпустят нас через теплотрассу... На улицах ужас что творится. Они нас растерзают...

От несчастной женщины отмахивались. Слухи, один нелепее другого, вспыхивали в разных концах вестибюля и двора, заставляя людей бессмысленно метаться по замкнутому пространству. С улицы доносился угрожающий шум растущей на глазах толпы. Виновато отводили глаза работники охраны зданий ЦК — еще вчера такие недоступные и величественные. Раньше их грозная форма придавала им куда более решительный вид. Надежды на то, что они защитят от разъяренной толпы хотя бы женщин, было мало.

Никто толком не знал, что же передали по внутреннему радио. Одни утверждали — на сборы дан час, и если за это время помещения не будут очищены,

ослушавшихся ожидает интернирование. Технические работники не понимали, что это такое. «В милицию отвезут», — разъясняли сведущие.

В общем, паника разрасталась. Во двор прибывали люди из других зданий. Оказавшись среди потерявших самообладание сослуживцев, слушая панические слова и реплики, я тоже стал готовиться к самому худшему. Вернулся в кабинет и позвонил на всякий случай сыну: если что случится, береги мать и десятилетнюю сестренку.

Вырвавшись из окружения и приехав домой, я выпил сразу бутылку водки, но опьянения не почувствовал. Сказалось сильнейшее нервное напряжение. Мы шли сквозь улюлюканье толпы, ежесекундно ожидая самого страшного. Напрасно народные депутаты через мегафоны призывали соблюдать законность и порядок. Озверевшая толпа наседала на дрожавших от испуга партаппаратчиков. Мы шли по живому коридору, и почти каждый считал своим долгом унижить, оскорбить нас. Особенно усердствовали женщины. Из их уст сыпалась такая похабщина по адресу наших технических работниц, что впору затыкать уши. Озлобленные москвички, казалось, вот-вот вцепятся в их волосы. С особым наслаждением они копались в сумочках партаппаратчиц, показывая содержимое гогочущей толпе. Как только не обзывали несчастных машинисток, секретарш, стенографисток. Партийные подстилки, проститутки, цековские сучки — эти выражения еще можно было терпеть. Звучало кое-что и похлеще.

Некоторые от обиды плакали, другие, побойчее, пробовали усостыжить кликуш. Запомнилась такая сцена. Впереди меня шла высокая, красивая, статная молодая женщина из международного отдела. Увидев ее, толпа буквально взорвалась ревом. К ней потянулись чьи-то жилистые руки, выхватили сумку, распотрошили в один миг. К ногам полетели какие-то свертки. Кто-то поддел их ногой, на асфальт высыпался мясной фарш. Брызнули соком свекольные котлетки.

— Они, суки, объедаются, а мы не знаем, чем детей кормить! — визжала толстенная бабища без шеи с маленькой головенкой в мелких кудряшках. — Убить вас мало, вертихвостки поганые!

Секретарша из международного отдела без страха смотрела на исходящую ненавистью толпу. Потом тихо сказала:

— Ну убейте, если вам от этого легче станет. Подумаешь, останутся без матери две девочки-близняшки! Убивайте, если руки поднимутся...

Гром-бабищу оттерли какие-то мужики. Подняли свертки, неумело затолкали в сумку.

— Проходите, женщина. Вы здесь ни при чем. К вам претензий нет. Счеты надо с другими сводить...

Ну, а аппаратчикам снисхождения, конечно, не было. Выбирали самых откормленных, холеных. Глумились, как хотели. В некоторых плевали, забрасывали помидорами, яйцами. Иногда летело и кое-что поуверистее. В двадцатом подъезде, где размещался ЦК Компартии РСФСР, толпа разбила несколько оконных стекол, на здании МГК снесли вывеску.

Полную чашу всенародной любви к партии испил и я. Что кричали в мой адрес, когда я шествовал по живому коридору, не помню. Но что-то кричали — мерзкое, оскорбительное. Может, и хорошо, что не запомнил. Состояние было ужасное, все, что происходило, представлялось каким-то горячечным бредом, кошмарным сном.

Прорвавшись сквозь кольцо осадивших Старую площадь людей, прошел к станции метро «Площадь Ногина». Сейчас эта станция переименована в «Китайгород». Здесь отдышался. Из таксофона позвонил домой, успокоил семью — все в порядке, жив. У жены вырвался вздох облегчения. У них на работе поползли зловещие слухи о штурме зданий ЦК, о кровавых расправах.

В вестибюле метро начали появляться мои сослуживцы. Возбужденные, перенервничавшие. Всех без исключения обыскивали, перетряхивали содержимое «кейсов», сумок, папок, надеясь найти материалы, связанные с участием ЦК в путче.

Самое время рассказать сейчас о бутылке водки, которую я выпил в один присест. Стояла бутылка в холодильнике по случаю приближавшейся знаменательной даты в жизни ответственного работника ЦК. Дело в том, что именно двадцать третьего августа 1991 года исполнилось шесть лет с того знойного

летнего дня, когда я, оставив чемодан в камере хранения на Белорусском вокзале, счастливый и переполненный чувством собственной значимости, свысока поглядывая на пешеходов, двинулся по улице Горького в сторону Старой площади.

Мог ли я тогда предположить, что пройдет шесть лет и точно в такой же день, двадцать третьего августа, да еще в пятницу — еще одно совпадение — мне предстоит позорный финал? Никогда прежде меня подобным образом не выпроваживали с работы. Просто говоря — прогнали...

Мог ли я не покидать кабинет, здание ЦК? Мог. Кстати, после августовского кризиса, когда начался захват помещений, принадлежавших организациям, которые имели отношение к ЦК, работники многих из них сопротивлялись до последнего, отстаивая свои служебные площади. Некоторые победили — издательство ЦК КПСС «Панорама», Союз писателей РСФСР, ряд редакций газет и журналов. Оставались в своих кабинетах на ночь, выставляли охрану, баррикадировали входы.

Наверное, мог остаться на своем рабочем месте и я. Тем более что официального распоряжения с требованием покинуть здание я не слышал. Сработал инстинкт безоговорочного повиновения начальнику — партийная дисциплина в аппарате ЦК была покрепче военной.

О том, кто принял решение об изгнании работников ЦК из служебных помещений, стало известно значительно позже. Появилось немало любопытных подробностей того, как проводилась эта операция.

Слово Вадиму Андреевичу Медведеву — бывшему члену Политбюро ЦК КПСС, до лета 1990 года курировавшему идеологическую работу партии, а во время описываемых событий советнику президента СССР:

— В самом начале развития событий Ельцин предпринял ряд шагов, направленных на овладение союзными структурами посредством подчинения их российским. Во все союзные органы, в министерства и ведомства были направлены представители российского правительства с неограниченными функциями. Деятельность союзных органов оказалась практически парализованной. Для противодействия путчистам эти

шаги были вынужденными и оправданными, но с поражением путча этот процесс не спешили приостанавливать. Маховик продолжал раскручиваться. Поражение путча начало перерастать в контрпереворот — полный переход власти в Союзе в руки российского руководства неконституционным путем.

Своими воспоминаниями о тех днях Медведев делился в 1994 году:

— Сгустилась обстановка вокруг здания ЦК КПСС. Собралась возбужденная, агрессивная толпа, возникла угроза стихийного захвата и разгрома зданий ЦК. Об этом мне сообщили Купцов (первый секретарь ЦК Компартии РСФСР. — *Н. З.*) и Дегтярев (заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС. — *Н. З.*). Президент и по его поручению Примаков разговаривали по этому вопросу с Поповым. Бушующая толпа была отведена от здания ЦК, и эпицентр уличных событий переместился на Лубянку, где были предприняты попытки разрушить памятник Дзержинскому. Вмешался Станкевич, заявив, что памятник будет демонтирован с применением техники и правил безопасности. По наблюдениям и оценкам очевидцев, это были уже не те люди, которые смело и самоотверженно встали на защиту Белого дома. Там царили подтянутость и дисциплина, а тут — бушующая толпа хулиганов, в которой было немало пьяных. Конечно же не обошлось без организаторов и подстрекателей...

Любопытные детали изгнания людей из служебных помещений на Старой площади приводит А. С. Черняев, тогдашний помощник президента СССР, ныне сотрудник «Горбачев-фонда».

По его словам, президент не предупредил своего помощника о том, что согласился на захват российскими и московскими властями здания Центрального Комитета. Однако те, кто захватывал здания ЦК, были предупреждены, как следует обращаться с цеховскими работниками, а как — с сотрудниками аппарата президента.

— Мой кабинет, — рассказывает Черняев, — может, по злому умыслу Болдина, находился еще там, на Старой площади. Я сидел и работал. Вдруг заговорило выключенное обычно радио: диктор монотонно

и угрожающе повторял, что дается один час для сбора личных вещей, после чего все оставшиеся в здании будут задержаны. Я с моей верной Тamarой и еще одним сотрудником из президентского протокола, зашедшим в это время ко мне, Владимиром Ивановичем Масаловым, оскорбленные, решили не подчиняться. Спустились к выходу часа через два. Нас остановили. Повели было через задний ход к Ипатьевскому переулку, но у ворот бушевали толпы. Знакомые милиционеры предложили вернуться в здание. Стоим, ждем. Кто-то приставленный к нам куда-то не раз бегал. Потом вывели нас вниз, в подвальные этажи. Там опять долго с кем-то созванивались. Наконец повели дальше вниз, и мы оказались в слепяще освещенном «спецметро»...

Черняев замечает: он, проработавший столько лет в аппарате ЦК, помощник генсека и президента, впервые узнал таким вот образом о существовании этого «объекта». В вагончике его переправили в Кремль.

Президентский помощник кокетливо заявляет: ему, мол, неизвестно, почему их не бросили в толпу, как всех остальных, выходящих из ЦК в этот «назначенный» час.

— То ли потому, что я еще был «народный депутат» со значком, то ли потому, что я из президентской службы, даже помощник, а не из аппарата ЦК, то ли потому, что сам «жертва» пугача... Не знаю, кто решал, как быть с нами.

Вот и верь после этого байкам о стихийности происходившего, о народном гневe. Оказывается, собравшиеся действовали по четкому плану, заранее зная, кого вывозить со Старой площади в Кремль в «спецметро», а кого, как изящно выразился переполненный демократическими ценностями Черняев, «бросать в толпу».

Сегодня известно имя того, кто по внутренней радиотрансляции потребовал от работников ЦК освободить служебные кабинеты. Это Александр Ильич Музыкантский.

В отличие от своих коллег по демократической ориентации, Музыкантский не любит рассказывать о себе. Он крайне редко дает интервью. Это самая

загадочная личность в московском правительстве. Он предпочитает держаться в тени и после победы Ельцина в его единоборстве с Горбачевым.

О личности Музыкантского известно крайне мало. Даже в многочисленных биографических справочниках типа «Кто есть кто в России (Москве)», без устали издающихся новой политической элитой, об Александре Ильиче приведены самые общие сведения.

Родился 4 февраля 1941 года в Москве. Окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта и механико-математический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Кандидат технических наук. С 1989 года — член Московской городской избирательной комиссии. Участвовал в создании Движения демократических реформ. Заместитель премьера правительства Москвы, одновременно префект Центрального административного округа. Женат, имеет сына и дочь. Увлечение: благоустройство собственной квартиры.

Прочитанная в одном из биографических справочников, изданном в 1998 году, последняя фраза об увлечении заставила рассмеяться. Не в бровь, а в глаз! «Благоустройство собственной квартиры». Вот оно, самое главное отличие нынешнего поколения революционеров от тех, кто вступил на стезю переустройства мира в начале XX века.

Из других источников стало известно, что демократический «матрос Железняк» около двадцати лет проработал на различных должностях в Госстрое СССР. Там и сошелся с опальным Ельциным. На выборах 1990 года в Москве Музыкантский выступил представителем «ДемРоссии» в городской избирательной комиссии. Сам, однако, почему-то никуда не баллотировался. За продуктивную работу получил пост и. о. зампреда исполкома Моссовета.

Уверен: пройдет время, появятся и другие детали.

...Выпитая водка не подействовала. Обида клокотала внутри, рвалась наружу. В чем моя вина? Что я не так делал? Мудро поступила жена — увезла на дачу. Тем более была пятница — конец рабочей недели. Машину вызывать еще можно было, и ее вскоре подали к дому.

Глава 2

ДАЧНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Наша дача была в поселке «Успенское» — в том самом, где произошло знаменитое падение Ельцина с моста в реку. Темная история, не проясненная до сих пор.

Существует несколько версий о том, как Ельцин оказался в воде. В конце июня 1997 года ко всему сказанному и написанному прибавилось еще одно свидетельство. Бывший начальник Службы безопасности российского президента генерал-лейтенант Коржаков, уволенный Ельциным со службы в 1996 году, в интервью английской газете «Гардиан» поведал, что Ельцин бросился с моста не в реку, как считалось прежде, а в пруд, пытаясь покончить жизнь самоубийством. Так это или нет — трудно сказать, хотя, несомненно, недавний ельцинский телохранитель один из немногих, кто был допущен к святой святым кремлевского двора.

Однако вернемся к двадцать третьему августа 1991 года.

Дачный поселок ЦК КПСС «Успенское» недалеко от Москвы, всего в тридцати километрах по Рублевскому шоссе. Сначала Барвиха, потом Усово, а там и «Успенка». Голубой деревянный домик нам выделили в апреле 1991 года по личному распоряжению тогдашнего управляющего делами ЦК Николая Ефимовича Кручины.

Поселок ухоженный, чистый, утопающий в зелени. Директор, знакомя меня с местом отдыха, перечислил именитых дачников. Секретари ЦК Фалин и Медведев, заведующие отделами Дегтярев, Скиба, Власов, советники, помощники и референты президента СССР Пляхин, Гусенков, Остроумов. Знакомые имена!

В печати тогда появилось много публикаций о местах отдыха работников центрального партийного аппарата. Не знаю, как обстояли дела до 1985 года, но то, что мне довелось увидеть своими глазами, не соответствовало тем картинкам, которые рисовали перед читателями журналисты. Скажу прямо, хотя и рискую вызвать недоверие читателей: каких-либо излишеств

я не увидел. Честное слово, некоторые зоны отдыха, принадлежавшие крупным промышленным предприятиям, ничуть не уступали цековским, а по некоторым параметрам даже превосходили их.

Конечно, цековские дачи были разные по комфорту. Инструкторы и заведующие секторами жили в Полянах, Кратове и Клязьме. Заместители заведующих и заведующие отделами — в Усово, Успенском. Естественно, класс обслуживания там был выше. Кстати, такая практика существует во всем мире — руководящие работники везде имеют четко разграниченную иерархию и соответствующие ей льготы и привилегии.

Через пруд, на другом берегу, был дачный поселок Совета Министров СССР. Он тоже назывался «Успенское». Там жили министры. Иногда можно было видеть прогуливавшегося Валентина Сергеевича Павлова — став председателем кабинета министров, он по-прежнему оставался на даче, выделенной ему как министру финансов. Не знаю, почему он не перебрался на другую, более приличествующую ему в новом качестве. Но и в «Успенке» было не худо! Цековские дачи, за исключением трех-четырёх добротных, кирпичных, в два этажа, значительно уступали совминовским. Те были построены на совесть! С персональными гаражами, погребами, детскими городками возле каждого строения, индивидуальными песочницами и каруселями.

Я уже не говорю о магазине в совминовском поселке. К сожалению, мне не приходилось бывать в нем, но отзывы слышал. Там никогда не переводилось пиво! Когда-то было наоборот, цековская половина отличалась лучшим обеспечением. Но времена меняются, ЦК уступил власть, а власть — это, кстати, и пиво тоже. И помещения, и правительственная связь.

Короче, поздно вечером двадцать третьего августа мы приехали к себе на дачу. Водителя отпустили. Это был наш последний бесплатный проезд на служебной машине. Чего, естественно, мы тогда еще не знали.

Пользуясь случаем, расскажу о транспортном обслуживании работников ЦК.

К весне 1991 года персональные машины имели только заведующие отделами и секретари. Первые заместители и заместители обслуживались дежурными

или, как их еще называли, разгонными автомобилями. Их можно было вызывать круглосуточно. Надо отдать должное, транспортная часть Управления делами работала четко, как хронометр. Стоило набрать номер, и предупредительный диспетчер тут же называл номер «Волги», которая немедленно выходила по указанному адресу. Это не значило, что не бывало сбоев. Иногда машину приходилось ожидать, правда, не дольше чем полчаса. Сложности возникли, когда транспортная часть перешла на хозрасчет. «Своих» работников возить стало невыгодно. В первую очередь стремились побыстрее подавать машины тем, кто перечислял гаражу деньги. В числе обслуживаемых были аппарат президента, ЦК Компартии РСФСР, совместные и кооперативные предприятия.

Разговорившись с шофером, можно было узнать, что автомобили гаража ЦК КПСС при Горбачеве обслуживали и свадьбы. На что склонные к юмору мои сослуживцы говорили, что можно сдавать в аренду заодно и работников ЦК — в качестве свадебных генералов. За заведующего сектором вполне могли платить свободно конвертируемой валютой. Кто знает, может, пользы от иных завсекторами было бы больше.

С весны 1991 года в гараж начали поступать «Волги» светлого и бежевого цвета. К лету их было уже около трехсот. Похоже, руководство ЦК вняло призывам тогдашнего председателя парламентской комиссии по льготам и привилегиям Евгения Максимовича Примакова, который вопреки народной мудрости, утверждавшей, что черного кобеля не отмоешь добела, спрашивал: неужели свет клином сошелся на этих черных лимузинах? И что только в них находят? И душно в них, и раздражают они честных тружеников, когда стадами пасутся у парадных подъездов или мчатся по оживленным магистралям. То ли дело машины светлых марок.

К ним в ЦК привыкали трудно. После десятилетий езды на черных, сверкающих лаком лимузинах светлые «Волги» воспринимались как ущемление достоинства. Один из водителей со смехом рассказывал:

— Вызвали меня к первому подъезду. Ладно, приехал. Припарковался. Жду пассажира. Вышел какой-то очкарик, лысый, плешивый, прошелся вдоль ряда машин. Не нашел своей. Вернулся опять к подъезду.

Вошел внутрь, позвонил в диспетчерскую. Там подтвердили, что машина вышла. Снова прошелся вдоль стоянки, близоруко всматриваясь в номера черных «Волг». Я не выдержал, открыл дверцу. «Не ко мне?» — спрашиваю. Он взглянул на листок бумаги, где номер записан, и сам себе не верит. Номер совпадает, а машина не та. Нет, говорит, я на белой не поеду. Повернулся и зашагал к подъезду. Звонит в диспетчерскую: «Вы что, — говорит, — издеваетесь надо мною? Давайте черную!» Не знаю, прислали ему черную или нет, это не мое дело. Я развернулся и поехал в гараж. Еду и думаю: ну, если такой поворот, скоро партии голову свернут...

Надо отдать должное: в последнее время было предпринято немало новшеств, лишавших незаслуженных привилегий прикрепленных к обслуживанию машинами ЦК КПСС бывших партийных работников. В первую очередь это касалось пенсионеров.

Раньше им выдавались талоны, по которым они могли вызывать машины ЦК. Талоны отменили даже для бывших членов Политбюро, не говоря уже об экс-руководителях областных партийных организаций, которые, благополучно дожив до глубокой старости и развалив экономику своих регионов, переезжали в Москву и пользовались автотранспортом ЦК до последних своих дней. Они имели право вызова машины для себя лично в любое время суток и для членов своей семьи. Служебный транспорт ЦК, содержащийся на партийные взносы рядовых членов партии, возил бывших горе-руководителей по дачам и родственникам вместе с внуками и правнучками, собачками и кошечками.

Документ для истории

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О ГАРАНТИЯХ И КОМПЕНСАЦИЯХ РАБОТНИКАМ АППАРАТА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ

По сложившейся практике и с согласия Секретариата ЦК КПСС Управление делами ЦК КПСС предоставляет квартиры в городе Москве персональным пенсионерам — бывшим руководителям партийных

комитетов республик, краев и областей при наличии их просьб об этом. Для ответственных работников аппарата ЦК КПСС, направляемых на работу в другие регионы страны и за рубеж, оплата расходов по ремонту высвобождаемых ими квартир производится за счет средств партбюджета.

Для первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС стоимость текущего ремонта занимаемых квартир оплачивается за счет средств, предусматриваемых в партбюджете на капитальный ремонт зданий парторганов и партучреждений.

Для первых секретарей крайкомов, обкомов КПСС установлена в одинарном размере оплата занимаемой площади вне зависимости от ее размера.

В связи с этим в целях соблюдения норм жилищного законодательства и экономии средств бюджета КПСС вносится предложение:

— прекратить практику предоставления квартир в городе Москве персональным пенсионерам — бывшим руководителям партийных комитетов республик, краев и областей, за исключением работников, направленных из Москвы по решению ЦК КПСС;

— считать утратившими силу согласия Секретариата ЦК КПСС от 13.03.87 г. № 1193с по вопросу оплаты расходов на текущий ремонт квартир, занимаемых первыми секретарями ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС, от 8.01.87 г. № 0043с по вопросу оплаты расходов по ремонту квартир, высвобождаемых ответственными работниками аппарата ЦК КПСС, направляемыми на работу в другие регионы страны и за рубеж, за счет средств бюджета КПСС;

— установить порядок оплаты жилой площади, занимаемой первыми секретарями крайкомов, обкомов КПСС, на общих основаниях.

Просим согласия.

Управляющий делами ЦК КПСС

Н. Кручина

10 августа 1990 года.

Согласие было получено. На тексте записки есть подписи членов Секретариата ЦК КПСС с поправкой: «с 1.10.90 г.».

Короче — платите сами.

Но «бывшие» и в годы перестройки пользовались колоссальнейшим влиянием в партийном аппарате. Удивляться тут нечему: многие функционеры были их выдвинутыми. И, как могли, отработывали за свое выдвижение в центральный аппарат.

Я, например, придя в ЦК на работу, не сразу узнал, что там есть ателье, где шили костюмы, пальто, обувь не только ответственным и техническим работникам, но и членам их семей. Более того, я, оказывается, имел право покупать раз в два года зимние головные уборы не только для себя, но и для жены, а также для детей. Но ведь мне об этом никто не сказал. И, вероятно, кто-то наживался на странной забывчивости простодушного провинциала.

Не забуду, как в сентябре 1991 года, забирая в мастерской отремонтированную кофемолку, которую отдал в ремонт еще в начале весны, я оказался свидетелем разговора администраторши, ухоженной дамы с золотом на пальцах и в ушах, с неким позвонившим ей гражданином. Администраторша нажала клавишу внутренней связи:

— Танечка, твой клиент интересуется, готова ли для него шубка?

— Что? Иван Иванович на связь вышел? Наконец-то! Куда же он пропал? Скажите — скоро может приехать.

В разговоре прозвучала знакомая фамилия. Звонил один из заместителей заведующего отделом, проработавший в аппарате не одно десятилетие. Но ведь он уже год не числился в ЦК! Это точно, потому что после изгнания идеологического отдела «большого» ЦК из двадцатого подъезда российским Центральным Комитетом нас переселили в шестой подъезд, и одному из моих коллег достался кабинет, в котором раньше восседал Иван Иванович, отправленный на пенсию. Так что, он по-прежнему шил шубы в ателье ЦК? Для кого? Уже для правнучек?

Пока я получал свою кофемолку, каких только разговоров не наслушался. Пользовались услугами цеховского ателье многие уважаемые люди — писатели, художники, композиторы, актеры, режиссеры, народ-

ные депутаты. В том числе и те, кто истово боролся с номенклатурными привилегиями. Вот куда уходили мои шапки! Но прихлебатели были во все времена.

Документ для истории

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

По сложившейся многолетней практике для секретарей ЦК КПСС через первое отделение шестого отдела 9 Управления КГБ производился отпуск продуктов питания. Кроме того, сектором общественного питания хозяйственного отдела Управления делами производится отпуск буфетной продукции (чай, кофе, сушки и т. п.) для заведующих отделами и их заместителей, а секретариатам секретарей ЦК КПСС отпускаются также некоторые продукты и бутерброды.

Расходы на эти цели возмещаются Управлением делами ЦК КПСС за счет средств партийного бюджета.

С учетом требования о сокращении затрат из бюджета КПСС считали бы целесообразным отпуск продуктов питания для секретарей ЦК КПСС и работников секретариатов секретарей ЦК КПСС производить за наличный расчет.

Расходы за счет средств партийного бюджета можно было бы сохранить на отпуск буфетной продукции (чай, кофе, молоко, печенье, сушки и сухари) в приемные и кабинеты секретарей ЦК КПСС, их помощников и референтов, заведующим отделами ЦК КПСС, их заместителям, а также при приемах отделами ЦК КПСС зарубежных делегаций и гостей.

Обслуживание президиумов собраний и совещаний, проводимых по решениям Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, производить в каждом случае по отдельному меню с отнесением расходов за счет средств партийного бюджета.

Просим согласия.

Управляющий делами ЦК КПСС

Н. Кручина

13 августа 1990 г.

09-396

Короче — начали экономить даже на сухарях. Прежде всего для своих работников.

Но вернемся к Ивану Ивановичу. Почти сорок лет он стоял у руля одного из крупнейших народнохозяйственных направлений, проводил там политику партии. Несмотря на многочисленные реорганизации, отрасль хирела год от года. Однако высокий куратор неизменно оставался на плаву, несмотря на перемены в высших эшелонах политической власти. При Хрущеве, при Брежневе, при Андропове, при Черненко, при Горбачеве. И при каждом, видно, шил в ателье шубки. А может, это и было главным делом его жизни.

Итак, мы прервались на том месте, когда после позорного изгнания из штаба ленинской партии, выдув бутылку русской водки, ваш покорный слуга по решительному настоянию своей супруги отбыл на дачу.

«Успенка» словно вымерла. Стояла тревожная тишина. На пешеходных тропинках в лесу не встретилось ни одного человека. С женой и десятилетней дочерью мы сделали прощальный обход ируда. И хотя верить в непоправимое не хотелось, сердце предсказывало: это конец.

Поздним вечером на прогулке перед сном мы часто встречали Ивана Ивановича Антоновича, члена Политбюро и секретаря ЦК российской компартии. Обычно он прогуливался один, без супруги, меряя тропинку крупным мужским шагом. Я загадал: если встречу Ивана Ивановича, все обойдется. Увы, в тот вечер мы его не видели.

Назавтра — а это была суббота — с утра я принялся звонить на работу. Ни один телефон не отвечал. Сослуживцы, оставшиеся в Москве и побывавшие на Старой площади, сообщили, что здания ЦК опечатаны, с первого подъезда снята вывеска «Центральный Комитет КПСС», там водружен трехцветный российский флаг. Подъезды к площади перекрыты, движение автотранспорта остановлено. На вопрос, надо ли возвращаться в Москву, кто-то горько пошутил:

— А зачем? Скорее всего придется снова ехать в Цюрих и Женеву и начинать все сначала...

Утром двадцать пятого августа по телевидению были обнародованы указы Горбачева «О прекращении деятельности политических партий и политических

движений в Вооруженных Силах СССР и правоохранительных органах и в государственном аппарате» и «Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза». В последнем Советам народных депутатов предлагалось «взять под охрану имущество КПСС. Вопросы дальнейшего его использования должны разрешаться в строгом соответствии с законами СССР и республик».

В республиках они разрешались следующим образом. Первым Политбюро ЦК КПСС покинул президент Казахстана Назарбаев. Он заявил, что ставит вопрос о выходе из КПСС всей республиканской Компартии, поскольку указания, получаемые им в эти дни из Секретариата «московского» ЦК, свидетельствовали о полной поддержке путчистов руководством партии.

Вслед за Назарбаевым приостановил деятельность республиканской Компартии и национализировал ее имущество киргизский президент Акаев.

Выступая на внеочередной сессии украинского парламента, о своем выходе из состава ЦК Компартии Украины заявил Кравчук. Точно так же поступил и лидер белорусских коммунистов Малофеев, который заявил, что Компартия республики выходит из состава КПСС.

По решению Ленсовета органы УВД опечатали здания организаций КПСС Ленинграда. Латвийский парламент дал санкцию на арест первого секретаря ЦК Компартии Рубикса, который в первый день путча заявил о том, что он гордится действиями ГКЧП. Моссовет лишил депутатской неприкосновенности лидера московских коммунистов Прокофьева, Президиум Верховного Совета СССР — депутата, секретаря ЦК КПСС Шенина.

Не отставал от старших товарищей и доблестный партии сын — комсомол. Двадцать третьего августа состоялось заседание Бюро ЦК ВЛКСМ. Бюро поддержало позицию руководства ЦК ВЛКСМ в дни кризиса и заявление, сделанное руководством ЦК ВЛКСМ двадцатого августа. Было принято заявление, осуждавшее действия руководства КПСС.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Зюкин проинформировал Бюро о своем выходе из состава

ЦК КПСС «в связи с полным размежеванием комсомола с линией руководства КПСС, занявшего преступную позицию и предавшего всех честных коммунистов».

Документ для истории

ЗАЯВЛЕНИЕ БЮРО ЦК ВЛКСМ

Попытка осуществления в стране государственного переворота явно обнажила суть политической линии и нравственную позицию не только каждого гражданина, но и всех политических сил. Наиболее безответственно и трусливо в этот момент повело себя руководство КПСС.

Считаем своим долгом заявить о следующем.

Первое. Преступно и не имеет оправданий молчание руководящих органов партии в дни переворота. Убеждены, что ими сознательно упущен шанс остановить путчистов. Мы считаем, что, предав миллионы честных людей с партийными билетами, они не только скомпрометировали себя, но и убили у многих надежду на способность к глубокому реформированию.

Второе. Почему в эти трагические дни молчали или встали на сторону путчистов ряд партийных газет, а действия членов КПСС — руководителей так называемого ГКЧП — не были признаны противоречащими Уставу партии?

В этой связи мы убеждены, что все руководящие органы КПСС должны сложить с себя полномочия, а роль в перевороте отдельных членов ЦК КПСС и других органов — расследована и предана гласности.

При этом для нас уже не подлежит сомнению, что никаким обновлением руководства КПСС ее реформировать невозможно. Речь должна идти о качественно другой организации.

Двадцать пятого августа Генеральный прокурор СССР Н. Трубин объединил следственные группы Прокуратуры СССР и РСФСР в одну. Ее руководителем был назначен заместитель Генерального проку-

рора России Е. Лисов, а его заместителем — сотрудник Прокуратуры СССР А. Фролов.

Сразу же после обнародования горбачевских указов в дачном поселке одна за одной зашуршали шинами машины. Высокопоставленные начальники начали собирать манатки. Драмы разыгрывались прямо на глазах. Многие жили здесь не один десяток лет, за это время накопилось много вещей. Ни в багажник, ни тем более в салон «Волги» они не помещались. Водители блестящих лимузинов подлили масла в огонь, предъявив счета к оплате наличными за пробег машин.

— Все, товарищи хорошие. Бесплатным бывает только сыр. И то, если он в мышеловке. Гоните монету...

Начальники и их жены возмущались, некоторые звонили в гараж. Что это за наглость — требовать оплату? Никогда такого не было. Диспетчеры, знавшие их по имени-отчеству, растерянно отвечали:

— Ничего не знаем, такая установка руководства. Велено обслуживать только за наличный расчет. Гараж арестован, выходящие машины обыскиваются...

Выход все же был найден. У каждого имелись родственники — кто с «Нивой», кто со старой «Волгой»-пикапом. Дачный поселок вскоре был запружен частными автомобилями самых разных марок. В них грузилась домашняя утварь, запасы продуктов. Лаяли собаки, мяукали кошки — им предстоял переезд на городские квартиры. Кончалось привольное загородное житье. С насиженных теплых мест повывезали древние старухи, какие-то старики в габардиновых китайских плащах — писк моды казенного благополучия начала пятидесятых годов. Раньше все эти люди рассасывались по дачам, терялись среди зарослей и деревьев. А теперь вдруг высыпали на дорогу к подъехавшим машинам. Невольно подумалось о генофонде цековских начальников. И другие мысли крамольного характера полезли в голову. Конечно, преклонный возраст никого еще красавцем не делал. Но прожитые годы некоторым придают мудрый, добрый облик. Вот именно — некоторым... И все же старые люди — обуза. Можно себе представить, сколько неудобств создадут они своим чадам-чистоплюям, когда переедут

в городские квартиры. Удобно было прятать престарелых предков на дачах цековского поселка!

По нему на служебной черной «Волге» носился растерянный директор дачного комплекса. К массовому отъезду он не был готов, не имел представления, что будет с «Успенкой». Бывшие могущественные начальники отводили глаза. Им было ясно, что дачи непременно отберут. Значит, надо спасать имущество.

Где-то к вечеру поддались массовой панике и мы. Зловещие слухи расплзались по дачному поселку. Расплатившись за летние месяцы (кстати, проживание в красивом голубом домике обошлось нам в приличную сумму), я вызвал машину. Диспетчер предупредила: за наличный расчет. Новостью это уже не было.

Начали собираться. Посуда, одежда, обувь. Все вместилось в две картонные коробки. А вот что делать с ворохом газет, журналов, книг? Коробок больше нет. Решили загрузить их в багажник прямо так, не упаковывая.

Шофер, наблюдавший за нашими ходками, потешался:

— Ну и пассажиры попались. Другие увозят видеоаппаратуру, кассетники, ящики с консервами, а эти — старые газеты. Есть все-таки чудики в ЦК! Да кому они нужны, ваши газеты?

— Для нас это богатство. Пожалуйста, досье по всем темам. Уникальный систематизированный материал. А картотека? Да ей цены нет...

В ответ водитель скептически улыбнулся. Он-то насмотрелся за свою жизнь на хобби цековских саванников!

Пройдет всего семь месяцев, и в марте 1992 года российский президент Борис Ельцин, въехавший в Кремль на волне борьбы с привилегиями партгосноменклатуры, подпишет снабженное грифом «Совершенно секретно» распоряжение за номером 121-рп. Оно состоит из одной-единственной фразы. Завершается фраза так: «...объекты, указанные в приложении, находятся в хозяйственном ведении Администрации Президента Российской Федерации с учетом их назначения и разгосударствлению или приватизации не подлежат».

«Не подлежат» — значит, финансируются из гос-

бюджета. То есть из тощих кошельков российских налогоплательщиков, которых Борис Ельцин в свое время сплотил под знаменами борьбы с привилегиями партгосноменклатуры.

Привожу приложение полностью, чтобы было ясно, какие объекты находятся в личном пользовании новой номенклатуры. Пусть читатель сам оценит степень жадности новой чиновничьей рати. Старая-то хоть что-то строила. А эта только отбирать умеет.

1. Ясли-сад № 1, Москва, Профсоюзная ул., д. 45, корп. 2.

2. Детский сад-ясли № 35 подсобного хозяйства «Воскресенское», Московская область, Ленинский район, п. о. Воскресенское.

3. Ясли-сад № 40 дома отдыха «Сенеж», Московская область, г. Солнечногорск, п. о. Сенеж.

4. Ясли-сад № 223, Московская область, г. Троицк-1.

5. Ясли-сад № 838, Москва, ул. Давыдовская, д. 1.

6. Ясли-сад № 1387, Москва, Никоновский переулок, д. 5.

7. Детский дом отдыха «Непецино», Московская область, Коломенский район, п. о. Непецино.

8. Санаторий и дом отдыха «Десна», Московская область, Ленинский район, п. о. Десна-1.

9. Санаторий «Янтарный берег», Латвийская республика, г. Юрмала, ул. Звиню, д. 2.

10. Дом отдыха «Архангельское», Московская область, Ленинский район, п. о. Воскресенское.

11. Дом отдыха «Воскресенское», Московская область, Ленинский район, п. о. Воскресенское.

12. Дом отдыха «Звенигород», Московская область, Одинцовский район, п. о. Введенское.

13. Дом отдыха «Клязьма», Московская область, станция Клязьма, ул. Грановского, д.3.

14. Дом отдыха «Нагорное», Московская область, Химкинский район, п. о. Новогорск.

15. Дом отдыха «Ока», Московская область, г. Озеры, п. о. Тарбушево.

16. Дом отдыха «Сенеж», Московская область, г. Солнечногорск.

17. Дачи «Горки-Х», Московская область, Одинцовский район, Горки-Х.

18. Дом отдыха «Успенское», Московская область, Одинцовский район, п. о. Усово.

19. Оздоровительно-производственный комплекс «Бор», Московская область, Домодедовский район, п. о. Одинцово-Вахромеево.

20. Оздоровительный комплекс «Сосны», Московская область, Одинцовский район, п. о. Успенское, пос. Сосны.

21. Оздоровительный комплекс «Жуковка», Московская область, Одинцовский район, п. о. Усово.

22. Пансионат «Поляны», Московская область, Одинцовский район, п. о. Поречье.

23. Дачное хозяйство «Кратово», Московская область, Раменский район, пос. Кратово.

24. Дачное хозяйство «Подмосковное», Москва, Никитников переулок, д. 2.

25. Дачное хозяйство «Серебряный бор», Москва, улица Таманская, д. 38.

26. Агропромышленное объединение «Назарьево», Московская область, Одинцовский район, п. о. Назарьево.

27. Гостиница «Золотое кольцо», Москва, улица Смоленская, д. 5.

28. Гостиничный комплекс «Президент-отель», Москва, улица Димитрова, д. 24.

29. Поликлиника, Москва, улица Плющиха, д. 14.

30. Аптека, Москва, улица Плющиха, д. 14.

31. Механическая прачечная, Москва, улица Серафимовича, д. 2.

32. Проектно-промышленное строительное объединение, Московская область, Красногорский район, пос. Архангельское.

33. Складское хозяйство «Внуково», Московская область, Одинцовский район (27 км Минского шоссе).

Все перечисленные выше объекты ранее принадлежали Управлению делами ЦК КПСС. Но это лишь малая толика недвижимости, беззастенчиво присвоенная новой номенклатурой, отобранная у 18 миллионов собственников, на чьи средства строились в свое время эти объекты. Рвавшие к власти демократы обещали народу вернуть ему партийную собственность — санатории, дома отдыха, больницы, детские сады, распус-

тить гэбэшную охрану зданий ЦК, допустить в них всех, кто приезжает в Москву со своими жалобами и просьбами.

Прошло всего семь месяцев. Что произошло с детскими садами, санаториями и дачными поселками, известно из распоряжения борца номер один с привилегиями аппарата. В Москве передан городу лишь один-единственный объект — детский сад, ранее принадлежавший партаппарату. Во всех остальных поселились новые номенклатурщики. Получается, они старались не для народа, а исключительно для себя.

Комплекс зданий на Старой площади снова охраняет Главное управление охраны — те же краснощечные молодые прапорщики. Рядовому гражданину попасть на прием в правительственные учреждения невозможно. Сохранились все прежние привилегии для чиновников: абонементы в театры и кино, круглосуточное обслуживание легковыми автомобилями, включая доставку членов семей на загородные дачи и обратно в Москву, списки дефицитных книг, продуктовые заказы. Новые власти даже городскими прачечными брезгуют пользоваться — имеют свою, отдельную от народа, именем которого они так виртуозно манипулировали.

Все осталось по-прежнему. Только вот рыла, едущие в черных лимузинах в спецаптеки и в спецмагазины, становятся все более кувшинными, а бывшие мелкие клерки разжирили да приосанились. Народ, ждавший своего куска от партийного пирога, в итоге получил шиш. Без масла, конечно.

В отделе организации специальных полетов департамента воздушного транспорта Министерства транспорта России мне дали такую справку: в распоряжении президента Ельцина — несколько авиалайнеров. Среди них два ИЛ-62, два ТУ-154, по одному ТУ-134 и ЯК-40. Кроме того, к вылету всегда готовы два вертолета МИ-8.

Целый авиаотряд! Но и этого мало — в 1992 году в Казани изготовили новый вертолет для российского президента. Создан он на базе модели МИ-8 специальным коллективом московских конструкторов. Новый вертолет выполнен в салонном варианте с улучшенной внутренней отделкой. Ранее такую машину делали для

Горбачева. Но разве Ельцин согласится на подержанную модель?

Буквально с первых дней прихода Ельцина к власти Россия стала настоящим раем для мошенников.

«Я знаю примерно 100 человек, у которых есть не менее 10 миллионов долларов. Это их собственные деньги, — сказал в начале весны 1992 года корреспонденту газеты «Вашингтон пост» Михаил Ходарковский, председатель правления банка «Менатеп», самого преуспевавшего банка в Москве. — В Москве примерно 1000 долларовых миллионеров и еще 1000 во всей остальной стране».

Из этой же газеты: «На одной из улиц в фешенебельном лондонском районе Мейфер, где припаркованы «ягуары» и «бентли», первый и самый известный миллионер бывшей коммунистической России Артем Тарасов занят воплощением в жизнь своей последней идеи: речь идет о компании по предоставлению услуг богатым людям из России...

...Тарасов, обслуживающий клиентов, в числе которых, по его словам, члены кабинета министров России (выделено мною. — Н. З.), богатая нефтью область в Сибири, правительственные чиновники и независимые бизнесмены, открывает обширные компании, управляет счетами в западных банках, покупает собственность и направляет средства в свой собственный недавно приобретенный банк в Монако...

По оценкам Международного института финансов, известной нью-йоркской банковской аналитической фирмы, в 1991 и в 1992 годах утечка капитала из России составила 17 миллиардов долларов, которые не вернулись в Россию».

Из выступления Генерального прокурора России (1992 год): «Прокуратурой опротестованы сотни сделок в государственных и коммерческих структурах, связанных с приватизацией. В руки чиновников попали нити распределения, открывающие простор для махинаций с землей, приватизируемыми объектами и пр.».

А как стали жить рядовые москвичи? Весной 1992 года на месяц им полагалось... 92 грамма полукопченной колбасы, 6 тысяч 200 рублей составила в январе 1992 года, по данным Мосгоркомстата, минимально допустимая продуктовая корзина на одного человека.

Состоял этот набор из 19 основных продуктов питания. Взрослому москвичу на месяц было положено: вареной колбасы — 183 грамма, сыра — 167 граммов, полукопченой колбасы — 92 грамма, сигарет — 8 пачек.

В российской столице уже весной 1992 года было 43 категории населения, пользующихся бесплатным проездом в подземном транспорте. В число льготников были зачислены члены Конституционного суда и иные судьи, работники прокуратуры и милиции, государственные служащие и помощники депутатов. То есть самые «бедные» люди Отечества.

Только в метро ежедневно проезжают 7-8 миллионов льготных пассажиров. Надо ли разьяснять, что их проезд оплачивается из кошельков рядовых налогоплательщиков?

Привилегии для новой номенклатуры включают бесплатное медицинское обслуживание в лучших больницах, отдых в заповедниках и санаториях, которыми в свое время пользовалась советская элита, доступ в закрытые магазины, специальные номерные знаки автомобилей и даже особое обслуживание в столовых, в которых столы, обслуживание, продукты и даже сервировка разные, в зависимости от ранга.

Такого номенклатурного пиршества не было даже во времена Брежнева. Система закрытых распределителей, кремлевских пайков и халявных санаториев, которую грозил закрыть Ельцин, и тем был люб народу, сегодня ничто по сравнению с привилегиями, которые получили власть предрежжащие при Ельцине. Даже заповедные лесные массивы вокруг Москвы втихую растаскиваются под дачи для высших чиновников, в том числе администрации президента. Кремль ломает отчаянное сопротивление лесников и ученых-экологов, голос которых звучит все слабее и слабее.

Государственные заповедники — огромные закрытые территории с лесами и озерами, где Брежнев и другие советские руководители принимали своих друзей и приезжавших в страну высокопоставленных иностранцев, которые могли там рыбачить и охотиться на медведей — были закрыты в период первой волны демократизации. Сейчас их без лишнего шума

открыли, но только для правительственной элиты. Бюджет заповедников и прочих увеселительных мест держится в секрете.

Глава 3

СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ. 26 АВГУСТА 1991 ГОДА

В понедельник, двадцать шестого августа, я проснулся в своей квартире на Малой Филевской, как всегда, в семь утра. Вскочил с постели — и вспомнил, что спешить некуда. На работу идти не надо. Это не укладывалось в голове. Здания ЦК опечатаны. В них никого не пропускают. Правда, вроде разрешат в один из дней забрать личные вещи, оставшиеся в кабинетах.

И точно — разрешили. Нашему отделу выпало прийти за вещами через неделю, в субботу. Время — с двенадцати до двух.

С вещами я подвергся тщательному контролю. Двойному. Сначала на выходе из шестого подъезда. Потом — на выходе со двора. Проверяли каждый листок бумаги, особенно если он опечатан на машинке. А у меня рукописи книг, дневниковые записи, заготовки на отдельных листках. Молодые курсанты школы милиции с короткоствольными автоматами ничего в этом не смыслят. При слове «архив» настораживаются, изымают все, что им представляется подозрительным. Архив ЦК, в их понимании, это три странички текста, опечатанные на машинке, притом большими буквами, где сказано вся правда, которую прятали от народа.

Кстати, забегая вперед, скажу, что это распространенное заблуждение. У большинства людей примитивное, упрощенное представление об архивах ЦК. В начале октября в подземном переходе на Пушкинской площади меня остановил плутоватого вида гражданин и полусшепотом спросил:

— Архив Кручины не желаете приобрести? Очень дешево стоит — всего пятьдесят рублей. Ксерокс. Но с оригинала. Уверяю вас...

Любопытство взяло верх, и я попросил показать товар. Я ведь лично знал Николая Ефимовича, был с ним в добрых отношениях, при встречах на заседаниях Секретариата всегда здоровались за руку, обменивались новостями. Летом вел его пресс-конференцию, которую показывали в программе «Время».

Почувствовав заинтересованность клиента, продавец уникального документа добавил:

— Плюс пятерка за риск. В качестве президентского налога.

«Архив» Кручины представлял три странички машинописного текста, отпечатанный заглавными буквами. Содержание: Компартии США — 30 миллионов долларов... Вклад КПСС в швейцарских банках — 207 миллиардов долларов... Стоимость золота партии — 800 миллиардов долларов... Доход от коммерческой деятельности КПСС за рубежом — 300 миллионов долларов в год... Расходы на гардероб Раисы Максимовны — нет, рука не поднимается воспроизвести астрономическую сумму, от которой соотечественники сразу грохнутся в обморок.

Именно таким должен выглядеть архив Кручины в представлении лопухов: не более трех страниц и непременно отпечатанный на машинке в обобщенном виде да еще заглавным шрифтом. Чтобы легче читать было.

В том, что передо мною подделка, не было сомнений. Я молча возвратил продавцу товар. Это ни в коей мере не смутило его.

— А дневничок Пуго не желаете приобрести? Вся правда о путче — как готовился, кто участвовал. Тоже недорого. Достоверность гарантирую. Из надежных источников — при обыске в квартире Бориса Карловича изъяли.

И тут произошло нечто непредвиденное. В переходе показался еще один продавец, который в отличие от моего вел себя шумно и напористо:

— Архив Кручины! Покупайте архив Кручины! Совершенно секретные сведения о финансовых махинациях КПСС!

В руках у давно не бритой личности — листки бумаги. Его мгновенно окружили прохожие. Оставив своего незадачливого продавца, подошел к его кон-

куренту и я. Архив Кручины здесь стоил всего червонец. И вмещался на одной страничке писчей бумаги. Самое невероятное — покупатели находились. Да еще сколько!

На обратном пути, примерно часа через два, в этом же переходе меня снова остановил вкрадчивый голос интеллигентного на вид гражданина:

— Архивом Кручины не интересуетесь? Совершенно секретные материалы. Могу предложить...

Поборов брезгливость, я взглянул на протянутый мне текст. Этот вариант состоял уже из пяти страничек. И опять тот же перечень статей расходов — наряды Раисы Максимовны, стоимость партийного золота, хранящегося в зарубежных банках, и прочие тайны. Пока я шел до станции метро «Пушкинская», мне еще три раза предлагали архивы бывшего управляющего делами ЦК КПСС.

Я подсчитал: только в тот день в разных точках Москвы мне предлагали шесть разных архивов Кручины, три варианта дневника Пуго, два варианта телефонного разговора маршала Ахромеева с Горбачевым, после которого маршал покончил жизнь самоубийством. Но верхом виртуозности и изобретательности стали списки лиц, которых ГКЧП намеревался арестовать с последующим физическим устранением. Некие предприимчивые молодые люди звонили известным в сфере бизнеса деятелям и вежливо интересовались, не хотели ли бы они видеть свою фамилию в подготовленных путчистами списках лиц, подлежащих расстрелу. Бизнесменов сразу осеняло, какую выгоду это им сулит. Включение в список стоило суший пустяк — пятнадцать тысяч рублей.

Изготовители фальшивок переусердствовали: скрепили списки поддельными печатями КГБ и МВД. По некоторым подсчетам, подобных списков ходило по Москве несколько десятков, а фамилий в них было около трех тысяч. И каждый из бизнесменов рассчитывал на режим особого благопритствования от новых властей. Вот только закавыка с печатями вышла. Что поделать, сработала многолетняя установка: бумажке, не заверенной печатью, веры нет.

У меня не было претензий к ребятам из российской милиции. Откуда им знать, что архив — это не три

странички, отпечатанные прописными буквами, в которых вся правда, а многие тысячи, десятки и сотни тысяч страниц самых разнообразных документов, стенограмм; справок, перелопатив которые иной раз выудишь лишь три строки, подтверждающие или опровергающие ту или иную версию. Эти симпатичные белобрысые курсанты тоже подверглись массовому ослеплению, как и все общество. Впрочем, в некорректности их не упрекнешь. Действовали они вполне грамотно, хотя, конечно, не всегда квалифицированно. Но ведь они и не специалисты по архивам!

Другое дело, насколько правомерен был личный досмотр работников ЦК. Правда, до выворачивания карманов дело не доходило, но все покидавшие здания обязаны были показывать содержимое портфелей, «дипломатов», папок. Исключений не было ни для кого. Я видел томившихся в очереди к досмотровым стойкам заведующих отделами ЦК.

По прежним меркам — невиданная картина! Хотя что там заведующие отделами. На моих глазах в хвост очереди на досмотр пристроился человек с рубиновым значком народного депутата СССР. В его руках была одна-единственная папка, и он покорно ждал более получаса, чтобы открыть ее перед милицейским сержантом. Этот человек, похоже, забыл о своем депутатском иммунитете. А ведь речь идет о члене Политбюро ЦК КПСС и недавнем первом секретаре ЦК компартии одной из среднеазиатских республик. Подав в отставку с поста руководителя республиканской парторганизации, он, будучи членом Политбюро, возвратился в Москву и был утвержден... консультантом одного из отделов ЦК. Такого не помнили даже старожилы ЦК — члены Политбюро консультантами в отделах никогда до этого не работали. При Горбачеве все смешалось в цеховском доме.

Люди проявляются чаще всего в экстремальных ситуациях. Глядя на растерянного, потухшего члена Политбюро, на поспешность, с которой он расстегивал молнии своей коричневой папки перед розовощеким мальчишкой-милиционером, невольно подумалось: кто бы осмелился досматривать его, народного депутата СССР, тем более что вещей у него, кроме этой одной-единственной папки, не было. Мало ли куда

следует по своим делам представитель высшего законодательного органа страны!

А вот, смотрите, сработал-таки генный инстинкт слепого послушания, привитый многолетней службой в партийном аппарате. В 1985 году он уехал отсюда, из шестого подъезда, в Среднюю Азию, будучи мало заметным функционером отдела организационно-партийной работы. Видно, в душе им и остался, несмотря на причастность к высшим органам партийной и государственной власти. Неужели крах партийного аппарата был предопределен и закономерен?

На такую мысль наводили и другие увиденные в тот день картинки. Честное слово, иные технические работники вели себя более достойно и независимо, нежели некоторые именитые цеховские сановники. Иногда я не верил своим глазам. Неужели все это происходит со вчерашними хозяевами недоступных кабинетов? Там они держались совсем по-иному. Уверенно, с чувством собственного превосходства. Ах, начальнички вы наши родимые, если бы вы взглянули на себя в тот момент со стороны...

Несколько дней, сидя дома, разбирал вынесенные из рабочего кабинета бумаги. Долго примеривался, куда бы их пристроить. Это оказалось делом непростым. Все полки и шкафы и без того до отказа заполнены старыми газетами и журналами.

Изредка перезванивался с коллегами. Все сидят по домам. Что будут делать дальше — никакого представления.

Время от времени раздавались звонки от журналистов, чаще всего от зарубежных. С ними у меня хорошие отношения, часто встречались в нашем офисе пресс-центра в гостинице «Октябрьская», что на улице Димитрова, а также в моем цеховском кабинете. Нередко они приглашали меня в свои корпункты, в посольства, а то и к себе домой. Многие были и у меня в гостях, знали мою семью.

Кто сейчас руководит Центральным Комитетом, спрашивали они. Собирается ли Политбюро, Секретариат ЦК? С кем я поддерживаю связь? Что могу сказать о самоубийстве маршала Ахромеева, управляющего делами ЦК Кручины?

Часто задавали вопрос: опечатан ли кабинет Горбачева?

Я ссылался на информацию коменданта зданий на Старой площади Александра Колесникова: да, кабинет бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, расположенный в подъезде номер один, на пятом этаже, действительно опечатан. К церковским зданиям проявлялся большой интерес. Иногда комендатура, уступая настойчивым просьбам иностранных и советских журналистов, проводила для них экскурсии.

Как вели себя коллеги в святая святых высшей партийной власти? По-разному. Наибольшей корректностью отличались зарубежные корреспонденты. Немало наслышавшись о бесцеремонности и развязности забугорной пишущей и снимающей братии, сотрудники комендатуры имели возможность сравнить их поведение с поведением своих соотечественников.

Рекорд невоспитанности, граничащий с цинизмом, ставят, как ни странно, женщины. Особенно неприятный осадок остался от посещения представительницы еженедельника «Союз». Видавшие виды работники комендатуры были шокированы: грузная дама, войдя в кабинет покончившего самоубийством управляющего делами ЦК КПСС Кручины, как ни в чем не бывало взгромоздилась в его кресло и потребовала, чтобы сопровождавший фотокорреспондент запечатлел ее на память. Затем перебрала все трубки телефонов, и, найдя включенный городской, позвонила к себе домой и прерывающимся от восторга голосом сообщила, откуда она звонит.

На этом дама не остановилась. Большое удовольствие доставило ей открыть ящики письменного стола трагично ушедшего из жизни человека, тщательно перелистать календарь с пометками и записями, телефонные справочники с фамилиями знакомых Кручины. Столь же кощунственно вела она себя и в комнате отдыха, в которую проследовала после освоения кабинета. Обнаружив отечественный одеколон «Эллада», отечественную зубную пасту и отечественные зубные щетки, разочарованно соорудила брезгливую гримаску: при его-то возможностях — и такая дешевка?

Тут уж и работникам комендатуры стало не по себе...

Что еще узнавали работники прессы из экскурсий?

Что кабинет Горбачева на Старой площади скорее всего займет Силаев (Горбачеву хватит и кремлевского!), что в цеховских кабинетах, в которых уже прошла инвентаризация, сняты портреты Ленина. Они сданы на склад, и поскольку материальной ценности не представляют, акты на списание не составляются. Другое дело — рамы от портретов. Вот они в имуществе числятся, их сдают под расписку.

Из здания журналистов провожал начальник службы муниципальной безопасности Алексей Веденкин. Пройдет несколько лет, и его именем демократические средства массовой информации начнут пугать россиян, называя фашистом, требовать над ним суда.

Тогда же его кабинет размещался в пятом подъезде, в комнате номер четыреста десять. Начальнику новой службы — двадцать шесть лет. Он был очень уверен в себе:

— Думаю, за год мы одолеем преступность в городе. Наша служба новая, и действовать мы будем по-новому.

Из разговора выяснилось, что в муниципальной службе безопасности установлена норма: преступление должно быть раскрыто за двадцать четыре часа. Многоопытные журналисты изумленно качали головами — такие темпы не снились даже чекистам Дзержинского на заре их революционной деятельности!

Перед глазами по-прежнему стоит опечатанный кабинет Горбачева. Белая полоска бумаги поперек дверных затворов, словно флаг капитуляции. Выиграл он или проиграл во время своего затворничества в Форосе? Наверное, все-таки проиграл, потому что вернулся совсем в другую страну — страну Ельцина. Ельцин потребовал опечатать здания КПСС, и Горбачев безропотно выполнил это требование. Не стал исключением и кабинет генсека.

ЦК — это двадцать четыре здания общей площадью 170 000 квадратных метров, где размещалось более трех тысяч человек.

Интересно, кто все-таки сядет в кресло Горбачева? Рассказывали, что в это коричневое, хорошей кожи кресло Генерального секретаря первым уселся клерк из хозяйки ЦК. Он добросовестно отработал здесь несколько смен. Работал как... испытатель: а годится ли

это место для первого лица в государстве? Нет ли сквозняков от мощной вентиляции?

Помню, как удивился я, когда впервые подошел к дверям этого кабинета. Вопреки ожиданию, вместо цифры «1» красовалась цифра «6». Внутри «святая святых» — просторный холл с телефонным пультом. За рабочим кабинетом — комната для отдыха. Отдельный лифт. Глухие ковры. Посередине — прямоугольная полянка чистого паркета, на которую старались не наступить, чтобы не оставить ненароком след от подошвы.

С дверей у входа в спецбуфет кто-то отвинтил тяжелую, наверное, литую ручку. Остались две дырочки от шурупов, словно следы от пуль августовской заварухи.

Общее впечатление такое, будто здесь только что была объявлена внезапная эвакуация. В кабинетах беспорядок, столы завалены бумагами, документами, которые не успели пропустить через измельчающую машину. На некоторых кабинетах пломбы сорваны. Наверное, искали золотые канделябры, о которых ходило столько слухов. Представляю разочарование, которое охватывало мародеров при виде скромной обстановки цеховских кабинетов.

...Шумит многоцветный Арбат. Куда-то исчезли многочисленные матрешки-Горбачевы. Всюду матрешки-Ельцины. Арбатские предприниматели первыми уловили изменившуюся политическую конъюнктуру. Матрешек-Горбачевых больше не производят.

Документ для истории

Это интервью по горячим следам событий опубликовала белорусская газета «Республика». Воспроизвожу его полностью, без каких бы то ни было поправок на время.

Документу предпослан редакционный врез. Вот он: «Наш корреспондент встретился с заместителем руководителя пресс-центра ЦК КПСС Н. А. Зеньковичем. Поскольку здания на Старой площади опечатаны, беседа проходила в квартире представителя некогда могущественной организации».

— Николай Александрович, кто сейчас руководит Центральным Комитетом партии? Собираются ли Политбюро, Секретариат ЦК? С кем вы поддерживаете связь?

— Фактически все нити управления партийными делами находятся в руках члена Политбюро, секретаря ЦК Петра Кирилловича Лучинского. Заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС Владимир Антонович Ивашко болен. Лучинский по сути является вторым лицом в КПСС. Ему отведен небольшой кабинет в одном из зданий на Старой площади. Нет, не в престижном первом подъезде, где прежде сидели секретари ЦК. Если быть точным — во второсортном пятом подъезде, где находились хозяйственные службы, обслуживавшие ответственных работников.

О заседаниях Политбюро и Секретариата мне ничего не известно. Во всяком случае, приглашений я не получал. Хотя последний год, после XXVIII съезда партии, присутствовал на всех заседаниях Политбюро и Секретариата. Меня только проинформировали, что тридцатого августа Секретариатом ЦК создана ликвидационная комиссия, которую возглавляет Петр Лучинский. У меня есть его рабочий и домашний телефоны. Связь поддерживаю непосредственно с ним, а также с его помощниками. Ну и с заведующими основными отделами ЦК — идеологическим, гуманитарным, национальной политики.

— Чем занимается ликвидационная комиссия?

— В основном присутствует при инвентаризации партийного имущества, которую проводят представители российских властей. Завершить инвентаризацию предполагается к двадцатому сентября. В соответствии с распоряжением управляющего делами российского Совмина работают три комиссии по инвентаризации и приемке: всего имущества ЦК КПСС, лечебно-оздоровительных учреждений ЦК КПСС и специальных объектов, принадлежащих партии. Все комиссии расположились в зданиях на Старой площади. Там же находится и специальная следственная группа, ведущая дело по поводу событий 19—21 августа.

— Кому будет передан комплекс зданий, в которых прежде размещался аппарат ЦК КПСС?

— Сегодня я был там и уже увидел вывеску «Министерство иностранных дел РСФСР» у входа в третий

подъезд, где раньше размещался международный отдел ЦК. В других зданиях разместятся отделы и референтура Совета Министров России.

— **Николай Александрович, не могли ли бы вы коротко сказать о будущем КПСС?**

— У меня буквально раскалился телефон, звонят десятки иностранных журналистов, которые меня хорошо знают и обращаются с подобными вопросами. Вчера я имел беседу на эту тему с Петром Лучинским. Он сказал, что хорошо бы провести пленум ЦК, но неизвестно, дадут ли собраться его членам. Секретариат ЦК обратился по этому поводу к президентам СССР и РСФСР, но ответа пока нет. Лучинский обратил внимание, что в КПСС немало реформистских сил и течений и что им надо дать возможность организоваться. Петр Кириллович не исключает возможности роспуска прежней КПСС и образования оргкомитета для создания новой партии. В будущем она, возможно, вольется в Движение демократических реформ.

— **И вы считаете, что все коммунисты согласятся с точкой зрения второго лица в партии?**

— Конечно же, скорее всего нет. Сегодня с утра ко мне домой приехал один канадский журналист. Он располагает документом о том, что в стране формируется новая Коммунистическая партия. Образовано временное руководство. Началась регистрация членов. При нем я позвонил Лучинскому. Петру Кирилловичу об этом ничего неизвестно. Это какие-то силы, сказал он, с которыми мы не имеем ничего общего. Не исключая, что это сторонники движения «Коммунистической инициативы», хотя ни одно из движений и платформ в КПСС с подобными официальными заявлениями не выступало. Вполне можно допустить, что какая-то часть коммунистов в нынешних условиях может предпринять неординарные действия. В печати уже сообщалось о нелегальном пленуме ЦК Компартии Украины. Если это действительно так, то не исключены и другие попытки.

— **Как лично вы восприняли случившееся? Куда намереваетесь податься? Как чувствуют себя ваши коллеги?**

— Я работаю с шестнадцатью лет. Мой трудовой стаж — тридцать один год. Был рабочим, студентом,

журналистом. Написал полку книг. Любил менять профессию. На партийную работу привело любопытство. Я никогда не был бюрократом, функционером. Умудрялся всегда писать. Шесть лет работал в ЦК КПСС — и все шесть лет отпуск брал в зимнее время. Писал. Это была единственная возможность поработать на своей грядке. Привилегиями и льготами некогда было пользоваться.

— Да, но у вас на Старой площади был просторный кабинет с кондишеном, вертушки, ВЧ, секретарь в приемной, служебная машина, дача...

— (Смеется.) Да, было. Но это все представительские атрибуты. Знаете, сколько ко мне приходило в день иностранных журналистов? Не менее двух десятков. Надо было держать марку фирмы. Случившееся, конечно же, потрясло. Хотя, если откровенно, большой неожиданностью это не было. Я уже говорил, что присутствовал на Политбюро и Секретариатах более года. Уровень обсуждения вопросов знаю не с чужих слов. Рано или поздно это все равно бы случилось. Другое дело, каким путем. Наверняка постепенно, плавно. Путч ускорил развязку. В результате полный паралич всех структур партийной власти. У моих коллег шок не проходит до сих пор. Они просто деморализованы. Никто не занимается их трудоустройством. А у них семьи, дети. Надо большое мужество, чтобы это пережить. Что касается вашего покорного слуги, то всегда и при любых обстоятельствах я чувствую себя журналистом. А это значит — пишу историю современности. Творят-то ее другие...

— **Работников ЦК уже рассчитали?**

— Окончательного расчета ждем со дня на день. Сегодня вот выдали на руки учетные карточки членов КПСС. Никогда такого не было. Эти документы обычно пересылались спецсвязью в партийные комитеты по месту новой работы или жительства. Значит, все очень серьезно.

Странно, не правда ли, звучат слова «ликвидационная комиссия» применительно к такой казавшейся незабываемой и вечной организации, как Центральный Комитет? Увы, это реальность.

Никакой ясности. Ни одного сколько-нибудь определенного прогноза. Полнейшая растерянность, паралич мысли и действий. И — предельная осмотрительность в оценках. Помнится, как-то с утра ко мне домой приехал китайский журналист, представлявший в Москве ведущую коммунистическую газету. Он располагал сведениями о том, что в стране якобы формируется новая Коммунистическая партия. Образовано временное руководство. Началась регистрация членов. Что по этому поводу может сказать пресс-служба ЦК?

До китайского гостя у меня только что побывал канадец, который задавал аналогичные вопросы.

Пресс-служба тут же начала звонить секретарям. Все дружно заявляли, что им об этом ничего не известно.

Закончив серию звонков, я положил трубку на рычаг и выразительно посмотрел на Ян Чжэна. Он хлопнул меня по плечу — то ли понимающе, то ли сочувствующе — и протянул банку пива. Честное слово, в тот момент мне от стыда захотелось выпить чего-нибудь покрепче.

Глава 4

СТРАННЫЕ САМОУБИЙСТВА

Пресса донимала меня расспросами о самоубийствах Ахромеева, Кручины и Пуго. Всех троих я знал хорошо, неоднократно организовывал их встречи с журналистами, вел пресс-конференции в гостинице «Октябрьская».

С маршалом Ахромеевым последний раз встречался в июне 1991 года, накануне 50-летия начала Великой Отечественной войны. Беседа проходила в комнате для почетных гостей пресс-центра. Сергей Федорович прибыл в точно условленное время вместе с адъютантом и лечащим врачом. От предложенного кофе, чая, а также прохладительных напитков отказался, сделав выразительный кивок в сторону врача — не разрешает, неладно с желудком.

До начала пресс-конференции оставалось минут двадцать, и Сергея Федоровича потянуло на воспоминания. Он знал, что я родом из Белоруссии. Длительное время маршал служил в моих родных местах. После войны командовал полком, дивизией, корпусом, армией. Подолгу жил в Бресте, Бобруйске, Барановичах, Борисове, Минске. С теплотой и нежностью вспоминал маршал годы юности, пролетевшие на белорусской земле.

Стенограмма полуторачасовой встречи с советскими и иностранными журналистами передо мной. Сорок страниц машинописного текста. Снова и снова вчитываюсь в строки, пытаюсь найти ответы на мучающие не только прессу, но и меня лично вопросы, в чем причина нелепой смерти 68-летнего Маршала Советского Союза, советника президента СССР? Подробности гибели ужасны. Он повесился в Кремле, в своем служебном кабинете в субботу, двадцать четвертого августа, около десяти часов утра. Обнаружили его только вечером, примерно в десять часов. То есть в петле он пробыл около двенадцати часов.

По Москве поползли слухи: замешан в путче. Если покончил самоубийством член ГКЧП Пуго, значит, причастен к попытке государственного переворота и повесившийся Ахромеев. Удивительна логика мышления обывателей!

Хоронили военного советника президента на «генеральском» Троекуровском кладбище. В последний путь маршала провожала жиденьякая цепочка родных и близких. В немногочисленной траурной процессии двигался и я. Где-то на середине пути над кладбищем грохнул автоматный залп. Позже стало известно, что это боевые друзья прощались с только что погребенным на соседней аллее генерал-лейтенантом в отставке Великановым. Его провожали в последний путь как положено: с почетным караулом, военным оркестром, венками от Министерства обороны, прощальными речами официальных лиц. Советник президента СССР, Герой Советского Союза и член Верховного Совета СССР маршал Ахромеев этих почестей не был удостоен.

А то, что произошло в ночь с первого на второе сентября, и вовсе не укладывалось в голову. Кто-то

надругался над могилой погребенного. Неизвестные злоумышленники раскопали захоронение и сняли с покойника маршальский мундир. То же было проделано и с похороненным ранее генерал-полковником Срединым. Исчезли маршальская и генеральская фуражки, которые обычно приколачивают к крышке гроба. Чем вызван акт вандализма? Политическими или меркантильными соображениями? Маршальский мундир пользуется особым спросом у коллекционеров и вполне может обернуться гробокопателям в приличную сумму.

Обоих перезахоронили повторно — на этот раз в обычных темных костюмах.

Чем все же вызвано самоубийство военного советника Горбачева? К тому же способом, не типичным для военного человека, имеющего личное оружие?

В Прокуратуре РСФСР мне сказали, что и они находят это самоубийство странным, в отличие от самоубийств Пуго и Кручины, где многое более-менее ясно. Особенно с Кручиной.

Что же касается Ахромеева, то по Москве упорно циркулировали слухи, что это было замаскированное убийство. Однако на вопрос об этом первый заместитель министра обороны СССР — председатель Государственного комитета по оборонным вопросам генерал-полковник Павел Грачев сказал, что в причастности Ахромеева к путчу он сильно сомневается. Не надо разьяснять, кто такой Грачев. Именно он в роковые для демократии дни принял решение: десантники на штурм Белого дома не пойдут.

Московским журналистам удалось разговорить самого близкого Ахромееву человека — его жену Тамару Васильевну. Благодаря ей стали известны существенные подробности. В частности, и такие. В дни путча супруги в Москве отсутствовали, они отдыхали в санатории имени Фабрициуса в Сочи. Маршал находился в отпуске. В Москву он вернулся только двадцать первого августа. Тамара Васильевна категорически отвергла слухи о том, что он якобы был связан с заговорщиками. Путч, по ее словам, для него был полнейшей неожиданностью. О разговорах об инсценировке самоубийства ей известно, но по этому поводу она ничего сказать не может, поскольку не располагает никакими фактами. Она лишь знает, что после возвращения

в Москву Сергей Федорович звонил Горбачеву. И что оставил посмертную записку — не видит смысла жить, потому что рушится все то, строительству чего он посвятил свою жизнь.

Травля маршала, начатая еще при его жизни, не прекратилась и после смерти. Меня не покидает убеждение, что от Ахромеева отстанут еще не скоро. Мертвый маршал по-прежнему остается опасным, и потому будут предприняты попытки, чтобы развенчать ореол мученичества, чести и порядочности, ассоциирующийся с его именем. Из пресс-лакейского арсенала извлекут немало пошлостей, клеветы, досужих вымыслов, чтобы лишить привлекательности образ мученика-маршала, чтобы, не дай бог, он не стал для молодого офицерства своеобразным знаменем, символом верности воинскому и гражданскому долгу в дни смуты и массового предательства.

В ход пойдут самые изощренные приемы, противостоят которым некому. При жизни маршал сам блестяще отбивал нападки идейных противников, которых у него заметно прибавилось в пору парламентской и военно-исторической деятельности. О непримиримую позицию Ахромеева в вопросах недавнего прошлого страны разбивались все псевдонаучные концепции, авторы которых мечтали протащить в многотомный труд по истории Великой Отечественной войны капитулянтские идеи, унижающие и оскорбляющие советский народ и его армию. Это было полной неожиданностью для тех, кто рассчитывал на мягкость, интеллигентность, покладистость маршала. В 1929 году у Сергея Федоровича «пропал» отец — семья мордовского крестьянина была довольно зажиточной. Именно на это обстоятельство сильно рассчитывали авторы десяти томника по истории последней большой войны, и особенно первого тома, в котором излагалась предвоенная обстановка в Советском Союзе. Надеялись: кто-кто, а уж сопредседатель главной редакционной комиссии, сын репрессированного землепашца, согласится с изложенной в научном исследовании концепцией, согласно которой коллективизация и раскулачивание, наряду с индустриализацией, обессилили страну, в результате чего СССР оказался неподготовленным к войне с Германией.

Ученые мужи получили неожиданный отпор. Ахромеев написал разгромную рецензию, забраковав все 1911 страниц рукописи первого тома. О коллективизации и раскулачивании он сказал, что они, с его точки зрения, были исторически необходимы. Авторы пребывали в смятении: и это говорит сын «врага народа»? А отец, погибший где-то в ссылке в белом безмолвии тундры? Неужели «пепел Клааса» не взывает к отмщению? Вот она, сыновняя благодарность.

Надо отметить, маршал никогда не любил углубляться в собственную биографию, особенно на людях. Случай с арестом и ссылкой отца знали немногие, кому это было положено знать по должности. И тем не менее была организована утечка информации. В одном из независимых изданий, плодившихся после принятия закона о печати с невиданной быстротой, появилась публикация с таким вот пассажем в середине: «То есть хрен с ним, с родным отцом, если я, по милости его палачей, сделал такую карьеру!»

Маршал на одной из пресс-конференций популярно объяснил, в чем разница между обывательским и государственным мышлением. И заодно поведал собравшимся, что военным он стал случайно, а с юных лет мечтал об Институте философии и литературы. Но так получилось, что подал документы в Высшее военноморское училище имени М. В. Фрунзе. Но это не значит, что литературный слог ему чужд, а сложные философские проблемы, включая вечный спор о добре и зле, — густые потемки. Журналисты имели возможность убедиться в этом, слушая прекрасно поставленную, в блистательные формы облеченную речь маршала. А та часть выступления, которая касалась отвода обвинения в неисполнении сыновнего долга, вызвала аплодисменты. Дружно рукоплескали даже невозмутимые, насмешливо-циничные западные корреспонденты.

Отдышавшись после нокдауна, ученые мужи многократно пытались опротестовать мнение Ахромеева, ища поддержки у влиятельных лиц, занимавших просторные кабинеты. Немало энергии потратил, чтобы доказать в высоких инстанциях замшелость взглядов 68-летнего маршала, руководитель авторского коллектива генерал-полковник Д. Волкогонов. Пожалуй, са-

мым весомым аргументом тогдашнего начальника Института военной истории был следующий: ни по своей армейской службе, ни по своему довоенному (Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе) и послевоенному (Академия бронетанковых войск, Академия Генерального штаба) образованию Ахромеев никогда не имел ни малейшего соприкосновения с исторической наукой. Разве что в школе любимым предметом была история.

В просторных кабинетах внимательно выслушивали, на шутку улыбались, потом спрашивали:

— А кто у вас председатель главной редакционной комиссии?

— Как кто? Министр обороны Язов.

— А он что думает?

Действительно, что думал Язов?

— Демократы, — сказал он после ознакомления с рукописью и обмена мнениями на заседании главной редакционной комиссии, — сейчас ставят целью подготовить и провести «Нюрнберг-2» над КПСС. В томе присутствуют концепции обвинительного заключения на этом процессе.

Коротко и по-солдатски прямо!

Мнение Ахромеева возобладало, получив высшую поддержку. Выше министра обороны был только президент. А в его военных советниках сторонник непоколебимого мнения о том, что книга никуда не годна и более того — вредна!

По команде «Вперед на гору через лед!» действуют простаки да слабоумные. Остальные придерживаются иной тактики.

Ну не может быть, чтобы человек прожил 68 лет и у него не нашлось бы чего-нибудь такого-такого. Особенно у того, кто занимал высокие посты. Искать, надо искать жареное... Непременно должно быть что-то еще, кроме репрессированного отца и сыновней неблагодарности. Этот сюжет уже отработан, он почву подготовил и семена сомнений посеял. Аналогий с Павликом Морозовым достаточно, главное, не перестараться, а то можно получить обратный эффект. Как это поляки говорят? «Цо занадто, то не здорово».

Поводов для нападок военный советник Горбачева давал предостаточно. В стане противников царила ти-

хая радость — несговорчивый маршал то и дело подставлял бока. Били больно, по-русски, с придыханием.

В вопросах военной реформы Ахромеев занимал столь же ясную и однозначную позицию:

— Я глубоко убежден, наше государство не может иметь чисто профессиональную армию, где все служат по контракту, прежде всего по геополитическим и экономическим причинам.

Стан оппонентов разразился дружным воем. Вот он, советский Скалозуб, противник реформ, закостенелый консерватор и душитель свободы. Ату его, ату! Только ленивый не набрасывался на маршала.

«Как, — восклицали демократы-парламентарии, — разве опыт развитых стран Запада не показал: профессиональная армия не только более боеспособна, но и гораздо дешевле? Разве наши экономисты не доказывали это? Значит, маршал кривит душой?»

«Кривит, кривит, — подхватывали независимые публицисты. — Профессиональная армия во всех странах вне политики. А у нас партийная верхушка и генералы — одна мафия, и цели у этой преступной группы сохранить военно-феодалную тиранию в стране. И маршал Ахромеев посвятил этой гнусной «цели» свою жизнь».

Приводили совсем уж «клинический» случай. Запомните, — восклицал один из популярных в ту пору еженедельников, — день 12 ноября 1989 года! Это «политический Сталинград» маршала Ахромеева.

Чем не угодил строптивый маршал на сей раз? Почему отравленные стрелы избрали именно эту дату — 12 ноября?

В тот день Верховный Совет СССР решал, включать или не включать в повестку дня Второго съезда народных депутатов вопрос об отмене шестой статьи Конституции, которой законодательно закреплялась руководящая роль КПСС в советском обществе. Народный депутат СССР Ахромеев голосовал против включения.

Впрочем, грудью на защиту партии он встал еще раньше. Оппоненты не без удовольствия цитировали его высказывание о том, что для него, кроме начала войны в 1941 году и Чернобыля, самым тяжелым был 1988 год, когда КПСС атаковали со всех сторон.

— Защищая партию, он защищает армию! — уличали маршала. — Связь партии с армией органична.

«Партийные вожди с их карательными органами, безумной, людоедской политикой, — писала одна из московских газет, — не продержались бы и одного дня, если бы не опирались на штыки одетых в военную форму манкуртов — идеологизированных идиотов с ружьем».

Ахромеев назывался одним из наставников и столпов этих идиотов. «В далеком от нас средневековье, в королевской Франции, — просвещала своих читателей эта газета, — страной управлял не король, а кардинал Ришелье. Ну, тот самый, из «Трех мушкетеров» Александра Дюма. А при всевластном кардинале, держась в тени, был его секретарь, маленький, скромный монашек, который вертел, как хотел, своим шефом, и даже королем, за что современники и прозвали его «серым кардиналом». Ныне такую же примерно роль «серого» маршала исполняет при «президенте» СССР его военный советник Ахромеев. «Президент» — хоть и главнокомандующий, но по чину — полковник, да и то липовый, никогда не служивший. А «полковнику» и по субординации положено не только прислушиваться к рекомендациям старшего по званию, но и тянуться перед маршалом «во фрунт»... Что наш президент и делает, если судить по результатам их совместной работы в области дел военных и близких к ним...»

Как видим, патронов не жалели. Били по самым уязвимым местам, рассчитывая на задетое самолюбие Горбачева. Вбить клин между президентом и его военным советником — такая была сверхзадача. И тогда в окружении главы государства не останется никого, кто бы противостоял попыткам ослабить военную мощь страны.

Стрельба велась на поражение. Особая роль отводилась прессе. Газетным снайперам ставилась задача целиться точнее, бить наверняка. И они старались изо всех сил. Кампания по дискредитации неговорчивого маршала набирала силу со второй половины 1990 года.

Только с июля по декабрь того года в московских газетах появилось более сотни публикаций, в которых имя Ахромеева упоминалось в негативном плане. Та-

кую информацию доложил автор этой книги Политбюро ЦК КПСС. Гамма красок чрезвычайно пестра: от откровенно черных, рассчитанных на примитивных читателей, до утонченно-многоцветных, на которые падка интеллигенция.

Представления о развернувшейся в прессе кампании, ставившей целью дискредитировать военного советника президента, дают две публикации, наиболее типичные, учитывающие разные социальные слои населения. Они полярны по тональности, но, как известно, крайности часто смыкаются.

Автор статьи в популярном перестроечном еженедельнике подкупает искренней постановкой вопроса: и все-таки для него остается загадкой, почему президент Михаил Горбачев выбрал себе в военные советники именно маршала Ахромеева. В середине декабря 1988 года газета «Красная звезда» неожиданно сообщила, что Ахромеев ушел в отставку с поста начальника Генерального штаба. Месяц спустя в интервью маршал так объяснил суть дела: обязанности начальника Генштаба требуют ежедневно 14—15 часов работы.

— А мне, — с грустью констатировал Ахромеев, — 66 лет. Силы мои, как и любого человека, не беспредельны... Дело не только в возрасте, я прошел войну, несколько раз был ранен, контужен. Обратился с просьбой об освобождении от должности. Просьбу удовлетворили. Одновременно мне предоставили ответственную работу. За доверие глубоко благодарен. Буду стараться работать с пользой для дела.

Автора статьи больше всего интересует вопрос: почему уход с вершины армейского Олимпа не поставил точку в карьере крестьянского сына из мордовского села Виндрей? В чем дело? В слепой ли благосклонности судьбы или в личной одаренности парня из Мордовии?

Мордовия, безусловно, благословенный край, прославленный громкими именами. Это и Николай Огарев, сподвижник и друг Александра Герцена, и адмирал Федор Ушаков, один из основателей Черноморского флота, и замечательный историк Василий Ключевский, и скульптор Степан Эрзя, которого называли русским Роденом. А теперь вот и Сергей Ахромеев...

Не отдать должное талантам маршала нельзя. Ведь не каждый курсант Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, принявший боевое крещение в июле 1941 года под Ленинградом, стал маршалом. Не каждый офицер, закончивший войну комбатом, стал начальником Генерального штаба...

Розы, вокруг одни розы. Ну а где же шипы? Вот они. Самое, пожалуй, загадочное, в военной карьере Сергея Ахромеева, напускает туману многоопытный автор, то, что звание маршала он получил в 1983 году, будучи первым заместителем начальника Генерального штаба. Это не маршальская должность, и второго такого случая история советского Генштаба не знает.

Автору не дает покоя мысль: так что же все-таки привлекло президента Горбачева в маршале Ахромееве? Преклонный возраст, силы на исходе, и вдруг такой говоловокружительный взлет... Тщательному анализу подвергается Ахромеев-стратег, Ахромеев-историк, Ахромеев-человек. Выводы не в пользу нашего героя: консерватор, лукавый царедворец, не очень щепетильный в быту.

Ответа на главный вопрос, почему Горбачев остановил свой выбор на Ахромееве, нет. Собственно, он и не нужен. Нужно, чтобы об этом задумалась просвещенная публика, сама страдающая от своей невосребованности. Расчет достигает цели: такой публики на Руси хоть пруд пруди.

Публика попроще обойдется без интеллигентских всхлипов. Она любит лобовые ходы. Вот образчик публицистики для простонародья: «О личной жизни и карьере маршала Ахромеева известно мало. Звезд с неба он не хватал, войну с Германией закончил 23-летним комбатом. Таких в нашей стране — тысячи. Но из всех из них одному Ахромееву словно бабка наколдовала: именно в годы пресловутого «застоя» он делается первым заместителем начальника Генштаба и на этой не «маршальской» должности получает высшее в Советской Армии воинское звание. И вскоре становится начальником Генштаба.

В декабре 1988 года Ахромеев уходит в отставку с этого поста, и «президент» тотчас приглашает его на ответственный пост своего военного советника. Почему именно Ахромеева? Чем отставной вояка так по-

нравился «президенту»? И какую роль Ахромеев играет в этом высоком качестве?»

Удивительная синхронность в постановке вопроса, не правда ли? С одной стороны, их поднимает респектабельное издание, любимая газета московских либералов. С другой — мало кому известный листок, только-только начавший выходить в свет, и, кажется, уж несколько лет как благополучно почивший в бозе. И тем не менее странное, чуть ли не дословное совпадение аргументов, как будто они сочинялись в одном координирующем центре.

Это впечатление усиливается по мере углубления в текст другой публикации. «Будучи заместителем, а затем начальником Генштаба Советской Армии, Сергей Ахромеев, к счастью, ни одной войны не выиграл. Все «малые» войны, которыми ему пришлось по должности руководить через военных советников (а войн было много: в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Никарагуа, Сальвадоре и пр. и пр.), Ахромеев «блистательно» проиграл, слава Богу! Но самые тяжкие испытания выпали на долю Ахромеева как стратега в Афганистане и в Ираке. Такого позора, такого потрясающего крушения не испытывал даже герой известной песенки, помните — «Мальбрук в поход собрался, наелся кислых шей...»

Вот я и думаю: чего хорошего и дельного может посоветовать «президенту» Мальбрук нашего, советского происхождения? Впрочем, маршал не скрывает своих взглядов, он выступает с ними в прессе, с трибуны сессий Верховного Совета СССР как «народный» депутат и пр.»

Вот что раздражало оппонентов — взгляды Ахромеева! А что касается советского военного присутствия в ряде стран, то это, наверное, все же лучше, чем объявлять Московский военный округ прифронтовым: ведь за Смоленском уже иностранная держава — Беларусь. Да, ничем не восполнимы жертвы войны в Афганистане — знали газетеры, на чьи раны сыпать соль (вот он, человек, погубивший ваших сыновей в Афгане, ату его!), но число погибших за все годы пребывания Ограниченного советского военного контингента в Афганистане не идет ни в какое сравнение с потерями, которые понесли российские вооруженные силы в Че-

чне. Убито более ста тысяч человек, ранено и изувечено — свыше трехсот тысяч. И это — на своей территории!

Злостью и ненавистью к Ахромееву дышит каждая строка. «Отвечая на вопрос журналистов, как «президент» относится к военным вопросам, Ахромеев сказал: «Президент понимает, что такой организм, как вооруженные силы, является одним из важнейших в системе государства. Последние годы на многих конкретных примерах президент убеждался, что на наши вооруженные силы высшие органы государственной власти могут действительно положиться».

Прочитывая этот фрагмент, автор публикации задается вопросом: какие же это конкретные примеры? И глубокомысленно просвещает нас, темных и неразумных: «Ну, тут гадать не приходится: все кровавые преступления наших вояк против мирных людей — в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Азербайджане и пр. и пр.». Как будто Баку — это не Азербайджан! Ахромееву приписывается, что он якобы посоветовал Горбачеву «вывести 28 марта войска против митинговавших москвичей». Ну и, разумеется, к «подвигам» маршала относится разгром авторов первого тома многотомного труда «Великая Отечественная война советского народа». Как будто авторы разоблачительных публикаций читали этот самый пресловутый том. С чьего голоса они писали, ясно без комментариев.

Попытка вбить клин между президентом и его военным советником приобретает далеко не цивилизованные формы. Утверждается, что полковник Горбачев «тянется во фронт» перед маршалом Ахромеевым. «А что — вместе шлодили, вместе придется и отвечать, — прогнозировал очередной спаситель Отечества. — Только вот какая штука: румынский коллега «наших» — вор и палач своего народа Чаушеску — тоже возлагал все надежды на армию, на танки и автоматы одуряченных вояк. Но — крепко ошибся».

Такие публикации вынужден был читать Сергей Федорович. Кто расскажет, что он при этом чувствовал?

Как ни глубока была обида, внешне маршал не показывал, что он уязвлен. Личное прятал от постороннего взгляда. Конечно же сильно переживал. Но на первое место ставил государственные интересы. Он

защищал не себя — армию, генералитет, которые подвергались шельмованию с невероятной жестокостью.

Мудрый от природы, обладающий острым, аналитическим складом ума, прошедший прекрасную школу концептуального мышления в Генштабе, Ахромеев в начале 1991 года выступил со статьей, в которой в свойственной ему манере бескомпромиссно изложил свое видение причин оголтелой травли генералитета Советской Армии. «Теперь стало понятно, — рассуждал маршал, — почему Б. Н. Ельцин и его команда так настойчиво выступают вот уже в течение трех лет против генералов и адмиралов». Замысел был хитроумный: если бы генералов удалось «опорочить в глазах народа» и отстранить от руководства армией, то Ельцину было бы легче «путем массовых демонстраций, бойкотов и забастовок свалить верховные органы власти нашей страны, осуществить свои долгосрочные цели».

Маршал — в который раз! — снова выше личных обид, снова радеет за страну и ее вооруженные силы.

По его мысли, в период, когда общество стало многопартийным, армия не имеет права вмешиваться в межпартийные споры. Армией это понято и усвоено. В стане противников — неописуемый восторг по поводу, прямо скажем, не совсем ожидаемой сговорчивости маршала. Уж не осознал ли?

Однако следующий тезис не оставлял сомнений в истинности намерений твердокаменного коммуниста, лишал демократов надежд, что Ахромеев переметнется в их лагерь. «Но, — тут же предупреждал маршал, — вооруженные силы защищают ценности, закрепленные нашей Конституцией».

Стало быть, армия против массовых демонстраций, забастовок, бойкотов? Этого демократы снести не могли. Армия должна защищать ценности, закрепленные Конституцией? Знаем-знаем, какие «ценности» закрепила сталинско-брежневская «конституция», — обрушился на упрямого военачальника новый шквал памфлетов и фельетонов. От этих «ценностей» наш многострадальный народ не может опомниться до сих пор...

Ну, не сюр ли? Существовало могучее, хотя уже и надломленное государство со всеми его атрибутами — Конституцией, президентом, парламентом, кабинетом министров, прокуратурой, судебной властью,

и вот находятся люди, которые публично глумятся над основным законом этого государства, пишут слово «конституция» в кавычках и т. д. Разве возможно такое в цивилизованной стране, в тех же США? Там бы сразу нашли управу на умников, посмевших публично оскорблять Конституцию.

Доморощенные демократы с ненавистью писали, что СССР — тоталитарное, фашистского типа государство, в котором поруганию подвергалось все, что в других странах считалось национальными святынями и охранялось силой закона. Вдоволь поизмывавшись над государственными символами великой страны и ее виднейшими деятелями, новоявленные нигилисты вкривь и вкось толковали значение ахромеевского термина «ценности, закрепленные в Конституции».

«По Ахромееву, — мудрствовал один из авто-ров, — наша армия должна не только «пресекать» массовые демонстрации, забастовки, бойкоты и пр., но и «охранять ценности», лично принадлежащие маршалу и его вороватым коллегам. У Ахромеева — великолепная двухэтажная дача под Москвой, построенная, между прочим, за наш счет, читатель. Маршал не очень-то различает грань между оборонными расходами и личными. Так, в августе прошлого (1990) года он один, в стоместном самолете ТУ-134 «прогулялся» по маршруту Москва—Николаев—Сочи—Москва. Приложил все силы для того, чтобы сорвать работу комиссии Верховного Совета СССР по привилегиям и вывести всех генералистских Мальбруков, уличенных в прямом присвоении «социалистической» собственности, из-под удара депутатов. «Воры в законе» понимают, что в единстве — их сила...»

Все в этом пассаже опрокинуто вверх дном. Не «прогуливался» военный советник президента Горбачева в гордом одиночестве в «стоместном ТУ-134» по указанному маршруту. Ахромеев был на борту авиалайнера только на отрезке Николаев — Сочи. Посмотрите на карту: столь ли велико расстояние? Присовокупите сюда и следующее немаловажное обстоятельство: «стоместный ТУ-134» не аэрофлотовский, не отнятый у томившихся сутками в залах ожидания рядовых авиапассажиров, а из специального президентского авиаотряда, обслуживавшего высших должностных

лиц государства. Да будет вам известно, аналогичное подразделение воздушных судов существует по сей день! А грандиозный скандал, разразившийся в конце лета 1993 года в верхних эшелонах российской власти вокруг имени Якубовского, показал, что при победивших в борьбе против привилегий демократах на правительственных самолетах в гордом одиночестве совершают воздушные прогулки не маршалы и Герои Советского Союза, а всего лишь лейтенанты запаса, да и то жулики. Или тещи высокопоставленных российских чиновников — из США в Москву. И, странное дело, никто не задает вопрос, который в свое время задал Ахромееву парламентарий и академик Арбатов и который с восторгом и умилением без конца цитировали во многих изданиях: «Правда ли, что наши ВВС сжигают в три раза больше горючего, чем Аэрофлот?» Более того, новые демократические маршалы продают самолеты за бесценок родственникам-бизнесменам.

Сегодня, когда мы столько узнали о коррупции в кремлевских кругах, о многомиллиардных валютных счетах за рубежом и роскошных виллах, о «мерседесах» недавнего российского министра обороны, оформленных на некоего прапорщика, детским лепетом представляются тогдашние обвинения в адрес Ахромеева. За военным советником Горбачева стояла армия, и этого откровенно боялись. Надежд, что маршал переметнется к противникам государства, не оставалось. И тогда обратились к старому, как мир, испытанному средству — компромату на почве бытовухи.

Притчей во языцех стала маршальская дача. Читателям и зрителям постоянно вдалбливали в головы, что этот великолепный двухэтажный особнячок за их счет построен. У Ахромеева вот есть, а у вас нету... Разжигали зависть, озлобление. Попытки дать объективный портрет военного советника президента дружно пресекались. По «кравченковскому» телевидению показали документальный фильм о маршале — было это весной девяносто первого года. Через день газеты выстрелили издевательскими комментариями — в фильме, мол, Ахромеев жалуется, как он плохо живет. Никто не пропустил сцену, когда маршал, показав на лежавший на стуле мундир, произнес с обидой:

— Видите, даже повесить некуда...

А ведь так и было! Дача-то казенная, со строго, по-военному учтенным количеством стульев, без каких-либо излишеств, только для отдыха. Неужели маршал великой державы (их всего-то за годы существования Советского Союза был 41 человек), фронтовик, прошедший Великую Отечественную от звонка до звонка, Герой Советского Союза, отдавший жизнь укреплению боевого могущества своей Родины и ее защите, не заслужил того, чтобы старость провести в скромном по сегодняшним меркам домике за городом? Попрекать куском хлеба человека, который в июле сорок первого принял боевое крещение, а потом пять лет подставлял голову под вражеские пули, защищая отцов нынешних прогрессистов-умников от Бабьего Яра и Треблинки? Ахромеев закончил войну комбатом, а комбаты, как известно, не генералы, сидевшие в штабах под надежными укрытиями. Задача комбата — первому подняться в атаку и повести за собой других под огнем противника.

Вырывая из пасти друг у друга вожаделенные жирные куски, прогрессисты-умники удовлетворенно урчали, крепкими клыками вгрызаясь в добычу. Министр обороны Язов отдал приказ о проведении ревизии дачного фонда, поскольку имелись факты, когда расходы на его содержание превышали установленные нормы. Еще до результатов ревизии общественность была оповещена, что обнаружались случаи, когда разница производилась за счет средств по смете Министерства обороны, а не за счет личных средств арендаторов. «Но ведь в число арендаторов входит и военный советник президента Ахромеев», — вкрадчивыми голосами ворковали с экранов теледиды. К слову, предсказания не сбылись, маршал оказался порядочным и в быту. Порядочность его была исключительна, она возводилась им в высшую степень даже в мелочах: уходя из жизни, он не забыл оставить деньги за обеды в кремлевской столовой — за них платили в конце месяца. Эта деталь потрясает. Она отвергает измышления о корыстолюбии военачальника.

Ничего, кроме горькой усмешки, не вызывают сегодня тогдашние обвинения в том, что Ахромеев сорвал работу комиссии союзного парламента по привилегиям. Нынче даже последняя домохозяйка понимает,

кому оказалась ненужна эта комиссия. Современные хозяева просторных кабинетов давным-давно превзошли своих предшественников-партократов, которым и не снилось то, что сейчас имеют их недавние обличители. Несчастливого маршала Ахромеева безжалостно шпыняли и травили за развалившийся казенный холодильник, который он выкупил в военном ведомстве — привыкла семья за много лет пользования. Дотошные прогрессисты подсчитали — стоимость холодильника занижена на двадцать рублей. Какой визг поднялся! Будто маршалу только и дел, что цены жестянок подсчитывать.

Странно, что никто не интересуется, во сколько обошлись теремки в Подмосковье для высших военных чинов новой российской армии. Те самые особняки, под шумок приватизированные демократически настроенными генералами. О них министр обороны Грачев заявил на заседании правительства России, что министерство будет защищать свои особняки с оружием в руках. Это — в ответ на предложение министра социальной защиты Эллы Памфиловой продать вышеозначенные теремки на аукционе, а вырученные средства направить на нужды малообеспеченных слоев населения. С подобным предложением она выступила в девяносто втором году, а к девяносто пятому демократический генералитет новой России выстроил себе такие хоромы, о которых в советские времена не могли мечтать даже маршалы. Правда, некоторых, с учетом заслуг перед новыми властями, все же не забыли.

Двадцать первого ноября 1991 года тогдашний заместитель министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск генерал-полковник Николай Чеков обратился с письмом к председателю Фонда государственного имущества СССР Станиславу Ассекритову, в котором просил делегировать Министерству обороны «право создания комиссии по приватизации принадлежащих ему деревянных дачных строений».

В служебном письме от двадцать восьмого ноября 1991 года Ассекритов разрешает Министерству обороны создать такую комиссию. Но министерство умеет мыслить масштабно. Не обратив внимание на то, что ему лишь разрешено создание комиссии, девятнадца-

того декабря министр обороны маршал авиации Евгений Шапошников издает приказ, в котором предоставляет право выкупа дачных строений Министерства обороны ветеранам Вооруженных Сил СССР, генералам и так далее.

Министр социальной защиты населения России Элла Памфилова пишет в правительство о противозаконности действий Минобороны и просит передать кирпичные дачи под социальные нужды населения или сдать их в аренду для тех же целей.

Но и главком ОВС СНГ не лыком шит. Тридцать первого января 1992 года он обращается с письмом к президенту Ельцину, в котором просит разрешить выкуп дач: «Учитывая сложившуюся в настоящее время социальную напряженность в Вооруженных Силах, положительное решение этого вопроса имело бы важное политическое значение, свидетельствующее о социальной защищенности ветеранов Вооруженных Сил...».

Резолюция президента России появляется, конечно же, не на письме хрупкой женщины, а на обращении главкома. Воспроизвожу ее дословно: «Г. Э. Бурбулису. Прошу поддержать и принять необходимое в связи с этим решение».

Геннадий Эдуардович, однако, резко высказался против идеи военного министра и предложил отдать особняки генералов под социальные нужды обнищавшего российского населения.

Но не тут-то было. В генеральской среде пошла гулять версия о том, что «президент разрешил». Да и в ответ на очередное письмо Шапошникова заместитель председателя Госкомимущества России В. Сычкин дал разрешение «на приватизацию оцененных комиссией Госкомимущества дач».

Процесс пошел с восемнадцатого февраля 1992 года. Маршалам и генералам продавали кирпичные особняки — с коммуникациями, бытовыми и другими вспомогательными сооружениями и объектами по ценам их балансовой стоимости на момент сдачи в эксплуатацию (1980-е годы). То есть по 200—300 тысяч рублей каждый. Или в десять раз меньше их подлинной стоимости. К примеру, дача № 16, оцениваемая военными в 362 тысячи рублей, на момент продажи стоила 3 миллиона 590 тысяч рублей. И это без учета

стоимости объектов общего пользования, коммуникаций и прочих мелочей.

Естественно, полетели возмущенные письма граждан, отстаивавших демократию у стен Белого дома в августе 1991 года. И тогда в бой включился генерал армии Павел Грачев, министр обороны.

«Уважаемый Борис Николаевич! — пишет он Ельцину. — В ноябре 1991 года Фондом имущества СССР разрешена продажа служебных дач Министерству обороны. Вами было разрешено выкупить служебные дачи МО. Вся оценка и продажа служебных дач были проведены с разрешения Госкомимущества».

Далее следует гвоздь программы: «Полученные в ходе проверки расчеты стоимости служебных дач в ценах 1992 года составляют сотни тысяч и миллионы рублей. При такой стоимости ветераны, генералы и офицеры приобрести их в личную собственность не в состоянии. Это порождает многочисленные жалобы, в которых высказываются опасения о продаже дач с аукциона. С учетом изложенного, а также принимая во внимание, что значительная часть личных средств была внесена в 1991 году, прошу вашего разрешения на завершение оформления купли-продажи служебных дач в ценах 1991 года».

Ельцин, похоже, был удивлен некоторыми фразами. Неспроста на полях он делает пометку: «Где разрешение?» И пишет в углу: «А. Б. Чубайсу. Ваше мнение?»

Двадцать пятого сентября 1992 года главный учредитель России докладывает президенту: «Учитывая, что дачные строения бывшего Министерства обороны СССР приобретаются ветеранами Вооруженных Сил, генералами, адмиралами и офицерами, имеющими заслуги перед Вооруженными Силами, посвятившими свою жизнь делу защиты отечества, доводы Министерства обороны Российской Федерации о завершении продажи указанных дачных строений в ценах 1991 года нахожу убедительными. Поскольку такая льгота потребует всего немногим более 130 миллионов рублей, считаю целесообразным ее предоставить».

Ровно через семь дней Ельцин дает ответ: «Разрешаю завершить продажу по ценам конца 1991 года». Наблюдатели отметили, что именно в это время министр обороны заявил: армия за президента — и в огонь, и в воду.

Выкупившие за бесценок «теремки» генералы положили глаз и на земельные участки вокруг особняков.

Размеры земельных участков в несколько раз превосходили выделяемый в России бесплатно земельный минимум. Об этом незамедлительно заявили депутаты Красногорского горсовета Московской области. Горсовет пришел к мнению о незаконности подобной приватизации и направил в Верховный Совет искивые заявления о признании сделок купли-продажи дач недействительными. Аналогичные заявления поступили и в Генеральную прокуратуру России.

А что говорят юристы? Дачи Министерства обороны относятся к разряду федеральной государственной собственности России, на них распространяется требование ст. 96 Гражданского кодекса РСФСР. Согласно этой статье государственное имущество не подлежит отчуждению гражданами, кроме отдельных его видов, продажа которых гражданам допускается постановлениями Совета Министров России.

Правительственного постановления о продаже дач генералитету в России не издавалось. А основными положениями государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год, утвержденных указом президента, приватизация имущества вооруженных сил запрещена.

Стало быть, аппарат снова распределял блага? Не только распределял, но и погряз в коррупции. Не стали исключением и военные. На них постоянно заводятся уголовные дела — на генералов армии и адмиралов флота, не считая каких-то там генерал-майоров и полковников.

Угодил под следствие даже герой обороны Белого дома в августе 1991 года генерал армии К. Кобец. Власти вынуждены были применить к нему меру пресечения — заключение под стражу. И это несмотря на прежние заслуги перед российской демократией, возраст и высокое должностное положение главного военного инспектора — заместителя министра обороны. За всю историю двадцатого века в России это первый случай, когда столь высокопоставленного военного, по сути маршала пехоты, сажают в следственный изолятор — не по политическим мотивам, а за банальную уголовщину.

Генеральские мундиры в современной России не вызывают ни уважения, ни почтения. Генералы ведут себя как мелкие урки. Бывший главный инженер войск ПВО генерал-майор Владимир Иштук, приговоренный Военной коллегией Верховного суда к четырем годам лишения свободы с конфискацией половины имущества, «скрылся из лечебного учреждения», где находился в момент вынесения ему приговора. С июня 1995 года МВД разыскивает «больного» генерала, сбежавшего из-под носа Верховного суда с диагнозом «ишемическая болезнь сердца, гипертонический криз».

Горькую улыбку вызывает сопоставление художеств нынешних военачальников с упреками маршалу Ахромееву за купленный им старый холодильник.

В который раз перечитываю многостраничную стенограмму июньской пресс-конференции. Где разгадка тайны кончины маршала? Может, в этих словах, сказанных по поводу первого тома истории Великой Отечественной войны под редакцией Д. Волкогонова:

— Предвоенный период, двадцатые и тридцатые годы, перевернут с ног на голову. Там все превращено в черноту. Отрицается все, что произошло в стране после Октября. Да, тогда был сталинизм, насилие над народом. Но народ строил основы социализма. Я сам видел, я родом оттуда, из этих годов...

А может, здесь:

— Не считаете ли вы, что нынешняя ситуация сходна с той, которая была накануне войны? Мы остались без союзников, даже без Монголии...

— Да, — ответил маршал. — Сходство есть. Тогда создавалась опасность самого существования СССР. Сегодня тоже налицо такая опасность.

Или в этих словах ключ:

— И у меня с президентом есть расхождения...

Документ для истории

Это было последнее интервью маршала Ахромеева. Думается, оно во многом проливает свет на личность этого человека, на образ его мышления, на то, были ли у него расхождения с Горбачевым.

— Сергей Федорович, в чем, на ваш взгляд, одна из крупнейших причин трагедии 1941 года?

— Грубая военно-стратегическая ошибка Сталина в оценке обстановки. Он не верил, что Гитлер мог напасть на Советский Союз и одновременно вести войну с Великобританией. Видимо, Сталин исходил из уроков первой мировой войны, когда Германия из-за того и потерпела поражение, что воевала на два фронта. Сталин был диктатором, считал, что он умнее всех, дальше всех видит, и методы управления у него были диктаторские, не демократические, возражать ему никто не смел. Поэтому даже военный атташе в Берлине, сообщая о подготовке Германии к войне, делал оговорку: считаю, мол, что все эти данные подбрасываются нам специально британской разведкой с целью столкнуть Германию и Советский Союз. Из-за этой стратегической ошибки Сталина начальный период войны был выигран Гитлером, по существу, еще до первого выстрела, до двадцать второго июня. Вот к таким просчетам, к такой трагедии народа привел диктаторский метод управления, метод единоличной власти.

— Многие годы историю Великой Отечественной войны писали в угоду различным политическим деятелям, стоявшим у руля власти. Будет ли когда-нибудь у нас действительно объективная книга о войне?

— Сейчас создан большой авторский коллектив по написанию такого труда. Однако слова из песни не выкинешь — произошел затор. Мы должны были еще в прошлом году выпустить первый том. Руководил его созданием генерал-полковник Волкогонов. Том посвящен предвоенному периоду. Когда я как заместитель председателя редакционной комиссии получил этот том и прочел его, сразу написал всем членам редакционной комиссии, что выпускать в таком виде нельзя, что надо перерабатывать.

Предвоенный период, двадцатые и тридцатые годы, был перевернут с ног на голову. Там все превращено в черноту. Отрицается все, что произошло в стране после Октябрьской революции. Отрицается, что шло социалистическое строительство. Да, тогда был сталинизм, репрессии, насилие над народом. Но народ строил основы социализма. Меня, например, убеждать в этом нечего. Я сам родом оттуда, из этих годов.

Я сам видел, как люди работали, с какой самоотверженностью. А у Волкогонова все это оказалось перечеркнутым. Комиссия предложила ему написать новый вариант. Получилось еще резче, еще нигилистичнее. И тогда Волкогонова освободили от руководства авторским коллективом. Сейчас для этой цели создана новая группа ученых. Нам нужен действительно правдивый научный труд — войну-то ведь мы все-таки выиграли, а не проиграли.

— Не считаете ли вы, что нынешняя ситуация сходна с той, которая была накануне войны? И сейчас мы остались без союзников, даже без Монголии — единственной страны, на которую мы могли рассчитывать перед началом Великой Отечественной войны. Сталин не обладал военным образованием, да и нынешний Верховный главнокомандующий тоже.

— Думаю, что для президента не обязательно иметь военное образование и подготовку. Общее понимание военных проблем у него есть, это я заявляю вам ответственно. А это главное.

Относительно сходства нынешней ситуации с той, которая была в 1941 году. Тогда создалась опасность самого существования СССР. Сегодня тоже такая опасность создалась. Вот какую аналогию я имею в виду.

— А не следует ли понимать увязку 1941 года с 1991-м в том плане, как Сталин выслушивал советы в 1941 году?

— Этот вопрос я оставляю на вашей совести.

— Есть ли у вас расхождения с президентом по военным вопросам, и если есть, то в чем их суть?

— Я таких двух человек не знаю, у которых не было бы расхождений. Но только у нас разное положение. Я — советник, а он — президент. Я могу советовать, могу убеждать его, а он должен принимать решения. И, кстати, нести ответственность тоже должен он.

— В своей статье в «Военно-историческом журнале» вы назвали генерал-полковника Волкогонова антикоммунистом. Считаете ли вы, что только коммунист может правильно и справедливо оценивать историю войны?

— Я назвал его антикоммунистом не за то, что он мне не нравится, а за то, что он искажает историческую действительность. У нас с ним идет спор

о том, как правильно оценивать предвоенный период. По этому поводу мы с ним придерживаемся прямо противоположных позиций. Слово «антикоммунист» в Советском Союзе не является ругательным. Я коммунист, а Волкогонов антикоммунист. Я антикапиталист, а Волкогонов не знаю кто — защитник капитализма или нет. Поэтому это обычная констатация факта. И идейный спор. Меня критикуют за то, что я его называю перевертышем. Но и это слово означает констатацию факта. Ведь Волкогонов, обладая бойким пером, с двадцати лет восхвалял Советскую власть, написал десятки книг, заработал на этом все, что только можно, материально себя обеспечил на всю жизнь. И вдруг начинает проповедывать другую философию. Я не обвиняю Волкогонова, я даю его поведению нравственную оценку. Извините, кто, как не коммунисты, имеет право высказать свою точку зрения на прошедшую войну? Партия достойно выполнила свою обязанность перед советским народом и доблестно защищала страну. О потерях среди коммунистов, надеюсь, вам не надо напоминать. Они исчисляются миллионами. Так что, право оценивать историю войны, выигранной коммунистами, они должны отдавать другим?

— Была ли какая-нибудь польза от высших партийных руководителей на фронтах? Приходилось ли вам видеть их в деле?

— Хрущев, Жданов, Булганин были в войну членами военных советов на очень важных фронтах. Я считаю, что эти люди вели себя мужественно, смело и все, что они могли делать как члены военных советов, они делали. Они не были стратегами, не принимали каких-то крупных оперативно-стратегических решений, не управляли боевыми действиями. Они делали другое — помогали материально обеспечивать войска, поддерживали должное политико-моральное состояние людей. Держались они достойно. Во всяком случае, на Ленинградском фронте лично, будучи командиром стрелковой роты, видел в окопах Жданова. Правда, за всю войну это был единственный случай. Других крупных деятелей партии на передовой видеть не приходилось.

— Ваш рассказ о том, как пишется сейчас история

Великой Отечественной войны, вызывает достаточно серьезное беспокойство. Не будет ли опять написана заказная история? Не разумнее было бы объявить конкурс? Пусть лучший из трудов получит признание народа...

— Это невозможно. Огромный, десятилетний труд, рассчитанный на десять лет работы, не под силу маленькому коллективу и тем более одиночке. Нужен огромный коллектив только для написания. А рецензирование, доработка, доводка до соответствующего научного качества? Думаю, что в данном случае метод принят правильный.

— **Какая цифра потерь в Великой Отечественной войне, на ваш взгляд, наиболее близка к истине?**

— Я знаю данные только по военным потерям. Потери гражданского населения не входят в компетенцию Министерства обороны. Мы их не рассматриваем и не изучаем. Что касается военных потерь, то есть погибших, не вернувшихся домой с войны военнослужащих и партизан, то их численность составляет 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Из них только в 1941 году погибли 3 миллиона 138 тысяч человек. Если говорить о пленных, то всего за войну пропали без вести и попали в плен 3 миллиона 396 тысяч 400 человек. Из них вернулись домой из плена после войны 1 миллион 836 тысяч человек. То есть почти половина. Остальная половина погибла в плену. Госкомстат считает, что мирного населения погибло около 19 миллионов человек. Это по их подсчетам. В итоге получается 27 миллионов.

— **Многие с обидой задают вопрос: до каких пор у нас будет существовать формулировка «пропавший без вести»?**

— Да, это горькая и несправедливая формулировка. Пропадшим без вести называют того, кто пошел на войну, скорее всего погиб, а подтверждений, что с ним случилось, нет. Как он погиб, где погиб — это документально не зафиксировано. Согласен, нужно найти какую-то другую формулировку. Сейчас все погибшие равны, все они были защитниками Родины.

— **Перед отъездом в США Ельцин сказал, что механизм нажатия ядерной кнопки продолжает быть прежним, за исключением одного новшества — теперь кнопку нажимать нельзя без разрешения России. Так ли это?**

— Я не имею близкого общения с Ельциным, поэтому комментировать его слова не могу. Что касается механизма нажатия кнопки, то у нас, как и в других государствах, порядок применения ядерного оружия установлен законом. Об его изменении мне ничего не известно.

— Вы говорили, что в 1941 году Сталин игнорировал послания и донесения своих военных советников. Вы являетесь советником президента СССР. Давали ли вы какие-либо консультации Горбачеву при ситуации, которая возникла в Вильнюсе 13 января этого года?

— На этот вопрос отвечено в сообщении Прокуратуры СССР о ходе следствия в связи с событиями в Вильнюсе. Генеральный прокурор четко сказал, что президент и министр обороны об этом не знали. Решение о введении войск принимало местное командование. Стрельба уже шла, когда было принято решение применить воинское подразделение.

— Ваша точка зрения на судьбу Тухачевского? Какую версию вы разделяете: это была провокация немецкого командования или нашего великого кормчего?

— Сталин издавна не любил Тухачевского. В 1919 году Сталин был членом Реввоенсовета Южного фронта, а Тухачевского в январе 1920 года назначили командующим этим фронтом. Тухачевскому было тогда 26 лет. Во время советско-польской войны Тухачевский был командующим Западным фронтом, а Сталин — членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Между этими фронтами происходили трения. Таким образом, неприязнь Сталина к Тухачевскому сохранилась еще с гражданской войны.

Когда начались массовые репрессии, то, наверное, Тухачевский на прицеле у Сталина был непременно. Тем более что Тухачевский был очень прямой человек. Не думаю, что он какие-то заговоры учинял. Он открыто говорил, что Ворошилов — это не тот человек, которому можно доверять пост наркома обороны, он не подготовлен для того, чтобы занимать такую должность. Этим самым он еще больше усложнил обстановку, приобрел в качестве противника своего непосредственного начальника — Ворошилова. А тут и данные, подброшенные через Прагу, оказались ко времени. Сталину они были как нельзя кстати. Остальное было делом техники.

— **Вы отрицательно относитесь к Сталину?**

— Я очень хочу сам написать о Сталине. Его личность очень противоречива. Никто сейчас не отрицает, и я в этом глубоко убежден, что Сталин принес огромные бедствия советскому народу, что он диктатор, что многие его действия можно квалифицировать как преступления. Но наряду с этим разве можно отрицать, что Сталин достиг крупных военно-дипломатических успехов? Ведь двадцать лет формировалась антисоветская коалиция в предвоенный период. А в 1941 году оказалось так, что на одной стороне были Гитлер и Муссолини, а на другой — Сталин, Черчилль и Рузвельт. Разве это не говорит о нем как о талантливом политике? Немало таких примеров можно привести и во внутренних делах. В истории нужно быть объективным.

— **Исключаете ли вы возможность нападения на СССР в настоящее время? Или, по крайней мере, наличие военной угрозы?**

— Любое государство, которое имеет свои интересы в мире, должно иметь вооруженные силы, соответствующие той степени опасности, которая существует на сегодняшний день. С 1945 по 1985 год — целых 40 лет — обе стороны внесли достаточно для того, чтобы военное противостояние дорого всем нам обошлось. Я считаю, что сегодня непосредственной угрозы для Советского Союза нет. Впрочем, ее нет и для любого другого крупного государства — США, Великобритании, Франции, Германии. Непосредственная угроза войны отодвинута. Но военная опасность существует. Я настолько часто говорил, откуда она исходит, что мне не хотелось бы еще раз сегодня это повторять.

— **Существует точка зрения относительно бессмысленности защиты Ленинграда, напрасности блокадных жертв. Если бы пал Ленинград, устояла бы Москва?**

— У немцев на советско-германском фронте были три крупнейшие группировки — Ленинградская, Московская и Южная. Так вот, если бы Ленинград пал, то высвободилась бы миллионная группировка немецких войск. Мощнейшие соединения стояли под Кронштадтом, Ораниенбаумом, где на знаменитом пятачке мне пришлось воевать, на Карельском перешейке, в районе Тихвина, Новгорода — это же огромный фронт рухнул

бы. Все это с севера пошло бы на Москву. Положение стало бы катастрофическим. Военно-стратегическая роль Ленинграда еще должным образом не оценена. Ленинградцы отстаивали не только свой город, они отстаивали вместе со всеми и страну.

— В конце второй мировой войны, несмотря на то, что по международному праву запрещалось расширение территории, Советский Союз присоединил к себе некоторые японские территории. Вы не считаете это ошибкой Сталина?

— В отношении Курильских островов я придерживаюсь позиции, которую заняло советское правительство.

— Советские войска до сих пор принимают участие в подавлении межнациональных конфликтов. Не связано ли с этим снижение имиджа Советской Армии?

— Нет. Я считаю, что в глазах советского народа имидж наших вооруженных сил не упал. Большинство советских людей как уважали свою армию, так уважают и сейчас. Дело в политической борьбе, которая идет в стране. И вот политический интерес одних сил устраивает армия в том виде, в каком она сейчас есть, а политический интерес других сил она не устраивает. Поэтому эти силы выступают против армии. Вот в чем главная причина. Кроме Вильнюса, Вооруженные Силы СССР используются по решению Верховного Совета и президента СССР. Это для нас, военных, высшие органы власти, которым мы подчиняемся и волю которых обязаны выполнять.

— Вы говорили, что существует много различных политических сил в нашем обществе, которые стараются использовать предвоенные и другие события в своих политических целях. Могли бы вы как-то охарактеризовать эти силы? Относите ли вы себя, а также группу генеральных инспекторов и другое высшее военное руководство к таким политическим силам?

— Я убежден — в стране идет борьба политических сил за власть. И если бы она шла конституционными методами, то никаких проблем бы не было. Но когда заявляют с трибуны — президента страны долой, а власть передать Совету Федерации, то это самый настоящий государственный переворот. Вооруженные Силы против такого решения вопросов. Они говорят:

нет, мы по долгу своих обязанностей являемся защитниками конституционного строя и защитниками Конституции. А вот отсюда, наверное, у разных политических сил и разное отношение к Вооруженным Силам, но это не значит, что Вооруженные Силы занимают какую-то свою политическую позицию, нет. Они не являются политической силой, они являются орудием существующего государства, существующей государственной власти. Те, кто законно избран, и руководят армией.

— **Итоги последних российских выборов показали, что морально-политическое единство народа и армии, что было одним из факторов победы в последней войне, нарушено. Большинство коммунистов — солдат и офицеров — на выборах российского президента высказались против кандидатов от КПСС. Не кажется ли вам, что средством восстановления этого единства в наше время должна быть департизация армии?**

— Вооруженные Силы уважают любое решение народа, лишь бы оно было произведено демократическим, законным путем. Они будут работать под руководством новых высших органов власти, независимо от того, чье там будет партийное большинство.

— **Напомните, пожалуйста, вехи вашей военной молодости.**

— Я начал службу в 1940 году в высшем военно-морском училище, собирался стать морским офицером. Окончил только первый курс. Войну встретил в Либаве, будучи на практике. Воевал с начала боевых действий. 1941-й год провел на Ленинградском фронте. А затем судьба так повернулась, что моряка из меня не вышло, присвоили мне звание лейтенанта, и уже на Сталинградском фронте стал командиром стрелковой роты. Войну закончил капитаном, командиром батальона в Австрии.

— **Вы были не только начальником Генерального штаба, но и членом ЦК КПСС...**

— Да, около десяти лет. И за обстановку в стране как бывший член ЦК КПСС я несу ответственность. И за обстановку в армии тоже, но в большей степени, хотя здесь больше виновато не военное руководство, а другие политические силы. Кто конкретно? Съезд народных депутатов, Верховный Совет. А персонально — президент СССР.

Такие вот ответы звучали на вопросы журналистов, собравшихся в зале, где проводилась последняя пресс-конференция маршала Ахромеева. Он не юлил, не уходил от остроты, отвечал прямо и честно, как жил.

Остается только делать предположения, строить догадки, что в действительности произошло в его служебном кабинете в Кремле. Как и в случаях с Пуго, Кручиной и предшественником последнего Павловым. Что побудило министра внутренних дел, двух управляющих делами и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС Лисоволика свести счеты с жизнью? Притом последних — одинаковым способом?

Ответить на эти вопросы крайне затруднительно.

Я неоднократно бывал в семье Ахромеева, знаком с его супругой, дочерью и ее мужем. Они не верят в самоубийство маршала. В своем расследовании, вошедшем в книгу «Маршалы и генсеки», я не исключал версию самоповешения. Но вот в августе 1998 года в газете «Труд» появилась статья С. Турченко «Тросик» для советника президента», и я засомневался.

Автор публикации обнаружил не объясненные следствием нюансы, в той или иной мере «диссонирующие» с официально принятой версией.

Во-первых, считает он, самоповешение, согласиться, для сугубо военного человека — крайне не характерная форма сведения счетов с жизнью. Еще более удивляет способ — в сидячем положении. Трудно поверить, что человек, никак не связанный с криминальным миром, где такой способ практикуется часто из-за «архитектурных особенностей» тюремных камер, сам мог дойти до такой придумки. Да еще и реализовать ее в помещении, где потолок будто специально оборудован всяческими крюками для тяжелых люстр. А синтетический шпагат (кстати, в предсмертной записке он назван «тросиком», будто Ахромеев писал ее до того, как лично увидел орудие повешения), который порвался при первой попытке? По данным следствия, в соседней комнате для секретарей его было полно. Оттуда, собственно, злополучный отрезок и был взят. Однако Ахромеев, собравшись с силами после неудавшегося самоповешения, вместо того чтобы просто взять но-

вый кусок шпагата да сложить его вдвое для прочности, ищет клеящую ленту и обматывает ею оборванные концы. Такое впечатление, будто он был закрыт в кабинете и не имел доступа в комнату секретарей...

Во-вторых, когда следователю Леониду Прошкину поручили расследование случившегося, то его долго не пускали к месту происшествия и в конце концов запретили взять с собой понятых. Ими стали... сотрудники госбезопасности, дежурившие в том же здании, где находился кабинет Ахромеева.

В-третьих, накануне трагедии 23 августа Сергей Федорович закончил работу над текстом выступления на сессии Верховного Совета СССР, которая была запланирована на 26 августа. Он обсуждал его с дочерью (у нее даже сохранился черновик). Ахромеев предполагал довести до сведения депутатов убийственные, как он полагал, факты предательства некоторыми высшими чиновниками СССР интересов государства. Вероятно, кому-то из них было крайне невыгодно, а может, и опасно такое выступление в наэлектризованный борьбой момент...

Почему бы, пишет С. Турченко, учитывая сказанное, не предположить и следующую версию?

Ахромееву, угрожая арестом и последующими репрессиями против семьи (тогда в это легко было поверить), предлагают единственный выход: самоубийство. Исполнители в соответствии со своим профессиональным опытом определяют ему и метод повешения. Затем дают синтетический шпагат из комнаты секретарей и закрывают маршала в кабинете на какое-то время.

Такая версия, по мнению С. Турченко (не претендующая, конечно же, на бесспорность) способна все же дать ответы на возникающие вопросы. К тому же на предположение о том, что маршала шантажировали благополучием семьи, невольно наводит и его предсмертное письмо к родным: «Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте. Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами. Прошу вас мужественно пережить эти дни. Поддерживайте друг друга. Не давайте повода для злорадства недругам...»

Спустя семь лет после этой странной череды само-

убийств стали открыто писать, что министр внутренних дел Пуго и его жена были застрелены неизвестными лицами. Сложнее с Павловым и Кручиной.

Кручину я знал хорошо, он производил впечатление совестливого и порядочного человека. Не могу ни в чем его упрекнуть. Обязательный, честный, доступный, простой в общении. И вдруг такая нелепая смерть.

Судмедэксперты и другие специалисты пришли к однозначному мнению — управляющий делами ЦК КПСС действительно покончил жизнь самоубийством.

Он оставил записку: «Я не заговорщик, но я трус. Сообщите, пожалуйста, об этом советскому народу. Н. Кручина».

Главный казначей партии выбросился в пять часов утра 26 августа с балкона своей квартиры на пятом этаже роскошного по тогдашним меркам дома в Плотниковом переулке.

Николай Ефимович Кручина родился в 1928 году. В 1953 году окончил Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт. Дальше — обычная карьера партийного функционера — от первого секретаря Новочеркасского горкома комсомола до заместителя заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК КПСС. С 1983 года — управляющий делами ЦК КПСС. В этой ключевой для Старой площади должности он устраивал и Андропова, и Черненко, и Горбачева.

Судя по обстоятельствам его гибели, не все там было ясно. И самое главное, неизвестны подлинные мотивы самоубийства. Что заставило опытного и умудренного человека приговорить самого себя к высшей мере наказания? Причастность к ГКЧП? Но такими материалами следствие не располагало. Скорее, считают в прокуратуре, подобная смерть связана с тем, что в субботу было опечатано здание ЦК КПСС, и Кручина опасался фактов, которые могли всплыть при просмотре его бумаг. Не исключалась, впрочем, и его импульсивность, эмоциональность. Люди, близко знавшие его, отмечали, что на него сильно подействовали события последней недели.

Пресса настойчиво муссировала обстоятельства ги-

бели главного казначея партии. Сообщалось, что следственные работники Ленинского района Москвы закончили проверку по факту смерти Кручины. По результатам расследования вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Заключение судмедэкспертизы и другие материалы проверки со всей очевидностью и категоричностью свидетельствовали: это было действительно самоубийство.

Много разговоров вызвали телевизионные сообщения о том, что в квартире Кручины был произведен обыск, в результате которого следователи Прокуратуры СССР изъяли ряд очень важных документов, проливавших, по мнению телеведущих, свет на засекреченную деятельность КПСС.

— Точно известно, — захлебываясь словами, верещала истеричная теледива, — что эти документы не попали в прокуратуру Ленинского района — по рангу не положено. О местонахождении досье Кручины отказались что-либо сообщить в Прокуратуре СССР, переадресовав нас в Прокуратуру РСФСР. Но и там в ответ на наши вопросы о досье — пока глухое молчание. Лишь из неофициальных источников нам удалось кое-что узнать о содержании документов, изъятых из квартиры управляющего делами ЦК КПСС.

По мнению теледивы, досье Кручины содержало сведения о валютном бюджете КПСС в каждой советской республике. Вместе с тем там были письменные просьбы высокопоставленных партаппаратчиков к Политбюро ЦК КПСС о необходимости создания на базе предприятий партии акционерных обществ закрытого типа.

— Самое, пожалуй, важное, — делилась доверенными ей секретами теледива, — что в досье Кручины имелись документы, свидетельствующие о том, что в системе КПСС существовал институт «доверенных лиц». Часть этих «доверенных лиц» руководила коммерческими структурами. В их обязательства перед Управлением делами ЦК входило прежде всего перечисление прибыли на счета парторганизаций, испытывающих недостаток членских взносов. Как следует из документов, существовали «доверенные лица» и другого рода, которые докладывали в ЦК КПСС и Полит-

бюро об обстановке в местных партийных организациях, попросту говоря, «стучали» на своих же товарищей по партии. Насколько многочисленной была сеть «доверенных лиц» ЦК КПСС — пока не ясно.

Далее следовали подробности, от которых стыла в жилах кровь и сердца законопослушных телезрителей замирали от приобщения к жгучим тайнам века:

— Досье Кручины найдено не в запертом сейфе, а на кресле у его стола в домашнем кабинете — аккуратно сложенное в отдельную папку. К сожалению, оно содержит мало прямых улик. Оно, пожалуй, может служить лишь ключом к разгадке технологии коммерческой деятельности КПСС в последние годы, лишь указателем в поиске «золота партии». Ведь написал же в одной из двух своих посмертных записок Николай Ефимович Кручина: «Моя совесть чиста».

5 сентября, выступая в программе «Вести», секретарь Московской конвенции предпринимателей М. Гуртовой вообще сразил зрителей, сообщив, что два человека, занятые поиском денег КПСС, таинственным образом исчезли.

О деньгах партии ходили самые невообразимые слухи. Один журналист так предварял свои откровения в газете: «Человек, который дал мне эту информацию, по-дружески предупредил, чтобы я без телохранителя на улице не появлялся. Человек, который дал информацию этому человеку, откровенно боится за свою жизнь, боится, что однажды он случайно или выпадет из окна, или попадет под машину, или попросту будет пристрелен. Этот банковский служащий видел финансовые документы, свидетельствующие о четырех крупнейших финансовых сделках, к которым имеют непосредственное отношение КПСС и Госбанк СССР. Речь идет о так называемых трансфертных операциях по переводу в общей сложности 280 миллиардов рублей в доллары. При этом рубли остались в Союзе, но уже на счетах неизвестных нам пока иностранных менял, а около 12 миллиардов долларов сконцентрировались на тайных спецсчетах за границей».

Тему «денег партии» усиленно подпитывали многие политики. Вице-президент Научно-промышленного союза А. Владиславлев давал такое интервью:

— Не сомневаюсь, что это творилось. Настолько все коррумпировано. Но говорить конкретно пока рано.

А вот слова будущего советника московского мэра и председателя комитета Госдумы России по приватизации П. Бунича:

— Я тоже в это верю. Безусловно верю. Но мы ничего не знаем. Абсолютно... А прорваться за эти семь печатей надо...

И только секретарь ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. Гидаспов нашел в себе мужество сказать:

— Я тоже слышал о трансфертных операциях. Но не думаю, что это было так. Потому что даже у трансферта все равно остаются следы. И поэтому, если кто-то и занимался такой деятельностью, он очень крупно рисковал. Навряд ли в Управлении делами ЦК КПСС нашлись бы смельчаки, которые пошли бы на такие безумные операции. Ведь, по сути дела, это расхищение народного достояния.

С Павловым лично я не был знаком, никогда с ним не встречался. Говорят, когда он узнал о том, что Кручина выбросился из окна, произнес:

— Вот мужественный человек. Я бы так не смог.

А через некоторое время и сам последовал за ним. А ведь ему было восемьдесят лет. После смерти Брежнева, при Андропове, он ушел на пенсию и исчез с политической арены. Последнее время часто болел и практически не появлялся на людях. Признаков насильственной смерти у него как будто не обнаружили, время падения из окна и наступления смерти совпадает.

Что это было — самоубийства или несчастные случаи? А может, еще что-то? Несомненно одно: оба высокопоставленных работника партии таили в себе информацию, об уровне которой можно только догадываться. Некоторые средства массовой информации не исключали причастности бывших управляющих делами ЦК к переводу партийных денег на Запад. Но это лишь предположения, не больше. Доказательств нет.

Это сейчас, спустя шесть лет после происшедшего, можно анализировать, сопоставлять, обобщать, приводить в систему разрозненные факты. А тогда никому

в голову не приходило, что, вопреки народной мудрости, второй снаряд упадет в ту же воронку.

Дело было в воскресенье, накануне дня «брежневской» конституции, примерно в десять часов сорок минут утра. Перед этим семья Павлова вместе позавтракала. Павлов ушел в свой домашний кабинет и запер дверь, якобы для того, чтобы ему не мешали отдыхать. Обеспокоенные его долгим отсутствием, родные вскрыли дверь и обнаружили, что кабинет пуст, а окно распахнуто. Нашли Павлова внизу, на траве. Я видел это место — невдалеке от стены свежо чернела земля, обозначая след от удара. Погибший был высоким, грузным человеком, весил около ста килограммов.

Жил бывший управделами в элитном, охраняемом доме — на улице Щусева, десять. Там когда-то жил Горбачев — до избрания генсеком. В одной из квартир прописана семья К. У. Черненко. Дом построили в бытность Павлова управляющим делами ЦК. Его так и называли — «дом Павлова». По аналогии со знаменитым домом сержанта Павлова в Сталинграде.

Родные самоубийцы были в шоке от происшедшего. В комнате аккуратно стояли домашние тапочки. Одет был в брюки и рубашку. На ногах носки. Ничто не предвещало этого поступка. Правда, рассказывали, что в последние два месяца он сильно сдал. Да и возраст был почтенный — более восьмидесяти лет.

Мог ли Павлов знать что-то такое, что смущало кого-то? На этот вопрос и сегодня нет ответа.

По одной из версий, например, он выбросился не из окна, а упал с балкона. Где доказательство того, что старый человек не оступился? Что у него не закружилась голова от внезапной слабости? Давайте вспомним гибель белорусского поэта Янки Купалы в гостинице «Москва» летом сорок второго года. До сих пор не ясно, отчего он упал в пролет лестницы. Сам или кто-то ему помог? Белое пятно в белорусской истории.

А на балкон, с которого якобы упал Павлов, он никогда не выходил. Кстати, балконов оказалось два. Когда стали разрабатывать эту версию, выяснилось, что балконами не пользовались. Выход на первый из них загорожен мебелью, а на второй, под кабинетом погибшего, — письменным столом. Никто никогда не видел Павлова на балконе.

Могут ли быть в этом деле неожиданные результаты? Могут. Если будут зацеплены нужные нити.

Прошло немного времени — и третий снаряд угодила в ту же воронку. 17 октября примерно в 21.30 недавний ответственный работник ЦК КПСС Дмитрий Лисоволик посмотрел программу теленовостей и вышел на балкон своей квартиры, чтобы покурить.

Лисоволик жил на улице Лизы Чайкиной, четыре. Дом хотя и не такой комфортный, как павловский, но тоже элитный. Лисоволик жил на последнем, двенадцатом этаже. Итак, выйдя на балкон, он закурил. И внезапно бросился вниз. Почти на глазах жены и сына. Они находились в комнате и с ужасом увидели, что он переваливается через перила. Когда они открыли балконную дверь, было уже поздно.

Никакой записки, объясняющей свой поступок, погибший не оставил. По мнению начальника 109-го отделения милиции майора В. Шемякина, это самоубийство.

Лисоволик был заместителем заведующего международным отделом, правда, пребывал он в этой должности непродолжительное время. До этого заведовал сектором США в том же отделе, который возглавлял секретарь ЦК Валентин Фалин. Еще раньше работал за рубежом.

Последнее время был не у дел. Получал пособие в связи с упразднением организации. Сильно переживал из-за этого. Все время находился в депрессии. Хотя на похоронах от близких друзей стало известно, что ему предлагались вполне приемлемые варианты трудоустройства. Речь шла даже о переходе в аппарат президента СССР. У Лисоволика была репутация сильного специалиста и порядочного человека.

Странная смерть — третья за короткое время. Лисоволику было всего 54 года.

И эту смерть связывают с вопросом о зарубежных финансовых вкладах КПСС. Лисоволик, мол, покончил с собой, увидев в печати информацию о финансировании КПСС своих зарубежных единомышленников. Настоящую бурю вызвали разоблачения бывшего работника идеологического отдела ЦК КПСС Александра Евлахова, предавшего гласности секретные счета, на которые партия переводила средства за рубеж,

в частности на поддержание французских коммунистов. Это стало сенсацией, ее обсуждали во всем мире. Но утверждать, что смерть еще одного работника центрального аппарата КПСС связана с его посвященностью в финансовые тайны партии, до сего дня невозможно. Для этого нужны доказательства. А их нет.

Чего только не писали о «золоте партии». Муссировался слух, что часть «партийного золота» хранилась... в памятнике Дзержинскому перед комплексом зданий КГБ. Мол, надежнее хранилища не придумаешь. Не потому ли первым делом и принялись за памятник?

Пресса была полна разоблачительных материалов о роли КГБ в деле о валютных миллионах КПСС. Служба внешней разведки России — преемница Первого Главного управления КГБ СССР — долго хранила молчание. Наконец, пресс-секретарь директора СВР Татьяна Самолис сообщила о результатах встречи генерального прокурора России В. Степанкова, его заместителя Е. Лисова и руководителя следственной группы прокуратуры С. Аристова с руководством СВР в штаб-квартире этого ведомства в Ясенева.

В ходе беседы обсуждались вопросы, связанные с расследованием дела о деньгах КПСС. По словам Татьяны Самолис, сотрудникам прокуратуры будут предоставлены все имеющиеся в распоряжении разведки факты по этому делу. Создана специальная комиссия СВР по содействию работе следственной группы прокуратуры.

По имеющимся сведениям, разведка бывшего ПГУ КГБ по поручению ЦК КПСС конспиративно передавала валютные средства компартиям других стран. В то же время она не участвовала в «отмывании» партийных денег, открытии счетов в иностранных банках и создании за рубежом предприятий, что инкриминировалось ей многими средствами массовой информации.

Следственная группа допросила по этому вопросу и бывшего генсека. Вот что рассказал следователям Горбачев:

«О том, что зарубежным компартиям оказывается финансовая помощь, я узнал в 1980 году, когда стал членом Политбюро... Будучи Генеральным секретарем, я курировал этот вопрос, но это даже не рас-

писывалось в обязанности, этот вопрос шел сам собой десятилетиями. Зарубежным компартиям помощь оказывалась традиционно...

Каковы были порядок и механизм формирования Международного фонда помощи левым рабочим организациям, мне не известно. Что касается размеров помощи, то, по-моему, все было связано с изучением реальной ситуации и основывалось на информации «международников»...

Мне не известно, на основании каких документов закладывались в валютный план данные о спецрасходах ЦК КПСС и неизвестна структура спецрасходов. Я думаю, что эти цифры давало Управление делами ЦК. Партийный бюджет и отчет о его исполнении рассматривались и на Секретариате, и на Политбюро. По расходам расшифровка давалась, но сведения о размере помощи зарубежным компартиям там никогда не фигурировали. Это было засекречено, это была «особая папка»...

По поводу публикаций в прессе о денежных средствах КПСС в зарубежных банках и о том, что там имеются мои счета, могу сказать, что это чушь. Счетов в зарубежных банках у меня нет. Я даже отдал на гуманитарную помощь все свои гонорары от издания книг и Нобелевскую премию.

О наличии за рубежом дач, особняков и другого недвижимого имущества, принадлежащего КПСС, мне не известно. Во время моего пребывания на посту Генерального секретаря партии недвижимость за рубежом не приобреталась...».

Российские власти Горбачеву не поверили и создали специальную комиссию по поиску за границей валютных средств КПСС. Егор Гайдар даже обратился за помощью к частному детективному агентству, щедро оплатив его услуги.

Говорят, что зарубежные частные детективы составили список русских фамилий, на счетах которых в западных банках лежали баснословные валютные суммы. Список якобы был представлен заказчику, который, прочитав фамилии, едва не упал в обморок. Они принадлежали известным демократам, представителям новой российской правящей элиты.

Детективы сработали добросовестно — как и пред-

писывалось контрактом, они искали вкладчиков с русскими фамилиями!

В ноябре 1997 года газета «Комсомольская правда» опубликовала материал, который внес ясность в слухи о конфузе с поиском денег КПСС. Оказывается, Е. Гайдар в бытность свою и. о. премьер-министра России действительно создал засекреченную группу, состоящую из сотрудников спецслужб, которая занималась поисками увезенных за границу функционерами КПСС денег и ценностей. Одновременно, не очень-то рассчитывая на профессионализм переметнувшихся к демократам лубянских специалистов, Гайдар за огромные деньги — около миллиона долларов — нанял специальное детективное агентство из США.

Руководителем отечественной группы по поиску «золота партии» Гайдар назначил Михаила Гуртового — заместителя редактора отдела экономики газеты «Правда». Для ясности добавим, что редактором этого отдела был сам Егор Тимурович. Став и. о. премьера, Гайдар зачислил недавнего зама своим помощником и руководителем секретной комиссии. Тот, естественно, развернул кипучую деятельность, о которой и поведал корреспонденту «Комсомольской правды» Михаилу Рыбьянову.

Бывший сотрудник центрального органа партии подвел под свою деятельность историко-теоретическую базу:

«После Октябрьского переворота большевики были уверены, что на самом деле их власть «не всерьез и ненадолго». Вырученное от продажи леса, драгоценностей, антиквариата рассовывалось по зарубежным счетам, открытым в свое время сначала японским, а потом германским генеральными штабами. Затем уже между большевиками началась драка за дележ награбленного. Именно в результате этой драки погибло множество «героев революции», и репрессии имели в том числе и такую подоплеку... Вы никогда не задумывались, зачем столь упорно на Лубянке пытали и так уже сознавшихся во всех преступлениях старых большевиков? Сталину нужны были деньги партии, в свое время увезенные его соратниками за границу. Скорее всего из партийцев выбивали конкретные номе-

ра банковских счетов. По нашим данным, в результате Сталину действительно удалось кое-что вернуть».

Прав древний мудрец: мир — это зеркало, и каждый видит в нем то, что хочет увидеть.

Увы, все потуги группы Гуртовой были тщетными. Поездки в Швейцарию, где, по мнению главы секретной комиссии Гайдара, хранились деньги КПСС, ничего не дали. Безрезультатными оказались встречи с тамошними банкирами, прокурорами, судьями.

А как обстоят дела у специального детективного агентства из США?

«Да, за немалые деньги было нанято знаменитое агентство Кролла, которое в свое время раскрыло зарубежные счета филиппинского диктатора Маркоса и Саддама Хусейна, — ответил корреспонденту золотоискатель Гуртовой. — Но, к сожалению, насколько я знаю, в результате они не вернули в Россию ни цента, и вскоре с ними прекратили работать.

— Говорили, что от их услуг отказались потому, что американцы нашли счета нашего высшего руководства.

— Полный бред. По моим сведениям, ничего сколько-нибудь важного они не нашли.

— А вы — нашли?

— Информации, конечно, было множество. Но реальных механизмов возврата этих денег нет до сих пор».

Гуртовой признает: о среднем звене российского руководства удалось узнать немало неприглядного. О министрах, замминистрах, мэрах, губернаторах, прочих фантастических проходимцах, втершихся в доверие к высшим руководителям.

Втершихся в доверие или их доверенных лиц? Разница большая.

В заключение остается лишь привести сообщение ИТАР—ТАСС о заявлении американского частного сыскного агентства «Кролл ассошиэйтс», которому Гайдар выделил миллион долларов на поиски денег КПСС, и которое, по его словам, задачу не решило. «Мы не знакомы с заявлением господина Гайдара и потому не можем его прямо прокомментировать. Мы можем заявить, что «Кролл ассошиэйтс» на самом деле проводило расследование по поручению россий-

ского правительства и что мы смогли добыть и передать значительный материал российским властям. Мы понимаем, что политическая ситуация в Москве могла усложнить для нашего клиента эффективное использование этого материала».

Ни одно средство массовой информации в России это сообщение ИТАР—ТАСС не опубликовало.

Деньги КПСС волновали воображение не только журналистов, волей случая вознесенных на самый верх властной пирамиды, но и одного из недавних руководителей КПСС Б. Ельцина. На одной из сессий Верховного Совета РСФСР он обратился к народам мира с просьбой помочь найти вклады партии в иностранных банках. А Генеральный прокурор В. Степанков в январе 1992 года обратился с аналогичной просьбой к швейцарскому правительству.

Одна из швейцарских газет, комментируя столь необычные просьбы новых российских властей, писала: что делают грабители, проникнув в дом? Правильно, ищут деньги.

Впрочем, деньги КПСС на зарубежных счетах были все же обнаружены, о чем не преминула сообщить российская пресса. Случилось это в конце 1997 года. Швейцарские банкиры через Интернет обнародовали список фамилий владельцев, которые длительное время не пользовались своими вкладами. В объемном перечне не востребовавшихся состояний значился Ульянов Владимир. На его счету — чуть менее ста швейцарских франков, поступивших, скорее всего, в качестве литературного гонорара.

Глава 5

БЕЗРАБОТНЫЙ ЦЕКИСТ

Девятого сентября мне домой позвонила моя секретарша и передала, что все мы должны явиться в пятый подъезд, в такую-то комнату, где нам выдадут под расписку какие-то важные документы. Какие — она не знает. Посыпались звонки от коллег. Многие увидели в этом доброе предзнаменование: если вызывают, зна-

чит, мы нужны своему начальству. Опять же — вот и комнаты выделили в пятом подъезде. Может, еще не все потеряно? Может, что-то изменилось в лучшую для нас сторону?

На Старой площади я увидел много знакомых лиц. Некоторые уже возвращались из пятого подъезда. По их хмурому, растерянному облику можно было понять, что надежды не оправдались. Причина вызова была грустной. Все работники аппарата ЦК КПСС получили письменные уведомления на отличной мелованной бумаге с грифом «Коммунистическая партия Советского Союза. Центральный Комитет» об увольнении.

Получил такой документ и я. Документ в своем роде уникальный, пожалуй, единственный за всю почти столетнюю историю партии. Он заслуживает того, чтобы его процитировать:

«Уведомление об увольнении по сокращению штатов. В соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 6 сентября 1991 года № Ст-38-11 г. т. (далее следовали фамилия, имя и отчество, вписанные рукой) 9 сентября 1991 г. предупрежден о том, что по истечении двух месяцев он (она) подлежит увольнению по сокращению штатов (пункт 1 статьи 33 КЗоТ РСФСР).

В течение этого времени работник может уволиться по собственному желанию, в связи с переводом на другое предприятие, в учреждение, организацию (статьи 31 и 29 пункт 5 КЗоТ РСФСР) и по другим основаниям, предусмотренным трудовым законодательством.

Для высвобождаемого по сокращению штатов работника сохраняются льготы и компенсации, предусмотренные статьей 40-3 КЗоТ РСФСР, при условии, если он в течение 10 календарных дней после увольнения зарегистрировался в службе занятости в качестве лица, ищущего работу».

Бумага подписана председателем комиссии ЦК КПСС и ЦКК КПСС по организационно-хозяйственным вопросам П. Лучинским (вот как правильно называлась его должность!) и заместителем председателя профкома профорганизации аппарата ЦК КПСС Е. Кузнецовым. Ниже следовала графа для подписи лица, предупрежденного об увольнении.

За шесть лет работы в аппарате ЦК я привык не удивляться. Тем более не возмущаться и не оскорбляться. Но когда мне уведомление об увольнении вручила моя же собственная секретарша, прежние представления о начальниках значительно расширились. В конце концов, существуют же такие понятия, как служебная этика, достоинство. А содержательная часть самого уведомления? При чем здесь сокращение штатов? Речь шла о роспуске ЦК, приостановке деятельности партии, а поскольку мы были аппаратом ЦК, то правильнее было бы говорить об упразднении организации.

Документ для истории

Он имеет название «Распоряжение Совета Министров РСФСР» номер 952-р и дату подписания — 28 августа 1991 года. Обнародован в печати 3 сентября того же года.

«В связи с Указом Президента РСФСР от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» и от 24 августа 1991 г. «Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза», а также с учетом многочисленных обращений органов государственного управления РСФСР и граждан:

1. Определить, что расторжение трудового договора с работниками, высвобождаемыми в связи с приостановлением деятельности органов и организаций КПСС и Компартии РСФСР, может производиться по пункту 1 статьи 33 КЗоТ РСФСР или по желанию работника по другим основаниям, предусмотренным действующим законодательством.

Для высвобождаемых работников сохраняются гарантии в области занятости, а также льготы и компенсации, предусмотренные статьей 40-3 КЗоТ РСФСР. Выплаты высвобождаемым работникам производятся органами исполнительной власти из средств соответствующих бюджетов с последующим возмещением выплаченных сумм за счет средств КПСС и Компартии РСФСР.

2. Установить, что за работниками, указанными

УВЕДОМЛЕНИЕ

об увольнении по сокращению штатов

В соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от "06" сентября 1991г. № Ст-38/IIг. т. Земсков Николай Александрович "9" сентября 1991 г. предупрежден о том, что по истечении двух месяцев он (она) подлежит увольнению по сокращению штатов (пункт I статьи 33 КЗоТ РСФСР).

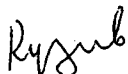
В течение этого времени работник может уволиться по собственному желанию, в связи с переводом на другое предприятие, в учреждение, организацию (статьи 31 и 29 пункт 5 КЗоТ РСФСР) и по другим основаниям, предусмотренным трудовым законодательством.

Для высвобождаемого по сокращению штатов работника сохраняются льготы и компенсации, предусмотренные статьей 40³ КЗоТ РСФСР, при условии, если он в течение 10 календарных дней после увольнения зарегистрировался в службе занятости в качестве лица, ищущего работу.

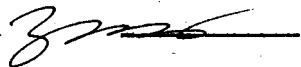
Председатель Комиссии ЦК КПСС и
ЦК КПСС по организационно-хозяйственным вопросам,
Секретарь ЦК КПСС

(П. Лучинский)

Зам. председателя профкома
профорганизации аппарата
ЦК КПСС

(Е. Кузнецов)

Подпись лица, предупрежденного
об увольнении

Вот такие уведомления получили работники аппарата ЦК КПСС.

РАЗЪЯСНЕНИЯ

по некоторым вопросам, возникающим в связи с
исполнением постановления Секретариата ЦК КПСС
от 6 сентября 1991 года

В связи с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 6 сентября 1991 года "Об организационно-хозяйственных вопросах, связанных с приостановлением деятельности Коммунистической партии Советского Союза" и сокращением аппаратов ЦК КПСС и Комиссий ЦК КПСС следует иметь в виду следующее:

1. Все работники аппаратов ЦК КПСС и комиссий ЦК КПСС персонально письменно предупреждаются заведующими отделами или руководителями других подразделений о том, что они по истечении двух месяцев подлежат увольнению по сокращению штатов (пункт I статьи 33 КЗоТ РСФСР). Предупрежденным работникам под роспись выдаются на руки уведомления. До истечения двухмесячного срока со дня предупреждения увольнение работников по инициативе администрации по указанному основанию без их согласия не допускается.

В течение этого времени работники могут уволиться по собственному желанию либо в связи с переводом на другое предприятие, в учреждение, организацию (ст.ст.31 и 29 пункт 5 КЗоТ РСФСР), а также по другим основаниям, предусмотренным законодательством о труде.

2. Работникам, уволенным в связи с переводом на другую работу (п.5, ст.29 КЗоТ) или по соглашению сторон (п.1 ст.29 КЗоТ), выходное пособие не выплачивается и средняя заработная плата на период трудоустройства не сохраняется.

В случае увольнения работников по собственному желанию им выплачивается выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка (протокол № 4 от 29 августа 1991г. совместного

К ним прилагались «разъяснения».

в пункте 1 настоящего распоряжения, до момента расторжения трудового договора сохраняется средняя заработная плата, но не более чем в течение 30 дней со дня принятия Указа Президента РСФСР «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР».

3. Советам Министров республик в составе РСФСР, исполнительным органам власти краев, областей, автономной области и автономных округов, гг. Москвы и Ленинграда принять исчерпывающие меры к трудоустройству высвобождаемых работников в соответствии с действующим законодательством, а также решить вопросы, связанные с получением трудовых книжек и документов, необходимых для получения выплат, предусмотренных в пункте 1 настоящего распоряжения.

4. Поручить Минтруду РСФСР давать разъяснения, связанные с применением настоящего распоряжения».

Документ подписан председателем Совета Министров РСФСР И. Силаевым.

Кто такой Силаев? Это имя сегодня уже порядком подзабыто.

Последний глава правительства Советской России родился в 1930 году в селе Бахтызино Вознесенского района Нижегородской области в крестьянской семье. Русский. В КПСС вступил в 1959 году. Окончил Казанский авиационный институт по специальности инженер-механик по самолетостроению.

С 1954 года после окончания института — на Горьковском авиазаводе имени С. Орджоникидзе: мастер, старший контрольный мастер, начальник бюро цехового контроля, начальник технического бюро. С 1959 года там же — начальник цеха, с 1964 года — заместитель начальника производства, с 1965 года — заместитель председателя завкома профсоюза, с 1966 года — заместитель главного инженера завода, с 1969 года — главный инженер — заместитель директора завода, с 1971 года — директор завода.

С 1974 года — заместитель министра, с 1977-го первый заместитель министра авиационной промышленности СССР. В декабре 1980 — феврале 1981 г. — министр станкостроительной и инструментальной про-

мышленности СССР. В 1981—1985 гг. — министр авиационной промышленности СССР. В 1985—1990 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро Совета Министров СССР по машиностроению.

В июне 1990 — сентябре 1991 г. — Председатель Совета Министров РСФСР. Одновременно в августе — сентябре 1991 г. — председатель Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР. В сентябре — декабре 1991 г. — председатель Межреспубликанского экономического комитета — премьер-министр Экономического сообщества СССР. С декабря 1991 г. по 1994 г. — постоянный представитель России при европейских сообществах в Брюсселе в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла России. После возвращения из Брюсселя — председатель Международного союза машиностроителей.

Депутат Верховного Совета СССР 10—11 созывов. Член ЦК КПСС в 1981—1991 гг. Герой Социалистического Труда (1975 г.). Награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции. Лауреат Ленинской премии (1972 г.).

Это он, член ЦК КПСС, кавалер двух орденов Ленина и лауреат Ленинской же премии, внес ясность по поводу ключевой фигуры путча на чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР 21 августа.

Ее первое заседание началось со следующего сообщения Ельцина (цитирую стенограмму. — *Н. З.*): «На сегодняшний час задержаны и находятся в соответствующих определенных местах бывший министр обороны Язов (а п л о д и с м е н т ы), бывший председатель Комитета госбезопасности Крючков (а п л о д и с м е н т ы). В связи с тем, что председатель кабинета министров Павлов находится в больнице, к нему приставлена соответствующая охрана (а п л о д и с м е н т ы). Взят под стражу Янаев (а п л о д и с м е н т ы). Взят под стражу генеральный директор завода имени Калинина Тизяков (а п л о д и с м е н т ы). И сейчас группа поехала домой к министру внутренних дел, бывшему министру Пуго (а п л о д и с м е н т ы)».

И тут со своего места вскакивает глава российского правительства Силаев.

Слово стенограмме: «Силаев. Я хочу сказать о том,

чего пока не знают многие члены Верховного Совета о Лукьянове. По существу он был главным идеологом всего происшедшего (а плодисменты). Он был главным идеологом этой хунты (а плодисменты)».

Спрашивается, кто тянул его за язык? Так хотелось выслужиться перед новыми хозяевами, что не мог удержаться? Выслуживаться, впрочем, было за что. В ночь на 21 августа Силаев решил покинуть Белый дом, так как был уверен, что штурм неминуем, и всем, кто находится внутри, живыми не остаться. Он попрощался с Ельциным и отбыл восвояси. Однако его уход из Белого дома не остался незамеченным для КГБ. Через несколько лет Крючков, вспоминая этот эпизод, иронично воскликнул:

— Эх, горе-политик! Лучше бы этот герой поведал, где он провел время в ночь на 21 августа...

Силаев не только топил Лукьянова. Заглаживая свое малодушное поведение в ночь, когда ожидался штурм, он произнес сакраментальную фразу:

— Я бы всех этих гэкачепистов расстрелял из автомата!..

Трагическое всегда соседствует с комичным. Тогдашний мэр Москвы Гавриил Попов с гордостью сказал, что выполнил свою историческую миссию в три дня августовского путча, когда с политической арены была окончательно устранена Коммунистическая партия. По приказу мэра в те дни были заняты здания ЦК и МГК КПСС на Старой площади.

Но вот прошло шесть лет, и в книжке бывшего ельцинского телохранителя Коржакова мы находим живописное описание участия московского мэра Гавриила Попова в обороне Белого дома. «Горячих блюд не подавали, — тонко подмечает Коржаков важные детали исторического момента. — Мы жевали бутерброды, запивая их либо водой, либо водкой с коньяком. Никто не захмелел, кроме тогдашнего мэра Москвы Гавриила Попова — его потом двое дюжих молодых, я их называл «двое из ларца», — Сергей и Владимир — еле вынесли под руки из подвала. А уборщицы жаловались, что с трудом отмыли помещение после визита Гавриила Харитоновича.

Попов всегда выпрашивал у меня охрану — он говорил, что боится физической боли и в случае напа-

дения может запросто умереть от страха. Его дача находилась в лесу, к ней вела узкая дорога, и любой хулиган, по мнению профессора, мог сделать с ним все что угодно».

Попов ушел в отставку летом 1992 года. Мenee года понадобилось ему, чтобы понять: не на борьбу же с КПСС избрали его мэром москвичи. Надеялись — с его помощью станут жить лучше. Не стали. Недаром студенты МГУ, где он преподавал, любовно называли его «наш Ганс Христиан Андерсен Нексе». Оказалось, не так-то просто претворять в жизнь замечательные идеи.

Вслед за Поповым началась целая серия отставок — Галина Старовойтова, Егор Гайдар, Геннадий Бурбулис. В России никто не уходит в отставку сам, по своей воле. О Попове рассказывают, что в кабинете он высиживал не более трех часов в день. То в заграничных командировках, то болел.

Но я несколько отвлекся.

В Политбюро и Секретариате с февраля 1991 года появился новый человек, как он потом признается, бывший «на стороне демократов», специально занимавшийся средствами массовой информации. Других обязанностей у Петра Кирилловича Лучинского не имелось. Только пресса, притом партийная. В аппарате ЦК он курировал пресс-центр, в котором в августе 1991 года оставалось всего-навсего пять ответственных работников плюс пять технических — итого десять человек. Да в идеологическом отделе печатью «ведали» семь консультантов и референтов. У Лучинского не нашлось нескольких минут, чтобы собрать своих подопечных и выразить сожаление по поводу случившегося, поблагодарить за работу, поддержать растерявшихся людей в трудную минуту. Аппарат-то ведь обслуживал их, членов Политбюро и Секретариата! И вот финал — вежливо-холодное равнодушие.

Вышел я с полученной бумаженцией из здания, а ощущение такое, будто в душу наплевали. Поплелся в здание столовой — сказали, что там выплатят какое-то пособие. По безработице, что ли?

Столовая функционирует. Деловитые низкорослые парни в милицейской форме с короткоствольными автоматами выносят кульки с мясным фаршем и кот-

лѣтами, прочими цековскими деликатесами и тут же за углом перепродают их родственникам, друзьям и знакомым. Здесь же идут денежные перерасчеты, в них участвуют и офицеры-охранники, которых, похоже, не смущают телекамеры и фотообъективы иностранных журналистов, снимающих сцены пира победителей и дележа добычи. Впрочем, ничего необычного. И раньше работники ЦК отоваривали здесь своих людей. Разница лишь в том, что тогда не было столько посторонних глаз.

Помню, как неприятно поразила меня подобная сцена в августе 1985 года, когда, оставив чемодан в камере хранения Белорусского вокзала, я приехал в десятый подъезд, где тогда располагался отдел пропаганды. С утра там началось совещание, пропуск не был заказан, и мне часа полтора пришлось ожидать у постового. С улицы входили толстые, с завитушками на головах, тетки, к ним спускались буфетчицы с огромными свертками и пакетами и прямо на моих глазах продавали их теткам.

ЦК всегда был хлебным местом для обслуживающего персонала, поэтому его менее всего затронули перемены на Старой площади. Обслуге разрешено остаться на прежней работе. Новые хозяева и раньше были в восторге от кулинарных способностей цековских поваров, а сейчас, когда в столовой, как прежде, торопиться не надо, еще больше смогли оценить их выдающееся искусство. Тоже вкусно покушать любят.

Встретил знакомую продавщицу книжного киоска. Вконец расстроена. Что такое, спрашиваю. Оказывается, в первый же день ей было велено выметаться вместе со своими книгами. «Здесь работать будут, а не читать, ясно?» — сказали ей. Это они погорячились, успокиваю ее, не знали, какими книжками вы торгуете. Посветлела лицом. Действительно, говорит, на прилавках лежала партийно-политическая литература. Через несколько дней встретились, тоже случайно, сияет: все в порядке. Оставили. Я рассмеялся: наш брат чиновник не только вкусно поесть любит, но и до всякого дефицита, включая книжный, охоч.

А в тот день, когда уведомление об увольнении получил, не до смеха было. Тягостное впечатление производил вид недавних коллег. В гуманитарном от-

деле еще в конце августа определилось с трудоустройством все руководство. Старшим «по должности» в отделе остался заведующий сектором Геннадий Барabanщиков. Покинутые работники предоставлены сами себе.

Упорно муссировались слухи о негласном распоряжении президента СССР относительно цековских и других партийных работников, коих строжайшим образом предписывалось не брать на работу в госструктуры. Исключение якобы делалось для молодых, до сорока лет, инструкторов и консультантов. На всех начальников, начиная с заведующих секторами и выше, накладывалось табу. Из самых разных источников поступали подтверждения этих слухов.

Не помогла и короткая заметушка в газете «Рабочая трибуна», в которой сообщалось, что Горбачева ознакомили с этими слухами специальной запиской, и он на ней красным карандашом начертил: «Это грубая ложь». На госслужбу попали считанные единицы из числа бывших партаппаратчиков. Через три месяца после нашего позорного изгнания со Старой площади я узнал, что большинство моих прежних сослуживцев устроились в различные коммерческие структуры или в научные учреждения. Некоторые стали учителями в обыкновенных московских средних школах. Все они с трудом привыкали к своему новому положению.

Но в первые дни после опечатания зданий ЦК не исчезала надежда, что все образуется. Ее подогрел член Политбюро Петр Лучинский, с которым у меня состоялся такой вот разговор, который я сразу же записал по горячим следам.

— Безусловно, особых иллюзий я не питаю, — сказал председатель ликвидационной комиссии. — Хотя некие обнадеживающие симптомы есть. Нас, например, перевели из пятого подъезда, где располагались хозяйственные службы Управления делами, в девятый подъезд.

— Ближе к первому, где сидели секретари ЦК? — невесело пошутил я.

— Я бы не сказал так однозначно, — не откликнулся на шутку Лучинский. — Но в девятый подъезд пропускают всех работников ЦК по их служебным

удостоверениям. Это уже кое-что. Раньше вход был воспрещен.

— Петр Кириллович, лично вы уже определились с местом работы?

— Пока нет. Возглавляю ликвидком. Уйду, когда последний работник ЦК будет трудоустроен.

— Куда уйдете?

— Я секретарь ЦК. Меня избирали на пленуме ЦК. Только он правомочен освободить меня от этой должности. Куда — будет видно.

— Как вы считаете, когда будет созван пленум ЦК?

— Не знаю. Секретариат ЦК обратился к президентам Горбачеву и Ельцину о выделении помещения для проведения пленума. Ответ категоричен — нет.

В блокноте сохранилась запись моей беседы с членом ЦК КПСС, секретарем парткома аппарата ЦК КПСС Виктором Рябовым.

— Виктор Васильевич, — спросил я, — ходят слухи, что вы перешли к Юрию Афанасьеву первым проректором Российского государственного гуманитарного университета...

— Да бросьте вы эти выдумки. Я — Рябов, который в течение двенадцати лет был ректором пединститута и университета в Куйбышеве. Так вот, совершенно официально заявляю вам, что работаю профессором МГУ.

— Это верно, что Горбачев перед отъездом в Флоренцию уговаривал вас занять пост секретаря ЦК Компартии России, но вы отказались?

— Действительно, Горбачев просил меня баллотироваться на выборах в секретари ЦК РКП по идеологии. Я отказался. На одной из пресс-конференций я публично заявил, что первый секретарь российского ЦК Иван Полозков — человек, политические часы которого отстают. Полозков тогда жестоко обиделся и на встрече в ЦК высказался в том смысле, что-де аппаратчику негоже сметь свое суждение иметь. Горбачев уговаривал меня минут двадцать, но я сказал, что меня не устраивает видение мира Полозковым. Горбачев мне сказал: «Именно это нам и нужно. Ортодоксы устроили свист и стукотню». Но я отказался.

— Где вы были во время путча?

— Восьмого августа с женой я отправился в Форос, в санаторий «Южный», что в семи километрах от дачи Горбачева. О заговоре услышал в столовой, за завтраком, девятнадцатого августа. В Москву вернулся двадцать третьего августа, у меня тяжело заболела жена.

— Поддержал ли путчистов аппарат ЦК КПСС?

— Большая часть — уверен — не поддержала. Хотя над подготовкой злополучной шифрограммы, видимо, работал орготдел. Ее, как известно, подписал член Политбюро Олег Шенин. Он же пытался через моего зама по парткому ЦК Владимира Герасименко собрать аппарат — для поддержки ГКЧП. Тот отказался.

— Вы приехали в Москву. К кому вы обратились — как секретарь парткома аппарата ЦК КПСС?

— Естественно, в Секретариат ЦК. Он был полностью деморализован. Приемные не отвечали, кто находился в здании — неизвестно. Я предложил Александру Дегтяреву — заведующему идеологическим отделом — выступить с заявлением о роспуске партии и поддержке правительства России. Что и было сделано — еще до приостановки деятельности КПСС.

— Виктор Васильевич, но ведь вы были секретарем парткома аппарата ЦК, у вас на учете состояли члены Политбюро и секретари...

— В первый момент я находился в состоянии шока. Потом поразмыслил и решил окончательно забросить политику. Хочу вернуться к научной, преподавательской работе — я ведь педагог не только по образованию. Ну а тем, кто кроме аппаратной работы ничего не умеет, придется, видимо, туговато.

— Виктор Васильевич, простите, а где вы живете, в каком районе?

— *(Смеется)*. В привилегированном. В одном доме с Борисом Ельциным.

Многих высокопоставленных чинов найти было крайне трудно. Днем их квартирные телефоны молчали. Иных застать можно было только вечером, когда они усаживались у телевизоров и ждали новостей. Обнадеживающих?

Не знаю. Но их мнения о происходящем очень интересовали зарубежную прессу. Я добросовестно заполнял свои блокноты.

Первый заместитель заведующего гуманитарным отделом ЦК Станислав Чибирьев сказал:

— О чем сожалеть? Я и к кабинету не успел привыкнуть...

— Станислав Архипович, где вы сейчас работаете?

— Как и прежде, директором издательства «Наука».

— Извините, не понял...

— Когда меня перевели в начале года в ЦК, с предыдущего места работы я не увольнялся. Получилось как бы по совместительству. Знаете, я даже трудовую книжку не сдавал в ЦК.

— Вас уговаривали?

— Ну конечно. В последнее время ведь никто не хотел идти работать в ЦК. Я пошел. Через полгода мне звонят из Управления делами: а почему вы не занимаете дачу? Оказывается, работникам моего ранга было положено. А я не знал. Как и много чего другого.

— Как вы оцениваете секретарей ЦК? Некоторые говорят, что это они привели партию к драматическому финалу...

— Я редко с ними общался. В августе замещал своего заведующего — он был в отпуске. Вот тогда пришлось несколько раз поприсутствовать на заседаниях Секретариата. Именно там я понял, чего они стоят. Если откровенно, то ждал XXIX съезда — предполагал, что пройдут крупные перемены, обновление.

— У вас есть научная степень?

— Да, я доктор юридических наук. Не пропаду.

Коллега Чибирьева заместитель заведующего гуманитарным отделом Сигитас Ренчис горько признался:

— В Москве оставаться не вижу смысла. В конце августа, сразу же после путча, я подал заявление об уходе из ЦК по собственному желанию. Ожидать увольнения в связи с упразднением организации не стал. Это было бы для меня унижительно.

— Вы уже где-то работаете?

— Нет. Я решил возвращаться к себе на родину. Я ведь из Вильнюса, там у меня родители, друзья. Приятели зовут — без работы, мол, не останешься. Буду заниматься наукой, литературой. Я ведь член Союза писателей Литвы. В нынешней обстановке ос-

таваться в Москве считаю бессмысленным. Каждый человек должен быть со своим народом в трудное для него время.

— Проблем с переездом нет?

— Пока вроде нет. Занимаюсь обменом квартиры. На это уходит уйма времени. Не дай бог — наши присутственные места. Вот уж где нервы потреплют. К новому году, думаю, буду уже в Вильнюсе.

— А сейчас чем занимаетесь?

— Выгуливаю собаку. В нашем доме уже многие знают, что я меняю квартиру и уезжаю в Литву. Встречаю недавно Геннадия Зюганова в скверике возле дома, он тоже мой сосед. Геннадий Андреевич осуждающе покачал головой. Не одобряет, значит...

«Свет не без добрых людей», — многозначительно произнес Василий Кремень, бывший помощник бывшего заведующего идеологическим отделом А. С. Капто.

— Василий Григорьевич, где вы сейчас работаете?

— В Академии наук СССР. Есть там один хитрый институт, называется, скажем так, политологическим. Взяли на работу сразу, даже не предполагал.

— Кто-то знакомый помог? Земляки? Вы ведь из Киева, кажется?

— Из Киева. Да, помогли.

— В зарплате потеряли?

— Не очень. Мне положили 700 рублей, раньше получал 725. Правда, я был уже не помощником Капто, он уехал послом в Северную Корею, и меня перевели на должность заведующего сектором.

— Какого?

— Партийных учебных заведений. Но я социолог по базовому образованию. Хочу вот выпускать «Социологическую газету». Кстати, не знаете, что для этого нужно? Какой тираж необходим, чтобы газета была рентабельной?

Из работников общего отдела удалось разыскать только заместителя заведующего сектором Вячеслава Балакирева.

— Вячеслав Яковлевич, какова ваша судьба?

— Кажется, остаюсь на прежнем месте. Нас всех во главе с первым замзавом отдела Орловым, а это 160 человек, передают в канцелярию Совета Министров

России. Мы с Орловым вели протоколы заседаний Политбюро, Секретариата, знаем всю технологию этого процесса.

— Не тот ли это Орлов, который в свое время работал в ЦК ВЛКСМ?

— Он самый — Геннадий Александрович. Очень ценный работник.

— Есть ли разница между прежним руководством и нынешним?

— Новые — тоже нормальные люди. Сейчас они осваивают кабинеты. То же, что и раньше было. Сосиски в буфетах продают.

— Кажется, вы прошлогодний выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС?

— Да. Попал в ЦК в такое время, когда прописка и выдача жилья иногородним работникам партии была запрещена городскими властями. Намучался с семьей. Я ведь из Казахстана приехал. Пока нормально работается. Сосисок в буфетах не ограничивают. Раньше только по полкило в руки выдавали. А теперь — сколько хочешь. Столовая тоже работает. Нормальная жизнь.

Что касается меня лично, то поисков работы я еще не начинал. Так уж, наверное, устроен человек — надежда умирает последней. Раздавал интервью, встречался с коллегами.

По их мнению, труднее с поиском новой работы сотрудникам идеологических отделов. Отраслевники уже определились — вернулись в министерства и на предприятия, откуда пришли в центральный аппарат. Хотя и у них трудности возникали: в Москве никогда не было недостатка в квалифицированных работниках.

— Секретари ЦК еще не трудоустроились? — любопытствовались иностранные журналисты.

— По моим сведениям — нет, — отвечал я. — Вчера общался с Ивашко, Строевым, Купцовым, Лучинским.

— Были ли у них встречи с Горбачевым после его возвращения из Фороса?

— Насколько мне известно, ни у кого, кроме Ивашко, встречи не было.

— Судя по всему, и у вас удрученное настроение?

— Нет, отчего же? Какая разница, где писать? Даже интересно: проснулся, и уже на работе...

На людях бодрился, а по вечерам, оставшись один, доверял сокровенные мысли блокноту.

Из записей для себя

3 сентября 1991 года. Все время неустанно повторяю: то, что произошло — какой-то бред, тяжелый сон. Стоит проснуться, и весь этот кошмар исчезнет. Но он не исчезал, потому что это был не сон.

Вчера ходил по присутственным местам в поисках работы. Облачился в выдавшие виды кроссовки, джинсы, куртку и направился в Кремль. На пятнадцать часов была назначена встреча у Г. В. Пряхина — помощника президента СССР.

В Кремле проходил Съезд народных депутатов, и потому бдительность комендатуры была потрясающей. К тому же еще мой партикулярный вид, особенно старенькие кроссовки. Солдатики в погонах, на которых красовались буквы ГБ, придирчиво всматривались в мое удостоверение личности, в пропуск, выданный комендатурой Кремля. Пропустили в здание правительства.

В пропуске было помечено, что следует идти на второй этаж, в кабинет № 44. Я открыл дверь и оказался в приемной. За столиком с телефонами сидел Виктор. Тот самый Вячеслав Викторович, который был заведующим сектором издательств в старом отделе пропаганды ЦК, в десятом подъезде. В результате первой реорганизации и сокращения партийного аппарата в конце 1988 года он, как тогда говорили, «завис», какое-то время не работал, а потом оказался в приемной А. Н. Яковлева, когда тот был секретарем ЦК и членом Политбюро. После ухода Яковлева с партийной работы Виктор перебазировался в другую приемную — А. Н. Гиренко, секретаря ЦК, и спокойно пребывал там почти полтора года. Иногда я видел его в столовой, во дворе шестого корпуса.

И вот — пожалуйста, неожиданная встреча. Поздоровались. В углу приемной какой-то удрученный чело-

век с потерянным взглядом и посеревшим лицом нервно рвал в клочья бумаги и складывал обрывки в большой бумажный мешок. Очевидно, прежний секретарь бывшего хозяина, догадался я.

Так и есть — огромный кабинет принадлежал Болдину Валерию Ивановичу, бывшему руководителю аппарата президента Горбачева.

Увидев Викторова, я, естественно, удивился. Он объяснил:

— Пряхин попросил заказать тебе пропуск. Он сидит в кабинете № 52, дальше по коридору. А здесь кабинет Ревенко.

Деревенских сразу видно. Из-за волнения и непривычной обстановки я не расслышал произнесенную фамилию и переспросил:

— Гиренко? Так он сюда переехал? Неужели и остальные секретари здесь?

Викторов, опасливо покосившись на уничтожавшего бумаги человека, досадливо повторил:

— Здесь сидит Ревенко Григорий Иванович!

Ах вот в чем дело! Ревенко ведь новый руководитель аппарата президента. Вместо арестованного Болдина. Провинциал несчастный! Тебе не по кремлевским кабинетам ходить, а по загуменью шастать.

Подошел к кабинету № 52. Дернул за ручку — запрто. Пришлось подождать. Наконец слышал шаги по коридору. Пряхин. Отношения у нас неплохие.

Пряхин уже успел позвонить Бутину — заведующему общим отделом аппарата президента. Когда-то Бутин работал в общем отделе ЦК. Я с ним лично не знаком, но по телефону общался не раз, особенно перед пленумами, договаривались о стенограммах для печати. Переговорил Пряхин предварительно и со Львовым — заместителем руководителя группы писем и приема граждан аппарата президента, где давно искали журналиста на должность заведующего сектором.

При мне Пряхин снова позвонил им по второй «вертушке». Окончив разговор, сказал мне:

— Понимаешь, елки-палки, какие дела. Львов говорит, что прием новых людей в аппарат президента приостановлен — разрабатывается новая структура президентской канцелярии. Придется подождать. Но все равно ты завтра позвони ему.

Рассказал немного о путче. Он был с семьей на даче в Успенском. В понедельник, девятнадцатого августа, ему позвонили с телевидения друзья (до прихода в ЦК Пряхин работал заместителем председателя Гостелерадио СССР). Они предупредили, чтобы он прятался. Вроде была слежка за его машиной, когда он ехал домой.

— Думал, что придет другая машина, нет, оказалось, из нашего гаража. Облегченно вздохнул. Набор книги Раисы Максимовны «Я надеюсь» в первый же день путча рассыпали. Но сейчас она выходит. Уже вроде продается.

Рассказывал еще какие-то подробности, о них я вспомню попозже, сейчас речь не об этом.

В общем, побалакали мы с ним полчаса, и я распрощался. Пропуск отметил Викторов.

— Ну как, удачный разговор? — поинтересовался он.

— Да как сказать, — неопределенно ответил я.

На выходе сдал отмеченный пропуск и вышел из Кремля. У Спасских ворот демонстранты. Плакаты, самодельные лозунги. Двое мужиков, мордастых и откормленных, держат за палки кумачовый транспарант с требованием убрать из Кремля депутатов от КПСС. В другом месте производят запись уволенных работников ЦК КПСС в колхоз имени товарища Стародубцева. Цепочки угрюмых, недоброжелательных лиц. Истеричные выкрики. Обвинения партии в преступлениях, воровстве, жизни за счет народа. Когда входил в Кремль, едва протиснулся к Спасским воротам. Сейчас людей вроде поубавилось, но агрессивности меньше не стало.

На метро доехал до «Правды» — надо было передать пакет в Минск. У них хорошая возможность для этого — вместе с матрицами завтрашнего номера газеты.

Осечка получилась уже на входе. Плюгавенький милиционерчик с бабьим личиком долго рассматривал удостоверение работника ЦК. Затем, скорчив мину, гнусаво произнес:

— Звоните. Пусть вам заказывают пропуск. Как всем.

И, довольный своей смелостью, отвернулся.

Позвонил Черняку, ответственному секретарю «Правды»:

— Не пуцают.

— Пусть возьмет трубку постовой, — властно сказал Александр Викентьевич.

Я передал трубку сержанту. Он с неохотой взял ее, долго отбрыкивался, но в конце концов уступил. Вот так-то, товарищ полковник! Привыкли с разными там генералами общаться. А здесь начальником — сержант!

Разговор с Черняком был долгий. Обсуждали минувшие и текущие события. Он рассказал, что уже к концу дня девятнадцатого августа многие в редакции поняли, что ГКЧП проигрывает. Но и в следующих номерах продолжали публиковать его документы — они исправно поступали по каналам ТАСС с грифом «Литерная», то есть обязательные к публикации.

Ситуация для «Правды» сложилась крайне трудная. С одной стороны, она послушно печатала все документы ГКЧП и освещала противостояние в Москве с его позиций. С другой стороны, секретари ЦК КПСС Дзасохов, Лучинский, Калашников спешно собрали пресс-конференцию и дистанцировались от «путчистов», обвиненных российскими властями в «измене Родине». Выпуск «Правды» как пособницы ГКЧП был остановлен. Политбюро в панике разбежалось, генсек отрекся от партии. Специальным указом Ельцин арестовал счета КПСС, и «Правда» осталась без средств к существованию.

— Но газета не умрет. Никогда! — твердо заверил Черняк.

Мы долго рассуждали на эту тему. Наконец, когда я поднялся с кресла, он сказал, что место в «Правде» для меня найдется. У них произошли перерегистрация и внутренняя реорганизация, упразднены должности заместителей и введены руководители направлений. Одно из таких направлений — у Черняка. Несколько отделов, в составе которых двенадцать человек. Нужны люди, много вакансий.

— Место политобозревателя тебе обеспечено.

Я сердечно поблагодарил за память. Как-никак, столько лет был куратором «Правды», когда-то это входило в мои обязанности заместителя заведующего

сектором газет. Не забыли. Спасибо, ребята. Так и должны поступать порядочные люди.

— Может, мне к Селезневу зайти? — спросил я Черняка. — Или нашего разговора достаточно?

— Можешь зайти. Он человек хороший.

Геннадия Николаевича Селезнева я знаю с тех пор, когда он был главным редактором «Комсомольской правды», потом возглавлял «Учительскую газету», едва не стал секретарем ЦК КПСС. Отношения были прекрасные. Еженедельно встречались на Секретариатах ЦК.

Захожу в приемную Селезнева, благо это по пути — кабинет нового главного редактора «Правды» тоже на восьмом этаже. Селезнев в кабинет прежнего главного редактора «Правды» Фролова переселяться не стал, остался в своем. Кстати, Иван Тимофеевич Фролов во время путча был в ФРГ, ему сделали тяжелую операцию, и перемены в редакции произошли в его отсутствие.

Секретарша доложила главному, и вот я уже в его кабинете. Традиционное поздравление с новой должностью, в ответ широчайшая улыбка. И — рассказ о планах реорганизации редакции. Увольнение пенсионеров, сокращение штатов, особенно технических работников. Должно остаться не более 150 человек. У них сейчас около 500. Не прошли по конкурсу заместители главного редактора Валовой, Королев и другие ветераны.

Разговор получился хороший, душевный.

— Не огорчайся, Николай. Мы тебя не забудем.

Все это хорошо, но ведь ему предстоит уволить столько людей! Для большинства из них газета — это жизнь. По тридцать — сорок лет отдали любимому делу. И вот вместо кого-то из них приду я. Партапаратчик. Как смотреть в глаза этим старикам?

Сегодня позвонил Львову из дома по городскому телефону. То же, что говорил Пряхин: разрабатывается новая структура аппарата президента. Сегодня к вечеру должны отдать схему Ревенко. Телефон домашний записал, но подтвердил, что набор новых сотрудников приостановлен. Уловка? Повод для отказа? Сомневаюсь, что я единственный, кто обратился к старым знакомым из администрации президента.

Утром позвонил Олег Александрович Зикс из журнала «Сельская молодежь». За пару месяцев до августовских событий он уговорил меня подготовить серию публикаций из рассекреченных партийных архивов. Один материал — о Щорсе — я уже сделал и передал в журнал. Зикс подтвердил: полученный материал идет в первый номер за девяносто второй год. Попросил подготовить что-нибудь еще для февральского номера. Пригласил приехать в редакцию, пообещал поспособствовать в трудоустройстве.

Из поликлиники звонят: несмотря ни на что, приезжайте на диспансеризацию, и супруге напомните. Можно даже пятого, в четверг, мы работаем и вечером.

Надо ехать за дочерью в школу, она учится в третьем классе, привезти ее домой, а затем везти на музыку. Времени у меня сейчас много, вполне можно заняться воспитанием.

А интересно описывать дни безработного. Реакцию людей, изменение отношений. У «Сельской молодежи», беспартийного издания, одна позиция, а у родного «Политиздата» — совсем иная. Но об этом в другой раз.

4 сентября. Утро началось со звонка из Алма-Аты. Амангельды Ахметалимов, директор Казахстанского информационного агентства, однокурсник по московской ВПШ. Спрашивает, как дела, как настроение. Поинтересовался деталями: что с дачей, каковы перспективы трудоустройства. Дачу сдал, относительно перспектив глухо.

Вчера был разговор с Шаровым, первым замом главного редактора газеты «Сельская жизнь». Пришел он в ЦК в 1988 году, когда я был зам. зав. сектором печати. Помню, как пообещал ему, что сделаю его консультантом. Потом он сам стал зав. сектором, побыл в этой должности несколько месяцев и смотался в «Сельскую жизнь», куда меня Харламов, главный редактор, сватал несколько лет. Я не решался, а Шаров решился. У них были перевыборы коллегии и руководства. Шаров уцелел.

— Миша, какой я у тебя в очереди на работу? — шутливо спросил я, не представляя, что попал в десятку.

— Шестой или седьмой, — ответил он и тут же спохватился. — Но ты первый на очереди.

— С 1988 года или даже раньше, — подхватил я.

Шаров уже серьезно продолжал:

— Коля, ситуация такая, что сейчас обсуждать эту проблему не время. Надо подождать месяц-два. Слишком все горячо. Да и мы реорганизуемся, сокращаем часть людей. Представляешь, какая будет реакция, если мы возьмем функционера из ЦК?

— Понял, Миша. Спасибо на добром слове.

— Ты звони, старик, обязательно звони. Где-нибудь к концу месяца.

На прошлой неделе примерно такой же разговор состоялся и с Харламовым, главным редактором «Сельской жизни». Позвонил я ему до собрания коллектива редакции. Он сильно волновался — возраст у него за шестьдесят — и попросил вернуться к этому разговору через некоторое время. Ладно.

А теперь пассаж с «Политиздатом» и его директором А. П. Поляковым.

20 августа в соответствии с договором я отнес туда рукопись книги. Верстку предыдущей — «Исповедь через десять лет» — сказали принести 26 августа. К назначенному сроку я ее вычитал, дописал пару страниц и в понедельник, 26 августа, притащил в издательство. Нет, все было не так. Я перепутал. Новую рукопись действительно отнес 20 августа. А верстку — 19 августа, в день путча. Поговорил с Вучетичем о природе и гносеологических корнях августовского кризиса.

После провала путча возникла некоторая настороженность и опасения за судьбу «Исповеди». Особенно они усилились после указа Ельцина о прекращении деятельности КПСС. В понедельник, 26 августа, позвонил редактору Юрию Ильичу, справился о судьбе верстки. В ответ услышал, что верстку из корректорской вернули, книга снята с производства. Звоните, мол, Вучетичу, он в курсе дела.

Виктор Евгеньевич Вучетич — заведующий редакцией. Звоню ему.

— Понимаете, пока вашу книгу отложили. Причин не знаю. Как вы догадываетесь, это решение зависело не от меня. Распорядился директор.

— Дело в авторе? В его принадлежности к организации, которая ныне не популярна?

— Не думаю. Скорее всего из-за коммерческих соображений. А впрочем, позвоните директору.

Директор Александр Прокофьевич Поляков. Хорошо знакомый мне человек. Когда-то самолично читал рукопись. Я вел пресс-конференцию с его участием. Он издал книгу Антонио Рубби «Встречи с Горбачевым». Была презентация в гостинице «Октябрьская».

— Александр Прокофьевич, здравствуйте, это говорит безработный Зенькович... Вроде бы сложности с прохождением верстки?

— Да. Знаете, я сейчас очень занят. Дайте мне свой телефон, ведь вы сейчас дома? Я вам непременно позвоню.

Этот разговор состоялся 30 августа в пятницу. Звонка так и не последовало. Телефонная трель раздалась только в понедельник, 2 сентября.

— Николай Александрович, извините, что не позвонил в пятницу, абсолютно не было времени.

Стал ссылаться на объективные причины. Мол, мы не сняли книгу, а только отложили ее выпуск. Ничего не ясно. Счета опечатаны, бумаги нет.

— Александр Прокофьевич, но ведь книга самая что ни на есть перестроечная. В духе сегодняшнего времени. Острая, критическая, осуждающая застой. Автор кается во многих грехах. Единственное, что может вызвать сомнение — глава «Партийный работник». Но и она сделана с сегодняшних позиций, многое в партработе нещадно критикуется. В конце концов, спорную главу можно снять. Жалко замысла. Десять лет назад в Минске вышла книга социологических портретов. Сейчас я к ним вернулся вновь. Есть замысел вернуться еще раз, через десять лет. Политическая конъюнктура будет все время меняться, а в задуманном сериале схвачен срез времени, его дыхание. Это же документ для истории!

Сопротивление было не очень сильным.

— Хорошо. Возьмите у Вучетича верстку, пройдитесь еще раз. Снимите главу о партработнике. Хорошо посмотрите все остальное. Не гарантирую выхода, но вариант подготовьте. Неизвестно, как будут развиваться события дальше.

— Спасибо, Александр Прокофьевич, и на этом. Очень вас прошу помочь мне. А то получается двойное наказание: работы лишился, а тут еще и книгу выбросили.

Через полчаса звонит снова.

— Николай Александрович, поймите меня правильно. Повылезала всякая пена, мутит, будоражит коллектив. Упрекают в том, что Поляков и сейчас, после роспуска партии, ничего не понял, выпускает по-прежнему литературу не для народа, а для партийных бюрократов. Предлагаю компромисс: мы сейчас выплатим вам 60 процентов аванса, а остальные 40 процентов — после выхода или невыхода. Прошу вас, примимте компромисс. Помогите мне. Поверьте, обстановка в коллективе очень непростая. Опечатали даже столовую на мебельной фабрике, куда мы ходили обедать.

Гонорар выплатить должны были в любом случае, даже если бы книга не вышла. Мне важен выход ее, до боли жаль идеи, которой жил это время. Она грела, поддерживала меня. И вот — финиш...

— Ладно, Александр Прокофьевич, что делать. Спасибо.

— Вот и хорошо. А вариант для возможного выхода все-таки подготовьте. На всякий случай.

Вчера поздно вечером позвонил Валентин Герасимов, однокурсник по ВПШ. Работает в еженедельнике «Ветеран». У них сняли главного редактора Свининникова, патриота, поддержавшего ГКЧП, и назначают выборы. Предлагает мне выставить свою кандидатуру. У них в коллективе некого. Значит, будет рекомендовать кого-то учредитель — газета «Труд».

Не знаю. Потапову, главному редактору «Труда», я звонил на прошлой неделе. Он внимательно выслушал и в свойственной ему манере медленно протянул:

— А что? Ты ведь не причастен к путчу... Знаешь что, давай вернемся к этому вопросу чуток попозже.

И я вспомнил: еще в прошлом году он несколько раз приходил ко мне на работу, уговаривал переходить к нему первым замом. Звонил вечером домой, упраскивал. Но теперь все переменялось.

Вчера же позвонил Севруку домой. Уволен с поста главного редактора «Недели» по формулировке: в связи с реорганизацией редакции и сокращением штатов. До пенсии — восемь месяцев. Просвета — никакого. Растерянность и удрученность.

Сегодня позвонил Подберезному, он работал

в журнале «Известия ЦК КПСС». Пытались реформироваться в журнал «Политический архив», но ничего не получилось, нет учредителей, нет бумаги, полиграфической базы. Белянов, главный редактор, собрал их и предложил искать работу самим. Подберезный в унынии. Куда бы не обратился — всюду глухая стена. То же говорят и его коллеги, с которыми он общается по телефону.

А вот одна из моих бывших технических работниц полна оптимизма:

— Берут в российский Совет Министров наших девочек. Уже один из орготдела перешел на полторы тысячи рублей и еще одну девочку с собой взял. Формирует свою команду. Здания функционируют — буфеты, столовые. Буфетчицы и прочая обслуга остались. Дачные хозяйства тоже в порядке. Просто перешли из одних рук в другие. Ничего, без технических работников никто не обойдется. Надо уметь приспособиться к новым людям.

А я-то, дурак, переживаю, что не могу их пристроить куда-нибудь. Они сквозь игольное ушко раньше других пролезут.

6 сентября. Вчера не делал записей — не было времени. Позавчера отмечал сороковой день, как умерла мать. Болела голова, да и событий суетных было много.

Ездил на бывшую работу. Позвонил кто-то из моих сослуживцев, сообщил, что будут давать зарплату. Действительно, давали. В здании столовой. Она функционирует, стоят привычные очереди в кассы, работает кулинария. Бывшие партаппаратчики не преминули поесть сосисок и купить килограмм мясного фарша. Похоже, что им неведомы чувства гордости, собственного достоинства. Абы набить желудок.

Выдали на руки учетные партийные карточки. Эти документы раньше перевозили спецсвязью. На руки не выдавали никогда. А теперь — пожалуйста, никому не нужны. Членские взносы не принимают, на учет становиться некуда — райкомы в Москве опечатаны. Умопомрачительно!

С утра позвонил главный редактор журнала «Утро» Слава Мотяшов. Они перерегистрировались, учредители — Научно-промышленный союз и еще какой-

то советско-американский фонд развития. Предложил заместителем ответственного секретаря — заведующим отделом домашнего хозяйства. Оклад — 1100 рублей. Это я вечером накануне звонил ему и просил не забыть, если у него есть вакансии и если редсовет не будет возражать. Сначала я отказался наотрез, а потом опомнился: мало ли что может быть. Сказал, что подумаю.

Постоял около столовой примерно час. Понаблюдать за обстановкой. Все мужики раздавлены. Глухая стена — нигде не берут на работу. Говорят, что до 23 сентября зарплата будет идти — в течение месяца со дня выхода указов, а потом расчет и месячное пособие. И — точка.

Вечером был в гостях Ян Чжэн — китайский журналист. Попили чаю. Он привез баночного пива. Утешал, просил не расстраиваться.

Настроение препаршивое. Не верю в случившееся.

7 сентября. Вчера снова ездил на бывшую работу — кулинария еще работает, и, став три раза в очередь, купил три кг мясного фарша, 1 кг сосисок и десять шницелей.

Встретил у столовой Виталия Авдевича из издательского отдела аппарата президента. Садился в черную «Волгу».

— Как ты? Не работаешь? Непременно позвони Жукову. У нас недобор кадров. Не откладывай только. Сразу же звони.

Иван Иванович Жуков — давнишний знакомый. Работал в ЦК, сейчас начальник отдела в администрации Горбачева.

Телефона Жукова я не знал, позвонил ему из дома. Ивана Ивановича на месте не было. Перезвонил об этом Авдевичу.

— Звони все равно. Такими людьми нельзя разбрасываться. Звони, мой хороший.

И положил трубку.

По дороге из столовой заехал в ателье на Кутузовском проспекте. Оно было нашим, цековским, входило в систему Управления делами ЦК. Немного поплутал, пока нашел. Я там был всего пару раз, и то на машине. А сейчас пешком, да еще под дождем. Вымок.

Пока мне делали расчет за костюм — успел-таки

сшить, правда, с января шили! — слышал кое-какие разговоры. Ну, например, звонил один крупный советский поэт и народный депутат СССР, знаменитый борец с привилегиями. Оказывается, он тоже шил себе костюм в ателье ЦК. Его закройщик тот же, что и у меня. Звонил бывший большой партийный функционер, интересовался, как шьется его шуба. Он работал в ЦК с 1944 года, ушел на пенсию только в конце 1990 года.

Сижу у приемщицы. Чувствую шевеление за спиной. Оглянулся — машет рукой какая-то женщина. Присмотрелся — Таисия Васильевна, жена президентского помощника Пряхина. А вот и он сам, выглядывает из-за плеча верной супруги. Пришел мерить штаны.

Разговорились. Ничего нового. Набор кадров заморожен. Он уже рекомендовал Ивану Ивановичу Жукову консультантов идеологического отдела Вазыха Серезева и Владимира Милюкова, но утверждение новых кадров приостановлено. Президентский аппарат будет реорганизовываться.

По радио передали постановление Госсовета СССР о признании независимости республик Прибалтики. Позвонил Айгару Мисану, он бывший заведующий сектором телевидения и радиовещания, с февраля 1991 года — заместитель председателя Гостелерадио СССР и одновременно руководитель Московского телеканала, поздравил с приобретением статуса иностранца. Горько все это. У него времени не было, говорит, давай созвонимся в субботу, меньше запарки, тогда поболтаем. А может, разговаривать с безработным функционером не желает? Люди меняются быстро. Хотя, как показало развитие событий, Айгар остался надежным товарищем.

8 сентября. Вчера ездил утром с дочкой на рынок. Купили фруктов, жвачек. Потом гуляли в парке. Она с одноклассником Виталькой, я с его мамой — художницей. Живут в доме напротив. На обратном пути решили подняться с Москвы-реки в гору. Гора крутая, глиняная, после дождей скользкая до невозможности. Наши попутчики были в сапогах, а мы с Ольгой в кроссовках. Дошли до середины, а дальше не смогли. Пришлось спускаться вниз. Не без приключений.

Пообедали вкуснейшими перчиками, фарширован-

ными мясом и рисом, сын достал из холодильника бутылку водки. Жена водку не пьет, я налил ей остатки коньяка «Белый аист». Пошутили: хорошо живут советские безработные!

В разгар обеда позвонил Харламов, главный редактор «Сельской жизни». Расспросил, как дела. Сказал, что позвонит через неделю-две насчет конкретной должности, если, разумеется, есть желание идти в «Сельскую жизнь». Осторожно спросил, знаю ли я секретарскую работу. Ответил, что два с половиной года был ответственным секретарем в республиканской молодежной газете. Но, откровенно говоря, секретарскую работу не любил, тяготился ею. Если ее предложат, не пойду.

В «Комсомольской правде» за вчерашний день интереснейшая статья писателя Владимира Максимова. О путче, об антикоммунистах. Еще более любопытная публикация в «Независимой газете» — о путче. Версия автора — Горбачев причастен к заговору, он сам отключал правительственную связь. Когда четверка приехала к нему 18 августа с предложением о введении чрезвычайного положения, он не сказал ни «да», ни «нет». А потом осенило: таким образом можно повысить свой рейтинг. Неспроста Янаев говорил на пресс-конференции, что Горбачев к ним присоединится. Вообще надо бы собирать эти версии и свидетельства. Аналитики здесь немало. Тщательно исследуются все обстоятельства. Например, в «Московских новостях» утверждается, что директор предприятия, где выпускалась правительственная связь, сказал — отключить помимо президента невозможно, там много автономных каналов, достаточно простой авторучки президента, чтобы опять включиться. Любопытно.

А. Проханов, да и другие, в том числе зарубежные авторы, пишут, что такие люди, как Варенников, и особенно Крючков, не дилетанты в заговорах, они профессионалы. Варенников брал дворец Амина, Крючков свергал правительство Венгрии в 1956 году. Оба блестяще справились с задачей. Здесь какая-то мистификация. В эпиграфе к статье в «Независимой газете» слова Горбачева, произнесенные после возвращения из Фороса: «То, что я знаю о заговоре, я никому никогда не расскажу». На кого они рассчитаны? На арестованных?

В.Максимов интересно размышляет о подобных процессах в Восточной Европе. Генерал Ярузельский. Вот кто действовал в интересах иностранного государства — СССР. И тем не менее он жив и здоров, никакого суда, никаких обвинений в государственной измене.

«Независимая газета» опубликовала комментарий о заседании Секретариата ЦК 5 сентября. Что значит «приостановить деятельность КПСС»? Ни один юрист, по словам Лучинского, не знает, что это такое. Ивашко вышел из больницы, ему поручено связываться с Горбачевым. Обсуждался вопрос о проведении пленума ЦК. В Казахстане прошел съезд партии — на подъеме. Партия там жива, но независима от КПСС.

Глава 6

ЧЛЕН КПСС? ЗНАЧИТ, ВИНОВЕН!

Во время долгих и безуспешных поисков работы в моей квартире раздался телефонный звонок. Не буду называть фамилию представившегося мне человека, до этого она не была мне известна.

Незнакомец справился, туда ли он попал. Удостоверившись, что у телефона именно тот человек, который ему нужен, звонивший сказал: он вышел на меня по просьбе моих друзей, которые попросили его подыскать для меня какую-либо работу. Так вот, он мог бы предложить мне кое-что с учетом моего базового журналистского образования.

Предложение меня заинтересовало, и я спросил, куда надо подойти. Тут же был назван подробный адрес, а также маршрут метро и троллейбуса. Условились встретиться назавтра в десять утра.

Ехать пришлось долго, но это меня не смущало. Ничего, лишь бы работа была интересная. Не на биржу же труда, в самом деле, обращаться.

Кстати, позднее я узнал, что обращались и туда. На февраль 1992 года в Московской бирже труда было зарегистрировано 525 бывших работников партноменклатуры. Из них 116 человек ранее работали в ап-

парате ЦК (в основном технический персонал), 31 — в Московском горкоме, 218 — в райкомах, 27 — в парткомах.

Повторяю: перспектив не было никаких, время от времени пресса со злорадством сообщала, что готовится указ Ельцина, запрещающий бывшим коммунистам занимать ответственные посты в органах государственной власти. Особенно упорно настаивала на запрете на профессии по идеологическим мотивам пламенная демократка Галина Старовойтова.

Из дому я выбрался с некоторым запасом времени, и потому по указанному адресу прибыл несколько раньше. Это был обычный жилой дом, которых в Москве тысячи. Блочная пятиэтажка, печально знаменитая «хрущоба». Признаков какого-нибудь офиса не наблюдалось. Я еще раз взглянул на блокнотный листок с адресом: дом такой-то, помещение такое-то. Помещение... Признаться, это слово смутило меня еще вчера, во время разговора. Но в Москве такие адреса — строение номер такое-то, помещение номер такое-то — не редкость.

Так вот, «помещением» оказалась небольшая комнатка в подвале. Вход преграждала железная решетка с большим висячим замком. До назначенного времени оставалось еще полчаса, и я вышел во двор. Он был захламлен до невозможности. Валялись обрывки газет, огрызки яблок, апельсиновые корки, окурки. По обе стороны подъезда, словно античные львы у петербургских дворцов, красовались две мусорницы, источавшие такой запах, что пришлось зажать нос. В мусорницах копошились бездомные кошки.

Из окна моего кабинета на седьмом этаже офиса на Старой площади открывался великолепный вид на Кремль. Через каждые четверть часа раздавался бой курантов на Спасской башне. Под солнечными лучами ослепительно сверкали купола кремлевских храмов. Их видом любовались все мои посетители. И вот после такого благолепия — вонючий подвал на окраине города.

Невольно вспомнились тяжелые сны последнего времени. Ближе к лету 1991 года вдруг стало сниться, будто я учусь в школе рабочей молодежи. Зачем я пошел туда, ведь я ее уже окончил, у меня есть аттестат

о среднем образовании, — недоумевал я, сидя за партой в помещении пожарного депо Минского подшипникового завода, где размещалась вечерняя школа номер 23, в которую я ходил три года — с восьмого по десятый класс. Нередко снилось вообще черт знает что: будто стою на самом верху огромного стога сена и боюсь не то что спуститься с него, даже глянуть вниз. Вещие сны приходили ко мне душными июльскими ночами девяносто первого года!

Падение с громадной высоты — вот оно, наяву. Подвал, мусорницы, бездомные кошки, загаженная собачками детская площадка с чахлыми кустами неизвестного происхождения. Долго выдержать соседство мусорниц я не мог, и потому решил дожидаться нужного человека в подвале, благо, там было теплее, чем во дворе.

В подъезде грела одна-единственная батарея. Я прислонился к ней спиной и зажмурил глаза, пытаюсь расслабиться и снять напряжение. После двухминутного упражнения по методике самовнушения почувствовал себя лучше. Огляделся по сторонам. Подъезд и лестница, ведущая в подвал, были захламлены не меньше, чем двор и детская площадка. В углу валялись обрезки досок, пустые картонные коробки. В какой-то миг мне показалось, что ворох коробок зашевелился, выдавая присутствие живого существа. Вскоре передо мной появился жалкий, облезлый котенок. Уж не его ли мамаша обследовала мусорный ящик у входа?

Когда-то она, наверное, жила в теплой, уютной квартире и была ухоженным домашним животным. А потом ее выгнали на улицу. Бедный котенок, он, наверное, не знает, что такое сытая жизнь у любящих хозяев. И так мне стало жаль этого несчастного котенка, что чуть слезы на глаза не навернулись. А он боязливо крутился вокруг моих ног, не осмеливаясь ощутить их тепло и защиту. Вот таким котенком оказался сам себе и я.

Хлопнула входная дверь. Котенок испуганно пискнул и отпрянул в темный угол с коробками. По лестнице застучали женские каблуки. Кто-то спускался вниз. Лязгнул замок, заскрипели растворяемые дверцы железной решетки. Наверное, секретарша, подумал я, и не ошибся.

— Вы к нам? — приветливо спросила миловидная молодая женщина.

— К вам, — подтвердил я, — если вы имеете отношение к человеку, назначившему мне встречу на десять...

Меня любезно пригласили войти в кабинет шефа и немного подождать. Я сделал несколько шагов, и вдруг обнаружил возле своих ног котенка. В мгновение ока он проскользнул в приемную и жалобно замыкал, просительно глядя на женщину.

Та растерялась. Попыталась избавиться от неожиданного гостя, но ничего не получалось. Из приоткрытой двери кабинета шефа я наблюдал за ее безуспешными попытками. Отчаянное топанье ног и мяуканье внезапно прекратились. Уж не хозяйка ли победила? Нет, веселая возня остановилась из-за появления хозяина.

Он вошел в кабинет походкой человека, знающего себе цену. Мы обменялись рукопожатиями, представились друг другу. Кооператор, а он, судя по внешнему виду и особенно по здоровому цвету лица, свидетельствовавшему о хорошем качестве пищи, явно относил себя к числу преуспевавших бизнесменов, открыл дверь в приемную и попросил секретаршу принести нам чаю. И тут в кабинет проскользнул все тот же котенок. Теплый, дрожащий от холода комочек прижался к моей ноге.

Кооператор зло сверкнул глазами, засучил рукав, обнажив пухлую, заросшую густой шерстью кисть, поднял за шею котенка и с отвращением выбросил за дверь.

— Мне звонили насчет вас из Кремля, — брезгливо вытирая ладонь носовым платком, продолжил он начатый разговор. — Я могу предложить вам кое-что, связанное с журналистским профилем вашей прежней работы. Скажу откровенно: у меня есть замысел издавать свою газету и приложение к ней — журнал. Как вы посмотрите на предложение стать главным редактором обоих изданий? Бумага есть, с полиграфической базой проблем нет, оклад я вам положу для начала три тысячи рублей в месяц. Плюс гонорар, премии и все остальное. У вас будет служебная машина, правда, пока не «мерседес».

У меня перехватило дыхание. Знаете, сколько я по-

лучал в ЦК КПСС, будучи замзавотделом? Вместе с апрельской компенсацией — 840 рублей. А тут — три тысячи! Уму непостижимо. Волна благодарности друзьям, не забывшим в трудную минуту, захлестнула меня. Симпатичным показался и собеседник. Куда-то на задний план отодвинулась волосатая рука, беспомощно болтавшийся в воздухе котенок, гримаса от вращения на лице. Первое впечатление чаще всего бывает обманчивым. Золотой человек!

— Однако, прежде чем ударить по рукам, — продолжал между тем толстосум-меценат, — я хотел бы выяснить кое-какие моменты. Хотя вы и со Старой площади, но я глубоко убежден: КПСС — преступная организация. А как считаете вы?

Он говорил что-то еще в развитие своей точки зрения. Мне становилось ясно: мой благодетель ждет, чтобы я согласился с его мнением.

Не буду пересказывать содержание нашего дальнейшего разговора, скажу только: от заманчивого предложения я отказался. Не прельстили меня ни служебная машина, ни астрономическая зарплата. Как можно находиться под началом человека, убежденно-го, что партия, в высших эшелонах которой я проработал почти двенадцать лет, а членом которой состоял двадцать лет, — преступная организация? Получается, что я тоже преступник? Преступники ли сотни, тысячи людей, которых я хорошо знаю и вся вина которых в том, что они связали свою жизнь с КПСС?

Начну с себя. В партию я вступил в 1971 году, когда работал в республиканской молодежной газете в Минске. Кандидатом в члены КПСС меня приняли годом раньше, во время службы в армии. Так вот, нисколько не кривя душой, заявляю: в партию я вступал осознанно, без подсказки со стороны, без всякого давления, исключительно по собственному убеждению. И произошло это не в юношеские годы, когда иной раз трудно объяснить свои поступки, за которые потом расплачиваешься и сожалеешь, а в зрелом возрасте.

Когда я подал заявление о приеме кандидатом в члены партии, мне было 26 лет. Согласитесь, это не девятнадцать и даже не двадцать два. К тому времени я был уже три года женат, имел сына, ощущал всю

полноту ответственности за семью. За плечами были труднейшие жизненные дороги, нелегкие испытания судьбы. Лиха пришлось хлебнуть с избытком.

И отец, и мать у меня были беспартийными. Потомственные белорусские крестьяне, они всю жизнь трудились на земле. Мать была неграмотной, только и умела, что расписаться. Отец был большой книгочей, признанный деревенский политик, выписывал аж две газеты. Длинными зимними вечерами в нашей хате всегда собирались соседи, с детства помню, как отец вслух читал новости, как внимательно его слушали. Он был общительным, в молодости служил в Красной Армии, любил порядок и дисциплину. Удивляюсь, как при его начитанности он никогда не занимал никаких руководящих должностей в колхозе, не выбился в бригады или тем более в кладовщики.

В нашем роду никто не пострадал в годы сталинских репрессий. Никто никогда не был под следствием. Обыкновенные рядовые люди, интересы которых не выходили за рамки семейных или родственных. Пределом мечтаний отца было увидеть своего единственного сына слесарем на каком-нибудь заводе в городе.

Кроме меня в нашей семье были еще две старшие сестры. Обе закончили сельскую семилетку. Обе вышли замуж, живут сейчас в Минске, воспитали по две дочери, которые в свою очередь тоже обзавелись семьями. Ни сестры и их мужья, обыкновенные заводские люди, добрые и порядочные, ни племянницы и их мужья в партию не вступали.

Наша деревня была маленькая — десять дворов. Вокруг разбросано с десятков таких же малонаселенных поселков. Единственное в округе большое село Ельня — дворов на сто — располагалось в пяти-шести километрах от нашей Соколовки, в которой, насколько мне помнится, ни одного коммуниста не было. Парторганизация находилась в Ельне, куда мы, соколовская ребятня, ходили в школу. Но каких-то ярких впечатлений о сельских коммунистах детская память не сохранила. В нашей избе никогда не заводились разговоры о делах партячейки, о ее решениях. Повторяю, мои родители, как и большинство соседей, жили своими заботами, и их интересы не простирались за границы обыденных крестьянских занятий.

Первого коммуниста я увидел в четырнадцатилетнем возрасте, когда, окончив сельскую семилетку, отправился пешком в Минск. После долгих мытарств, хождений по землякам и дальним родственникам первый секретарь Минского горкома комсомола Хохлов, к которому я пришел на прием, отчаявшись найти самостоятельно какое-нибудь пристанище в большом и чужом городе, устроил меня подсобным рабочим на Минский полиграфический комбинат. Хохлов, несомненно, был членом КПСС, иначе кто бы утвердил его в должности руководителя столичной комсомольской организации. Это я понимаю сейчас, а тогда, в 1958 году, вряд ли задумывался о партийности человека, принявшего участие в судьбе четырнадцатилетнего сельского паренька.

Почему я обратился именно в горком комсомола? Под влиянием прочитанных книг о Павке Корчагине, о молодогвардейцах, ударниках великих строек коммунизма. Хохлов внимательно выслушал мальчугана, обогрел, обласкал добрым словом, накормил вкусным обедом в горкомовском буфете.

Кто я ему был? Чужой человек, сбежавший из дому. Другой на его месте сдал бы в детский приемник милиции, и делу конец. Хохлов понял, что возвращаться мне нельзя, помог трудоустроиться на полиграфкомбинат, определиться с проживанием и учебой в школе рабочей молодежи.

На полиграфкомбинате коммунисты работали рядом со мной. Так же, как и я, запаковывали книги в пачки, таскали тяжеленные фуры от конвейера на склад. Обыкновенные люди: веселые и хмурые, разговорчивые и молчуны, любители выпить и трезвенники. Не помню, чтобы кто-то из них обидел меня или поступил несправедливо. Часто возле пресса, которым вскоре я стал управлять, появлялся Анатолий Божок, секретарь комитета комсомола комбината. Он тоже был членом партии и, как я сегодня понимаю, присматривал за мной, не давал сойти с правильного пути.

В вечерней школе я учился три года. Жил на окраине Минска, в подвальной каморке деревянного частного домика, построенного жителем пригородного села для своего женатого сына. В каморке было сыро и холодно. Вставать приходилось в шесть утра, потому что смена начиналась в половине восьмого,

а добираться до комбината надо было двумя видами городского транспорта с тремя пересадками. Если учесть, что занятия в вечерней школе заканчивались в одиннадцать вечера и домой я добирался к двенадцати ночи, то можно понять, почему я довольно часто бросал школу. Анатолий Иванович Божок уговоривал не делать этого, и я снова оказывался по вечерам за партой.

Три года продолжалась эта безумная гонка, и кто знает, что было бы со мной, если бы не старшие товарищи. Подростковый возраст — самый трудный, а я, по сути, был предоставлен самому себе. Рядом не было ни одной родной души. Мог бы попасть в сомнительную компанию, стать легкой добычей улицы, уголовных элементов.

Но недаром говорят, что личность формирует среда. О тех, кто окружал меня три года, можно судить и по тому, что семнадцатилетний подсобник пополнил ряды не хулиганской ватаги, а студенческой аудитории университета.

Потом была работа в журналистике. Сначала в заводской многотиражке, затем в республиканской молодежной газете. В «молодежке» я вел вопросы, далекие от партийной темы — освещал работу правоохранительных органов, увлекался судебными очерками, любил диктовать репортажи в номер о различных событиях. Я был молод, полон сил и веры в свою счастливую звезду. Репортерская работа мне очень нравилась, по душе были и частые командировки.

Когда выпадало дежурить по газетному номеру или делать обзор на редакционной летучке, надо было в обязательном порядке прочитывать материалы, проходившие по отделу пропаганды. Как правило, это были длиннющие и скучнейшие статьи о вещах, которые с трудом поддавались пониманию. Теоретические статьи и прочую заумь я не выносил. Может, сказывались пробелы в моем высшем образовании: учился-то я на вечернем факультете журналистики, выделялся тем, что уже работал в республиканской газете и по этой причине посещение лекций нередко игнорировал.

Недостаток в теоретической подготовке особенно дал знать о себе, когда меня утвердили заместителем главного редактора газеты. На прежних ступеньках должностной иерархии комплексом неполноценности

своих знаний я не страдал. А тут, когда пришлось оценивать пространные статьи академиков и профессоров, понял: научный фундамент у меня слабоват. Надо бы обновить старые знания и поднакопить новые.

Решил податься в Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС — ЗВПШ. Обратился в сектор печати ЦК Компартии Белоруссии к Василию Александровичу Каленчицу. Он принял меня. Потом, когда я пришел в аппарат ЦК КПБ, Василий Александрович, будучи уже помощником П. М. Машерова, как-то разоткровенничался:

— Небывалый случай. Обычно руководители сплавливали слабых работников на учебу в ВПШ. Лучший способ избавиться от неугодных. А тут вдруг приходит заместитель главного редактора, совсем молодой — тридцать лет — и сам просит послать его на учебу. С такой должности!

В ВПШ моими сокурсниками были первые секретари райкомов, заведующие отделами обкомов — в основном в сорокалетнем возрасте, предельном для зачисления в ВПШ. Если сорок лет, так и знай: послали на учебу в порядке партийной дисциплины. Они и составляли основной костяк слушателей. Многие, догадываясь о своей участи и не имея ни навыков, ни желания обновлять знания, прожигали жизнь в столице, наверстывая все, что упустили в круговерти районной текучки. Именно там, в стенах ВПШ «на Миусах», родилась песня сосланных на учебу периферийных партработников. До сих пор помнится ее рефрен:

Спасибо партии родной
за двухгодичный выходной.

Как попал я «на Миусы»? «Миусами» в просторечии мы называли ВПШ потому, что она находилась в Москве на Миусской площади. Длительное время ректором этого учебного заведения, знакомого не одному поколению советских и зарубежных партийных работников, был профессор Митронов. О нем была сложена популярная в общежитии песня выпускников:

Прощай, Митронова слободка,
прощай, родная ВПШ!
Мы выпили здесь бочку водки,
и не узнали ни шиша!

Почему «Метронова»? Ведь фамилия ректора писалась через «и». Дело в том, что Миусская площадь в ста метрах от станции метро «Новослободская»...

Но я отвлекся. Итак, отчего вдруг появились «Миусы»? Я ведь собирался в ЗВПШ. Дело в том, что я опоздал с просьбой о заочной учебе. Списки рекомендуемых в ЗВПШ были уже составлены и поданы в ЦК КПСС — он занимался подбором и комплектацией контингента слушателей.

Каленчиц сообщил мне об этом, когда я позвонил ему, встревоженный отсутствием ответа из ЦК.

— Рекомендую поступать на дневное отделение, — прозвучал в трубке его глуховатый, не совсем внятный голос. — Я сам учился на дневном и несколько об этом не жалею. Жил, как говорится, на два дома, двое детей в Бресте, жена, а стипендия — 140 рублей. Сейчас там 220 платят. Да и перспектив в Минске больше, чем в Бресте было. Там что? Одна областная газета. А в столице вон сколько изданий! Без работы не останешься.

Доверительный тон старшего товарища, прямо скажу, подкупал. И я решился. Будь что будет. Да и другие товарищи, учившиеся в свое время в ВПШ в Москве, развеивали последние сомнения:

— Езжай, и не раздумывай! Тебе сколько? Тридцать? Больше такой возможности не представится. В смысле теоретической базы ничего подобного в стране нет.

Этот аргумент был самым убедительным. Чему и где я учился? Три года в вечерней школе, пять лет на вечернем факультете университета. В обществе ученых мужей в основном отмалчивался, иные коллеги, состоявшие в штате редакции литературными сотрудниками, но родившиеся в благополучных семьях и получившие систематическое образование, иногда подчеркнуто блистали своей эрудицией.

Нечто похожее я наблюдал много лет спустя на Старой площади, когда инструктора, за пять лет прошедшего от заместителя заведующего сектором, заведующего сектором, заместителя заведующего подотделом до заместителя заведующего отделом — без связей и без могущественных покровителей, некоторые должностные лица ЦК воспринимали снисходительно и как

бы не всерьез. Мало того, что не москвич, — ни одним иностранным языком не владеет, ни разу за рубежом не был, ни с кем из сильных мира сего не связан. На первых порах, помнится, кое-кто со мной разговаривал, как в армии с новобранцем из глухой глубинки. Фамилии писателей непременно называли с именами, растолковывали, какие книги они написали.

Однако вернемся к дням поступления в ВПШ. Профессиональную карьеру партийного работника делать тогда я не думал. Поступил на отделение журналистики с тем, чтобы, отучившись два года, вернуться назад в газету. О партийной работе я толком ничего не знал, впрочем, как и о комсомольской. Иногда нас, комсомольских журналистов, приглашали в ЦК комсомола республики на совещания, пленумы, семинары. Бывали случаи, когда просили помочь в подготовке документов, связанных с проблемами молодежной печати. Работники ЦК комсомола Белоруссии в редакцию приходили не очень часто — обычно их визиты были вызваны участием в партийных и комсомольских собраниях. Не могу сказать, что нас сильно опекал сектор печати ЦК комсомола — звонки, как правило, были по делу. Обычно информировали о предстоящих мероприятиях. За одиннадцать лет работы в «молодежке» я не помню случая, когда бы мне приходилось везти на предварительное прочтение материалы, предназначенные для публикации в газете.

Еще больше свободы предоставлял сектор печати ЦК Компартии Белоруссии. Иногда на критические материалы «молодежки», подчас не в меру горячие и задиристые, поступали жалобы «старшим товарищам», как в те годы комсомольские работники называли сотрудников партийных органов. Автором некоторых таких публикаций был и я. Однако не припомню, чтобы со мной резко разговаривали, требовали от редактора суровых санкций. Хотя с высоты прожитых лет должен признаться, что ошибок в молодости я творил предостаточно.

Не знаю, может, люди в секторе печати тогда работали очень уж порядочные, но не было случая, чтобы с журналистом расправились по указанию сверху, даже если изложенные в его публикациях сведения не подтверждались при проверке. Да, выговоры в приказах

объявлялись, не избегал этих малоприятных минут в своей жизни и я, но взыскания были вполне заслуженными: за невнимательность на дежурстве по номеру, за поверхностную проверку фактов, изложенных в читательском письме, в результате чего фронтовику, заслуженному человеку, нанесен моральный урон. Приходилось извиняться и через газету, и от себя лично. Еще раз повторяю: обида за взыскания, конечно, была, но ведь и вина автора присутствовала тоже.

В московской ВПШ появилась возможность лучше присмотреться к партработникам, которые раньше были от нас на некотором отдалении. Жили мы все в общежитии, а в быту люди раскрываются полнее. За небольшим исключением слушатели ВПШ были обязательными, заботливыми и внимательными людьми. За два года учебы у нас не было ни одного ЧП, ни одного случая отчисления из школы. Иногда партработников обвиняют в консерватизме, ортодоксальности, неумении свежо и нестандартно мыслить. Мол, среда формировала их послушными, ограниченными, недалекими исполнителями. Средства массовой информации усердно лепят образы таких акакиев акакиевичей, застегнутых на все пуговицы, мелких душой, не способных на яркие, запоминающиеся поступки.

Побыли бы ваятели этих образов в аудиториях ВПШ! Представьте себе ситуацию: семьдесят седьмой год, нарастающее непомерное восхваление Леонида Ильича Брежнева. И вдруг в главной кузнице партийных кадров — при самом ЦК КПСС! — сорокалетний слушатель второго курса (глава семьи, не девятнадцатилетний романтик-революционер, да еще перед распределением на работу) на семинарском занятии по научному коммунизму, находясь в здравом уме, публично задает вопрос:

— Я видел рукописи Ленина. Говорят, что сохранились рукописи Сталина. Есть ли рукописи у Брежнева? Где их можно увидеть?

Споры велись жесточайшие — о практической политике партии, об экономной экономике, о комплексном подходе к делу воспитания трудящихся. Вспоминая те горячие дискуссии и крамольные суждения, я категорически не согласен с огульными обвинениями всех партработников в ограниченном кругозоре, сла-

бых мыслительных способностях, серости и маловыразительности.

Со многими из слушателей я не порывал связь все эти годы. Переехав в Москву, часто бывал в командировках и всегда интересовался судьбой своих однокурсников. Выяснялось, что многие из них, учась в ВПШ, подготовили кандидатские диссертации. Это были упорные, настойчивые, целеустремленные люди, не умевшие жить праздно в столице, в которой на каждом шагу столько соблазнов. Никто из них не сломался, ни один не скомпрометировал себя в глазах людей. Многие заняли высокие посты в партийных комитетах, Советах различных уровней, в министерствах и ведомствах, стали крупными организаторами науки, культуры, производства. Некоторых, правда, уже нет в живых — подорвали здоровье в бесконечных хлопотах и тревогах. Показательно, что скончались они от одной болезни — сердечно-сосудистая недостаточность, инфаркт, инсульт. Профессиональная болезнь управленцев.

С гордостью говорю: среди моих бывших однокурсников по ВПШ не оказалось ни одного, замешанного в неблагоприятных делах, замаравшего свое имя действиями, противоречащими нормам права и морали.

Запрещение деятельности КПСС, национализация ее имущества, конечно же, было страшным ударом для моих друзей. Они недоумевали: что произошло? Почему такое случилось? Некоторые приезжали ко мне в Москву, и мы долгие часы проводили в спорах, пытаясь докопаться до сути причин, приведших к горькому финалу имеющую почти столетнюю историю мощнейшую политическую структуру.

Понемногу шок, вызванный августовскими событиями 1991 года, проходил. Через четыре-пять месяцев мои бывшие однокурсники сообщали, что они при деле. Кто пошел работать по основной специальности, кто определился в новых сферах деятельности. И все же горечь в голосах моих друзей не проходила. Это и понятно: многие потеряли все, что имели, оказавшись на тех же ступеньках социальной лестницы, на которых были в двадцати-двадцатипятилетнем возрасте. В их опыте, знаниях, навыках больше не нуждались.

Горько и обидно сознавать это и мне. В общественном мнении все больше пытаются укрепить мысль о том, что КПСС — преступная организация, призывают к суду над ней. Интересно, как можно судить сразу девятнадцать миллионов человек? Таких процессов еще не было в истории мировой цивилизации.

Если исходить из того, что КПСС — преступная организация, значит, каждый ее член — тоже преступник? Но в чем состав преступления? Например, мой?

Возглавив в 1982 году сектор печати ЦК Компартии Белоруссии, а затем и аналогичное подразделение в ЦК КПСС, я все эти годы стремился к максимальной защите профессиональных журналистов и всех людей, пишущих в газеты. Наш сектор был единственным подразделением в стране, занимавшимся функционированием средств массовой информации. Работали там люди квалифицированные, немало лет отдавшие труду в редакционных коллективах, знавшие вкус этого нелегкого куска хлеба. Прошедшие хорошую школу районной, областной, республиканской печати, они с полуслова понимали круг своих задач, были настоящими друзьями и партнерами столичных и местных журналистов. До сих пор в редакционных коллективах тепло вспоминают своих бывших кураторов Вячеслава Максимовских, Анатолия Барановского, Владимира Полудницына, Тимофея Кузнецова, Владислава Бояркина, Вазыха Серазева, Виктора Черемухина, Анатолия Подберезного, других работников сектора, которые никогда не действовали по схеме «начальник и подчиненные».

Середина восьмидесятых годов была для работников сектора печати пиком анонимных писем. Это было настоящее бедствие! По существовавшему тогда порядку письма без подписи проверялись наравне с другими. Пренеприятнейшее занятие. У меня анонимки вызывали чувство омерзения, и я, когда был на должности инструктора, всяческими способами пытался увильнуть от их проверки. Продвинувшись по служебной лестнице, я получил возможность распределять эти письма между работниками сектора. Так вот, ни один из них не пылал желанием копаться в доносах. Кто пересылал их в редакции, кто в обкомы-горкомы. Мне это очень понравилось. Значит,

люди в секторе глубоко порядочные, брезгливые к проявлениям подлости.

Время от времени на летучках в секторе ставился вопрос о том, чтобы анонимки вообще не рассматривать. Все без исключения разделяли это мнение, но порядки, заведенные в партии и стране, не сектором предписывались. И вдруг письмо в Политбюро от тогдашнего главного редактора «Известий» И. Д. Лаптева с предложением впредь письма без подписи не принимать к рассмотрению. Иван Дмитриевич настаивал на принятии соответственно партийного и государственного решений.

Политбюро поручило изучить данный вопрос идеологическому отделу. Руководство отдела сочло, что, поскольку больше всего писем поступает в сектор печати, то именно ему и следует проработать предложение Лаптева. У меня загорелись глаза: вот она, возможность наконец-то дать анонимщикам поворот от ворот.

Через руководство ТАСС попросил корреспондентов за рубежом изучить практику работы с письмами без подписи в других странах. Информация тассовцев потрясла: даже во Вьетнаме анонимки не рассматривались ни на партийном, ни на государственном уровнях. Что уж говорить о странах, имеющих вековые демократические традиции! В большинстве западноевропейских стран брались на учет только те анонимные сигналы, которые предупреждали о готовящихся террористических актах, грабежах и других насильственных действиях, угрожающих жизни и здоровью граждан.

Мы пригласили в сектор группу юристов, ученых-обществоведов, специализирующихся в области прав человека, провели с ними серию встреч за «круглым столом». Запросили мнение руководителей ряда центральных и местных средств массовой информации, попросили высказать точку зрения партийных и советских работников, идеологического актива, правоохранительных органов. Последние, конечно, от предложенной идеи в восторг не пришли. А вот остальные категории опрошенных однозначно поддержали предложение главного редактора «Известий». Если уж на-

чалась борьба за нравственное здоровье народа, за очищение общества от деформаций прошлого, то анонимным доносам места в жизни быть не должно.

Автор этой книги сел за составление записки в Политбюро. Ее подписал, не изменив ни единого слова, тогдашний заведующий отделом Ю. А. Скляр, непродолжительное пребывание которого в этой должности было отмечено многими новациями в идеологической сфере. С Юрием Александровичем работать было легко и интересно. Доступный в любое время, мягкий в общении, больше всего не любивший неискренности, он оставил добрый след в моей душе.

Однако вернемся к записке. Она миновала все аппаратные рифы и легла на стол Горбачеву. Реакция генсека была мгновенной: включить в повестку ближайшего заседания Политбюро. Остальное известно — вышли партийное и государственное решения, согласно которым письма без подписи больше не проверялись и не брались на учет.

Можно ли было дать отрицательное заключение на письмо-предложение И. Д. Лаптева? Запросто. Не хочу кичиться своими заслугами, но, хорошо зная аппарат, допускаю, что попади записка Ивана Дмитриевича в тогдашний отдел административных органов, неизвестно, какой вердикт ей бы там вынесли. Ведомственность была настоящим бичом аппарата ЦК.

Конечно, это чистая случайность, что проработку вопроса, поднятого И. Д. Лаптевым, поручили мне. Вместо меня мог быть любой другой работник отдела. Просто у меня, наверное, было больше неприязни к позорной практике рассмотрения анонимок, о которой я во всеуслышание говорил на совещаниях и собраниях. Люди, загнанные в угол многолетней травлей клеветников-анонимщиков, вызывали у меня чувство вины перед ними. Мы были бессильны оградить честных людей от грязной клеветы и бессовестной лжи. Не успеем, бывало, списать в архив не подтвердившийся при проверке сигнал доброжелателя, как на стол кладется очередной пасквиль. И его тоже надо было проверять: создавать комиссию, требовать объяснений, что бесследно для здоровья и морального состояния оболганного, как правило, не проходило.

Из записей для себя

9 сентября. Весь день печатал на машинке. Вчера звонил Асиф Гулиев из Баку — однокурсник по ВПШ. Он тоже безработный, здание ЦК Компартии Азербайджана опечатано, ждут съезда. Очень плохи дела у Поляничко, нашего общего знакомого, второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Асифа вроде приглашают на работу в Верховный Совет, советуется, как поступить. Конечно же идти. Утешал, просил не вешать нос. Сказал, что я для него как брат. Приглашал в Баку.

Сегодня нас пригласили к 14.00 в пятый подъезд в комнату 418. Руководителей подразделений и отделов уведомляли о предстоящем увольнении под расписку. Через два месяца — расчет. К 9 ноября. Подарок и поздравление к празднику 74-й годовщины Великого Октября. Вроде бы Секретариат ЦК принял такое решение вопреки распоряжению Силаева. Посмотрим. Ясно только одно — зарплата 20 сентября. Следующая, то бишь.

Звонил сегодня Анатолий Набатчиков — бывший корреспондент «Известий» в Монголии. Пару лет назад я был в этой стране во главе делегации работников ЦК КПСС. Потом у него закончился срок заграничной командировки, и он вернулся назад в редакцию. Его должность входила в учетно-контрольную номенклатуру должностей ЦК КПСС. Мне приходилось заниматься его трудоустройством после возвращения из Монголии. А теперь вот какой пассаж. Я сам безработный. Он спецкор в «Известиях». Тоже обещал помощь и поддержку.

Собрались сегодня своим пресс-центром в пятом подъезде. Фомин, как всегда, притащился через час. Тягостное настроение. Никто не знает, что ждет впереди.

Спросил у Яшина — он был секретарем партбюро отдела — кто из наших нашел работу. Андриянов — вернулся в свою «Рабочую трибуну», но уже на должность обозревателя. А был первым замом главного редактора. С этой должности и пришел первым замом идеологического отдела. И чего поперся в ЦК в 55 лет? Лишился всего. Правда, в редакции могут

быть кадровые перемены. Васьков вернулся в правительство Москвы. Он пришел помощником Дегтярева — заведующего идеологическим отделом — из Моссовета, где был секретарем парткома. Там его знают. И Егинбарян написал заявление об уходе по личной просьбе. Да, еще Стрекалин ушел в какую-то фирму. И все.

10 сентября. Вчера Пташкина заказала мне пропуск на сегодня в шестой подъезд. Думал забрать стенографические бюллетени для делегатов XXVIII съезда (через пару десятков лет коллекционеры задрожат!), кое-какие книги, стенограмму пресс-конференции Гидаспова и Нерознака. Увы, все исчезло. Кабинет пуст, ни единой бумажки, ни одной книги.

С утра ездил в «Правду», надо было отправить в Минск кое-какие материалы. Как и в прошлый раз, милиционер внимательно изучил удостоверение и не пропустил.

— Кто дал указание не пропускать по удостоверениям ЦК? — спросил я.

— Администрация издательства. Велено по синим и красным удостоверениям не пропускать.

Администрация — это директор издательства «Правда» Вячеслав Петрович Леонтьев, который десять лет работал в Управлении делами ЦК. Милиция обслуживает издательство по договору. Издательство платит милиции. Оно и заказывает музыку.

На работу шла знакомая женщина из отдела корсети «Правды». Она и взяла пакет.

После этого поехал в ЦК. Пропуска выдают на бланках российского Совмина рядом с третьим подъездом. На обороте — время выхода из здания, с указанием часов и минут и подписью заказывавшего пропуск. В ЦК был другой порядок, более демократичный. Отметка о посещении не требовалась. Из комендатуры звонили на пост, и там заполняли бумажку, которая оставалась на посту. Посетитель мог быть в здании хоть до десяти вечера. При выходе постовой перекладывал бумажку в ячейку использованных. И вся процедура. Никаких отметок о часах и минутах.

Но это к слову. Прошел. Начал делать звонки, говоря языком функционеров.

Позвонил референту Горбачева Виталию Семеновичу Гусенкову. Длительное время он был референтом Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева, а референтом президента стал совсем недавно — пару месяцев назад. У нас с ним были прекраснейшие отношения. Несколько раз он давал мне поручения, характер которых не оставлял сомнений в том, что он обслуживал Раису Максимовну. Сколько он пересылал мне писем, адресованных ей. А сколько было более тонких дел, о которых я никогда не расскажу. Его дача в Успенском была через одну от моей. При встречах мы раскланивались, улыбаясь друг другу.

Как-то он сказал, что в случае необходимости будет рад помочь мне.

И вот такой момент наступил.

— Виталий Семенович, здравствуйте. Завис я, Виталий Семенович.

— Так, так, — ледяным тоном произнес он. — Скажу вам откровенно: не стройте никаких иллюзий. Ко мне уже обращались несколько человек, и я им не помог. Не знаю, не знаю...

Я не узнавал Гусенкова. Всегда предупредительно-вежливый, корректный, он говорил сухо и холодно.

— Извините, Виталий Семенович, — пролепетал я. — Извините.

В последний миг что-то изменилось:

— Как вас найти? Дайте ваш квартирный телефон.

Я назвал. По-моему, чисто протокольный прием. Чтобы отвязаться.

Позвонил по вертушке Авраамову, главному редактору «Журналиста», где я с конца прошлого года член редколлегии.

— А, Николай Александрович! — обрадованно-приподнятым голосом произнес он. — Как дела, как настроение?

— Да вот так, Дмитрий Сергеевич, безработный. Сажу дома.

— Ну, мы вас в обиду не дадим. Мы вас очень уважаем. Правда, из членов редколлегии мы вас вычеркнули. Те, кто выше вас, сказали: вы уже никого не представляете. Но вы к нам приходите, посидим, потолкуем...

Как будто он с кем-то согласовывал. Попробуй кого-нибудь сейчас найти! Тем более что он сам подал

заявление о выходе из состава редколлегии «Правды». Еще до путча. Ведь журнал «Журналист» товарищ Леонтьев в свое время не стал печатать за его антикоммунистическую позицию. Я тогда Авраамову позвонил, объяснил, что моей вины здесь нет, и он подтвердил, что против моего членства в коллегии «Журналиста» он не возражает. Наоборот.

Через пять минут он позвонил:

- Какой оклад у вас был?
- С компенсацией 840 рублей.
- Ясно.

Позвонил Алексею Александровичу Яновичу. Он — заведующий отделом Верховного Совета СССР. Земляк. Герой моих двух социологических эссе.

— Никаких мест у меня нет. Сами сидим на сковородке. Реорганизация. Новое штатное расписание со второго октября. Что там будет, кто останется, неизвестно. Думаю, до замера черепов не дойдет, но личные дела изучать будут с пристрастием.

— Извините, Алексей Александрович, за беспокойство.

Вот такой печальный результат. Да, еще был звонок Ивану Ивановичу Жукову. Он выслушал и в московской манере:

— Позвоните на следующей неделе.

Набрал номер Пряхина.

— Здравствуй, дорогой мой, — запел он.

Ну, если такое начало, если «дорогой» — пиши пропало. Так и есть. Занят, принимает иностранную делегацию. Позвони минут через сорок. Позвонил несколько раз. Никто не поднимает трубку. Все ясно.

Смотрю на «вертушку» и думаю: кому бы еще позвонить?

11 сентября. Вчера поздно вечером позвонил бывший корреспондент «Правды» по Белоруссии, а ныне главный редактор независимой газеты «Свободные новости» Александр Улитенок из Минска и предложил написать для него статью «А был ли путч?» Все больше становится странным этот заговор. Неужели величайшая мистификация, как сказано в «Независимой газете»? Сегодня в «Комсомолке» интервью с Эммой Язовой — женой министра обороны. Да зачем ему власть, спрашивает она, что, у него ее мало было? Действительно.

Поговорил с Пряхиным. Никакой ясности. Говорит, что Дегтярев идет исполнительным директором какой-то фирмы. У Пряхина сидел Валентин Осипов, бывший директор издательства «Художественная литература». Может, у него место будет? Дал его домашний телефон. Позвони, мол, денька через два.

Позвонил Положевцу, главному редактору «Учительской газеты». Он только что из Америки, где отдыхал. Идет реорганизация, часть людей надо сокращать, позвоните дней через десять. Ситуация с газетой не ясна, нужен почти миллион на будущий год, и Леонтьев требует, чтобы вносили сейчас. Ищет спонсоров. У каждого свои заботы.

На станции метро «Кунцевская», вернее, чуть в сторонке, газетные витрины. Висит и «Советская Россия». Заметка Т. Ивановой из ТАСС о том, что Врубель дал ей звание придворной дамы, а многим корреспондентам, в том числе и моему сыну, дворянское звание.

Из Минска новости — Гришанович и Дубовский вышли из партии. Оба бывшие работники ЦК Компартии Белоруссии. Первый трудился под моим началом в секторе печати. Сейчас директора ведущих издательств. И они убегают...

Пятнадцатого сентября сессия Верховного Совета БССР. Утверждена повестка дня. Включен вопрос об имуществе КПБ-КПСС. Семеро «за», пятеро — «против», семеро воздержались. Таковы результаты голосования на заседании Президиума Верховного Совета. Повестку навязала оппозиция — Зенон Поздняк.

«Рабочая трибуна» начала печатать отрывки из книги Раисы Горбачевой «Я надеюсь». Еще недавно я настойчиво предлагал главным редакторам дать информацию о выходе книги на русском языке, но они уходили от решения вопроса. Один из них откровенно сказал:

— Знаешь, Николай, это уже раздражает людей. Ведь у нас уже была «Малая земля». Надо же, в конце концов, и меру знать... Раису народ не выносит...

12 сентября. Прервал работу над книгой, чтобы записать свежайшие впечатления.

Итак, в полдень раздался телефонный звонок. На проводе г-н Н., главный редактор крупного отраслевого издания. Человек, который многим обязан лично

мне. В частности, своим утверждением на эту должность. Тогда было много претендентов.

— Приезжайте к нам. Хочу кое-что сказать вам.

— Относительно работы?

— Да. Когда вы сможете приехать?

За окном хлестал дождь. Тяжко на душе. Общая слабость в теле. Скоро надо ехать за дочкой.

— Может, завтра?

— Смотрите. Но лучше сегодня.

Приехал. Пододвинул тарелку с долькой арбуза и дыни. Попросил секретаршу, чтобы принесла вилку и нож.

— Буду перед вами откровенен. Коллектив, с которым я советовался, хочет видеть вас в своем составе. Я напомнил им, что, когда у нас были крупные неприятности с нашим тогдашним издателем, вы нам сильно помогли. Наш коллектив вас уважает и хочет видеть у себя. Вы человек опытный, знаете оргработу, знаете связи, знаете людей. Поэтому мы подобрали вам необычную должность.

И он рассказал, что это за должность.

— У нас есть ставка ответственного секретаря. Только вы об этом никому не говорите. А то сразу станут совать своих людей. Знайте, что никого, кроме вас, со Старой площади коллектив не примет. Сейчас все решает коллектив. Вот меня избрали главным редактором. А насчет вас я даже советовался со своим первым замом, он сейчас в Сочи отдыхает. Каждое мнение учитываем.

Я слушал не перебивая.

— Так вот, — продолжал главный редактор, — мы оформим вас на ставку ответственного секретаря.

Я насторожился: что значит оформим? А функции, наверное, будут другие? Подснежник, что ли?

Так и есть.

— Оклад у вас будет 830 рублей, на десятку меньше, чем было раньше. Но зато писать будете, сколько пожелаете. Чем заниматься? О, заниматься будете многими делами. Конечно, они несколько рутинные. Вот, скажем, сегодня в нашем министерстве проходит семинар. А у нас об этом никто не знает. Надо бы пойти и дать хорошую рекламу нашего журнала. Значит, так: реклама журнала, связь с издательством,

поиск спонсоров. Потом будет приложение к журналу. Мы должны преодолеть убыточность. Убыток у нас 600 тысяч рублей. Подписка — вот где есть возможность развернуться всем.

У меня, наверное, погрустнели глаза. И это от него не укрылось. Голос стал еще более энергичным:

— В будущем году, если все у вас хорошо пойдет, преобразуем вашу должность в должность заместителя главного редактора!

Я молчал.

— Вас что-то смущает?

По сути, он предлагал мне должность массовика-затейника. Бегать на посылках. Стараясь не показать обиды, я сказал:

— Признателен вам за доброе отношение ко мне. Но я подумаю. Надеюсь, это не горит?

— Горит.

Вот те на. Почти год не было ответсекретаря, а тут вдруг загорелось.

— Вы что, обиделись? Я готов извиниться перед вами. Клянусь, что это по моей инициативе. Никто меня не уполномочивал на разговор. Мы не хотели вас обидеть...

И еще что-то в этом роде.

Смешно слушать. В свое время я не согласился на должность главного редактора более крупного журнала, издателем которого выступал ЦК КПСС. А тут вдруг мальчиком на побегушках.

Отметил пропуск и вышел.

Придя домой, позвонил Львову в аппарат президента.

— Заморожены кадры. Ревенко только четверых своих секретарей утвердил, и все. Остальные кадры не двигаются. Может, у вас есть выход на Ревенко?

До Валентина Сергеева, заведующего отделом информации российского Совмина, не дозвониться. По городскому телефону секретарша упорно не соединяет. Занят. Совещание. Сейчас его нет. Упорно допытывается, кто я такой. Видно, уволенные аппаратчики помогают начальнику. Представился — из журнала «Журналист». Был же совсем недавно членом его редколлегии. Сейчас вместо меня Полторанин.

13 сентября. Вчера целый день безрезультатно пы-

тался связаться с Сергеевым. Поздно вечером снова набрал его номер. Ответил кто-то в приемной, видно, работник отдела:

— А кто его спрашивает?

— Скажите, журналист Зенькович. Он меня знает. Не буду же я говорить, что из ЦК КПСС.

Услышал, как помощник сказал по внутренней связи, что на проводе журналист Зенькович. О чем они говорили, не знаю, но дежурный сказал:

— Вы ведь по личному вопросу хотели поговорить? Валентин Михайлович сказал, что вы можете передать свою просьбу мне...

Вот так. Господин Сергеев даже трубку взять не соизволил. А не далее как месяца полтора назад я говорил с ним по «вертушке», и он клялся в верности партии, выражал готовность выполнить любое партийное поручение.

Видно, прав Максимовских. Он сегодня подтвердил, что есть негласное распоряжение: в государственный аппарат бывших работников ЦК не брать. Об этом же говорил вчера и Ряшенцев. Он сунулся было в Научно-промышленный союз к Вольскому, там у него полно знакомых, но от Вольского пришло указание — ни одного партработника!

Вспомнилось: шестой подъезд, я сижу у заведующего секретариатом идеологического отдела Виктора Яшина. Он рассказывает о совещании у Лучинского, который возглавляет ликвидком. Присутствует заместитель управляющего делами аппарата президента. Кто-то поднимает вопрос о запрете брать партработников. Зам. управляющего отрицает. Тогда ему говорят: хорошо, чтобы развеять эти слухи, надо взять несколько человек из ЦК в аппараты президентов СССР и РСФСР. И слухи сами собой прекратятся. Реакция на это предложение не последовала.

Максимовских надоумил: «Поинтересуйся, — говорит, — в своем белорусском постпредстве». Позвонил. Постпред Даниленко в отпуске с 9 сентября. Набрал номер Масальского, его зама. Аркадия Яковлевича я знаю давно.

— Аркадий Яковлевич, знаете, что произошло с организацией, в которой я работал?

— Слышал немножко.

— Может, мне убежища у вас попросить? А если серьезно, вам пресс-атташе не нужен? Представительство, видно, будет расширяться в новых условиях? Может, пресс-центр создать следует?

— Только вчера получили из Совмина штатное расписание. Просили новый отдел, не дали. Утвердили прежние штаты. Правда, заложили новое подразделение — пресс-центр, но без новых работников, в пределах существующих штатов. Если что будет, я вам позвоню. Какой у вас телефон?

Записал. Все по-московски!

15 сентября. Вчера не делал никаких записей — ничего не произошло. Шел дождь, и только под вечер с дочкой прошлись по парку.

Разговаривал вчера вечером с Андриановым, он политобозреватель в «Рабочей трибуне». Сказал, что Черняк проговорился: он держит место в «Правде» для Зеньковича. Ты звони ему, звони, а то место займут. Пока не звонил.

Сегодня с дочкой ходил на рынок. Когда пришли домой, сын сказал, что звонил Слободянюк. Когда-то, в 1988 году, я сменил его в должности зам. зав. сектором печати. Ему оставалось два месяца до пенсии. Он был первым зам. зав. отделом национальной политики. Это лето жили вместе в Успенке.

Отзвонил. Не отвечает.

Сын уехал к Кравченко брать интервью к нему домой. Молодец, не забыл своего бывшего гендира. Леонид Петрович Кравченко до перехода на Гостелерадио возглавлял ТАСС. Все его забыли, общаться опасаются.

В «Российских вестях» опубликован список состава Комитета по оперативному управлению народным хозяйством страны. В списке значится некий Сергеев В. М. Его должность — полномочный представитель Председателя Совета Министров РСФСР. Неужели тот самый Валентин Сергеев? Так вот почему он не пожелал со мной разговаривать по телефону! А я-то, наивный, думаю, в чем дело?

Асиф чего-то молчит. У них партия самораспустилась. Прошел съезд, и все: не нужна больше. В Узбекистане партия поменяла название, стала народно-демократической. Все структуры остались.

Все больше и больше новых деталей о путче. Запутано до невозможности. Выясняется, что Горбачев, делая видеозапись в изолированном Форосе, называл Янаева уважительно — товарищ Янаев. Ставят резонный вопрос: кто мешал Горбачеву отдать распоряжение о немедленном аресте путчистов? Их всего-то было четверо, а у него 32 верных охранника. В конце концов, можно было оставить их в качестве заложников. Это же все просто.

Очень много несовпадений, противоречий, нестыковок. Пишут, что это одна из темных страниц истории конца века. Вряд ли когда-нибудь мы узнаем правду.

Возмущают публикации С. в еженедельнике «Союз». Ведь его мама работала в последнее время в идеологическом отделе. А всего она провела в ЦК около 20 лет. Носила мясо, пирожки и прочие деликатесы домой и кормила своего сыночка. Пользовалась дачей.

И вот ее сыночек, вскормленный на цеховских харчах, злобно, с ненавистью пишет о партии, в которой работала его родная мать и от которой она будет требовать пенсию.

Осень все более заметна. Сегодня с дочкой собирали кленовые ветки, гроздя рябины. Хорошо!

16 сентября. Позвонил Зикс из «Сельской молодежи». Узнав о моих мытарствах, спросил:

— Сколько вам лет?

— Сорок семь.

— В более спокойные времена и то мгновенно отворачивались. А сейчас и подавно.

Действительно. Тем более, это Москва. Кто я для них? У них свои игры, свои отношения. А я — чужак, иногородний.

Глава 7

СКОЛЬКО Я ЗАПЛАТИЛ, ЧТОБЫ ПОПАСТЬ В ЦК

— Ни за что не поверю, что вас взяли в ЦК просто так, за красивые глаза. У нас, на Кавказе, место рядового инструктора райкома и то в кругленькую сумму

обходилось. А уж чтобы в Москву, на Старую площадь попасть — представляю, сколько вам пришлось выложить...

У меня помутилось в глазах. Неимоверным усилием воли едва удержался, чтобы не плюнуть в холеное, сытое лицо очередного моего потенциального работодателя, с интересом рассматривавшего человека со Старой площади.

— Не знаю, как у вас на Кавказе, а у нас в Белоруссии все было несколько иначе, — подчеркнуто холодно ответил я, поднялся с мягкого кресла и твердо, повальному чеканя шаг, направился к выходу, бросив на прощание пришедшую на ум фразу:

— Честь имею!

Остаток дня прошел как в тумане. Не находил места вечером. Не мог уснуть ночью. Так до утра и проворочался в постели. Несколько раз вставал, выходил в кухню,пил успокоительное, предусмотрительно приготовленное женой и поставленное на видном месте.

Обидно было не из-за того, что снова, — в который раз! — не удалось пристроиться на более-менее приличное место. Душила бессильная злость от подозрений, намеков, предположений, с ухмылкой произносимых людьми, обратиться к которым рекомендовали немногие оставшиеся к тому времени друзья. Спасибо им — они предпринимали порой героические усилия, чтобы трудоустроить меня. Каждый раз я с надеждой отправлялся по новому адресу, но исход был, увы, не в мою пользу.

Не знаю, может, виной были моя эмоциональность, горячность. Я внутренне напрягался, ожидая главного вопроса. И он не заставлял долго ждать себя. Мне бы спокойнее воспринимать услышанное, не подавать вида, что он ранит душу, терзает сердце. Но сдержанность изменяла мне, в висках начинали стучать молоточки, в глазах закипало бешенство.

Вот и сейчас в очередной раз мучаюсь и переживаю.

— Да плюнь ты на них и размажь, — увещевала жена. — Мало ли кто чего сболтнет. Посмотри на себя — почернел весь. Не загоняй боль внутрь — там все выгорит...

Все правильно она говорит, да вот таким я уродился на свою и ее беду.

Это я-то платил, чтобы попасть в ЦК КПСС! Чушь какая-то. Бред!

А действительно, как я попал на Старую площадь и вообще на партийную работу?

Первая попытка была предпринята, если память не изменяет, еще в начале семидесятых годов, через год-два после возвращения из армии. В ту пору я возглавлял отдел в республиканской молодежной газете в Минске.

Однажды позвонил из Минского обкома партии заведующий сектором печати Гришан Александр Петрович. Звонок меня удивил: до этого из обкома партии мне не звонил никто. Контакты больше поддерживал с ЦК и обкомом комсомола. Гришана Александра Петровича никогда в жизни не видел и даже не подозревал о его существовании, как и сектора печати обкома. Редактор обычно ссылался на сектор печати ЦК партии, под которым тогда ходили все газеты.

— Нам бы встретиться надо, — слышу в трубке дружелюбный голос. — Может, зайдете к нам? Когда вам удобнее?

Я, честно сказать, слегка обалдел от такого тона. Комсомольские работники с нами, газетерами, разговаривали по-иному. Обычно они назначали время, к которому надо было безотлагательно прибыть.

Условились о встрече на следующий день. Где располагался обком партии я, конечно, знал, а вот внутри здания раньше бывать не приходилось. Признаться, шел по коридору с некоторой робостью. Это у меня генное, от родителей-земледельцев: боязнь казенных контор и их обитателей. Коридор широкий, паркет покрыт красными ковровыми дорожками, двери кабинетов тоже производят впечатление — высокие, массивные, наверное, дубовые. Найдя нужный мне кабинет, несмело постучал в дверь.

Навстречу мне из-за стола поднялся высокий, крупного телосложения человек, протянул руку. Предложил сесть. Я огляделся. Кабинетик был крохотный, весь заставленный стеллажами с газетными подшивками. Хозяин сел напротив. Поинтересовался, как мне работается, одобрительно отозвался о нескольких тематических полосах, подготовленных мною. Сам собой зашел разговор о проблемах журналистики, о дей-

ственности выступлений печати, о необходимости качественно новой, исследовательской журналистики, активно вторгающейся в жизнь, формирующей общественное мнение.

— А знаете, вы нам подходите, — неожиданно сказал собеседник. — Как смотрите на наше предложение?

Я непонимающе взглянул на хозяина кабинета. О каком предложении идет речь? Кому это я подхожу?

— Мы хотим предложить вам перейти на партийную работу. К нам в обком. В сектор печати.

Я в недоумении уставился на говорившего.

— Понимаю, предложение неожиданное, — сказал он. — Конечно же надо все взвесить. С семьей посоветоваться. Словом, поразмышляйте пока. Сколько времени вам надо? Недели достаточно?

Я сказал, что вполне.

Наступили мучительные дни и ночи. Принимать лестное предложение или поблагодарить за доверие и вежливо отказаться? Решил посоветоваться с редактором газеты Василием Александровичем Хорсуном, который недавно пришел из сектора печати ЦК партии.

Дождавшись удобного момента, когда в кабинете никого, кроме него, не было, рассказал о беседе в обкоме. Редактор внимательно выслушал, задумался.

— Смотри, решай сам. Но я бы не принял этого предложения. Хочешь, честно скажу, почему? Ты человек пишущий и молодой, они это учли. Знаешь, что тебя там ожидает? Как и всякого пишущего, которого берут в партийный аппарат — каторжная работа. Речи, выступления, статьи, брошюры и книги начальников, которые ты будешь сочинять. С утра до позднего вечера. Не поднимая головы от стола. Включая праздники и выходные. Бесконечное множество вариантов одного и того же текста — до отвращения. А если твои упражнения понравятся секретарям — все, считай пропало. Ни за что не отпустят обратно в журналистику. Мне вот, как видишь, повезло. И то совершенно случайно. Для себя ты уже не напишешь ни строчки. У них там свои жанры, свои представления о том, каким должен быть материал — скука невообразимая, ни одного живого слова, ни одного свежего образа. Поработав там, ты уже не сможешь писать так, как пишешь сейчас.

Хорсун разоткровенничался, рассказывая об атмосфере в партийном аппарате. Жесткая дисциплина, безусловное подчинение всем, кто находится на более высокой ступеньке служебной лестницы. В газете ты волен, как птица, можешь в любое время уйти с работы, несколько дней вообще не появляться в редакционных стенах. В партийном аппарате без разрешения нельзя отлучиться даже на полчаса. На посещение любого мероприятия — будь то театральная премьера, открытие выставки и т. д. — нужна санкция руководства.

— Тех, кто находит время и пишет для себя, в партийном аппарате не жалуют. Не говоря уже о защите диссертации или издании книги. Мораль там строже, чем в целом в партии. Так что выбирай: или остаешься в редакции и пишешь свои книги, или идешь в обком и пишешь их другим.

Разумеется, я выбрал первое.

А к концу недели редактор издал приказ, которым утвердил меня ответственным секретарем редакции. Этот шаг упростил мне задачу. Я позвонил в обком и сказал, какой неожиданный финт отмочил мой редактор. Как-то неудобно уходить с должности, не пробыв в ней ни одного дня.

— Конечно-конечно, — рассеянно произнес на том конце провода мой собеседник и добавил еще что-то о хитроумном шаге редактора.

Таким образом, первая попытка забрать меня в партийный аппарат успехом не увенчалась. А вот перед второй я не устоял.

Случилось это в конце февраля 1980 года. К тому времени я уже два с половиной года работал в редакции республиканской газеты «Звезда» — после окончания в Москве ВПШ при ЦК КПСС. Заведовал отделом пропаганды и числился в членах редколлегии. Писал очень много, печатался не только в своей газете, но и в центральных изданиях — «Правде», «Советской культуре», «Журналисте». В «Правде» даже как-то заинтересовались, не соглашусь ли я поехать их собкором, скажем, в Оренбург или в Курган. На что я ответил отрицательно: вот если бы собкором в Белоруссии, тогда другое дело. Но вакансий в Минске не было и не предвиделось.

В «Звезду» я пришел после двух лет жизни в Москве и, естественно, принес в редакционную жизнь немало вольномыслия. «Звезда» в те годы была газетой консервативной, скучной и официозной. Ее так и называли в журналистской среде: «генеральская газета». В первые же недели работы я буквально офонарел от академиков и профессоров, приносивших в редакцию бред, который они гордо именовали теоретическими статьями. Это был какой-то кошмар. И, представьте, эти статьи печатали! Так работать больше было нельзя, и я начал потихоньку реформировать свой отдел. Отказался от заумных профессорских сентенций, приступил к «очеловечиванию» пропагандистских материалов. Завел новые рубрики, привлек молодых, мыслящих авторов. Сам начал вести цикл социологических очерков.

Они вызвали настоящую бурю не только в коллективе, но и в ЦК партии республики. На одно из партийных собраний приехал заместитель заведующего отделом пропаганды Кононов, курировавший печать, и подверг меня разносной, уничтожающей критике. Это был праздник для редакционных консерваторов: таких зубодробительных оценок со стороны ЦК не помнили долгожители «Звезды» за все послевоенное время. Молодые мне сочувствовали, но и по их взглядам было видно, что судьба моя предрешена. В редакционных кулуарах зашушукались о переводе меня с ведущего отдела пропаганды на другой, не политический — то ли новостей, то ли писем. Вспоминали прежние проколы, о которых звонили из ЦК.

И действительно, вскоре последовал звонок: мне надлежало явиться в ЦК к самому заведующему отделом пропаганды Павлову Савелию Ефимовичу.

Поднялся к нему на четвертый этаж.

— Так вы догадываетесь, по какому поводу мы вас сюда пригласили? — спросил он, загадочно улыбаясь.

— Наверное, опять ошибка прошла? — екнуло сердце в предчувствии очередной беды.

— Не угадали. Мы решили пригласить вас на работу в ЦК.

— Меня? В ЦК? После выступления вашего заместителя на партсобрании?

— Заместитель ошибся в оценке. Это его личная

точка зрения, а не мнение отдела, и тем более не позиция ЦК. Мы расцениваем ваши публикации несколько иначе. Я поздравляю вас с крупной журналистской удачей. Издательству «Беларусь» поручено выпустить их отдельной книжкой. Я сам разговаривал с директором, оттуда вам не сегодня-завтра должны позвонить.

Поистине мир полон чудес. Еще полчаса назад я поднимался по лестнице, готовясь к самому худшему. И вот такая метаморфоза.

— Но ведь я никогда в партаппарате не работал. В свое время отказался идти в обком. Я даже секретарем первички никогда не был.

— Ничего, ничего, опыт — дело наживное. Мы берем вас в сектор печати. Будете пока инструктором, а остальное от вас зависит. Вот если бы в другой сектор — тогда можно было подумать, там надо знать партийную работу на уровне обкома-горкома. А вам предстоит вести республиканские газеты и журналы. Дело знакомое, людей вы знаете, сами писать умеете.

Не успел я найти еще какие-либо аргументы, как хозяин кабинета нажал клавишу на телефонном устройстве, и через минуту в дверях показался Кононов — тот самый, который громил меня на партсобрании в редакции.

— Отведите Николая Александровича в орготдел, а потом — к секретарям. Постарайтесь, чтобы он побывал на беседах у всех. Ко второму я поведу сам.

И я зашагал по этажам, приемным и кабинетам высших партийных руководителей республики.

Очень хорошее впечатление произвел тогдашний секретарь ЦК по идеологии Александр Трифонович Кузьмин. Спросил, знает ли жена о предложении. Я ответил: нет, не знает, она в командировке. Расспросил о ней, где работает, сколько лет сыну. Тоже журналистом будет? Нет, не хочет. Почему? Потому что родителей никогда не бывает дома.

— А ведь разбирается, — рассмеялся Кузьмин.

— Будет очень много работы, — пообещал он. — В основном, писучей. Так что не огорчайтесь, если не сразу все пойдет, как хотелось бы. Здесь свой жанры, свои особенности.

Кузьмин интересовался методикой подготовки со-

циологических очерков. Мне собеседник показался умным и душевным человеком. Я не ошибся в своем первом впечатлении. За пять с половиной лет, проведенных в стенах ЦК Компартии Белоруссии, было предостаточно возможностей, чтобы убедиться в правильности первой оценки.

В марте 1980 года я впервые вышел на работу в главный партийный дом республики. И покинул его стены в августе 1985 года с должности заведующего сектором печати и заместителя секретаря парткома аппарата ЦК.

Попробую рассказать об атмосфере партийного аппарата, о людях, там работавших, о наших взаимоотношениях, о том, как проходили совещания и летучки.

Партаппарат не был однородной, серой массой, как это преподносят авторы, знающие о нем понаслышке. Абсолютное большинство — талантливые специалисты, имевшие имя в своих сферах деятельности. На наших собраниях и теоретических семинарах вспыхивали острые дискуссии и споры. Уже тогда несогласие у многих вызывали формулировки типа: каждый член партии — политический боец, каждый партийный работник — политический руководитель. Уязвимость этих определений была очевидной — в них виделось искусственное разделение партийцев на бойцов и командиров, послушную массу и всесильный аппарат. Молодые работники не принимали военизированных терминов в партийной жизни. Что значит «рядовые коммунисты»? Выходит, есть не рядовые? А «боец», «солдат» партии? Какая власть у бойца? И дело здесь не в стилистике — в содержании.

Примеров подобных рассуждений, свежих и нестандартных, можно привести сколько угодно. А самое интересное, пожалуй, в том, что они не пресекались. Каждый волен был излагать на любом уровне свою точку зрения, не опасаясь последствий. Особенно много новаций стало появляться после прихода к власти Андропова, когда открыто заговорили о разделении функций партийных и государственных органов.

Признаюсь, странно и непривычно было слушать мне, недавнему выпускнику московской ВПШ, сдавшему на «отлично» курс партийного строительства, поначалу казавшиеся крамольными рассуждения некото-

рых моих коллег. Ведь каждая глава этого замечательного учебника начиналась со слов «партийное руководство». Партийное руководство общественными организациями, просвещением и наукой, промышленностью и транспортом, сельским хозяйством и здравоохранением, литературой и искусством, правоохранительными органами и торговлей. Ну и, естественно, Советами всех уровней. А правильно ли, что партия взяла на себя ответственность за бесперебойную работу кофемолок, стиральных машин и электробритв? Да-да, именно за работу этих бытовых приборов, образовав отделы торговли и бытового обслуживания в партийных комитетах.

Многим свежим людям, пришедшим на партийную работу с мест, бросалось в глаза, что ЦК заражен ведомственностью. Некоторые честно говорили на партсобраниях: мы, мол, не работники политического органа, а агенты министерств и ведомств, посланные ими для отстаивания их интересов. Шестнадцать отделов было в тогдашнем ЦК партии Белоруссии. А сразу после войны, вспоминали ветераны, было семь. Ведомственность уродует не только экономику, она давно захватила умы, нравственность, культуру. А ведь человек неделим, и не надо растаскивать по ведомствам его законные интересы. И партия должна быть неделимой, ее интересы тоже нельзя растаскивать по отделам.

В начале восьмидесятых годов Москва требовала выдвигать на партработу только специалистов народного хозяйства. Речь уже шла не только о первых лицах, но и об аппарате. Так скоро на идеологию ветеринаров сажать будем, иронизировали мы между собой. Появились районы и даже области, где в хозяйствах и на предприятиях не оказалось ни одного секретаря с гуманитарным или политическим образованием. Орготдельцы на нашу критику косились: не нашего ума, мол, дело.

И докосились. В 1990 году вдруг спохватились: а существует ли у нас то, что Ленин называл партийной интеллигенцией? Не слишком ли большой крен был взят при подборе партийных кадров в сторону специалистов промышленности и сельского хозяйства? Преобладание в партийном аппарате инженеров и аг-

рономов объяснялось благими намерениями, но ведь факт, что в девятой, десятой и одиннадцатой пятилетках — в период, когда специалисты народного хозяйства преобладали на руководящей партийной работе, — темпы прироста национального дохода уменьшились более чем в два раза. Тяжелобольную экономику пытались поставить на ноги с помощью кадровых подпорок, хотя истинная причина стагнации заключалась в том, что командно-административная система полностью себя изжила. Технологический рационализм инженеров, попавших на партийную работу, во многом лишил ее прежней человечности, демократичности, интеллектуального авторитета.

Когда я слышу о том, что в перестройке самым трудным было начать осуществление поворота к новому, что этот поворот за короткое время осуществила небольшая группа лиц из верхних эшелонов партийной власти, что именно в партии вызревали предпосылки нравственного оздоровления общества, всегда вспоминаю многих своих коллег из Белоруссии — секретаря ЦК Кузьмина, заведующего отделом Вечерко, руководителя лекторской группы Ходоса, заведующего сектором Болтача. Они и некоторые другие нестандартно мыслящие работники ощущали необходимость перемен. К сожалению, таких было не много. И особенно среди тех, кто занимался вопросами партийного строительства.

Ну не парадокс ли: ученые-экономисты задолго до 1985 года предлагали новые идеи, яростно спорили, много писали, разрабатывали различные варианты реформы народного хозяйства. Иногда дело доходило до открытой и жесткой борьбы. А теперь вспомним, кто из теоретиков партийного строительства, историков, философов занимался концепцией партии на современном этапе? Увы, ни одного имени. Чем же занималась многочисленная рать обществоведов? Благословенным делом — объяснением широким массам шагов, предпринятых высоким партийным руководством. Не прогнозировали, не предсказывали, а подтасовывали происходящее в общую концепцию социализма. Объявив перестройку, партия длительное время не могла подготовить концепцию для себя.

Полезно читать старые блокноты. Еще полезнее

делать в них записи — хотя бы короткие, конспективные, на бегу. По горячим следам, пока впечатления свежи, не растворились, не потеряли привлекательности в аппаратной сутолоке. За многие годы работы в аппарате высших партийных эшелонов у меня накопилось более десятка объемистых записных книжек. Наряду с поручениями, пометками, кратким изложением совещаний и заседаний появлялись и некоторые личные наблюдения об увиденном и услышанном. И вот сейчас я перебираю старые записные книжки.

Что же получается? И в те годы не было недостатка в призывах о необходимости политического анализа обстановки, дающего понимание того, с какой стороны подступиться к хозяйственным делам. На всех уровнях пугали и убеждали друг друга, что действовать свойственными политическому органу методами — это значит навсегда покончить с практикой командования и администрирования, мелочной опеки. Призывов и увещеваний было предостаточно, но что можно улучшить, ничего по существу не меняя?

Сделать партию неоспоримым лидером могли лишь демократические преобразования в ней самой. «Орден меченосцев», от которого шарахается народ — или саморазвивающаяся организация? Монополист политической власти, руководящая и направляющая сила — или политический авангард общества, проводящий свою линию благодаря нравственному и интеллектуальному потенциалу? Без полного пересмотра ее деятельности, целей и задач не обойтись. И начинать надо было с обновления партии, возвращения ей привлекательного облика, преодоления деформаций прошлого.

Это не авторские измышления. Задолго до перестройки наиболее проницательные люди увидели угрозу авторитету партии в распорядительно-командном стиле деятельности ее аппарата. Пройдет семь-восемь лет, и все общество заговорит, что, имея рычаги власти, занимаясь всем и вся, партия превратилась в консервативную силу. Впрочем, и сама партия откровенно сказала об этом.

Вместе с тем я категорически отвергаю огульные выпады в адрес партийных работников. И белоручки, мол, они, и бездельники, сидели себе в теплых кабинетах да наслаждались льготами и привилегиями. От-

городились от народа милиционерами, приставленными к помпезным зданиям обкомов, горкомов, райкомов. Согласен, охрана, да и сам вид мраморных дворцов подавляли людей, отбивали охоту лишней раз сюда заходить. А работа партийных комитетов? Для многих они отождествлялись с канцелярскими учреждениями. Это, уверен, от недостатка гласности. А может, среда влияла? Может, и в самом деле большинство аппаратчиков были порядочными людьми до выдвижения их на партийную работу? И вообще, откуда и как на нее приходили?

О том, как я попал в партийный аппарат, читателю известно. Остается рассказать, как я оказался в Москве, на Старой площади.

Из дневника: «19 июля 1985 года. Первый раз в этом году выехал в командировку в Брест и Кобрин на журналистские зональные летучки.

В пятницу 19-го вместе с заведующим отделом пропаганды Брестского обкома вернулись из совхоза «Брестский», где участвовали в партийном собрании водителей хозяйства. Это было часов в семь вечера. Примерно через полчаса звонит мой сопровождающий из дома в гостиницу:

— Звонили из ЦК КПБ. Вам надлежит быть в Москве в ЦК КПСС двадцать второго июля в десять часов.

Я тут же набрал номер дежурного по ЦК КПБ. В чем причина вызова? Какие материалы везти с собой? Если это совещание, надо ли мне выступать?

Дежурный ответить на эти вопросы не мог.

Поздно ночью дозвонился до заместителя заведующего отделом пропаганды Кононова.

— Кажется, они намерены пригласить тебя на работу к себе. Запросили характеристику и объективку.

Меня словно кипятком ошпарили. Начал хлопотать о билете. В Кобрин все же поехал — там ведь ждали работники районных газет большой зоны. Выступил на межрайонной летучке. Там тоже сказали: мне надо быть в Москве. Дежурный ЦК КПБ на всякий случай позвонил и в Кобрин.

Не спал всю ночь. В гостинице было душно, ночью похляла гроза, сверкали молнии, грохотал гром.

В субботу вернулся в Минск. Сын записал телефон:

просили позвонить. Я набрал номер, не снимая ба-
шмаков:

— Здравствуйте, это Зенькович. Меня просили по-
звонить по этому номеру.

Отозвался детский голос:

— А кто вам нужен?

— Не знаю. Мне сказали позвонить по этому номе-
ру, — повторил я.

— Сейчас. Минутку.

Голос в трубке показался знакомым:

— Так ты уже купил билет в белокаменную?

— Да.

— Почему же не пришел посоветоваться?

Кузьмин! Извинился, что не узнал.

— Они тебя, кажется, намерены брать. Статья
в «Правде» им очень понравилась.

Ах да, статья в «Правде». «Имя в газете». О ней
тогда много говорили. Кстати, она была приложена
к объективке, которая сопровождала меня по кабинета-
м на Старой площади.

В Москве я пробыл ровно один день. А через две
недели в Минск пришла выписка из решения Секрета-
риата ЦК КПСС об утверждении меня инструктором
отдела пропаганды, которым руководил тогда
А. Н. Яковлев.

При нем началось одно из самых крупных обновле-
ний ведущего отдела ЦК. В секторе газет, куда меня
сначала определили, тогда было двенадцать человек.
Почти все они новички, молодые, энергичные люди.
Я поспрашивал, как они попали на Старую площадь.
Точно так же, как и я. Кто по смелым публикациям
в центральной прессе, кто по приверженности к преоб-
разованиям.

О том, чем мы занимались в секторе, разговор
несколько позже. Скажу сначала об общей обстановке.
Хотя в отделе было немало новичков, долгожителей
тоже хватало. Я обнаружил, что инструкторами здесь
работали по 20—25 лет. У нас в ЦК партии Белоруссии
инструктор пребывал в этой должности не более двух-
трех лет. К тем, кто засиживался более четырех-пяти
лет, относились как к неудачникам. У них пропадало
чувство остроты, свежести восприятия. Они уже ничем
не могли удивить ни коллег, ни подведомственные

структуры. А на Старой площади по четверти века сидели в одной должности и чувствовали себя весьма комфортно.

Были и другие открытия. Никогда не забуду, как на одном из совещаний было зачитано письмо рядового коммуниста из Рязани о руководителях. Безмятежное существование. Авторитет гарантируется самой должностью. Неприятие малейших критических замечаний в свой адрес — они расценивались как подрыв руководящей роли партии. Развалив работу, уходили не в отставку, а на персональную пенсию по состоянию здоровья. Это в худшем случае. Во всех остальных — на новые, не менее ответственные посты. Что и приводило к отчуждению партийцев от партии.

А комментарий, комментарий зачитавшего письмо! Штаб ленинской партии, и вдруг такие слова:

— Придет ли наконец время, когда отпадут представления о руководстве как о системе вечных должностей — негибкой, немобильной, догматической, в которую человек попадает раз и навсегда. Сколько же развелось у нас руководителей — носителей истины в последней инстанции, которые ничего, кроме раздачи указаний, делать не умеют. Между прочим, опаснейшая вещь — накопление в руководящем корпусе лиц, попадающих туда без состязательности. В ряде государств даже в разведку подбирают по конкурсу. Замкнутые системы, как правило, всегда деградируют. Надо бы по-новому взглянуть на бесконечные перемещения носителей руководящих указаний.

Представляете, каково было мне, новичку из провинции, слушать крамолу в священных стенах главного партийного дома? Да еще из чьих уст? Заведующего отделом Александра Николаевича Яковлева! Многие из произнесенного тогда прозвучало через некоторое время на встрече тогдашнего генсека с тружениками Сибири и Дальнего Востока, когда он впервые назвал цифру — 15 миллионов управленцев и чиновников, сидевших на шее у трудового народа.

Как вы сами понимаете, трудно удивить чем-то человека, занимавшего должность заведующего сектором печати в ЦК партии крупной республики. Ко всему, кажется, привык, даже к составлению текстов для начальников.

До чего это утонченное, высокое искусство — составлять подобный текст! Расскажу одну историю, касающуюся мастерства составления текста для начальников.

Все дело в том, что тексты для начальников не пишут, а составляют. Много лет назад, еще в начале моей работы в партийном аппарате, меня привлекли к подготовке выступления для одного очень высокого начальника республиканского ранга. Чин находился от меня настолько далеко, что я его не видел ни до того, ни после того, поручение исходило от его помощника. Честь и счастье разговаривать с чином имели лишь немногие из его окружения, а благодарному народу предоставлялась возможность лицезреть его мрачное лицо во время телетрансляций с первомайской и октябрьской демонстраций. О всегда хмуром лице и суровом взгляде небожителя говорили разное.

Лично мне казалось, что это от груза великих государственных забот, от множества важных и глубоких мыслей.

И вот текст выступления на столе у его помощника.

Красный карандаш медленно скользил по строкам, подчеркивая отдельные слова и словосочетания. Одна страница, пятая, десятая. Неужели допустил столько ошибок? Не может быть, я сам печатал на своей машинке! Доклад был большой, и после двенадцатой-тринадцатой страницы я начал замечать странную закономерность. Жирные красные линии появлялись лишь под словами, которые переносились на следующую строку. Если же слова с дефисом были иностранного происхождения, они подчеркивались двумя линиями: прямой и волнообразной.

Помощник не вникал в содержание текста, его интересовали строки, где стояли знаки переноса! Такая высшая математика была явно не для моего гуманитарного ума. Я отказывался что-либо понимать. Ясность внес такой же хмурый и строгий, как и его начальник, помощник: «Молодой человек, — сурово и поучительно произнес он, — для нас никогда больше не переносите слова по слогам. Вы ведь знали, для кого составляете текст. У нас так не принято».

Мама родная, неужели это имеет значение? Каким же... надо быть, чтобы не суметь прочесть строку,

в которой один или два слога переносятся на следующую строку? Ничего, успокаивал себя, идя по скверу, который знают все минчане, всякое бывает. Не надо обобщать. Один, даже большой начальник, еще не все начальство. И среди них разные экземпляры попадают.

Через некоторое время я принес из машинного бюро новое свое произведение в том же специфическом жанре, как и то, которое писал в начале партийной карьеры. Небожителя уже и след простыл, перевели еще в более высокие сферы. Его место занял другой чин. Поменял место работы и я. Смотрю в отпечатанный текст на непривычно белой для периферийного партработника бумаге и глазам не верю: ни одного переноса!

Спрашиваю коллег: что за наваждение? Они что, сговорились? Оказывается, во времена, когда Черненко был заведующим общим отделом ЦК, вышло распоряжение всем машбюро Старой площади печатать тексты без переносов. Глядя на Москву, и на местах завели у себя такой же порядок. Начальникам тяжело читать, если несколько слогов переносятся.

Чем не сюжетец для юморески? Ладно, Черненко и ему подобные представители старой генерации, но ведь времена-то новые наступили. А что времена? Вон старинный приятель, который в Белом доме работает, звонит на днях: у них тоже так тексты печатают. Это у демократов-то! Хотя и демократы ведь не с Луны свалились, тоже небось плод анкетно-аппаратного отбора.

Конечно, в работе аппарата ЦК, в его механизме на первых порах перестройки еще много оставалось от того, что было запущено в тридцатые годы Сталиным, отрегулировано и настроено Брежневым в середине шестидесятых годов. Но с 1987—1988 годов все стало меняться на глазах. Центральный аппарат стал иным — меньшим по количеству, большим по яркости имен и лиц. Был сломан и номенклатурно-иерархический подход к выдвижению кадров в ЦК КПСС. Стало больше раскованности, открытости, теплоты во взаимоотношениях.

Коренной перелом наступил в девяностом году, после XXVIII съезда партии. Чувствовалась необычайная сжатость во времени, отпущенная для коренных

преобразований. Требовался решительный, энергичный перевод общества в новый режим деятельности. Такие периоды обычно связаны с резкими обостренными ситуациями.

Даже в технике наиболее трудным, сложным и даже опасным делом является перевод машины из одного режима действия в другой, более высокий. Перевод же общества из одного режима в другой, в особенности от застоя к движению, требовал не только огромной первоначальной энергии.

В такие переломно-переходные периоды возникает немало трудностей, им сопутствуют и побочные явления. Возрастает роль случайностей, которые чреватые серьезными осложнениями, аварийными ситуациями.

Одна из них и возникла в августе 1991 года. Партию эта аварийная ситуация застала врасплох.

Записи для себя

17 сентября 1991 г. Проснулся сегодня свежий и бодрый. Возникло несколько сюжетов. В том числе — сделать юмореску на основе стенограммы четвертого съезда народных депутатов СССР 26—27 декабря 1990 года, когда Янаева избирали вице-президентом. Занимательная история получилась.

Отлично помню день, когда избирали Янаева. В пресс-центре проходила пресс-конференция Янаева и еще нескольких человек о работе съезда. Янаев держался холодно, официально. Пресс-конференция началась в 11 часов утра, а в половину двенадцатого принесли записку — его вызывали в Кремль. Там начиналось обсуждение его кандидатуры. Прочел стенограмму — смех, да и только. Горбачев дважды его протаскивал, настаивал, уговаривал депутатов. Какие только характеристики не давал кандидату!

Звонил из «Политиздата» Юрий Ильич. Сказал, что «Тайны кремлевских смертей» прочел, сильная рукопись, будут делать из нее коммерческую книжку. Издавать намереваются в будущем году, хотя она объявлена на 1993 год. Пел дифирамбы языку, стилю, манере изложения. Похвалил даже то, как она отпечатана на машинке:

— В вашей конторе печатали? Сразу видно качество!

А ведь тюкал-то я сам. Всю книжку — более пяти-сот страниц — написал сам и отпечатал в этом году. Сдал двадцатого августа.

Юрий Ильич сказал, что он делился своими впечатлениями с Вучетичем и куратором из главной редакции — Грековым.

— А что касается сверстанной, боюсь, что не получится. Никто о ней ничего не говорит.

Я рассказал о своих разговорах с директором.

— Да, конечно, но все-таки я вам рекомендую еще раз поговорить с Поляковым. Надо решать.

Я пообещал, что загляну на следующей неделе. Эта у меня занята. Вроде бы не работаю, а времени не хватает. Правда, много пишу.

Через час он снова позвонил:

— Посмотрите еще раз заголовок «Тайны кремлевских смертей». А вообще сильно сделана. Я вам гарантирую, что она выйдет в любом случае, даже если издательство будет перепрофилировано. Она может дать большую прибыль. А насчет той — дело не в авторе, который работал в ЦК, и не в конъюнктуре. Дело в прибыли. Даст она прибыль или нет — вот в чем главный вопрос. Кто ее будет покупать, когда все уличные переходы в Москве завалены сенсациями?

Не знаю, может, он и прав. Предложил ему не менять заголовок, а дать подзаголовок.

В обед позвонил Слободянюк — бывший первый заместитель заведующего отделом национальной политики ЦК. Он оформляет пенсию, а потом будет работать в курдском культурном центре.

— Если ты не найдешь себе работу, могу предложить у себя: хотим выпускать газету и журнал. Курды честные ребята.

Рассказал о новостях. Федин, который у них в отделе был замзавом, ушел в предпринимательство к демократам. Туда же двинул и Михайлов, зав. отделом. Рябов вышел из состава ЦК и из партии и тоже где-то устроился. С горечью говорил о Горбачеве — развалил такую державу, разгромил партию. С кем он останется? Говорил о Пуго — как сын ходил по кладбищу, нигде не брали урну с прахом.

18 сентября. Сегодня было много звонков. Из «Политиздата» — редактор Юрий Ильич. Прочел рукопись и сказал, что может пройти на «ура», что у него практически нет замечаний, разве что предисловие чуть-чуть оживить сценками поиска документов. Говорили долго, он все удивлялся: как можно было написать такую книжищу? Сколько времени понадобилось? Сврал: года три, говорю. А на самом деле отпуск в январе—феврале в Пушкино под Москвой — три недели изматывающей работы, и лето в Успенке. А он удивляется: неужели так быстро — за три года?

Потом звонил Харламов — главный редактор «Сельской жизни». Предложил либо политическим обозревателем, либо членом коллегии, редактором по отделу общественно-политической жизни. В первом случае — 730 рублей, во втором — 830. Я настолько обнаглел, что поинтересовался насчет поликлиники.

— Это надо выяснить у Сильвановича. Ему сохранили. А новичкам не давали. Хотя у тебя ведь была. Должны оставить.

Я позвонил Сильвановичу. Выяснилось, что зарплата несколько иная: в первом случае — 550 рублей, во втором — 805.

Харламов торопит с принятием решения:

— Ты еще молодой, вырастешь здесь. Надо первого октября уже приступить.

Сказал, что подумаю. Не хочется первого октября выходить, ведь нам будут выплачивать до девятого ноября. Зачем торопиться? Можно на себя поработать, жене помочь, с дочерью позаниматься.

Потом звонил Дожин — сотрудник аппарата Верховного Совета СССР. Когда-то я помогал ему туда устроиться. Так, поболтали ни о чем. Может, на следующей неделе сбежимся накоротке.

Только закончил, сел за машинку, как снова зазвонил телефон. Дожин:

— Включите первую программу радио.

Включил. Передавали обзор газет. Интервью Пряхина о работе над книгой Раисы Горбачевой «Я надеюсь». Как они общались, как работали над рукописью. Как Горбачев устроил обед для своих референтов, и Пряхин пришел туда со своей женой, и как очаровательная Раиса Максимовна подошла к ней и сказала, что у нее хороший муж.

— У вас тоже, — нашлась Таисия Васильевна.

После завершения работы над книгой президентской супруги он стал референтом Горбачева. Но — хочет уйти писать свои книги и заниматься руководящей журналистской работой. Конечно, козе понятно, что Горбачев стал московским пленником, вырвавшись из форосского заточения. Пора дистанцироваться от своего покровителя, запахло жареным.

Пряхин сказал, что не знает, сколько ему положено гонорара, но надеется на деликатность Раисы Максимовны.

Потом я позвонил главному редактору одной из центральных газет.

— Какой у тебя телефон? — спросил он. — Давай как-нибудь встретимся на нейтральной территории, прогуляемся.

Неужели он не хочет, чтобы меня видели у него в редакции? Странно.

Набрал номер Спиридонова — недавнего генерального директора ТАСС. У нас приятельские отношения, вместе ездили в Португалию. Говорит, что оформляется пенсия, но неизвестно, какая. Девятнадцатого августа он был в отпуске на юге, в тот же вечер прилетел в Москву, двадцатого вышел на работу. Никто с ним даже не побеседовал. В ТАССе работают представители Генеральной прокуратуры СССР. Что-то ищут. Голос у Спиридонова взволнованный.

20 сентября. Вчера не делал записей — выключился из взятого ритма. Может, потому, что рано утром позвонил Улитенок, который с группой коллег приехал в Москву из Минска. Привез гонорар за две мои публикации в его «Свободных новостях», сумма, кстати, приличная, никто столько в Москве не платит: за две полосы — штука.

Ездил на бывшую работу. Столовая функционирует. Взял еды и даже две баночки красной икры — у жены сегодня день рождения.

В четыре, как всегда, пошел в школу за дочкой. День был хороший, и дети играли на улице. Вера Николаевна из продленки встречает меня печальной новостью:

— Николай Александрович, у вашей Оли украли куртку.

Тут же и дочь — в свитере и джинсах — робкая, виноватая, растерянная.

Не только у нее увели одежду. Еще у одного одноклассника. У них куртки были новые, японские, нестираные.

Вера Николаевна, оказывается, бывшая директор этой школы. Вину родного коллектива отрицает:

— В школу заходит много случайных людей...

Вечером позвонила мать второго потерпевшего. Она заканчивала эту школу, знает Веру Николаевну, которая была здесь директором.

— Все равно куртку не вернуть. А так пойдет слава как о скандальных родителях. В Америку на обучение не возьмут. В России всегда воровали...

И то правда.

В обед, когда ходил за продуктами, встретил Белянова. Профессор, бывший главный редактор журнала «Известия ЦК КПСС».

— Как у вас дела, Владислав Александрович?

— Чехословацкие коллеги грузчиками работают. Ничего пока стоящего нет. Предложили какой-то художничек. Не согласился.

Возле первого подъезда встретил беседующего с кем-то Пискунова, помощника Зюганова. Подошел, поздоровался. Клянет всех секретарей. Его собеседник сказал:

— При выдаче трудовой книжки забирают пропуск в поликлинику.

Подошел Разумов, секретарь Лучинского. Они сейчас в пятом подъезде. Я говорю:

— Значит, эта организация заслуживает того, чтобы быть разогнанной. Что же получается? Свои отбирают пропуск у своих? В поликлинику без пропуска не попадешь. А между прочим, за нее заплачено до конца года.

Разумов стал катить бочку на российскую Компартию. Мол, это ее позиция ускорила развязку. Пискунов взорвался. Вспыхнула перебранка.

— Владимир Афанасьевич, — спросил я, — партии что-нибудь светит в будущем?

— Ничего. Ходит Ивашко в кожаной куртке. Тактика сейчас — не спровоцировать своими действиями еще более жесткие меры по отношению к партии.

Пленума, кажется, не ожидается. Создана комиссия по трудоустройству во главе с Власовым.

Александр Владимирович Власов — бывший заведующий отделом социально-экономической политики ЦК. Наши дачи в Успенке были рядом. В свое время он занимал пост председателя Совмина России, министра внутренних дел СССР. Поэтому ему и поручили эту функцию, рассчитывая на его связи.

Пискунов рассказал о мытарствах Черемухина, замава идеологического отдела ЦК Компартии России, который тоже не может трудоустроиться. Да, говорит, есть негласное распоряжение не брать бывших партапаратчиков.

22 сентября. Вчера не делал записей. Было много хлопот домашних, отмечали 20-го день рождения жены, а вчера с дочерью путешествовали по старому Арбату.

В пятницу, 20-го, когда искал торт ко дню рождения, на Арбате встретил Капто, Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в КНДР, бывшего своего начальника, еще недавно заведовавшего идеологическим отделом ЦК.

Александр Семенович шел бодрый, веселый. Остановились, поговорили. Приезжал на съезд народных депутатов. Обо всех новостях-наслышан. Не преминул и я напомнить ему, что в «Мегаполис-экспрессе» его коллега доктор философских наук Михайлов, бывший сотрудник общего отдела ЦК, написал, как Капто в 1989 году издавал рык. Пообещал, что позвонит мне домой, и я ему прочитаю, но звонка не было.

— Фамилию-то помню, а вот отчество... Напомни, пожалуйста: Иван...?

Он и раньше, когда был зав. идеологическим отделом ЦК, не в ладах был с именами-отчествами. Один из его заместителей сказал о нем: с такими начальниками нас вперед ногами вынесут из ЦК.

Когда пришел домой, сын сказал, что звонил Разумов из приемной Лучинского. Они переехали из пятого подъезда в девятый, и у них новый телефон.

Набрал номер Лучинского.

— Николай? Слушай, такое дело. Встретил я одного человека, Аушев его фамилия, из Верховного Совета, председатель комитета, ему нужен пресс-секретарь.

Больше всего М. Горбачев любил бывать на Западе. Там ему льстили, ему это нравилось...

...И начинала сладко кружиться голова. От успехов.

Торжественное заседание съезда народных депутатов РСФСР, посвященное вступлению Б. Н. Ельцина в должность президента РСФСР. Б. Н. Ельцин принял присягу. Президенты СССР и РСФСР обменялись рукопожатиями. Июль 1991 года.

В пресс-центре МИД СССР 19 августа 1991 года. Пресс-конференция и. о. президента СССР Г. И. Янаева.

19 августа 1991 года у Белого дома России.

Б. К. Пуго и Г. И. Янаев во время пресс-конференции ГКЧП в пресс-центре МИД СССР 19 августа 1991 года.

Войска на улицах Москвы. На переднем плане генерал А. И. Лебедь.

Вечером 19 августа 1991 года на баррикадах у Белого дома России.

ИСХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА №

9/1562
Горюхо

из г. Москва

в Государственному комитету по чрезвычайному положению.

Докладываю.

На Украине стало известно обращение ЕЛЫЦИНА Б.Н. к народам России.

Подавляющее большинство населения и воины военных округов отрицательно отнеслись к этому шагу и одновременно с возмущением высказываются по поводу возможности ЕЛЫЦИНА Б.Н. свободно и деструктивно действовать в отношении решений ГКЧ.

ВАРЕННИКОВ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ
ГЕНЕРАЛ-АРМИИ

Варенников В.И.
ВАРЕННИКОВ

" 17 " августа 1991 года.

Октябрь 21.08

№ 111915
ПЕРВЫЙ ОТД
Прокуратуры РСФСР
Ивановский мост 1

В. И. Варенников

Письмо разбирочно черными или печатными на машинке в одном экземпляре, без подделывания...

Докладывая, что 19 августа с.г. в МВД. ...
...рации поступило указание МВД РСФСР и КГБ РСФСР о вышес-
...еии приказа МВД СССР об обеспечении режима чрезвычайного
положения только в части, не противоречащей Указам Прези-
дента РСФСР от 19 августа 1991 года.

Мною 20 августа т.г. направлена в органы внутренних
дел Российской Федерации шифртелеграмма с предупреждением
министров, начальников ГУВД, УВД о их персональной ответст-
венности за неукоснительное исполнение постановлений ГКЧП
СССР и изданных на их основе приказов МВД СССР.

Выполнение контролируется.
Одновременно считал бы целесообразным признать Указы
Президента РСФСР от 19 августа 1991 года № 59, 61 и 63, а
также постановление Совета Министров РСФСР от 19 августа
1991 года № 435 не имеющими юридической силы. Проект поста-
новления ГКЧП по этому вопросу прилагается.

Министр внутренних
дел СССР

" 20 " августа 1991 г.

Б. Пуго

г. Бакланову О. Д

ПОВЕСТКА ДНЯ

заседания Государственного комитета по чрезвычайному
положению СССР

от 20 августа 1991 года
20.00

1. Информация тов. Бакланова О.Д. о создании штаба при ГКЧП.
2. Информация тов. Маслякова Ю.Д. о работе в нынешних условиях НИИ, КБ объединений и предприятий оборонных отраслей промышленности.
3. Информация народных депутатов СССР т.т. Блохина Ю.В. и Чехорина В.Г.
4. Доклад т. Прокофьева Д.А. Горковлюка А.С. Шенина О.С.,
Догужиева В.Х. Тизякова А.И. о выполнении поручений ГКЧП.
5. Принятие решений ГКЧП.
6. Разное.

Повестка дня заседания ГКЧП.

ПРОТОКОЛ № 1
заседания штаба при ГКЧП

20 августа 1991 г., 15.30

ПРИСУТСТВОВАЛИ: член ГКЧП т.Бакланов О.Д., т.т.Ахромеев С.Ф.,
Омеличев Б.А., Грушко В.Ф., Шилов И.Ф., Бижан И.В.,
Беляков О.С., Сошников А.Н., Ковырин И.Б., Бутин В.В.,
Фадин С.И.

РЕШИЛИ:

1. Принять к сведению о согласии т.т.Ахромеева С.Ф.,
Омеличева Б.А.; Грушко В.Ф., Бижана И.В., Шилова И.Ф.,
Белякова О.С., Сошникова А.Н., Ковырина И.Б., Бутина В.В.,
Фадина С.И. принять участие в работе штаба при ГКЧП.

2. Согласиться с предложениями о порядке работы штаба
при ГКЧП, имея в виду получение информации от Минобороны СССР,
МИД СССР, МВД СССР, КГБ СССР, Кабинета Министров СССР, ЦК КПСС
в 6.00 и 17.00, подготовку обобщенной информации для ГКЧП
к 7.30 и 18.30 ежедневно.

3. Организовать постоянное дежурство работников отдела
по вопросам обороны и безопасности государства при Президенте
СССР в комнате 37 здания № 1 в Кремле.

Полдень 22 августа 1991 г. у Белого дома. Митинг победителей. Пока они еще вместе — Б. Н. Ельцин, Г. Э. Бурбулис, А. В. Руцкой.

Возвращение президента СССР М. С. Горбачева 22 августа 1991 года в Москву ночью.

Я не завова
щик, но я
трус
Сообщите по-
жалуйста об
этом совет-
скому народу
дружно

Предсмертная записка управляющего
делами ЦК КПСС Н. Е. Кручины.

Предсмертная записка жены министра внутренних дел СССР Б. К. Пуго.

Дорогие мои! Мать Бабушка
не мою не судите кар
Позабываете о себе
Мама

Народный депутат СССР, военный советник президента СССР С. Ф. Ахромеев выступает на сессии Верховного Совета СССР. Февраль 1991 года.

С. Ф. Ахромеев с руководящим составом Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Командно-штабные учения. С. Ф. Ахромеев (в центре).

«Коммунист. Патриот. Солдат». Эти слова выбиты на надгробном обелиске Маршалу Советского Союза С. Ф. Ахромееву.

Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов в ожидании решения своей судьбы. Сессия Верховного Совета дала согласие на его арест.

Премьер-министр СССР В. С. Павлов.

Член Политбюро ЦК КПСС О. С. Шенин (слева) и председатель КГБ СССР В. А. Крючков в зале суда по делу ГКЧП. Ноябрь 1993 года.

После объявления политической амнистии участникам ГКЧП. Март 1994 года.

Главком Сухопутных войск генерал армии В. И. Варенников с супругой Ольгой Тихоновной в госпитале им. Бурденко. Декабрь 1992 года.

Член Политбюро ЦК КПСС О. С. Шенин с женой Тамарой Александровной на следующий день после выхода из тюрьмы «Матросская тишина». 1 ноября 1992 года.

Ну, за Содружество! Рисунок из семейного архива С. Шушкевича.

Я сразу назвал твою фамилию. Зарплата 800 рублей. Давай приходи в понедельник утром, скажи Яшину, пусть закажет пропуск, поговорим.

— Спасибо, Петр Кириллович.

— Мы должны помогать друг другу. И не забывать друг о друге.

Вчера вечером звонил приятель из Казани. Как только попросил его взять меня на ставку временно, чтобы переждать эту ситуацию, он стал жаловаться на связь, на плохую слышимость и т. д.

Главный редактор газеты «Труд» А.С. Потапов, который приглашал меня прогуляться в Филевском парке, не дает о себе знать.

Сессия Верховного Совета БССР приняла решение о переименовании Белорусской Советской Социалистической Республики в Республику Беларусь. Ни Советской, ни Социалистической. Вот так.

В программе «Время» сюжеты, связанные с Горбачевым, идут десятками — двенадцатыми по важности. Впереди Ельцин. В «Курантах» карикатура: Ельцин ведет за руку ребенка-Горби с игрушечным танком.

23 сентября. Возле метро «Кунцевская» есть газетная витрина. Так вот, из газеты «Известия» за 21 сентября узнал, что Аушев утвержден председателем комитета по делам воинов-интернационалистов при президенте СССР. Это значительно шире, чем афганская тема. Все выходные думал о предложении Лучинского и даже был склонен принять его.

Утром взял несколько своих военных книг, чтобы показать Лучинскому — эта тема мне знакома, — и поехал на Старую площадь. В девятый подъезд пропускают по удостоверениям ЦК. Поднялся на третий этаж. На дверях названной комнаты табличка — ЦК КПСС. Это кабинет, в котором раньше сидел Слезко, когда был заместителем председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. А сейчас там все секретари — Ивашко, Лучинский, Строев, Семенова. Как технические работники, все в одной комнате.

Только открыл дверь, как из кабинета вышел Лучинский. Увидев меня, смешался, но руку подал. Я сразу понял: что-то произошло.

— Понимаешь, то место у Аушева уже занято. Сегодня выяснилось. Но ты не уходи, я сейчас занят,

подожди, мне надо с тобой поговорить. Узнай, где отдел будет размещаться.

В ЦК — новоселье. Из пятого подъезда их переселяют в девятый. Когда шел по коридору третьего этажа, обратил внимание на вывески: «РСФСР. Госкомитет по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС». Невольно рассмеялся: пусть живет КПСС на Чернобыльской АЭС! Вот и реализация лозунга, который часто можно было увидеть на манифестациях демократов.

Прошел в шестой подъезд, заглянул в свой кабинет. Дверь приоткрыта, сидит в моем кресле некий чмырь. А табличка на дверях с моей фамилией.

Зашел к Яшину — заведующему секретариатом идеологического отдела. Он готовится к переезду в девятый подъезд. Наскоро переговорил, и снова к Лучинскому. В приемной уже Разумов. И снова, едва я вошел, Лучинский вышел из кабинета. Как будто видит, кто вошел.

— Николай, ты не переживай. Зарплата тебе будет идти до десятого ноября, а там что-нибудь придумаем. Парень ты хороший. Думаю, работа будет еще и здесь, в ЦК. Мне будет нужна кое-какая помощь. Только ты не исчезай совсем. Звони, заходи.

Переговорил со Строевым, за руку поздоровался с Гидасповым. Мельком видел Купцова. В дверях столкнулся с Маховым и Веселковым из Центральной контрольной комиссии. В коридоре нервно ходит Скиба — заведующий аграрным отделом.

Сегодня ровно месяц как нас прогнали с работы. Зашел в международный отдел, сидит там девушка, рассказывает страсти, как их выдворяли месяц назад.

Глава 8

КАК Я ПРЕСЛЕДОВАЛ ЖУРНАЛИСТОВ

Расскажу о нескольких ситуациях, случившихся на Старой площади в последние годы моего пребывания там.

Фамилия Анатолия Ежелева в те годы была известна многим. Корреспондент «Известий» в Ленинграде,

он стал затем народным депутатом СССР, заместителем председателя комиссии Верховного Совета страны по гласности и обращениям граждан. Громкое журналистское имя он приобрел в начале 1987 года смелыми публикациями в поддержку ленинградской молодежи, которая — прошу обратить внимание — впервые в стране после октября 1917 года вышла на улицы, чтобы защитить от уничтожения памятник старины — гостиницу «Англетер», в одном из номеров которой повесился великий русский поэт Сергей Есенин.

Публикации Ежелева в «Известиях» вызвали гнев отцов города и прежде всего тогдашнего председателя Ленгорисполкома Ходырева. Каких только ярлыков не навешивали непослушному журналисту! Заручившись поддержкой обкома партии, председатель горисполкома категорически потребовал от редколлегии «Известий» безотлагательной замены своего корреспондента на берегах Невы. Попытки редакции уладить конфликт мирными средствами, сесть за стол переговоров успехом не увенчались. Городские власти требовали убрать Ежелева. Главный редактор «Известий» Лаптев обратился с письмом в ЦК КПСС: помогите защитить нашего журналиста.

И вот я в Ленинграде. Трудный многочасовой разговор с председателем горисполкома.

— Да надо мною коллеги смеются: какой-то корреспондент на всю страну ославил, — нервно шагает он по кабинету. — Уехал в отпуск, в санатории шагу ступить не дают. Что же это такое, спрашивают. Если председателя Ленгорисполкома так молотят в центральной газете, то что с нами, периферийщиками, делают? Это же знак всем газетерам: топчите своих мэров. И за что меня Ежелев полощет? За то, что я против массовых беспорядков? Против власти уличных эмоций? Что, на митингах будем решать судьбу памятников культуры и истории?

Не менее трудные разговоры состоялись в других кабинетах Смольного. Только подумать: возмнивший о себе невесть что корреспондентшишка осмелился нарушить неписаное правило, существовавшее со времен Романова — Ленинград вне критики.

Напомню еще раз: моя поездка состоялась весной 1987 года. День шестнадцатого марта, думается, ни

в коем случае нельзя отнести к разряду обычных. До шестнадцатого марта действительно ничего похожего ни в Ленинграде, ни тем более в других городах не было и быть не могло.

Среди рабочего дня в сквере на улице Гоголя, где она соединяется с Исаакиевской площадью, собралась большая толпа людей. Преимущественно эта была молодежь. Слышались возбужденные возгласы, кто-то пытался выступить с речью. Толпа наэлектризовалась. Взгляды были устремлены на обнесенную оградой территорию, превращенную в строительную площадку.

— Едут! Едут! — зашевелилась толпа. Сотни молодых людей, взявшись за руки и образовав живую цепь, двинулись навстречу машинам со строителями, которые приближались к огражденному объекту на улице Гоголя. Грузовики, краны с железными бабами, которыми разбивают стены, останавливались. Из кабин выходили шоферы, из кузовов прыгивали рабочие.

— Не пустим! — скандировали сотни молодых людей. — Назад! Памятникам — жить!

Весь понедельник и ночь на вторник не расходились люди. Толпа то мрачно стояла молча, то взрывалась горячими спорами. Молодежь митинговала. Кто-то предложил направить телеграмму в Москву, в Министерство культуры СССР. Здесь же нашлись добровольцы, начали собирать подписи на телеграфных бланках. Подписавшихся набралось несколько сотен. Многие смотрели на здание исполкома Ленсовета, оно возвышалось напротив, на другом конце площади. Оттуда к ним никто не вышел. Тогда делегация из пяти человек направилась в горисполком. Напрасно блуждали они по коридорам и приемным. Никто не пожелал встретиться с представителями митингующих. Им посоветовали опустить свою петицию в ящик для заявлений и жалоб. В месячный срок, как и положено по закону, она будет рассмотрена.

В конце концов после долгих и настойчивых просьб делегацию приняла помощница одного из восьми заместителей председателя Ленгорисполкома. Решать эта милая женщина ничего не могла, посоветовала лишь покинуть площадь.

Люди не расходились и во вторник, и в ночь на

среду. Утром в среду им передали приглашение на официальную беседу в Ленгорисполкоме. Делегацию с площади приняли два заместителя председателя горисполкома, главный архитектор города, начальник инспекции по охране памятников и главный инженер проекта строительного объекта. Встреча закончилась безрезультатно. Покидая просторный кабинет, делегация попросила остановить снос здания на несколько дней до выяснения вопроса: третьеразрядный это клоповник, как сказали им в горисполкоме, или все же памятник отечественной культуры, как полагали на площади. Просьба маленькая, пустяковая — пустоvalo ведь здание почти два года, что с ним случится, если постоит еще пару дней. Делегацию заверили: не волнуйтесь, ваша просьба будет рассмотрена, ответ получите к концу дня. Ну что же, хоть какая-то ясность, просветлели лица у молодых людей.

А в середине дня в среду, на глазах у всех, кто находился на площади, стены здания внезапно осели и рассыпались. У растерянных делегатов отвисли челюсти. Выходит, все время, пока шли переговоры, и даже еще раньше, до встречи в горисполкоме, за оградой кипела работа по подготовке его к сносу? Выходит, все было predetermined заранее, а прием делегации, беседы, обещания не более чем игра в демократию?

Сейчас, когда основная канва событий известна, посмотрим, какую оценку давали этой истории ее действующие лица. Следует лишь иметь в виду, что дело происходило в марте восемьдесят седьмого года, коллективный выход на площадь был, пожалуй, самым первым после революционных событий семнадцатого проявлением самостоятельной, не санкционированной вышестоящими органами инициативы людей, и воспринимался он, этот выход, совсем не так, как воспринимаются сегодня собрания и митинги, захлестнувшие многие города бывшего СССР.

Власти использовали старый, как мир, прием: устанавливать не причину конфликта, устанавливать лиц, развязавших конфликт. Каких только характеристик и эпитетов не пришлось мне выслушать в Смольном. От намеков на некие таинственные темные силы, по чьим сценариям действовали наивные молодые люди,

до обвинений в том, что на площадь пришли крикуны и даже хронические алкоголики. Их беспокоила судьба «Англетера»? Да бросьте вы, говорили мне в просторных кабинетах, мы спрашивали у некоторых защитников гостиницы о поэзии Есенина, неловко было слушать. Им не до культурных ценностей.

Так кто же вышел на площадь? Конечно, без сомнительных личностей не обошлось, это признавали и активисты движения за спасение «Англетера», но не они определяли социальный состав пикетов. Хозяевами положения были молодые рабочие, студенты, учащиеся школ и техникумов, известные своей добровольной помощью группе реставраторов «Мир», члены совета по экологии и культуре. Кстати, за все время пикетирования на площади не произошло ни одного эксцесса, который требовал бы вмешательства милиции. Вряд ли оказался бы среди митинговавших и трусливый обыватель, и предусмотрительный карьерист. Напрасно было бы искать здесь и осторожного аппаратчика-службиста. Большинство, несомненно, составляли чистые, добросовестные юноши, искренне озлобленные потерями в национальной культуре.

«Англетер» и национальная культура? Да они примерно так же связаны между собой, как старый валежок с ясной луной в зимнюю ночь. Председатель Ленгорисполкома, с которым я беседовал не один час, сказал в конце, будто отрезал:

— Все делалось правильно!

Один из пятерых делегатов, удостоившихся чести быть принятыми ответственными руководителями в Ленгорисполкоме, так рассказывал об этой встрече:

— Мы сели к большому столу напротив, и я подумал: все за этим столом любят свой город! Разве нет? Так неужели мы вместе не придем к заключению, что это большая потеря для города (значит, для всех нас!), если подлинное историческое здание заменяют новым, муляжом? А тем более если речь идет о доме, где прошли последние дни любимого в народе поэта... И вдруг слышу: «Ребята, ну что вы так держитесь за этот третьеразрядный клоповник?» Значит, мы отстаивали клоповник? И все? Жаль, что эти слова произнес именно тот, кто мог распорядиться о приостановке сноса.

Наивный человек этот делегат. Он и представить себе не мог, что на бюро обкома партии начальник государственной инспекции по охране памятников архитектуры и искусства города заявит: на Руси, дескать, место самоубийцы никогда не считалось святым. А они хотели сохранить даже комнату Есенина, даже крюк, на котором его нашли повешенным.

У начальника по охране памятников на том бюро резонно спросили: скажите, разве составленный когда-то список памятников закрыт навсегда? Нет, не закрыт, подтвердил начальник. Тогда в чем дело? Кто определяет ценность культурного и исторического наследия? Если люди считают, что следует то или иное здание сохранить, несмотря на то, числится оно в списке или нет, от кого зависит решение? Может, все же стоит прислушиваться к мнению людей?

Обсуждение на бюро приобрело новый, во многом неожиданный поворот. Решающую роль сыграло присутствие представителя ЦК КПСС, позиция которого большинству членов бюро обкома была известна. Напрасно приглашенные на заседание должностные лица пытались перевести разговор в привычное русло, свести все к техническим вопросам. Направление обсуждения было задано четко: искать надо не доказательства своей непогрешимости, а причины, вызвавшие противостояние на Исаакиевской площади.

На мой взгляд, они были найдены. Вернувшись в Москву, я потом докладывал своему руководству на Старой площади: игнорирование общественного мнения. Неумение действовать на улице под градом критики, оценок, вопросов. Неподготовленность к работе в условиях, которые принесла перестройка. Тоска по привычной тишине в кабинете, по прежнему несмелому стуку в дверь. Жизнь изменилась, она вон бурлит на площади; толпа не в телевизоре, а у тебя под окном.

Остро критические репортажи Ежелева о противостоянии Исаакиевской площади Мариинскому дворцу, где размещался горисполком, вызывали у отцов города глухое раздражение. Журналист первым понял, что старые здания — достояние каждого жителя Ленинграда, и решать судьбу опустевших дворцов, не посоветовавшись с народом, уже невозможно.

Масла в огонь подливали все новые подробности,

которые корреспондент приводил в своих публикациях. Уже после того, как мощные тягачи взрвали моторами и одновременно рванули в разные стороны зацеplенные через пробитые в стенах отверстия стальные тросы, стало известно, что существовал и другой вариант реконструкции гостиницы. Им предусматривалось сохранение старого здания. Оказывается, оба варианта рассматривались в качестве приемлемых. К сожалению, обсуждение велось узким кругом лиц, в основном хозяйственниками, и это предопределило судьбу второго варианта. Первый был признан более экономичным. Опоздала и телеграмма из Министерства культуры. Она пришла в горисполком служебным телексом лишь 27 марта, через десять дней после коллективного заявления ленинградцев, «Англетер» к тому времени уже не существовал. Телеграмма же предписывала «незамедлительно остановить работы» по сносу здания гостиницы.

Немудрено, что человека, осмелившегося обнародовать эти сведения в «Известиях», отцы города потребовали убрать из Ленинграда. Помнится, один из хозяев просторных кабинетов, испытующе посмотрев на представителя ЦК, произнес:

— А вы переведите его в Хельсинки. Корреспондентом по Финляндии. Он еще вам спасибо скажет.

Чиновничий ум изворотлив. Способов убрать с дороги неугодного человека было сотни.

И тем не менее Ежелев остался в Ленинграде. Мы не отдали принципиального журналиста на расправу, вступились за него и за редакцию.

Я мог бы привести немало подобных случаев. Приходилось ездить в Днепропетровск — на родину Брежнева, в Ставрополь — на родину Горбачева, в Калужскую и Смоленскую области, в Киргизию и Казахстан, на Дальний Восток по десяткам других адресов, где критику зажимали, а журналистов преследовали. Мы не давали в обиду даже работников заводских газет — а их в стране было свыше десяти тысяч, от имени ЦК требовали оградить их от преследований и травли. А ведь кроме заводских, были тысячи газет совхозных и колхозных, вузовских, транспортных, сферы торговли и бытового обслуживания. Ни один тревожный сигнал не оставался без нашего внимания.

Записи для себя

24 сентября. Сегодня жена улетела в Екатеринбург (по-старому Свердловск). Вскочили рано, сын собирался в Душанбе, там чрезвычайное положение, очевидно, в ночь сегодня улетит, поэтому начало дня было какое-то сумбурное. С утра повел дочку в школу. На Кутузовском возле киоска увидел дородного господина в шикарной джинсе. В бороде. Это Лешка Струков, однокурсник по ВПШ, в последнее время редактор отдела одной из ведущих центральных газет.

— Ты девушку в школу ведешь? Вон там моя машина красная. На обратном пути встретимся. Я давно тебя ищу.

Отвел Олю. Иду обратно, смотрю, красные «Жигули» ко мне едут. Лешка.

Усадил меня в машину. Он живет на Кутузовке возле Триумфальной арки. Привез к себе. Угостил кофе. Жена Зина. Старушка-бабушка.

Зина (работает в Министерстве труда):

— У меня начальница Безлепкина. Кто она такая? Давным-давно пришла из ЦК. До этого работала в Донбассе, руководила обкомом. Я сказала: подчиняться ей не буду.

А кто она такая сама? Наверное, лучше, чем эта Безлепкина.

В общем, Лешка ушел из своей газеты 12 августа. Создал ассоциацию военных министерств. Зарегистрировал газету «Наши крылья». Приглашает меня первым замом. Но — чувствует, что после путча все пошло шиворот-навыворот. Некогда могущественные ведомства рушатся. Что будет — неизвестно.

По настроению его жены понял — злорадствуют оба. По поводу моего падения.

После обеда поехал в один ведомственный журнал. Кис, старый еврей, в бороде. В следующем году ему шестьдесят. Во время беседы зашел первый зам. главного редактора Старооткрыткин. Боже мой, какой вид, какой тон, какая значимость. Да я и не знал о их существовании, когда функционировал.

Маленький столик. Залит водой. У Киса дрожат руки. Пьет кофе. Я отказался. Не могу в этой антисанитарной обстановке.

Вечером позвонила моя бывшая сотрудница. По секрету сказала:

— А знаете, что Яшина не было в списках, кого надо трудоустроить?

Позвонил приятелю из общего отдела. Подтвердил, что Орлов остается и он. Яшина тоже берут новые власти.

Потом набрал номер одного из руководящих работников журнала «Коммунист» — ныне он называется «Свободная мысль». Разговор получился сухой:

— Вы работу ищете? Я могу порекомендовать вам пару изданий...

— А у вас ничего нет? Ведь я вам звоню...

— Нет, у нас журнал научный. Публицистики нет.

Вот так.

А Орлов, Орлов-то. Был в августе в отпуске. В Сочи. Впервые, в кои-то веки, собралось Политбюро. И он прервал отпуск, примчался в ЦК. Зачем он нужен? Сидит в зале заседаний. И молчит. А сейчас вот в аппарате правительства РСФСР. Был самым глубоким ортодоксом, самым партийным партийцем.

Горби взял к себе пресс-секретарем Андрея Грачева. Из ЦК КПСС. Бедный Пряхин! Его опять проигнорировали.

26 сентября. В ночь на позавчера улетел в Душанбе сын. Там введено чрезвычайное положение. Посидели с ним хорошо, о многом поговорили. Редко бывают моменты, чтобы спокойно и откровенно обо всем поговорить.

Вчера день какой-то был сумасбродный. Пировали с дочкой, ели соленые орешки, которые я привез из Греции — лежали в шкафу, совсем о них забыли, — и пели белорусские народные песни. Ей-богу, хорошие дети у меня.

Позвонил Масленникову Аркадию Африкановичу — руководителю пресс-службы Верховного Совета СССР. Первая реакция:

— Я очень занят, пишу сложную бумагу.

Он был руководителем пресс-службы президента СССР. Потом его «ушли». Он перешел в союзный парламент.

— Помните, в прошлом году вы высокомерно,

с чувством превосходства, отказались идти ко мне в замы? Мол, партия будет всеми нами руководить.

— Я? Отказался в замы? Да не было этого, Аркадий Африканович!

— Нет, было.

— Вы ошибаетесь. Речь шла о должности консультанта. К тому же вы сказали, что штатное расписание не утверждено, вы подали Горбачеву только предложение. А замом, как вы мне сказали, любезно провозжая к лифту, просился другой человек.

Я сказал, кто.

— Не вспоминайте мне эту фамилию! — вспыхнул Африканович.

Кончилось тем, что он предложил мне ехать собкором своей газеты «Биржевые ведомости» в Белоруссию. О работе в пресс-центре Верховного Совета даже не намекнул.

Потом позвонил Пряхину. Люда, его секретарша, подняла трубку, а спустя несколько мгновений сказала, что он занят:

— Позвоните через полчаса.

Звонить не стал, и больше не буду.

Сегодня дал о себе знать Ермек Алданов из Чимкента. Он был секретарем обкома. Работал у нас в ЦК, потом уехал к себе на родину. У них Социалистическая партия, но прежних работников не взяли — ни выборных, ни аппаратных. Все новые.

Звонили из хозотдела. Я должен за дачу 262 рубля. Сегодня звонок из ателье — жене сшили костюм. Приезжайте, а то цены повысятся.

В «Московском комсомольце» статья о Рябове — бывшем секретаре парткома аппарата ЦК. Герой. Устал от политической деятельности, будет заниматься исключительно наукой.

Интересно, что кадры товарища Капто уже все слиняли — переметнулись кто куда, но с заявлением по собственному желанию. Чтобы откреститься от партии.

28 сентября. Никаких утешительных новостей, кроме сочувствия Ян Чжэна: у них во время «культурной революции» это все было. Потом активистов пересажали, а жертв вернули на места, которые они занимали до репрессий. Слабое, в общем-то, утешение. Ян Чжэн

принес приглашение на вечер в посольство в связи с 42-й годовщиной китайской революции.

В пятницу, 27-го, был у Пряхина. Позвонила его секретарша Люда и сказала, что меня ждут.

В комендатуре Кремля белобрысый рязанец пренебрежительно вернул мне удостоверение ЦК:

— Это не документ. Нужен паспорт.

Разговор с Пряхиным не обнадежил. Он позвонил Чибиряеву, и тот согласился якобы взять рядовым редактором. Но ведь Чибиряева-то я сам знаю хорошо.

— Больше ничего хорошего нет. С газетой «Красная площадь» снова не ясно. Впрочем, почти вот эту записку.

В записке очередной проект создания президентской (СССР) прессы. Газета на базе «Правительственного вестника». Главный редактор Карпычев из «Правды».

— Больше ничего нет. Вацлав Михальский уже не выпускает своего «Милосердия» — нет бумаги, полиграфических мощностей. Позвони ему, может, кем-нибудь возьмет, елки-палки. Что поделать? Сегодня ты, а завтра я. Видел настроения в Кремле? Лица людей?

Видел. Но видел и ждущих в его приемной людей с книгами Раисы Максимовны. За автографом. Потом они же будут писать о нем злые пасквили, как о тех, кто писал за Брежнева «Малую землю».

Звонил Нугзару Попхадзе. Он работал у нас в отделе. До этого был секретарем ЦК Грузии. Мой звонок воспринял неплохо, сказал, что надо встретиться. В «Независимой газете»: это Шеварднадзе отдал указание расстрелять пятерых угонщиков самолета. Дело было в 1985 году, в Кутаиси.

В «Комсомолке» сегодня информация о встрече Яковлева с делегатами комсомольского съезда. Нельзя не согласиться с А. Н.: секретари ЦК КПСС должны были уйти в отставку. Этим, возможно, они спасли бы партию. Но не те секретари пошли — они из комсомола, алчные, честолюбивые проходимцы. Как они дружно восставали против Ивашко. Человек не их круга.

Все темнеет, никто не говорит, кто куда уходит. Поразил Яшин: правоверный коммунист, секретарь

партбюро идеологического отдела, в прошлом идеологический куратор Армении и Азербайджана. И вот, пожалуйста, его берут в канцелярию российского Совмина. Даже в списках на увольнение не было его фамилии. То-то он из шестого подъезда не торопится выселяться. Только сейчас проявляются люди.

Серазев и Милюков перешли в «Мегаполис». Туда же перешел и Тим Кузнецов. Совсем плохо стало ему в «Советской культуре».

В пятницу разговаривал с Юрием Ивановичем Рыжовым. Первый заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК. Это очень высокий пост. Не знал, что он журналист по образованию. Оказывается, двенадцать лет отрубил в заводской многотиражке.

29 сентября. Сегодня неожиданно позвонил Дегтярев, когда я гулял с дочкой. Возвратившись домой, набрал его номер.

— Ну, как дела, чем занимаешься?

Кратце, отрывочно, объяснил.

— У меня к тебе два дела. Первое: с третьего по пятое октября в АПН будут собираться натовцы. Можно продать право присутствовать зарубежным журналистам. И еще — можно подписать контракт на эти дни и заработать примерно столько, сколько в месяц получал. Второе: у тебя пишущая машинка есть?

— Есть.

— Тогда напиши полторы-две странички на имя Владиславлева. Он председатель Совета по предпринимательской деятельности при президенте СССР. Есть идея создать пресс-группу при Совете на базе бывшей гостиницы «Октябрьская», где раньше пресс-центр ЦК был.

Что я и сделал. Вчерне отпечатал, ему прочел, вроде согласен. Завтра прихватит. У него, оказывается, уже машина есть. Говорит о созданной им ассоциации «Русский капитал». В Крылатском ее филиал.

— Сегодня в «АиФ» — список тех, кого ГКЧП предполагал арестовать. Я иду тридцатым. Но все из списка уже получили работу, кроме меня.

Кому ни позвонишь — все обижены, все темнят, все хитрят. Сегодня наконец объявился Левон Хоренович Чахмакчян, тоже до конца не договаривает.

Назавтра столько дел — не знаю, как управлюсь.

Вот. А еще — безработный...

30 сентября. Жду звонка от Дегтярева. Телефон молчит. Набираю номер сам. Занято. Наконец соединилось.

— Александр Якимович, я могу прийти только после шестнадцати.

— А на сколько я назначал?

Прав был сын: батька, да он уже забыл, на сколько назначил. И чего ты все переживаешь?

— Вы назначали с двенадцати до четырнадцати.

— Да? Ну ладно, давай после шестнадцати. В половине пятого я буду дома. Созвонимся.

Слава Богу! Облачился в костюм (непривычно, все это время ходил в грязнящих джинсах) и направился в китайское посольство.

Ехал в автобусе номер 58. Через минут десять — пятнадцать езды спросил у какого-то пассажира, где улица Дружбы. Он подробно объяснил. Вышел из автобуса, пересек скверик и прошел к зданию посольства. Было еще рано, и я решил пройтись по улице, что, конечно, не укрылось от капитана милиции, сидевшего в будке. Когда меня встретил Ян Чжэн и мы подошли к будке, он козырнул ему, а обо мне произнес фразу, что нечего, мол, шляться вдоль здания.

— Надо, видно, предъявить приглашение, — сказал Ян.

Я вынул посольский листок бумаги.

— Откуда вы? — спросил капитан.

— Из ЦК КПСС.

— А, — пренебрежительно бросил капитан. — Бывшего. Как ваша фамилия? На всякий случай?

Я назвал. А потом пожалел: может, не надо было говорить, откуда я.

— Ничего страшного, — ответил Ян.

Вошли в здание посольства. Шикарное помещение, конечно. Ян передал меня другому китайцу, хорошо знавшему русский язык. Он был моим гидом.

Между тем зал наполнялся галдящей толпой. Сопровождавший меня посольский работник сказал:

— Хотите, я представлю вас послу?

Я замялся:

— Ведь я никого не представляю...

— Ничего, — сказал он и потащил меня к послу. Представил по-китайски товарищу в черном костюме. Уже потом сказал, что посла скоро будут менять, приезжает другой.

Потом двери открылись, и мы очутились в банкетном зале. Да, перед этим я обнаружил в толпе знакомого парня из пресс-центра МИД.

Приблизился с Ян Чжэном к одному из столиков. Выпил рисовой водки. Кого видел? Первого секретаря ЦК Компартии России Купцова, Аллу Борисову, члена редколлегии «Правды», редактора по отделу международных связей, которая пожаловалась, что Селезнев вызвал ее и предложил уволиться. Юру Тавровского из «Известий», который сказал, что уматывает из этой газеты. Владислава Дробкова, зам. главного редактора «Правды», с которым чокнулся, Роя Медведева, Виктора Мироненко, еще кого-то.

Столы опустели быстро. Надо было уходить. Тут и Ян подоспел. Откуда ни возьмись Мироненко с женой:

— Извините, но такой случай, что надо развезти меня с женой по разным местам.

Ян согласился. И мы на его новехоньком «мерседесе» сначала отвезли жену Мироненко в гостиницу «Орленок», самого Мироненко на проспект Калинина, а потом Ян отвез меня домой.

Позвонил Валерию Сидорову. Когда-то он работал у нас в отделе, потом уехал с Вольским в Нагорный Карабах, затем перешел к Вольскому в Научно-промышленный союз. Наконец-то поймал его на месте.

— Ну что? Я же говорил тебе: бросай свой ЦК. Нет, привилегии держали. Слободянюк в первую же ночь позвонил мне. Но у него руки в крови. А у тебя? У тебя, пожалуй, нет. Николай, ничего не могу обещать. Не думал, что нужна помощь. Многие ко мне обращались — Урбан и другие. Не знаю. Буду думать.

Позвонил Лисину, главному редактору «Вечерней Москвы», когда-то он уговаривал к себе в замы. Сейчас:

— У меня сейчас совещание. Дай мне свой телефон. Я тебе позвоню.

И все. Глухо, как в танке. Никаких звонков, никаких сигналов.

1 октября. Вчера звонил Слободянюк. Отчитал я его как следует. Даже не по себе стало.

Сегодня попросил Сильвановича заказать мне пропуск и поехал в «Сельскую жизнь». На вахте высокая стройная женщина с нашивками сержанта милиции. Пропустила.

Часа два проболтали с Сильвановичем. Все о путче. Потом он предложил пообедать. У них остался зал для членов редколлегии. Пошли. Ничего, официантка разносит. И селедка понравилась. Туда же приходит обедать и Харламов — главный редактор.

После обеда направился к Харламову, но у него был заместитель по приложению. Пошел в «Правду».

Черняк в отпуске. Зашел к Карпычеву. Долго говорили. Он ярый защитник Горбачева. Перед путчем был утвержден главным редактором новой газеты «Красная площадь». Газета должна была быть президентской. На 19 августа назначены были его проводы на новую работу. Приказ об освобождении был уже подписан. Ситуация!

— Понимаешь? Мне представляется, что Селезнев был утром у Шенина. Во всяком случае, он оттуда позвонил, чтобы меня не забыли проводить. Представляешь? Путч против президента, а меня выпроваживают из редакции...

В общем, он снова вернулся в «Правду», а поскольку должности зама уже нет, его зачислили пока политобозревателем.

— Пишут, что Горбачев причастен к перевороту. Но никто всерьез не рассматривает линию Ельцина. Я допускаю, что Ельцин на каком-то этапе был знаком с планами путчистов. А потом решил сыграть свою карту, и на этом многое приобрел. Вот почему путчисты его не арестовывали.

Судя по всему, Карпычев не в ладах с Селезневым.

— Будет газета — будет и работа. Я же вас знаю. Когда был ответственным секретарем, ставил ваши материалы. Думаю, через несколько дней все решится. Обещаю вам — без работы не останетесь. Даже если «Красной площади» не будет — все равно не пропадем.

Поблагодарил его и направился к Харламову. Он уже разыскивал меня через Сильвановича.

Долго говорили.

— Что-то смущает? Я же чувствую...

Поговорили откровенно. Он предложил вариант: либо член редколлегии — редактор по отделу, либо политобозреватель. Сошлись на варианте: политобозреватель — член редколлегии. Он сказал, что редакции лучше, если я буду политобозревателем. Это меня немного насторожило.

В общем, решили, что месяц я еще поболтаюсь. Не хочется, чтобы в трудовой книжке стояла запись: по собственному желанию. Пусть лучше будет — в связи с сокращением штатов.

А Дегтярев куда-то пропал. На звонки не отвечает.

Глава 9

КАК Я ДУШИЛ ЖУРНАЛИСТИКУ

Скажу без ложной скромности: сектор печати в аппарате ЦК КПСС был, пожалуй, самым «горячим». Пресса к концу восьмидесятых годов становилась сильнейшим, если не единственным инструментом гласности и общественного контроля, выразителем множественности взглядов на процессы, идущие в стране.

Обращаясь мысленно к тем недавним годам, я с полной уверенностью заявляю: на страницах газет и журналов пульсировала сама жизнь, со всеми ее трудностями и противоречиями. В работе журналистов приоритет приобретала аналитичность, а в постановке проблем — острота и откровенность. Заслуга тогдашней прессы прежде всего в том, что она сохраняла, укрепляла и усиливала атмосферу правды и прямоты, которая складывалась в обществе под воздействием перестройки.

Я вовсе не хочу идеализировать ситуацию в средствах массовой информации, к управлению которыми сам имел отношение. Издержек и тогда было немало. Пронесясь критическим бураном по стране, вытянув пыль и мусор из затхлых углов и освежив общество, некоторые издания не заметили, как сами оказались втянутыми в эпицентр созданного смерча. Появились проблемы, которые нуждались в научно-критическом

анализе. Возникла беспрецедентная у нас ситуация свободы печати. В прошлом, как известно, механизм регулирования деятельности печати находился под партийным контролем. И вот он оказался либо устранимым, либо ослабленным. А других регуляторов не было.

Готовя пакет постановлений ЦК по дальнейшей демократизации печати, мы исходили из того, что к тому времени руководители средств массовой информации как в центре, так и на местах, получили широкие права, возможности и свободу действий в формировании содержания газет, выборе тем и объектов для критики. Приказной тон по отношению к редакторам, журналистам и редакционным коллективам в целом уже не проходил, запреты и разрешения на публикации вне стен редакций также были невозможны.

В проект постановления ЦК мы записали принцип: полнейшая творческая свобода редакций в реализации задач, стоящих перед соответствующими партийными организациями.

Наше предложение прошло. Это поднимало статус редактора до уровня крупного политического работника в республике, крае, области, на которого возлагалась полная ответственность за содержание газеты. Принесло ли это «ослабление гаек» эффект? Да, и вполне ощутимый. Однако, к сожалению, породило и серьезные издержки.

Превратно понятой самостоятельностью тут же не преминули воспользоваться те, кто претендовал на исключительное право изрекать истину в последней инстанции, поучать всех и вся, проявлять умничанье, крикливость, амбициозность.

Первое постановление из задуманного нами пакета решений о демократизации прессы благополучно прошло через Секретариат и было разослано в местные партийные организации. Получив его, многие парткомы растерялись. Привычные методы руководства прессой решительно осуждались. А между тем случаев необъективного подхода журналистов в трактовке событий и проявления групповых пристрастий было предостаточно. Нередко поэтому на местах остро реагировали на журналистские выступления, стремились глушить критику. ЦК рекомендовал партийным коми-

тетам утверждать качественно новые подходы к взаимоотношению с прессой. Их, по нашему замыслу, надлежало строить на общей заинтересованности. Но перестраиваться должны обоюдно как партийные комитеты, так и средства массовой информации.

Подготовке первого постановления предшествовала большая организаторская и аналитическая работа. Мы собирали у себя редакторов газет, сотрудников секторов печати ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов. Сказывались догматичность и стереотипность мышления многих работников прессы, которые вместо одних постулатов выдвигали другие. Предлагалось, например, республиканские и областные газеты превратить в издания ЦК КПСС, районные и городские соответственно в издания ЦК компартий союзных республик и обкомов партии. В секторе дружно решили, что это не более чем попытка иерархическим путем решать демократические вопросы.

Руководители средств массовой информации были, как правило, членами выборных партийных и советских органов, абсолютное большинство входило в состав бюро партийных комитетов высокого уровня. Мы постоянно подчеркивали: надо строить свои отношения таким образом, чтобы это обстоятельство максимально учитывалось. И реализация этого высокого общественного статуса зависит прежде всего от личностных качеств каждого. А раз так, то и редакторам надо многое пересмотреть в стиле и методах своей деятельности. Требуются такие качества, за которые редакторов бы уважали самые строгие и привередливые учредители.

В самом деле, газета, журнал — это результат труда многих людей. Но ответственность за слово должна быть персональной. Выплескивать все на страницы прессы, исходя только из читательского интереса, — дело нехитрое. Тогда для чего редакторы, другие руководители газет и журналов? Достаточно посадить квалифицированного журналиста — и он будет отбирать материал поярче, почитабельнее.

Мы давали эти рекомендации в то время, когда еще не было закона о печати. Правовые регуляторы, казалось бы, сняли многие вопросы, над решением кото-

рых мы ломали головы. И тем не менее, общаясь сегодня с приятелями из различных средств массовой информации, включая независимые, вижу, что проблемы, которыми мы тогда занимались, не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Очевидно, взаимоотношения учредителей со своими печатными органами относятся к категории вечных, непреходящих. И дело здесь, видно, не в том, кто является учредителем: комитет КПСС или какой-нибудь другой партии, коммунистический Совет Министров или демократический кабинет реформ. Функции новой прессы по сути остались прежними, такими, какими они были при коммунистах. Во всяком случае, отношение ныне власть предержащих к выступлениям печати точно такое же, как и у их предшественников. Если не круче.

В этом убеждает следующий документ:

«Заместителю Председателя правительства РСФСР Е. Т. Гайдару.

По Вашему поручению Агентством федеральной безопасности РСФСР проведено исследование вопроса о распространении РИА «Новости» информации о прекращении российскими банками всех выплат наличными деньгами, кроме заработной платы.

Установлено, что с двадцать девятого ноября по третье декабря 1991 года РИА «Новости» было передано, в том числе со ссылкой на руководителей банков, 8 подобных информаций. Их заголовки говорят сами за себя: «Замораживание банковских счетов является реализацией финансовой политики России», «Сотрудники всех организаций, финансируемых из союзного бюджета, в понедельник не получают зарплаты», «Российские банки прекращают все выплаты наличными, кроме заработной платы», «Центральный банк России ограничивает выплату наличных денег».

Естественно, что выявить полный спектр официальных документов, которые имелись у журналистов Москвы и могли бы дать основания для подготовки вышеуказанных статей, не представилось возможным. Имена их авторов руководство агентства скрывает, ссылаясь на закон о печати и других средствах массовой информации.

Однако главный вывод, по нашему мнению, сделать можно: утверждения РИА «Новости» не следуют

из предоставленных журналистам правительством РСФСР материалов, включая те, в которых идет речь о подготовке реформы финансовой системы (введении российского безналичного рубля).

В то же время беглый анализ российской прессы позволяет предположить утечку сведений из органов власти РСФСР. Об этом, в частности, свидетельствует статья «И все-таки зарплату затормозят?», опубликованная в московской газете «Куранты» от четвертого декабря сего года, по существу аналогичная сообщениям РИА «Новости». Автором публикации, Игорем Гансвиндом, «информированный источник» из правительственных кругов тоже скрывается. Ссылка та же — закон о печати.

Об изложенном полагали бы целесообразным проинформировать министра печати и массовой информации РСФСР М. Н. Полторанина, обратив его внимание на то, что неоправданное стремление некоторых журналистов к сенсациям, подача при этом непроверенных фактов приводит к усилению нестабильности в обществе, может явиться источником недовольства населения с непредсказуемыми последствиями.

Представляется, что министр мог бы обратить внимание журналистов на повышение личной ответственности сотрудников средств массовой информации за достоверность используемых ими данных. Необходимо максимально сократить случаи, когда со ссылкой на гарантированное законом о печати неразглашение источников информации используются непроверенные данные, публикация которых может играть по существу провокационную роль.

Не исключая преднамеренного характера подобной деятельности со стороны отдельных журналистов, будем проводить с ними профилактическую работу.

Генеральный директор АФБ РСФСР В. Иваненко».

Пресса — новая, демократическая, полностью преданная властям — под колпаком КГБ? Что значит проводить силами спецслужб профилактическую работу с журналистами? От справки руководителя российского Агентства федеральной безопасности повеяло холодом.

Почти двенадцать лет провел я в партийных структурах высшего звена, занимавшихся средствами мас-

совой информации, но подобного случая вспомнить не могу. Да, в свои комиссии по изучению того или иного вопроса, связанного с работой печати, мы включали специалистов разных отраслей знаний — юристов, историков, социологов, психологов. Но за помощью к спецслужбам не обращались никогда. Об этом заявляю твердо и ответственно.

Были ли в ЦК случаи утечки служебной информации? Как правило, нет. Во всяком случае, мне об этом неизвестно. Скорее всего, действительно не было, потому что требования к подбору людей в центральный партийный аппарат были исключительно строги. Ослабление дисциплины, характерное для всего общества, конечно же не обошло стороной и аппарат ЦК. Но это началось в конце 1990 — начале 1991 года. Не забуду скандала, вызванного появлением в «Независимой газете» проекта программы партии. Об этом документе не все ответственные работники ЦК знали. О том, что над ним идет работа, конечно, было известно, но далеко не все были знакомы с его содержанием. И тут вдруг публикация в массовой газете.

Шуму было много. Возмущались, недоумевали, изумлялись. Но обращаться к КГБ за помощью установить источник утечки информации не приходило даже в самые горячие головы.

Самое интересное в этой ситуации то, что записка готовилась по поручению Егора Гайдара. А он, как известно, тоже журналист, возглавлял отделы экономики в редакциях журнала «Коммунист» и газеты «Правда». Уму непостижимо! Народное правительство — и вдруг боится гласности. Ладно, не понравилось сообщение — пусть пресс-служба Гайдара даст официальное опровержение. Только и всего. Нет, дается поручение спецслужбам провести расследование, каким образом журналисты раздобыли сведения, интересующие все население.

Отбившихся от рук журналистов из РИА «Новости» решили проучить, и вышел указ об объединении этого агентства с ТАСС.

Совсем как в недавние добрые времена, когда ЦК КПСС забрал под свой «протекторат» непослушную «Учительскую газету», а еще раньше — «Строительную газету». Ну ладно, тогда ЦК действительно был полновластным хозяином всего и вся. А сейчас?

И сейчас прессу не жалуют. Что ни лидер, то обязательное стремление навести порядок в средствах массовой информации. Похоже, журналисты чуть ли не лишние и в демократическом обществе. Бедные коллеги! Когда-то я сравнил прессу с грузовиком, с помощью которого строят красивый проспект. Возят на грузовике асфальт и стройматериалы, а потом, когда объект сдают в эксплуатацию, при въезде вывешивают «кирпич», запрещающий движение самосвалов по этой магистрали, предназначенной исключительно для легковых автомобилей.

Сегодня мне остается только сочувствовать коллегам. Многие в откровенных беседах признают, что долгожданная и желанная свобода обернулась тяжким бременем. Чего греха таить, раньше они жили не тужили. Не болела голова о бумаге, полиграфической базе, распространении газеты. Редакция занималась исключительно творческими вопросами. Хозяйственными занимались издательства. Сейчас корреспонденты выступают в роли доставал, толкачей, бартерщиков. Творить практически некогда. Повсеместно прошли сокращения людей, транспорта, средств связи. Некогда популярные газеты с миллионными тиражами на грани краха. Службы распространения устанавливают грабительские цены. Многие газеты и журналы резко сократили периодичность выхода, а некоторые вообще перестали выходить.

Те издания, которые каким-то чудом уцелели, влачат жалкое существование. Речь идет не только об экономической стороне вопроса. Журналисты с трудом привыкают к своему новому статусу в обществе. Он уже далеко не тот, каким был в прежние времена. Старая журналистика — великая, могучая, прекрасная или тоталитарная, командная, фискальная — называйте ее как угодно, в которой многие имели свои громкие имена, рухнула. Рухнула вместе с системой, ее породившей. Помните? Каждое критическое выступление прессы непременно рассматривалось в вышестоящих органах, о результатах обязательно сообщалось под рубрикой «Меры приняты». По ним обычно судили об эффективности работы корреспондентов. Их приезд в область, район, на предприятие был событием не рядовым. Журналистов обхаживали, им старались уго-

дить, оказывали знаки внимания. Никогда не возникало проблем с размещением в гостинице, питанием, билетом на обратный путь. Услужливые хозяева не забывали и о культурной программе, составлявшейся на вечер.

Сейчас последняя домохозяйка, не говоря уже о людях просвещенных, знает, что за большинством изданий не стоят ни ЦК, ни обком-горком, ни министерство-ведомство. Поэтому никому дела нет до заезжего корреспондента. Никому он не нужен, никто с ним не хочет разговаривать. Большинство средств массовой информации учреждено творческими коллективами редакций, и уже никто не боится, что после критической статьи последуют санкции. Все труднее и труднее собирать информацию для публикаций. В коммерческих, да и в ряде государственных организаций откровенно требуют плату за сведения. Журналисты уже не та влиятельная сила, за спиной которой власть. Бывают ситуации, когда корреспондент возвращается в редакцию несолоно хлебавши. Парткомов, куда обычно обращались журналисты, нет, к должностным лицам не пробиться — они наотрез отказываются от встреч с представителями прессы. Жаловаться — секторов печати тоже нет. Новые подразделения, призванные работать со средствами массовой информации, не созданы.

Похоже, ушли в небытие и жанры старой журналистики. С газетных полос исчезли фельетоны, проблемные статьи, публикации на темы морали, очерки, портретные зарисовки. Когда-то ими зачитывалась вся страна. Газетные материалы все заметнее приобретают коммерческий характер. Опытный глаз безошибочно угадывает ловко закамуфлированную косвенную рекламу, за которую фирма отстегнула автору немалую сумму. Но — значительно меньше тех денег, которые пришлось бы платить газете при «живой» рекламе. А так заплачено ее конкретному работнику. Вполне возможно, что он поделился полученной суммой с человеком, от которого зависит расположение материалов на полосе. Все крупнейшие коммерческие структуры имеют «своих» журналистов во всех более-менее популярных изданиях, экономя таким образом немалые средства.

Работая над пакетом постановлений ЦК по вопросам средств массовой информации в 1989—1990 годах, мы в самом кошмарном сне не могли представить себе, куда пойдет через пару лет стихийно развивающаяся, брошенная всеми журналистика.

Труд журналиста — весьма сложный. Понимая это, мы разрабатывали такую систему мер, которая держала бы его в хорошей профессиональной форме, способствовала стремлению к постоянному поиску, безупречной точности, выверенности и продуманности оценок. Журналист должен отличаться компетентностью, инициативностью, чувством нового, целеустремленностью в доведении дела до конца. От него требуется гражданское мужество в отстаивании государственных интересов, в борьбе с теми, кто наносит вред престижу нашей страны, нашему народу, ставит под сомнение курс на перестройку, бросает тень на политические и экономические реформы.

Я несколько не лукавлю, рассказываю все, как было. Если кто-то сочтет, что сектор печати ЦК и работавшие там люди требовали от редакционных коллективов чего-то невозможного, я готов выслушать любые, даже самые острые замечания в свой адрес. Думаю, цековские «кураторы» ничему плохому журналистов не учили. Наоборот, эти рекомендации не потеряли своей актуальности и сегодня, безусловно, с поправкой на время и изменившиеся идеологические установки. Я погрешил бы против истины, если бы не сказал, что наши рекомендации партийным журналистам были выдержаны в духе решений пленумов ЦК КПСС. Но общая тональность, повторяю, была патриотической, направленной на консолидацию общества.

Разве такая задача не стоит сегодня? Думаю, нынче она даже острее, чем была в конце восьмидесятых. Союз распался, печать полна уже не ноток предвзятости и неуважительности в отношениях одного народа к другому, а прямых обвинений друг друга. Но ведь прошлое учит: в самые крутые времена единство удваивало, удесятерило наши силы. И жаль, например, что кое-кто легко забывает о помощи, полученной от той же России в трудные дни, и не спешит возвращать долги, считая сегодняшние успехи своей личной заслу-

гой. Меня, например, недавно потряс факт: в смоленских селах и поныне, в конце девяностых, население почти вдвое меньше, чем до войны. Скажу откровенно: когда я вижу непреодоленные изъяны российского Черноземья, мне, белорусу, становится стыдно за наше общее беспамятство.

В пылу политических баталий, дележа имущества и опьянения от свободы мы забыли о том, что журналист должен быть выше мелких раздоров и страстей. Забыли, что когда-то великий Пушкин назвал журналистов сословием людей государственных. Вхождение в рынок изменило многих моих коллег до неузнаваемости. Вмиг были забыты благородные порывы, которые заставляли бросать все личные дела и ехать на край света, чтобы защитить неизвестного тебе человека. Притом защитить безвозмездно. Разве можно было считать вознаграждением те жалкие гонорары, которые положены были за написанные жаром сердца газетные столбцы, производившие переворот в душах читателей? Куда все это девалось? Где стремление помочь людям, обществу, стране?

Мы в секторе с тревогой отмечали: новые, повышенные требования к работе прессы оказались не всем по плечу. Из командировок привозили данные, свидетельствовавшие о том, что немало журналистов местных газет не имеют четкого представления о публицистических средствах расширения гласности — каково-то им будет в условиях свободы печати? Многие испытывали боязнь при разработке новых тем, связанных с кардинальными экономическими и политическими реформами. Здесь, несомненно, сказывался недостаток необходимых знаний. И самый существенный недостаток — неглубокое проникновение в жизнь трудовых коллективов, смутное представление о том, чем же занимаются органы государственной власти, хозяйственники.

Наш замысел о коренной реформе подготовки журналистских кадров в стране руководством ЦК был одобрен. В гуманитарном отделе согласились с сумасбродной, на первый взгляд, затеей — поиском «бесхозных» гениев, созданием альтернативных средней школе, усреднявшей своих воспитанников, учебных заведений. Все мы прекрасно видели: в обществе, где

одаренность брошена на самовыживание, путь талантливых людей к вершинам творчества зависел от многих случайностей.

Вся история развития нашей единой средней школы убеждала: требуется многообразие форм воспитания и обучения. Лично я мечтал о лицеях для литературно одаренных детей и молодежи. Когда-то лицеи были во многих губернских городах России и состояли из гимназических и университетских классов. Вспомним, какую блестящую плеяду выдающихся государственных деятелей, дипломатов, философов, поэтов дал один только Царскосельский лицей.

Горько признать, но наша страна и сейчас не знает, сколько у нее талантливых детей, молодежи. Весь мир считает их, а нам недосуг. Мы тщательно считаем другое: грузчиков — 579 тысяч, кладовщиков — 422 тысячи, чернорабочих — 882 тысячи. Знаем даже, сколько обрубщиков сучьев — 58 тысяч. А вот сколько одаренных детей — сведений нет. Вместо методик для одаренных разрабатываем методики для обучения умственно отсталых. И гордимся своими достижениями!

Задуманное, к сожалению, осуществить не удалось. На Старой площади остались проекты, разработки, наброски. Взять их с собой не разрешили — такое указание получили охранники от новых властей.

Реформа подготовки журналистских кадров, над которой мы работали последнее время, мыслилась как насущный вопрос ближайшей перспективы. Однако мы рассматривали его в качестве второго этапа перестройки печати в стране. Первый этап мы все же успели осуществить, и это доставляет мне немало приятных минут. Речь идет о приведении структуры средств массовой информации в соответствие с политической системой общества.

Нельзя было не видеть, что некоторые издания работали вхолостую, а в иных и вовсе не ощущалось потребности. В системе средств массовой информации было немало застывшего. Достаточно сказать, что она не менялась с послевоенных времен, хотя по логике должна быть гибкой, учитывать потребности различных общественных слоев.

С этой целью мы начали ломать закоряченную структуру печати. Вместо прекративших свой выпуск

«Социалистической индустрии» и «Строительной газеты» возникла новая газета — «Рабочая трибуна», вместо упраздненных журналов «Политическое самообразование» и «Агитатор» — журнал «Диалог». Вышел первый номер журнала «Народный депутат». Появились — в соответствии с решением ЦК — новые еженедельники «Союз» и «Сын Отечества», «Ветеран» и «Семья», журналы «Мы» и «Трамвай», много других новых изданий на местах.

До того времени структура местной печати была исключительно прерогативой центра. Даже изменить название районной газеты не мог не то что райком — ЦК Компартии союзной республики. Для этого требовалось решение ЦК КПСС.

Мы добились того, что местные партийные комитеты получили возможность пересмотреть структуру своих изданий самостоятельно.

А в дверь стучалась уже новая проблема — функции средств массовой информации.

Газеты, журналы, телевидение, радио выступали мощными ускорителями обновления и преобразования во всех областях общественной и политической жизни. Это хорошо понимал Горбачев. С самого начала своих реформ он опирался на поддержку средств массовой информации. Горбачев был, по-моему, первым лидером в стране, регулярно встречавшимся с руководителями газет и журналов, ведущими политическими обозревателями, публицистами.

Сектору приходилось принимать участие в подготовке этих встреч. Делали анализ прессы, отмечали успехи, недостатки. Сразу оговорюсь: готового текста для зачитания не было. Обычно представляли материал в виде тезисов. Они, очевидно, составляли основу для раздумий и размышлений. Во всяком случае, «живьем» своего текста в выступлениях Горбачева мы никогда не встречали. Наш материал, а он в основном был фактический, вводил генсека в проблемы журналистики, не более того. Все остальное — выводы, предложения, рекомендации — было его собственное.

Материалы встреч генсека с руководителями средств массовой информации публиковались в печати с изложением выступлений всех участников. Как правило, стенограммы встреч для публикации в газетах

готовили работники сектора — вместе с выступившими, разумеется. Это было очень важно: на местах должны знать, как в центре относятся к средствам массовой информации и какие надежды на них возлагают.

Исключением, пожалуй, была только одна встреча, которая состоялась тринадцатого октября 1989 года. Та самая, на которой генсек порекомендовал главному редактору «Аргументов и фактов» подать в отставку.

Старков и поныне возглавляет популярный еженедельник. Седьмого февраля 1992 года по первому каналу телекомпании «Останкино» показывали встречу экс-президента СССР с членами клуба главных редакторов в газете «Известия». Рядом с Горбачевым сидел Старков. Я видел их мирно беседующими перед телекамерой и вспоминал, сколько шума было два с половиной года назад после критики генсеком главного редактора «Аргументов и фактов».

Как человек, принимавший участие в подготовке материалов для выступления генсека на той встрече, заявляю, что в представленном нами тексте ссылок на «АиФ» не было. Не знаю, на каком этапе критические суждения о позиции еженедельника поступили Михаилу Сергеевичу. И от кого. Не исключаю, что тот номер попал на глаза ему самому.

Генсек высказал резкое неудовольствие о номере за 7—13 октября, где говорилось о том, как в общественном сознании воспринимаются конкретные народные депутаты. Манера изложения материала показалась генсеку оскорбительной: обвиняют в недоразвитости группу депутатов. Разве это допустимо в нашей печати? Вот тогда Горбачев и сказал в адрес главного редактора «АиФ»:

— Я думаю, что вы должны попроситься в отставку после того, что вы допускаете.

Казалось бы, ничто не предвещало бури. И вдруг...

Документ для истории

Горбачев. Знаете, сейчас очень ответственный этап. И я просил бы вашего внимания к деятельности Верховного Совета. Сейчас в его котле варится очень

серьезный законопроект, который будет менять лицо нашего общества. Будут затрагиваться глубинные, фундаментальные основы нашего общества. Мне не нравится, прямо, честно скажу, что некоторые печатные органы настроились на пропаганду позиций пяти — десяти человек, и только. Это не годится. Причем в ряде изданий эта линия проходит сквозной нитью. Даже «Аргументы и факты» за 7—13 число вдруг решили, что они должны сообщить, какое же общественное мнение о народных депутатах. И вот эти все десять человек тут как тут. А в отношении других доходит до оскорблений, обвиняют, понимаете, в какой-то недоразвитости группы делегатов целых регионов — Казахстана, всех среднеазиатских республик. Такое недопустимо для нашей печати! Я не знаю, выздоровел товарищ Старков или нет? А?

Голос. Да.

Горбачев. Я думаю, вы должны попроситься в отставку. После того, что вы допускаете, во что газету превратили, какие вы аргументы протаскиваете, я думаю, вы как коммунист должны попроситься в отставку. Вы же... Вас заклинило, понимаете ли, не на политике перестройки, а на узко эгоистических интересах группы лиц. Вы — их рупор. И это — не единственное. Какая газета раньше была и что вы из нее начали делать? Иван Дмитриевич (И. Д. Лаптев — председатель Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Известия». — Н. З.), вот она — сила аргументов и аргумент силы уже здесь, а какая вкусовщина в подаче дискуссий на съезде будет?

Значит, если это Бочаров, то это очень опытный хозяйственник, если это Собчак, Сахаров, Казанник, то это очень эрудированные люди и все их предложения аргументированные, если это Ярин — то он рабочий, то есть другой. Вы почитайте, что здесь в этой статье, Иван Дмитриевич! Это же недопустимые вещи по отношению к Верховному Совету! Кто им дал право это все делать? Там, посмотрите, люди выкладываются, день и ночь в комитетах сидят, приходят на сессии, а вы что пишете?.. Ярин — металлург из Нижнего Тагила, это довольно колоритная фигура из рабочего класса. Побеседуйте с ним. У него есть что сказать любой газете.

С Т Е Н О Г Р А М М А

совещания, проведенного тов. Горбачевым М.С.
13 октября 1989 г.

Мраморный зал, 12 часов

ГОРБАЧЕВ. Добрый день, товарищи! Начнем с чая.

Полгода мы не встречались в таком составе. По-моему, это непопустительная роскошь. При нашем времени быстротекущем, меняю-щимся, когда все процессы имеют динамику совсем другую, как в ... годы, а тем более в другие годы, это, наверное, не совсем нормально. Может быть, стали подумывать, что, может быть, Михаил Сергеевич и Политбюро переключились, у них какие-то интересы там что ли, и начали напоминать через свои органы, которые вы редактируете. Я почувствовал это, что надо встречаться. Поэтому приветствую вас в Центральном Комитете партии и позвольте мне кое-что сказать.

Да, в общем, если вернуться к этой теме шести месяцев, что это такое, то надо сказать, что произошло многое за эти месяцы, причем такое, что дает основания говорить, что мы вышли и на другой уровень мышления и принятия решений и в понимании того, что сделали за годы перестройки, что упустили, где допустили просчеты и что нам надлежит сделать в ближайшее время и в ближайшую перспективу. Так что нужна сверка часов, политических часов.

Я все время ощущаю, как в нашем обществе постоянно,

Стенограмма совещания у М. С. Горбачева, на котором он потребовал отставки главного редактора газеты «Аргументы и факты» В. Старкова. Увы, Генсек потерпел поражение даже в этом.

Нельзя, товарищи, так освещать эту тему. Вы посмотрите, какая групповщина кругом. Одни и те же лица заполнили экраны. Недопустимо это. Наш разговор откровенный, и я хотел, чтобы вы восприняли его по-товарищески. Нас хотят выбить из колеи. Для чего же вы там сидите, вы ведь коммунисты-редакторы. Давайте понимать друг друга. Давайте действовать на основе принципов партийного товарищества, а не основе привязанностей и вкусовщины. Или вы не хотите прослыть ретроgrадами перед лицом своих даже ярых перестройщиков, тех, кто выдает себя за перестройщиков? Для этого у вас должно хватить характера.

После окончания этой встречи аппарат ЦК тут же развернул кипучую деятельность. Впрочем, нет нужды снова описывать подробно прошлые баталии. Все это уже было в прессе. Да и еженедельник опубликовал в свое время интервью с тогдашним членом Политбюро и секретарем ЦК В. А. Медведевым под заголовком: «За что критиковали „АиФ“». По-моему, эта возня и шумиха пошли только на пользу газете, тираж которой подскочил многократно.

Сам Старков не единожды рассказывал в печати, как его пытались освободить от должности главного редактора. Предлагали на выбор с десятков других, не менее престижных, постов. Но Старков уперся. В конце концов, его оставили в покое. Это был беспрецедентный случай — Секретариат ЦК КПСС не мог добиться выполнения своего решения, не мог снять редактора газеты!

Если Владислав Александрович прочитает эти строки, надеюсь, он не опровергнет мои слова о том, что к акции, направленной на его освобождение от поста главного редактора, ни я, ни мои коллеги из сектора печати отношения не имели. Что же касается меня лично, то сослуживцы знают, во что обошлась мне моя принципиальная позиция по этому вопросу. Выслушав мое решение, к которому я пришел в результате долгой и мучительной душевной борьбы, один из коллег, Михаил Шаров, сочувственно произнес:

— Ты сам себе подписал приговор.

И он оказался прав. Этот поступок не прошел для меня бесследно. Было много переживаний, пришлось даже полежать в больничной постели. Но зато с полным основанием могу сказать, что за двенадцать лет работы в партийном аппарате я ни разу не приложил рук к тому, чтобы утопить попавшего в беду журналиста. Более того, не давал это делать другим, что обходилось себе в убыток.

Самое любопытное в данной ситуации, кажется, то, что главный редактор «АиФа» даже не подозревает об этом небольшом чрезвычайном происшествии отдельческого масштаба. Мы умели хранить цековские тайны.

Записи для себя

3 октября. Вот уже месяц, как веду записки. Интересно когда-нибудь прочитать. А может, и напечатать.

Вчера целый день лил проливной дождь. Сегодня тоже льет. Настроение тягостное, мрачное. А тут еще и погода.

Сегодня позвонил Зайцеву в «Правительственный вестник». Не состоялся разговор. Я и раньше был не очень хорошего мнения о нем как о человеке, да и о журналисте. Больше ему никогда не позвоню.

Вчера дал о себе знать Тимофей Кузнецов, бывший наш работник, год назад ушедший в «Советскую культуру» заместителем главного редактора:

— Я рассказал о тебе Шишову. Жди, он должен позвонить.

Александр Александрович Шишов — бывший заведующий кафедрой средств массовой информации Академии общественных наук при ЦК КПСС. Ушел в «Демократическую газету».

И Юра Тавровский вчера отозвался. Он тоже разговаривал с одним из обитателей Белого дома, дал его телефоны, сказал, что у того нет возражений. Никак не отважусь позвонить сам.

Набрал номер Владимира Павловича Гребенюка. Он главный редактор «Подмосковных известий», еженедельника «Подмосковье» и, как выяснилось из краткого разговора по телефону, «Крестьянской России». Гребенюк когда-то работал зав. сектором печати Мос-

ковского обкома, в году 1985—1986 рассматривался вопрос о переводе его в наш сектор, но не прошел, кажется, из-за возраста. Было ему тогда за пятьдесят.

Соединился быстро и разговаривал довольно свободно.

— Где вы, что вы?

— До десятого ноября получаю выходное пособие, а дальше видно будет.

— Да-а. Ну что, надо поговорить, встретиться.

— Когда можно приехать?

— Да хоть завтра.

— Во сколько?

— Позвоните часов в одиннадцать, и мы договоримся.

Особо не надеюсь, но попробовать все-таки надо.

Валерий Игнатовский сказал, что его берет Аврамов в «Журналист». Подберезный вроде переходит в Верховный Совет СССР — Максимовских и Полудницын берут. Хотя неизвестно, как посмотрит на это начальство.

Хлещет дождь, очень мрачно на душе.

Подберезный сказал, что в столовую по нашим пропускам уже не пускают. Говорил с Разумовым, секретарем Лучинского. Будущее не сулит ничего утешительного. О судьбе партии ничего не известно. Вот такие дела.

Тридцатого сентября Горбачев выступал по телевидению. Опять грозился, что подаст в отставку, если республики уйдут. Ну и подавай ты наконец, надоел всем до чертиков.

4 октября. Итак, по порядку.

С утра повел Ольгу в школу. Возле газетного киоска встретил Лешку Струкова. Поговорили. Он уже электронно набирает свою газету.

Поехал на бывшую работу. Увы — уже бывшую, потому что ничего обнадеживающего нет. Зашел в хозотдел — заплатить за дачу. Мария Петровна сидит подавленная — ей осталось поработать всего один месяц. Кажется, она работала всю жизнь в этом лечебном секторе.

Оттуда направился к девятому подъезду, потому что должны давать зарплату. По дороге встретил Бобкова — нет, не из КГБ, нашего Бобкова, из отдела:

— Между прочим, Лучинский вчера интересовался вами. Как дела в пресс-центре, все ли устроены. Вы зайдите к нему, проинформируйте.

Напротив девятого подъезда, в Большом Черкасском переулке, куда мы раньше, когда задерживались на работе, вызывали машины из цеховского гаража, увидел Купцова — первого секретаря ЦК российской Компартии. У него, видно, хорошее зрение, потому что заметил меня и кивнул головой. Я тоже приветственно помахал рукой.

Зашел в девятый подъезд. Да, в пятом, где хозотдел, милиционер не хотел пропускать, давай ему другой пропуск. Наконец смиловился. А в девятом сразу пропустили. Пошел к лифту, и тут встретил Виктора Черемухина.

Славный парень. Я заметил его в одной из командировок в Киргизии, и с моей подачи он оказался в ЦК КПСС. Потом перешел в ЦК Компартии России — заместителем заведующего идеологическим отделом по печати.

Он бодр и жизнерадостен. Задумал газету «Подземка» — будут в метро продавать. Сказал, что я согласен на обозревателя. Подошел еще кто-то, кажется, Андреянов из управления делами, другие недавние сослуживцы. Дружно поливали президента, Ивашко, Политбюро и Секретариат. И тут кто-то заметил:

— А вон и Ивашко. Легок на помине.

И точно, идет Ивашко в сопровождении охранника. Охранник услужливо вызвал лифт.

— Два одинаковых лифта, — вслух удивился заместитель Генерального секретаря.

Да, видно, к однообразию он не привык. Хотя бы поздоровался. Нет, прошествовал мимо. И уехал на лифте.

Я пошел на четвертый этаж, получил зарплату с квартальной премией. Позвонил Болтачу в Минск. Он когда-то был в ЦК Компартии Белоруссии зав. сектором телевидения. Сейчас — главный редактор республиканского сатирического журнала «Еж». Иногда я посылаю ему юморески.

— Получил оба твоих материала. Один сразу в набор, второй идет в следующий номер. И вообще, бросай ты этих москалей и возвращайся в республику.

Правда, здесь ничего тебе не светит. Все должности заняты, да ты и чужак сейчас. Но ничего, писать ты умеешь, тебя все знают, и через год займешь подобающее место.

С Лукшей, директором издательства «Юнацтва», где выпустил несколько книжек, такой же разговор состоялся. Нет бумаги, нет картона, свирепствуют кооператоры. Учебники не на чем печатать, детскую литературу тоже. Но — подтвердил, что моя книжка идет.

Видел Дегтярева — последнего заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. С бородой. В коммерции. Видел Филиппова — в ЦК он был руководителем группы консультантов, по-моему, неглупый парень. Признался, что ходит в ДДР, правда, пока они его не приняли, но допускают. Терминология та же, что и у нас, только непривычно, что девочки в коротеньких юбочках ходят. Да и тесно, кабинетов не хватает.

И еще что понял Филиппов: ДДР — это социал-демократы. Самые обыкновенные.

— Через месячишко я тебе позвоню. У тебя же есть мой домашний телефон? Может, что-нибудь и придумаем...

С первой попытки соединиться с Гребенюком не удалось — отсутствовал. Со второй получилось.

— Вы где сейчас? Приезжайте. Пропуск вам будет заказан. Мы находимся в комплексе «Московской правды», на четвертом этаже.

Приехал на метро. Здание охраняют странные личности в десантной форме.

— Итак, значит, речь идет о работе? Могу предложить только на гонорар. Не торопитесь говорить «нет». Гонорар у нас 50 рублей за страницу машинописи. Через полтора-два месяца появится ставка.

Я рассказал о рукописи книги «Тайны кремлевских смертей». Это сразу изменило ситуацию.

— Вот что. Я сейчас вызываю машину, вы едете с нашим курьером к себе домой, отдаете ему рукопись, а остальное дело наше. Мы сами выберем, что нам годится.

Я слабо сопротивлялся, но не помогло. Пришел его первый зам Филатов и тоже стал уговаривать.

— Значит, так, — подытожил Гребенюк. — Мы подписываем с вами договор о сотрудничестве. Оформляем вас обозревателем с окладом в тысячу рублей. На полную ставку. Плюс гонорар не менее пятидесяти рублей за машинописную страницу. И вы можете творить свои нетленки. Я понимаю ваш замысел: вам хочется писать, не думая о куске хлеба. До вторника. Это будет восьмого октября. Мы созваниваемся, оформляем договор, а со среды начинаем публиковать вашу книгу. Страниц сто пятьдесят, я думаю, дадим.

Он вызвал машину, молодого паренька-курьера, и мы поехали ко мне. Машина черная, с московскими номерами. Дохнуло номенклатурным прошлым.

После того как я подобрал материалы и отправил их в редакцию, позвонил Гребенюку. Дополнительно вложил еще интервью с маршалом Ахромеевым.

— Получили?

— Да. И уже страниц сто пятьдесят пробежал. Буду сам лично редактировать.

— Я там и Ахромеева подложил.

— Видел. Но откровенно говоря, мне не очень показалось. Отдал Филатову. Пусть он посмотрит. А большую рукопись отдал на ксерокс.

Ладно, подождем до вторника. Недолго ждать. Да, он предложил и удостоверение выдать. От редакции газеты «Крестьянская Россия». Они и такую выпускают. Республиканскую, чем очень гордятся. Надо только фотографию принести.

Да, вспомнил: Юрий Иванович Рыжов сказал:

— Твою объективку Зюганов взял. Сказал, что знает тебя.

Виктор Фирсов устроился в журнал «Утро» к Вячеславу Мотяшову. Член редколлегии. Наташа Карпункина в Белом доме — секретаршей у какого-то начальника по фамилии Матвиенко. Остальные пока темнят.

Как аппаратчики поливают Горбачева! Один говорит: «Мне хочется расколотить телевизор, когда там появляется его физия».

8 октября. Все три праздничных дня — пятого, шестого и седьмого октября — не было ни одного звонка.

Шестого с дочкой поехали на Арбат. Погода хорошая, на редкость сухая и солнечная. Купил ей «Киндер-

сюрприз» — мечту всех детишек. Дорогая — аж тридцать рублей. Не поспешил, пусть ребенок не ощущает разницы между тем, что было, и тем, что есть. Пока существует возможность.

Когда приехали с Арбата, жена говорит: «Звонил Черняк из «Правды», оставил свои телефоны». Я набрал его номер. Рабочий не отвечает, а дома сказали, что он на работе.

А вчера не стал звонить. Не захотелось. Тем более что позвонил Ян Чжэн, пригласил к себе и заехал на своем «мерседесе». Он живет на Кутузовском проспекте, четырнадцать, там во дворе множество иномарок. С охраной.

Хорошо у него посидели. Выпили водки китайской рисовой, пива, императорского вина. Блюда тоже были китайские. И палочки, что больше всего понравилось дочери. Потом он показал видик — как китайская девушка всех побеждает по у-шу. Захватывающее зрелище.

Вечером разгребал газетные завалы. Лежат еще со времен пребывания на даче.

Сегодня тоже обещают хороший день. С утра яркое солнце.

Надо что-то придумать с работой. С десятого ноября нас всех выбросят за ненадобностью.

Как только подумаю, что произошло, страшно становится. Это же крах, катастрофа!

9 октября. В «Подмосковных известиях» сегодня началась публикация «Тайн кремлевских смертей». Будут давать в двенадцати номерах.

Зашел вчера к Лисину, главному редактору «Вечерней Москвы». Был занят, потом вышел с кем-то из кабинета, увидел меня, но не растерялся — что значит десятилетняя аппаратная выучка:

— Если не гора идет к Магомету, то Магомет идет к горе? Ты уже обедал?

— Нет еще.

— Тогда пойдем со мной.

— А я вас не шокирую в куртяшке и джинсах?

— Да нет, у нас многие так ходят. Пошли. Я только на минутку зайду к себе.

Зашли к нему в кабинет. Нарезал каких-то талонов, как выяснилось, на обед, и мы вышли. Спустились

с шестого этажа на третий. Огромная очередь. Встали в хвост. И главные редакторы стоят в обычной очереди. Расплатились талонами.

Потом поднялись к нему в кабинет. Да, еще: когда стояли в очереди, подошли его замы, Герман Иосифович Бройдо, с которым я много раз говорил по телефону, когда тот работал в секторе печати Московского горкома.

Сесть Лисин мне не предложил. Правда, и сам не сажился. И в течение полутора часов говорил.

— Аппарат, аппарат. Да, всякое бывало. Ну, например, мне говорят, что я должен быть у товарища Зайкова в такое-то время. О чем, для чего, никто не сообщает. Я думал, писать какой-то доклад. Мы ведь тогда много на Москву работали. Пришел в приемную. Проводят в кабинет. Встает из-за стола, здоровается. В мелочи, мол, не буду вмешиваться. Смотрите сами. Нам нужно, чтобы было все хорошо. О чем он говорит, не пойму. Ну ладно, будем помогать. Вышел от него, спрашиваю у помощника: «Так что надо делать? Какой текст писать?» «Какой текст, — удивляется помощник, — вас утверждают главным редактором „Вечерки“». Вот такие были времена. Хотя в аппарате были разные люди.

Он перевел дыхание:

— Вот у меня сейчас есть вакансия ответственного секретаря. Сегодня приходил один претендент — и первым делом о поликлинике. Я понимаю, это дело житейское, но не с поликлиники же надо начинать. С ответсеками мне все время не везло, считай, с тех пор, как пришел в газету. Менял их — ужас сколько. Один ко мне прибегал: Александр Иванович, я же ваш человек! А мы его уволили, хотя много сделали для него — прописали, квартиру дали. В общем так: если некоторые думают, что у нас сладко, что можно свои книги писать, то глубоко ошибаются. Если книги писать, то надо зацепиться за маленькую должность и писать. А ответсек — это моя правая рука. Да еще в независимой народной газете. Это очень почетно. У нас такая практика: если берем на работу, то в редколлегию не вводим, даем поработать некоторое время, а потом выборы — тайным голосованием. Пройдет — значит, будет работать.

Я стою и думаю: это кто же меня изберет в «Вечерке»? Партийный функционер, замзав идеологическим отделом! Будешь требовательным — съедят, скажут, привык в ЦК душить журналистику. Будешь лебезить, заискивать перед ними — тем более съедят, слабых в Москве никогда не любили. Дорогой ты мой Александр Иванович, что же ты мне предлагаешь? На позор обрекаешь?

Приехал домой, позвонил Черняку.

— А я уж думал на тебя рассердиться. Не звонишь, не приходишь. Выходи на работу. Если что-нибудь другое не предложили. Обозревателем. Политических обозревателей у нас уже нет. Мы их упразднили. В редакционной иерархии после них идут уже спецкоры.

— Александр Викентьевич, давайте до конца месяца подождем. Пусть выдадут мне трудовую книжку. Не хочу, чтобы там написали — по собственному желанию. Я никогда не был подлым.

— Вот как? А некоторые ваши хотят, чтобы в трудовой книжке была именно эта запись — по собственному желанию. Как бы дистанцирование от непопулярной ныне организации. Хорошо. Условились. Я держу три места — тебе, Синенко и Усанову из ЦКК. Если есть хорошие ребята, давай еще возьмем.

Я назвал Черемухина.

— О, моя жена его знает. По Академии общественных наук.

В «Политиздате», кажется, окончательно зарубили «Исповедь через десять лет». Сказали, что снимают с производства. Юрий Ильич об этом поведал.

Поговорил пару минут с Владимиром Константиновичем Егоровым — помощником Горбачева.

— Николай, позвони мне завтра. Надо будет встретиться, поговорить.

— В первой половине или во второй?

— Не имеет значения.

В газетах сообщение о том, что восьмидесятилетний бывший управляющий делами ЦК КПСС Г. Павлов выбросился с восьмого этажа своего дома. Это произошло в воскресенье, шестого октября.

Еще сенсация — «Шпигель» напечатал протоколы допросов Язова, Крючкова и Павлова. А у нас строгая тайна. Даже Оболенский, председатель парламентской

комиссии, сказал, что дал подписку о неразглашении. А правду, мол, узнают наши потомки через несколько поколений.

12 октября. А ничего нового не было. Телефон Егорова молчит. Пытался связаться — безрезультатно.

Позвонил вчера Разумову, который в приемной Лучинского.

— Николай, журналу «Международная жизнь» нужны люди.

Не выдержал я, вспылал:

— Ну какой из меня международник? Что вы все болтаете? Лишь бы болтать! Это ужасно. Вы же знаете, что для меня это не подходит. Ну да ладно, я сам найду что-нибудь. Пока.

Последний месяц, а после все, конец. И главное, никто не хочет поговорить. Хотя бы извиниться. Каждый сам за себя. Ну и система. Хотя она всегда отличалась бессердечием.

В «Независимой газете» открытое письмо жены Шенина Дзасохову. Мы все скоро умрем. А вот о мужественности и подлости отцов будут судить дети.

Глава 10

ЧТО Я НАКОПИЛ, РАБОТАЯ В ЦК

Дома у меня до сих пор нет своего письменного стола. Нет и никогда не было не то что отдельной комнаты — крохотного уголка, где можно было бы сосредоточиться, спокойно посидеть часок-другой наедине со стопкой писчей бумаги.

Первую квартиру в жизни я получил, когда мне было тридцать шесть лет. До этого жил в сырой подвальной комнатенке частного деревянного дома на окраине Минска, потом ютился в семье сестры, которая жила в шестнадцатиметровке двухкомнатной квартиры блочного дома на первом этаже вместе с мужем и двумя детьми, а в соседней десятиметровке обитали еще четверо жильцов: вышедшая вторично замуж женщина, имевшая взрослую дочь от первого брака, ее

престарелая мать-инвалид и новый муж. Как мы ужились вместе на одной кухне — ума не приложу. Может, потому, что шестнадцатиметровая комнатка на пятерых казалась раем по сравнению с предыдущей, десятиметровой, в которой мы жили тем же составом.

Так вот, получив через двадцать лет трудового стажа первую в жизни квартиру и прожив в ней около года, пришлось ее сдавать в связи с переездом в Москву.

Дачи у меня нет и поныне, фамильных драгоценностей тоже, машину я не вожу. Имею одну зимнюю куртку, одну демисезонную, и два поношенных костюма. Туфель — две пары, ботинок зимних — одна пара.

Вот и все мои накопления за двенадцать лет работы с утра до ночи, без праздников и выходных.

Не отличались роскошью и дорогой мебелью и квартиры моих бывших сослуживцев по партийному аппарату. Что можно было купить за ту зарплату, которую мы получали? Инструктор ЦК получал 375 рублей, заведующий сектором — 440, зам. зав. отделом — 500. Вместе с компенсацией моя зарплата в августе 1991 года составляла 840 рублей.

Если же говорить о накоплениях, то речь должна идти скорее о нравственном капитале. Я благодарен судьбе, которая сталкивала меня с интереснейшими, неординарными людьми. У меня накопилось много записей, стенограмм. Это же история. А она — самый справедливый и строгий судья. Ведь суд истории внимателен к любым нюансам, к любым свидетельствам, особенно неизвестным.

Моя работа в пресс-центре ЦК КПСС заслуживает того, чтобы рассказать о ней.

Получилось так, что ЦК КПСС, который, может быть, более чем кто-либо в то непростое время, особенно трудное для самой партии, нуждался в открытости, общении, диалоге с журналистами и широкой общественностью, оказался едва ли не последним, кто открыл свой пресс-центр. Даже такие закрытые учреждения, как КГБ, МВД, имели такие службы. Любопытная деталь: на местах это осознали раньше, чем на Старой площади. В ряде республиканских и областных комитетов партии пресс-службы существовали давно, в основном за счет реформирования подотделов или секторов печати.

СПИСОК ТЕЛЕФОНОВ

	Служебный		Приемная		
	АТС-1	АТС-2	АТС-1	АТС-2	АТС-города

Президент Союза Советских Социалистических Республик

ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич	87-74	67-74	87-67	66-39	206-52-04
	83-12	63-12			224-18-86

Вице-президент Союза Советских Социалистических Республик

ЯНАЕВ Геннадий Иванович	85-46	65-46		64-85	206-57-86
-------------------------	-------	-------	--	-------	-----------

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

ЯНАЕВ Геннадий Иванович	85-46	65-46		64-85	206-57-86
ПАВЛОВ Валентин Сергеевич	81-23	61-23		62-60	224-04-87
БАКАТИН Вадим Викторович	89-86	66-81		43-24	224-04-51
БЕССМЕРТНЫХ Александр Александрович	86-28	66-28		222-11	244-40-21
КРИЧКОВ Владимир Александрович	85-44	65-44		65-20	224-62-24
ПРИМЯКОВ Евгений Максимович	80-31	64-31		240-31	224-05-18
ПУГО Борис Карлович	80-35	60-35		60-35	237-57-54
ЯЗОВ Дмитрий Тимофеевич	85-32	65-32		221-03	293-56-83

Председатель Верховного Совета СССР

ЛУКЬЯНОВ Анатолий Иванович	81-35	61-35		60-03	224-07-90
----------------------------	-------	-------	--	-------	-----------

Премьер-министр СССР

ПАВЛОВ Валентин Сергеевич	81-23	61-23		62-60	224-04-87
---------------------------	-------	-------	--	-------	-----------

Первые заместители Премьер-министра СССР

ДОГУЖНЕВ Виталий Хуссейнович	89-75	69-75		253-04	923-42-29
ВЕЛИЧКО Владимир Макарович	85-81	65-81			292-41-02

Заместители Премьер-министра СССР

ЛАВЕРОВ Николай Павлович	83-22	63-22		256-04	229-25-01
МАСЛЮКОВ Юрий Дмитриевич	87-17	67-17		251-02	292-44-76
РЯБЕВ Лев Дмитриевич	89-30	69-30		220-22	924-25-48
СЕНЬКО Федор Петрович	84-14	65-26		62-69	207-88-89
ЩЕРБАКОВ Владимир Иванович	85-72	65-72			928-06-83

Руководитель аппарата Президента СССР

БОЛДИН Валерий Иванович	80-84	60-84		225-11	206-45-30
-------------------------	-------	-------	--	--------	-----------

Управляющий делами аппарата Президента СССР

БЫСТРОВ Евгений Иванович	85-68	223-68			206-56-19
		256-00			

22 марта 1991 г. Канцелярия управления делами
аппарата Президента СССР

Последний список советского руководства.

Наш пресс-центр был открыт двадцать пятого июля 1990 года, через несколько дней после завершения XXVIII съезда партии. Просуществовал он ровно тринадцать месяцев. За это время мы пропустили через него всех членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, немалое количество руководителей коммунистических партий зарубежных стран. Можно ли согласиться с тем, что КПСС теряет авангардную роль в обществе и оттесняется с политической арены? Какие функции останутся у ЦК КПСС в связи с растущей самостоятельностью компартий союзных республик и созданием Компартии России? Какой хозяйственной деятельностью намерена заниматься КПСС? Как она думает распорядиться своим имуществом? Будет ли сохранен Союз ССР на основе предложенной Верховным Советом и президентом СССР программы?

Обсуждая эти проблемы, мы хотели показать, что КПСС не боится открытого диалога с другими общественными движениями и партиями. Попутно замечу, что активность иностранных журналистов была намного выше, чем наших. Иностранцы тормозили, задавали вездливые вопросы, пытались вылущить информацию, которая их интересовала. Большой интерес проявляла и оппонировавшая пресса. Печать КПСС обычно отмалчивалась. Ей и так было все ясно?

За год с небольшим работы в пресс-центре у меня накопилась гора стенограмм пресс-конференций членов Политбюро, секретарей ЦК КПСС, других ее видных работников. Несколько тысяч страниц машинописного текста. Уникальный, бесценный материал для историков, который поможет ответить на непростой вопрос: в чем причина краха могущественной политической организации, почему она не сопротивлялась в послеавгустовские дни?

Как-то я решил перечитать все эти тысячи страниц расшифрованных стенограмм. Начал с самой первой — диктофонной записи встречи с журналистами представителей двух платформ в КПСС: демократической (коммунистов-реформаторов) и марксистской. От имени первой речь держали народный депутат РСФСР и Моссовета С. Шеболдаев и научный сотрудник В. Безуглов. С ними диалог вели члены ЦК Ком-

партии РСФСР марксисты А. Колганов и А. Крючков. Закончил стенограммой последней пресс-конференции, состоявшейся двадцать первого августа 1991 года, перед окончанием путча. Между этими двумя стенограммами — десятки других. На острые, нелюбезные, а порой язвительные вопросы отвечали Ивашко, Шенин, Дзасохов, Лучинский, Фалин, Семенова, Строев, Купцов, Полозков, Назарбаев, Гиренко.

И вдруг промелькнула мысль: это же бесценная хроника. Хроника последнего года могущественной организации, потерявшей свою былую силу. Уникальность стенограмм в том, что в них зафиксированы ответы «живьем», с ходу, как они произносились людьми в президиуме. Это вам не написанные загодя и отшлифованные многоопытными консультантами и референтами тексты.

Глядя на это богатство, я подумал: а почему бы не написать об этом? Дать все, как было, ничего не редактируя и не меняя. Пусть перед читателем предстанет картина того, как это происходило.

Начну, пожалуй, с Пуго. И не потому, что его пресс-конференция состоялась сразу же после открытия в августе 1990 года пресс-центра в гостинице «Октябрьская» — ныне «Президент-отеле». К личности этого человека, трагически погибшего после неудачного путча, проявляется большой интерес. По-прежнему будоражат людей слухи об обстоятельствах его самоубийства, а также гибели жены. Давайте попробуем понять образ его мыслей, внутренний мир, нравственную позицию, отношение к непростым проблемам меняющегося общества.

Итак, август 1990 года. Председатель Центральной Контрольной Комиссии КПСС Борис Карлович Пуго встречается с советскими и иностранными журналистами.

Вопрос. До партийного съезда прежний Комитет партийного контроля при ЦК КПСС вынес выговоры очень многим высокопоставленным функционерам, в том числе заместителю министра финансов, за незаконный экспорт бриллиантов. Что думает на этот счет ваша новая комиссия? Вы собираетесь поднять вопрос о «бриллиантовом деле» или же передадите его в прокуратуру? Я исхожу из того, что глава Гохрана все еще

продолжает оставаться в своей должности. Что собирается делать ваша комиссия?

О т в е т. Прозвучал вопрос о том, что КПК выносил взыскания не только партийным, но и хозяйственным работникам за нарушения, которые ими допускались при исполнении служебных обязанностей. И будет ли новый орган — Центральная Контрольная Комиссия — продолжать эти традиции. В уставе партии и положении о ЦКК записано, что по обращению коммунистов ЦКК имеет право рассмотреть вопрос, касающийся любого коммуниста в нашей стране, независимо от занимаемого им поста. Я думаю, что на нынешнем этапе такая постановка оправдана. Другое дело, как будет организована сама практика этой работы. Нам думается, что мы прежде всего должны заниматься вопросами, относящимися к оздоровлению нашей партии.

Что касается непосредственно Гохрана, то вопрос рассматривался тщательно. Хочу подчеркнуть, что в этом деле Комитет партийного контроля интересовали не вопросы технологии. Это функции соответствующих министерств, в данном случае министерства финансов, Гохрана. Мы были вынуждены заняться этим потому, что коммунисты-руководители нанесли ущерб авторитету нашей партии.

Поэтому были вынесены и соответствующие строгие взыскания. Материалы, которыми мы располагали, переданы в прокуратуру. Там сейчас ведется тщательное расследование. Но это уже не наша компетенция.

В о п р о с. Борис Карлович, какое сейчас отношение партии к религии? Может ли религиозный человек быть членом КПСС? И еще: для того, чтобы партия была действительно авангардной, надо ли очищать ее?

О т в е т. Сначала об отношении к религии. В старом уставе КПСС была очень твердая и совершенно однозначная запись о том, что коммунист обязан вести решительную борьбу с религиозными предрассудками. Ну а формы этой борьбы приобретали порой серьезный характер.

В новом уставе такой записи нет. Наоборот, вы знаете, в нем идет речь о том, что партия ставит превыше всего общечеловеческие ценности. Значит, су-

ественно должен измениться и наш подход. Если говорить о моем взгляде, то я не приемлю как воинствующую религию, так и воинствующий атеизм. Во всем должна быть разумность, другое слово здесь вряд ли подберешь. В ряде партий свобода совести никак не ограничивается. Что касается нашей партии, то, наверное, надо помнить, что мы стоим на материалистических позициях.

Знаю о том, что в ряде регионов идет создание партий, в основе которых лежат религиозные взгляды. Это не противоречит нашей Конституции. Если эти вновь создаваемые партии или объединения будут стоять на позициях перестройки, будут разделять социалистический выбор, то мы должны искать пути сотрудничества с ними. Потому что общих вопросов у нас очень много.

А теперь относительно очищения партии. Есть ли в ней недостойные люди? Конечно, есть. Некоторые вступили в свое время из чисто карьеристских соображений. Сейчас этот вопрос снят с повестки дня. У нас появились беспартийные министры, другие должностные лица, которые не состоят ни в какой партии, в том числе в коммунистической, и добросовестно выполняют обязанности, которые на них возложены.

Спрашивают: насколько велико число людей, выходящих из партии? За шесть месяцев 1990 года исключено около 250 тысяч человек, в том числе рабочих и крестьян — около 160 тысяч. Добровольно вышли из партии за полгода около 370 тысяч человек. По регионам эти цифры разные. Есть регионы, в которых люди практически не выходят из партии. Есть и такие, где отток довольно ощутим, но, мне кажется, он не настолько велик, чтобы вызывал большую обеспокоенность. Это совершенно нормальное явление, связанное с тем, что завершился XXVIII съезд партии, определены позиции, приняты новый устав и программное заявление, яснее стало, чем должны заниматься коммунисты.

Возвращаясь к вопросу, который был задан, считаю, что партия должна продолжать процесс очищения. Причем тут много аспектов. Есть аспекты, связанные с тем, что в партию наверняка проникли люди,

которые совершали действия, даже, может быть, подсудные. Многие разоблачены. Есть и такие среди них, которые не предстали еще перед законом, но уже потеряли свое право быть членами КПСС.

Мне кажется, как бы ни был строг и авторитетен центральный контрольный орган, мы не решим стоящих перед нами проблем, если в полной мере не заработают все механизмы на самых низовых — районных, городских — уровнях нашей партии.

Нет в мире другой такой страны, как наша, в которой центральные органы получали бы такое обилие жалоб и писем. Только бывший Комитет партийного контроля в течение года получал около шестидесяти тысяч писем, во многих из них сообщалось о недостойных действиях тех или иных коммунистов, в том числе и руководителей. Принять к каждому из них меры из центра — совершенно нереальное дело.

Очень важно, чтобы в полную меру заработали первичные партийные организации, включились все механизмы, которые оговорены в новом уставе партии.

Вопрос. Борис Карлович, у меня два вопроса. Первый относительно цифр, которые вы сейчас назвали. Какая разница между теми, которые выбыли из партии, и теми, которые ушли из нее добровольно? И в связи с этим — сколько вступило за шесть месяцев в партию?

Второй вопрос: намерена ли Центральная Контрольная Комиссия выполнять резолюцию съезда о защите имени Владимира Ильича Ленина? Ведь среди тех депутатов, которые принимают решение о сносе, допустим, памятника Ленину на Украине в городе Червонограде, если я не ошибаюсь, видимо, есть и члены партии. Намерены ли вы принимать какие-то меры?

Ответ. Выбывшие из партии — это те, кто потерял с ней связь. В старом уставе был параграф, в котором говорилось, что члены партии, которые в течение трех месяцев не уплачивают партийные взносы, не посещают партийные собрания, считаются выбывшими из партии.

Выходящие из партии — это люди, которые подали заявление непосредственно о выходе. Вот разница между этими категориями.

За шесть месяцев этого года в партию вступили 125 тысяч человек. Около половины из них рабочие и крестьяне. Среди вступающих в партию стало больше представителей интеллигенции. Меня очень тревожит и беспокоит то, что пока в партию плохо идет молодежь. Это говорит о том, что мы должны значительно лучше и больше работать среди юношей и девушек. Партия без молодежи — это партия без будущего. И партийные организации, вырабатывая молодежную политику, должны это очень серьезно учитывать.

О защите чести и достоинства Ленина. Этот вопрос задан журналистом из Греции. В молодости мне приходилось бывать в вашей стране. Очень импонировало, что в Греции никогда не стремились сносить памятники прошлого. То, что сейчас у нас происходит, это от недостатка культуры. Мне думается, что было бы совершенно неразумным сметать и уничтожать созданное в течение 70 советских лет. Я лично выступаю против того, чтобы заниматься сейчас каким-то гробокопательством, уничтожать память о тех или иных людях. История есть история.

Защищать Ленина будем. Будем изыскивать все возможные для этого средства. Такова моя позиция.

Вопрос. Считаете ли вы необходимым рассмотреть преступления тех, кто участвовал в сталинских репрессиях, в частности живущих еще сотрудников лагерей из Катыни и других мест, в которых расстреляно несколько десятков тысяч польских офицеров?

И второй вопрос. Некоторые считают, что вы были не правы в январе этого года, когда рассматривали дело об АНТе. Высказываются мнения, что слишком поспешным было решение КПК, прокуратура до сих пор не может найти концов этого дела, а комитет уже давным-давно все решил.

Отв е т. Вопрос о Катыни. Он очень волнует польскую сторону, так же как не может оставить безучастными и нас.

Вопрос довольно широкий. Об ответственности людей, которые принимали участие в репрессиях в те далекие времена. Я думаю, что здесь мы должны руководствоваться только законами. Есть законы, которые устанавливают давность. Если за давностью

невозможно привлечь к ответственности, то идти против закона мы не вправе.

С позиций законности мы должны также подходить и к тем людям, которые служили в тюрьмах и лагерях, принимали участие в расстрелах. У нас существует взаимная договоренность с целым рядом стран о выдаче военных преступников, этот процесс не остановлен, и срока давности, насколько я знаю, здесь нет.

По поводу АНТа. Само по себе создание такой фирмы, с моей точки зрения, ничего незаконного не несет. Правительство имело право создавать соответствующий орган, чтобы получить дополнительные возможности для приобретения валюты, а также необходимых товаров народного потребления. Мы рассматривали вопросы, связанные с тем, что в осуществлении этой акции участвовали люди, явно не отвечающие необходимым критериям.

Я двумя руками голосую за предприимчивость и готов поддержать всех предприимчивых людей. Но я категорически не могу понять тех советских «предпринимателей», которые под видом металлолома пытаются продавать за рубеж все, что угодно. Это же элементарная подтасовка! Такие факты установлены. В этом плане, я считаю, мы имели право и будем иметь его в будущем привлечь коммунистов к партийной ответственности. Что касается уголовной ответственности — это компетенция прокуратуры.

В о п р о с. Какова ваша позиция относительно приватизации имущества партии? Идут разговоры о том, что на его базе будут создаваться совместные предприятия. Таким образом, произойдет коммерциализация. Это может нанести большой моральный урон. Такое уже произошло в Восточной Европе.

И еще: несколько лет назад было принято решение, чтобы не проводить партийные собрания в рабочее время. Тем не менее оно все еще часто используется для этого. Ожидаются ли здесь какие-либо изменения?

О т в е т. По поводу имущества партии. Сейчас раздается немало призывов к его национализации. Выдвигают тезис о том, что партийное имущество якобы неотделимо от государственного, что партия очень много получила от государства и т. д. Съезд партии поручил, в том числе и ЦКК, вместе с Центральным

Комитетом разработать новый механизм формирования, исполнения бюджета и контроля за ним.

По поводу национализации. Твердо убежден, что она не имеет под собой законной силы. Имущество партии создавалось многими поколениями коммунистов. К тому же ни в одном нормативном акте не содержится положения, согласно которому член партии при выходе из нее вправе получить обратно сумму уплаченных им членских взносов. Делал он это совершенно добровольно.

Сейчас ведется работа, связанная с тем, чтобы навести здесь должный порядок. Изучается, что было создано совместно с государственными органами. Речь идет о каких-то зданиях районных, городских, областных комитетов партии. В этом случае решается вопрос о том, что кому принадлежит. Если здания были построены на средства государства, они возвращаются. Я совершенно не исключаю того, что в использовании материальной базы партии появятся и какие-то совершенно новые, отвечающие духу времени, духу экономической реформы, элементы. Могут появиться, и они уже, кстати, начинают появляться, акционерные предприятия.

Нас сейчас всерьез беспокоят сокращения поступлений от уплаты членских взносов. Изменена их шкала, идет выбытие членов партии. Это реалии. Мы будем получать значительно меньше доходов и в связи с тем, что изменились условия функционирования издательств. Не исключено, что многие партийные организации окажутся в трудном финансовом положении. Мы должны это предвидеть. Сейчас идет отработка нового финансового механизма.

О партийных собраниях в рабочее время. Мы уже неоднократно говорили о том, что проведение любых подобных мероприятий в рабочее время совершенно недопустимо.

Вопрос. По Центральному телевидению передавали большое выступление историка Волкогонова. Если вы смотрели это выступление, хотелось узнать, согласны ли вы с оценкой роли Троцкого в нашей истории?

Ответ. Нет, не смотрел. И поэтому, может быть, мне трудно ответить. Хотя, если говорить об этой

теме, мне думается, что сейчас проводится разумная линия. Появился в печати целый ряд произведений Троцкого. С них снято многолетнее табу, с ними могут познакомиться люди. Я знаю о том, что существуют планы дальнейшей публикации его работ. Троцкий должен занять свое место в истории нашей партии, в истории нашего государства.

Вопрос. Ваша комиссия будет рассматривать только те вопросы, по которым поступают жалобы, либо сама будет вести активные действия, выявлять на местах нарушения, например привлекать к ответственности тех руководителей, которые на словах за перестройку, а на деле тормозят ее?

Ответ. В условиях снижения общих расходов будет происходить сильное сокращение партийного аппарата, в том числе и аппарата бывшего Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. ЦКК будет располагать, несомненно, аппаратом меньшим, чем был он раньше. Я назову вам цифру. У нас в ЦКК работало всего-навсего восемьдесят ответственных работников. Поэтому нереально вести речь о том, что мы будем рассматривать чуть ли не все нарушения. Наша задача состоит в том, чтобы задействовать все рычаги контроля, которые имеются на местах.

На днях я получил заявление, подписанное заместителем секретаря партийного комитета Московской высшей партийной школы по поводу того, что городской комитет партии принял решение об освобождении от должности ректора товарища Шостаковского. В нем говорится, что товарищ Шостаковский — высококлассный специалист и что он подвергается гонениям за убеждения. Я читал разъяснение секретаря Московского городского комитета партии товарища Андреевской в «Московской правде». На мой взгляд, она права. Но хочу сказать о другом. Товарищи, которые обратились в ЦКК, минуя контрольно-ревизионную комиссию Московской городской партийной организации, совершают ошибку. Это принципиально новый контрольный орган, который вправе рассматривать все вопросы, относящиеся к деятельности Московской городской партийной организации. Брать же нам решение этого вопроса на себя, минуя городскую инстанцию, значит прямо нарушить те нормы, которые внесе-

ны сейчас в устав и которые должны господствовать в нашей партии.

Если мы не активизируем контрольные комиссии, созданные на местах, в районах, городах, областях, то мы упустим те возможности, которые сейчас появились у партии.

В о п р о с. Борис Карлович, в ряде регионов, в частности в Западной Украине, партийные комитеты расположены в помещениях, которые партия не строила. И вот сейчас деструктивные силы ставят вопрос о том, что, мол, это незаконно и т. д. Что бы вы посоветовали в этом плане?

И еще. Не кажется ли вам, что процесс консолидации сил, враждебных КПСС, в смысле создания различных союзов на антикоммунистической основе, пока идет более активно, чем консолидация здоровых сил? Может, стоит использовать опыт большевистской партии и активнее создавать союзы на социалистической, конституционной основе?

И, простите, последнее. Очень многих волнует вопрос, который поднимает ряд историков и журналистов, особенно в связи с событиями в Болгарии. Правда ли это, что с созданием Мавзолея Ленина была нарушена воля Надежды Константиновны? Хотел бы узнать, что вам известно об этом?

О т в е т. По поводу помещений я уже сказал, что здесь надо в каждом конкретном случае тщательно разбираться. Действительно, есть такие регионы, в которых партийные комитеты размещались в помещениях, представляющих историческую ценность. Надо разобратся с этим делом на месте.

В отношении консолидации. Вы сказали о том, что консолидация антисоциалистических сил или антипартийных сил идет быстрее, чем сил, которые стоят на позициях партии. Вы можете со мной согласиться, можете не согласиться. Но я выскажу такую точку зрения: в стране нет политической силы, равной сегодня нашей партии ни по численности, ни по ее влиянию. Несмотря на то что действительно кое-где это влияние ослабло, что она совершенно сознательно, подчеркиваю, сознательно передает свои властные функции Советам, силы, равной ей, пока нет. И поэтому, наверное, представлять дело так, что антикоммунистические си-

лы в СССР стали мощнее, чем силы, стоящие на позициях коммунизма, — это самих себя запугивать и страшать.

Но вместе с тем процесс расслоения общества идет. Я стою на своей позиции: те организации, которые уже сейчас не вписываются в рамки закона, в рамки Конституции, не могут быть зарегистрированы. Их деятельность должна быть законным образом прекращена.

Наша задача сегодня состоит в том, чтобы быстрее прояснить позиции друг друга. Видеть в тех или иных партиях, выражающих интересы различных слоев населения, только своих противников, полагаю, крайне неразумно. Мы должны быстрее искать общие точки соприкосновения, определять, где мы можем выступать вместе, что нас объединяет, а потом уже думать о том, что разъединяет.

По поводу Мавзолея. Я тоже читал о том, что Крупская говорила в свое время о воле Ильича, который хотел, чтобы его похоронили обычным путем. Как будут развиваться события? Некоторые товарищи стремятся к тому, чтобы принять решение буквально сиюминутно. Мы должны исходить из реалий. Да, у нас есть миллионы людей, которые не хотят прослыть консервативными. Но ведь есть миллионы других людей, которые не могут согласиться с тем, что все сделанное ими — сплошная цепь ошибок. Любое поспешное, не учитывающее реалий решение не приведет ни к чему хорошему, а создаст только дополнительную напряженность в обществе. Высказывая одно мнение, надо учитывать, что оно может вызвать и очень острую реакцию у других людей.

Вопрос. Сотни или даже тысячи коммунистов в различных местах систематически нарушают устав партии, не выполняют директивы ЦК, как это имеет место в Прибалтике, в Закавказье, в Молдавии. Фактически почти целые парторганизации вышли из «повиновения». Как в этих условиях будет действовать ЦКК?

Ответ. В уставе партии, принятом XXVIII съездом, записано, что коммунистические партии союзных республик самостоятельны. Это, с моей точки зрения, требование времени. Мы должны сделать все возмож-

ное для того, чтобы партийные организации республик стали самостоятельными не только на словах, но и на деле.

ЦКК, как и Центральный Комитет партии, будет действовать с учетом особенностей каждого региона. Мы не сторонние наблюдатели, мы должны активно вмешиваться в процессы, высказывать свою точку зрения. В период, когда происходили серьезные события в Закавказье, работники Комитета партийного контроля выезжали в эти республики, оказывали помощь Центральным Комитетам. По нашим материалам были приняты решения об исключении из партии ряда коммунистов-руководителей в Азербайджанской и Армянской партийных организациях. Но мы посчитали необходимым, и я сегодня придерживаюсь такой же точки зрения, чтобы эти вопросы Центральные Комитеты союзных республик решали сами. Мы не должны навязывать свою волю из центра, а вместе искать правильные решения, не вставая при этом на путь беспринципности. Надо ли искать компромиссы? Надо. Но такие, которые не основаны на сдаче принципиальных позиций.

Вопрос. Как избежать опасности превращения ЦКК в прежний КПК? Чем, на ваш взгляд, они должны отличаться принципиально?

Ответ. Я бы не хотел, чтобы у журналистов сложилось мнение, будто ЦКК — это прежде всего орган карающий. Уже на первом заседании нашего президиума красной нитью проходила мысль о том, что ЦКК — это прежде всего орган, защищающий коммуниста.

В чем должна состоять защита? Мы будем делать все возможное для того, чтобы не допустить гонений коммунистов, проявлений зажима критики. Построим свою работу таким образом, чтобы это направление стало ощутимым. Мне было бы по-человечески очень горько, если бы вдруг на страницах печати появился образ ЦКК как карающего меча партии, инквизиции или прокуратуры. Правда, я не сторонник и того, чтобы превратиться в адвокатуру партии. Но все же защитные функции ЦКК мне лично ближе.

И еще, мы ни в коем случае не хотели бы, чтобы кто-то воспринимал нас как орган, который стоит над Центральным Комитетом, проверяя каждый его шаг.

Мы ориентируем членов ЦКК на то, чтобы они работали в составе комиссий Центрального Комитета, делали все, чтобы в деятельности ЦК партии развивались демократические формы и чтобы работа партийных органов носила коллегиальный характер.

Не знаю, кому как, а мне симпатичен образ человека, дающего такие ответы. Ничего не скажешь: умная, сильная, мужественная личность. Каждый ли из нас способен в трагическую минуту поступить так, как он? По обоюдному согласию сначала выстрелить в супругу, а затем сунуть пистолетный ствол себе в рот и нажать на спусковой крючок? Есть в этих потрясающих смертях что-то от древнегреческих трагедий, а что-то от традиций старого русского офицерства.

И еще неизвестно, что было бы с партией, если бы на посту председателя ЦКК был Борис Карлович Пуго. Я имею в виду августовские дни 1991 года. Весь парадокс ситуации заключался в том, что известными указами была приостановлена деятельность ЦК КПСС. О ЦКК КПСС ничего не было сказано. Если бы Борис Карлович не был назначен министром внутренних дел СССР, а оставался на прежнем посту в партии, он бы наверняка сказал во всеуслышание: дискриминация и преследования направлены против партии, которая выступила инициатором демократических преобразований в обществе, сделала их необратимыми.

Я мало знал Бориса Карловича. Это был, по откликам многих, честный, прямой, откровенный человек. Ему бы не составило труда открыто сказать то, чего не посмели сказать его преемники в ЦКК и коллеги в ЦК КПСС: известные указы не делают чести экс-президенту СССР, который перенес на всю партию ответственность за внеуставные противоправные действия отдельных представителей ее руководства, что эти волюнтаристские акты компрометируют в глазах мирового сообщества деятельность всего государства.

К сожалению, ЦКК КПСС, первым председателем которой был избран Пуго, забыла кредо своего руководителя, оказалась безгласой и безвластной. ЦКК так и не выразила своего отношения к происшедшему.

Пуго уже ничего не добавит к тому, что он сказал на своей пресс-конференции. Его суждения и оценки, приведенные выше, еще долго будут предметом пристального изучения историков новейшего времени, ключом к разгадке тайны его ухода из жизни. И если материалы, которыми я располагаю, помогут в постижении истины, я буду только рад.

Еще одна стенограмма пресс-конференции человека, вокруг имени которого ходит множество слухов. С Николаем Ефимовичем Кручиной я был знаком ближе, чем с Пуго. Часто встречались на заседаниях Секретариата, в его рабочем кабинете, разговаривали по телефону. Мне он imponировал тем, что был очень эмоциональным, импульсивным, легкоранимым человеком. Николай Ефимович отличался доступностью, был демократичным в общении, умел внимательно выслушать собеседника. И вдруг сообщение: двадцать шестого августа 1991 года в пять часов утра выбросился с балкона своей квартиры на пятом этаже в Плотниковом переулке.

Кручина оставил несколько предсмертных записок. В одной из них признается, что он не заговорщик, он трус, и просит сообщить об этом советскому народу. Из других строк предсмертных записок вытекает, что Николай Ефимович жизнь прожил честно и преступником себя не считает, а также заверяет Горбачева в своей преданности. Вместе с тем погибший признает, что не чувствует в себе сил пережить грядущие испытания.

В сентябре — октябре 1991 года в печати было много догадок о подлинных причинах самоубийства управляющего делами ЦК. Как сенсация подавалось сообщение о досье Кручины, которое нашли не в запертом сейфе, а на кресле у его стола в домашнем кабинете — аккуратно сложенное в отдельную папку. Однако, как стало известно недавно, в досье оказалось мало прямых улик. По результатам прокурорской проверки обстоятельств смерти Кручины вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Заключение судебно-медицинской экспертизы и другие материалы проверки со всей очевидностью и категоричностью свидетельствуют: это было самоубийство.

И тем не менее не прекращаются разговоры о засе-

креченной коммерческой деятельности КПСС. В поиски «золота партии» включились многие средства массовой информации, десятки прытких журналистов.

Кладоискательство в нашей мифологизированной стране имеет глубокие и прочные корни. До сих пор в моей Белоруссии сотни фанатов ищут драгоценности Наполеона, которые он, по преданию, вынужден был спрятать на дне то ли какого-то неизвестного озера, то ли известной реки Неман. Едва только с водоемов сходит лед, по весне множество водолазов и аквалангистов отправляются на поиски сокровищ. С детских лет помню, как ходили мы, сельские мальчуганы, в разные тайные места, где, согласно многочисленным версиям, были запрятаны несметные сокровища. Искали их в зданиях бывших немецких комендатур, полицейских участков, и даже в землянках партизанских баз. Наши городские сверстники тоже лазили по развалинам купеческих особняков, графских дворцов.

Так что ничего удивительного в нагнетании обстановки вокруг золотых кладов КПСС нет. Большая часть нашего люмпенизированного общества, даже получив высшее образование и места корреспондентов в популярных изданиях, в душе осталась босоногой пацанвой, грезящей найти хоть какой-нибудь клад. Главное — разбогатеть, не приложив к этому никаких сколько-нибудь значительных личных усилий. Господи, да и сам не исключение: до сих пор просыпаюсь радостный и счастливый — нашел-таки долгожданный сундук с рукописями, о котором мечтаю с детских лет. Что делать, такими уж мы уродились. Или стали?

Читая все эти инсинуации о несметных богатствах КПСС, хранящихся в зарубежных банках, и обладая уникальным документом — разъяснениями управляющего делами ЦК, не могу не поделиться ими с читателями.

Итак, перед нами — последнее интервью последнего управляющего делами ЦК КПСС. Март 1991 года. До трагической развязки остается пять месяцев.

Во вступительном слове Н. Кручина сказал, что во внутренних делах, в формировании структуры доходов и расходов по сравнению с прошлыми годами ситуация коренным образом изменилась. XXVIII съезд

партии принял решение об изменении шкалы уплаты членских партийных взносов, до пятидесяти процентов их разрешено оставлять на деятельность первичных организаций. Из-за этого произошли серьезные потери в бюджете. Сумма членских взносов в этом году (1991 — Н. З.) будет примерно в два раза меньше, чем в прошлые годы. Выявились такие расходы, которые раньше не финансировались из партийного бюджета. В числе таких расходов можно назвать поддержку партийной печати, необходимость выделения средств на издание совместных с Советами народных депутатов районных и городских газет. Раньше они финансировались за счет государственного бюджета. Проблема сбалансированности доходов и расходов приобрела иной характер. Сейчас в партии практически нет организаций, которые имели бы превышение доходов над расходами. Это вынудило использовать часть средств бюджета КПСС, которые были накоплены за прошлые годы. Но надо отметить, что бюджет, утвержденный для компартий союзных республик, позволяет в современной ситуации сохранить структуры партии, финансировать деятельность ее Центральных Комитетов, рескомов, обкомов, крайкомов и райкомов. Очень серьезно рассматриваются проблемы деятельности первичных парторганизаций. На их нужды из централизованных фондов выделено около ста миллионов рублей. Словом, ситуация с бюджетом достаточно напряженная.

Вопросы информационного агентства «Новости». Вы еще на XXVIII съезде КПСС сказали, что будут потери в доходах примерно на один миллиард рублей, и вот сейчас дотация республиканским партиям составила солидную сумму — свыше одного миллиарда рублей. За счет каких источников ЦК намерен покрыть столь солидную разницу? Только ли за счет того, что накоплено в предыдущие годы?

И еще: в 1989 году дотации нужны были 50 парторганизациям, сейчас практически всем. Что же все-таки произошло, и каковы, по-вашему, реальные возможности достичь самофинансирования партийных организаций всех регионов?

Ответ. У нас в партии за прошлые годы, когда доходы значительно превышали расходы, образовался

известный резерв. Я его называл на съезде: 4,9 миллиарда рублей. Сейчас мы покрываем дотацию за счет этих накоплений.

Почему так упали доходы? Мы потеряли около шестисот миллионов рублей из-за изменения шкалы уплаты членских взносов с трех до двух процентов. Примерно сто миллионов рублей недосчитались из-за уменьшения численности членов КПСС. И партию затронуло общее снижение дисциплины — у нас увеличилось количество задолжников, то есть тех, кто несвоевременно уплачивает членские взносы. Но наибольшие потери, безусловно, мы понесли за счет того, что изменилась ситуация с распределением доходов за издание партийных газет и журналов, выпуск книг и брошюр. Здесь будут ощутимые потери. Правда, окончательных данных пока нет, но увеличение цен на бумагу — с 300 до 880 рублей и больше за тонну, почтовые расходы, изменение системы налогообложения и т. д. свидетельствуют об этом.

Как мы собираемся выходить из этого положения? Пока выделили дотацию — почти миллиард рублей. Одновременно разрабатываем комплекс мер, чтобы уменьшить расходы. В ряду уже осуществленных мер можно назвать сокращение численности аппарата, за счет чего сэкономлено пятьсот миллионов рублей. Но это не покрывает наших расходов, к тому же в условиях перехода к рыночной экономике, реформы ценообразования они будут расти. Полагаю, что в течение года-полутора мы определимся по тем направлениям хозяйственной деятельности, которые должны покрывать расходы. Кроме того, партийным комитетам следует смелее вносить изменения в методы своей работы, и особенно финансово-хозяйственной, больше привлекать работников на общественных началах.

Вопрос агентства «Студинформ». Прокомментируйте, пожалуйста, ситуацию с собственностью КПСС и особенно в республиках Прибалтики. Какой будет ее судьба, если коммунистические партии этих республик отделятся от КПСС окончательно?

О т в е т. Стоимость собственности наших основных фондов составляет около 4,9 миллиарда рублей. XXVIII съезд КПСС принял решение провести инвен-

таризацию собственности и доложить Пленуму Центрального Комитета о ее состоянии. Она довольно своеобразная. У нас нет ни фабрик, ни заводов, ни сколько-нибудь иных значительных предприятий, кроме полиграфических. Партийная собственность состоит из зданий и сооружений, необходимых для работы партийных комитетов.

Стоимость основных фондов центральных партийных учреждений около 133 миллионов рублей. На балансе управления делами ЦК КПСС числится основных средств на 763 миллиона рублей. В ведении местных партийных органов находится 3700 административных зданий, полностью построенных за счет партийных средств. Примерно тысяча зданий построена с долевым участием, около двухсот в разные годы было передано партийным органам для размещения аппарата. Все эти объекты оцениваются приблизительно в два миллиарда рублей. В аренде у нас всего 337 зданий, что составляет шесть процентов от общего количества.

Стоимость основных фондов партийных издательств — 1,6 миллиарда рублей. Их материальная база практически полностью создавалась в последние годы за счет средств КПСС. Исключение составляют небольшие мощности, которые в прошлые годы в установленном порядке передавались по решениям от различных государственных организаций. Но вложения в их реконструкцию, расширение, модернизацию, обновление многократно превосходят первоначальную стоимость.

И еще один большой блок собственности — это санатории и дома отдыха. Их у нас 23, общая стоимость — 447 миллионов рублей. Основная база здравниц создана за счет средств партии. Доля основных фондов, полученных от других организаций, составляет 4,7 процента. Что касается вопросов, связанных с собственностью компартий республик Прибалтики, я бы попросил ответить Александра Алексеевича Сапронова — заведующего финансово-бюджетным отделом Управления делами ЦК КПСС.

А. Сапронов. Начну с правового режима нашей собственности, как и собственности любой общественной организации. Специфика ее состоит в том, что партийные комитеты у нас обладают правом оперативного управления. А собственником, то есть субъектом права

собственности, является руководящий орган партии — Центральный Комитет.

В Прибалтийских республиках, как известно, произошло разделение компартий. Впервые этот процесс начался в Компартии Литвы. Сначала решили совместно пользоваться партийной собственностью. Однако та часть Компартии, которая вышла из состава КПСС, никак не склонна к сотрудничеству с коммунистами, которые сохранили идейное и организационное единство с КПСС. На этой почве постоянно возникали различные трения. Нередко они приводили к принятию различных решений той частью партии, которая вышла из состава КПСС. В частности, одно из первых решений было о передаче зданий Вильнюсской высшей партийной школы в ведение правительства республики. Мы это решение опротестовали. Справедливость восторжествовала: подтверждено, что собственность на законных основаниях принадлежит КПСС.

Если говорить об остальных объектах партийной собственности в этих республиках, то они по-прежнему принадлежат нам, хотя в Литве, например, сложности остаются. Особенно это касается зданий районных и городских комитетов партии. Наши организации занимают там два-три кабинета. Однако прав на владение этой собственностью мы не утратили ни в Литве, ни в Латвии, ни в Эстонии.

Вопрос газеты «Советская Россия». Сколько средств было выделено КПСС на реконструкцию, реставрацию и расширение Центрального музея В. И. Ленина? Сейчас к нам в редакцию приходит очень много писем, люди звонят, они искренне обеспокоены ситуацией, сложившейся вокруг музея, некоторые помещения которого оказались под угрозой занятия Союзом арендаторов и предпринимателей.

Ответ. Когда в свое время обсуждался достаточно широкий план реконструкции Центрального музея В. И. Ленина, намечалась сумма более пятидесяти миллионов рублей, потом Секретариат ЦК партии счел необходимым несколько уменьшить ассигнования, поскольку работы затягивались на весьма продолжительное время.

Выделение ассигнований на ремонт и реставрацию на разных стадиях планировалось по-разному. Часть

средств выделялась Советом Министров, определенную долю расходов брал на себя исполком Моссовета. В последнее время исполком изменил свою позицию, касающуюся выделения служебных зданий музею В. И. Ленина, нарушив тем самым закон.

В этой обстановке мы будем все затраты по реконструкции музея брать на себя. В то же время надо настойчиво добиваться того, чтобы решения, принятые в свое время Моссоветом, были выполнены.

Вопрос газеты «Правда». Вчера, когда я получил приглашение на эту пресс-конференцию, на мой стол легло очередное письмо с десятирублевой купюрой и просьбой перечислить ее на счет КПСС. Есть ли такой счет у КПСС?

Ответ. К сожалению, мы не избавились еще от комплекса, который приобрели в прежние годы. Конечно же нельзя отмахиваться от добровольных пожертвований и благотворительных акций. Думаю, что они могут значительно пополнить материальную базу партийной работы. Особенно той, которая связана с поддержкой ветеранов, их лечением и отдыхом. Несомненно, в первичных партийных организациях могут и должны создаваться такие фонды. В уставе КПСС, инструкциях это и предусмотрено, но практики еще нет. Принимаю замечание.

Вопросы еженедельника «Собеседник». В печати появилось сообщение о проекте создания международного банка с участием Управления делами ЦК КПСС, МГК КПСС, войсковой части и нескольких известных западных банков. Какова судьба этого проекта, участвуют ли ЦК КПСС и Управление делами в деятельности других межбанковских объединений?

Второй вопрос: почему сейчас ЦК КПСС вкладывает свои средства в основном в банковскую деятельность, а, например, не в производство товаров народного потребления или не в сельское хозяйство?

Третий вопрос: скажите, пожалуйста, как получает Управление делами ЦК КПСС валютные средства и, если их выделяет государство, по какому курсу вы покупаете валюту у государства?

Ответ. Относительно проекта создания международного банка. Мы к нему никакого отношения не имеем. С нами не было никаких разговоров по этому

поводу. Мы не собирались вступать и не вступаем ни в какие банки такого рода. Что касается предложений, то мы получаем их сотнями. Однако средств в эти дела не вкладываем. Мы за ту хозяйственную деятельность партийных органов, которая не противоречит законодательству. Другое дело, что оно, к сожалению, еще не совершенно, содержит множество неоправданных ограничений.

Что касается вложения денег в производство товаров народного потребления, то в этом и во всех других подобных делах мы не имеем опыта. К тому же вряд ли у нас хватит средств, чтобы инвестировать крупные проекты.

Валюту мы получаем по обычному курсу. Сейчас положение с ней такое же, как в целом в народном хозяйстве. На этот год мы ее вовсе не получили. Сейчас мы думаем над тем, чтобы валютные средства, которые поступают за счет членских взносов коммунистов, работающих за рубежом, концентрировать на своих счетах. К сожалению, иных, щадящих режимов для получения валюты у партии нет.

Вопрос газеты «Сельская жизнь». Расскажите о привилегиях работников партийных органов, в частности, какая зарплата у секретаря райкома, какими благами он пользуется? И второй вопрос. Немало в сельской местности было различных угодий, охотничьих домиков и прочих комфортабельных мест отдыха для городского начальства. Как обстоят дела сегодня?

Отв е т. Ни в одном партийном комитете на учете и балансе охотничьих домиков не было и нет. Нам часто приписывают то, чего у нас нет и чем мы не пользуемся. Это — имущество других ведомств.

Н. Капанец, заместитель управляющего делами ЦК КПСС. О зарплате разрешите мне ответить. В свое время о ней велось немало разговоров. Перед повышением зарплаты партийным работникам в октябре 1989 года они занимали сорок пятое место в стране. Заработная плата первого секретаря райкома партии, которая составляла от 300 до 340 рублей, наполовину отставала от уровня заработной платы главных специалистов. А они, как известно, являлись основным кадровым резервом партийных комитетов. Поэтому

мы пересмотрели заработную плату. Должностной оклад секретаря сельского райкома партии сегодня составляет 500—550 рублей, горкома — 500—600, областного и краевого комитета — от 700—750 до 800 рублей.

Н. Кручина. Ну а что касается привилегий секретаря райкома, то они об этом могут только мечтать. Здесь многое настолько в публикациях наговорено, что и опровергать не стоит.

Вопросы журнала «Молодая гвардия». Не кажется ли вам, что допущена поспешность в предоставлении самостоятельности компартиям республик, что в республиках как раз произошла обратная реакция: многие из тех, кто находился в компартиях, вошли во фронты и стали воевать против самой же партии?

Второй вопрос. Вы говорили о том, что сокращаются аппараты горкомов и обкомов партии, но не упомянули, собираетесь ли вы сокращать аппараты Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук, Института общественных наук.

И третий вопрос. Известно, что вся печать была партийная, известны слова Ленина, что есть идеология социалистическая и буржуазная, третьей быть не может. Как можно было допустить, что ряд ваших средств печати добровольно отдан другим учредителям, что на их базе созданы так называемые «независимые» газеты типа московской «Вечерки» и ряда других, которые никак не могут быть независимыми. Они зависимы, но только от других сил, которые собираются устраивать суд над партией.

О т в е т. На днях принято постановление Центрального Комитета КПСС о направлениях деятельности ИМЛ, АОН и ИОН при ЦК КПСС. Эти научные партийные учреждения реорганизуются. Численность работающих там сотрудников значительно сократится.

О партийной печати. Я только могу присоединиться к тому, что вы сказали. Однако рычаги, которыми мы сейчас пользуемся, не позволяют нам силой удерживать какие-то издания. Действуют закон о печати, другие факторы, которые складываются в том или ином регионе. Однако этот процесс еще не завершился.

Что касается Управления делами ЦК КПСС, то мы прилагали все возможные, с нашей точки зрения, меры для того, чтобы побольше осталось газет в партийных издательствах. Ведь от этого, как вы понимаете, зависит и пополнение партийного бюджета. Повторяю, эта работа еще не закончилась, она продолжается. Если говорить о главной причине, которая к этому привела, то в законе о печати, который сейчас одни очень сильно поддерживают, а другие очень сильно критикуют, права издательств никак не учтены. Закон принят для того, чтобы можно было свободно выходить из издательств, никаких ограничений и прав издательств не оговорено. Мы сейчас свои взаимоотношения с ними строим на договорной основе, а что касается идейных позиций, то правильно говорите, нам предстоит и с этой точки зрения посмотреть на структуру изданий, которые печатаются в наших издательствах.

Н. Капанец. Я хотел бы дополнить Николая Ефимовича. Мы уже рассмотрели сметы центральных партийных учреждений на 1991 год. Ассигнования на их содержание заморожены на уровне бюджетных и наших инвестиций 1990 года, а учитывая рост затрат и материальных ресурсов, а также увеличение взносов на социальное страхование, можно не сомневаться, что это заставит их поджаться в своих затратах, в том числе и в штатной численности.

Компартии союзных республик самостоятельны в распоряжении своим бюджетом, это заложено в уставе КПСС, мы определяем только общее финансирование, а дальше они уже, исходя из этих средств, определяют приоритетные направления финансирования своей деятельности.

В о п р о с Т А С С. Впервые бюджет компартий союзных республик сформирован с дефицитом один миллиард рублей, финансовый резерв у партии, как было сказано, сейчас 4,9 миллиарда рублей. Сокращение расходов за счет уменьшения аппарата — 550 миллионов рублей. Относительно новых направлений хозяйственной деятельности партии здесь было заявлено, что они будут определяться год-полтора. Не окажемся ли мы через два-три года перед тем фактом, что КПСС из-за финансовых затруднений не сможет дальше функционировать? Какие все же меры предлагаются

Управлением делами ЦК КПСС по пополнению бюджета, кроме названных?

Ответ. Беспокойство такого рода понятно. Мы его полностью разделяем. Одна из мер, на которую мы рассчитываем, — все-таки производственная деятельность. Вторая мера — получение средств за счет использования собственности КПСС. Речь идет о сдаче в аренду помещений, транспорта партийных комитетов, о более четком учете возможностей рынка при использовании наших санаториев и домов отдыха. И, конечно, большую надежду мы возлагаем на организацию издательской деятельности в новых условиях.

Вот такие ответы получили журналисты на свои вопросы. Напомню, что исходили эти данные от официального лица. И оно уже ничего нового к сказанному добавить не сможет.

А вот еще одна стенограмма, содержащая мысли и суждения человека, которого я глубоко и искренне уважаю. Он одним из первых понял, что ЦК отстраняется от выработки государственной политики и по сути не влияет на происходящие процессы. Егор Семенович Строев, член Политбюро и секретарь ЦК, мучительно и долго думал о путях выхода из тупика. И ничего другого, кроме того, чтобы сказать об этом во всеулышание, не придумал. Хвала ему за проявленное мужество!

Давайте же обратимся к январю 1991 года, когда Егор Семенович пытался объяснить, что происходит с аграрным сектором экономики. Если глубоко вникнуть в текст его ответов на вопросы журналистов, видишь, сколько горечи было в рассуждениях этого умного от природы человека, вынужденного в силу служебного положения держаться так, как будто ничего не произошло.

Главный вопрос, который волнует сегодня всех, сказал Егор Семенович, это состояние с продовольствием. Всех интересует, насколько оно тяжелое? Есть ли выход из создавшегося положения и что предпринимается в этом направлении правительством, хозяйственными органами, Центральным Комитетом партии?

За 1990 год в стране произведено продуктов сель-

ского хозяйства на сумму 220 миллиардов рублей. Это больше, чем в 1989 году. Урожай зерновых собрали 237—240 миллионов тонн — самый высокий за всю историю страны. Ясно, голода из-за отсутствия хлеба, крупяных культур, макаронных изделий в стране не будет. Для обеспечения населения продуктами питания требуется всего лишь 50—55 миллионов тонн зерна. А вместе с потребностью для нужд животноводства из госресурсов необходимо 90—103 миллиона тонн. Вышли на уровень прошлых лет и по продаже мяса и молока. Словом, если в целом рассматривать итоги прошедшей пятилетки, то надо сказать, что она, наверное, была самой удачной за послевоенные годы развития аграрного комплекса страны.

Однако по некоторым направлениям в последние два года темпы стали падать. В связи с этим разработана программа продовольственного обеспечения страны на 1991 год. Кроме того, заключено соглашение между всеми республиками и Союзом на поставки в союзно-республиканский фонд необходимых продуктов продовольствия, в том числе мяса, молока, зерна. Определенная доля недостающих продуктов питания будет приобретена по импорту. Объемы потребления с учетом импортных закупок сохраняются на уровне прошлых лет. Об этом было сказано на IV съезде народных депутатов, где была поставлена задача не допустить во всех регионах страны снижения потребления продуктов питания.

Вопрос газеты «Литературная Россия». Егор Семенович, в свое время в Орловской области было движение, кажется, оно называлось так: «Выбираю деревню на жительство». В эту область, когда вы были там первым секретарем обкома партии, приглашали людей со всех концов страны. Не могли бы вы сказать, каковы итоги этой, назовем так, кампании? Как вы относитесь к идее переселения русских людей из других республик в российские области?

О т в е т. Орловская область, откуда я родом, не раз переживала большие трагедии. В годы Великой Отечественной войны здесь было полностью уничтожено все жилье, и по нынешний день не восстановлен довоенный уровень численности населения. И тогда мы обратились ко всем людям, желающим приехать в этот

благодатный край с мягким, теплым климатом. Ведь там растет все, кроме апельсинов. Обратились с просьбой приехать на Орловщину, чтобы возродить землю Тургенева, Лескова, Бунина, Фета, Пришвина.

И люди откликнулись. У нас не хватало около восьмисот доярок и механизаторов, приехало свыше трех тысяч. Ехали также учителя, работники культуры и врачи. Начали переселяться в область и жители Прибалтики. Почему они поехали? Причины были разные. Одни возвращались домой, к родному очагу, к родителям, другие из-за социальных конфликтов, которые возникли в последнее время в Прибалтике.

Я хорошо знаком с Литвой, мой отец во время войны был ранен под Шяуляем. Орловская область и Литва были побратимами. Под Орлом погибла 16-я Литовская стрелковая дивизия. Однако социальные перекосы, которые сейчас возникли там на политической основе, дали о себе знать, в результате чего многие русские приехали к себе. По-человечески жаль людей, которые приезжают. Многие из них прожили там много лет, вырастили детей, награждены орденами и медалями. Конечно, им самим не хотелось оттуда уезжать, но обстоятельства заставляют. Думаю, что мимо этих явлений сегодня равнодушно никто не может проходить.

Вопрос английской газеты «Файнэншл таймс». Если выращен рекордный урожай, то почему ситуация с продовольствием в стране столь серьезна? Из-за несовершенства системы распределения? Если собрали хороший урожай, то зачем тогда повышать закупочные цены на зерно, и в частности на рожь и пшеницу? Очевидно, нет никакой реакции со стороны производителей на изменение закупочных цен. Почему? И, наконец, помощь продовольствием. Кто решил, что Советский Союз нуждается в помощи продовольствием от Запада, и в частности от Германии? Меня это удивляет, потому что вы не нуждаетесь в продовольствии, кто же принял такое решение?

Ответ. Хочу еще раз подчеркнуть: в стране получен урожай лучший, чем в предыдущие годы, сохраняются те же объемы производства продуктов животноводства. Но эти объемы уже не удовлетворяют потребности наших людей, поэтому сохраняются, как

и в прошлые годы, объемы закупок за рубежом по импорту. Я бы не сказал, что эти объемы будут больше в этом году, чем в прошлом. Например, по зерну они будут процентов на тридцать меньше.

Что же касается вопроса, почему повысились закупочные цены, а зерно крестьяне не продают, то ответ здесь один — фермеров у нас нет. Зерно продают колхозы и совхозы. Они оставили у себя значительно больше зерна, чем в прежние годы. В связи с вхождением в рыночную систему экономических отношений, повышением самостоятельности республик многие регионы страны сейчас активно развивают межхозяйственные горизонтальные связи. Вчера у меня был секретарь одного из обкомов партии Казахстана, так вот, они сейчас продают зерно в сибирские области в обмен на лес по прямым договорам. Область выполнила государственный план, продала более двух миллионов тонн пшеницы, остальное зерно перераспределяется вот таким образом.

Нужна ли нам помощь, о которой столько говорится с экранов телевизоров, пишется в газетах? Без импорта, конечно, не обойдемся, он составляет в суммарном выражении несколько миллиардов долларов. Предполагается закупить за рубежом примерно 140 тысяч тонн мяса, 12 миллионов тонн молока. Свое производство плюс эти закупки и позволят не снизить объемы потребления продовольствия к уровню прошлого года, хотя общая трудность, конечно, в снабжении будет оставаться. А теперь о гуманитарной помощи. Велика ли она? На восьмое января 1991 года поступило, например, 29 тысяч 400 тонн, в том числе из Германии 21 тысяча 300. Продукты питания составили 16 тысяч 400 тонн. Много это или мало? Судите сами: город Москва в один день потребляет 23 тысячи тонн продуктов.

Вопрос газеты «Вечерняя Москва». Существует ли экономическая блокада демократических центров? Об этом пишут московские газеты. Называются адреса: Рязанская, Смоленская, другие области.

Ответ. Какой-либо блокады демократических центров я не знаю и категорически отрицаю это. Другое дело, что производство в отдельных областях в силу объективных или субъективных причин бывает раз-

ным. Взять ту же Рязань. Она должна была поставить Москве 60 тысяч тонн картофеля. Но в результате двухмесячных дождей, когда выпало около девятисот миллиметров осадков, а это такое количество, которого край никогда не знал, картофель фактически погиб. Не только Рязанская, но и Московская область не смогла собрать картофель из-за неблагоприятных погодных условий.

То же самое может произойти в любом регионе, который поставляет сельхозпродукты в союзно-республиканский фонд. Тем более что страна наша огромная и климат бывает везде «свой». Да и нельзя сказать, что сельское хозяйство всегда только идет в гору, оно идет также и по ломаной линии. Бывают резкие подъемы, случаются и падения. Для того и существует союзно-республиканский фонд как компенсатор регулирования этих отношений. Согласно новому законопроекту, должностные лица регионов будут нести юридическую, а также финансово-экономическую ответственность за выполнение договорных обязательств.

Вопрос газеты «Сельская жизнь». Одна из злободневных проблем — проблема предстоящего референдума о земле. Выскажите, пожалуйста, свою точку зрения по нему. Не решит ли такое демократическое мероприятие, как референдум, впервые проводимый в нашей стране, проблему земли в пользу горожан? А ведь крестьяне в большинстве своем, во всяком случае, мы судим по почте, которая поступает в нашу газету, против частной собственности на землю. Какова ваша точка зрения?

Ответ. Вопрос о земле сегодня — центральный вопрос экономической реформы в сельском хозяйстве. Как землю распределить — продать, бесплатно раздать, оставить в общественном пользовании — волнует умы не только крестьян, но и рабочих, интеллигенции. Не случайно большой интерес вызвало и решение российского парламента, который, не ожидая референдума, высказался за передачу земли в частную собственность, продажу ее через определенный срок и т. д. Это вызвало, скажем прямо, определенную тревогу у крестьян.

О горожанах, которые могут проголосовать за частную собственность на землю. Горожанину-то она

нужна не для сельскохозяйственного производства. Горожанину нужен огороδικ, место для дачи, для выращивания овощей и фруктов. Впрочем, как и крестьянину приусадебный участок. Мне представляется, что не только крестьяне, но и рабочие городов тоже поймут, что сегодня в большинстве регионов нельзя передавать землю в частную собственность. Почему? Вот простой пример. В Узбекистане на человека приходится 0,09 гектара земли. Представьте, что ее начали делить. Рождаемость населения здесь высокая, сменяется одно-два поколения, где им взять землю? Вот вам и причина для социальных конфликтов. Думаю, что в Узбекистане не пойдут на разовое распределение земли в частную собственность. Что же касается, допустим, Центральной России, то здесь земель достаточно для какой угодно формы распределения. Поэтому и назначается референдум, который будет проводиться по республикам. С учетом мнений регионов будут приниматься соответствующие решения.

Сейчас готовится закон о референдуме. Я считаю, что прежде всего надо разделить два понятия — земли для приусадебных огородов, дач на садовых участках и земли для сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов, фермерских хозяйств, крестьянских хозяйств, семейных ферм.

Вопрос журнала «Известия ЦК КПСС». Одним из главных направлений повышения эффективности сельскохозяйственного производства является создание многоукладности экономики на селе. Можно ли сегодня говорить об опыте деятельности каких-либо партийных организаций и конкретной практической работы в этом направлении?

Отв е т. Как раз вчера на Секретариате ЦК партии мы слушали вопрос о работе Ростовской областной партийной организации по содействию в становлении многоукладности в аграрном секторе экономики. Ростовская область — крупный производитель зерна в стране, за прошлый год там произведено 9,6 миллиона тонн зерна. Здесь есть первый весьма поучительный опыт развития многоукладности экономики. Скажем, тот же совхоз «Матвеево-Курганский», где директор тов. Бутенко, два года назад все хозяйство перевел на новые формы экономических отношений. Тут есть

и кооперативы, и крестьянские хозяйства, и долевая собственность. Возросла заинтересованность людей в результатах своего труда, прекратилась текучесть кадров, а самое главное — объем производства увеличился в 1,7 раза.

Есть такой опыт и в других регионах страны. Мы рассчитываем провести в Ростовской области Всесоюзный семинар. Хотим показать, как осваиваются новые подходы. В этой работе много трудностей, и прежде всего психологического плана — неприятие новых подходов, опасения, а не уходим ли мы от социалистических путей развития, не разваливаем ли сельское хозяйство. Однако, несмотря на всевозможные выжидания, осторожность, а то и откровенное торможение, новое уверенно пробивает себе дорогу. Сегодня в стране создано уже более 30 тысяч крестьянских хозяйств, около 430 тысяч арендных коллективов. Набирает силу долевая форма собственности по методу Чартаева — председателя колхоза из Дагестана. Создаются акционерные общества, научно-производственные системы.

Нам надо делать все для того, чтобы, с одной стороны, реконструировать колхозы и совхозы, уводя их от сложившейся командно-бюрократической системы управления, создавать больше условий для труда крестьянина, добиваться, чтобы он был хозяином собственного труда, создавать такой экономический механизм, который бы стимулировал его производство. А с другой — давать простор разным формам хозяйствования, в том числе особенно хорошо зарекомендовавшим себя в последнее время, например научно-производственным системам, идти на создание совместных аграрных предприятий, в том числе по использованию земли.

Перед встречей с вами у меня был заместитель председателя облисполкома из моей родной Орловской области, он приехал с предложением — как с одной из провинций Франции заключить договор. Они уже побывали друг у друга, интерес у них обоюдный — возделывание сахарной свеклы. Орловцы хотят увеличить вдвое урожайность сахарной свеклы, реконструировать заводы, повысить выход сахара примерно на четыре-пять процентов и за счет дополнительно

полученной продукции рассчитаться с французской стороной.

Такое сотрудничество взаимовыгодно. В прошлом году оно дало ощутимые результаты в Краснодарском крае, Сумской и Воронежской областях. Липецкая область входит сейчас в хорошие контакты с Германией, отработывает новую технологию возделывания сахарной свеклы, закупает завод по производству калиброванных и дрожжированных семян. Липчане с помощью одной из германских фирм намереваются резко снизить затраты ручного труда на возделывании сахарной свеклы и увеличить производство сахара в центральной полосе.

Собственно фермерских хозяйств в Советском Союзе, очевидно, будет немного. Смогут ли существовать колхозы и совхозы в том виде, в котором они пребывают сейчас? Применительно к условиям рыночной экономики это будет очень трудно. А вот интегрируя их между собой, связывая по горизонтали и вертикали, вплоть до выхода на международный рынок, сохранив тем самым интерес к результатам производства, мы сумеем, конечно, серьезно изменить сложившееся положение. К тому же нельзя не учитывать то обстоятельство, что в результате экономических преобразований в промышленности там высвободится значительное число людей. Так вот, может быть, это исторический шанс для сельского хозяйства. Можно предложить горожанам переселиться в деревню. Не хотите идти в колхоз, возьмите крестьянское хозяйство, организуйте кооператив, создайте какую-либо научно-производственную систему, совместное предприятие.

Более того, мы хотим создать образцы, эталоны сельскохозяйственного производства, привлекательно для горожан. По договоренности с одной из австрийских фирм по ее проекту начали строительство типовых фермерских крестьянских хозяйств. Три таких первых хозяйства заложили в учебно-опытном хозяйстве Тимирязевской академии. Перепрофилируем несколько заводов, которые будут выпускать около 1300 типовых фермерских хозяйств, включающих жилые дома и производственные объекты. На этих гнездах, своеобразных эталонах, будем показывать новые формы производственных отношений.

Вопрос журналиста из Ливана. Позавчера был большой праздник — Рождество. Кто был в церкви из партийного руководства? И еще. Не кажется ли вам, что 73-летний эксперимент у вас не получился?

Ответ. Лично я в церкви не был. У нас в стране свобода вероисповедания. Каждый решает этот вопрос по своему усмотрению. В аппарате ЦК был обычный рабочий день. Мы знаем, что в стране много верующих, и уважительно относимся к мнению каждого человека, который высказывает свое отношение к вере.

Что касается второго вопроса — о социальных экспериментах и их результатах, — то я с этим не могу и не хочу согласиться в принципе. Если вы знакомы с экономикой нашей страны, то возьмите даже вот этот прошлый, самый тяжелый год, о котором мы говорим, и сравните его с лучшим годом до Октябрьской революции. И вы поймете, как изменились не только объемы производства, не только жизненный уровень, не только социальные условия, но прежде всего сам человек. Поэтому ставить такой вопрос — значит перевернуть историю с ног на голову. Другое дело, если вы хотите добра нашей стране и нашему народу, можете поставить вопрос, а почему, оказавшись в затруднительном положении, мы не пользуемся достижениями, наработанными в других странах, в том числе в США, Германии, Франции, Англии. Так я вам скажу — благодаря перестройке, новому политическому мышлению — пользуемся и будем пользоваться.

Их опыт нам интересен. Нам интересны любые разумные наработки, особенно те, которые приемлемы для нашей страны. Однако и у нас свой богатый интеллектуальный потенциал. Свыше девятисот научных и сто десять высших учебных заведений работают сегодня в аграрном комплексе страны. Но взять ливанскую пальму и посадить ее в Подмосковье нельзя, она все равно здесь зачахнет. Видимо, заимствуя опыт, надо исходить из своих народных традиций, учитывать природно-климатические возможности, особенности русского народного характера.

Вопрос журнала «Столица». Складывается впечатление, что ЦК КПСС и областные партийные организации больше заняты созданием совместных

предприятий с зарубежными фирмами, чем проведением коренной земельной реформы. В связи с этим скажите, пожалуйста, как непосредственно вы проводите свою политику — политику аграрного сектора ЦК перед депутатами Верховного Совета СССР и России?

Отвѣт. Политика нашей партии в аграрном вопросе определена XXVIII съездом КПСС. Он впервые принял резолюцию по крестьянскому вопросу. Так прямо вопрос никогда на прошлых съездах не ставился. Во всяком случае, отдельные резолюции не принимались. Резолюция XXVIII съезда по аграрной политике, если вы помните, состоит из двух направлений. Первая часть посвящена созданию социально-бытовых условий для крестьян, развитию материальной базы, укреплению производства. А вторая часть — развитию многоукладной экономики и многообразию форм хозяйствования. Вот на этих направлениях и строится наша работа.

Как она ведется? Создана комиссия ЦК по аграрной политике из членов Центрального Комитета партии. Она и занимается разработкой, осмыслением новых подходов, которые возникают в жизни. То есть идет политическая работа, которая должна исходить из интересов крестьян, улавливать эти интересы, трансформировать на общественное сознание. При этом ни в коем случае не подменяя советские или хозяйственные органы, не работая за них.

Вопрос американской газеты «Нью-Йорк сити трибюн». Коллега из газеты «Сельская жизнь» сказал, что они в редакции получают много писем противников частной собственности на землю. Есть три обстоятельства, которые этих противников, очевидно, плодят и умножают. Во-первых, семьдесят лет подряд в государстве отучали крестьянина работать на земле. Во-вторых, сегодня он вряд ли будет иметь ту техническую оснащенность, которую, скажем, имеет фермер в США или в Германии. И, наконец, существует, очевидно, комплекс страха перед возможным воздаянием, которое было в конце двадцатых годов, когда люди, успешно трудившиеся на земле, оказались кулаками и в конце концов были отправлены в места, где ни сеять, ни жать нельзя. Как, по-вашему, эти три реальных обстоятельства могут

повлиять на итоги референдума о земле? И еще. Известно, что советский фермер находится в состоянии гораздо более худшем, ему даются неудобья, он не снабжается материалами, машинами, механизмами. Нет ли здесь некоей планомерности или это пока еще непривычка к нарождающейся форме работы на земле?

О т в е т. Я бы сказал, что вы сами ответили на свои вопросы. Факторы, о которых вы говорите, конечно же повлияют на референдум. Единственное, с чем я не согласен, это то, что российского крестьянина семьдесят лет отучали от земли. Исторически земля в России всегда была общинной, поэтому эти корни лежат очень глубоко. Я бы даже больше сказал — корни колхозов тоже лежат в общинном землепользовании, отсюда их стойкость, о которой вы говорите. Это будет еще одна насильственная ломка, если мы начнем распускать колхозы и совхозы, разделять их на фермерские хозяйства. Как-то я задал вопрос журналисту из США — он приехал книгу писать о нашей стране, объездил многие колхозы и совхозы, — что будет, если мы колхозы распустим? Он говорит: «У вас будет катастрофа». Так что, согласитесь, крайности вещь весьма опасная.

Что же касается сомнений, не дадут ли крестьянам землю неухоженную, на которой и расти ничего не будет, то опасность такая существует. Но, если вы заметили, в указе президента СССР сказано: выделить земли, которые не используются, но там не сказано, чтобы выделялись плохие земли. У нас ведь много земель не используется в силу простой причины — некому их использовать, уехали люди. Есть у меня знакомый председатель колхоза, народный депутат СССР Спиридонов Михаил Васильевич. У него отличные показатели за прошлый год: пятьдесят три центнера урожая зерновых с гектара, пять тысяч с лишним килограммов молока надоено на корову, рентабельность хозяйства очень высокая — сто три процента. Как-то говорю ему: «Давай попробуем ферму крестьянскую построить». Взял он финский проект, построил ферму на двадцать пять коров. Выделил возле села хороший кусок земли плодородной, завел стадо первотелок. И в первый же год получил надой шесть тысяч двести килограммов на корову. На таких

вот примерах будем обучать людей новым формам хозяйствования. Переменить психологию декретом, постановлением невозможно, здесь нужны конкретные, живые примеры.

Вопрос еженедельника «Союз». Поскольку будет проводиться референдум по земле, то должны ответить: «да» или «нет», согласны ли они с продажей земли в частную собственность. Мне хотелось бы знать, какую позицию в данном случае займет КПСС, за что она будет ратовать?

Ответ. На одном из пленумов Центрального Комитета, который рассматривал вопрос о переходе к рыночной экономике, была принята резолюция, в которой записано, что КПСС против частной собственности на землю. Мы полностью поддерживаем союзный закон о передаче земли во владение, пользование, с правом передачи по наследству. Считаю, что эта формула на данном этапе абсолютно правильная. Если говорить о российском законе, то он тоже с юридической точки зрения дальше этой формулировки не ушел.

Что такое собственность, кроме права наследования? Она имеет еще такую категорию, как купля-продажа. Так этой нормы в российском законе на ближайшие десять лет не предполагается. По истечении указанного срока, если будет принято решение, то продавать можно только местному Совету. Словом, юридическая основа для частной собственности и в этом законе не обусловлена.

Вопрос Студинформа. Какая все-таки главная проблема обусловила нынешнюю неприглядную ситуацию в магазинах — недостатки в производстве сельскохозяйственной продукции, в ее распределении? Что, по-вашему, больше влияет на отсутствие товаров и с чем труднее будет бороться?

Ответ. Я бы ни то, ни другое главным не поставил, а поставил бы третье — инфляцию. Она сегодня достигла громадных размеров. В обращение запущена огромная масса денег, не обеспеченных товарами. Инфляция вызвала ажиотажный спрос. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и трудности в производстве и распределении сельхозпродукции. Недостатки, да еще при условии инфляции, вызвали нарушения и злоупотребления в распределительной системе. Не случай-

но был принят указ президента о рабочем контроле. Но поставить это в качестве главных причин я бы не решился. На первый план я все же выдвигаю инфляцию.

Вопрос газеты «Труд». Вы говорили здесь о безработице применительно к городу, а также о недостатке людей в деревне. Но известно, что в южных районах страны, как раз в аграрных, в сельской местности существует безработица. В связи с этим хотел бы спросить, повлияет ли проведение земельной реформы на расширение безработицы и появление незанятости в деревне, скажем, в Центральной России?

Ответ. Я думаю, что на наш с вами век в Центральной России работы хватит всем. Действительно, нужны огромные усилия, чтобы обжить российское Нечерноземье. И нам не надо бояться, если сюда будут переселяться люди. Надо радоваться, если это произойдет. Но я не думаю, что массы ринутся сейчас заселять эти земли. Надо думать, как вернуть коренных крестьян, которые знают эти места, создать для жизни надлежащие условия. Сегодня деторождаемость в селе ниже, чем в городе. Такого никогда не было, особенно в русских селах. А раз такое положение, значит, будущее будет трудное. Нам надо думать не просто о сельскохозяйственном производстве, а думать о человеке. Мы слишком долго через призму куска мяса смотрели на аграрный сектор нашей экономики. Настало время смотреть через душу, через сознание, через условия быта и жизни, через культуру советского крестьянина.

Вот такой диалог провел член Политбюро ЦК КПСС Егор Строев с журналистами. Не правда ли, его позиция предельно реальна, откровенна и жизненна? Увы, референдум о земле так и не состоялся. Как и многое другое. Но вины Егора Семеновича в этом нет. Дело в том, что крыша над ЦК давно уже протекала, и не видеть этого было нельзя. Секретари ЦК оказались заложниками странно изменившейся ситуации, и хотя они продолжали действовать, эти действия были скорее по инерции. Почему над ЦК стала протекать крыша — это тема новых страниц.

Глава 11

ГДЕ И КАК Я ПРОВОДИЛ ОТПУСКА

За шесть лет работы в ЦК КПСС я только однажды брал отпуск в летнее время. Обычно ехал на отдых в декабре — январе. Один, без семьи. Конечно, это трудно было назвать отпуском.

Последний раз путевку на прежней работе брал в январе 1991 года — отгуливал отпуск за 1990 год. Так вот, днем санаторий «Пушкино» под Москвой за двадцать четыре дня пребывания я видел лишь дважды. Первый раз, когда приехал, и второй — когда уезжал из санатория. Это, конечно, не означает, что все двадцать четыре часа я пробыл взаперти, не выходя на свежий воздух. Выходил. Но только после девяти вечера. И гулял до одиннадцати.

Гулял, а в мозгу по-прежнему крутились сюжетные линии, ходы, высказывания персонажей. Кто-то плавал в бассейне, ходил на лыжах, играл в шахматы, просто бесцельно слонялся по санаторной территории.

Каждую зиму я привозил из отпуска 200—250 страниц машинописи. Это — художественного текста. Плюс к тому десятки страниц публицистики, путевых заметок, размышлений, навеянных командировками. В поездках ведь приходилось встречаться с неординарными ситуациями и людьми, с уникальными документами, рыться в архивах и спецхранах.

Иногда публицистическое выступление в газете или журнале давало больший результат, чем служебный отчет о пребывании в командировке. Кто читал отчет? Руководство — два-три человека. Газеты читают миллионы.

Впрочем, судите сами.

...Сейчас об этом уже не шепотом — во весь голос говорят, не оглядываясь боязливо по сторонам. Чего бояться, если вот они, растиражированные в миллионах экземпляров письменные источники, откуда почерпнуты сведения, считавшиеся когда-то крамольными. Был, был генерал НКВД, был самолет, на котором специальный посланец Сталина доставил в осажденный Ленинград секретный пакет Кузнецову.

От всемогущего вождя всех времен и народов — скромному, мало кому известному работнику, который в то время был только вторым секретарем Ленинградского горкома? В это не верилось даже мне, шестнадцатилетнему подростку-подсобнику, далекому от политики и ее запутанных лабиринтов, возившему из переплетного цеха на склад тяжеленные фуры с упакованными тюками книг. Что же тогда говорить о всезнающих взрослых с безукоризненной военной выправкой — их в цехе много появилось после сокращения армии в начале шестидесятых годов. В основном это были старшины сверхсрочной службы, хотя попадались среди них и офицеры.

К станку не встал ни один. Правда, станков на полиграфкомбинате в прямом смысле слова не так уж и много: единственный ремонтно-механический цех на все предприятие. Но ведь были и печатный, и офсетный цехи, где требовались здоровые мужики. Военные словно сговорились: попрятались по кладовым, складам, бытовкам, прилипли к накладным и весовым. С наслаждением вспоминали прошлые времена: твердую руку Сталина, порядок и дисциплину, послушание подчиненных. С не меньшим наслаждением ругали Хрущева с его реформами, иронизировали над демократией и откручиванием гаек, пророчили провал всем новаторским начинаниям.

Какие из них были офицеры, не знаю, под их командованием я не служил, но уж очень тонко поддевал военных Яша. Фамилию его уже не помню, как-никак, прошло несколько десятилетий. Это был высокий и очень худой мужчина лет пятидесяти. Жил он в общежитии, семьи не имел. Трудился, как и я, рабочим-подсобником. У него было темное прошлое, поговаривали, что ему пришлось перенести не одну трагедию, даже смотреть на мир сквозь зарешеченные окна. Яша о себе никогда не рассказывал. Меня удивляло, что он совсем не пил. Наивный деревенский пацаненок, очутившийся в большом городе, я понятия не имел о пороке, еще более страшном, чем хронический алкоголизм. В начале шестидесятых о наркомании вслух не говорили, этого слова в нашем лексиконе не было.

То, что Яша употребляет наркотики, было для меня как гром среди ясного неба. Просветила Лариса

Сергеевна, мастер. Много раз Яша просил меня перенести латинские буквы названий каких-то дефицитных лекарств на чистый бланк рецепта с круглой печатью и фамилией врача. Я всегда выполнял его просьбы, потому что верил этому чудаковатому человеку, который относился ко мне внимательно и заботливо, потечески. Он говорил, что запас драгоценных лекарств в аптеке, откуда позвонила его знакомая, вот-вот исчерпается, надо быстрее бежать, а к врачу он уже не успеет. Спасибо Ларисе Сергеевне, раскрыла глаза. Все, больше не буду, твердо заверил я мастера, и слово свое сдержал. А Яша направился в другие цеха, где нашел таких же простоватых подростков. Одолеть латинское название лекарств самостоятельно было не в его силах.

Шибко грамотным Яша не был, это уж точно. А вот над отставниками он посмеивался, можно сказать, профессионально. Каким образом ему удавалось выведать биографические сведения об отторгнутых от привычной среды, недалеких, а то и вовсе примитивных людей, сказать трудно. Но бил прицельно, в самое уязвимое место.

— А кто это идет? Такой доступный, пешком и без охраны? — издевательски шурился Яша. — А, да это же сам старший лейтенант Гриценко. Подумать только, всего сорок пять лет — и уже старший лейтенант! Жаль, из четвертого класса исключили. Окончил бы семилетку — полковником стал!

На Яшу не таили зла и после серьезных выходов. Отставники относились к нему, как к второсортной личности. Неудачник и есть неудачник. Кто такой Яша? На шестом десятке лет — подсобник, ни профессии, ни семьи. Яша при каждом удобном случае приставал к военным, заводил их, провоцировал на споры. Меня удивляло, что при общей слабой грамотности этот человек знал много такого, о чем не прочтешь ни в одной книге.

В те времена комбинатские политики в основном специализировались на темах, которые прежде считались запрещенными и о которых вслух начали говорить только после XX съезда партии. Репрессии Сталина и его окружения не сходили с уст. Почти каждому было что рассказать. Вспоминали своих близких, знакомых, односельчан, которых темными ночами выво-

дили из домов, под рыдания жен и детей заталкивали в черные «воронки», и родные лица после этого навсегда исчезали. У всех на устах были подробности гибели Кирова, о них поведал в заключительном слове на XXI съезде Хрущев. Однажды от Кирова речь перекинулась к более близким временам, к началу пятидесятых, к так называемому «ленинградскому делу», вовлекшему в пучину жестоких репрессий множество городов и сел. По этому недоброй памяти делу к высшей мере наказания были приговорены Кузнецов, Вознесенский, Родионов, Попков, Капустин, Лазутин. Вот тогда Яша и произнес слова, от которых дохнуло тайной:

— Такого человека загубили! Представляете? Сорок первый год, Ленинград в блокаде, всеми командует Жданов. И вдруг специальный самолет из Москвы. Генерал НКВД от самого Сталина. Срочный пакет Кузнецову. В пакете несколько строк: не подведи, Алеша, на тебя вся надежда, город ни в коем случае не сдавать. И подпись — Сталин. Такого человека загубили, сволочи...

На реплику одного из военных, что Кузнецов был не единственным, кто разделил трагическую участь видных партийных и государственных деятелей, расстрелянных по приказу Сталина, Яша укоризненно покачал головой:

— В том и загадка, и парадокс, что Сталин хорошо относился к Кузнецову. Он даже намечал его в свои преемники — на должность генсека. Не улыбайся, это точные данные. Окружение Сталина не могло простить Кузнецову такого стремительного возвышения. Зависть, жажда личной власти сделали свое черное дело. О, Алексей Александрович был исключительным человеком...

— Откуда ты все знаешь? — подозрительно спросил его отставник, строго вонзив взгляд своих оловянных глаз в лицо Яши. — Ты с этими сведениями не шути, они представляют государственный интерес. Как бы не очутиться в местах, не столь отдаленных.

— Нашел, чем пугать, — оскалился в усмешке Яша, показав вставные металлические зубы. — Испугал козла капустой. Двойной срок за одно и то же ныне не дают. А за то, что слишком много знал, свое получил. Сполна.

Назавтра, помогая подставить непослушную тележку под осевшую от книг фуру, напомнил о вчерашнем разговоре:

— Не бойсь ни Бога, ни черта, ни человека. Бойсь больших тайн. Опасны они для здоровья, — хохотнул он, лязгнув вставными зубами. Почувствовав реакцию на неприятную привычку, виновато произнес: — Остались мои зубки на Магадане. Цинга, дружок, дама беспощадная.

В 1962 году я поступил в университет, с полиграфкомбината уволился, и с Яшей больше никогда не встречался. Так и не знаю, кем же он был на самом деле. По некоторым деталям можно предположить, что он имел какое-то отношение к личности А. А. Кузнецова. Скорее всего, его можно отнести к числу обслуживающего персонала — скажем, он мог быть работником гаража или загородного хозяйства. Из разговора вытекало, что он жил в Ленинграде и в Москве. Многого я тогда не понимал — немало интересного, что могло бы пролить свет на события, без следа проскользнуло мимо ушей.

Напрягая сегодня память, вынужден признать с запоздалым сожалением: прояви я в те годы больше любознательности, польза была бы очевидной. Кабы старость могла, а молодость умела! Сегодня остается только вздыхать да упрекать себя. Ничего не заносил в блокнот, не вел дневник — непреодолимая потребность в этом возникнет позже.

Жаль, конечно, да ничего не сделаешь. Пусть же ошибки нашей юности станут уроком для других. Ни дня без строчки! Записывать все, что увидел и услышал, что взбудоражило и удивило, встревожило и запало в душу. И непременно по горячим следам событий, пока увиденное и услышанное еще живет, беспокоит сердце и мысли. Рассказывал же Яша о Кузнецове, что он обжег свои крылья о кремлевский огонь?

Но так уж устроен человек, что однажды пережитое еще раз пережить ему не дано. Разве мог я представить тогда, в начале шестидесятых, что пройдет четверть века и судьба сведет меня с интеллигентным мягким человеком зрелого возраста, и человек этот — Валерий Алексеевич Кузнецов — сын того самого Алексея Але-

ксандровича Кузнецова, секретаря ЦК ВКП(б) и члена Политбюро, в бытность которого вторым секретарем Ленинградского горкома, по рассказам Яши, к нему специальным рейсом прилетал генерал НКВД, личный посланец Сталина. Мы не просто знакомы с Валерием Алексеевичем, свыше года мне пришлось работать в ЦК КПСС под его непосредственным руководством, встречаться по служебным и личным делам по несколько раз в день. Кузнецов-младший очень похож на своего отца — внешнее подобие просто невероятное. В этом я убедился, увидев фотографию Кузнецова-старшего в реабилитационном деле.

Ни портретов, ни очерков об Алексее Александровиче не печатали, хотя официально он был реабилитирован вместе с другими партийными и государственными деятелями, проходившими по «ленинградскому делу» в апреле 1954 года. Шестого мая того же года в Ленинград приехали Н. С. Хрущев и тогдашний новый Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, рассказавшие активу Ленинградской партийной организации правду о сфабрикованном на ее бывших руководителей деле. Краткие сведения о «ленинградском деле» и его организаторах содержатся в материалах XXII съезда партии, в частности, в выступлениях его делегатов И. В. Спиридонова и Н. М. Шверника, занимавших в то время соответственно должности первого секретаря Ленинградского обкома КПСС и председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

И. В. Спиридонов говорил:

— К так называемому «ленинградскому делу» от начала до конца, кроме авантюриста Берии, приложил руку Маленков. На совести Маленкова гибель ни в чем не повинных людей и многочисленные репрессии. На его совести унижение чести и компрометация Ленинградской партийной организации...

Аналогичная мысль звучала и в выступлении Н. М. Шверника:

— Маленков несет очень серьезную ответственность за грубейшие нарушения устава партии и революционной законности, допущенные по отношению к Ленинградской партийной организации в 1949—1952 годах.

Вот, пожалуй, и все сведения о «ленинградском

деле», опубликованные в массовой печати. Были, безусловно, и другие, но они имели общий характер, обкатанные формулировки не содержали никаких подробностей.

Сколько я ждал удобного случая, чтобы рассказать Валерию Алексеевичу о загадочных словах Яши. Но в самый, на мой взгляд, подходящий момент решительность оставляла меня: а вдруг неожиданно поставленный вопрос причинит боль? И я молча проглатывал подготовленные вопросы, утешая себя тем, что в следующий раз непременно заведу разговор на эту тему. Наступал очередной момент, и снова все откладывалось на завтра.

А назавтра в воздухе запахло командировкой. Куда бы вы думали? В Ленинград!

Вокзал в Москве, от которого поезд отходит в Ленинград, называется Ленинградским. В Ленинграде, куда прибывает — Московским. Рационально, по-деловому. Знаменитая «Красная стрела», о которой не одну песню успели сочинить, трогается с Ленинградского вокзала за две минуты до двенадцати ночи — голубая мечта замордованных командированных.

За тонкой вагонной стенкой ночь. Морозная, лютая. Русская земля стынет под сугробами. Не спят люди в ячейках-купе, спорят, задают друг другу непростые вопросы, на многие из которых не так просто дать ответ. Кому была выгодна смерть Кирова, кто в ней был заинтересован? Почему до сих пор не выяснены обстоятельства выстрела в Смольном в декабре тридцать четвертого года? Какое место должен занять в истории Жданов, приехавший в Ленинград вместе со Сталиным на следующий день после гибели Кирова и занявший опустевший кабинет первого секретаря обкома и горкома? Как относились ленинградцы к личности того, кто заменил их любимца?

Трудно, невероятно трудно выламывать себя из среды закостеневших догм! Попробуйте выковырять ракушку из мертвых объятий камня. В сознании миллионов людей окаменели стереотипные представления о Жданове как о достойном преемнике Кирова, которого и ленинградцы, и бойцы Красной Армии любили так же горячо, как и его предшественника.

Я знал, что одной из величайших трагедий блокад-

ников было полное уничтожение громадных Бадаевских складов. В первый же налет вражеских бомбардировщиков на город от складов, где хранились запасы продовольствия, остались руины да пепел. Владимир Лаврентьевич Павлюкевич, управляющий делами ЦК Компартии Белоруссии, рассказывал мне, как четырнадцатилетним учащимся ленинградского ремесленного училища он вместе с друзьями-односельчанами Федей Самусевичем и Алешей Ясюченой до первого снега собирал в жестяной котелок сладкую землю — пропитанную патокой грязь. Образы обессилевших, голодных ленинградцев, которые, словно привидения, блуждали среди пепелищ Бадаевских складов, помнились по блокадным дневникам многих авторов. Честное слово, никогда не приходила в голову простая мысль: а почему продукты держали в одном месте?

Как же мало знаем мы о героической и трагической блокаде! Ну кому известно, что уже в начале июля сорок первого года в Ленинграде побывала группа лондонских пожарных. Цель их приезда — поделиться опытом по спасению городов во время бомбежек. Как известно, к тому времени Лондону досталось больше всех от налетов немецкой авиации. Делегация рассказала: продукты питания у них развезены по маленьким лавчонкам, где торговые работники отпускают по карточкам. Сосредотачивать весь запас опасно даже в двух-трех местах, ибо нет ничего тайного, что не стало бы явным. А тем более в одном месте. Специалисты доложили мнение лондонских гостей, но Жданов не принял их во внимание. Говорят, он бросил при этом оскорбительную для ленинградцев фразу:

— Еще разворуют...

Забыться в коротком сне удалось лишь под утро. Первым зашевелился, закричал дедок, бормоча что-то себе под нос. Попытался слезть с верхней полки, неосторожно зацепился за чемодан, он полетел вниз, и все проснулись от грохота. Дедушка суетливо высунулся в коридор, заметив, что очереди в туалет нет, схватил полотенце, зубную щетку с пастой, бритвенный прибор и шмыгнул из купе. На какое-то время мы остались вдвоем со вторым попутчиком.

— Кажется, вы белорус? — как бы между прочим спросил он.

Я утвердительно кивнул головой. Сосед улыбнулся. Он, мол, так и полагал. По произношению догадался. А не хочет ли представитель братского белорусского народа узнать об одном забавном случае, который прозошел с Янкой Купалой? Я ответил, что не против. И он рассказал, что впервые на русском языке Янку Купалу напечатали в одном из дореволюционных календарей для всех. Издатели хотели сделать доброе дело, они представили стихи молодого белорусского поэта, а рядом поместили портрет другого белорусского поэта. Вот жаль, фамилию забыл. Как же его, ну, мужичий адвокат, повстанец 1863 года.

— Франтишек Богушевич? — подсказал я.

— Он самый, — обрадовался сосед.

Узнав о моей профессии, пожелал успеха, а на перроне, похлопав по плечу, шутливо пожелал не оказаться в положении моего знаменитого земляка, которого перепутали в северной столице. Ну, это он зря, на вокзале меня встречали. Из обкома партии. Вокзальная суэта развела нас в разные стороны и уже больше не сводила.

Начались командировочные будни, заполненные десятками встреч, знакомств с новыми людьми. Возвращался в гостиницу усталый. Но давнишней привычке не изменял, стремился ежедневно делать хотя бы краткие записи в блокноте.

Что такое история: события или люди? Судя по тому, как ее преподавали у нас, это скорее даты и цифры. В университете, да и в московской высшей партийной школе меня не покидало ощущение, будто еду в трамвае — все по одному и тому же маршруту, проложенному казенной учебной программой и скучным до отвращения учебником, этими двумя рельсами учебного процесса. Хотелось видеть исторические личности открытыми со всех сторон, видеть их поиски, ошибки, колебания, находки, потери. Нам же предлагались даты и бесконечное множество цифр — тонны рекордов Стаханова, проценты выработки Сметанина, Гудова, других замечательных людей нашей страны.

О дореволюционной истории и говорить не придется, из учебников, даже предназначенных для университетов, вытекало, что она в течение многих веков

была... безлюдной. Казенные строки о Пугачеве, Разине, Болотникове. Не повезло многим выдающимся личностям — Державину, Потемкину, Ломоносову, Суворову, Кутузову, Румянцеву. Я уже не говорю о прочих государственных деятелях, ученых, путешественниках.

А писатели? Где живые люди, характеры, личности? Или нам не следует знать в художнике еще и человека с его достоинствами и слабостями? Где, какой учитель говорил о вечной молодости Пушкина, склонности к карточной игре Достоевского, о человеческой драме Некрасова, старческой мудрости Гончарова? Помню, как уклонялась от прямого ответа моя учительница белорусской литературы на вопрос об обстоятельствах смерти Янки Купалы, как гневно схватила классный журнал и помчалась к директору школы, куда меня сразу же вызвали и учинили строжайший допрос. А я всего лишь спросил — правда ли, что народный песнярь Белоруссии в тридцатые годы пытался покончить жизнь самоубийством.

В преподавании литературы и сегодня на первом плане основной конфликт времени, трагедия поколения, пороки общества — традиционный набор общественных и социальных проблем. А нравственные? Они рассматриваются лишь в том случае, если герой является носителем общественного порока или конфликта, важного с точки зрения учебной программы. И это в университетских курсах...

Нельзя не согласиться с афоризмом: мы такие, какое наше отношение к родной истории. Не к событиям и цифрам, а именно к существовавшим в истории людям. Знаем ли мы их, помним ли, ставим ли себе в пример? Видно, неспроста сейчас, когда мы мучительно думаем о том, что же происходит с нашей интеллигентностью, культурой, уровнем знаний, мы все более остро оглядываемся назад. Не для кого-то, а для нас с вами зажжены там и светят многие века маяки мысли. А это уже немало — знать, что в Отечестве нашем были великие люди, и помнить о них. Иначе какие же мы потомки?

До чего же живуче кредо серых: хорошо прожить — незаметно прожить! Все мое существо противится этой формуле, которой столетиями оправдывали и сегодня

оправдывают бесцельное существование никчемные обыватели, эти маленькие исправные фабрики по переработке бифштексов на навоз. Предстань же предо мною еще раз горячий и возвышенный Александр Бестужев, штабс-капитан и писатель-романтик, и пускай в минуту сомнений и слабости смело и решительно прозвонит твой голос из того незабываемого морозного петербургского декабря:

— Переходим Рубикон! Рубить все! Во всяком случае, о нас будет страница в истории!

Каждый раз, бывая в Ленинграде, я прихожу на площадь Декабристов. Дважды бывал здесь летом — город, безусловно, прекрасен в эту пору года. И вот впервые в жизни в конце ноября. Падает снег. Слабые лучи прожекторов подсветки теряются в густой темноте, с трудом узнаю внушительные колонны Исаакиевского собора, шпиль Адмиралтейства, очертания здания Сената. Показалось мне, или в самом деле слышится барабанный бой? Нет, это не ошибка, ветер донес выразительные звуки «Похода».

Бьет и бьет барабан, будто все происходит морозным декабрьским утром 1825 года. Наверно, таким же был иней на деревьях, так же надоедливо каркали вороны и прыгали под ногами шустрые воробьи.

Вот здесь, у памятника Петру Великому, офицеры строили в каре гвардейский Московский полк, вышедший на Сенатскую площадь под развернутым знаменем. Точил свою саблю о гранит «Гром-камня» Александр Бестужев, подбадривая братьев Николая и Михаила; переговаривались Рылеев, Каховский, Кюхельбекер; нервно похаживал вдоль каре корнет Александр Одоевский, время от времени повторяя:

— Умрем! Ах, как славно мы умрем!

Они были молоды и не боялись смерти, верили в свое бессмертие. Не буду рассказывать о дальнейших событиях первого в России открытого выступления с оружием в руках против самодержавия — они широко известны. Кому из образованных современников не видятся лица из фаланги героев — людей, без подвига которых невозможно представить историю России, историю нашего Отечества? И все же, глядя, как исчезают за снежной пеленой знакомые по школьным учебникам облики первых русских революционеров, еще раз перебираю в памяти известные даты, факты, име-

на — и понимаю с предельной отчетливостью, что ничего о них не знаю.

Величественные и неприступные, романтические символы прошлого, смотрят они на меня из своего трагического и прекрасного времени. Кто может рассказать чужую жизнь, чужую судьбу во всех их сложностях и простоте? Они сами, своими воспоминаниями, дневниками, письмами.

Возвратившись в Москву, прочел немало из того, что написано самими декабристами. Это довольно большая библиотека, и значительную ее часть я одолел. Дворцы в северной столице, принадлежавшие им, богатейшим людям России. Или музеи — дом Нарышкиных в Кургане, дома Матвея Муравьева-Апостола и Ивана Якушкина в Ялutorьевске, дом Фонвизиных в Тобольске, церковь декабристов в Чите, Петровский Завод. Я посетил эти места, связанные с жизнью, по словам Ленина, «лучших людей из дворян» на каторге, в ссылке и на поселении. Должен засвидетельствовать: незыблемая фаланга героев продолжает жить в сознании народа молодой и сильной, люди поныне приходят на их могилы, в музеи, им посвященные, в дворцы и хижины, где они жили, чтобы поклониться их мужеству, их стремлению жертвовать всем.

Вот написал последние слова, и вспомнились события начала шестидесятых годов нашего столетия. Минский полиграфкомбинат, мне шестнадцать лет, мы внимательно слушаем лектора. Тема его выступления — подвиг декабристов. Отмечалась 135-я годовщина событий на Сенатской площади. Лектор, очевидно, чтобы расположить к себе рабочую аудиторию, подчеркнул такую деталь. Мол, хотя декабристы-дворяне были замечательными людьми, настоящими рыцарями без страха и упрека, но в Сибири им, бесспорно, жилось лучше, чем ссылным пролетариям. Вон Волконская даже фортепиано в иркутскую тайгу привезла. Волконский, Лунин, дескать, были наследниками несметных богатств, так что и в ссылке в их карманах не одни медяки звенели. Тон лектора моим товарищам не понравился. Яша (тот самый, помните?) бросил реплику: «Пролетариям терять было нечего, а вот князьям было, но они пошли на площадь, пошли по своей воле, хотя могли не идти».

В самом деле, вышли — молодые, талантливые, несмотря на то что всех, безусловно, ждала блестящая карьера на службе. Завтрашние министры, генералы, дипломаты, другие значительные государственные деятели отдали предпочтение каторге, ссылке, солдатчине. Чем больше я изучал — нет, не подвиг одного дня, а предыдущую жизнь, которая тесно связана с моими родными местами, — тем сильнее убеждался, что дружить и спорить можно не только со своими современниками, а и с теми, кто жил сто шестьдесят лет назад. Постепенно блестящая когорта молодых героев, которая застыла в незыблемости раз и навсегда данных хрестоматийных характеристик, представала в виде живых, реальных людей с их страданиями и радостями, твердостью духа и слабостями.

Нет, это не посягательство на святые образы, не попытка развенчания героев. Сто двадцать два человека было осуждено Верховным уголовным судом, свыше четырехсот пятидесяти отдано в солдаты. Пятерых царь послал на виселицу. Все печатные источники, вышедшие в советское время, единодушны в оценке поведения приговоренных к смерти — они восприняли приговор мужественно. В этом убеждает и царская запись в дневнике: «как злодеи». Выходит, не просили милости, а говорили крамольные слова о России и народе, самовластии.

И вдруг такая вот деталь: самый младший из приговоренных к эшафоту, рыженький, весь в веснушках, подпрапорщик Мишенька Бестужев-Рюмин разрыдался. Я отчетливо увидел его, двадцатилетнего мальчишку, воспитанного заботливой мамой, припавшего в отчаянии к плечу Сергея Муравьева, услышал звон кандалов на его ногах, в глаза бросилось, как дрожит маленькое тщедушное тело. Мое сердце защемило от любви и сочувствия к юноше.

Он ведь почти ребенок, и никогда больше не увидит ни росистой травы в поле, ни восхода солнца, не услышит песни жаворонка, тихого журчания родниковой воды. Все кончено, впереди сырая земля могилы. Почему, ну почему нигде нет этой подробности? Кто-то счел, что она может лишить декабристов ореола твердости и непреклонности? Наоборот, еще больше добрых чувств вызовет. Чужая боль и отчаяние откликаются в людях острым сочувствием.

Не все, подобно Лунину, высказывали презрение или неуважение к следственной комиссии. Многие держались не так твердо, запутывали друг друга, многие униженно просили о прощении. Завалишин, например, все валил на Рылеева. Е. П. Оболенский и С. П. Трубецкой наговорили на Грибоедова, к счастью, Николай I им не поверил. Что-что, а делать из героев иконы мы мастера. Не жалеем красок, чтобы подчеркнуть их исключительность. Закованные в доспехи высоких слов, они предстают недостижимыми сверхличностями. Ничего не остается, что характеризовало бы их как людей, интересует подвиг, и только он. Но ведь время подвига коротко, нередко это лишь мгновение, куда важнее подготовка к подвигу.

В Иркутске и Чите, Кургане и Нерчинске я рассказывал о декабристской Белоруссии. На формирование свободолюбивых мыслей блестящих столичных офицеров, на решение свергнуть царя немалое влияние оказали наблюдения, вынесенные ими во время маневров гвардии, проходивших на белорусской земле в 1821 году, а после и зимовки в белорусских городах и селах.

Аристократы, сыновья богатейших людей России, многие из них впервые столкнулись со страшным положением крестьян. Унылый вид имели белорусские деревни и села, местечки и города. Крестьяне выглядели рабами в полном смысле этого слова.

Что меня особенно поразило, так это отсутствие музеев декабристов в Ленинграде. Нет их и в Москве. А вот за Уралом, за Великим Каменным Поясом, их несколько. Подумалось: а почему нет в Белоруссии? Минск, Витебск, Полоцк, Бешенковичи, Бельмонты, Бобруйск, Могилев, Гродно — разве перечислишь все места, так или иначе связанные с жизнью десятков членов тайных обществ.

С полным правом можно сказать: в Белоруссии начиналось движение декабристов. Совсем не исследованная тема, белое пятно в истории — будущие декабристы и пробуждение общественно-политической мысли в этом крае. Сибирские музеи — это не только сокровищницы экспонатов и рукописей апостолов свободы, это центры культурной жизни, научных поисков. В Иркутске музей расположен в доме, где когда-то жил

Трубецкой. Там я услышал поразившую меня мысль, почему Сибирь, и в частности Иркутск, имеет такую заметную литературу. Отмечалось влияние могучей природы, могучих рек, Байкала. Но на первое место выдвигались декабристы. И я подумал: а разве нельзя то же сказать и о Белоруссии?

В «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина читаем следующие строки: «Здесь увидел я... Михаила Пушина, раненного в прошлом году. Его любят и уважают как славного товарища и храброго солдата». «Храброго солдата» — сказано не в переносном, а в прямом смысле. Подождите, почему солдата? Пушкин описывает события 1829 года, а Михаил Пушин уже в 1825 году был капитаном лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона. Сенаторский сын, баловень судьбы... За то, что «знал о подготовке к мятежу, но не донес», его приговорили к лишению свободы и дворянства и отдали в солдаты. Так сенаторский сын и лейб-гвардии капитан очутился на Кавказе, где шли тяжелые бои. Он выслужился до чина поручика и уже в 1829 году писал брату Ивану, страдавшему за тысячи верст от Кисловодска в Читинском остроге: «Время здесь провожу довольно приятно — лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикой в руке следил турок перед Арзерумом, после взятия его вернулся оттуда и приехал ко мне на воды... Понятно, часто о тебе вспоминаем — он любит тебя по-старому и надеется, что и ты сохраняешь к нему прежние чувства».

В 1836 году Михаил Пушин подал в отставку и поселился в Паричах под Бобруйском. Отец братьев-декабристов, сенатор Иван Петрович Пушин, был владельцем здешнего, когда-то богатого имения. Отставной поручик, друг Пушкина, с которым на Кавказе было все — и карты, и разговоры до полуночи, и ящики рейнвейна, — продолжительное время жил в Паричах. Здесь он перенес смерть жены, женился во второй раз. Через тридцать два года новый царь Александр II возвратил ему прежний чин капитана лейб-гвардии его величества. По воспоминаниям современников, мысль написать о встречах с Пушкиным на Кавказе Пушину подсказал Лев Толстой.

Под старость, получив от нового царя не только прощение, но и генеральские эполеты, он напишет свои

«Записки». Это толстенная книжища, я тщательно выписывал из нее то, что касалось Белоруссии. Набралось немало текста. Не хочу утомлять читателя цитированием, но вот об одном эпизоде все же расскажу.

Действие происходит после маневров гвардии, ее смотра возле Бешенкович императором Александром I и последующего приказа о зимовке в Белоруссии. Конно-пионерный эскадрон Михаила Пущина получает распоряжение расположиться на зимних квартирах в Койданово. Это в сорока верстах от Минска.

«Дороган (квартирмейстер. — Н. З.) занял для нас квартиру в расположении моего взвода в семи верстах от Койданово, в Новоселках, у помещика Костровицкого, которого титуловали господин подкамарник, — с легкой грустью вспоминал стареющий генерал, — в доме его мы довольно приятно проводили время, до того приятно, что я окончательно влюбился в дочь его Эмилию, шестнадцатилетнюю девушку, хорошую музыкантшу. Дело у нас настраивалось, и я уже написал в Петербург, просил у отца разрешения жениться, выйти в отставку и жить в Паричах помещиком. Ответа не последовало никакого; наконец сестра Анна Ивановна написала, чтобы я взял отпуск, тогда можно будет обо сем переговорить. Я, полный надежд и любви, отправился в Петербург и вместо месяца под разными предлогами пробыл более трех месяцев в нем, получая каждый раз отсрочки от великого князя... Вспомнил только обещанную Эмилиии музыку новой оперы «Красная шапочка», которую я привез ей в подарок. В Петербурге получал я письма от Костровицкого...»

По всему видно, и на склоне жизни не забыл Михаил Пущин своего первого чувства к шестнадцатилетней девушке, которую встретил в белорусской деревеньке Новоселки под Минском. Я невольно подумал: кабы знал Пущин, с какой семьей он хотел породниться. Костровицкий — из того самого рода, который дал в будущем двух поэтов: французского — Гийома Аполлинера и белорусского — Каруся Коганца!

Петербург-Ленинград и Белоруссия. В мыслях мне представлялось иллюстрированное издание, где популярно рассказывалось бы о белорусских страницах

истории северной столицы. Нет такой книжки и пока не предвидится. Жаль.

Если хорошенько захотеть, можно разыскать в Петербурге квартиру, в которой в свое время жил Кастусь Калиновский. Четыре года, с 1856 по 1860, учился он в Петербургском университете. Главное учебное заведение тогдашней России собирало в своих аудиториях студентов со всей огромной империи. Две неожиданности поджидали меня в ЛГУ. Во время встречи со студентами факультета журналистики третьекурсница, узнав, что гость из Белоруссии, спросила, выходили ли в республике какие-либо исследования о Калиновском как публицисте, основателе белорусской национальной прессы. У девушки через два года защита дипломной, она решила взять тему «Печать — зеркало освободительного движения в России». Так вот, газета «Мужицкая правда», которую выпускал Калиновский, — отражение главной движущей силы общественного подъема второй половины XIX века — мужиков, крестьян. Название этой газеты не забудется, оно станет производным на других этапах борьбы и даже отразит их поступательное движение. Недаром большевистские газеты получают названия «Рабочая правда», «Солдатская правда» — на историческую арену выйдут новые движущие силы революции и их союзники.

Я напряг память. Нет, кажется, ничего похожего у нас не выходило. А в годы моего студенчества такие темы среди дипломных работ вообще не фигурировали.

В тридцатые годы имя Кастуся Калиновского вообще было под запретом. В шестидесятые, когда началась непродолжительная оттепель, белорусский писатель Владимир Короткевич засел за эпические «Колосья под серпом твоим». Сколько ему пришлось повоевать с цензурой в застойные времена. Бдительным главлитовцам всюду мерещились националистические рецидивы.

И второй пассаж. Студент, работавший над историческим романом о крестьянском восстании 1863 года, случайно наткнулся в трудах Костомарова на имя Виктора Калиновского. Известный русский ученый давал высокую оценку однофамильцу или родственнику руководителя восстания в Белоруссии. Не знает ли

случаем гость, кто такой Виктор Калиновский? Судя по откликам Костомарова, Виктор жил в Петербурге, он был археографом, и довольно известным, всю жизнь посвятил древним рукописям. Я ответил, что это родной брат Кастуся, и весьма талантливый, но, к сожалению, он умер в тридцать лет от туберкулеза.

Сколько тайн могли бы открыть любопытному исследователю белые петербургские ночи! Я постоял у входа в публичную библиотеку. Сюда каждое утро упорно и настойчиво приходил Кастусь, иногда его сопровождал Виктор, особенно когда чувствовал у брата симптомы надвигающейся нервной болезни — падучей, которая заставляла Кастуся корчиться на полу. Виктор был не только ученым, он имел репутацию общественного и революционного деятеля, опытного конспиратора. Именно старший брат оказал решающее влияние на выбор жизненного пути Кастуся. И началось все с безобидного занятия, с изучения исторических документов, первоисточников, проливавших свет на подлинную историю его народа.

Можно лишь догадываться, о чем думал Кастусь Калиновский, покидая залы этой библиотеки. Он еще не был ни Яськой-хозяином, ни крупнейшим революционным деятелем. Но в нем уже зрело, набирало силу, бурлило, искало выхода молодое предчувствие своей бунтарской судьбы, которое сделает двадцатипятилетнего революционера руководителем вооруженного восстания в Белоруссии.

Далеко было и до того времени, когда молодой Янка Купала в лесной деревушке на Логойщине остро присматривался к романтической личности Зигмунта Чеховича, сподвижника Кастуся Калиновского. Чехович только что вернулся из Сибири, где отбывал срок за участие в восстании 1863 года. Янка Купала не сводил глаз с каторжника, слушал его рассказы о неумном Хомутиусе. Цепкая память поэта жадно впитывала важные для понимания характера повстанца штрихи и детали.

Четыре года, с 1909 по 1913, прожил в Петербурге и Янка Купала. Из биографических сведений известно, что поэт квартировал в доме на 4-й линии Васильевского острова. Мои попытки найти приют поэта успехом не увенчались. Не помогли и коллеги-журна-

листы. Место проживания Купалы в северной столице не отмечено памятным знаком.

Купала жил в квартире профессора Б.И.Эпимах-Шипилло. Это была колоритнейшая личность, его знал весь образованный Петербург, никто не мог пройти мимо седенького, толстенького, кругленького, с выпуклыми пивными глазами на розовом лице (так его описывает Павлина Меделка) человека, сидевшего за столиком у входа в университетскую библиотеку и выписывавшего именные карточки на право получения книг.

Кроме должности помощника директора библиотеки Бронислав Игнатьевич преподавал греческий язык в Римско-католической духовной академии, латынь на общеобразовательных курсах Черняева, куда он в конце концов устроил приехавшего земляка, а также греческий язык в нескольких гимназиях столицы. Напрасно я обращался к знатокам достопримечательностей Ленинграда — фамилия Эпимах-Шипилло ничего им не говорила. «Но ведь он знал двадцать языков!» — горячился я, приводя еще один довод в пользу бесспорной, на мой взгляд, популярности профессора.

После гибели Кирова, разъясняли мне, вся старая интеллигенция была выселена из города. Может, кто и знал вашего профессора, но сегодня концов не найти. Исчез на Колыме вместе с теми, кто получал у него образование. Их всех объявили вражескими элементами.

Во время массовых репрессий Бронислава Игнатьевича арестовали. Несмотря на то, что в Минск из Ленинграда он приехал по приглашению Янки Купалы, который ходатайствовал перед правительством республики о предоставлении своему опекуну работы в Академии наук Белорусской ССР в соответствии с его профессорскими способностями и знаниями.

Янка Купала многим был обязан Эпимах-Шипилло, в том числе и своим всемирно известным поэтическим именем. Поэт шутливо называл Бронислава Игнатьевича крестным отцом, тот, не оставаясь в долгу, обращался к нему не иначе как «перекрест». Факт малоизвестный, но точно установлено: в 1909 году, выпуская поэтический сборник, ту самую «Жалейку», получившую высокую оценку М. Горького (кстати,

Горький за всю свою жизнь лишь дважды переводил поэтов — один из них был финн, второй белорус), Бронислав Игнатьевич вместо «Жалейка Янука Купалы» написал «Жалейка Янки Купалы». Янками в то время называли в Белоруссии женщин. Настоящий поэт, Купала не то что обиделся, наоборот, воспринял ошибку с радостью, потому что сразу уловил разницу между Януком и Янкой.

Жизнь и творческий путь Эпимах-Шипилло, к сожалению, пока мало изучены. Беспочвенные обвинения и арест надолго исключили его имя из числа деятелей нашей культуры, которые оставили после себя заметный след. Бронислав Игнатьевич приютил в Петербурге и всячески помогал не только Янке.

Его просторную шестикомнатную квартиру на 4-й линии Васильевского острова, хлебосольный стол хозяйки, фамилия которой сохранилась — Песецкая, знали все, кого привлекали чувство землячества, идея культурного возрождения Белоруссии, просвещение народа. Эпимах-Шипилло был организатором и руководителем издательского товарищества «Заглянет солнце и в наше оконце» — того самого, в котором вышли три дооктябрьских сборника Купалы. В гостеприимной профессорской квартире, где к Янке относились как к сыну — выделили отдельную комнату, обеспечили на правах члена семьи полным питанием, вносили плату за обучение на Черняевских курсах, давали деньги на кино, театр, извозчика, конку, пароходы и другие карманные расходы, — по субботам собиралась вся творческая молодежь из Белоруссии, жившая тогда в Петербурге.

Думается, каждому белорусу, приезжающему в город на Неве, кстати был бы иллюстрированный справочник с обозначенным в нем домом, в котором в начале века встречались люди, чьи имена сияют на небосклоне родной культуры яркими звездами. Я блуждал по Василеостровским улицам поздним вечером. В свете неоновых лампочек старые здания имели другой, более таинственный и привлекательный, чем днем, вид. Как раз сюда, в этот подъезд, торопился кожевник и поэт из Копыля Змитрок Жилунович — Тишка Гартный, не исключено, что вслед за ним на чашку душистого чая мчался всегда голодный студент ис-

торико-филологического факультета Петербургского университета Бронислав Тарашкевич, а в квартире Эпимах-Шипилло их уже ждали собиратель белорусских народных песен Антон Гриневич, композитор с Виленщины Станислав Казура, романтик и мечтатель Евгений Хлебцевич.

Бронислав Игнатьевич сидел рядом с Яремичем, доктором по профессии и меценатом белорусской печати по призванию. Тоже колоритнейшая фигура. Купала недаром сделал ему такое посвящение на третьем, наиболее значительном сборнике стихов «Дорогой жизни»: «Искренне уважаемому доктору А. П. Яремичу эту книжку посвящаю. Автор». За этими строками стоит немаловажный факт: А. П. Яремичу были предоставлены на выбор две рукописи: купаловская и есенинская «Радуница». Предпочтение меценат отдал первой.

Сейчас они сидят рядом, Эпимах-Шипилло и Яремич, с любовью глядя на молодежь, радостно прислушиваются к горячим спорам, согревающим и их сердца. Входят молодые побегии литературы, искусства, культуры народа, проснувшегося от многовекового сна. Зашумел, окреп молодой подлесок, пустил крепкие корни. Правда, пока еще не на своей, не на родной почве. Что делать, не имела тогдашняя Белоруссия ни университетов, ни театров, ни национальной оперы. Потому и стремилась передовая молодежь в Петербург, потому и приобрело здесь известность белорусское литературно-общественное движение.

В начале XX века в северной столице России и ее окрестностях проживало свыше трех с половиной тысяч человек, считавших родным языком белорусский. Многие из них составили новую белорусскую интеллигенцию, возникновение и организованная деятельность которой свидетельствовали о переходе нации к высшей степени развития.

Об Эпимах-Шипилло кое-что известно. Родился он в Витебской области в семье мелкого шляхтича, который после своей смерти оставил детей почти без средств к существованию. Каких усилий стоило окончить Рижскую русскую гимназию, да еще с золотой медалью, а после историко-филологический факультет Петербургского университета, знал лишь он один да

мать. Благодаря неутомимому труду ему удалось оставить заметный след в истории дооктябрьского белорусского литературно-общественного движения.

В Петербурге жили также Франтишек Богушевич, Адам Гуринович, Юрий Ивановский, члены кружка белорусов-народовольцев «Гомон» из Мстиславля и Шклова, владелец частного белорусского издательства коллежский секретарь Антон Гриневиц, который все свои средства отдавал на выпуск книг и белорусских народных песен. Обнаружить какие-либо свидетельства их деятельности в Петербурге сегодня мне не удалось.

Молчат старые улицы, грустно смотрят на пешеходов пустые окна коммуналок, сквозь них, шелестя крыльями, в помещение свободно влетают голуби. Кому какое дело, что когда-то здесь бушевали страсти, звучали возбужденные голоса, сочинялись стихи и вынашивались смелые планы. Все проходит...

Все? Нет, не все. Написанное остается.

«Председателю ЦИК СССР и БССР т. Червякову.

Товарищ председатель! Еще раз, перед смертью, заявляю, что я ни в какой контрреволюционной организации не был и не собирался быть.

Никогда не был контрреволюционером и к контрреволюции не стремился. Был только поэтом, думал о счастье Белоруссии. Я умираю за Советскую Белоруссию, а не за какую-либо иную.

Стихотворение мое «Восстань» спровоцировали:

1. Лесик, напечатав его рядом со статьей, посвященной Пилсудскому, о чем я не знал, потому что был в деревне.

2. Шило, осветивший Демьяну Бедному это стихотворение в провокационном смысле.

3. Я сам, поместив его в сборнике, не придав этому политического значения.

Я очень просил бы реабилитировать меня перед трудящимися Сов. Белоруссии. Это можно легко сделать. Стихотворение, помещенное в сборнике, мною исправлено. Просил бы вырвать это стихотворение и книжку выпустить.

Еще одна просьба к Вам. Позаботьтесь о моих

семьях, которые здесь, в Минске, и в Борисове. Я умираю с твердой верой в вечное существование Советской Социалистической республики. Попросите ГПУ, чтобы не таскали мою жену. Она так же, как и я, ни в чем не виновата.

Библиотеку свою передаю Бел. Гос. Библиотеке.

Сердечно благодарен за все то доброе, что для меня сделали партия и Сов. власть.

Умираю, принимая то, что лучше смерть физическая, чем незаслуженная смерть политическая.

Видно, такова доля поэтов. Повесился Есенин, застрелился Маяковский, ну и мне туда же, за ними, дорога.

Жалею, что не могу больше принимать участия в великом строительстве, которое развернули партия и Сов. власть в БССР.

Да здравствует эта новая творческая жизнь для счастья всего человечества.

Янка Купала.

Ошибки свои, те или иные, я собирался исправить, но не успел.

Менск, 22-IX-30 г. Я.К.»

К мысли о самоубийстве довели вызовы в следственные органы и допросы. Ему предъявили обвинение в участии в «нацдемовской контрреволюционной организации». При обыске у ее «члена» Я. Лесика конфисковали газету «Звон» от 17 сентября 1919 года. Рядом со статьей, посвященной Пилсудскому, его приезде в Минск, было напечатано купаловское стихотворение «Восстань». Напрасно поэт убеждал, что стихотворение написано в августе девятнадцатого года, когда о приезде Пилсудского ничего не было известно, что между этими событиями нет никакой связи. Следователи настаивали на своем. Масла в огонь подлил Николай Шило. В Москве он встретился с Демьяном Бедным, рассказал ему о «предательстве» Купалы, и вот уже газеты тиражируют очередное Демьяново произведение:

Изменил поэт народу,
Заплясал панам в угоду,
Да, в угоду...
Янки посвист соловьиный
Превратился в шип змеинный,
Да, змеинный...

Если уж и Москва высказала свое суждение, разве минские следователи будут сомневаться? Не выдержав допросов, Янка Купала садится за последнее письмо Червякову и делает попытку покончить жизнь самоубийством. Спасли его чудом. Сломанный морально и физически, он подписывает покаянное письмо для печати, которое и появилось в белорусской газете «Звезда» десятого декабря 1930 года.

«Пропитанный национал-демократической заразой, привитой мне нашенским периодом моей литературной работы, — говорилось в опубликованном документе, — когда я стал было одним из идеологов буржуазно-демократического «возрожденчества» и «независимости», я и после Октябрьской революции не отмежевался, как это следовало, от окружающей меня национал-демократической среды, а был втянут ею и принял самое близкое участие в контрреволюционной работе известнейших белорусских национал-демократов, которые на основании Конституции Советской Белоруссии, используя доверие, оказанное им со стороны Советской власти, прикрываясь лживым занавесом фальшивых лицемерных деклараций и заверений, проводили свои вредительские национал-демократические идеи на культурном фронте».

И далее: «Работая в Научно-терминологической комиссии, в Инбелкульте АНБ, этих руководящих штабах белорусского национал-демократизма, видя своими глазами их не совместимые с интересами белорусских трудящихся масс и требованиями партии и Советской власти установки и мероприятия в культурном строительстве, я не только ни разу не осудил их, но, наоборот, морально поддерживал и помогал их реализации».

Газета «Наша нива», в которой когда-то работал Янка Купала и которую следователи называли «знаменем мелкобуржуазного и кулацкого возрожденчества», издана в Минске в репринтном исполнении. Начиная с 1990 года каждый читатель может убедиться в том, чем она была в действительности. Относительно «нацдемовской контрреволюционной организации» ясность появилась уже в 1988 году: все ее «члены» — В. Ластовский, Я. Лесик, А. Смолич, С. Некрашевич

и другие реабилитированы, ибо такой организации и в помине не было.

С того дня, когда сломленный подозрениями и допросами поэт взял нож, чтобы покончить с жизнью, и к нему, лежавшему в луже крови на полу, бросилась жена Владислава Францевна, прошло двенадцать лет.

Второе военное лето, июнь месяц, столичная гостиница «Москва». Здесь погиб Янка Купала. Как это произошло? Ответа не было почти полвека. И только благодаря усилиям известного белорусского писателя Бориса Саченко, неутомимого исследователя многих белых пятен родной литературы, нарушен таинственный заговор молчания. Борис Иванович провел гигантскую работу, собрал свидетельства тех, кто был очевидцем последних дней и даже минут Янки Купалы.

Исследователь не без оснований считает, что следует сразу же и навсегда отбросить как беспочвенные разговоры о самоубийстве Купалы. Не было у поэта в те дни никаких причин для этого. Остаются две версии. Первая: Купалу столкнули с лестничной площадки. Вторая: споткнувшись, он не удержался на ногах и упал в пролет лестницы. Борис Саченко склонен считать правильной первую версию.

Первое правдивое упоминание о причине гибели поэта дал Илья Эренбург в автобиографической книге «Люди, годы, жизнь»: «Я сидел в своем номере, когда в коридоре послышались крики. Я выбежал в коридор и узнал, что с верхнего этажа в пролет лестницы упал поэт Янка Купала».

До этого свидетельства обстоятельства гибели самого выдающегося поэта Белоруссии в печати не упоминались. Материалы комиссии, которая занималась выяснением этих обстоятельств, таинственно исчезли. Во всяком случае, в архивах КГБ, МВД, Прокуратуры СССР они не значатся.

Буквально за несколько часов до смерти Янки Купалы с ним встречался известный исследователь и переводчик белорусской литературы Е. Мозольков. «Никогда не сгладится в памяти последняя встреча с Янкой Купалой двадцать восьмого июня 1942 года, — писал он позже, — за два-три часа до его нелепой, случайной смерти. Иван Доминикович встретил меня как-то особенно ласково, тепло, обнял, поцеловал. Вид

у него был свежий, настроение хорошее. Как выяснилось, перед самым моим приходом он хорошо поспал, отдохнул. Мы сидели вдвоем в номере гостиницы «Москва»... Перед нами на столике лежала большая коробка чудесных шоколадных конфет. В те времена, когда обыкновенный кусочек сахара считался значительной ценностью, — это была невиданная роскошь. Я взял одну конфету, а затем не без колебаний потянулся к другой...

Иван Доминикович засмеялся:

— Вы больше жалеете их есть, чем я... Скажу вам по секрету: через неделю мое шестидесятилетие. Заранее приглашаю вас. Вот тогда уж мы посидим как следует...

...Наша последняя встреча была сравнительно недолгая. Зазвонил телефон, на десятом этаже Янку Купалу ждали друзья. Иван Доминикович уговаривал меня пойти вместе с ним, но в тот день я торопился.

— Ну ладно, на моем шестидесятилетии посидим уж как положено, — повторил Иван Доминикович.

Я проводил его до лифта (он жил на четвертом этаже), мы простились. Я вышел из гостиницы в приподнятом настроении: впереди две встречи с Янкой Купалой. А через несколько часов мне позвонили, что его нет в живых... Это известие ошеломило, казалось диким, неправдоподобным. Представление о смерти никак не увязывалось с тем обликом поэта, который я знал в течение многих лет и который видел во время нашей последней встречи, — жизнерадостным, полным планов на будущее и лучших надежд, душевным, ласковым...»

Кондрат Крапива: «Последний раз я видел Янку Купалу опять же у Михася Лынькова за час до его трагической смерти. Кроме нас троих, в номере было еще человек пять наших общих знакомых. Я на короткое время отлучился в город, а когда вернулся в гостиницу, меня громом поразила весть: Янка Купала погиб».

Михась Лыньков, тогдашний председатель правления Союза писателей БССР: «28 июня умер в Москве, в гостинице «Москва», наш народный поэт Янка Купала. Пробыл в Москве всего десять дней... Можешь представить мое личное горе, если буквально за нес-

колько минут до своей смерти он сидел у меня, в моем 1036 номере на десятом этаже гостиницы «Москва». Сидел веселый, жизнерадостный, мечтал о родных просторах Белоруссии. А когда вышел, мне минуты через три-четыре позвонили, что Янки Купалы нет больше в живых, он умер. Это было в одиннадцать часов ночи 28 июня. Первого июля его тело мы предали кремации».

Борис Саченко разыскал магнитофонную запись выступления Петра Глебки на встрече с читателями девятнадцатого июня 1962 года в городе Борисове. Глебка тоже был в том злосчастном гостиничном номере, когда раздался телефонный звонок, и Янка Купала вышел на лестницу. Глебка рассказывал: дежурная по этажу вроде бы видела, что Янка Купала стоял на лестнице и разговаривал с молодой женщиной. Когда дежурная через некоторое время снова взглянула на лестницу, то Купалы там уже не было, стояла одна женщина. О женщине, виновной в смерти поэта, свидетельствуют и другие: ее, ту женщину, видели, она бежала, явно стремясь спрятаться. Саченко приводит и свидетельство знаменитого следователя Л. Шейнина, который в одной из бесед, отвечая на вопрос, произнес: «Купале помогли умереть». Известный следователь имел отношение к выяснению обстоятельств гибели поэта.

Вдыхая запах истории, прикасаясь ко многим малоизвестным ее страницам, я время от времени вспоминал Минск, Яшу с полиграфкомбината, его разговоры на запрещенные темы, которые наполняли тревогой сердце, щекотали нервы предчувствием опасности. Был, был генерал НКВД, был спецсамолет, было письмо, адресованное Сталиным не Жданову и не Ворошилову, а тридцатилетнему Кузнецову, второму секретарю Ленинградского горкома. Были строки: во всем, что касается организации обороны, мобилизации всех сил, я могу опираться только на тебя. Было последнее предложение: «Алексей, Родина тебя не забудет!» То письмо, сохраненное Кузнецовым до ареста, имело огромную силу, это была верительная и заодно охранная грамота.

Вот почему первым вопросом людей в черных пальто и черных шляпах, ворвавшихся в тихую мос-

ковскую квартиру на улице Грановского, где сейчас установлена мемориальная доска, был: где письмо? Алексей Александрович понял, какое письмо ищут. Его забрали, не зафиксировав в акте наряду с остальными вещами: «ордена Ленина — 2; орден Красного Знамени — 1; орден Кутузова I степени — 1; орден Кутузова II степени — 1; орден Отечественной войны I степени — 1; медали «За оборону Ленинграда» — 2; погоны генеральские — 7 пар; сапоги мужские хромовые — 1 пара; зубной порошок — 1 пачка; зубная щетка — 1 шт.» «Алексей, Родина тебя не забудет!» — этого следа из памяти, из истории не выбросить. Он не подлежит забвению.

Постепенно я втягивался в обстоятельства «ленинградского дела». Через несколько дней уже жил им, знал фамилии и должности. Ужасные фальсификации леденили кровь. Однако меньше эмоций, они плохие советчики в государственных делах и высокой политике, слово фактам и документам.

Все началось с анонимного письма в ЦК ВКП(б). Не хотелось бы цитировать произведения подобного жанра, но из-за этого клочка бумаги возникло громкое политическое дело. Вот текст доноса: «На Ленинградской X областной и VIII городской партийной конференции я был членом счетной комиссии, и мы, все 35 человек, видели, что фамилии Попкова, Капустина и Бадаева были во многих бюллетенях вычеркнуты. Однако председатель счетной комиссии тов. Тихонов объяснил на этой конференции о том, что эти лица прошли единогласно, обманув таким образом свыше тысячи делегатов. Очевидно, такой же обман на районных партийных конференциях и в первичных партийных организациях, если объявляют о единогласном избрании секретарей. Неужели это с ведома Центрального Комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов. Как это стало возможно в Ленинско-Сталинской большевистской партии? Боясь репрессий — не подписываюсь».

Тогда анонимки проверяли. Что же выяснилось? Против П. С. Попкова, вновь избранного на конференции в декабре сорок восьмого года первым секретарем обкома и горкома, было подано четыре голоса, против второго секретаря обкома Г. Ф. Бадаева — два, против

второго секретаря горкома Я. Ф. Капустина — двенадцать и председателя Ленгорисполкома П. Г. Лазутина — два голоса. А. Я. Тихонов умер несколько лет назад, а без его участия трудно найти объяснение непонятного обмана, тем более что речь шла о ничтожном количестве голосов, каких-то сотых долях процента. Тем не менее этому случаю придали громадное значение.

Уже в начале февраля сорок девятого года Тихонова, а он работал заведующим отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома, вызвали в Москву, к самому Маленкову, в то время секретарю ЦК, занимавшемуся кадрами. Вслед за Тихоновым в ЦК уехали еще несколько человек. А пятнадцатого февраля состоялось заседание Политбюро, на которое пригласили Попкова. Оттуда он вернулся бледным, сникшим.

События разворачивались с молниеносной быстротой. Двадцать первого февраля — объединенное заседание бюро Ленинградского обкома и горкома. Присутствовали Г. М. Маленков и член Оргбюро ЦК ВКП(б) В. М. Андрианов. Заседание продолжалось девять часов подряд. На следующий день — объединенный пленум. Сообщение, с которым выступил Маленков, ошеломило партийцев. Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) Кузнецова и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) Родионова и Попкова! Сообщение не стенографировалось. Кандидат исторических наук В. Кутузов внимательно изучил характер прений, беседовал с теми, кто присутствовал на пленуме, и опубликовал в московском журнале «Диалог» статью, в которой попытался восстановить основные положения выступления Маленкова.

Выделено два тезиса. Первый: А. А. Кузнецов (секретарь ЦК), Н. И. Родионов (Председатель Совета Министров РСФСР) и П. С. Попков встали на путь групповщины, антиленинских методов работы и противопоставили себя Центральному Комитету. Они самовольно и незаконно организовали в Ленинграде Всесоюзную ярмарку, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и нанесло материальный ущерб государству. Второй тезис: А. А. Кузнецов и П. С. Попков вынашивали идею создания

Компартии России. Тем самым они якобы хотели, по примеру Зиновьева, противопоставить Ленинградскую партийную организацию ЦК ВКП(б). Третий тезис сводился к следующему: секретари обкома и горкома знали о неправильной информации по итогам голосования председателя счетной комиссии на отчетно-выборной партийной конференции и не сообщили об этом в ЦК ВКП(б).

В действительности все было не так. Относительно ярмарки. По словам П. С. Попкова, он только из выступления министра торговли Российской Федерации на открытии ярмарки узнал о том, что на нее приглашены и союзные республики. Неизвестно каким образом региональное мероприятие превратилось во всесоюзное. Формально нарушение было допущено: на проведение Всесоюзной ярмарки требовалось решение центральных органов. Фактически же проводилась Всероссийская оптовая ярмарка с участием других союзных республик.

Относительно Компартии России. Маленков превеличивал недостаточно продуманные формулировки, которые допускал Попков в публичных выступлениях и беседах. На пленуме Попков признавал, что он неоднократно говорил на эту тему как в Ленинграде, так и в Москве. Третий тезис на пленуме подтверждения не получил.

Тем не менее в воздухе запахло грозой. Маленков приехал в Ленинград с готовым решением, это было ясно всем. Так и получилось. Пленум одобрил решение о снятии Попкова с должности первого секретаря обкома и горкома и объявлении ему выговора. Капустин и Тихонов тоже были сняты со своих постов, а последний исключен из партии.

После пленума события в Ленинграде приобрели еще более драматичный характер. Началось избиение кадров. Одно из самых распространенных обвинений: не написал разоблачительных заявлений о враждебной деятельности А. А. Кузнецова, П. С. Попкова и других. Только за 1949—1951 годы в Ленинграде и области было заменено свыше двух тысяч руководящих работников. Процветали доносы, клевета, анонимки. Их всячески поощряли.

Выступая на пленуме обкома в феврале пятьдесят

первого года, первый секретарь обкома Андрианов, сменивший на этом посту Попкова, говорил:

— Мы считаем, что любые заявления, подписанные или без подписи, должны быть проверены и рассмотрены. Они во многом помогли выполнить до конца решение партии по Ленинградской партийной организации в устранении результатов деятельности антипартийной группы...

Но перестановкой и шельмованием ленинградских кадров дело не закончилось. Тогдашний министр госбезопасности Абакумов представил все в виде организованной антисоветской предательской группы. Возник миф о существовании заговора. Капустин был объявлен агентом английской разведки, завербованным в то время, когда работал старшим мастером на Кировском заводе и в качестве стажера изучал производство паровых турбин в Англии. Затем арестовали А. А. Кузнецова и П. С. Попкова, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, Председателя Совета Министров РСФСР Н. И. Родионова, председателя Ленгорисполкома П. Г. Лазутина. Аресты и расстрелы затронули многих руководителей высокого ранга и в других регионах, компроматом была работа в Ленинграде вместе с А. А. Кузнецовым. Ему инкриминировали факты выдвижения ленинградцев на работу в другие области как замысел иметь всюду своих людей для организации антипартийных групп.

В сентябре пятидесятого года в Ленинграде состоялся судебный процесс выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. В печати о нем ничего не сообщалось, но представители нового партийного актива присутствовали. Процесс проходил, как и в тридцатые годы. С. П. Князев, бывший директор института истории партии Ленинградского обкома, был в числе приглашенных. Он оставил сведения, что Кузнецов заявил:

— Я был большевиком и останусь им, какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает.

Приговор — высшая мера — для обвиняемых был неожиданным: в то время смертная казнь в стране была отменена. Ее вновь ввели, когда участники «ленинградского дела» находились под следствием. Сидя в камере, они не знали этого.

Выходит, кому-то все это было выгодно? Кому-то Кузнецов мешал? Не забылись слова Сталина о преемниках на озере Рица? На посту генсека ему виделся Кузнецов, в роли председателя Совмина — Вознесенский. Вскоре после этих слов Кузнецова избрали секретарем ЦК и утвердили начальником управления кадров ЦК. До него этот ключевой пост занимал Маленков. Быстрый рост Кузнецова встревожил последнего. Не было повода радоваться возвышению ленинградского лидера и Берии с Абакумовым, ибо кадры госбезопасности и внутренних органов переходили под контроль Кузнецова, и он начал всерьез интересоваться обстановкой в этих таинственных ведомствах. Остальное, видно, было делом техники.

К сожалению, следов Яши в Ленинграде я так и не нашел. Никому не известен этот человек. А был ли он вообще, Яша с полиграфкомбината? Был, был, иначе почему мне не давал покоя завязанный им первый узелок в самом начале тоненькой нити-паутинки мальчишеской беззаботной жизни. Вот какое окончание получил крамольный разговор, начатый во время перекура между взрослыми дядями много лет назад.

Вот только не знаю точно: окончание или продолжение?

Теперь, думаю, понятно, отчего у автора этой книги ноет и саднит сердце. Мои свидетельства — горькие и правдивые свидетельства очевидца. Кому-то они не понравятся, кому-то покажутся чересчур предвзятыми, кому-то чересчур эмоциональными.

В том их и ценность, что они написаны по горячим следам событий, когда историки не пришли еще к выводу, ЧТО ЭТО БЫЛО.

Я имею в виду августовские дни 1991 года. Вернемся снова к ним.

Часть 2

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Глава 1

ПРИМЕТЫ СКОРОГО КОНЦА

Сколько раз, приехав в очередной раз домой после блужданий по городу, обессиленно садился в кресло и обреченно думал: что делать? Куда подаваться? В такой тупиковой ситуации никогда прежде бывать не приходилось. В моих услугах больше не нуждаются. Моя же секретарша вручила мне уведомление об этом.

Случившееся, конечно же, потрясло. Хотя, если откровенно, большой неожиданностью это не было. Я уже говорил, что присутствовал на заседаниях Политбюро и Секретариата более года. Уровень обсуждения вопросов знаю не по рассказам. Уверен: рано или поздно это все равно бы случилось. Другое дело, каким путем. Наверняка — постепенно, плавно. ГКЧП ускорил развязку. Если бы не путч, сколько бы продержался ЦК? Поговаривали, что после XXIX съезда центральный аппарат сократили бы процентов на семьдесят. Здания, построенные не на партийные средства, отдали бы городу или российскому правительству. Так и сосуществовали бы мирно, по-соседски. Не ломали бы судьбы, не было бы этих ужасных самоубийств.

История не приемлет сослагательного наклонения: если бы да кабы. Реальность такова, что шок у моих коллег был сильнейший. Они были просто раздавлены. Нужно большое мужество, чтобы пережить все это. Что касается меня, то я всегда, при любых обстоятельствах чувствую себя журналистом. А это значит — пишу историю современности. Творят-то ее другие.

Вот только вопрос: нравственно ли обнародовать

материал, порой весьма уникальный, которым я располагаю? Не будет ли это похоже на поведение журналистки из еженедельника «Союз» в кабинете и в комнате отдыха Кручины? Хотя все зависит от того, как преподнести этот материал. К тому же архивы ЦК переданы в государственные хранилища. К ним открыт широкий доступ, они стали объектом исследования большого круга политологов, историков, публицистов, писателей. Сведения, ранее считавшиеся секретными и совершенно секретными, выплескиваются на массового читателя.

Поэтому на законных юридических и моральных основаниях можно считать себя свободным от обязательств по отношению к прежнему работодателю. Его попросту больше не существует. Нет и правопреемника.

Но, пожалуй, самое главное — мои личные наблюдения и впечатления. Частью их я уже поделился. Но они не исчерпаны. Мне ведь разрешалось делать записи в блокнотах, поскольку на меня была возложена обязанность готовить официальные сообщения для печати о различных мероприятиях, проводимых ЦК. В основном это были сообщения о заседаниях Политбюро и Секретариата.

На моих глазах проходили обсуждения самых разных вопросов, возникали споры, полемика, иногда даже ссоры. Я добросовестно записывал весь ход обсуждения — дебаты секретарей и приглашенных, их реплики и ремарки. То есть располагаю таким уникальным материалом, которого ни один дотошный исследователь не найдет в самых секретных цеховских архивах. Там, как уже выяснено, лежат готовые документы — постановления, докладные записки, справки, рекомендации. Все, что сопутствовало принятию этих документов, осталось за кадром, не попало в официальные отчеты. А вот это, как мне кажется, и представляет колоссальный интерес.

Итак, выбираем самый испытанный и любимый нашим народом прием — ретро.

Мой рассказ будет не полон и даже может быть признан тенденциозным, если не затронуть августовские дни 1991 года. Если быть честным до конца, то для меня по-прежнему не ясно, причастен ли

ЦК КПСС, и особенно его Секретариат, к попытке государственного переворота. Попробую изложить откровенно, без всякой утайки, то, что мне известно по этому поводу.

Семнадцатого августа, в субботу утром, я приехал с «Успенки» в свой кабинет и провел там весь день, примерно до девяти вечера. Двадцатого августа истек срок сдачи моей рукописи в «Политиздат», и я срочно дописывал последнюю главу. Как студент, которому перед экзаменом всегда ночи не хватает.

Из служебного кабинета практически не выходил, за исключением короткого перерыва на обед. По субботам в нашем шестом подъезде работал буфет, где можно было перекусить сосисками, попить чаю или кофе. Людей было немного, но к этому я уже привык и не удивлялся. С началом лета очень заметно упал интерес у людей к работе. Если в девяностом году и в начале девяносто первого по субботам в нашем буфете скапливалось очень много народу и нередко приходилось стоять в очереди довольно долго даже по цеховским меркам, то в июне активность резко упала, в выходные мало кто появлялся на службе. Разве что по каким-то своим делам.

Обед ничем не отличался от предыдущих. Хотя бросилась в глаза одна любопытная деталь. Не обнаружив на подносе с приборами ножа, я шутливо сказал буфетчице, молодой женщине:

— Правильно, долой эти буржуйские штучки! И без ножей обойдемся!

Обычно всегда приветливая, буфетчица на этот раз сердито бросила:

— Скоро и вилок не будет!

— Правильно, — не сбавляя я шутливого тона. — Руками есть будем. То есть ртом...

Однако шутка поддержана не была.

Я подсел к столику, за которым расположился коллега из гуманитарного отдела, милейший человек из Грузии Теймураз Шенгелия. Рассказал ему о «стычке» с буфетчицей.

— А знаете, это дурное предзнаменование. Моя бабушка рассказывала: перед революцией семнадцатого года в Грузии простые люди начали оскорблять интеллигенцию — врачей, учителей, адвокатов. Слуги

стали дерзить господам. Верный признак социальных потрясений. Эта категория людей первой чувствует конъюнктуру...

Мне часто вспоминается тот разговор. Ах, Теймураз Авксентьевич, Теймураз Авксентьевич! Напророчил на нашу голову...

Допив чай, мы вместе поднялись на седьмой этаж. Я направился к себе и из кабинета до вечера не выходил.

Хорошо помню: никаких звонков в тот день не было. Все телефоны были переключены на меня. Ни одного вызова к секретарям. Оставалось только радоваться, что никто не мешает работе. Поздно вечером я поставил последнюю точку и с облегчением вздохнул: наконец-то! Такой груз сбросил.

В девять вечера вызвал машину и, не заезжая домой, отправился на дачу.

В воскресенье, восемнадцатого августа, день начался как обычно. Завтрак, работа в огороде, потом с десятилетней дочерью собирали орехи, которых в том году уродилось очень много. Обед тоже прошел нормально. Во второй половине дня небо затянуло тучами, стал накрапывать мелкий дождик. Мы перешли в дом.

Где-то под вечер погода прояснилась, и мы с дочерью решили прогуляться по дачному поселку. Пешеходные тропинки были пустынными. Обычно по выходным, накануне новой трудовой недели, обитатели дач высыпали на аллеи, дышали перед сном свежим воздухом. Дочка даже вздохнула: никого из подружек не видно. Я объяснил это пасмурной погодой.

Не знаю, почему, но на душе было тревожно. Когда мы вышли на центральную дорогу, обратил внимание, что и она пустынна. Обычно по ней то и дело проносились машины. Тишина была какой-то беспокойной, гнетущей. С чего бы это, недоумевал я.

Дочь тоже удивилась безлюдью.

— Мы с папой переночуем здесь, а на работу поедем завтра утром, — объявила жена.

— Ур-р-а! — радостно закричала десятилетняя дочка, обрадованная тем, что проведет вечер с обоими родителями.

За вечерним чаем, прислушиваясь к шелестению

дождя за окнами, я произнес фразу, которая оказалась пророческой. Ее мои домашние вспоминают до сих пор.

— Мы вот тут чай гоняем, а в Москве, может, переверот. Приедем завтра, а там — танки...

Глупость была настолько очевидной, что на нее никто не отреагировал. Даже дочка не задала своего любимого вопроса: «А это как?»

Странное дело, но ощущение тревоги не проходило. Что-то угнетало, давило, мяло. Жена объяснила плохое самочувствие магнитными бурями, скверной погодой, вчерашним переутомлением на работе.

Девятнадцатого августа мы с женой выехали из «Успенки», как всегда, в восемь утра. Водитель был весел, разговорчив, и мы всю дорогу проболтали о пустяках.

Подъезжая к Москве, обогнали колонну военных машин, в кузовах которых сидели солдаты. Машины как машины, мало ли куда они едут. В общем, их появление не вызвало у нас вопросов. Дорога была свободна, и мы беспрепятственно проехали по Кутузовскому, а затем Калининскому проспектам. На Манежной площади развернулись. Возле музея Ленина в глаза бросилась живописная картина: стоя полукругом, о чем-то горячо спорили с десяток молодых людей, обряженных в казачью форму.

— Ну, что я вчера говорил? — повернулся я к жене. — Не танки, так казаки в Москву вошли.

На подходе к площади Дзержинского, затормозив на красный свет, водитель вдруг произнес:

— Какое-то чрезвычайное положение в Москве ввели. По радио передавали.

Клянусь, я не придавал значения его словам. Не понял их смысла. Подумал, что речь идет о хозяйственной акции московских властей, касающейся уборки урожая в Подмоскovie. В августе девяносто первого было много подобных сообщений о введении чрезвычайного положения в ряде российских областей на период сельскохозяйственных работ. Короткая реплика шофера пролетела мимо ушей.

Не доезжая до первого подъезда, сразу за входом в вестибюль метро станции «Площадь Ногина» (сейчас «Китай-город») машина остановилась. Едва я вышел

из машины и сделал несколько шагов, как следом за нашей припарковалась другая светлая «Волга» и оттуда вывалился взмыленный человек. Боковым зрением я увидел, что он догоняет меня.

Сигитас Ренчис! Зам. зав. отделом с нашего седьмого этажа. Сигитас приехал в ЦК из Вильнюса, член Союза писателей Литвы. Застрял, как и я, в Москве. У нас с ним сложились приятельские отношения.

Коллега из гуманитарного отдела был взволнован. Крепко пожав руку, он громким шепотом спросил:

— Какие-нибудь подробности есть? Кто за этим стоит?

Я недоуменно взглянул на друга:

— Ты о чем? Какие подробности?

Сигитас изумился:

— Как, ты не знаешь? А еще пресс-центр... А я из окна машины тебя увидел, тороплю водителя. Вот, думаю, кто больше всех осведомлен. Оказывается, пресс-служба ЦК узнает последней. Как в комсомольском анекдоте. «Кто еще не переспал с невестой?» — спрашивает тамада на комсомольской свадьбе. «Я», — робко отвечает жених...

— Подожди, Сигитас, а что произошло?

— Создан ГКЧП. Президент, кажется, отстранен от власти. В составе ГКЧП — Янаев, Павлов, Пуго, Крючков, Язов, еще какие-то деятели. По радио передавали их обращение к народу.

Теперь наступила моя очередь изумляться. На даче у нас радио не было, а телевизор по утрам мы обычно не включали, не хотелось, чтобы дочка рано вставала. В машине, как я уже говорил, мы увлеклись разговором с водителем, и радио в ней молчало.

Моя секретарша обычно приходила на работу раньше, чтобы принести свежие газеты. Когда я появлялся в своем кабинете, они уже лежали на столе. В тот день тоже было как всегда. Пачка газет ждала на обычном месте.

Можно понять нетерпение, с которым я набросился на прессу. Увы, газеты были за субботу. По понедельникам тогда выходила только «Правда». Я раскрыл ее, но никаких материалов о ГКЧП не нашел.

Включил телевизор — «Лебединое озеро». Повернул ручку вмонтированного в стол радиоприемника —

передавали один из документов ГКЧП. Успел услышать только его окончание.

Требовательно зазвонила «вертушка» — впервые в этот день. Снял трубку.

— Николай, это Оников. Доброе утро. Скажи, пожалуйста, у тебя есть документы ГКЧП? По радио передают — ничего не понять. Нужно иметь под рукой...

Леон Аршакович Оников — долгожитель ЦК. Окончил МГИМО при МИД СССР. С 1952 года — в аппарате ЦК Компартии Эстонии. С 1960 по 1991 год — в аппарате ЦК КПСС. Враг номер один орготдела, как мы шутливо называли его между собой. Остро критический ум, нестандартные мысли, и, что немаловажно — смелость.

Леону Аршаковичу тогда было под семьдесят. В ЦК, даже после многочисленных реорганизаций и сокращений, оставалось немало людей уважаемого возраста. Вели они себя тише воды, ниже травы. Прожил день, и слава Богу. Оников был возмутителем спокойствия, легендой всего аппарата. Его аналитические записки, адресованные руководству ЦК, воспринимались в орготделе как посягательство на монополию в вопросах партстроительства. Его выступления на аппаратных совещаниях и партийных собраниях вызывали дружные аплодисменты молодых работников и кривые ухмылки ортодоксов.

— Леон Аршакович, рад бы помочь, но, к сожалению, этих документов у меня нет.

— Николай, их надо читать, а не слушать. Поверь мне, старику, тут что-то не то. Держи ухо востро...

— Спасибо, Леон Аршакович. Звоните. Как только — так сразу...

Он рассмеялся. Крылатая фраза аппаратчиков вырвала в щекотливых ситуациях.

Только положил трубку — в кабинет заглянула секретарша. У нее на столе хитрое приспособление: когда начальник говорит по любому из телефонов, загорается красная, синяя или желтая лампочка. Прекращается разговор, лампочка тут же гаснет.

Валя — миловидная, экстравагантно одевавшаяся женщина, тоже долгожительница ЦК, ее стаж на Старой площади исчислялся более чем двумя десятками лет. Ровная, спокойная.

— Николай Александрович, на шестом этаже сбор. Спуститесь, пожалуйста.

На шестом этаже — руководство идеологического отдела. Захожу к одному из первых замов. Он недавно пришел в ЦК. Несколько дней назад у нас состоялась размолвка.

Я настаивал на том, чтобы не проводить аккредитации в пресс-центре ЦК КПСС. Надо действовать демократическими методами, убеждал я. Проход на наши мероприятия для советских журналистов, начиная от сотрудника многотиражной заводской газеты и кончая работником «Правды», должен осуществляться по редакционным удостоверениям. Никаких ограничений ни для кого! Что касается иностранных коллег, то им достаточно аккредитационной карточки МИД СССР. Не надо плодить новых пропусков!

Казалось бы, зачем копыя ломать? Везд очевидно, что такой порядок наиболее приемлем. Тем не менее он вызвал яростное сопротивление долгожителей ЦК. Необходима отдельная аккредитация, убеждали они. Новый первый замзав пока своего мнения не высказал, внимательно прислушивался к доводам «за» и «против».

Аккредитация журналистов в пресс-центре ЦК КПСС обособит их, разделит на допущенных и недопущенных, доказывал я. Хотя при желании ее можно превратить в большую и шумную кампанию, на которой запросто можно набрать очки у секретарей ЦК. Новый замзав слушал мои аргументы и загадочно улыбался. Решения он еще не принял.

Итак, я спустился в кабинет начальника. Там уже было много народа. Никто документов ГКЧП «живьем» не видел. Что делать? Сверху никаких указаний нет. Так ни с чем и вернулись в свои кабинеты.

Как я узнал о пресс-конференции гэкачепистов? По городскому телефону позвонили из газеты «Экономика и жизнь». пожаловались, что их сотрудников не пропускают в пресс-центр МИД СССР на Зубовском бульваре.

— Позвоните, чтобы нас пропустили, — просили знакомые журналисты из этого издания.

— Подождите, а что там происходит?

— Как что? Пресс-конференция ГКЧП.

— Но я не могу дать им указание. Там, в отличие от нашего пресс-центра, пропускают только по аккредитации...

Вечером я уехал в аэропорт: приезжал мой давнишний приятель из Баку, с ним я когда-то вместе учился в московской ВПШ. У него большое горе — у двоих детей слабое зрение. Раз в два года он привозит их в Москву на консультацию к окулистам. Прием в поликлинике, устройство в гостинице, питание, билеты на обратный путь — это уже моя забота. Бедные ребята! Такие забавные, смешные, и слепые, как котята. Не дай бог такого горя родителям. Я, чем мог, помогал давнишнему товарищу.

Загодя, за две недели до его приезда, написал официальную бумагу в кассу Управления делами ЦК КПСС. Персонально тому, кто занимался продажей билетов и устройством в гостиницу, тоже должителю ЦК. На фирменном бланке составил убедительное письмо: прошу оказать содействие в предоставлении мест в гостинице и приобретении билетов на обратный путь до Баку — отцу, ответственному работнику ЦК Компартии Азербайджана, его жене и двум бедным детишкам. Перед тем как засылать письмо, позвонил в кассу:

— Они приедут без командировки. У главы семейства отпуск. Давайте поможем коллегам.

— Нет вопросов. Пускай приезжают и прямо ко мне.

— Но они прибудут рано утром.

— Ничего не могу поделать. Такой порядок.

— И что, они с больными детьми будут ожидать вашего прихода на работу?

— Но ведь у них нет командировки? Я придерживаюсь инструкции...

— Инструкция у вас есть. А сердце? Дайте бронь...

— Послушайте, как вас там зовут... Я действую согласно инструкции, — упрямо твердил чинуша. — Места в гостиницы и билеты на обратную дорогу только по предъявлении командировочного удостоверения. Если у вас личные интересы — тогда иное дело. Обращайтесь в другое место. А здесь ЦК, вы понимаете, что это такое?

Человек, нанятый для моего же обслуживания, явно

лез в бутылку. Такое поведение технического работника было настолько неожиданным и непривычным, что я опешил. Раньше такого хамства они себе не позволяли. И только позднее, неоднократно возвращаясь к событиям, предшествовавшим роспуску ЦК, вспомнил рассказ Теймураза Авксентьевича о революции и его бабушке. История повторяется: действительно, лакеи каким-то шестым чувством ощущают грядущие перемены. Как крысы, первыми бегущие с давнего течь корабля.

Зная, что обух плетью не перешибешь, я пошел на попятную. Договорились, что он обеспечит моего знакомого билетами, а проживание я возьму на себя.

Забегая вперед, скажу, что однокашника и его ребяташек мне удалось разместить в гостинице «Россия» — в самом центре Москвы. Остались билеты.

За ними мы с приятелем пришли двадцатого августа утром, как только открылась касса. Его самолет опоздал, и вместо утра девятнадцатого он прибыл лишь вечером того же дня.

— Билетов нет, — услышали мы в заветном окошке.

— Позвольте, но ведь мы с вами договаривались: четыре билета до Баку за вами. Гостиницу я взял на себя.

— Билетов до Баку нет, — злорадно повторили в окошке кассы.

Однокашник взял меня за руку:

— Не надо. Мне стыдно. Как-нибудь уедем.

— Но ведь мы договаривались, — не отставал я. — Вы обещали. В конце концов я обращусь к Кручине. Вы что себе позволяете?

Только услышав угрозу, человек в окошке куда-то позвонил, и четыре билета перед нами. «Пробил», — с удовлетворением вздохнул я.

Это, кстати, к вопросу о привилегиях. О цековской службе, наглой и развращенной, распределявшей блага и льготы по своему усмотрению, отдельный разговор.

Мой друг, бывший свидетелем позорной сцены, оцепенел: и это — в ЦК КПСС?

Можно представить, каково было мне.

— Заказанные вами билеты я продал, — оправдывался человек в окошке. — Вы за ними не явились. А тут как раз ехали партработники из Баку.

— Клянусь вам, — прижал руку к сердцу мой друг, — ни одного партработника в настоящее время в Москве из Азербайджана нет...

Я не стал выяснять истину. Это всегда противно — уличать во лжи. И — стыдно. Скорее всего, билеты были проданы каким-нибудь кооператорам. За вознаграждение, разумеется.

Пресс-конференцию гэкачепистов я смотрел по телевизору.

Документ для истории

ВСТРЕЧА СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА С ЖУРНАЛИСТАМИ

19 августа 1991 года в пресс-центре МИД СССР состоялась пресс-конференция исполняющего обязанности президента СССР Г. И. Янаева. В ней приняли участие заместитель председателя Совета Оборона СССР О. Д. Бакланов, министр внутренних дел Б. К. Пуго, председатель Крестьянского союза СССР В. А. Стародубцев, председатель Союза промышленников и предпринимателей СССР А. И. Тизяков.

Г. Янаев. (Сообщает о том, что приступил к временному исполнению обязанностей президента СССР в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения М. С. Горбачевым обязанностей президента — на основании статьи 127(7) Конституции СССР). Я обращаюсь к вам, дамы и господа, товарищи, в ответственный для судеб Советского Союза и обстановки во всем мире момент. Вступив на путь глубоких реформ и пройдя в этом направлении значительный отрезок, Советский Союз сейчас оказался перед глубоким кризисом, дальнейшее развитие которого может поставить под вопрос как сам курс реформ, так и привести к серьезным катаклизмам в международной жизни.

Не является секретом, что резкое падение производства в стране, не восполняемое пока деятельностью альтернативных промышленных и сельскохозяйственных структур, создает реальную угрозу дальнейшему сосуществованию и развитию народов Советского Союза.

В стране возникла обстановка неуправляемости и многовластия. Все это не может не вызывать широкого недовольства населения. Возникла также реальная угроза дезинтеграции страны, развала единого экономического пространства, единого пространства гражданских прав, единой обороны и единой внешней политики.

Нормальная жизнь в этих условиях невозможна. Во многих районах СССР в результате межнациональных столкновений льется кровь, распад СССР имел бы самые тяжелые не только внутренние, но и международные последствия. В этих условиях у нас нет иного выбора, кроме как принять решительные меры, чтобы остановить сползание страны к катастрофе.

Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения принято решение образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению. ГКЧП СССР полностью отдает себе отчет о глубине поразившего страну кризиса, принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый гражданин СССР будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренить позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинные демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущих к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан, не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, кому более всего угрожают инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность.

Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной задачей станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа. Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависят наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний, мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил, исполненный гордости за свою Родину. Мы не стыдились патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе. Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем неза-

висимым и процветающим, должен сделать единственно правильным выбор. Мы призываем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Мы призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса. Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов, в возрождении Отечества.

В о п р о с. Где сейчас М. С. Горбачев?

Г. Янаев. Михаил Сергеевич Горбачев находится на отдыхе и лечении в Крыму. За эти годы он очень устал, и требуется какое-то время для того, чтобы он поправил здоровье. Надеюсь, что Горбачев, поправившись, вернется к исполнению своих обязанностей. Мы будем следовать курсу, который он начинал в 1985 году. Что касается чрезвычайного положения, то оно вводится в очень трудный для страны период для того, чтобы избежать каких-либо эксцессов. Мы вынуждены были принять некоторые меры по безопасности наших граждан.

В о п р о с. Есть ли сейчас конкретная программа возрождения экономики страны? Будут ли действовать ранее принятые законы, будет ли продолжаться движение к рынку?

А. Тизяков. Ни для кого не секрет, что перестройка не дала тех результатов, которые все от нее ждали. Наша экономика сегодня находится в тяжелейшем положении, идет спад производства, он обусловлен целым рядом факторов, однако нельзя сбросить со счетов и то, что перестройка осуществлялась в таких масштабах. В любом поиске могут быть определенные недоработки, даже ошибки. Вот та ситуация, которая сложилась. Она и послужила главной причиной введения чрезвычайного положения. У нас сегодня разорваны связи между предприятиями. Негативную роль сыграло закрытие ряда республиканских и региональных

границ. Это создало крайне тяжелую обстановку для работы предприятий, которые начали пробуксовывать, останавливаться.

Наши действия будут прежде всего направлены на стабилизацию экономики. От реформ, направленных в движении к рынку, мы не отказываемся. Считаем, однако, что движение это надо будет четче проработать и организовывать на более высоком уровне управления всех наших действий.

Вопрос. Российское информационное агентство передало обращения Ельцина, Силаева и Хасбулатова к гражданам России, в котором события минувшей ночи охарактеризованы как «правый реакционный антиконституционный переворот». В этом же обращении прозвучал призыв к всеобщей бессрочной забастовке. Какими могут быть конкретные действия комитета в этой связи?

Г. Янаев. Сегодня, когда советский народ был информирован о создании Комитета по чрезвычайному положению, я и некоторые другие члены комитета имели контакты с руководителями всех девяти республик, которые заявили о своей готовности войти в состав обновленной союзной Федерации, а также с руководством многих краев и областей Союза. Могу сказать, что в целом создание комитета и его стремление вывести страну из того кризисного положения, в котором она находится, поддержаны. Сегодня же я имел разговор с Ельциным. Мне известно заявление Бориса Николаевича, товарищей Хасбулатова и Силаева. В этой связи хотел бы подчеркнуть, что Комитет по чрезвычайному положению готов сотрудничать с руководством республик, краев и областей, исходя из нашего стремления найти такие адекватные формы развития демократии, подъема экономики, культуры, обеспечения прав человека, которые дали бы возможность наиболее эффективно справиться с проблемами, с которыми мы сегодня сталкиваемся. Полагаю, что, если бы мы имели готовность руководства России к такому сотрудничеству, мы смогли бы найти пути этого взаимодействия.

Считаю, что призыв к всеобщей бессрочной забастовке — это безответственный призыв, и мы, видимо, не можем позволить себе такого. Когда страна нахо-

дится в хаосе; нельзя играть в политические игры, потому что в конечном счете эти игры оборачиваются против нашего многострадального народа. Если нам небезразлична судьба Отечества, судьба России, мы должны найти действительно практические формы взаимодействия.

Вопрос. Кем и как именно принято решение о принятии чрезвычайного положения, предусматривается ли формирование какого-либо комитета общественного спасения или иного подобного органа, есть ли намерение созвать сессию Верховного Совета СССР?

Г. Янаев. Что касается введения чрезвычайного положения, то мы исходили из того, что бывают такие критические ситуации, которые требуют немедленных действий. Мы намерены обратиться с подтверждением полномочий на введение чрезвычайного положения к Верховному Совету СССР, который будет созван 26 августа.

Вопрос. Государственный комитет по чрезвычайному положению СССР в своем обращении к народу заявил, что в первую очередь будет заботиться об интересах самых широких слоев населения, будет стремиться решить продовольственную и жилищную проблему. Какие конкретные меры предполагается принять для этого и какими ресурсами располагает комитет?

Г. Янаев. Это очень важный вопрос. Первый шаг, который мы намерены предпринять, — это сделать максимум возможного для спасения урожая. Видимо, завтра примем соответствующий документ, который будет ориентировать на экстренные, чрезвычайные меры в этом плане. Мы намерены использовать все возможности государства для того, чтобы, во-первых, провести своеобразную инвентаризацию того, что есть в стране.

Последние три года мы очень плохо строили жилье, и многие граждане ожидали, что мы будем выполнять ту жилищную программу, о которой заявили в самом начале перестройки. К сожалению, мы оказались несостоятельными. Поэтому считаю, что сейчас перед нами стоят три очень главные задачи. Первая — продовольствие, вторая — жилье и третья — транспорт и энергетика, поскольку страна идет в зиму.

Вопрос. Кто будет исполнять обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС?

Г. Янаев. Это партийный вопрос, и я не хотел бы его сейчас комментировать...

Вопрос. Верно ли, что ряд изданий, в том числе «Аргументы и факты», «Московские новости», «Курьеры», «Столица» и ряд других объявлены закрытыми? На какой срок их закрыли?

Г. Янаев. Я думаю, что если мы вводим режим чрезвычайного положения, то должны будем перерегистрировать некоторые массовые издания. Именно перерегистрировать. Речь не идет о закрытии газет, а об их перерегистрации, потому что в том хаосе, в котором оказалась страна, в значительной степени повинны и некоторые средства массовой информации.

Вопрос. Какие отклики получены на обращение комитета к руководителям государств мира и Генеральному секретарю ООН?

Г. Янаев. Мы очень внимательно анализируем высказывания зарубежных государственных и политических деятелей. Реакция в общем-то достаточно сдержанная, поскольку, видимо, сейчас у наших партнеров еще слишком мало фактического материала, чтобы занять какую-то аргументированную позицию. Я знаком с последним заявлением президента Джорджа Буша, в котором он выражает надежду, что те внешнеполитические обязательства, которые взял на себя Советский Союз, будут выполняться. Это подтверждено в заявлении Государственного комитета по чрезвычайному положению сразу же вслед за его формированием.

Вопрос. Что нового предполагается внести в борьбу с преступностью?

Б. Пуго. Не следует полагать, что будут найдены и предложены какие-то принципиально новые меры, которые раньше не применялись. Думаю, прежде всего надо исходить из того, что правоохранительные органы должны значительно улучшить свою обычную работу, мы обязаны повысить требовательность к сотрудникам, дать возможность лучше проявлять себя истинным профессионалам. Надо полагаться именно на профессионалов.

Если же говорить о каких-то конкретных путях, то думаю, что уже сейчас более чем в пятидесяти городах

страны оправдали себя такие методы, как совместное патрулирование. Эта мера была первоначально встречена подозрительно, однако она показала свою эффективность.

В о п р о с. Поддержат ли крестьянские массы Комитет по чрезвычайному положению?

В. Стародубцев. Именно крестьянство, и особенно в этом году несет самые тяжелые потери в ходе перестройки. Большинство колхозов, совхозов и только что народившихся фермерских хозяйств находится на грани катастрофы. Нарушен ценовой паритет между городом и деревней. Отсутствие горючего, запасных частей, резкое снижение поставки сельскохозяйственному производству техники и других материалов приводят, прямо скажем, к тяжелейшему состоянию крестьянства. Думаю, что доведенные до отчаяния крестьяне надеются сегодня на то, что будет наконец наведен порядок, что взоры всего нашего общества будут обращены к крестьянству, помогут ему встать на ноги, возродиться.

В о п р о с. Не кажется ли вам, что сроки и критерии перерегистрации ряда изданий, мягко говоря, несколько странны? И вообще, создание комитета больше похоже на переворот. Такое уже было в семнадцатом, когда свергли царя, и в шестьдесят четвертом, когда сняли Хрущева.

Г. Янаев. Что касается перерегистрации газет, то мы постараемся этот процесс не затягивать. Не хотел бы сейчас комментировать критерии, которые будут положены в основу перерегистрации. Что касается утверждения, будто сегодня ночью совершен государственный переворот, я позволил бы не согласиться с этим, поскольку мы опираемся на конституционные нормы. Полагаю, что подтверждение решения, которое мы приняли, Верховным Советом СССР даст возможность констатировать, что абсолютно все юридические и конституционные нормы были соблюдены. Сравнение мне не кажется корректным, думаю, что любые аналогии здесь просто опасны. Полагаю, в свое время медицинское заключение о состоянии здоровья Михаила Сергеевича Горбачева будет опубликовано.

В о п р о с. Каковы перспективы выполнения Договора СССР с Германией в сложившейся ситуации?

Г. Янаев. В заявлении Государственного комитета по чрезвычайному положению содержится подтверждение обязательств, которые Советский Союз взял на себя во внешнеполитической области, включая и те обязательства, которые он имеет перед объединенной Германией.

Вопрос. Есть ли у вас план действий, направленных на прекращение в стране межнациональных конфликтов?

Г. Янаев. Мы имеем программу действий по снижению той напряженности, которая есть у нас в сфере межнациональных отношений. Есть у нас и совершенно конкретные планы.

Они связаны с урегулированием проблем между Арменией и Азербайджаном. Имеются конкретные предложения по урегулированию других межнациональных проблем. Полагаю, что это одна из самых важных проблем, которые стоят сейчас перед СССР. Руководство страны, руководство Комитета по чрезвычайному положению обязаны незамедлительно заняться этими проблемами. Мы получили поддержку от абсолютного большинства руководителей республик нашему намерению навести в стране порядок, спасти страну.

Вопрос. Когда журналисты смогут встретиться с М. С. Горбачевым?

Г. Янаев. Как только состояние здоровья Михаила Сергеевича позволит это.

Вопрос. Какие меры предполагается принять, чтобы решить жилищную, продовольственную проблемы для военнослужащих и особенно для тех, которые после вывода наших войск из ряда стран находятся в бедственном положении?

О. Бакланов. Смысл наших подходов заключается в том, чтобы сконцентрировать все имеющиеся ресурсы и за счет этого форсировать строительство жилья для военнослужащих и их семей. Вы знаете, наверное, цифру: около 200 тысяч семей нуждаются в этом. Нормальным такое положение не назовешь. Надо использовать и собственные ресурсы, и те, которые в соответствии с договоренностью мы должны получить от иностранных государств.

В о п р о с. Будет ли ГКЧП выполнять указ президента Ельцина о департизации?

Г. Янаев. Все указы и постановления, которые будут приниматься, будут рассматриваться с точки зрения чрезвычайного положения в стране. Но, пользуясь случаем, подчеркну: то, чем сейчас занято руководство Российской Федерации, и в частности призывами к неповиновению, — это очень опасная политика. Она может привести к эксцессам и даже вооруженной провокации. Государственный комитет по чрезвычайному положению считает своим долгом предупредить об этом всех советских людей. Мы надеемся, что спокойствие и порядок повсюду будут обеспечены.

В о п р о с. Какова позиция Комитета по чрезвычайному положению в отношении республик Прибалтики, Грузии, Армении и Молдовы, которые не намерены подписывать Союзный договор?

Г. Янаев. Здесь наша позиция неизменна, ее неоднократно обнародовал президент М. С. Горбачев. Мы будем уважать волеизъявление народов страны. Постараемся, чтобы Союзный договор, от которого будет зависеть то, по какому историческому пути будет развиваться страна, был принят и обсужден всенародно. Полагаю, что по мере нормализации ситуации в стране мы пойдем на прямые выборы президента Советского Союза в соответствии с демократическими принципами.

В о п р о с. В связи с введением в стране чрезвычайного положения будет ли ограничена свобода передвижения граждан?

Г. Янаев. Чрезвычайное положение оставляет гражданам регионов, где оно введено, свободу передвижения. Свою работу ГКЧП намерен осуществлять на основе консенсуса.

В о п р о с. Не изменилась ли у вас оценка роли Горбачева в жизни советского общества в последние годы?

Г. Янаев. Полагаю, что Михаил Сергеевич сделал неизмеримо много для того, чтобы демократические процессы широко начались в стране в 1985 году. Этот человек заслуживает всяческого уважения, он сделал все для того, чтобы мы встали на демократический путь.

Двадцатого августа весь день я провел в кабинете, исключая время, когда возил рукопись книги в «Политиздат». Никаких указаний сверху по-прежнему не было. Попытки связаться с секретарями ЦК были безуспешными. Дежурные в приемных отвечали: нет на месте.

Общение с коллегами показывало: никто не располагал достоверной информацией. Заведующих отделами не подпускали к секретарям. Замзавы не имели доступа к заведующим. Заведующие секторами, консультанты и референты были предоставлены сами себе. Кучковались в курилках, холлах, возмущенно переговаривались: что происходит? Аппарат, воспитанный в жестких правилах послушания, терялся в догадках. Руководство не собирает, не информирует, заданий не дает.

Обменивались новостями с периферии. Кому-то позвонил знакомый из Пензы. Услышав по радио призывы ГКЧП к наведению порядка в стране, двадцать пять сотрудников УВД бросились уплачивать партийные взносы за последние месяцы. В соответствии с российским законом о милиции пензенские стражи порядка департизировались. Встретившись на прощание с начальниками служб УВД, первый секретарь обкома предупредил: решайте, как знаете, но как бы кто-нибудь вскоре не пожалел о своем выходе из КПСС.

Милицейские начальники вспомнили это предостережение девятнадцатого августа. У многих из них деньги не приняли. Сказали, что слишком долго не платили и, следовательно, окончательно утратили связь с партией.

Обсуждая подобную информацию, мои коллеги относились к ней по-разному. Аппарат ЦК к тому времени был совершенно иной, чем в 1985 году, когда я попал в ленинский штаб. Были люди, которые упрекали гзачеписстов в нерешительности, в неумении управлять ситуацией. Немало было и таких, кто после знаменитой пресс-конференции девятнадцатого августа резко осуждали заговорщиков. Двадцатого августа таких людей в аппарате стало больше. Двадцать первого все поняли, что путчисты проиграли. Ожидали самого

худшего, но то, что произошло, не могло присниться даже в горячечном бреду.

Двадцать первого августа наконец-то поступила команда срочно объявлять пресс-конференцию на семнадцать часов. Команда поступила в пятнадцать тридцать. Такой спешки никогда не было.

— Отмываться будете? — невесело пошутил один из иностранных журналистов, которого оповестили о встрече в пресс-центре. И сочувственно добавил: — Нелегко придется вашим начальникам.

Пресс-конференция началась с опозданием примерно на час. Видно, начальники не могли договориться, кому ехать. Первым в гостиницу «Октябрьская» прибыл Александр Якимович Дегтярев, заведующий идеологическим отделом, член ЦК КПСС и ЦК Компартии РСФСР. Потом появилось целое созвездие секретарей — Дзасохов, Лучинский, Калашников.

— Программа «Время» приехала? — спросили у меня прибывшие.

— Да вроде еще нет.

— Наше вам с кисточкой. Это же главное. Надо, чтобы пресс-конференцию увидела вся страна. Остальные средства массовой информации не столь важны в нынешней ситуации... Кто у вас в пресс-центре занимается телевидением? Это же надо — не догадаться пригласить программу «Время»!

Они еще надеялись, что двухминутная картинка по «ящику» спасет!

В тот день было столько событий, что телевидение не могло попасть даже на самые главные. Не хватало телеаппаратуры, камер, все технические средства были задействованы.

По «кремлевке» я набрал номер председателя Гостелерадио СССР Кравченко. Голос Леонида Петровича был усталым и растерянным.

— Все как стоворились сегодня, — попробовал он пошутить через силу. — Все проводят пресс-конференции. Ладно, пришлю бригаду. Если наскребем людей, конечно.

— Вы уж постарайтесь, пожалуйста.

— Хорошо, попробуем что-нибудь придумать.

Вскоре бригада тележурналистов из программы «Время» прибыла. Но начало пресс-конференции она

упустила. Ее открыл Дегтярев: столь ответственное дело поручили не руководителю пресс-центра, а именно ему. Дегтярев предоставил слово члену Политбюро, секретарю ЦК Дзасохову.

Александр Сергеевич говорил в своей обычной манере. Он огласил заявление Секретариата ЦК КПСС, который выступил «за срочное проведение Пленума с непременным участием Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева». Секретариат ЦК в своем заявлении призвал «проявлять выдержку и спокойствие», «не допускать сбоев в трудовом ритме». Особенно пикантным на фоне разворачивавшихся горячих событий выглядел призыв Секретариата ЦК «особое внимание уделять завершению уборки урожая, подготовке к зиме».

Правда, через день, двадцать второго августа, Секретариат ЦК выступил с другим заявлением, где говорилось об участии ряда членов ЦК «в действиях, связанных с попыткой государственного переворота», и обратился в Центральную Контрольную Комиссию КПСС с предложением незамедлительно рассмотреть вопрос об их ответственности. Но это были запоздалые шаги, они уже ничего не могли изменить.

По словам В. А. Медведева, советника президента, прервавшего отпуск и срочно вернувшегося в Москву, молчание руководства партии обеспокоило его. Отгоняя от себя мысль о причастности ЦК к заговору, Медведев считал необходимым, хотя и не занимал какого-либо официального положения в партии, переговорить с секретарями ЦК, которым больше доверял и которых сумел найти (Гиренко, Купцовым, Строевым, Дзасоховым), настоятельно советовал руководству ЦК незамедлительно выступить с заявлением, осуждающим антиконституционный захват власти группой лиц, отмежеваться от тех партийных деятелей, которые активно участвовали в путче.

Как потом выяснилось, над предварительным текстом первого заявления работали Дзасохов и Калашников. Потом они пришли в кабинет Ивашко и продолжили работу над документом. Обстановка, как потом вспоминал Лучинский, была свободной и раскованной. В комнате собрались все секретари — Семенова, Манаенков, Фалин, Гиренко, Строев, Мель-

ников, Купцов, Шенин. Последний, однако, вскоре ушел.

Люди входили и выходили. Звонили телефоны. Наконец, отпечатали три экземпляра и стали обсуждать каждый абзац заявления. Это заняло много времени.

— Ситуация сложилась тупиковая, — рассказывал Лучинский. — С одной стороны, никто не беспокоил членов ГКЧП, чтобы с ними не связываться и не бросить на себя тень. С другой стороны — они же коммунисты! С них и спрос как с членов партии...

Лучинский допускает, что чувство непричастности к авантюрным играм ГКЧП притупило в секретарях ЦК другое, более сильное — беспокойство за судьбу партии и страны. Петр Кириллович нерешительность Секретариата объясняет неожиданным характером событий. Мол, если бы не внезапность, родилось бы самое простое решение, которое расставило бы все на свои места. Достаточно было Ивашко в первый же день поднять шум об «исчезновении» Генерального секретаря, и уж пресса — наша и зарубежная — довела бы этот протест до решительного осуждения действий ГКЧП.

Таким образом, из свидетельства Лучинского видно, что секретари ЦК КПСС, кроме Шенина, были озабочены лишь одним — вопросом «о непричастности ЦК к ГКЧП». Но ведь, как замечают некоторые публикаторы, рушилась страна! Бывший сотрудник аппарата ЦК Валерий Легостаев, например, пишет в своей книге «Технология измены», что первая реакция людей, трудовых коллективов почти повсеместно была в пользу ГКЧП, и если бы он сразу открыто заявил об изоляции Горбачева, то получил бы своим действиям более решительную и более активную поддержку со стороны партии и большинства народа, поскольку имя Горбачева стало в те дни уже почти для всех своеобразным аллергеном.

«Нельзя не давать ни малейшего повода, чтобы нас заподозрили в поддержке заговорщиков», — эти слова Лучинского показывают, чем были озабочены высшие руководители самой могущественной в истории человечества партии. Лишь один Шенин отважился тогда отправить первым секретарям обкомов, крайкомов и рескомов партии шифротелеграмму с прось-

бой поддержать действия ГКЧП в рамках Конституции СССР.

Но вернемся к пресс-конференции. Дзасохов зачитал текст заявления Секретариата ЦК КПСС.

Впрочем, это заявление уже было известно журналистам — оно несколько раз передавалось по радио и вызывало недоумение своей размытостью и слабостью.

Был затронут и вопрос о «поздней или среднепоздней реакции» ЦК, как выразился Дзасохов, на события, связанные с деятельностью ГКЧП. Впрочем, читатель может сам сделать выводы, ознакомившись со стенограммой пресс-конференции, состоявшейся двадцать первого августа 1991 года — последней в истории правившей партии.

Документ для истории

Председательствующий. Здравствуйте, уважаемые коллеги! Я являюсь заведующим идеологическим отделом ЦК КПСС. Разрешите мне открыть нашу пресс-конференцию. Она, по необходимости, будет достаточно краткой, я думаю, тридцать-сорок минут. Разрешите предоставить слово члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК Александру Сергеевичу Дзасохову.

Дзасохов. Я хочу начать свое выступление с того, чтобы сообщить представителям средств массовой информации, что все эти чрезвычайно и острокритические дни Секретариат ЦК партии, так же как и все общество, был поставлен в чрезвычайные условия. Вчера и сегодня мы настойчиво добивались обеспечения нам условий для встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Горбачевым Михаилом Сергеевичем. К нашему удовлетворению, хотя и после долгих напряженных часов, мы добились условий, которые осуществлены политическими методами. Заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС товарищ Ивашко, кстати, находившийся на излечении в госпитале, перенесший хирургическую операцию, тем не менее в начале второй половины дня вылетел в Крым. По имеющимся у нас данным, он находится на месте. Мы сегодня сделали свое первое заявление, суть кото-

рого сводится к тому, что немислимо представить положение коллегияльных органов ЦК КПСС без встречи со своим лидером и получения на этой основе объективной информации, относящейся особенно к начальным этапам сложившегося чрезвычайно сложного положения.

Вслед за этим я вам хочу сказать, что мы в этот критический момент истории нашего государства еще раз взвесили наши принципиальные позиции. И в этой связи считаю необходимым заявить следующее: мы в очередной раз как коллегияльные руководящие органы КПСС были поставлены перед фактами, причем, как вы можете сами судить, чрезвычайно сложными и, следовательно, необходимостью давать свою оценку уже свершившимся, происшедшим политическим событиям. На фоне сложившейся ситуации мы хотим со всей определенностью констатировать, что всестороннее обновление советского общества, начало которому было положено КПСС в апреле восемьдесят пятого года по инициативе Генерального секретаря ЦК Горбачева, является исторически необходимым и отвечает высшим интересам советского народа. Мы подтверждаем свою приверженность курсу на демократическое обновление советского общества, принципам и целям, изложенным в документах XXVIII съезда партии и в недавно опубликованном для обсуждения в партии и обществе проекте Программы КПСС.

В последние годы было положено начало важным позитивным сдвигам в общественной жизни нашего государства, созданы предпосылки для преодоления наследия тоталитарного прошлого. Однако, я надеюсь, вы это хорошо знаете, масштабы накопившихся проблем, просчеты, допущенные при разрешении важнейших вопросов, ошибки привели к глубокому кризису общества и государства. Тем не менее, осознавая всю необходимость преодоления этого кризиса, мы подтверждаем, что достижение этих целей мыслимо и допустимо только конституционным путем.

ЦК считает недопустимым использование временных чрезвычайных полномочий для установления авторитарного режима, причем какой бы то ни было политической силой или отдельным лицом. Мы выступаем за безотлагательное, срочное рассмотрение сло-

жившегося положения в нашем парламенте или, при необходимости, через созыв Съезда народных депутатов СССР. Секретари ЦК выступают за проведение уже в ближайшее время пленума ЦК КПСС с участием Генерального секретаря Горбачева.

Мы призываем коммунистов содействовать сохранению в этой сложной обстановке гражданского мира, поддержанию правопорядка в стране, созданию условий, в которых каждый гражданин нашей страны мог бы с полной ответственностью сам определить свое отношение к коренным проблемам развития нашего общества и нашего государства. Мы считаем своим долгом обратиться ко всем соотечественникам с призывом соблюдать выдержку, спокойствие, не допускать сбоев в трудовом ритме и в созидательном процессе. Особого внимания требуют сельскохозяйственные работы, подготовка к осени и зиме. Необходимо сделать все, чтобы устранить угрозу энергетического и продовольственного кризиса. И на основе этих наших принципиальных воззрений мы выражаем надежду, что добрая воля и труд советских людей обеспечат развитие страны по пути гражданского мира и созидания.

В дополнение к изложению этих наших воззрений я хотел бы сообщить вам, что в эти дни партийные комитеты, рядовые коммунисты, с тревогой характеризую сложившееся положение, требуют от ЦК партии ускорить рассмотрение сложившегося положения в составе Центрального Комитета. Очень много обращений связано с желанием выяснить судьбу и местонахождение лидера нашей партии. Я должен в более определенной форме сказать вам, что когда мы говорим, что партия была в очередной раз поставлена перед необходимостью давать оценку событиям постфактум, то это означает, что руководящие органы ЦК получали информацию, в том числе и находящиеся здесь члены руководства ЦК, по обычным, общедоступным в тот ранний час девятнадцатого числа каналам средств массовой информации.

Я уже вспоминал, при каких условиях мы добивались срочного выезда, или точнее говоря, вылета заместителя Генерального секретаря для встречи с товарищем Горбачевым. В утреннем заявлении мы сообще-

ли, чем располагали. Надеюсь, что после происшедшей встречи с Генеральным секретарем в Крыму мы будем располагать большим объемом информации — с фактологической и смысловой точек зрения. Вот все, что можно было бы сообщить в начале нашей пресс-конференции. Пожалуйста, вопросы.

Вопрос. Чем объясняется запоздалая реакция на те события, которые развернулись в ночь на девятнадцатое августа, со стороны ЦК КПСС? Какие были попытки связаться с Горбачевым, узнать о его судьбе, о состоянии его здоровья? Какую помощь ЦК и его аппарат попытались оказать генсеку и президенту?

Дзасохов. Вы, наверное, помните, что на пресс-конференции, которая была организована Комитетом по чрезвычайному положению, сообщалось, что жизнь Генерального секретаря в безопасности и он находится в соответствующих условиях, которые гарантируют это. Нас, конечно, такая усеченная формулировка не удовлетворяла. Поэтому мы настаивали на том, чтобы войти в прямой контакт с Горбачевым. Однако должен вам со всей ясностью сказать, что даже получить телефонную связь было невозможно. Что касается впечатления о поздней или среднепоздней реакции, я вам должен сказать, что мы в Секретариате ЦК КПСС выступили за то, чтобы пленум ЦК, а это четыреста человек и география нашей страны, собрался бы немедленно, двадцатого числа. Многие члены Центрального Комитета уже прибыли в Москву, особенно из отдаленных районов. Но условия, которые подспели, а они развивались, как снежный ком, в том числе и понятия, которые были продекларированы в связи с чрезвычайным положением в городе и реальной ситуацией, не позволили нам сделать это. Мы и сейчас, говоря о том, что надо пленум собрать, не исключаем, что проведение его может произойти не в Москве. Хотя добрые приметы в понижении напряженности налицо. Считаю необходимым также показать всю технологию сложившейся ситуации, как она влияла на формирование позиции. Обсуждение проходило довольно дискуссионно, в сложной обстановке. И тут были определенные нюансы, хотя к общему знаменателю и к сути тех позиций, о которых я вам сообщил, мы все пришли.

О попытках связаться с генсеком. Они были не только на союзном уровне. Тов. Ивашко делал ряд звонков в местные партийные комитеты, которые находятся в Ялте и Симферополе. Единственное, что мы знали — Михаил Сергеевич не вылетел и не выехал с дачи. К нему непосредственно пробиться не смогли. По совершенно неофициальным каналам простых коммунистов получали подтверждение того, что он находится в своей резиденции в Крыму. Его окружали коммунисты, в том числе и армейские, и они информировали ЦК о положении дел.

В о п р о с. Те, кто возглавил путч, являются членами ЦК КПСС, тем не менее от вас не прозвучала оценка их действий. Безусловно, КПСС была в преимущественном положении по сравнению с другими партиями и вообще с другими силами во время этих событий, поскольку это была единственная сила, у которой не были закрыты газеты. Тем не менее, ваш орган газета «Правда» целиком распространяла информацию только путчистов и информацию, им способствующую. Как вы это расцениваете?

Дзасохов. Уверен, что предстоящий пленум ЦК начнется с того, чтобы, помимо рассмотрения всей сложной панорамы, сложившейся в этот момент, вникнуть и в сферу оценок действий отдельных членов партии. Какое давление оказывала Компартия на путчистов и их руководителей? Кто кого к чему призывал? Видите ли, в чем дело. Может быть, вы не успели ознакомиться с заявлением Секретариата ЦК КПСС? Я вам сообщу текст нашего утреннего заявления. По поручению Секретариата ЦК КПСС заместитель Генерального секретаря ЦК Ивашко поставил перед исполняющим обязанности президента СССР т. Янаевым вопрос о незамедлительной встрече ЦК с Горбачевым. Вот вам пример того, с какой определенностью и регулярностью мы стремились прояснить вопрос.

В о п р о с. Скажите, пожалуйста, верили ли вы лично с самого начала в версию о проблемах со здоровьем Михаила Горбачева? Дайте свою личную оценку происшедшим событиям девятнадцатого августа: что это — переворот, путч, как вы лично расцениваете? И еще: будут ли привлекаться к партийной ответственности участники переворота?

Дзасохов. Я на третий ваш вопрос в той или иной форме ответил, когда адресовал задававшего вопрос к атмосфере будущего съезда. Кроме того, я хочу напомнить вам, что существует съездом созданная структура Центральной контрольной комиссии, которая тоже будет этими вопросами заниматься, вне всякого сомнения. Теперь по здоровью вы спрашивали. Что касается здоровья, я даже сейчас думаю, что мои коллеги тоже не могут вам, особенно с такой уверенностью, с медицинской точки зрения, сказать, что все отлично, но, вместе с тем, то, чем мы располагаем; дает нам право сказать, что здоровье не является причиной. А что касается моей оценки, то я считаю, что целый ряд действий, которые произошли, особенно такого неприемлемого характера, как танки на улицах и т. д., несовместим с конституционными положениями и с нашим курсом на обеспечение правового государства.

Лучинский. Что касается здоровья, я хочу сказать, поскольку был в отпуске рядом с Горбачевым. Михаил Сергеевич созванивался с некоторыми товарищами, которые отдыхали там, поэтому у нас были контакт и общение. Мы знали, что, действительно, он несколько приболел, имеется в виду радикулит его прихватил. А такого состояния, которое ему не позволяло двигаться, мы не слышали, по крайней мере, ни от кого, с кем он общался.

В о п р о с. Не могли ли бы вы кратко охарактеризовать расстановку сил на заседании Секретариата ЦК КПСС? Вы сказали, что обсуждение проходило в острой дискуссии.

Дзасохов. Я бы не хотел, говоря о расстановке сил, о том, что происходило в эти дни на Секретариате, что бы вы упрощали ситуацию. События, которые произошли, очень сложные. И мы — Секретариат ЦК — имели самую различную реакцию со стороны первичных партийных организаций, трудовых коллективов. У меня на столе лежали стопки бумаги. В одних телеграммах — несогласие с объявленными комитетом мерами по наведению порядка в стране, в других — резкое осуждение этих мер. Мы оказались заложниками той ситуации, которая существует в стране уже по крайней мере два года. Эта ситуация формулируется так —

война законов. Вот представьте себе ситуацию, когда официальные государственные руководители — министр обороны, вице-президент, министр внутренних дел и т. д. и т. п., заявляют о том, что по состоянию здоровья президент СССР не в состоянии на данный короткий период — это было подчеркнуто, и они надеются, что этот период не будет длительным, — выполнять свои обязанности, и создают комитет, который декларирует вполне приемлемые для всего народа цели: усилить борьбу с мафиозными структурами, теневой экономикой, восстановить хозяйственные связи и т. д. При этом он подчеркивает свою приверженность к развитию демократии. Но, видимо, сразу и однозначно действует он до созыва Верховного Совета СССР, на основании союзного закона. Могли ли вы сразу однозначно понять эту акцию? Вероятно, нужно было какое-то время для того, чтобы разобраться, что реально стоит за этим комитетом, какие акции он будет предпринимать. Мы надеялись, что в ближайшие дни будет сразу же собран Верховный Совет СССР, который даст правовую оценку действиям этого комитета. Вот с этим и были связаны все наши дискуссии.

Калашников. Все эти наши дискуссии приобрели совершенно другую окраску, когда на улицах появились танки. Это, конечно, привело нас в такое положение, когда мы считали это совершенно недопустимым.

Вопрос. Считаете ли вы лично, что это был путч и что во главе государства намеревалась стать хунта? И второй вопрос. Два дня я провел в здании Верховного Совета РСФСР и возле него, видел, кто там был, что там происходило. Там были самые разные люди — от Ростроповича до Шеварднадзе, Ельцина и Боннер. Скажите, кто из руководящих работников Компартии посещал Верховный Совет, велись ли какие-либо переговоры с российским руководством?

Дегтярев. Многие депутаты-коммунисты там были. В частности, заведующие отделами ЦК КПСС Бабичев, Михайлов.

Калашников. Я хочу сказать по поводу хунты, чтобы вам было ясно. Я всегда считался лидером ленинградских коммунистов-реформаторов, всегда на пленумах ЦК вел активную борьбу за продолжение курса

Горбачева. Если вы возьмете последний пленум ЦК КПСС, мое выступление на нем, то эта позиция изложена категорически. Именно поэтому я был введен в конце июля в состав Секретариата ЦК. Тем не менее как историк, честно глядя вам в глаза, я не хотел бы назвать тех товарищей, которые совершили это событие, хунтой, стремившейся восстановить прежние порядки. Нет, я думаю, что это люди, которые совершили грубую ошибку в оценке сложной ситуации, и за эту ошибку они должны нести всю ответственность.

Вы все прекрасно понимаете, что в той сложной ситуации, которая сложилась в стране, вполне возможно, что найдутся силы, которые попытаются использовать эту ситуацию и нанести удар по КПСС. Я обращаюсь сейчас не столько к вам, сколько к ним. Я призываю к ответственности ту сторону, которая должна прекрасно понимать, что в руках Комитета чрезвычайного положения находились огромные вооруженные силы, но они не были применены. Значит, разум в этой ситуации возобладал.

И следующий, ответный шаг разума должен быть сделан со стороны руководства России. Будет трагедией для страны, если эта ситуация будет использована для антикоммунистической истерии.

Вопрос. Действительно ли Коммунистическая партия расценивает как неконституционное создание и действие этого комитета?

Дзасохов. Действия, которые были осуществлены, мы квалифицировали, и я в своем заявлении об этом сказал, как несовместимые с конституционными положениями... Никто, какое бы положение он ни занимал, не имеет права, минуя законодателей и парламент, решать сложнейшие вопросы. И тем более с использованием методов, которые несовместимы с Конституцией.

Вопрос. Если вы были так уверены, что это — незаконное формирование, почему не стали выпускать подпольные газеты, как это сделали многие издания, выходившие в те дни на ксероксе и распространявшиеся разными подпольными способами?

Лучинский. По газетам... Я не понял, о чем...

Повторение вопроса. Почему не выпускали подпольные газеты?

Лучинский. По-моему, слишком много подпольных газет. Что значит — выпускать, я так и не понял, почему это было необходимо.

В о п р о с. Скажите, Александр Сергеевич, не кажется ли вам, что вот этот инцидент, назовем его так, является еще одним аргументом в пользу немедленной департизации органов КГБ и армии?

Дзасохов. Я считаю, что путь к обеспечению правопорядка, конституционности лежит только через законы, не обязательно только через департизацию. В каждом государстве, а мы являемся крупным, самобытным государством, существуют свои традиции, которые, кстати говоря, и в современной политической практике не предполагают департизации. В мировой практике одним из ключевых прав гражданина является выбор политических воззрений. Что касается нашего отношения к известному указу президента РСФСР о департизации, то оно в развернутой форме было дано. Это процесс. Кстати, мы пытаемся с авторами указа и с самим Ельциным эти вопросы обсуждать.

В о п р о с. Отношение армейских коммунистов и, в частности, члена Политбюро ЦК КПСС товарища Суркова к этому событию?

Голоса. Где Сурков? Это вопрос самому Суркову. Найдите его и задавайте этот вопрос. Сурков не выполнял никаких поручений Политбюро и Секретариата... Сурков не является... Он партийный работник... Он никакой... Найдите Суркова, задайте ему этот вопрос...

В о п р о с. Мой вопрос к Калашникову. Владимир Валерьянович, не считаете ли вы, что если я, допустим, человек бедный, то какой путь выхода из бедности изберу: грабеж или воровство? Это что, меня спасает от тюрьмы? Почему вы называете преступные действия ошибкой?

Калашников. Я вам сказал, что мы все сейчас — заложники войны законов. Комитет руководствовался союзным законом, который дает возможность президенту страны ввести временно чрезвычайное положение на ряде территорий с немедленным представлением и утверждением этого шага Верховным Советом СССР.

В о п р о с. Все вы четверо — руководители партии.

Спрашиваю: надо ли ждать решения ЦК партии, пленума, чтобы обсуждать недвусмысленное поведение этих высокопоставленных членов Компартии?

Дегтярев. Руководителями партии они не являются, они являются членами руководящего органа. Руководство партии — Политбюро и Секретариат.

Лучинский. И никакими не высокопоставленными.

В о п р о с. Здесь все время говорится об одной версии хунты, а в стенах Верховного Совета РСФСР дискутируется другая версия. Ельцин и Хасбулатов заявили однозначно, что Лукьянов был в курсе всех этих событий. Муслируется версия, якобы Лукьянов на встрече с руководителями «Союза» говорил, что Бакланов перед этими событиями летал к Горбачеву, и Горбачев в курсе, и вообще это все появилось в результате согласованных действий Генерального секретаря и остального окружения, чтобы повлиять на правительство России. Ваше отношение к этой версии? Она уже в ходу и наверняка будет опубликована.

Калашников. Вы знаете, я две недели — секретарь ЦК, и больше всего меня в этой ситуации возмущает одна вещь. Я так же пользуюсь слухами, как и вы, больше никакой достоверной информации по этим событиям не имею. Я не могу вам сказать, летал или не летал Бакланов, что Лукьянов знает и чего не знает. Быть в ситуации заложника решений, которые принимаются за спиной партии и за которые несет ответственность партия, я не хочу. И об этом на пленуме ЦК скажу громче, чем здесь, и приведу определенные примеры.

Товарищи, я призываю вас к одному логическому рассуждению. Подумайте, что поставили на карту эти люди, когда шли на то, на что они пошли. И может ли быть в этом случае какой-то предмет сговора для одной из сторон, потому что одна из них здесь проигрывает, извините, начисто и насовсем. Так не бывает. Таких сговоров в политике не может быть.

А теперь небольшой комментарий к стенограмме пресс-конференции.

В Секретариате ЦК, сказал Дзасохов, выступили за то, чтобы пленум ЦК собрался немедленно, двадцато-

го числа. Многие члены Центрального Комитета уже прибыли в Москву, особенно из отдаленных районов. «Но условия, которые подоспели, — цитирую Александра Сергеевича, — а они развивались как снежный ком, в том числе и понятия, которые были продекларированы в связи с чрезвычайным положением в городе и реальной ситуации, не позволили нам сделать это».

Относительно проведения пленума слухи по ЦК действительно ходили. Пленум предполагалось провести не в Кремле, как обычно, а в комплексе зданий на Старой площади. Точнее — в малом конференц-зале в шестом «А» подъезде. Я сам, собственными глазами видел вывеску «Пресс-центр» на дверях одной из комнат рядом с конференц-залом, где должны были мы находиться. Готовили к пленуму и конференц-зал, там суетились связисты, электрики, осветители.

Однако пленум решили не проводить, и прибывшие члены ЦК из отдаленных районов покупали билеты на обратный путь. С некоторыми из них я столкнулся у железнодорожной кассы управления делами ЦК. Они были в недоумении: велено ехать назад. Что с генсеком — никакой ясности. И в этот смутный час их удаляют из Москвы.

Очевидно, Дзасохов имел в виду вопрос о проведении пленума, когда говорил, что «обсуждение проходило довольно дискуссионно, в сложной обстановке. И тут были определенные нюансы, хотя к общему знаменателю и к сути тех позиций, о которых я вам сообщил, мы все пришли».

Только через два месяца станет известно, кто был противником проведения пленума двадцатого августа. Этот человек — второе лицо в партии, заместитель Генерального секретаря Владимир Антонович Ивашко. Первый день путча застал его в подмосковном санатории, где он находился уже более двух недель после операции. В «Барвихе», так называется этот санаторий, Владимир Антонович проходил реабилитацию после больничного лечения. Там же находился еще один секретарь ЦК — Андрей Николаевич Гиренко.

Ему, оказывается, и поручил заместитель генсека съездить в ЦК и попытаться получить дополнитель-

ную информацию о происходящем. Вернувшись со Старой площади в «Барвиху», Гиренко проинформировал Владимира Антоновича, что в аппарате идут разговоры о созыве пленума двадцатого августа. На «разведку» Гиренко ездил девятнадцатого и вернулся к заместителю генсека в тот же день, ближе к обеду.

Что предпринимает заместитель Генерального секретаря? Через два месяца он честно признается: время, история рассудят, прав ли он тогда был или нет, но он сразу же пришел к выводу, что собирать пленум в той обстановке — непоправимая ошибка.

Логика рассуждений заместителя генсека такова.

— У меня перед глазами еще стоял апрельский пленум, на котором М.С.Горбачев ставил вопрос о своей отставке, — признавался Ивашко. — Я председательствовал на этом пленуме, там остался хороший кусок моей жизни, и впечатления были еще живы. Я отчетливо себе представлял, что пленум сразу же поставит вопрос: «Где Генеральный секретарь?» На этот вопрос я, естественно, ничего вразумительного ответить не мог, тем более что пошли уже всевозможные слухи. Даже сам факт созыва пленума без Генерального секретаря означал бы своего рода переворот в партии. Так можно ли было в такой ситуации собирать пленум? Идем дальше. На этом пленуме немедленно бы часть членов ЦК ушла в знак протеста, это уж точно. В то же время, не знаю сколько, но кто-то бы остался, и уж тогда коллективный орган был бы втянут в переворот и в государстве, и в партии.

Двадцатого августа поздно вечером к Ивашко приехал Дзасохов и подтвердил опасения заместителя генсека на этот счет. Посоветовавшись, решили выпустить в эфир короткое сообщение Секретариата ЦК о том, что В. А. Ивашко поставил вопрос о встрече с Генеральным секретарем. Вот и все действия Секретариата ЦК.

Неспроста, когда на пресс-конференции двадцать первого августа Дзасохов сказал: «В конце концов больше всего пострадала наша партия, ведь это наш Генеральный секретарь был арестован...», в зале засмеялись. Смеялись над руководителями партии, которые лишь на третий день путча, когда заговорщики были уже практически повержены, «рискнули» прилюдно

проявить беспокойство о своем арестованном лидере. Смеялись над представителями высшей иерархии партийной власти, которые двое суток «мучительно взвешивали» и «размышляли», прежде чем в дипломатических выражениях публично отмежевались от ГКЧП.

На мой взгляд, ведущие пресс-конференцию не поняли, отчего журналисты в зале вдруг развеселились. Секретари ЦК неуклюже маневрировали, пытаясь уйти от острых вопросов. А они били прямо в глаза: верили ли вы лично с самого начала в версию о проблемах со здоровьем Горбачева? Дайте свою личную оценку происшедшим событиям девятнадцатого августа: что это — переворот, путч, заговор с целью захвата власти? Не могли бы вы кратко охарактеризовать расстановку сил на заседании Секретариата ЦК — вы сказали, что оно проходило в острой дискуссии? Если вы были так уверены, что ГКЧП — это незаконное формирование, почему не стали выпускать подпольные газеты, как это сделали многие издания, выходившие в те дни на ксероксе и распространявшиеся разными подпольными способами?

Увы, ответы были воистину аппаратными: минимум информации и максимум обтекаемых формулировок. Тактика традиционная: выждать, не торопиться с оценками, не проболтаться, напустить тумана, честный и требовательный разговор подменить дежурной «галочной» отработкой. Теперь мне понятно, почему ведущим пресс-конференции посадили заведующего идеологическим отделом Дегтярева — он хорошо выручал своих незадачливых начальников.

Вот один из образчиков ответов: «Что касается здоровья (М. С. Горбачева. — *Н. З.*), я даже сейчас думаю, что мои коллеги тоже не могут вам, особенно с такой уверенностью с медицинской точки зрения, сказать, что все отлично, но вместе с тем то, чем мы располагаем, дает нам право сказать, что здоровье не является причиной...»

Цитирование можно продолжать. Но уже приведенных ответов достаточно для того, чтобы понять, как отвечали участники пресс-конференции на вопрос: «Почему в ваших выступлениях не прозвучали оценки действий главарей путча, которые состояли в партии и были далеко не рядовыми ее членами?» Или на такой

вопрос: «Чем объясняется запоздавшая реакция ЦК на арест генсека? Расскажите, какие были попытки связаться с Горбачевым, узнать о его судьбе и здоровье, какую помощь попытался ему оказать как генсеку и президенту аппарат ЦК?»

В середине октября 1991 года Ивашко в одном из газетных интервью разъяснил, как ставился вопрос «с первого дня» о встрече с Генеральным секретарем. «Нам четко отвечали, что это невозможно», — сказал Владимир Антонович. «Кто? Г. И. Янаев?» — уточнил корреспондент. «Нет, — ответил Ивашко. — Ни девятнадцатого, ни двадцатого августа мне ни один человек из ГКЧП не звонил, ни я никому не звонил. Единственный, кому из числа принадлежащих к государственному руководству я позвонил утром девятнадцатого и спросил: «Что происходит?» — был А. И. Лукьянов. Он ответил: «Ты знаешь, по-моему, это авантюра». Так было сказано, а правда — есть правда. Мы поняли, что с М. С. Горбачевым не увидимся, если будем только ставить вопросы, а не решать их».

Вот тогда Ивашко позвонил Янаеву. Это был их первый и единственный разговор в те дни. Он состоялся в присутствии других секретарей ЦК, которые приехали к Ивашко в «Барвиху». Заместитель Генерального секретаря объяснил вице-президенту: делегация ЦК в составе Е. С. Строева, А. С. Дзасохова и В. А. Ивашко намерена встретиться со своим генсеком, для чего ей требуется самолет для вылета в Крым. Янаев сказал, что ответить сразу не может, ему надо посоветоваться.

Все трое сидели и ждали. Ивашко все делал на людях, чтобы не было кривотолков. Однако самолет им так и не дали, но часа через полтора-два позвонили и сказали: один человек может полететь, будет идти самолет с представителями ГКЧП, этой возможностью можно воспользоваться.

Так Ивашко попал на борт самолета, на котором летели члены ГКЧП и А. И. Лукьянов. Владимир Антонович признался: тут он допустил ошибку, надо было все-таки настаивать, чтобы их полетело трое, а не он один, но в той обстановке особенно раздумывать было некогда, он только попросил, чтобы разрешили взять с собой врача.

В самолете заместитель Генерального секретаря сел подальше от членов ГКЧП и уединился с Лукьяновым. Когда самолет приземлился, Ивашко с Лукьяновым тотчас отделились от остальной компании и прибыли на дачу Горбачева самостоятельно. На даче также вдвоем, отдельно от остальных, поднялись на второй этаж и начали ждать приема.

Неизвестно, сколько бы они провели времени у заветной двери, если бы не Дзасохов, который по ВЧ позвонил из Москвы Горбачеву и заверил его, что Ивашко, ожидающий в приемной, никакого отношения к заговорщикам не имеет. Просто не было другой возможности прилететь в Форос, потому и пришлось оказаться в этой компании. Горбачев смилостивился и своего заместителя принял.

Вот, собственно, и все. Остальное известно по многочисленным публикациям.

Глава 2

КАЖДЫЙ ВЫЖИВАЕТ В ОДИНОЧКУ

Двадцатого августа с утра на меня обрушился шквал телефонных звонков от иностранных и многих советских журналистов. Язвительно интересовались: кто из руководства ЦК уже навестил заболевшего в Крыму генсека? Особенно усердствовали наши самые молодые и нетерпеливые издания: «Независимая газета», «Куранты», «Коммерсантъ». Атаковали и другие телефоны пресс-центра. Бедные девушки не знали, что отвечать. На другом конце провода недоумевали: почему молчит ЦК, почему молчит его пресс-служба? Что я мог ответить своим девчатам? Они-то, конечно, люди опытные, все понимали.

Пресс-конференция, прошедшая на исходе третьего дня путча, когда стало ясно, что выступление провалилось, вызвала резко критическую реакцию в большинстве газет. Критиковали за неуклюжесть ответов, за недосказанность и расплывчатость оценок. А ведь тогда еще не было известно о знаменитой секретной шифротелеграмме из ЦК КПСС, о том, что через несколь-

ко часов будет арестован член Политбюро и секретарь ЦК Олег Шенин. Не знаю, как бы выпутывались из этой щекотливой ситуации пришедшие на встречу с журналистами люди со Старой площади.

О поступлении шифровки в первый же день путча раньше других, кажется, заявил Назарбаев. Вот ее содержание.

Документ для истории

«Секретно. Первым секретарям ЦК компартий союзных республик, рескомов, крайкомов, обкомов партии. В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии Государственному Комитету по Чрезвычайному Положению в СССР. О пленуме ЦК и других мероприятиях сообщим дополнительно. № 116/Ц. Секретариат ЦК КПСС.

Отпечатано 1 экз. в 12 час. 05 мин. 19 августа 1991 г.»

Давно уж отгремели бурные дебаты: документ это или фальшивка? Ивашко, например, неоднократно высказывался в печати и устно: шифровка не должна была подписываться Секретариатом ЦК КПСС по двум причинам.

Во-первых, текст телеграммы на Секретариате не рассматривался и не утверждался. Девятнадцатого августа, когда шифровка вышла из ЦК, отсутствовали: В. А. Ивашко — по болезни, А. Н. Гиренко — по болезни, П. К. Лучинский — находился в отпуске, Г. В. Семенова — в командировке в Алма-Ате. Даже если бы остальные члены Секретариата проголосовали «за», что абсолютно исключено, то все равно документ не имел бы юридической силы. Дело в том, что по существовавшему в ЦК регламенту документы имели право выходить в свет только после подписи Горбачева или Ивашко. Ни тот, ни другой его не подписывали.

Есть и вторая причина, в силу которой подпись Секретариата ЦК под шифровкой не действительна. Об этой причине знают немногие. Если у кого-то из секретарей ЦК зарождалось сомнение по поводу того

или иного документа, вносимого на рассмотрение Секретариата ЦК, и он возражал против его принятия, проект документа автоматически снимался с рассмотрения. Такая практика сложилась в ЦК с довоенных времен, и она всегда подчеркивала особую роль этого коллегиального органа.

В данном случае не было на месте трех секретарей да плюс заместителя генсека. Разве это мнение коллегиального органа, каковым являлся Секретариат ЦК?

Известно, кто подписал злополучную шифровку — член Политбюро и секретарь ЦК Олег Шенин. Единственно. Как самозванец? Возможно. Скорее, так и было. Правда, два последних заседания Секретариата в отсутствие Горбачева и Ивашко вел Шенин, который оставался в ЦК за старшего. Помню, когда я увидел Олега Семеновича в качестве председательствующего, несколько удивился. В 1990 году, в аналогичной ситуации, когда отсутствовали Горбачев и Ивашко, роль старшего выполнял Дзасохов. Вряд ли председательствовать на Секретариатах было доверено одному из членов Политбюро без согласования с генсеком или его заместителем.

Послушаем, как объяснил этот шаг В. А. Ивашко:

— Что касается О. С. Шенина, то он вел орграбату, был членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС по оргработе, одним словом, вроде бы ему по занимаемому положению эта функция была ближе, чем кому-то другому. Но самое главное, никто ведь ни на какие перевероты не рассчитывал.

К оценкам Шенина, оставшегося «на хозяйстве», к его взаимоотношениям с Дзасоховым, который был «на хозяйстве» в 1990 году, мы еще вернемся. Здесь немало тонкостей, деталей, которые во многом объясняют расстановку сил в Политбюро и Секретариате, характеризуют особенности поведения высшего политического руководства страны. Вернемся к событиям, которые последовали за пресс-конференцией в пресс-центре ЦК КПСС:

Двадцать второго августа все входы в здания ЦК были перекрыты. В столовую мы шли такими лабиринтами, что уму непостижимо. Лица у аппаратчиков были угрюмые. Все понимали, что это конец.

В четыре состоялось партсобрание. Мы состояли на учете в парторганизации идеологического отдела. Собирались обычно на шестом этаже в шестом подъезде, там была большая темная комната без окон с кондиционером. В коридоре появился Лучинский. Это было его первое присутствие на партийном собрании отдела.

Информацию о текущем моменте сделал заведующий отделом А. Я. Дегтярев. Он прервал свой отпуск, вернулся из Крыма загоревший, с густой симпатичной бородкой. Наши женщины тут же решили, что бородка ему очень идет, и он не должен ее сбривать без общего согласия коллектива.

Александр Якимович отличался демократичностью, мягким юмором, общительностью. Он был сравнительно молод — всего сорок лет. Доктор исторических наук, профессор. Притом, что особенно импонировало, кандидатскую и докторскую защищал не в Академии общественных наук при ЦК КПСС — этом поточном конвейере по производству доцентов и профессоров, а в Ленинградском университете. Александр Якимович специализировался не в области партийного руководства социалистическим соревнованием, как многие его коллеги по партийному аппарату, а занимался историей России в средние века. Умный, проницательный, ироничный человек, талантливый публицист, выступавший под разными псевдонимами, он был полным антиподом своему предшественнику Александру Семеновичу Капто.

Дегтярев на партсобрании был предельно краток и резок в оценках. Сам он, как я уже говорил, был в дни путча в отпуске и вернулся в Москву, как только появилась возможность. Очевидно, я выдаю его секрет, но из одной центральной газеты мне позвонили на второй день путча: мы имеем переданное по каналам ТАСС заявление члена ЦК КПСС Дегтярева и его единомышленников с призывом к членам ЦК самораспуститься. «Что делать? — спрашивал первый заместитель главного редактора газеты. — Печатать?»

Не напечатали. По той простой причине, что заявление Дегтярева было отозвано.

Собрание было бурным, острым, нелюбезным. Досталось и присутствовавшему на нем члену Полит-

бюро, секретарю ЦК Лучинскому. Петра Кирилловича прямо попросили, чтобы он объяснил свою позицию в дни путча.

Консультант идеологического отдела Вазых Серазев высказал резкие замечания в адрес Лучинского, что было полнейшей неожиданностью для последнего. В его бытность зам. зав. отделом аппарат такой смелости себе не позволял.

Постановление партийного собрания было жестким. Коммунисты отдела осудили пассивность, нерешительность Секретариата ЦК. В трудный момент его члены растерялись, проводили время в бесплодных дискуссиях. Не нашлось сильной личности, которая бы взяла ответственность на себя.

Вечером того же дня я разговаривал с коллегами из других отделов. Там тоже в этот день прошли партийные собрания. Коммунисты нелюбезно говорили о своих секретарях. В некоторых отделах оценки были похлеще, чем у нас, в идеологическом. Многие открыто говорили, что Секретариат ЦК оказался не на высоте положения. Звучали требования отставки Секретариата в полном составе. Кто знает, если бы наши начальники вняли голосу разума, все могло бы повернуться по-иному, пленум избрал бы другой Секретариат, и партия была бы спасена. Но высшие руководители ЦК придерживались иной точки зрения.

А кто они, собственно говоря, были? Крупные мыслители? Философы? Публицисты? Экономисты? Хозяева? Чем они прославились, за какие заслуги выдвинулись в число лидеров великой державы?

Несколько убедительных штрихов добавил Виктор Васильевич Рябов, доктор наук, профессор, секретарь парткома аппарата ЦК, вернувшийся из отпуска в Москву досрочно, двадцать третьего августа. Восьмого августа с женой он отправился в Форос, в санаторий «Южный», что в семи километрах от дачи Горбачева. Известие о заговоре узнал в столовой, за завтраком, девятнадцатого августа. Поздно вернулся в Москву потому, что у него тяжело заболела жена.

— Как только оказался в Москве, сразу же обратился в Секретариат ЦК. Знаете, он был полностью деморализован. Приемные не отвечали, кто находился в здании — неизвестно. Я предложил Александру Дег-

тяреву — заведующему идеологическим отделом — выступить с заявлением о роспуске ЦК и поддержке правительства России. Что и было сделано — еще до приостановления деятельности КПСС.

Позже стали известны и некоторые другие пикантные подробности последних дней Старой площади. В частности, о том, как исключали из партии Янаева.

Было это в пятницу, двадцать третьего августа. Вице-президент числился на учете в парторганизации международного отдела ЦК с тех пор, как он стал членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС. Его кабинет был в третьем подъезде на третьем этаже.

Партсобрание началось в 15.30. Первым пунктом объявили «персональное дело тов. Янаева Г. И.» Кто-то поправил: «не «тов.», а просто — Янаева Г. И.» Примерно полчаса дебатировали формулировку исключения Янаева из партии. А под окнами уже собиралась толпа. Одна из предложенных формулировок гласила: «...за попытку сорвать процессы демократизации, проводимые КПСС». На что последовала реплика: «Не сорвал, а ускорил».

Янаева исключили — под шум и крики увеличивавшейся на площади толпы. Исключили единогласно.

Вторым пунктом повестки дня собрания было обращение к ЦК, ко всем членам партии срочно созвать чрезвычайный пленум и съезд. Только приступили к обсуждению, как открылась дверь и один из коллег оповестил о том, что по внутренней связи прозвучало объявление: по распоряжению мэра Москвы и по согласованию с президентом СССР Горбачевым всем работникам предложено до пяти часов покинуть здание. Те, кто останется после семнадцати, будут задержаны. Можете взять с собой личные вещи. Документы выносить не разрешается. При выходе все могут быть подвергнуты личному досмотру. На часах было 16.15.

Быстро, кое-как проголосовав за обращение к ЦК, работники международного отдела начали покидать помещение. В Ипатьевском переулке росла толпа зевак и корреспондентов. Международники — люди крепкие, их ничем не прошибешь. Некоторые направились к восточному входу гостиницы «Россия» — выпить по сто граммов водки.

Но, конечно, самым главным событием двадцать

третьего августа стала утренняя встреча президента СССР Горбачева с депутатами российского парламента. Она началась в десять часов утра в зале заседаний Верховного Совета Российской Федерации.

Документ для истории

Президент России Ельцин предоставляет слово президенту СССР Горбачеву.

Горбачев. Я хочу особо выделить, и это тоже я делаю в результате той оценки, которая базируется на реальностях всего, что произошло, выделить выдающуюся роль президента России в этих событиях Бориса Николаевича Ельцина. (Бурные аплодисменты.)

Ельцин. Благодарю вас!

Горбачев. Я убежден всегда, был убежден тогда, когда от меня требовали ультимативно передать полномочия президента вице-президенту или заявить об отставке для того, чтобы спасти Отечество, что эта авантюра не пройдет и авантюристы потерпят поражение и их ждет участь как преступников, которые толкают страну, народ в тяжелейшее время, время испытаний и поиска новых форм, к катастрофе. Тем не менее, слава Богу, что все обошлось, потому что замыслы были далеко идущие — прежде всего, нанести удар по авангардным силам демократическим, которые на себе тащат эту ответственность демократических преобразований страны и держат, несмотря на все перипетии и сложности. В этом состоял замысел. И элементом этого шантажа по отношению к президенту страны было сообщение о том, что президент России арестован уже. Что? Президент России Ельцин уже арестован или будет арестован — я так понимал — на пути движения, возвращения из поездки и так далее. Иначе говоря, расчет был такой — нанести удар, изолировать президента страны, если он не согласится на сотрудничество с этими силами реакционными, и изолировать президента Российской Федерации.

(Ельцин вынуждает Горбачева утвердить указы, подписанные президентом России 19—21 августа, в которых он брал на себя функции союзного президента).

Горбачев. Борис Николаевич утром прислал пакет решений, что вы принимали, я их все перелистал, и вчера, когда меня спрашивали, законны или незаконны эти указы, я сказал: «В такой ситуации, в какой оказалась страна, российское руководство, другого способа и метода действий я не вижу, и все, что делал Верховный Совет, президент и правительство, было продиктовано обстоятельствами и правомерно».

Ельцин. Я прошу это оформить указом президента страны! (Аплодисменты, смех в зале.)

Горбачев. Борис Николаевич, мы же не договаривались все сразу выдавать, все секреты!

Ельцин. Это не секрет, это серьезно. (Смех в зале.)

Горбачев. У нас действительно, товарищи, с Борисом Николаевичем шел обмен по этому вопросу, когда мы встретились. Почему? Потому что отношение в общем-то, да, эти указы были ко времени, в определенной ситуации и т. д. и этим самым надо признать их правомерность в той ситуации, когда они решались. И мы договорились, что со стороны президента такой указ должен быть, подтвердить еще, хотя бы после, но позицию эту с юридической точки зрения. Это тоже прецедент, необходимый прецедент! (Аплодисменты.)

Ельцин. Специально подготовлен целый блок, Михаил Сергеевич, «Указы и постановления, принятые в осажденном Доме Советов». Так и называется. Мы вам вручаем! (Бурные аплодисменты, шум, свист, выкрики.)

В. Новиков, депутат. Михаил, Сергеевич, вы в очередной раз подтвердили свою приверженность социализму. Одновременно вы сообщили, что собираетесь заниматься усовершенствованием КПСС. Я задаю такой вопрос: не считаете ли вы, что социализм должен быть изгнан с территории Советского Союза? Второе. Не считаете ли вы, как это считает фракция беспартийных депутатов РСФСР, что Коммунистическая партия Советского Союза должна быть расформирована как преступная организация? (Аплодисменты.)

Горбачев. Ну что ж, вопрос поставлен откровенно. Отвечаю вам предельно откровенно. Если вы поставите задачу перед Верховным Советом и правитель-

ством Российской Федерации и всеми Верховными Советами и правительствами изгнать социализм с территории Советского Союза, эту задачу нам не удастся с вами решить. Потому что это очередной вариант крестового похода, религиозной войны на нынешнем этапе. Социализм, как я его понимаю, это определенные убеждения людей не только в нашей стране, но и в других странах, и не только сегодня, но и в другие времена, и мы с вами провозгласили свободу убеждений, плюрализм мнений... (Шум в зале.) Нет, вы уж послушайте, вы сами хотели, чтобы я ответил откровенно. Как вы ставите вопрос, так и отвечаю, как думаю... (Шум в зале. Горбачев сердится.) Тогда не задавайте вопросов, по которым я доклад должен делать. Задачу изгнания социализма с территории СССР никто не вправе ставить, и это вообще очередная утопия, больше того, это есть самая настоящая ловля ведьм. Человек имеет право на взгляды, выбирает движение, партию или вообще стоит вне партии. Раз.

Вторая часть вопроса. Когда вы говорите — партию запретить как преступную организацию, не могу согласиться, потому что в этой партии есть люди, есть течения, есть группы, которые встают на такой путь, мешают и даже стали соучастниками такого процесса, они должны понести всю ответственность, одни — политическую, другие — юридическую, но я никогда не соглашусь, что мы должны разгонять коммунистов — рабочих, крестьян, о чем я говорил, запретить как преступную организацию.

«Запретить как преступную организацию». Я отвечаю: есть люди, которые оказались у руководства и в Секретариате ЦК, у которых не хватило даже мужества и там шла драка три дня, чтобы выступить в защиту своего генсека и добиться встречи с ним. Есть комитеты, которые приняли решение сделать все для того, чтобы помогать этому так называемому комитету, эти люди должны отвечать, каждый в меру своих «заслуг». Но объявить преступниками миллионы рабочих и крестьян, на это я никогда не соглашусь... (Шум в зале, выкрики, свист.) Тем более в программе, которая вынесена на обсуждение, там цели поставлены такие, что вам трудно даже с ними конкурировать...

(Шум в зале усиливается.) Если эта программа будет принята и те, кто останется на позициях этой программы, это будут демократы, которые будут вместе с вами.

Г. Задонский, депутат. Сформулируйте, пожалуйста; вашу позицию по отношению к мнению группы депутатов России, которые считают, что должны быть приняты безотлагательные меры, чтобы искоренить питательную среду для возникновения переворотов и всех ситуаций, которые произошли. Эти меры должны заключаться в следующем: немедленно устранить параллельное управление страной партийными структурами, для чего на период становления демократии распустить центральные руководящие структуры КПСС и РКП — ЦК, в том числе Политбюро, региональные территориальные партийные комитеты, полторганы в КГБ, МВД, в армии и на флоте. Немедленно национализировать имущество КПСС и РКП, направить финансовые ресурсы, в том числе и валюту, на социальные нужды. Осуществить национализацию имущества КПСС гласно, под контролем депутатских и общественных комиссий. Распустить КГБ, создав новые органы безопасности за счет объединения соответствующих органов республик. Пограничные войска подчинить непосредственно президенту.

Горбачев. С последнего вопроса. Утвердив тов. Бакатина председателем Комитета госбезопасности, вторым пунктом мы записали: представить предложения по реорганизации этой службы. Что касается других вопросов, все они заслуживают того, чтобы они были рассмотрены в ближайшее время. Кстати, эти мысли в приближенном виде, охватывающем темы, которые вы поднимаете, обсуждались на встрече с руководителями всех республик. Так что эти вопросы мы будем рассматривать безотлагательно и будем вырабатывать меры и подходы. Но опять-таки сделать так, чтобы все это шло законным путем.

Вопрос из зала. Такая организация, как КПСС, изначально создавалась на уголовных принципах и является партией государственной измены. Так вот, не мешает вам как президенту издать указ о том, чтобы опечатать все здания, принадлежащие этой организации. По моим сведениям, ЦК КПСС сни-

мают со счетов гигантские суммы, в том числе и валютные, и, мне кажется, это нужно немедленно прекратить.

Горбачев. Я в принципе ответил на этот вопрос. Практические вопросы, которые из этого вытекают, будут решаться в ближайшие дни. Поэтому не буду я начинать сначала разворачивать свою аргументацию по этому вопросу. Что касается поступившей информации, тов. Бурбулис писал записку, что там в здании ЦК нечто происходит такое, что надо остановить, и попросил согласия, чтобы принять меры. Я написал «согласен», передали, не знаю, приняты меры там...

Ельцин (улыбаясь). Меры приняты, здание ЦК КПСС опечатано... (Бурные аплодисменты.)

Горбачев. Но в эмоциях не расходитесь. Особенно сейчас должна быть ясная голова.

Ельцин. Одну минуточку. Речь шла, Михаил Сергеевич, о собственности. Я хочу напомнить вам, что мы с вами до всех этих событий договаривались, что, если не будет принято вами решения о передаче собственности на территории России в юрисдикцию России, это сделает президент России своим указом. Я такой указ двадцатого числа этого месяца подписал: все имущество, вся собственность на территории Российской Федерации, кроме функций, переданных Союзу, находятся в собственности народов России, в собственности России. А вы сегодня сказали, что подпишете указ, подтверждающий все мои указы, изданные в этот период... (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овации.)

Горбачев (растерянно). Я не думаю, что вы меня загнали в ловушку, нет. Я еще раз подтверждаю, что Верховный Совет Российской Федерации, президент и правительство в этой экстремальной ситуации единственно действовали так, как они действовали, и то, что они приняли, было продиктовано ситуацией и все имеет юридическую силу и должно быть подтверждено ситуацией... Все имеет юридическую силу и должно быть подтверждено даже задним числом со стороны президента.

Все, что касается вопросов реализации Союзного

договора, Борис Николаевич, как мы и обсуждали, и я подтверждаю это, что после подписания Союзного договора должен быть принят указ президента по вопросам собственности, относящийся ко всем республикам, и должна начаться реализация этой идеи.

Это крупная задача, и мы должны ее решать таким образом, чтобы как раз, когда трудности большие в функционировании экономики этим не усугубились. Одно ясно, что такой указ сразу после подписания договора будет, и он готовится.

Ельцин. Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать указ о приостановлении деятельности Российской компартии... (В зале массовый психоз, овации, крики «Браво!», «Ура!».)

Горбачев (испуганно). Борис Николаевич... Борис Николаевич...

Ельцин (куражась): Я подписываю... Указ подписан!.. (В зале неистовство, крики «Ура!», овации.)

Горбачев (пытаясь владеть собой). Я думаю, вам небезынтересно... Я не знаю, что там написано и как он называется. Если так, как сказал Борис Николаевич, то Верховный Совет, который столько сделал и должен поддержать президента Бориса Николаевича, которого я уважаю и об этом... (Депутаты перебивают президента, не дают ему говорить.) Одну минутку... Не вся Компартия России участвовала, коммунисты России участвовали в заговоре и его поддерживали... (Крики, свист в зале.) Поэтому, если установлено, что Российский комитет и какие-то комитеты в областях солидаризировались с этим комитетом, то я бы такой указ поддержал. Запрещать Компартию — это, я вам прямо скажу, будет ошибкой со стороны такого демократичного и Верховного Совета, и президента России. Поэтому точно ли назван указ?

Ельцин. Михаил Сергеевич, не о запрещении, а о приостановлении деятельности Российской компартии до выяснения судебными органами ее причастности ко всем этим событиям. Это совершенно законно.

Горбачев (удовлетворенно). Это уже другое дело. (Аплодисменты.)

Ельцин. Тем более Российская Компартия до сих пор в Минюсте России не зарегистрирована. (Аплодисменты.)

Горбачев. Будьте до конца демократами. До конца будьте. И тогда с вами будут все: подлинные демократы и здравомыслящие люди.

В. Петренко, депутат, г. Ростов-на-Дону. Уважаемый Михаил Сергеевич! Я хочу задать такой вопрос: скажите, пожалуйста, у вас хватит решимости, только честно, прямо сейчас полностью дать оценку всем кадрам, всем лицам, которые возглавляли государственные комитеты, кроме министерств, мы уже слышали ответ на этот вопрос. И второе — по тем событиям, которые произошли. Вы прекрасно понимаете, что единожды отмолчавшийся в этой ситуации хуже, чем предатель. Нужно называть все своими именами.

И сейчас, в продолжение указа о приостановке параллельно второй вопрос: сможете ли вы и каким образом дать оценку тем секретарям районных, городских комитетов партии, я имею в виду по структуре, крайкомов партии и т. д., вплоть до Центрального Комитета партии. Какие будут действия? Вы сказали сейчас, что знакомы с тем, что не все поступили одинаково. Я не говорю о коммунистах рядовых, я говорю об аппарате партийного управления, который, в общем, надо честно говорить, не поддержал вас и не поддержал российское правительство в данной ситуации. Каковы будут ваши действия?

И мое пожелание. Сейчас люди ждут от вас только решительных шагов. Я прошу вас просто как женщина: поступите решительно в этот тяжелый момент. (Выкрики «Правильно!», шумные аплодисменты.)

Горбачев. Там, где будут требоваться самые решительные меры и оправданы ситуацией, а ситуацию мы с вами пережили такую, из которой вытекают очень тяжелые уроки, с моей стороны будут приниматься — на основе совета со всеми вами, это очень важно — самые решительные меры. К этому я готов и морально, и политически... Но до конца буду настаивать на том, если мы расколем общество, не пойдем на объединение вокруг демократических движений и сил все-

го здорового общества, то будет драка в нашем обществе. А мы ее должны избежать, и люди ее тоже не приемлют. Вы обратили внимание, что часть людей прореагировала на «порядок», а кое-где даже звучит: «Давайте Брежнева, давайте Сталина, лишь бы был порядок». Поэтому мы должны показать, что мы можем решать дела и должны решать дела в условиях законности и демократии. Я буду настаивать на таком способе действий. Но это не в ущерб решительности и твердости...

Ельцин. Я могу подтвердить, сегодня в полуторачасовой беседе один на один твердо было сказано Михаилом Сергеевичем, что все те, кто причастен был прямо или косвенно к этому перевороту, к ним будут применены соответствующие меры, по закону, резко, решительно, и никакой пощады здесь не должно быть. (Бурные аплодисменты, выкрики «Браво!».)

По словам В. А. Медведева, советника президента Горбачева, во время этой злополучной встречи произошли драматические события: работникам ЦК КПСС под угрозой задержания предписано было немедленно покинуть служебные помещения. По-видимому, отмечает В. А. Медведев, не случайно, что именно тогда Ельцин на встрече Горбачева с депутатами демонстративно подписал указ о приостановлении деятельности Компартии РСФСР и организаций КПСС на территории Российской Федерации.

И в дни путча, и после него у меня было много бесед с коллегами разного ранга — от консультантов и заведующих секторами до «крупняка» — заведующих отделов, их замами, другими категориями работников центрального партийного аппарата. Обменивались мнениями и с местными партработниками. Я погрешил бы против истины, если бы не сказал о разных точках зрения на случившееся. Нравится это кому или нет, мне безразлично. Лично я не хочу здесь присоединяться к какому-либо мнению. Моя задача — учесть все точки зрения, не оставить без внимания ни одного штриха, ни одной детали, которые в будущем могут стать определяющими в выяснении тайны Фороса.

Глава 3

УЗНИК ФОРОССКОГО ЗАМКА

То, что произошло в Крыму, называют загадкой века. Многие мои коллеги еще двадцать первого августа роняли интригующие фразы о том, что тайна Фороса, пожалуй, самая жгучая из всех тайн нашего бывшего генсека, которых у него, кстати, немало.

— Никогда не поверю, что Михаил Сергеевич плохо разбирался в людях и что поэтому вокруг него оказалось столько нечестных работников, — горячо убеждал меня сорокапятилетний доктор истории, консультант гуманитарного отдела, раскованно и независимо мысливший человек. — Послушай, ведь Горбачев в течение десятков лет лично отбирал и приближал их к себе. Это же преданнейшие ему люди, можно сказать, его тени. Вспомни, сколько Горбачев приложил усилий на сессии Верховного Совета в 1990 году, чтобы протолкнуть Янаева на пост вице-президента. А Болдин? Ты не меньше меня знаешь, что он самый близкий Горбачеву человек. Помощник с 1981 года, когда Горбачев еще был секретарем ЦК по сельскому хозяйству. Болдин мог заходить к шефу в любое время суток как самое доверенное лицо. А Лукьянов? Дружат сорок лет, со студенческой скамьи. Если Лукьянов действительно идеолог ГКЧП, то тогда Горбачев — его начальник отдела кадров!

Историк-консультант разошелся. Он и раньше не отличался сдержанностью, выделяясь среди сослуживцев прямоотой и эмоциональностью оценок. Эти качества импонировали мне. Я любил общаться с ним и раньше. Разговоры обогащали, расширяли видение темы.

Его коллега — в противовес ему — прожженный аппаратчик. Немногословный, занудливый, буквоед.

— Почему Москва полна слухов о причастности Горбачева к путчу? Думаете, западные радиоголоса виноваты? Да полно вам! Вспомните пресс-конференцию по возвращении в Москву. Согласитесь, его рассказ о трех днях, которые потрясли страну, страдает неточностью и размытостью. Что значат невзначай

оброненные слова: «Всего, что я знаю, я вам не скажу никогда»? Кому предназначалась эта фраза? Что имел в виду Янаев, когда, выступая девятнадцатого августа перед представителями автономных республик, заявил: «Горбачев в курсе событий. Он присоединится к нам позже»?

Итак, эмоциональный профессор, специализирующийся на кремлевских кругах, и вдумчивый, бесстрастный исследователь обнаруживают нестыковки и противоречия. Каждый на своем уровне. Оба отражают определенные аппаратные пласты, подходы, внутрицеховские настроения. Однако коллективный портрет аппарата ЦК был бы не полон без третьего типа работников, политика для которых стала второй профессией. Первой, по образованию, были технические специальности. Многие в юности заканчивали политехнический институт или служили в армии и имели далеко не дилетантские представления о такой, например, туманной для меня сфере, как средства правительственной связи.

Работник одного из отделов ЦК, сухощавый, с плоским животом, что свидетельствовало о его недавнем армейском прошлом, то ли полковник, то ли генерал, просвещал меня:

— Дача в Форосе — не только дача. Это, если хотите, один из основных пунктов управления страной, на котором расположены многочисленные системы связи, независимые друг от друга. Можно отключить электричество, тогда будет действовать местная динамомашинка, если выйдет из строя она, можно включить аккумулятор. Если выйдет из строя аккумулятор, то питание для системы связи можно обеспечить от ручного устройства. Если этого по каким-то причинам нельзя сделать, то есть еще одна система связи, о которой я, имея в виду ее совершенно секретный характер, не могу сказать даже вам — не самому рядовому работнику ЦК. Извините уж меня, бога ради. Но я ответственно заявляю: изоляция живого и несвязанного президента от средств связи в Форосе просто невозможна.

Спустя несколько дней после этого разговора мой собеседник позвонил мне домой и сказал:

— «Московские новости» читали? Рекомендую. Так вот, директор производственного объединения «Сигнал» из Ленинграда Занин пишет, что, являясь одним из производителей различных средств связи и ознакомившись с версией Горбачева, он считает — таким образом изолировать президента СССР от связи невозможно. Скорее всего, утверждает Занин, это был случай добровольного невыхода на связь. Помните, я упоминал вам о совершенно секретной системе связи? Цитирую Занина: «Суть ее в том, что президенту достаточно иметь только авторучку и лист бумаги, чтобы обеспечить себе связь со страной».

Потрясающая для всех нас информация, не так ли? Но пройдет еще немного времени, и «Московские новости» сообщат, что, ознакомившись с заявлением Занина, Горбачев назвал его белибердой, поскольку все виды связи в его кабинете в Форосе были отключены раз и навсегда.

Случайно столкнувшись со своим собеседником в коридоре девятого подъезда, где оформлялись документы на увольнение, я напомнил ему об этом общении.

— Это еще ничего не значит, — тусклым голосом произнес он. — Я уверен, и никто меня не переубедит в том, что отключение президента от связи возможно только при демонтаже основного оборудования, изъятия его и вывоза. А это многие и многие тонны.

— Да, но в печати было сообщение помощника Горбачева Анатолия Черняева о том, что, по заявлению генерала Вячеслава Генералова, вечером девятнадцатого августа военным самолетом из Крыма было вывезено специальное оборудование связи и связисты.

Вот именно, девятнадцатого вечером. А ведь Горбачев утверждает, что телефоны замолчали около пяти часов вечера восемнадцатого августа... Ладно, допустим, что оборудование было вывезено. Но для того, чтобы связь заработала снова, нужно доставить всю громоздкую аппаратуру назад, в Форос. Что-то я не помню сообщений об этом...

Произнесено это было таким язвительным тоном, что мне стало не по себе. Очевидно, на настроение собеседника повлияла неприятная процедура увольне-

ния. Она угнетающе действовала даже на самых выдержанных.

— Дальше. Давайте разберемся, был ли блокирован Форос? Судя по официальной версии — да. На море появились военные корабли, которые то приближались к берегу, то удалялись, утверждает в одном из интервью Раиса Максимовна. Что это было? Блокирование? Командир Балаклавской бригады пограничных сторожевых кораблей капитан первого ранга Игорь Алферьев рассказал, что третьего августа группа из четырех пограничных кораблей и подразделение малых катеров заступили на охрану государственной границы СССР в районе резиденции президента СССР. Организация службы с использованием такого количества сил и средств введена четыре года назад, с момента размещения резиденции президента в Форосе. С третьего по двадцать третье августа они несли службу в обычном режиме. Странности начались вечером восемнадцатого августа. Алферьеву доложил командир одного из подразделений, что пропала связь с резиденцией по всем линиям. Поэтому пограничные корабли предприняли дополнительные меры противодиверсионной охраны с моря и усиления наблюдения за воздухом. Корабли и малые катера были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Вот почему они то приближались к берегу, то уходили в море. Девятнадцатого августа в одиннадцать тридцать капитан третьего ранга Михаил Крикунов, командир корабля, который стоял в непосредственной близости от берега, доложил Алферьеву, что президент вышел на пляж.

— Но ведь обитатели Фороса находились в заточении! Была глухая изоляция. С территории дачи никого не выпускали и никого туда не впускали...

— Я называю факты — опубликованные в печати, которые, кстати, никто не опроверг.

Не были опровергнуты и сведения, появившиеся в печати в октябре — ноябре 1991 года, когда в Крым хлынули десятки журналистов, проводивших собственные независимые расследования. Газета «Куранты», которую никак не заподозришь в антипатиях к президенту, опубликовала большой аналитический материал о происшедшем в Форосе. Она установила, что за

период с девятнадцатого по двадцать первое августа на территории дачи побывало 136 гражданских и военных автомашин, более 70 из которых прибывали непосредственно к дому президента СССР. По морю за этот же период проследовали 75 гражданских кораблей на расстоянии два-три километра от побережья дачи и четырнадцать кораблей Военно-Морского Флота на расстоянии 15—16 километров. Движение и наземного, и морского транспорта осуществлялось по закрепленным маршрутам, что и отражено в сводках погранзаставы и береговой пограничной флотилии.

Автор публикации делает резюме: большинство руководителей подразделений охраны выразили уверенность в том, что реальной сухопутно-морской блокады дачи президента СССР не было. ГКЧП не стремился к установлению реальной блокады, сознавая отсутствие в регионе верных воинских сил. Однако, по мнению командиров этих подразделений, приведенная версия игнорируется, поскольку она радикально расходится с официальным толкованием событий в Форосе. Поэтому шеф внутренней охраны дачи президента СССР полковник Лев Толстой заявил: если следствие и суд не будут объективными, то власти пожалеют об этом. Охранники дачи заговорят перед народом обо всем, что происходило в Форосе. Капитан первого ранга Игорь Алферьев тоже отметил, что следствие кем-то курируется в определенном направлении. Он подчеркнул: ближайшее морское пространство они контролировали и ничего опасного не наблюдали.

Командиры единодушно заявили, что никаких необычных акций на территории дачи не проводилось. Личная и внутренняя охрана регулярно информировались о положении на суше и на море. Командирам служб безопасности поступали исключительно агитационные материалы ГКЧП СССР, ни единого приказа о блокировании Горбачева не поступало.

Еще одна разновидность цековского аппаратчика — военные аналитики, чаще всего выступающие в роли международных. Они много ездили по миру, знали иностранные языки, следили за зарубежной периодикой. Обычно держались особняком, своим кругом, снисходительно внимая простодушным открове-

ниям «внутренников». «Внутренники» были людьми другого, худшего, конечно же, сорта. Мое служебное положение давало мне неплохую возможность близко сходитья со всеми, быть в курсе их ведомственных интересов.

Поскольку международники строго блюли свои клановые интересы, мало кого к ним допускали, то и обновлялись их дружные, спаянные десятилетиями совместной работы ряды крайне редко. Угроза оказаться без теплых насиженных местечек победила аппаратную осторожность и выжидательность. Обвинения в адрес Горбачева в этой группе звучали особенно сильно. В его причастности к путчу они несколько не сомневались.

— Какой же это заговор? — возмущался военный летчик, два года проведенный в Афганистане. — Переворот делается в одну ночь. Все, кто мешает, подвергаются немедленному аресту. Каналы связи перекрываются. И только тогда на улицы вытаскивают технику, чтобы ошеломленное и подавленное население было еще больше депрессировано. Ничего этого сделано не было. Танки вышли без боекомплектов, горожане украшали цветами стволы орудий. Уже в первые четыре часа армия была лишена способности действовать. Разве это переворот? Я был в Кабуле, видел, как спецназ штурмовал дворец Амина. Если решились, то так и надо было действовать. Решились ли? Вот в чем вопрос. Я знаю Варенникова. То, что он сделал, не похоже на него. Это генерал, который вел страшную войну в Афганистане. Я видел его в деле. Никто его не обвинит в нерешительности, в отсутствии здравого смысла, ума. Варенников — это стратег, это тактик, в непонимании ситуации его не обвинишь. Он сильный человек. Бакланов — тоже твердый, сбалансированный, осторожный, очень работоспособный, отнюдь не мягкий, не размазня. Если бы в его чертеж входила какая-то зловещая компонента, он был бы решителен до конца. А Крючков? Это же профессионал высочайшего класса. Свое умение совершать перевороты он виртуозно показал еще в 1956 году в Будапеште. Язов... Пуго... В их руках были армия, государственная безопасность, внутренние войска. Это были далеко не

дилетанты, уверяю вас. И вдруг такое странное поведение заговорщиков. Не понимаю...

— Мой земляк писатель Алесь Адамович назвал события трех августовских дней «веселой революцией». Даже не «бархатной». А иностранные журналисты, среди которых немало моих друзей, соревнуются в поисках термина похлеще да пообиднее: фарс, опереточный переворот, цирк шапито...

— В том-то и дело. Подождите, люди поостынут от эмоций и начнут искать причины странного поведения заговорщиков. Уверен — в Форосе произошло нечто, чего мы не знаем. В этой истории рябит от несопадений, противоречивых высказываний главных действующих лиц, алогичности поступков организаторов переворота.

И, наконец, небезынтересно знать мнение аппаратной элиты — лиц, занимающихся анализом и прогнозированием. Большую часть календарного года они проводили за городом, на цеховских дачах, специально оборудованных для совмещения отдыха и плодотворной работы. Я имею в виду подготовку всевозможных документов — речей, книг и статей лидеров партии, постановлений ЦК КПСС — разумеется, крупных, судьбоносных, как тогда говорили. «Писуну», как их пренебрежительно обзывали «звонари», находились на особом положении. Здесь тоже были свои долгожители, творившие и для Брежнева, и для Андропова, и для Черненко. Многие «писуны» не мыслили себя уже без постоянного проживания в привилегированных коттеджах, с непременно чаем или кофе в одиннадцать утра и в три часа дня, который подавали специально подобранные, услужливые девушки в белых передничках. Я так подробно описываю быт и нравы загородных дач для творения нетленок потому, что сам бывал в них подолгу — иногда по полтора месяца.

Приостановление деятельности КПСС лишало их многолетнего комфортного существования. Как правило, в последний момент приезжал на дачу кто-то из любимых спичрайтеров Горбачева, обычно это были Шахназаров, Черняев, реже другие его помощники, и за ночь переделывали все, что сочиняла группа «пи-

сунов» за полтора-два месяца. Но, похоже, это мало волновало обитателей дачных хором. Подобная жизнь их вполне устраивала. А почему бы и не устраивать, если, к примеру, попьешь чайку после сытного ужина часиков в девять, посмотришь программу «Время», вызовешь машину — и на другую дачу, к семье. Речи обычно сочинялись в «Волынском», «Серебряном бору», «Горках-10». Оттуда на черных «Волгах» — в «Усово», «Заречье», «Успенское». К домочадцам. Завтра утром на тех же сверкающих лаком лимузинах обратно. И все это, конечно, бесплатно. Бесплатным было и питание во время создания нетленок. Представляете, обед готовили специальные повара на группу из четырех-пяти человек! Куда там ресторану или санаторию до тех обильных и экзотических блюд.

И вдруг замаячила реальная угроза потерять все это.

— Да, — глубокомысленно изрек малорослый тщедушный человек, не вылезавший с подмосковных дач лет двадцать. — Собственно говоря, у партии в разное время были разные лидеры. Очень много лидеров. И все они разные. Да. Сталин, Хрущев, Брежнев... Да. И партия их перемальвала. Лидеры приходили и уходили, а партия оставалась. Да. И вдруг — роспуск партии. Фактически одним человеком. Притом — без пленума, без съезда. Собственно говоря, а кому он подал заявление о своей отставке? Пленуму ЦК? Съезду партии? Вроде бы нет. Получается, редактору «Правды». Хотя и тот был в отъезде. Лечился в Берлине. Странно. Кто это заявление рассматривал? Как будто бы никто. Да. Странно. Весьма странно.

Документ для истории

ЗАЯВЛЕНИЕ М. С. ГОРБАЧЕВА ОТ 25 АВГУСТА 1991 ГОДА

Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота, Центральный Комитет не сумел занять решительную позицию осуждения и противодействия, не поднял коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности.

Среди заговорщиков оказались члены партийного руководства, ряд партийных комитетов и средств массовой информации поддержали действия государственных преступников. Это поставило миллионы коммунистов в ложное положение.

Многие члены партии отказались сотрудничать с заговорщиками, осудили переворот и включились в борьбу против него. Никто не имеет морального права огульно обвинять всех коммунистов, и я, как президент, считаю себя обязанным защитить их как граждан от необоснованных обвинений.

В этой обстановке ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске. Судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определяют они сами.

Не считаю для себя возможным дальнейшее выполнение функций Генерального секретаря ЦК КПСС и слагаю соответствующие полномочия. Верю, что демократически настроенные коммунисты, сохранившие верность конституционной законности, курсу на обновление общества, выступят за создание на новой основе партии, способной вместе со всеми прогрессивными силами активно включиться в продолжение коренных демократических преобразований в интересах людей труда.

Кто работал над текстом этого документа? В.А.Медведев, человек из ближайшего горбачевского окружения, в 1994 году свидетельствовал:

— Во время работы над этим документом, а также указом о роспуске Кабинета министров СССР и образовании Комитета по руководству народным хозяйством я сообщил Горбачеву, что с ним ищет встречи группа членов ЦК, в том числе Биккенин (главный редактор журнала «Коммунист». — *Н. З.*), Дегтярев (заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС. — *Н. З.*), Лацис (первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист». — *Н. З.*). Такая встреча состоялась в Ореховой комнате. Товарищи были ознакомлены с проектом заявления Генерального секретаря ЦК КПСС, высказали по нему свои соображения, ко-

торые были учтены при окончательном редактировании текста.

А вот еще одно свидетельство — А. С. Черняева, помощника президента СССР:

— Случайно я оказался в его кабинете, когда решался вопрос и о его генсекстве. Пошел к нему по текущим делам. И обнаружил за овальным столом Г. Попова, Лужкова, Силаева, Бакатина, Медведева и Игнатенко. М. С. сказал мне: «Присоединяйся!» Почему в «таком составе» обсуждались такие вопросы, мне до сих пор непонятно. Впрочем, это лишний раз подчеркивает, насколько президент был политически «оголен» в результате путча. Нам с Медведевым поручили «формулировать» на бумаге обсуждавшиеся варианты. Попов и Лужков предлагали вместе с отказом от поста генсека (это было решено Горбачевым еще до моего появления в кабинете) заявить и о роспуске Центрального Комитета и даже всей партии. М. С. на это не пошел, хотя никто из присутствовавших не возражал. Не пошел, думаю, не только потому, что формально это было вне его компетенции. Но и чтобы еще больше «не подставлять» миллионы членов партии, оказавшихся не по своей воле замаранными путчем...

Итак, Медведев и Черняев — авторы текста отречения Генерального секретаря от партии. Бывший член Политбюро и секретарь ЦК по идеологии и бывший зам. зав. Международным отделом ЦК. Запомним имена и тех, кто принимал отречение — Попов, Лужков, Силаев, Бакатин.

Они были названы в 1993 году. К тому времени Горбачев был уже исключен из партии, над ним состоялся общественный суд, приговоривший бывшего генсека к вечному проклятию и всеобщему презрению. Исключал из КПСС отрекшегося от нее недавнего лидера Пленум ЦК КПСС, проходивший конспиративно тринадцатого июня 1992 года в помещении редакции газеты «Правда». Присутствовало 68 членов ЦК и 14 членов ЦКК — те, кто, несмотря на запрет властей и противодействие высших партийных руководителей, смогли добраться до Москвы.

Но вернемся в год 1991-й.

— Вот так. А между прочим, группа членов ЦК КПСС передала в его аппарат письмо с предложением срочно собрать Пленум ЦК с тем, чтобы он в полном составе сложил свои полномочия. Заявление Горбачева можно считать ответом на это письмо. Не то что до суда — еще до следствия глава государства, кстати, юрист по образованию, объявляет товарищей по руководству партией «государственными преступниками». Все плохие, потому что они против него, хорошего. Обидели его лично — значит, преступники. Солженицына тоже в свое время застукали на антисоветском письме, осудили — разве положено офицеру вопреки присяге и воинскому долгу так отзываться о Верховном Главнокомандующем, да еще во время войны? Ах, вы меня засудили, так получайте! И — размазал всех: Ленина, партию, советскую власть, Октябрьскую революцию. Таким же обидчивым оказался и генерал КГБ Калугин. Ну не повезло человеку с карьерой, с кем не бывает. А он в своей неудаче всю систему обвинил. Это страшные люди. Горбачев из той же породы. Я делю людей на тех, кто, опоздав к электричке, упрекает в медлительности себя, и на тех, кто обвиняет машиниста — не мог подождать минутку. Горбачев из тех, кто обвиняет машиниста.

Говорившего поддержал другой такой же старичок, с розовыми щечками, похожий на грибок-боровичок.

— Очень меткое замечание изволили высказать, коллега. Разве может один человек, пусть даже и генсек, единолично решать такие вопросы, распоряжаться судьбой партии, имеющей почти столетнюю историю? Партия и не такое видала. В сорок первом немцы в Химках стояли, до Кремля оставалось пару десятков километров. А тут обиделся: Шенин с ультиматумом приехал. Ну и что? Замени Шенина каким-нибудь Сениным или Вениным — и дело с концом. Потом. Шенина ведь тоже надо понять. Не квартиру ведь для родственника из Калуги приехал в Форос просить. О стране, о партии беспокоился. Да и другие тоже не о себе пеклись. Тут надо хорошенько взвесить, а был ли путч вообще? Что в действительности происходило девятнадцатого — двадцать первого августа? Мне ино-

гда, например, кажется, что страна так и не заметила заговора. Кроме Москвы, конечно.

Третий долгожитель, он же цековский аналитик-прогнозист, тоже за словом в карман не лез. Было ясно, что все кончено, их услуги больше не потребуются.

— Думаю, что идея о введении чрезвычайного положения для Горбачева не была новостью. Давайте вспомним: она ведь обсуждалась много раз — и на сессии Верховного Совета, и на Съезде народных депутатов, и на других не менее представительных собраниях. Нельзя исключать и другого сценария, который вполне мог иметь место, взамен преподнесенного нам. События могли развиваться и так. Предположим, восемнадцатого августа, в воскресенье, группа из ближайшего окружения президента и генсека приехала к нему в Форос. Цель поездки — уговорить Горбачева подписать указ о введении чрезвычайного положения на отдельных территориях страны. Поездка как поездка. Он ведь и в отпуске интенсивно работал. Первая реакция вполне могла быть такой, как нам сообщено — президент назвал соратников мудаками и послал их по матушке. Ну а затем, когда волна ярости прошла, вспыхнуло озарение. Недаром Горбачева называют великим политиком конца двадцатого века.

— То есть он каким-то образом, неведомым нам, обнадежил приехавшее окружение, дал понять, что он на их стороне? — как можно спокойнее, скрывая ироничную интонацию, спросил я.

— Да. А затем круто изменил решение, используя выгодную ситуацию, которая сама давалась в руки. Риск, конечно, громадный, но разве вся шестилетняя деятельность Горбачева не умелое балансирование на краю пропасти? И он снова пошел ва-банк.

— Но ведь обитатели Фороса, как они утверждают, находились в заточении? Была глухая изоляция...

— Раиса Максимовна рассказывает, что восемнадцатого августа около пяти часов вечера к ней в комнату неожиданно вошел взволнованный Михаил Сергеевич и сказал, что произошло что-то страшное. Начальник охраны Медведев доложил, что из Москвы прибыла группа лиц. Они уже на территории дачи,

требуют встречи. Но он никого не приглашал. Это изоляция, сказал Горбачев. Или даже арест. Значит, заговор. Выходит, Михаил Сергеевич еще до встречи и разговора с приехавшими догадался, с какой целью они прибыли? Что же мешало ему отдать приказание личной охране арестовать заговорщиков или хотя бы оставить их на даче в качестве заложников? Нет, не добившись от него подписания указа о введении чрезвычайного положения и передачи полномочий Янаеву, они беспрепятственно уезжают назад. Право, это выглядит странно. Более того, выясняется, что после этого он имел разговор с Шахназаровым, Вольским — и не обмолвился ни словом. Почему? Не похож ли почерк восьмерки на почерк самого президента? Есть основания полагать, что и у Горбачева была программа жестких мер. Во всяком случае, можно предположить, что «парламентеры» уехали, так и не поняв, принудили ли они президента к подчинению или он действительно согласился с их доводами. Несомненно одно: они были уверены, что Горбачев к ним вскоре присоединится. Возможен и другой вариант — они предложили ему «нейтралитет», пообещав не связывать его имя с введением чрезвычайного положения — за границей могут не так понять. Дескать, мы сами все сделаем, а вы слегка «поболейте». Посмотрим, что из этого получится. Сначала он согласился, а потом резко изменил позицию...

Спустя некоторое время кинодраматург Владимир Дашкевич опубликовал в «Независимой газете» свой сценарий версии трех августовских дней. Он обратил внимание, что Горбачев неотрывно сидел на всех слушаниях сессии Верховного Совета СССР, касающейся переворота. Но когда на трибуну вышел Лукьянов, нервы президента страны не выдержали, и он вышел из зала. Политика все же грязное дело, говорит известный кинодраматург и делает сенсационное заключение, правда, еще раз оговорив, что это не логика подлинных событий, а созданный его воображением сценарий государственного переворота.

Сенсация же заключалась в следующем: Горбачев договаривается со своим старым другом Лукьяновым, что в случае введения чрезвычайного положения тот

оттянет начало внеочередной сессии Верховного Совета СССР хотя бы на неделю. В тот же день, восемнадцатого августа, президент страны обзванивает президентов республик, чтобы они знали — он здоров и продолжает работать. Затем он отключает правительственную связь и на два с половиной дня погружается в мучительную неизвестность. Риск — привилегия тонких политиков.

Воображение художника нарисовало и разговор президента с прибывшими в Форос Янаевым, Пуго и их сподвижниками восемнадцатого августа. Разгневанный президент отказывался от введения чрезвычайного положения, говорил, что это авантюра, гибельная для страны. Однако вице-президент и министры продолжали настаивать. «Вы берете ответственность на себя? Вы хотите объявить, что я болен, ввести чрезвычайное положение, а затем заставить послушный Верховный Совет СССР признать это решение конституционным?» — спрашивает Горбачев. Те отвечают, что будут с нетерпением ждать, когда президент присоединится к ним.

Президент раздражается длинной речью. Он использует свою выдающуюся способность говорить так, чтобы у слушателей «поехала крыша». Понять, принял ли он их доводы или нет, по этой речи невозможно. Но исподволь президент внушает своим соратникам: они могут действовать. Впрочем, заговорщики уезжают, так и не поняв, принудили ли они президента к послушанию. А Горбачеву важно, что они по-прежнему признают его президентом, в чем он убедился, слушая по телевизору девятнадцатого августа пресс-конференцию путчистов, на которой Янаев заявил, что Горбачев присоединится к ним, они еще поработают вместе.

Тут сам собой возникает вопрос: получается, телевизор на даче все-таки работал? Хотя сначала и телевизор, и радио были вроде отключены. Но девятнадцатого вечером телевизор заработал — после настойчивых требований заточенных. Конечно, здесь могло быть обычное совпадение: телевизор заработал как раз в то время, когда транслировали пресс-конференцию ГКЧП.

И еще один вопрос: почему неудавшийся переворот, если, конечно, он был, так внезапно прекратился? Это тоже одна из загадок. Ведь у заговорщиков была возможность продолжать борьбу, поскольку часть армии и КГБ все еще исполняли приказы ГКЧП. Можно предположить, считает Дашкевич, что в ночь на двадцать первое августа Горбачев включил правительственную связь и потребовал от заговорщиков, чтобы войска из Москвы были немедленно выведены.

Интересно, если бы Лукьянов собрал сессию не двадцать шестого, а двадцатого августа, она бы конституировала ГКЧП? Скорее всего да, отвечает кинодраматург. Она ведь безропотно сдала Лукьянова Ельцину. Точно так же сдала бы Горбачева путчистам. Поэтому Горбачеву было важно, чтобы Лукьянов оттянул начало сессии хотя бы на неделю. Вообще-то Горбачев мастерски, даже виртуозно разыграл ситуацию.

Получается, он выиграл? И выиграл, и проиграл. Выиграл, отстояв политическую идею. Проиграл, потому что вернулся в совсем другую страну. Он сначала не понял, что это уже страна Ельцина. Как и то, что он уже подчиняется Ельцину, потребовавшему опечатать здания КПСС. Горбачев безропотно выполнил это требование. А вот тут и встает немаловажный вопрос: с кем остался Михаил Сергеевич? Похоже, что мы тогда просмотрели только первую серию кино. Вторая была впереди. Она — о ситуации человека, который переусердствовал в лавировании и манипуляциях. Этот человек все отдал Ельцину, своему многолетнему сопернику, включая станок для печатания денег. Да и сам он получал зарплату из кассы России.

В конце августа 1991 года немало людей считали, что если даже тайна Фороса и прояснится на судебном разбирательстве, то народ об этом узнает не скоро. Свидетельство тому — пресс-конференция председателя парламентской комиссии по расследованию попытки государственного переворота Александра Оболенского. Он во всеуслышание с телевизионного экрана заявил, что правду о Форосе узнают только через несколько поколений. А сам он дал подписку о неразглашении сведений по этому вопросу.

Месяца через полтора после разговора с аналитиками-прогнозистами, будучи уже безработным, я встретился с одним из них в Фили-Кунцевском парке. Старичок-боровичок выгуливал собаку. Около часа бродили мы по осенним аллеям.

— Смотрите, что сделал Горбачев, вернувшись из Фороса, — размышлял многолетний обитатель цеховских дач. — Первым делом разукрупнил КГБ — вывел из подчинения комитета бывшую «девятку», занимавшуюся охраной руководителей государства, переподчинил ее лично себе. Выделил в самостоятельную структуру службу правительственной связи, которая теперь тоже подчиняется непосредственно президенту. Он замкнул на себе многие другие специфические службы, которые ранее входили в систему КГБ. С какой целью это сделано? Чтобы исключить возможность повторения того, что произошло с ним в Форосе. Решения правильные, они продиктованы соображениями надежной безопасности первых лиц государства, предотвращения каких бы то ни было попыток военного переворота. Вот только ума не приложу, почему, предприняв самые разные меры, исключаяющие возможность повторения Фороса, Горбачев ничего не сделал по линии медицинской?

— Как это?

— Он мог бы первым среди советских лидеров заложить цивилизованную, принятую в большинстве демократических стран традицию, согласно которой население располагает достоверной информацией о здоровье первых лиц государства. Понимаете? Сама ситуация требовала того, чтобы было обнародовано медицинское заключение о состоянии здоровья президента. Вспомним, сколько было в печати различных предположений о характере заболевания Горбачева. Да и сейчас об этом немало пишут. А какую информацию мы имеем? Ровно никакой. Только слухи. Казалось бы, опубликуй бюллетень — и дело с концом. Затянувшееся молчание меня, честно говоря, беспокоит.

Продолжение этого разговора я обнаружил на страницах многих наших газет. Чего греха таить — значительная часть населения поверила гэкачепистам,

отстранившим президента от власти «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения своих обязанностей». Такую доверчивость можно объяснить лишь неинформированностью людей. В любой демократической стране этот номер не прошел бы. Абсолютное, почти стопроцентное неведение о состоянии здоровья Горбачева едва не сыграло с ним злую шутку.

Путчистам поверили даже такие люди, как Владимир Иванович Щербаков, первый заместитель премьер-министра, который входил в ближайшее окружение президента. Что же тогда говорить о рядовых гражданах? Вспомним выступление Щербакова на внеочередной сессии Верховного Совета. Он тоже не понимал, что происходит. И сделал вывод, что с Горбачевым что-то случилось. На основании рассказа Павлова. А Павлов ему сообщил, как его вызвали в Кремль из дома. Собрались они в Кремле. Входят Бакланов, Шенин, Плеханов и, самое главное, Болдин. Говорят, что они только что из Крыма, что час ждали президента в приемной. Не могли зайти, потому что у него врачи. Раиса Максимовна тоже не в состоянии говорить. Так сказать, тяжелейшая обстановка. Их впустили на пятнадцать минут. Президент лежит, по словам врачей — то ли инсульт, то ли инфаркт, то ли все вместе, не знают.

В печати сразу после августа 1991 года было немало различных предположений о характере заболевания президента. Газета «Комсомольская правда» еще двенадцатого августа попыталась что-либо узнать о его состоянии. Ничего не получилось. Академик Чазов, бывший начальник Четвертого Главного управления при Минздраве СССР, заявил корреспонденту, что ни о состоянии Горбачева, ни о его истории болезни он ничего не знает. Министр здравоохранения СССР Денисов сказал, что аппарат президента обслуживает вовсе не Минздрав. Удалось узнать, кто. Лечебно-оздоровительное объединение при Кабинете Министров СССР. Заместитель начальника объединения рассмеялся: вы странные люди. Кто же будет говорить по телефону о здоровье президента? И вообще, об этом известно только лечащему врачу Михаила Серге-

евича. Газета задала правомерный в этой ситуации вопрос: теоретически какие из болезней Горбачева могли бы обостриться? И знаете, что ответили корреспонденту? Не хотелось бы гадать на кофейной гуще. Вчера видели человека здоровым, сегодня узнаем, что он попал в больницу.

Отсутствие информации всегда вызывает массу домыслов и легенд. В советские времена действовало жесткое правило, согласно которому здоровье кремлевских руководителей было одной из самых тщательно охраняемых тайн. В США, например, аппарат Белого дома публикует заключения по итогам регулярных медицинских обследований президента. И если в мае 1991 года болезнь Буша стала темой номер один всех средств массовой информации, если ведущие американские кардиологи в прямом эфире вели рассказ о причинах возникновения, особенностях протекания болезни и способах лечения своего лидера, то о болезни советского президента люди ничего толком не знали. Кроме того, что слухи — это наглая ложь и что он в добром здравии и в состоянии исполнять свои обязанности. Притом такие заявления делали лица, которые разговаривали с Горбачевым по телефону и которые не были специалистами в медицине.

В печати ставились вопросы, почему до этого времени не были разработаны механизмы ознакомления населения с объективными данными о здоровье высших государственных лиц? Речь идет не о том, чтобы предавать огласке конкретные диагнозы — это можно расценить как вмешательство в личную жизнь, как нарушение врачебной тайны. Нужен документ, в котором комиссия независимых специалистов констатировала бы свое мнение. Медицинское обследование с оценкой соответствия высоким требованиям и последующей публикацией в печати заключения комиссии было бы гарантией того, что высокий государственный пост не займет очередной президент, «болеющий теми болезнями, которыми болеют настоящие мужчины», как это было с бывшим вице-президентом.

Однако вернемся к теме августовского путча.

Документ для истории

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действия Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР
Москва, Кремль

Б. ЕЛЬЦИН

19 августа 1991 года

И еще один документ, подписанный, как и первый, на танке возле Белого дома.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР,

Вице-президент СССР — ЯНАЕВ Г. И.

Премьер-министр СССР — ПАВЛОВ В. С.

Председатель КГБ СССР — КРЮЧКОВ В. А.

Министр внутренних дел СССР — ПУГО Б. К.

Министр обороны СССР — ЯЗОВ Д. Т.

Председатель Крестьянского союза — СТАРОДУБ-ЦЕВ В. А.

Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне — БАКЛАНОВ О. Д.

Президент ассоциации промышленности, строительства и связи — ТИЗЯКОВ А. И.

и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70-1, 72 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона.

На основании вышеизложенного постановляю:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку.

Судьба России и Союза в ваших руках.

Президент РСФСР

Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль

19 августа 1991 года.

По мере отдаления от тех смутных дней все больше людей прозревает, понимая, что «августовская революция» 1991 года была схваткой за власть в верхах, а не народным движением. Несколько тысяч москвичей, пришедших к Белому дому, еще не весь народ, большинство которого пребывало, да и сейчас пребывает в апатии, что и продемонстрировали события третьего-четвертого октября 1993 года в Москве.

Это признают даже зарубежные специалисты по России: ни психологически, ни политически россияне не были готовы к августовским событиям. И вообще, большинство народа не хочет видеть дальше собственного носа. Перу известного английского кремлеведа Марка Френкенда принадлежит вот эта убийственная для некоторых российских политиков оценка: именно благодаря пассивности и неготовности к энергичным действиям, а не сознательному выбору армии и КГБ и сорвались антиельцинские акции, а также запланированное путчистами восстановление советской власти и единство Союза.

Миллионы россиян за годы после августа 1991 года на своей шкуре испытали, что такое кризис власти и доверия. Пожалуй, нет в бывшем СССР семьи, которая не ощутила чувства утраты и пустоты из-за распада Союза. В равной мере это относится к недавним непримиримым противникам павшего режима. Достаточно вспомнить Владимира Максимова, Александра Зиновьева, Юрия Власова и другие громкие имена.

Что касается рабочего класса, то кто-кто, а уж он в первую очередь испытал последствия неуклонного роста уровня жизни, который продолжался в Союзе вплоть до начала восьмидесятых годов. А для москвичей даже самые темные годы правления коммунистического режима связаны с такими грандиозными событиями, как переселение в отдельные квартиры. Для рядового московского рабочего малопонятно объяснение ельцинских экономистов о том, что сравнительное благополучие в годы Брежнева было куплено ценой варварского ведения хозяйства и разбазаривания природных ресурсов страны. Москвичи куда более понимают недавнее высказывание жены Александра Солженицына:

— Реформы — это то, что делает жизнь хотя бы немного лучше каждый день.

Однако годы ельцинских реформ приносят нечто прямо противоположное. И это начало доходить до самых недалеких домохозяек, которые во времена правления Горбачева бегали по митингам в защиту Ельцина. Даже ярым сторонникам реформ стало ясно, что абсолютное большинство населения скатывается

к нищете. И самое страшное: реформы подорвали основы традиционного могущества России. Если это начали понимать рядовые домохозяйки, то что тогда говорить об активной, образованной части населения?

Непостижимы парадоксы общественного мнения! Вспомним конец августа, сентябрь и октябрь 1991 года. Это был пик вакханалии, развернувшейся вокруг членов ГКЧП. От них публично, на собраниях и в прессе, отрешивались недавние сослуживцы и друзья. Чуть ли не каждый считал своим долгом унижить, оскорбить, облить помоями узников «Матросской тишины». Один из российских государственных деятелей в пылу негодования превзошел всех, заявив, что он лично расстрелял бы гэкачепистов из автомата. Шло откровенное глумление над физическими недостатками вчерашних высших должностных лиц страны, бесцеремонно и цинично копались в их личной жизни, выставляли маразматиками и недоумками. Стоял вселенский вой: судить, скорее судить! Доброхоты-социологи кровожадно опрашивали население относительно меры наказания для несчастных стариков, с радостными воплями оповещая общественность, сколько процентов опрошенных требуют смертной казни.

Не прошло и двух лет, как отношение общественного мнения к членам ГКЧП и другим арестованным по этому делу изменилось. Большинство респондентов убеждено, что наказания подсудимые не заслуживают, что их действия в августе 1991 года были продиктованы искренним стремлением сохранить целостность страны, защитить конституционный строй. Имена людей, которых проклинали и обсвистывали, предавали анафеме и очерняли, сегодня воспринимаются весьма терпимо, если не с симпатией, где тайной, а где и явной. Уже не слышно ни в электричках, ни в курилках — этих исконно русских гайд-парках — осуждающих выпадов в адрес советских декабристов, грубых анекдотов, обидных эпитетов. Время — самый строгий и беспристрастный судья.

Меняется отношение и к расхожим в августе девяносто первого года терминам «заговор», «путч», «переворот». Былой хлесткости уже нет. С течением времени становится ясно: где это видано, чтобы заговор-

щйки поехали к тому, против кого заговор? Если это был путч, то должен был произойти слом всех структур. Однако все оставалось прежним — и правительство, и Верховный Совет.

Что же это было? Переворот? Где же тогда изменение социального строя? Разве бывает переворот в защиту строя, который есть? Прав А. И. Лукьянов: это был отчаянный, очень плохо организованный шаг в защиту Союза, против его развала с помощью Союзного договора. Никаких сил в Москву практически не вводилось, никаких жертв не было, кроме трех человек, ставших фактически жертвами автокатастрофы.

В марте 1997 года, в канун шестой годовщины референдума о сохранении СССР, социологический центр «Статус» газеты «Комсомольская правда» провел опрос среди москвичей. Был задан вопрос: «На референдуме 17 марта 1991 года большинство высказалось за сохранение Советского Союза. Вскоре, однако СССР распался. Как вы сегодня относитесь к этому историческому событию?»

Ответ такой: 54 процента опрошенных осудили развал СССР, 17 процентов одобрили, 13 процентов отнеслись к этому равнодушно, 16 процентов затруднились с ответом.

Социологи отмечают, что с каждым годом, по мере отдаления декабря 1991 года, число осуждающих развал СССР возрастает: «Раньше была гордость за свою Державу, а сейчас — стыд!»

Отдельно хочется сказать о жертвах «Великой августовской революции». Их было трое — Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов. Им устроили грандиозные похороны с участием президентов Горбачева и Ельцина. Борис Николаевич, роняя скупую мужскую слезу, попросил прощения у родителей погибших молодых людей, что не сумел сберечь их жизни. Больше он таких слов не произнесет никогда — ни после расстрела парламента в девяносто третьем, ни после бесславной войны в Чечне, где полегло не менее ста тысяч человек.

А тогда из похорон устроили шоу. Горбачев и Ельцин чуть ли не соревновались, кто больше извлечет политических дивидендов. Михаил Сергеевич заявил

на траурном митинге, что 24 августа подписал указ о присвоении погибшим звания Героя Советского Союза.

Но отзвучали печальные аккорды, и о новоиспеченных героях забыли. Горбачев успел до ухода в отставку вручить Золотые Звезды и ордена Ленина космонавтам, вернувшимся из полета, а также высокую награду советнику президента РСФСР по делам инвалидов Валерию Буркову «за гражданскую доблесть и самоотверженные действия по защите конституционного строя СССР». Посмертные же награды Комаря, Кричевского и Усова оставались неустраиваемыми вплоть до февраля 1992 года, когда под воздействием демократической прессы власти наконец-то вспомнили о героях «Великой августовской революции» и пригласили в Кремль родителей погибших, чтобы передать Золотые Звезды, которыми были награждены полгода назад их сыновья.

Обстоятельства подвига трех демократических героев изложены юридическим слогом прокурорского расследования. Итак, перед нами фрагменты обвинительного заключения по уголовному делу № 18/6214-91.

Документ для истории

Обстоятельства гибели Д. Комаря, В. Усова и И. Кричевского

В ночь на 21 августа 1991 г. в тоннеле на пересечении ул. Новый Арбат с Садовым кольцом, в условиях комендантского часа, в результате столкновения военнослужащих и гражданских лиц, погибли Д. Комарь, В. Усов, И. Кричевский, были причинены телесные повреждения другим гражданам.

По этому факту 21 августа прокурором Москвы по признакам ст. 252 УК РСФСР было возбуждено уголовное дело.

12 августа 1992 года уголовное дело о гибели Кричевского, Усова, Комаря соединено в одном производстве с уголовным делом о заговоре с целью захвата власти в стране.

ПРОТОКОЛ
ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

"13" января

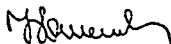
1992 г.

Гор. Москва

Следователь следственной группы прокуратуры РСФСР Щукин А. В.

допросил в Кремле
в качестве свидетеля
с соблюдением ст. ст. 74, 75, 155-160 УПК РСФСР

1. Фамилия Ельцин
2. Имя и отчество Борис Николаевич
3. Дата рождения 1 февраля 1931 года
4. Место рождения с. Бутка Талинского района Свердловской области
5. Национальность русский 2. Гражданство Российская федерация
7. Образование высшее, специальность инженер-строитель
8. Семейное положение женат
9. Место работы Президент Российской Федерации, глава правительства Российской Федерации
10. Судимость не судим
11. Адрес (индекс) г. Москва
12. Паспорт (или другой документ) личность установлена
13. В каких отношениях состоит с обвиняемым -
Об ответственности за отказ и уклонение от дачи показаний по ст. 182
УК РСФСР и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УК РСФСР
предупрежден

Протокол допроса свидетеля — Президента РСФСР Б. Н. Ельцина —
в Прокуратуре РСФСР 13 января 1992 г.

Основанием для этого послужило то, что происшедшее 21 августа 1991 года в районе Садового кольца г. Москвы столкновение гражданских лиц и военнослужащих непосредственно связано с преступной деятельностью участников заговора, использовавших вооруженные силы для захвата власти.

Проведенным расследованием установлено следующее:

После ввода войск в Москву, объявления чрезвычайного положения и комендантского часа, 20 августа 1991 г. министр обороны СССР Язов приказал коменданту города Калинину для его обеспечения организовать силами войск патрулирование.

Калинин, выполняя это указание, отдал соответствующее распоряжение командирам Кантемировской и Таманской дивизий войск МВО.

Это распоряжение было оформлено шифротелеграммами №№ 5756-281 и 334541-43 от 21.08.91 г. за подписью начальника штаба МВО Золотова.

В частности, командиру Таманской дивизии Марченкову приказывалось организовать патрулирование на выездах с Садового кольца в центр города, выделив для этой цели 760 человек личного состава и 76 единиц бронетехники.

Патрулирование проводилось силами 15-го полка, командир которого Налетов довел приказ до командиров батальонов, а они — до личного состава.

В 23 часа колонна БМП выдвинулась на патрулирование, при этом сопровождения колонны автомашинами ГАИ обеспечено не было.

На площади Маяковского был выстроен первый пост, где остался командир полка Налетов, батальон № 1 двинулся направо, а батальон № 2 — налево по Садовому кольцу.

Выставив по ходу движения три поста, командир батальона № 1 Сурувикин с 14-ю БМП подошел к пересечению Садового кольца с проспектом Калинина, где неожиданно обнаружил баррикаду. Об этом Сурувикин доложил по радиации Налетову. Последний, уяснив из рассказа Сурувикина, что препятствие можно обойти, дал согласие на продолжение движения.

При въезде в тоннель БМП и военнослужащие со-

бравшимися гражданами были забросаны камнями, палками, бутылками, другими предметами.

За тоннелем военные обнаружили еще одну, более мощную, чем первая, линию заграждений.

Поскольку путь назад был отрезан, перестроиться в тоннеле БМП технической возможности не имели, а связь с командиром полка была прервана, Сурувикин принял решение продолжить выполнение стоящей перед ним задачи.

Колонне БМП, двигавшейся по правой стороне Садового кольца, удалось пробить в преграде брешь и пройти через нее.

Из БМП, двигавшихся по левой стороне, не удалось пройти ни одной машине: БМП-601 провалилась в яму, БМП-602 при маневрировании сбросила гусеницу, БМП-535 была зажата между троллейбусами, а другие машины не могли двигаться из-за преграды, созданной ими.

БМП-536, экипаж которой состоял из военнослужащих срочной службы: командира БМП сержанта Семеняги Ю. А., механика-водителя рядового Булычева, наводчика-оператора рядового Нурбаева Ш. Д., а также командира отделения десанта младшего сержанта Вахрушева П. А. и рядового Баймуратова К. Т., в числе других боевых машин не смогла преодолеть преграды.

Увидев, что БМП, в которой находился командир их роты, прошла преграду, экипаж БМП-536 решил, что они остались одни.

Поскольку из-за повреждения антенного ввода на БМП оборвалась связь с командиром, экипаж самостоятельно принял решение выполнять приказ и продолжать движение вперед.

В то время, когда БМП выходили из тоннеля, находившиеся там граждане бросали в них камни, палки, другие предметы, вставляли в траки арматуру. Сотрудник редакции военного журнала «Морской сборник» Головкин М. А., бросив плащпалатку на смотровую щель двигавшейся БМП, предложил гражданам следовать его примеру.

Люди стали запрыгивать на БМП, расстегивали брезентовые тенты и закрывали ими обзор экипажу.

Одну из машин накрыли Комарь и Чурин, но она прошла заграждение. Тогда они накрыли БМП-536, однако закрепить брезент не смогли, т.к. механик-водитель Булычев, маневрируя, сбросил их с машины, а оператор-наводчик Нурбаев, вращая башню, сорвал брезент. Но и после этого у механика-водителя видимость не появилась, поскольку были разбиты смотровые приборы (тримплексы), а смотровая щель накрыта одеждой.

При маневрировании от удара о колонну тоннеля открылся правый люк десанта. Догнавший БМП Комарь проник в десантное отделение.

Автоматчик Баймуратов, находившийся в левом десантном отсеке, полагая, что Комарь старается захватить боекомплект, потребовал от него покинуть БМП, но Комарь, имея в руках ломик, попытался им нанести удар Баймуратову.

На предупреждение последнего о возможном приращении оружия он не реагировал, и Баймуратов, не имея намерения поразить Комаря, произвел выстрел.

При движении БМП Комарь выпал из машины в открытый люк, ударился головой об асфальтовое покрытие дороги и получил черепно-мозговую травму, повлекшую его смерть.

Опасаясь проникновения в БМП других лиц, Баймуратов сделал через открытый люк несколько предупредительных выстрелов в воздух. При этом пуля попала в незафиксированную кормовую дверь и, в результате этого, осколками оболочки пули получили огнестрельные ранения Хрюнов, Эстров, Веретильный, Чурин, Рыбач, а Усов получил смертельное ранение в голову и уже мертвым был раздавлен гусеницами БМП.

Граждане, оказавшиеся очевидцами гибели Усова, стали наполнять бутылки бензином и бросать их в БМП, которая загорелась. Когда огонь прорвался во внутренние отсеки машины, в сержанта, открывшего люк, бросили камень, а затем — вылили ведро бензина и он загорелся, получив ожог рук. Отдельные лица препятствовали выходу экипажа из загоревшейся БМП. Не выдержав натиска, военнослужащие переместились к стоящим с другой стороны дороги БМП-520 и БМП-521.

Во время посадки в БМП-521 члены экипажа горевшей машины Баймуратов, Вахрушев и Нурбаев продолжали делать предупредительные выстрелы в воздух. Находившийся здесь Кричевский, бросив в них камень, сделал шаг в сторону БМП, но был неустановленным лицом убит выстрелом в голову.

Гибель Кричевского остановила проявление активных действий гражданских лиц в отношении военнослужащих. Последние прекратили стрельбу и отошли в тоннель, а затем — к зданию Дома Советов России.

Изложенные выше обстоятельства объективно подтверждаются приобщенными к делу:

— телеграммой ЗАС № 5756-281 от 21.08.91 г. за подписью начальника штаба МВО Золотова, которой командиру 4-й танковой дивизии предписывалось организовать патрулирование территории г. Москвы с привлечением конкретных лиц и средств личного состава (т. 107, л. д. 138-141);

— телеграммой № 3545-43 от 21.08.91 г., которой командиру 2-й мотострелковой дивизии приказывалось организовать патрулирование на выездах с Садового кольца в центр г. Москвы (т. 107, л. д. 194-196).

Свидетель Марченков В. И., бывший командир Таманской дивизии, допрошенный по обстоятельствам организации патрульной службы в г. Москве, показал, что дивизия выполняет особые задачи, и в случае объявления повышенной боевой готовности обязана выходить из места постоянной дислокации с боеприпасами. Так было сделано и 20 августа, когда поступил приказ начать патрулирование в условиях комендантского часа. Времени на его организацию не было... ГАИ не обеспечило проезд техники, безопасность движения. Никто не предполагал возможности столкнуться с баррикадами, поэтому инструкций личному составу на преодоление баррикад не давалось. Посты надлежало выставить на Садовом кольце при пересечении его радиальными улицами. На каждый пост выделялись 2 боевые машины и 12 военнослужащих... Ситуация, в которую попали военнослужащие батальона Суровикина, была непредсказуема, условия экстремальные. Нужно учитывать и то, что солдаты и офицеры выполняли приказ (т. 134, л. д. 76).

Командир полка Налетов А. Г. и врио командира батальона Сурувикин С. В. на допросе показали, что, выполняя приказ командира дивизии о патрулировании в связи с вводом комендантского часа в г. Москве, они должны были выставить 21 пост в районе Садового кольца. На патрулирование вышли на БМП, имея задачу обеспечить порядок и не допускать прохода граждан большими группами. О наличии баррикад на маршруте их движения и как следовало поступать в этой ситуации — не знали. Опыта патрулирования в городах, тем более в таких условиях, не имели.

Сурувикин также пояснил, что, пройдя с 14-ю БМП к Новому Арбату, он увидел перед собой баррикаду из стоявших автомобилей, о чем доложил Налетову. Обойдя по его требованию это препятствие, проследовал дальше. Однако при выходе БМП из-под моста собравшиеся там граждане стали бросать в них камни, палки, бутылки с зажигательной смесью. Впереди оказалась другая линия заграждения, состоявшая из троллейбусов. Пройти ее смогли 6 БМП, остальные 8 были блокированы в тоннеле и не имели возможности двигаться ни взад, ни вперед. Приказав экипажам этих БМП закрыть все люки, не покидать машин и докладывать ему обо всем по радию, он прошел к прорвавшимся БМП и продолжил выполнение поставленной задачи. Об обстоятельствах гибели гражданских лиц в результате столкновения с подчиненными ему военнослужащими ничего не знает (т. 134, л. д. 93-95).

Картину событий, их динамику подробно изложил при допросе свидетель Зуев, показав, что 20 августа 1991 года, в двенадцатом часу ночи он направлялся домой по Калининскому проспекту от здания СЭВ. Когда находился в районе Садового кольца, то слышал автоматные очереди, которые раздавались в районе американского посольства.

Подойдя ближе, увидел колонну БМП, которая следовала в тоннель по Садовому кольцу. Он обратил внимание на то, что в тоннеле несколько машин-водозовов перегораживали проезжую часть. После того как БМП проехали первую баррикаду, они направились в сторону Смоленской площади. Он тоже направился вслед за машинами. Когда подошел, то БМП уже

стояли перед баррикадой, сооруженной из троллейбусов. Ему известно, что на Б. Ордынке находится троллейбусный парк, и все троллейбусы были из него. Было примерно три ряда троллейбусов, которые перегораживали Садовое кольцо. Сначала БМП находились в одной колонне посередине Садового кольца. К ним подошли граждане, которые окружили передние машины и стали разговаривать с военнослужащими.

Затем военнослужащие закрыли люки, раздался сильный рев моторов. Он видел, как с БМП-536 упал парень.

Эта машина передней частью стала пробивать баррикаду с правой стороны. В то же время другая БМП с левой стороны тоже пыталась прорваться сквозь баррикаду. Остальные БМП стояли на месте. Подбежали несколько человек, которые накрыли БМП тентом.

После этого БМП, потеряв видимость, отошла назад.

БМП, находившаяся с левой стороны, пробила баррикаду и ей удалось пройти через нее вперед.

БМП-536 проследовала задним ходом и остановилась в тоннеле. Вслед за ней побежали три человека. Затем машина на приличной скорости двинулась вперед.

По ходу движения один из парней догнал и на ходу смог открыть руками заднюю дверь, проникнув вовнутрь.

Он сам находился на расстоянии 10 метров, когда услышал одиночный выстрел и вспышку внутри БМП.

Парень, проникший в машину, выпал, его голова и руки свисали с БМП таким образом, что практически доставали до проезжей части.

Водитель протащил его в таком положении метров 10 и остановился. Он вместе с другими побежал к БМП, но из нее раздалась автоматная очередь.

Когда стрельба прекратилась, то он увидел, что один из окружавших машину парней остался лежать на асфальте.

В это время БМП стала давать назад и корпусом задела еще одного человека, который упал на асфальт.

В БМП стали кидать различные предметы. Это

были камни, железки, бревна. В это время увидел, как со стороны Калининского проспекта подъехала автомашина — водовозка. Молодые ребята принесли ящик пустых бутылок. Он и другие лица стали из бака заполнять их бензином. После их закрывали тряпкой и поджигали, а затем бросали в БМП-536. Несколько бутылок разбились и загорелись. В это время с БМП стали стрелять вверх из автоматов, на противоположной стороне, у другой машины, тоже раздавались автоматные очереди (т. 132, л. д. 20-24).

Свидетель Лементуев, дав аналогичные показания, добавил, что отдельные граждане кидали в машины камни, палки сразу после появления техники из тоннеля, а он лично предпринимал попытки разбить экипажу БМП-536 смотровые приборы, чтобы ограничить видимость (т. 132, л. д. 46-48).

Свидетели Семеняга, Нурбаев, Вахрушев, Баймуратов, Булычев — экипаж БМП-536 показали, что 20 августа в 22—23 часа на построении командир батальона капитан Суровикин объявил личному составу приказ о патрулировании в г. Москве в связи с введением комендантского часа. Поэтому должны были быть выставлены посты в различных точках Садового кольца.

После расстановки части постов и движения колонны БМП в сторону Смоленской площади, при подходе к тоннелю, они встретили баррикады и большое скопление людей.

Пройдя первую линию баррикад, стали выходить из тоннеля, и в этот момент в них полетели камни, палки, различные предметы.

Гражданские лица брезентом закрывали смотровые щели, палками и камнями пытались разбить смотровые приборы, кидали в машину бутылки с бензином. После возгорания БМП им пришлось из нее эвакуироваться.

При эвакуации Булычева чем-то облили и на нем загорелся плавжилет.

Среди присутствовавших раздавались крики, призывы отобрать оружие, физически расправиться.

Строительство баррикад на проезжей части Садового кольца, использование для этого подвижного сос-

тава общественного транспорта, забрасывание военнослужащих различными предметами, препятствование продвижению боевой техники и повреждение смотровых оптических приборов БМП, проникновение посторонних в десантное отделение БМП-536, поджог этой машины и троллейбусов подтверждается, кроме приведенных выше доказательств, также:

— показаниями свидетелей Кирсанова, Чубарова, Синева, Яванова, Папиша, Крамзина, Данилова, Зиновьева, Сафонова.

В процессе следствия была обнаружена и приобщена к делу видеопленка, на которой зафиксированы события в ночь с 20 на 21 августа в районе Смоленской площади г. Москвы.

Осмотром видеопленки установлено, что запечатленные на ней события объективно подтверждают показания многочисленных свидетелей об обстоятельствах столкновения военнослужащих с гражданами.

При осмотре военной техники (БТР, БМП) на ней обнаружены повреждения.

В частности, при осмотре БМП-536 зафиксированы вмятины, царапины, деформация, частичное или полное разрушение, а также отсутствие отдельных наружных узлов и агрегатов, смотровых приборов, следы возгорания в виде оплавления металла и вспучивания краски.

Согласно заключениям судебно-медицинских экспертиз военнослужащим Суровикину, Лапину, Буфетскому, Осауленко, Шаньгину причинены поверхностные раны и ссадины на различных частях тела. Булычеву причинен ожог 2-й степени правой кисти. Все повреждения относятся к легким телесным повреждениям, не повлекшим за собой кратковременного расстройства здоровья.

На основе собранных доказательств, оценивая действия гражданских лиц, соорудивших в районе Смоленской площади на пути движения колонны БМП баррикады и оказавших сопротивление, следствие пришло к выводу, что состава преступления они не образуют.

Противодействуя ГКЧП, незаконному вводу войск в город и объявлению комендантского часа, люди

вышли на защиту конституционного строя, выполняя свой гражданский долг по ликвидации опасности, угрожавшей законно избранным органам власти, считая, что устранить эту опасность иными средствами нельзя, т. е. действовали в состоянии крайней необходимости (ст. 14 УК РСФСР), (т. 138, л. д. 226-238).

Что касается действий военнослужащих, то оценка им должна быть дана с учетом анализа обстоятельств гибели Комаря, Усова и Кричевского.

Согласно показаниям свидетеля Баймуратова, автоматчика БМП-536, Комарь проник в правый десант автомашины и появилась угроза захвата боекомплекта. На его предложение покинуть БМП Комарь ответил угрозами и пытался нанести удар ломиком. И лишь после неоднократных предупреждений он выстрелил в направлении Комаря (т. 136, л. д. 23-24).

Аналогичные показания дал свидетель Вахрушев (т. 136, л. д. 17-18).

Изложенные обстоятельства подтвердили члены экипажа БМП-536 свидетели Семеняга, Нурбаев и Булычев, которые узнали о происшедшем со слов Баймуратова (т. 136, л. д. 10-12, 14-15, 20-22).

Кроме свидетеля Зуева, чьи показания подробно изложены выше, проникновение Комаря в БМП-536 и обстоятельства его гибели описали в своих показаниях и другие свидетели происходивших событий.

Потерпевший Чурин С. В. по этому поводу показал следующее:

«...Я и Комарь запрыгнули на БМП-536, отстегнули ремни тента и стали распускать его на машине, чтобы закрыть ее. Однако машина переместилась назад к тоннелю, затем вперед и тент сполз под гусеницы. Спрыгнув с машины, мы стали догонять ее. У БМП от удара о столб тоннеля открылся задний люк и Комарь прыгнул в него. Раздался выстрел и Комарь откинулся назад. Ноги его находились в люке, руки свисали вниз, касались земли и безжизненно болтались...» (т. 137, л. д. 222—224).

Свидетель Андрианов пояснил:

«...Один мужчина ловко вскочил на БМП сзади, сбоку, но это был не тот БМП, на который набрасывали брезент.

В это же время задние двери этого БМП открылись. Кто открыл дверь, он сам или военнослужащие, я не видел. Этот парень как бы ногами стоял в раскрытых дверях БМП и в это время раздается вспышка изнутри машины. Выстрел был неслышен, так как стрельба шла непрерывно. Затем тот БМП, у которого по пояс свисает труп человека головой наружу, стал делать хаотичные движения...» (т. 132, л. д. 6-7).

Приведенное выше подтвердили также свидетели Черногуз, Ткачев, Дмитриенко и другие (т. 132, л. д. 54-57, 145-147, 150-152).

По заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы, смерть Комаря наступила от черепно-мозговой травмы сразу после ее получения. Повреждения могли образоваться при падении головой книзу с движущегося транспортного средства и последующим волочением тела в положении головой книзу. Об этом свидетельствует характер, расположение и механизм повреждений: отсутствие каких-либо повреждений на нижней половине тела, наличие признаков ударных воздействий и действий по касательной к поверхности тела, характер включения в раны на лице и особенности повреждений одежды, в частности, наличие дефектов ткани рукава, свитера, расположение и характер повреждений на левом полуботинке. Признаков огнестрельного ранения (пулевого, осколочного) при исследовании трупа Комаря и его одежды не обнаружено (т. 137, л. д. 122-140).

Вывод экспертов о механизме травмы, повлекшей смерть Комаря, подтверждается показаниями очевидца событий Вострякова, который по этому поводу пояснил:

«...БМП ушел в тоннель... Я увидел, что задний люк открыт, Комарь находится в салоне, держится за поручень... Танк качнулся назад, Комарь свесился с него. В момент падения он ударился об асфальт и мозги брызнули из головы...» (т. 132, л. д. 93-94).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что причиной смерти Комаря является не выстрел Баймуратова, а его падение с БМП.

Видя, что за БМП продолжают бежать люди, и желая воспрепятствовать их проникновению в десантный отсек, Баймуратов, убедившись, что в проеме двери

никого нет, произвел через нее предупредительные выстрелы в воздух.

В этот момент был смертельно травмирован Усов, получили огнестрельные ранения Чурин, Хрюнов, Рыбач, Вертильный, Эстров.

При осмотре БМП-536 на задней правой дверце обнаружены огнестрельные повреждения (т. 133, л. д. 106—115).

Из заключения судебно-баллистической экспертизы следует, что одно из этих повреждений образовано при выстреле оболочечной пули 5,45 мм калибра, другое — оболочечной пулей 5,45 мм или 7,62 мм калибра (т. 135, л. д. 16—17).

По показаниям свидетеля Зиновьева, в тот момент, когда люди подошли к БМП, чтобы снять труп Комаря, из десантного отсека раздался выстрел (т. 131, л. д. 149-150, 153).

Нахождение Усова в момент выстрела возле БМП-536 подтверждается показаниями свидетелей Данилова, Крамзина и других (т. 131, л. д. 129-132, 146-147, 142-143).

По заключению судебно-медицинской и комплексной медико-криминалистической экспертизы смерть Усова наступила от сквозного огнестрельного ранения в голову, которое могло быть причинено пулей 5,45 мм из автомата Калашникова (АК-74).

Огнестрельное ранение Усову причинено в тот период времени, когда он находился около двери правого десантного отсека БМП-536. При этом стрелявший находился спереди и слева от головы Усова в зоне траектории полета пули, причинивших огнестрельные повреждения на внутренней стороне двери десантного отсека БМП-536 (т. 137, л. д. 82-89).

Судебно-медицинскими экспертизами установлены: огнестрельные ранения осколками оболочки пули — у Чурина и Хрюнова, осколочные ранения у Рыбача, сквозное пулевое огнестрельное ранение у Веретильного, пулевое ранение у Эстрова (т. 137, л. д. 229-230, 196-297, 308-309, 262-263).

Из показаний эксперта-баллиста Сониса следует, что при попадании в кормовую дверь возможно разрушение оболочки автоматных пуль. Учитывая крайне

малое расстояние выстрела, фрагменты пуль обладают достаточным количеством кинетической энергии. При попадании в тело человека этих фрагментов они могут причинить повреждения различной степени тяжести (т. 135, л. д. 9091).

Анализ приведенных доказательств позволяет следствию прийти к выводу о том, что в условиях нападения на БМП Баймуратов, обеспечивая собственную безопасность и безопасность экипажа, произведя через открытую дверь предупредительные выстрелы вверх, не мог и не должен был предвидеть, что незафиксированная поврежденная дверь в результате маневрирования БМП в момент выстрела пересечется с трассой пули, в результате чего будет смертельно травмирован Усов, а части оболочки ранят Чурина и других, поэтому в его действиях состав преступления отсутствует.

Смерть Кричевского наступила от одиночного огнестрельного пулевого сквозного ранения головы. Выстрел мог быть произведен от БМП-520.

Ввиду отсутствия в трупе пули идентифицировать оружие и установить, кем конкретно был произведен выстрел в Кричевского, не представилось возможным.

Не удалось восполнить этот пробел и путем допросов очевидцев происшедшего.

Против Калинина Н. В., Марченкова В. И., Налетова А. Т., Суровикина С. В., Семеняги Ю. А., Нурбаева Ш. Д., Захрушева Г. А., Баймуратова К. Т., Булычева Н. И. дело прекращено.

Глава 4

ЗАЛОЖНИКИ ТУПИКОВОЙ СИТУАЦИИ

Впервые за всю историю существования КПСС ее аппарат, потеряв былое могущество, резко высказывался о своем Генеральном секретаре. Доставалось и другим руководителям партии. Следует отметить, что особой любви между генсеком и аппаратом партии не было и раньше. Горбачев только однажды встретился с ответственными работниками ЦК, и то эта

встреча носила случайный характер. В ней участвовали в основном работники отдела оргпартрботы да несколько завов и их замов из других ведущих отделов. Если мне память не изменяет, случилось это в 1986 году.

Горбачеву, очевидно, было известно, как к нему относится аппарат ЦК. В последнее время его критиковали открыто и безбоязненно даже на партийных собраниях, не говоря уже о кулуарных разговорах. То, что он бросил партию, не занимается вплотную ее делами, звучало и на пленумах ЦК. Открытий здесь никаких нет, достаточно ознакомиться с опубликованными стенограммами. Дисциплинированный аппарат прозревал медленно, но верно. Двадцать третьего августа уже последний референт осознал, в какой безысходной, тупиковой ситуации оказались прежде всего они, кадровые работники партии, какую игру вел все эти годы с партией ее Генеральный секретарь.

Обманутые аппаратчики предъявляли серьезные обвинения. Именно генсек является главным путчистом, утверждали они, только он растянул свой путч на шесть лет. Вспомним его внешне безобидные действия по обновлению состава ЦК, поддержанные ничем не подозревавшими партаппаратчиками. Сначала полная замена прежнего состава Политбюро и Секретариата, затем триста заявлений членов ЦК об уходе на пенсию.

А избавление от убежденных партийцев под видом реорганизации и сокращения наполовину (!) аппарата ЦК КПСС и региональных партийных комитетов, прошедшее в конце 1988 — начале 1989 годов?

Документ для истории

Генеральному секретарю ЦК КПСС
тов. ГОРБАЧЕВУ М. С.

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Обращаюсь к Вам по некоторым вопросам работы парторганизации и жизни коллектива аппарата ЦК КПСС в связи с предстоящей его реорганизацией и сокращением.

Прежде всего, докладываем, что в аппарате ЦК в целом сохраняется здоровая политическая обстановка и деловая атмосфера. Работники аппарата с большим одобрением встретили решения Всесоюзной партийной конференции и июльского Пленума ЦК, полностью разделяют их и поддерживают. Сейчас коммунисты отделов включились в работу по организационному и пропагандистскому обеспечению выдвинутых партией новых важных установок по углублению перестройки в стране. С пониманием в основном восприняты намеченные меры по реорганизации аппарата и его сокращению. Работники спокойно отнеслись к отмене лечебного питания, другим мерам по устранению излишеств в работе столовой и бытовом обслуживании.

Вместе с тем, хотя явно негативных настроений и недовольства не наблюдается, у части ответственных работников все же нарастает беспокойство за свою личную судьбу в связи с реорганизацией аппарата. Высказываются опасения, что в условиях повсеместного сокращения штатов нашим работникам без соответствующей помощи будет очень трудно устроиться на работу. Многих беспокоит, что увольнение из аппарата ЦК в других организациях будет рассматриваться как проявление определенного недоверия к ним. Тем более что за последнее время в результате некоторых необъективных выступлений средств массовой информации наблюдается определенная недоброжелательность к партийному аппарату.

Партийный комитет, бюро парторганизаций вместе с руководством отделов ведут соответствующую разъяснительную работу в коллективе. При этом подчеркивается, что ко всем высвобождающимся работникам при реорганизации партийного аппарата будет проявлено максимум заботы, обеспечена их социальная защищенность.

Учитывая, что предусматривается аппарат ЦК КПСС сократить наполовину, то в этом случае подлежит трудоустройству около 700 ответственных работников, не считая 255 человек пенсионного возраста. Эта цифра может возрасти при проведении в жизнь мер по существенному обновлению состава аппарата.

Наши работники в большинстве своем имеют высокую квалификацию, значительный опыт работы в партийных, государственных и хозяйственных органах.

По нашему мнению, в условиях повсеместного сокращения аппарата управления реализовать задачу рационального использования высвобождающихся работников аппарата ЦК можно только заблаговременными мерами. В частности, уже сейчас следовало бы взять на учет вакантные и освобождающиеся должности в Совмине СССР, Госплане, Комитете народного контроля СССР, министерствах и ведомствах, средствах массовой информации, на которые можно направить немало наших товарищей. Было бы целесообразным образовать авторитетную комиссию в ЦК КПСС, на которую возложить трудоустройство освобождающихся работников.

В связи с предстоящей реорганизацией аппарата у работников возникают вопросы и социально-бытового плана. У некоторых товарищей не решены проблемы жилья, других волнует то, что они могут лишиться права пользования 1-й поликлиникой Четвертого Главного управления при Минздраве СССР. Работники аппарата ЦК не имеют садово-огородных участков. Для уходящих на пенсию может быть следовало бы предоставить право первоочередного выделения участков в создаваемых садоводческих товариществах для персональных пенсионеров. Возникнут проблемы и с трудоустройством технических работников (высвобождается около 600 человек). По всем этим вопросам можно было бы также дать необходимые поручения Управлению делами ЦК КПСС.

В связи с реорганизацией аппарата ЦК встал вопрос о сроках проведения отчетно-выборных партийных собраний в отделах ЦК. Полагали бы целесообразным такие собрания в отделах ЦК провести после реорганизации аппарата ЦК. Отчетно-выборная партийная конференция могла бы состояться в декабре текущего года.

Убедительно просим Вас оказать необходимую помощь и поддержку в решении этих вопросов.

Секретарь парторганизации аппарата ЦК КПСС

К. Могильниченко

29 сентября 1988 года.

И, наконец, решение о том, что каждый руководитель республиканского ЦК должен быть членом Политбюро «большого» ЦК. Простодушные делегаты XXVIII съезда, поддавшись на очередную приманку, проголосовали за это предложение. Некогда мощный орган, опасный своей монолитностью, рассыпался по разваливавшейся стране.

Документ для истории

После XXVIII съезда стало ясно, что в КПСС по сути сформировались две партии. Формально они назывались платформами. Демократическая (коммунистов-реформаторов) и марксистская.

В конце 1990 года в пресс-центре ЦК состоялась встреча представителей этих двух платформ. От имени Демократической платформы диалог вели народный депутат РСФСР и Моссовета С. Шеболдаев и старший научный сотрудник Института биоорганической химии Академии наук СССР В. Безуглов. Марксистскую платформу представляли члены ЦК Компартии РСФСР старший научный сотрудник МГУ имени М. В. Ломоносова А. Колганов и ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД СССР А. Крючков.

Вопрос. Почему вы даете пресс-конференцию вместе?

А. Крючков. Объединить свои усилия нас заставила общая тревога за положение дел в обществе и в партии, усиление как консервативных сил, так и ликвидаторских настроений в КПСС, нарастание антикоммунистических настроений. Семнадцатого ноября этого года намерены провести конференцию, чтобы сформировать демократическое движение коммунистов.

В. Безуглов. И выработать единую позицию и единую тактику действий на предстоящий период.

А. Колганов. Остающаяся в КПСС часть Демократической платформы и Марксистская платформа стремятся восполнить тот недостаток, который ранее был присущ Коммунистической партии, — ее стремление к полной монополии на истину, в том числе и в рамках социалистической идеологии. Мы стараемся стать дви-

жениями в нашей стране. С лета этого года проводятся интенсивные переговоры с такими политическими движениями левого направления, как Социалистическая партия, Конфедерация анархо-синдикалистов, часть представителей Движения зеленых, некоторые представители Социал-демократической партии России. Сделаны первые шаги к созданию движения левых в СССР.

Что касается Марксистской платформы, то мы стремимся активизировать контакты с левыми движениями и прежде всего близкого нам направления не только в нашей стране, но и за рубежом. В частности, представители Марксистской платформы недавно совершили поездку в Болгарию, где были установлены контакты с движением Марксистская альтернатива в Болгарской социалистической партии, подписан протокол о сотрудничестве.

Вопрос. Что вас разъединяет?

С. Шеболдаев. Мы, коммунисты-реформаторы в Демократической платформе, считаем: нет необходимости сегодня выпячивать роль марксистской идеологии, которая остается для нас очень важной, но не единственной составляющей нашего мировоззрения.

В. Безуглов. Да, мы остаемся коммунистами. Но в нашем понимании коммунизм — это определенный тип развития, основанный на общечеловеческих ценностях, гармоническом сочетании прогресса и справедливости, обеспечивающий свободное самоосуществление личности. И, подчеркиваю, момент некоего различия с Марксистской платформой в том, что мы подходим к экономике и к осуществляемой сейчас реформе перехода к рынку не с идеологическими критериями, а с социальными требованиями. В данном случае мы не боремся за то, чтобы экономика соответствовала определенным, заранее выдвинутым идеологическим критериям.

А. Крючков. Надо учитывать, что Марксистская платформа возникла тогда, когда существовала Демократическая платформа без ярко выраженных течений внутри нее. На том этапе, как мне представляется, действительно были существенные различия во многих взглядах с Демплатформой. Ну скажем, с ее лидерами

Шостаковским, Лысенко, Чубайсом. Что касается наших контактов с секцией коммунистов-реформаторов, то тут могла быть ситуация несколько иная. Почему? Потому что если взять вопрос о демократизации партии и общества, как ставит его секция коммунистов-реформаторов и как ставим мы, то мне представляется, у нас здесь очень много общего.

Если же касаться вопросов социально-экономической политики, то здесь пока не следует торопиться с оценками. Почему? Потому что мы, как мне представляется, пока эти вопросы основательно не обсуждали. Нам как раз и предстоит в них глубоко разобраться. Это может произойти в процессе выработки документов, с которыми мы идем на конференцию семнадцатого ноября, это может произойти непосредственно на конференции.

А. Колганов. Здесь звучал вопрос: являемся мы коммунистами или социал-демократами и какими мы видим перспективы коммунистического движения?

Нет, мы не являемся социал-демократами, хотя считаем, что коммунистическое движение не какая-то закрытая секта, строящаяся на раз и навсегда данных принципах. Мы считаем, что коммунистическое движение как современное политическое течение должно быть открытым, оно должно усваивать опыт всего левого социалистического и вообще всего левого демократического и политического движения в мире. И мы не имеем никакого предубеждения против позитивного опыта социал-демократии или других социалистических движений.

В то же время мы остаемся коммунистами, потому что для нас будущее, социалистическое или коммунистическое, не является только набором этических принципов, но и некоторым новым общественным устройством, к которому мы придем. Однако наш взгляд на это общественное устройство довольно резко отличается от того, который ранее преподносился под именем марксизма-ленинизма.

В о п р о с. Как вы относитесь к принципу демократического централизма?

В. Безуглов. Мы в самом начале, когда организовалась Демплатформа, выступали за решительную от-

мену этого принципа в деятельности КПСС. В качестве альтернативы мы предложили термин «Демократическое единство». Это принцип, основанный на том, что права делегируются снизу вверх, от первичных партийных организаций, которые полностью самостоятельны в принятии своих решений, в определении, какими методами, как вести им работу в том районе или на том предприятии, где они действуют. При этом мы исходили из того, что решения исполнительных органов партии должны носить рекомендательный и координирующий характер, а приниматься они должны только на форумах партии — съездах, конференциях.

Мы исходили из того, что нужно сохранить максимальную свободу деятельности каждого члена партии с тем, чтобы в довольно быстро меняющихся условиях партия могла динамично и очень быстро реагировать на изменение ситуации. При сохранении принципа демократического централизма это невозможно, потому что времени для согласования решений, пока пройдет информация снизу вверх, а решение спустится сверху вниз, проходит очень много, и ситуация, как часто бывает, выходит из-под контроля. В результате партийная организация оказывается совершенно бессильной и практически не реагирует на острые моменты.

А. Колганов. Нужна гораздо более оперативная реакция на происходящие события. Нужно ликвидировать хроническое запаздывание партийных решений по сравнению с потребностями общественного развития.

Те принципиальные ориентиры, которые были заложены в решениях XXVIII съезда КПСС, мы считаем в основном правильными. В то же время полагаем, что и в этих ориентирах достаточно много расплывчатости, достаточно много неопределенности, которая и вызывает неуверенность, пассивность и колебания в проведении партийной политики. Вот это мы считаем необходимым изменить.

А. Крючков. Хотел бы отметить, что у нас есть определенные расхождения с Демплатформой по отношению к принципу демократического централизма, который как таковой в партии не применялся. Мы считаем, что применялся совершенно другой прин-

цип — бюрократического централизма, когда демократия как важнейшая составляющая данного принципа практически не работала. Вот эту сторону надо непременно усиливать.

Один из серьезнейших вопросов в реализации этого принципа, как нам представляется, — это узаконить право меньшинства отстаивать свою точку зрения и после принятия решения, что ранее фактически запрещалось. Это одна из принципиальнейших наших позиций.

Мы также считаем, что меньшинство должно иметь право выражать свою точку зрения, объединяясь по платформам, не только в ходе дискуссии, как это записано в Уставе КПСС, но и помимо дискуссии. Мы считаем далее, что усиление демократической стороны организации в деятельности партии предполагает необходимость избрания на партийные съезды по платформам, по партийным округам на основе прямого, равного, тайного голосования.

Права меньшинства — это и гарантированное представительство платформ в выборных партийных органах. Нас призывают к тому, чтобы мы отказались от этого принципа, мол, применение его приведет к тому, что партийные организации укрепятся на производстве. Но мы этого и добиваемся. В Болгарии мы выслушали массу мнений о том, что ликвидация партийных организаций по месту работы, упразднение районного звена привели к тому, что БСП оказалась во многом разьединенной, неспособной действовать консолидированно, совместно в силу того, что разорвались вертикальные связи, да и горизонтальные довольно-таки слабы.

С. Шеболдаев. Анатолий Викторович Крючков уже опередил меня, и мне остается только присоединиться от нашего имени к той трактовке основного организационного принципа в партии, которую он предложил, то есть принципа защиты права меньшинства на свою точку зрения.

В. Безуглов. Я хотел бы добавить, что озабоченность судьбой выживания левого движения в нашей стране и способности его эффективно противостоять как антикоммунистическим, так и неоконсервативным

силам привела нас к необходимости создания единого объединения различных партий левого направления. Думаю, решимость у партий и движений, которые входят в образованный блок или общее движение, вести активную борьбу с антикоммунистическими настроениями есть, и я полагаю, что консолидация левого крыла способна некоторым образом стабилизировать обстановку.

Здесь я попутно хотел бы заметить, если в строгом смысле говорить, что у нас еще нет нормально функционирующей Коммунистической партии, и нам предстоит ее только создавать. И мы хотим, проводя эту работу по созданию современной политической партии левой ориентации, закладывать туда такие принципы, которые бы раз и навсегда покончили с разделением коммунистов на рядовых и не рядовых и сделали бы ее способной боевой организацией. И тогда вопрос о том, кто конкретно возглавляет партию, кто конкретно занимает те или иные выборные должности, не будет столь существенным.

А. Колганов. О перспективе образования некоего левого фронта или движения с участием КПСС. Здесь уже говорилось о том, что есть естественное стремление к консолидации сил на левом фланге политического спектра, и в то же время подчеркивалось, что КПСС пока в нашем представлении не является такой партией, какой мы хотели бы ее видеть. Это и определяет проблемы формирования союза левых сил с участием КПСС.

В о п р о с. Стремитесь ли вы к власти в КПСС? Как реагируете на антикоммунизм? Намереваетесь ли образовать национальный фронт?

С. Шеболдаев. Антикоммунизм сейчас приобретает черты оголтелости, я другого слова не подберу. Возникновение фронтов самого разного направления, от объединенного фронта трудящихся до интерфронтов, это символ гражданской войны. Сегодня она принимает форму вот таких конфронтующих движений. Думаю, это самое опасное, что может только сегодня происходить.

Наша задача: не ставить перед собой такую конкретную цель — прийти к власти, мы бы хотели, чтобы

власть прежде всего внутри Коммунистической партии «взяли» так называемые ее рядовые члены. Рядовой коммунист, партийная масса — я использую выражения, привычные для нас, которые не только кочевали бы в средствах массовой информации, но и существовали очень прочно в нашем сознании. Сегодня, думаю, эпитет «рядовой» должен быть упразднен, и коммунист как таковой должен иметь право на выражение своей точки зрения, на участие в принятии решений и на выдвижение различных кандидатур, в том числе в наших партийных структурах. То же самое я хотел бы сказать и о партийной массе. Пора отказаться от этого понятия и говорить просто о значении большинства в партии, о том, что его мнение должно также быть учтено, но не большинства партийных функционеров, как до сих пор происходило.

Наши течения в партии, выступая за дальнейшую демократизацию и реформирование КПСС, стремятся и к тому, чтобы ликвидировать то недоверие, которое существует между коммунистическим движением и другими левыми социалистическими движениями в нашей стране. Мы стремимся выступать в роли, если так можно выразиться, переходного мостика между Коммунистической партией и другими левыми социалистическими силами.

А. Крючков. По вопросу образования блока антикоммунизма. Прежде всего следует иметь в виду, что создается не только антикоммунистический блок, но и блок антисоветский. Что я имею в виду? Скажем, митинг 15 июля проходил не только под лозунгами «Долой КПСС!», «Коммунизм — чума XX века», «Коммунизм — СПИД XX века», но там были лозунги и против Советской власти. С ними выступала небезызвестная Новодворская, которая выдвинула свой набор лозунгов, одним из самых красочных был «Долой существующий государственный строй!» Были аналогичного содержания лозунги и среди демонстрантов. Недавно было сообщение: готовится проект Конституции Российской Федеративной Республики. Мы там уже не видим в названии ни «Советская», ни «Социалистическая».

С точки зрения Г. Х. Попова, следует избрать нес-

колько другую систему управления: президент, губернатор, староста. То есть он почти недвусмысленно дает понять, что Советская власть — это не та структура, которая способна решить проблему управления нашим обществом. Все это мне лично дает основание считать, что нужно вести речь не только о блоке антикоммунистическом, но и о блоке антисоветском, который набирает силу.

В о п р о с. Каким представляется вам будущее имущества КПСС? Возможно ли единое название обеих платформ?

С. Шехобдаев. Партийное имущество требует точной и гласной инвентаризации. И на основе этой инвентаризации должно произойти соответствующее возмещение, компенсация тех средств, которые были утрачены Советской властью в процессе ее «подавления» партийными структурами.

И второй вопрос, касающийся нашего объединения с марксистами. Я еще раз хотел бы уточнить, что речь не идет о формальном слиянии двух платформ, мы думаем, что наши различия останутся, речь идет о процессе нахождения общих точек зрения, какой-то общей платформы, которая бы позволила консолидировать большее число коммунистов на этих позициях. Полагаю, что это часть общего гражданского процесса единения, и хотя я здесь не являюсь официальным представителем движения «Демократическая Россия», но я хотел бы упомянуть о том, что я одновременно являюсь его участником. А оно заявляет о себе как движение, которое пытается консолидировать на своей основе многие вновь возникшие организации демократического направления.

В. Безуглов. Мы считаем нравственным, моральным долгом коммунистов использовать средства партии для поддержки прежде всего тех людей, кто пострадал от сталинских репрессий, от последующего беззакония, жертв афганской войны, Чернобыльской катастрофы. Мы считаем, что необходимо часть партийных средств направить на поддержание культуры, образования, здравоохранения, на экологические программы. Тем более если средства партии не будут лежать мертвым грузом, а будут участвовать в оборо-

те и приносить доход, то вполне возможна организация специальных фондов, контролируемых рядовыми членами партии, теми, кого делегируют непосредственно партийные организации, для того чтобы не допустить злоупотреблений в использовании этих партийных средств.

Что касается объединения, мы считаем: в партии целесообразно сохранять максимальный плюрализм, и поэтому мы стремимся сохранить наше движение как самостоятельное внутри партии. Но в то же время мы считаем, что Марксистская и Демократическая платформы, совещание секретарей и другие движения в едином блоке достижения цели коренной демократизации, перестройки партии не только полезны, но жизненно необходимы.

А. Крючков. Наша позиция во многом совпадает с той, которую обрисовал товарищ Шеболдаев. Когда мы обращаемся к своей родной партии с просьбой дать нам самые элементарные условия для работы, выделить небольшую комнатку, поставить туда пишущую машинку, простенький компьютер, нам два месяца ищут средства для того, чтобы удовлетворить наши самые скромные просьбы, и в итоге не могут их решить, то, конечно, нас это не только удивляет, а просто возмущает.

В о п р о с. Знают ли на местах о ваших платформах или они чисто верхушечное, кулуарное явление?

А. Колганов. Наши связи с партийными организациями заводов, фабрик, колхозов и совхозов имеют более длительную историю, чем наши связи за рубежом. Те небольшие группы и небольшие партийные клубы, которые стояли у истоков Марксистской платформы, с самого начала имели тесные связи с первичными партийными организациями учебных заведений, институтов, заводов.

В наше движение входят люди различного социального положения. Если первоначально их связи ограничивались узким кругом активистов, то после того, как наши документы были опубликованы в газете «Московская правда», а позднее и в «Правде», их контакты с партийными организациями предприятий резко активизировались. Был такой период, когда члены коор-

динационного совета каждый день или даже по несколько раз в день выступали на различных предприятиях, участвовали в дискуссиях, общались с представителями первичных партийных организаций. У нас есть контакты с партийными организациями десятков городов Советского Союза. Так что мы не являемся чисто верхушечным движением.

Я бы мог добавить, что социологические опросы, которые проводились в партийных организациях, давали очень разные цифры сторонников Марксистской платформы. Видимо, это связано со степенью информированности. Цифры колебались от 2,5 процента до 10, 12, иногда до 18, но думается, что более точная степень нашего влияния отражена в опросе делегатов Учредительного съезда Компартии РСФСР, где сторонниками Марксистской платформы себя объявили 5 процентов делегатов. Около 25 процентов сказали, что они частично поддерживают положения Марксистской платформы.

А. Крючков. Мы против фиксации членства нашего движения и боремся не за увеличение его функционеров, а за увеличение числа сторонников. Больше всего надеемся на наших сторонников на местах, которые у нас есть не только в городских организациях, но и в сельских.

С. Шеболдаев. К сожалению, сегодня эта работа нами ведется явно недостаточно. И действительно, о нас просто не знают, особенно на периферии. Здесь, конечно, вопрос использования средств массовой информации, но еще в большей степени это вопрос нашей собственной активности и возможности связи со структурами на местах. Большие надежды возлагаем в этом смысле на предстоящую конференцию.

Мина замедленного действия была заложена прямо под ноги партийного аппарата. Видели ли ее опасность? Далеко не все.

Вспоминается совместное заседание идеологической комиссии и комиссии по науке и образованию в августе 1991 года. Обсуждался — в который раз! — проект программы КПСС. Председательствовал член

Политбюро А. С. Дзасохов. Было много длинных и скучных словопрений, спорили по пустякам. И тут поднялся Медведев, секретарь одного из обкомов партии Казахстана:

— Знаете, о чем я подумал? Вот мы толчем здесь воду в ступе. Сколько нас? Полтораста человек. Да столько же в официальной программной комиссии. Да в рабочей группе с полсотни наберется. Триста пятьдесят человек. А проку? Только что критиковали Яковлева — и такой он, и сякой. Но я уверен, если бы идеологом партии был Александр Николаевич, он один бы сел и написал проект программы. Это я к вопросу о роли личности. К сожалению, другого такого Яковлева нет ни в составе Политбюро, ни в составе Секретариата. Обмельчали наши руководители в центре...

Дзасохов внешне остался спокойным. Все тем же ровным голосом он произнес, что товарищ Медведев выступил не по теме заседания и что он отвлекает внимание высокого собрания от решения важнейшей задачи, создает нерабочую обстановку.

Один штрих, но он достаточно убедительно свидетельствует о том, что умные люди на местах видели: в руководящих органах партии нет ни одной яркой личности, известной своими научными трудами, теоретическими разработками или результатами практической деятельности.

Не все аппаратчики, потеряв власть и привилегии, пребывали в ослеплении. Здравый смысл побеждал. За короткое время в ряде изданий в центре и на местах появилось немало глубоких, объективных публикаций, в которых предпринимались самокритичные попытки разобраться в причинах краха не только политики КПСС, но и ее самой. Авторами статей выступали бывшие сотрудники аппарата ЦК КПСС. Они сумели встать над своими обидами, личными трагедиями, жизненными невзгодами. В горьких, но справедливых публикациях бывшего первого заместителя заведующего отделом ЦК по работе с общественно-политическими организациями Игоря Зараменского, консультанта идеологического отдела Леона О니кова, консультанта общего отдела Николая Михайлова и других

дается картина многочисленных просчетов руководства ЦК, их оторванности от реальных процессов, происходящих в жизни, приверженности старым меркам и представлениям. Иногда возникало подозрение, что секретари ЦК не представляли, в какое время они живут.

Сразу после роспуска ЦК, оказавшись не у дел, они часто давали интервью. Правда, потом интерес к ним упал. Так, спросит какой-нибудь корреспондентик: чем вы сейчас занимаетесь? Любопытно все же, к какой пристани причалили бывшие небожители. Хотя бы те, у кого пенсионный возраст еще не наступил.

А в первые дни после позорного изгнания из кабинетов, отгороженных от рядовых аппаратчиков охраной, помощниками и секретаршами, отбоя от журналистов не было. Что они чувствовали, проходя сквозь улюлюкавшую толпу, плевавшую им в сытые лица?

Галина Владимировна Семенова, член Политбюро и секретарь ЦК, пробывшая в этой должности ровно один год, выступила с интервью уже через неделю после завершения своей партийной карьеры. Она, по ее признанию, уходила с ощущением незаслуженной обиды. Стиль изгнания, конечно же, был ужасен. Ведь член Политбюро в старом понимании — это было нечто, вызывающее священный трепет у простых смертных. И вдруг такой позор...

Однако вернемся к интервью Галины Владимировны. Опубликованное в «Комсомольской правде», выходявшей тогда восемнадцатимиллионным тиражом, оно дает полное представление об образе мышления и государственном уме человека, волей случая вознесенного на вершину власти. Вещать от имени единственной, великой, неповторимой, родной!

Галина Владимировна сокрушалась об оставленных в кабинете сапогах. Так торопилась очистить помещение, что не до них было. Сапоги, конечно, ценность немалая, особенно по тогдашним меркам, когда все было дефицитом, и члена Политбюро можно понять: жаль добротной вещицы, небось шили не на минском объединении «Луч».

Прочитав чистосердечное признание, многие читатели глазам своим не верили. Ну ладно, проступка-

машинистка, которую не пустила на работу в ЦК толпа на Старой площади, вспомнила курицу, оставшуюся в холодильнике со вчерашнего дня. Потом многие газеты издевались над пожилой женщиной, вынеся в заголовок нечаянно вырвавшееся восклицание: «У меня курица в ЦК осталась». Простим ей, несознательной машинистке, да еще обремененной большой семьей — курица-то девяностолетней матери предназначалась, кстати, участнице обороны Москвы в 1941 году, прикованному к постели инвалиду. Но когда о сапогах сокрушается член Политбюро... Да еще публично. Да еще в газете с восемнадцатимиллионным тиражом...

В день выхода того номера «Комсомольской правды» пенсионеры дома, в котором я живу, возмущенно галдели на скамейке во дворе, шелестя газетными страницами. Галина Владимировна тяготилась своим постом в высшем эшелоне партии. Лишившись его, почувствовала себя даже свободной. «Как будто я с фронта вернулась или из ссылки», — признается человек, на которого с надеждой взирали рядовые члены партии.

За что же такая нелюбовь к своей прежней должности? Оказывается, за двенадцатичасовой рабочий день и один выходной в неделю. И вечный недосып. Что она имела, будучи членом Политбюро? Двухкомнатную квартиру на троих («я, муж и моя мама»), которую получила, когда еще в журнале «Крестьянка» работала. Зарплата члена ПБ 1200 рублей, тогда как редактором она получала бы больше, если учесть премиальные и гонорары. Служебная машина — такая же черная «Волга», что возила ее и в «Крестьянке». Да, существовал еще «Дом быта» для сотрудников ЦК партии, там мужу сшили костюм.

Галина Владимировна по распределению обязанностей в Политбюро занималась вопросами женского движения. Что же конкретно ей удалось сделать для улучшения положения несчастных наших женщин? Обратимся к стенограмме ее пресс-конференции — единственной в роли члена Политбюро, состоявшейся в марте 1991 года.

Документ для истории

В логике процессов демократизации, обновления общества и партии стоит рассматривать и создание в ЦК КПСС Комиссии по вопросам женщин и семьи, сказала, открывая встречу, Г. В. Семенова. Это новое по сути направление в деятельности партии. Оно обусловлено прежде всего возвратом ее к интересам человека, к защите его прав, стремлением включить женщину в активную общественную жизнь. Не так давно комиссия внесла в Секретариат ЦК свои предложения. По ним было принято историческое решение. Историческое хотя бы потому, что впервые, за последние шестьдесят два года был рассмотрен вопрос об основных направлениях политики партии в работе с женщинами и женским движением.

В этом документе женщина рассматривается не как объект, а как субъект политики. Вернее, не только как объект помощи, поддержки, что само по себе, конечно, чрезвычайно важно в сегодняшних условиях, но прежде всего как активное действующее лицо. То есть речь идет об обязательном ее участии в процессе принятия решений на всех уровнях.

Второй, очень важный, с точки зрения Г. Семеновой, момент связан с преодолением прежних стереотипов, когда политика подталкивала женщину к той или иной социальной роли, игнорируя ее собственные интересы и потребности. Все помнят, как экстенсивный путь развития экономики диктовал журналистам лозунги: «Женщины — на производство!», «Женщины — на трактор!» Потом, когда обнаружили, что разваливается семья, сменили эти лозунги на другой — «Женщина — в семью!». И опять не спросили мнения самой женщины. Сегодня ставится вопрос так: надо создать необходимые условия и возможности, чтобы женщина сама определяла для себя с учетом своих индивидуальных особенностей и взглядов, своих намерений ту или иную социальную роль, которая ей по душе, либо удобные для нее варианты сочетания ролей, в которых, она считает, ей удастся реализовать свою личность.

Партия выступает за широкое сотрудничество с различными женскими движениями. Это тоже черта нашего времени — взлет женского движения. Понача-

лу, на самой заре перестройки, оно представляло из себя довольно однородный процесс. Сегодня это движение разнопланово. Сотрудничество поможет осуществлению поставленной цели — продвижению женщин в политику.

И еще один важный момент: в документе записано положение об обязательном представительстве женщин во всех руководящих органах партии пропорционально их численному составу.

По моему глубокому убеждению, сказала Г. В. Семенова, женщины в политике — это не бантик на фасаде демократии, это не украшение мужского коридора власти, это действительно необходимый сегодня баланс психологии, взглядов, позиций. Это, безусловно, гарантия того, что политика не отойдет от решения жизненно важных социальных вопросов. Это возможность гуманизировать и процесс принятия решений, и сами решения, гармонизировать отношения в обществе.

Вопросы информационного агентства «Новости». После Екатерины Фурцевой вы первая и пока что единственная женщина в высшем руководстве КПСС. Как вы себя чувствуете в Политбюро, в какой мере считаются с вашим мнением? Что лично вам уже удалось сделать? Какие положительные и какие отрицательные стороны в работе Политбюро вам стали очевидными на сегодняшний день? Многие, особенно оппоненты, называют Центральный Комитет партии министерством по идеологии и кадровой политике, если речь идет о прошлом. Сейчас Центральный Комитет партии, как известно, от этой своей роли отказался. Какими реальными рычагами он и партия в целом обладают сегодня для более широкого привлечения женщин в политику?

Г. Семенова. Хотя я и предполагала перед XXVIII съездом, что в состав Политбюро будет избрана женщина, ведь политика демократизации и обновления общества невозможна без участия женщин, тем не менее для меня выдвижение моей кандидатуры явилось полной неожиданностью. Весьма сожалею, что выдвинута была только я одна. Всячески буду стремиться к тому, чтобы женщины оказались не только в руководстве партии, но и в Кабинете министров. В других органах государственного управления. Как

народный депутат СССР и член Комитета Верховного Совета по делам женщин, семьи и демографической политики вижу свою задачу также и в том, чтобы выдвинуть как можно больше женщин, помочь им реализовать свои способности в высших структурах власти.

Трудно ли мне в составе Политбюро, будучи там единственной женщиной? Я не задаю такого вопроса. Задаю другой: не трудно ли моим коллегам со мной? У меня ведь нет практически никакого опыта партийной работы. До этой столь высокой должности я никогда не работала ни в партийных структурах, ни в органах Советской власти. Кроме журналистов, никого коллегами в своей жизни не называла. Поэтому меня в большей степени заботит, не трудно ли со мной. Надеюсь, что нет.

Считаются ли с моим мнением? Да. Просто ли это далось? Нет. Потому что и для многих членов Политбюро я стала новым человеком. Больше всего с самого начала опасалась, что относиться ко мне будут, как к традиционному «женскому креслу» за политическим столом. Поэтому стараюсь выступать по всем вопросам, которые обсуждаются на Политбюро, на Секретариате. Могу сказать откровенно: удалось добиться, что если я молчу, то о моем мнении спрашивают.

О недостатках в работе Политбюро и о положительных сторонах мне трудно говорить по той же причине — мне не с чем сравнить. Во всяком случае, демократичная обстановка обсуждения, которая иногда приобретает характер и спора, который мы разрешаем именно в результате внимательного отношения к мнению друг друга, к выработке совместных позиций, естественно, пока не вызывает у меня никаких негативных эмоций. Наоборот, эта демократичная обстановка обсуждений мне нравится.

Лучший вариант политического воздействия на общественное мнение и на общественное настроение — не власть решений, а власть мысли, авторитета. И вот эту власть я стараюсь по мере сил и возможностей укреплять. Это сейчас главный рычаг. Очень важна парламентская деятельность, работа депутатов от партии. Есть партийная пресса. Но основа всего — работа первичных организаций, через которые и осуществля-

ется постоянная связь руководства партии с народом. Думаю, что этих рычагов вполне достаточно для того, чтобы укреплять свой авторитет, проводить свою политику. Но насколько эффективно они используются — другой вопрос.

Вопрос журнала «Вопросы истории КПСС». Участие женщин в политике можно только приветствовать. Сегодня особенно выпукло, рельефно это видно на съездах народных депутатов Союза и республик. Что же касается партийных комитетов, здесь подвижки менее заметны. Взять хотя бы пленумы ЦК КПСС. На последнем, апрельском, из тридцати восьми выступивших в прениях только две женщины. Разве вы как член Политбюро не можете подсказать своим коллегам, что это не совсем нормально? Тем более что на предыдущих двух-трех пленумах женщины вообще не выступали.

Г. Семенова. Согласна с вами полностью. Могу еще добавить, что у нас в 125 обкомах партии среди секретарей нет ни одной женщины. Вот почему наша комиссия настояла, чтобы в решении Секретариата был все-таки пункт об обязательном представительстве женщин в руководящих органах.

Что касается последнего пленума, добавлю, что дело не только в том, что выступили лишь две женщины. Дело еще и в том, как они выступили. Потому что и здесь, на мой взгляд, не было самореализации личности женщины. Не хочется критиковать женщин. Я всегда их защищаю, если они были неправы, потому что прежде всего вижу объективные обстоятельства, которые каким-то образом либо исказили их позицию, либо навязали им неверный тон выступления.

Одна из выступивших, как вы помните, зачитала, очевидно, загодя написанный кем-то для нее текст. Речь шла о том, чтобы вновь вернуть партии властные функции, критиковалось Политбюро, так называемый Центр. Это, увы, отражение бытующего в обществе стремления разделить людей на тех, кто ставит оценки, и на тех, кто «ходит в оценках». И если раньше традиционно сверху раздавали оценки нижестоящим за ту или иную работу, то теперь как бы и здесь произошел перевертыш — все норовят выставить отметки тем, кто «наверху». А вот самооценок не хватает.

Вторая говорила запальчиво, взволнованно, порой несдержанно. Но и на это у меня есть свое объяснение. Позволю такое сравнение — автомобилисты меня поймут. У нас в политике женщина похожа на женщину за рулем машины. Каждый мужчина старается ее обогнать, отпустить шуточку, сыронизировать по поводу манеры вождения, а то и «подрезать». К чему это приводит? К лихачеству. Страшное дело, если по дороге едет такой уязвленный водитель. Берегись, она летит на бешеной скорости, не глядя по сторонам.

Вопрос радиостанции «Эхо Москвы». Полагаете ли вы, что облегченный путь женщин в политику, такой, как пропорциональное представительство, даст нам, скажем, в парламенте сотню Маргарет Тэтчер? Не приведет ли это к снижению авторитета тех женщин-политиков, которые благополучно имели бы его и без этого?

Г. Семенова. Когда мы говорим о таком эквиваленте квоты, как равное представительство, то не имеем в виду прежнюю разрядку, от которой сегодня категорически отказываемся. Она уже неприемлема. В повестке дня — альтернативная борьба, справедливое соревнование за участие в этом представительстве.

Придется преодолевать немало сложившихся стереотипов. До сих пор, например, гордимся, что женщины составляют свыше 61 процента среди специалистов с высшим и средним специальным образованием. Но ведь это не политическая подготовка. Мы занялись подготовкой женщин-лидеров на базе высших политологических курсов Академии общественных наук при ЦК КПСС. При Академии народного хозяйства СССР открыты курсы по подготовке женщин к предпринимательской деятельности, обучению их менеджменту, в том числе и политическому. Среди тех, кого мы стараемся включить в состав слушателей этих курсов, будущих лидеров в бизнесе и политике, не только коммунисты. Важно, чтобы это были женщины нравственные, разделяющие гуманистические принципы нашего общества, готовые служить людям.

Вопрос «Независимой газеты». Как вы относитесь к женскому конгрессу, прошедшему в Дубне? Имеете ли связи с людьми, которые его организовывали?

Г. Семенова. К конгрессу в Дубне отношусь хорошо. С самого начала была в курсе его подготовки, знала его программу. Хотела в нем участвовать, но не получилось из-за командировки в Иваново, где как раз в это время проходила областная конференция женщин. Многих участниц конгресса я знаю, в том числе и зарубежных, потому что по роду предыдущей моей работы приходилось с ними встречаться и дискутировать.

Я всей душой за то, чтобы женское движение действительно развивалось. Только парадигма множественности даст возможность каждой женщине реализовать свои интересы, а не идти по пути, навязанному той или иной политической силой. Да, на конгрессе высказывались самые разные мнения, была острая полемика, но ведь надо выяснить отношения, чтобы прийти к сотрудничеству.

Вопрос агентства «Студинформ». Какие действия сейчас необходимо предпринять женским движениям для того, чтобы вывести женщин Советского Союза на более высокую степень политической активности? Какое общественно-политическое женское или, может быть, неженское движение находится ближе к этим позициям, этим действиям?

Г. Семенова. Возможно, я выскажу несогласие с некоторыми публикациями. А среди сидящих в зале есть, видимо, их авторы. Но все же: я не за то, чтобы сегодня объединять женские движения в одну единую силу. Я за то, чтобы каждый человек мог реализовать свой интерес в том или ином движении, в том или ином сообществе, в той или иной партии. Конечно, женщинам для реализации своих целей предстоит объединение по основополагающим позициям. Это не объединение движений, сил, это объединение в идее. Это консолидация ради продвижения тех или иных идей в жизнь. Поэтому в каждом из существующих движений я отвергаю экстремизм, пренебрежительное отношение к позиции другой стороны, представителям другой партии, другого движения. Для меня важнее интересы человека, интересы жизни, гражданского согласия для решения тех проблем, в которых мы завязли.

Какие из женских движений ближе всего к тому, чтобы помочь обществу? Две глобальные проблемы

волнуют сегодня каждого человека, каждую семью, каждую женщину. Это социально-экономический кризис и политическая нестабильность в обществе. Тут можно сослаться на социологию. Сегодня самое авторитетное движение среди женщин — то, которое связано с социальной защитой, с благотворительностью, которое может реально помочь конкретному человеку. Человек сегодня брошен в хаос не только политических противоречий, не только противоречий между центральными и региональными законодательствами. Его угнетает хаос купонов, талонов, компенсаций, отсутствие социально-защитных структур, служб занятости.

Мы действительно движемся к рынку, это неизбежно, но это движение не обеспечено для человека определенными житейскими поддержками. У нас нет, по сути, еще не действуют центры занятости, структуры по повышению квалификации. А уже завтра мы столкнемся с проблемой безработицы. И прежде всего женской. Мы спокойно произносим слова «феминизация бедности», «феминизация безработицы», но ничего не делаем для предупреждения этих процессов. И та общественная организация, которая будет оказывать конкретную помощь человеку, семье, хотя бы в информационно-просветительском плане, безусловно, завоевывает авторитет и поддержку.

На втором месте по популярности — те общественные движения, которые напрямую занимаются правами человека. Это Комитет солдатских матерей, общество «Мемориал» и другие. Я пока не говорила о политических партиях. Здесь расклад примерно такой: 19 процентов женщин, не являющихся членами КПСС, оказывают ей поддержку. Поддерживают партии, оппозиционные КПСС, около восьми процентов. 42 процента женщин желают активизации политической деятельности самих женщин. Потому что на них надеются в решении конкретных социальных проблем, связанных со всей сложной сегодняшней жизнью.

Вопросы журнала «Известия ЦК КПСС». Во всех ли компартиях союзных республик созданы аналогичные комиссии по вопросам женщин и семьи и в каких из них, на ваш взгляд, сделаны интересные шаги в этой работе?

И еще. Ясно, что сегодня решить социально-политические и экономические проблемы женщин только силами политических партий, общественных объединений и различных фондов невозможно, здесь нужна четкая государственная программа. Создается ли общегосударственная программа? Республиканские, местные? Как они должны быть связаны между собой?

Г. Семенова. Во многих компартиях республик такие структуры есть. Работают они по-разному, с разной степенью эффективности. Политика ведь вещь максимально конкретная. Осуществляют ее конкретные личности. Так что от субъективного фактора чрезвычайно много зависит. В качестве положительного примера я назвала бы деятельность комиссии по вопросам женщин и семьи ЦК Компартии Таджикистана.

Вы, безусловно, правы: силами политических партий сегодня многого не добьешься. Может быть, кто-то читал мою статью в газете «Рабочая трибуна» — как мне говорили, редкий случай, когда член Политбюро выступает с критикой официальных структур власти. Но ведь критиковать есть за что. Дело, конечно, не только в отсутствии женщин в правительстве, хотя я считаю, что и по этой причине так затянуто было исправление допущенных ошибок в системе компенсационных мер. Не раз приходилось мне выступать по этому вопросу. Да и как не удивляться такой, к примеру, ситуации: какие только министерства уже не утверждены в составе Кабинета министров, а Комитет по проблемам женщин и семьи, который, по сути дела, должен стоять на страже интересов самой жизни, до сих пор не создан.

В статье я привела факт, о чем потом немного сожалела, поскольку довольно резко высказалась об одном из депутатов. Факт такой. Встает депутат на заседании Верховного Совета СССР и говорит: а зачем нам вообще этот комитет? Конечно, в вопросах социальной защиты очень важна активная позиция не только структур власти. Меры помощи семье, женщине должны быть предусмотрены на всех уровнях. Должна быть очень ответственной и гуманной роль трудовых коллективов, общественных организаций, о которых мы говорили.

Безусловно, переход к рыночным отношениям бу-

Съемочная группа Советского телевидения в кабинете М. С. Горбачева. Рядом с президентом председатель Гостелерадио СССР Л. П. Кравченко. 1991 год.

Спустя семь лет после августа 1991 года. Главный редактор «Парламентской газеты» Л. П. Кравченко с первым номером подписанной им в свет газеты. Май 1998 года.

В первичную партийную
организацию Президиума
Коммунистической партии
в Ленинском КПСС
т.п. Словина Бориса
Николаевича

заявление.

Принимая решение в рядах
Коммунистической партии
Советского Союза, так как
я хочу быть в активном ряду
борцов за построение коммунизма
в нашей стране.
Считаю себя для выполнения
подготовленным.

14/III-61г. *Николаевич* /Ельцин/

Борис Николаевич явно переоценил степень своей подготовленности.

ст. гетманка в сиротном доме

№ 1 - уступку
№ 2 - уступку
№ 3 - уступку
№ 4 - уступку

№ 5 - уступку
№ 6 - уступку
№ 7 - уступку
№ 8 - уступку

№ 9 - уступку
№ 10 - уступку
№ 11 - уступку
№ 12 - уступку

№ 13 - уступку
№ 14 - уступку
№ 15 - уступку
№ 16 - уступку

№ 17 - уступку
№ 18 - уступку
№ 19 - уступку
№ 20 - уступку

№ 21 - уступку
№ 22 - уступку
№ 23 - уступку
№ 24 - уступку

ародных Комиссаровъ

Фотокопия черновика протокола первого заседания Политбюро ЦК РКП(б), состоявшегося 16 апреля 1919 года. Текст протокола написан карандашом на листе от почтового пакета.

В президиуме XXVII (первого «перестроечного») съезда КПСС.
1986 год.

В аппарате ЦК КПСС чтилась субординация. У помощников секретарей ЦК и первых заместителей заведующих отделами ЦК КПСС был примерно один ранг. Они и сфотографировались вместе во время работы XXVII съезда.

В президиуме торжественного заседания, посвященного 70-летию Октябрьской революции.

Первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС П. Я. Слезко (первый слева) на приеме у Рауля Кастро. Под глобусом — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Республике Куба, будущий заведующий Идеологическим отделом ЦК КПСС А. С. Капто. 1987 год.

Заместитель председателя Центральной контрольной комиссии КПСС П. Я. Слезко с первым секретарем ЦК Компартии Чехословакии М. Якешем.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ
КОМПАРИИ РСФСР

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Тов. ЗЕНЬКОВИЧ Н.А.

приглашается на пленум ЦКК Компартии РСФСР,

который состоится
в 10-00
ул. Куйбышевская
Председатель
Компартии
(Инициалы)

12 талонов
ЛИМИТНАЯ КНИЖКА

№ 004658

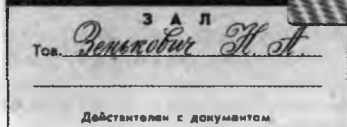
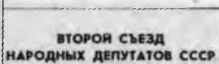
Занкович
ЦКК РСФСР
О. Александрович

(Оторванные талоны недействительны.)

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в кабинете первого секретаря Томского обкома КПСС Е. К. Лигачева. 1982 год.

Вот такие привилегии были в ЦК КПСС при Горбачеве.

Субботники партийный аппарат проводил в тяжелых физических работах. На снимке автор этой книги с товарищами на закладке производственных площадей строящегося предприятия.

После субботника с руководящими работниками Одесского обкома партии. 1987 год.

На стажировке в Витебской воздушно-десантной дивизии.

Делегация ЦК КПСС в монгольской юрте. 1988 год.

Взгрустнулось... Решение Секретариата ЦК КПСС о переводе в Москву состоялось. С семьей перед отъездом из Минска.

БУФЕТ № 4

ПРОПУСК № 10

Тов. _____

ЗЕНЬКОВИЧ Н.А.

Время посещения с 18.00. до 20.00

1991 год

Действителен со служебным удостоверением

С приходом М. С. Горбачева вся Москва стала джентльменским городом, получив такие вот визитки... А мы в ЦК — всевозможные пропуска и лимитные книжки, по которым отпускали по полкило сосисок. И по два яблока — в августе!

дет непростым. Гораздо проще у нас проходит разгосударствление идей и приватизация мнений. Труднее с реформами экономическими. Очень важно, чтобы в ходе их не пострадали семья, дети. Все это — заботы и нашей комиссии. Предстоит думать о защите не только тех, кто слабее, беднее. Сегодня ситуация подчас складывается так, что, как это ни парадоксально, самой незащищенной оказывается нормально работающая женщина с обычной судьбой.

Вспоминаю одно из многих писем на эту тему. Автор возмущенно пишет: «Чтобы улучшить свое материальное положение, мне что, нужно стать многодетной матерью или инвалидом, а может, матерью-одиночкой?» Так вот, мне представляется, очень важны меры помощи в организации повышения квалификации женщин, освоения навыков предпринимательской деятельности для того, чтобы каждая семья имела возможность повышать свой материальный достаток.

Вопрос газеты «Мегаполис-континент». Галина Владимировна, вы сказали, что комиссии надо работать и над тем, чтобы повысить престиж отцовства в семье. Что комиссия намерена в этом направлении делать?

Г. Семенова. Прежде всего необходимо формировать общественное мнение. Ведь не только женщина ответственна за семью. Хотя, конечно, одного этого недостаточно. Необходимо создание реальных возможностей для того, чтобы семья могла укрепляться не только духовно, нравственно, но и экономически. Переход к рынку, надеюсь, даст такую возможность. При разгосударствлении, продаже мелких предприятий, связанных со сферой обслуживания, можно предусмотреть льготы для многодетных, студенческих семей. Это же возможно и очень важно в сельском хозяйстве. Речь идет о целом комплексе мер, которые могли бы материально поддержать семью, поднять престиж отцовства, облегчить бытовые условия.

Вопрос ассоциации молодых журналистов СССР. Как вы относитесь к женщине-бизнесмену, деловой женщине? И еще. Если женщина стремится к лидерству, то не станет ли это разрушающим фактором ее семьи, ведь у нас сейчас еще сильный стереотип главенства мужчины?

Г. Семенова. Я поддерживаю стремление женщин заниматься бизнесом. Хотя бы по той причине, что нам грозит женская безработица. Предприятия в условиях рынка на первое место будут ставить выгоду. Значит, будут стремиться избавляться, к сожалению, прежде всего от женщин, потому что им положены пособия, льготные условия и режимы труда. Получается, что это невыгодная рабочая сила.

Конечно, КПСС и прежде всего наша комиссия будут постоянно апеллировать к общественному мнению, прессе, государственным структурам, гражданским движениям, чтобы не допустить диктата работодателей по отношению к женщинам, будут защищать их достоинство, добиваться гуманного отношения к ним. Тем не менее, понимая реальность того, что безработица возможна, надо уже сегодня предпринимать меры для экономического регулирования этих процессов, проводить соответствующую налоговую политику в пользу занятости женщин, готовить их самих к предпринимательству.

Я очень хорошо отношусь к женщинам в бизнесе и знакома с деятельностью многих клубов и ассоциаций деловых женщин. Мне представляется, что за ними будущее. Не исключаю, что экономисты обретут вскоре большую популярность, чем политики, потому что это люди конкретного дела, а конкретное дело — это то, чего нам сегодня так не хватает.

Вы спрашиваете, не разрушит ли это облик женщины. Если она будет заниматься бизнесом, забыв о себе, и если у нее не будет возможности оставаться собой в сфере бизнеса. Разве не разрушалась личность женщины раньше, когда она, вовлеченная в политику, нередко оставалась без семьи, не имела времени для личной жизни? Нужно создавать условия, которые бы помогали развитию личности, а не искажали ее. Уверена, что бизнес не будет «шорами», и, думаю, что женщина в бизнесе останется женщиной. Надеюсь на это.

Вопрос информационного агентства «Интерфакс». Как ваша комиссия относится к усиливающемуся влиянию религии на людей, а также к распространению религиозных представлений о месте женщины в обществе?

Г. Семенова. Мне представляется, что в сегодняшней ситуации проникновение религии в общественную жизнь, в жизнь людей имеет и положительные, и отрицательные моменты. Положительное в том, что это элементы духовности, нравственности. В условиях перехода к более жестким взаимоотношениям в обществе, связанным с приходом предпринимательства в нашу жизнь, с противоборствами, конфликтами, политическими распрями, человек нуждается в успокоении. И не случайны поиски нравственной опоры. Некоторые видят ее в религии. Вместе с тем я с большой настороженностью отношусь к попыткам насадить религию в детскую сферу, в школы, в воспитательный процесс.

Нельзя не заметить, что и религия сегодня меняется. В Ватикане, к примеру, есть департамент по семейным проблемам. Когда я была недавно в командировке в Италии, то обратилась к нашему послу с просьбой организовать встречу с кардиналом, который занимается этой проблемой. Неожиданно получила приглашение от папы римского. Встреча была очень интересной. Это был философский разговор о проблемах семьи, о том, что конфронтация между политиками не должна переходить в семью, о том, что нужно сделать все, чтобы оградить человека от агрессии, злобы. Наверное, вам известно, что у нас в стране резко снизилась рождаемость — более чем на полмиллиона в год. И это связано не только с тем, что ухудшилась социально-экономическая ситуация. Согласно опросам, среди главных причин — потеря уверенности в завтрашнем дне, конфронтационная обстановка в обществе.

Вопрос телевизионной программы «Время». Сегодняшняя пресс-конференция имеет название «Женщина в политике». Характер вопросов, которые здесь задавали, характер ваших ответов позволяют предположить, что ее скорее можно назвать «Политика в отсутствие женщин». И вообще процент женщин в органах управления снизился, а вы единственная женщина в таких представительных органах. А сегодня я услышала, что среди первых секретарей обкомов почти нет женщин. Скажите, может быть, не столь плохи женщины, не столь они не подготовлены,

сколько не выработаны или не существуют способы их поиска?

Г. Семенова. Во-первых, принципиально не согласна с вами относительно политики в отсутствие женщин. То, что их мало во властных структурах — временное явление. Я настроена оптимистично и уверена, что будут женщины в Кабинете министров, будет Комитет по делам женщин. Да, на сегодняшний день женщин в высших структурах власти пока еще мало, но разве не слышим мы их голоса в прессе, в общественных организациях? Разве не видим, какой размах приобрело женское движение, как по-новому работает Комитет советских женщин, ищет новые формы работы, новые сферы влияния? Разве не видим активизации в движении деловых женщин, которые сегодня стараются не просто помочь себе, не просто рационально распределить свои возможности для того, чтобы понести меньше потерь в условиях перехода к рынку, но которые оказывают свое воздействие и на политику? Разве не под влиянием женщин в конце концов принят указ президента о дополнительных компенсациях, касающихся детских товаров? Разве это не участие женщин в политике? Ведь оно предполагает не только наличие должности, а прежде всего — наличие своей позиции, умение ее проявить конструктивно, грамотно, компетентно.

Что касается поиска женщин-лидеров, то их выдвигают и женское движение, и все иные сферы нашей жизни.

Вопрос испанской журналистки. Я хотела бы знать о политике вашей партии в вопросах семьи. Ведь семья всегда была тем институтом, в котором формировались все ценности как положительные, так и отрицательные, тот же авторитаризм.

Г. Семенова. Вряд ли найдется сегодня человек, который будет отвергать наличие диалектики между семьей и обществом. Действительно, из семьи вырастает общество, в семье формируются те нравственные качества человека, которые затем в той или иной степени влияют на характер общества, на общественное сознание. Точно так же, как и общество, в зависимости от степени его гуманности, от его политики, определяет жизнь семьи и молодого поколения. Много было оши-

бок в нашем прошлом, не уделяли мы должного внимания семье, недостаточно помогали ее развитию. Сегодня, как мне представляется, лучшая политика по отношению к семье — это дать ей возможность стать самостоятельной ячейкой. Дать ей возможность реализовать себя, обеспечить удовлетворение и материальных, и духовных потребностей.

Итак, с помощью академика Аганбегяна удалось создать Центр по подготовке женщин-бизнесменов, гордо сообщает Семенова. Красиво? Красиво. А на деле? Горстка элитарных женщин-москвичек, и без того не обделенных судьбой, будет зарабатывать еще больше, чем раньше. А основная масса женщин — фабричных работниц, тружениц полей и ферм, задавленных грузом повседневных забот? Уж не для них ли задумала Галина Владимировна вместе с Людмилой Швецовой создать Высший совет при президенте по защите фундаментальных прав человека? Не успели, сокрушается Галина Владимировна.

«А может, и хорошо, что не успели!» — возмущенно комментировали эти слова мои безвременно состарившиеся соседки. Какой прок от этого совета? Нам не он нужен, а колготки детям, обувь, одежда. Детское питание, наконец. Молодые мамы тогда совсем извелись — при Горбачеве все было дефицитом. Господи, когда же кончится глумление над людьми, над здравым смыслом? Мы здесь мучаемся, света Божьего не видим, из очередей за сахаром да за яйцами не вылезает, а они все новых и новых бездельников плодят. Высший совет по защите фундаментальных прав человека! Фундаментальных! Высший! Что, и низшие были бы?

Моя дочь играла на детской площадке возле дома. Я стоял возле скамейки, на которой сидели соседи-ветераны. Обсуждение интервью Галины Владимировны продолжалось.

— Нет, вы послушайте, что она говорит о позиции Секретариата ЦК по поводу путча. Обратите внимание на язык члена Политбюро. «Мы собрались Секретариатом в тот же день, двадцатого. Сели и говорим: «Ребята, остановитесь, какой пленум! Для чего,

для «одобрямса»? Или что — избирать нового генсека?!» И мы поклялись не допустить переворота в партии. Сегодня нас справедливо упрекают, что мы, ЦК, заняли пассивную позицию. Надо было действовать не так. Не ждать согласований с первичками, а выходить на телевидение и кричать: „Коммунисты, не поддавайтесь соблазнам!“» «Ребята», «поклялись», «выходить на телевидение и кричать»... Не пойму, что это: заседание Секретарата ЦК или комсомольское собрание?

— Берите ниже. Судя по терминологии — пионерское.

— А ведь член Политбюро — это вам не простой сотрудник аппарата. Член Политбюро — это олицетворение Коммунистической партии. В мою бытность в аппарате ЦК...

— Ну все, Иван Васильевич, любимого конька оседлал. Да слышали мы твои байки не один раз. Помолчи-ка, пожалуйста...

— А чего молчать? Домолчались. Члены Политбюро по оставленным сапогам слезы льют...

— Да они все только о себе толкуют...

Я слушал, как судачили сильно сдавшие мои соседи и их хворающие супруги, вышедшие в погожий денек подышать свежим воздухом, и думал, что скажи я им о своей причастности к выдвижению Галины Владимировны в состав ЦК, мне бы не сдобровать. Струсил, не признался. Но что было, то было.

Перед XXVIII съездом пресс-центра ЦК КПСС еще не существовало. Автор этой книги числился в идеологическом отделе заместителем заведующего сектором периодической печати. Ко мне заглянул Александр Якимович Дегтярев, который занимал должность первого заместителя заведующего идеологическим отделом.

— Орготдел срочно требует кандидатуры для возможного избрания в состав ЦК. Надо несколько человек по вашему ведомству. Желательно тех, кто раньше не избирался в ЦК и ЦКК.

Мое ведомство — это средства массовой информации. Я назвал фамилии главных редакторов помоложе и раньше не входивших в выборные органы партии. В основном это были мужчины.

— Послушайте, Александр Якимович, — внезапно

осенила меня мысль, — а что если попробуем выдвинуть женщин?

— Отличная идея, — одобрил Дегтярев. — Женщины пройдут на «ура»!

Я назвал Семенову из «Крестьянки», Крылову из «Работницы», Федотову из «Советской женщины», еще несколько человек.

Галина Владимировна счастливо миновала все «чистилища» и оказалась в списках рекомендуемых от Центра. И совершенно неожиданно для всех, включая, похоже, и себя, стала членом Политбюро и секретарем ЦК. Случай поистине уникальный — членом ЦК она побыла меньше суток. Подозревала ли она, что ею попросту заполняется по разнорядке «женское» место в высшем эшелоне партийной власти?

Впрочем, кажется, — она подозревала. Но подозрения гнала прочь. И вот закономерный финиш. Запоздалое прозрение. Признания в том, что этот пост тяготил ее. И все — о себе, о себе, о себе... Правда, вскользь были высказаны опасения: как бы не начался процесс расправы над партией, над ее рядовыми работниками. Заметили нюанс? Работниками, а не членами. Аппаратчиками, а не рядовой партийной массой. А где же слова сожаления по поводу случившегося, обращенные к рядовым коммунистам?

Ладно, право каждого — за кого вступаться. Если Галине Владимировне дороги ее любимые аппаратчики, то почему она не вступается за них, за партию в целом? Ведь ее худшие опасения сбылись, процесс расправы над КПСС и ее кадровыми работниками начался. Почему она не побежала на телевидение и не закричала: «Ребята, остановитесь! Коммунисты, не поддавайтесь соблазнам!»

Спустя две недели после откровений Семеновой обнаружил свои мысли другой секретарь ЦК КПСС, правда, не член Политбюро, Андрей Николаевич Гиренко.

— Я не пропаду, — уверенно заявил он. — Если не потяну инженером, пойду на завод рабочим — руки то есть.

Андрей Николаевич в далеком прошлом начинал горным инженером в Кривом Роге. Работал по горячей сетке. Так что имел право на льготную пенсию. Ос-

талось добрать несколько лет, и все в ажуре. Правда, вот только с сигаретами «Винстон» напряженка. В наличии всего несколько пачек, но это остатки былой роскоши. Ничего, как-нибудь перебьется. Хотя напряженка не только с куревом.

Действительно, похоже на то, что Андрей Николаевич перебьется. Он порядочный и честный человек. Трудяга. И если сказал, что в крайнем случае пойдет на завод — пойдет.

Все бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Скажи такое инструктор, консультант, даже заведующий отделом — куда ни шло. Но ведь это секретарь ЦК КПСС говорит! И снова — о себе...

Обратимся еще к одному секретарю ЦК — Борису Вениаминовичу Гидаспову. Несомненно, в последнем составе Секретариата он один из немногих, кто выделялся своим именем. Член-корреспондент Академии наук СССР, крупный организатор науки и производства, специалист по ракетным топливам, председатель правления концерна «Технохим». Высокая зарплата, статус видного ученого, дело, которым он занимался тридцать пять лет.

Горькие размышления этого обманутого в своих самых лучших побуждениях человека можно понять. Когда его приглашал на пост первого секретаря Ленинградского обкома Михаил Сергеевич Горбачев, основные мотивы были такие: слушай, Борис Вениаминович, проектировать ты умеешь, строить, организатор из тебя тоже неплохой. В центральные органы — Совет Министров, Верховный Совет, ЦК — ты вхож, ситуацию в стране знаешь. Мы на таком этапе перестройки, когда у руля должны встать экономисты...

Когда просит Генеральный секретарь, разве можно отказывать? И Гидаспов встал к рулю. Что из этого получилось, видно из его следующих признаний:

— Партийной работой я больше никогда и ни за что в жизни не займусь. Я, кстати сказать, и без того собирался уходить — на тринадцатое августа был назначен пленум обкома, где я должен был сообщить об уходе. Но в связи с новой программой КПСС пленум передвинули на двадцать третье. Он, конечно, уже не состоялся. Кто я сегодня? Можно так сформулировать — безработный членкор Академии наук. Но, ду-

маю, не пропаду, я же ученый, организатор, бизнесмен. Чем только не занимался, лишь партаппаратчиком не был никогда. Я оптимист по натуре, меня сшибить не так просто... Я не пропаду. Дураком себя никогда не считал, да и не был им, кроме, может быть, того момента, когда генсеку поверил, поддался на его уговоры...

С Гидасповым я общался чаще, чем с Гиренко. Дважды организовывал встречи с советскими и иностранными журналистами в гостинице «Октябрьская», оба раза вел эти встречи. Вторая пресс-конференция была скандалной, мне за нее порядком влетело. Но об этом разговор впереди. Борис Вениаминович умел найти необходимую тональность и взаимопонимание с аудиторией, несмотря на то что не был профессиональным политиком. Да и после пресс-конференций мы подолгу беседовали в комнате пресс-центра. Часто обменивались мнениями, дожидаясь заседания Секретариата, на которые он почти всегда приезжал из Ленинграда, продолжали наши беседы во время перерывов, прогуливаясь по коридорам пятого, горбачевского, этажа в первом подъезде на Старой площади.

Ближе к лету Борис Вениаминович приезжал в ЦК чем-то расстроенный, озабоченный. Часто отвечал невпопад, было видно, что что мысли его витают где-то далеко. Однажды разоткровенничался:

— Чувствую себя ненужным. Понимаете, до тех пор, пока жизнью города реально управлял обком, мои способности там были востребованы. Я действительно мог повлиять на работу промышленности, помочь в налаживании связей, нажать на директоров — мне уж очки не вотрешь. А сейчас? Ленсовет отрезал нас от источников информации, замкнул на себя экономику, городское хозяйство. Я оказался не у дел. Уйти? Но это будет трусостью, предательством по отношению к партийной организации, к коммунистам.

Борис Вениаминович с обидой и недоумением говорил о том, что управленческая «сетка», совпадающая с партийными структурами, разрушена буквально в три приема. Закон о госпредприятии, выборность директоров — раз, и выбита промышленность. Закон о кооперации — два, и закручен первый виток инф-

ляционной спирали. Законы о суверенитете республик — три, и оборвались хозяйственные связи.

— Реформы начали, не подготовив их организационно, политически, не перестроив сознание. Люди-то думают, что обком командует по-прежнему. Они звонят: почему картошки нет? Почему воды горячей нет? А я уже ничего не могу сделать...

И вот финал. Конечно, Гидаспов сильный человек. Я уверен, что и в этой ситуации он будет искать нестандартный вариант реализации своих способностей. И, скорее всего, это ему удастся. Но и он в основном говорит о себе:

— Конечно, я много потерял, а приобрел в Смоленском гипертонию. Тем не менее я могу работать кем угодно: мастером, директором завода. Или в вузе лекции читать.

Как Семенова и Гиренко, Борис Вениаминович озабочен собой и теми, с кем он рука об руку работал. Все они после августа 1991 года остались без дела, и, как тогда казалось, без будущего. После вуза их «бросили на комсомол», оттуда — в партийные комитеты. Они честные, хорошие работники, их просто вытащили из основной профессии. Надо им определиться, найти свое место, хотя бы временно. В отличие от других секретарей ЦК, у Гидаспова обширные связи среди руководителей предприятий, так что, пожалуй, только ему одному под силу помочь реально этим людям.

Похвальная черта, не правда ли? Но партаппаратчики пробивные люди, и у них остались прежние связи. А вот как отмыться перед рядовыми коммунистами? Как объяснить крах, постигший партию? Как смотреть в глаза миллионам людей, поверившим руководству ЦК — последнему в истории партии? Ведь стыдно оставить после себя память как о людях, на которых закончилось развитие идеи, вдохновлявшей миллионы наших сограждан. Ведь во имя этой идеи были принесены неисчислимые жертвы.

Увы, подобные вопросы бывшие кумиры не затрагивали. Даже Владимир Антонович Ивашко. Правда, он считал: социалистическая идея в нашей стране будет жить всегда. Его прогноз таков — будут формироваться две, три, пять, он не знает, сколько, партий. В мире являются правящими или входят в правящие коалиции

около тридцати партий, в том или ином виде разделяющие социалистическую идею. А мы что, исключение?

Но как же люди, которые на протяжении многих лет были связаны с КПСС? Кто к ним обратится, кто принесет извинения за многолетний обман?

Владимир Антонович галантно предоставил это право другим политикам. Что касается его лично, то на партийную работу он пришел, имея за плечами семнадцать лет научно-педагогической практики. Примерно столько же провел на партийной работе. Активной политической деятельностью в нынешней ситуации должны заниматься более молодые люди. Ивашко самокритично признавал, что крупная политическая работа для него уже заканчивалась. Как и его коллеги по Секретариату, он тоже не пропадет. Владимир Антонович собирался сосредоточиться на реализации своих профессиональных знаний, накопленного опыта. В переводе на понятный язык это означало намерение бывшего заместителя Генерального секретаря вернуться на научно-преподавательскую работу.

Итак, все о'кей, все замечательно, каждый позаботился о себе. Некоторые сразу начали преуспевать в новых должностях. Усердно трудился на одной из кафедр МГУ бывший секретарь ЦК КПСС Иван Иванович Мельников, в прошлом секретарь парткома университета, кандидат физико-математических наук. Вернулся в родной Санкт-Петербург Валерий Калашников, избранный секретарем ЦК в июле 1991 года, с жаром читал лекции студентам, как до переезда в Москву. Возвратился в Орел бывший член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Егор Семенович Строев, занимавшийся вопросами аграрной политики. Когда-то он там возглавлял обком партии, принимал у себя Горбачева, который настоял на его переезде в Москву. Егор Семенович стал директорствовать в одном из сельскохозяйственных институтов.

На работе в Верховном Совете СССР сосредоточился Александр Сергеевич Дзасохов, последний идеолог партии. Многие, очевидно, запомнили его выступление в телепередаче «Взгляд» 29 сентября 1991 года. Александр Сергеевич и раньше любил присутствовать на голубом экране. Правда, в последнее время его активность поубавилась. И вот он снова в эфи-

ре. Его заявление о том, как, оправдываясь перед Горбачевым, он сказал ему: «Михаил Сергеевич! Мы все в дерьме!», вызвало различные суждения. Одни злорадно восхищались: наконец-то вещи названы своими именами! Другие возмущались: кто именно в дерьме? Почему Александр Сергеевич взял на себя смелость говорить от имени всех?

Жена другого члена Политбюро и секретаря ЦК Олега Семеновича Шенина Тамара сделала по этому поводу заявление: она, конечно, не знает, кто-то, может, с удовольствием и разделяет с вами, глубоко неуважаемый ею Александр Сергеевич, эту участь (оказавшихся в дерьме. — *Н. З.*), но говорить за всех не надо. «Еще лучше, если будете говорить только о себе, так как вы давно в нем, в этом самом».

Далее супруга бывшего секретаря ЦК, находившегося, как известно, в одной из камер следственного изолятора «Матросской тишины», поведала читающему миру кое-что любопытное из области взаимоотношений высшего руководства партии. Оказывается, как только Олег Семенович переехал из Красноярска в Москву, то сразу же стал объектом пристального внимания Александра Сергеевича, который очень симпатизировал новичку. Сибиряк буквально шагу не мог ступить без опеки Александра Сергеевича. Бывало, только что расставшись с ним на работе, он проверял, приехал ли коллега домой. А вдруг общается совсем с другой компанией? Так ведь можно запросто остаться за бортом.

Супруга арестованного секретаря ЦК вспомнила разговоры, которые вел Александр Сергеевич, его возбужденные монологи об обстановке в стране и о том, что «все делается не так». Столь откровенное прощупывание позиции коллеги показалось супругам подозрительным, и уже к весне 1991 года они стали избегать Дзасохова, старались не встречаться с ним на прогулках. Александр Сергеевич заметил изменения в их поведении, но тем не менее, по утверждению Тамары Шениной, в друзья набивался по-прежнему.

В облетевшей всю страну фразе Дзасохова «Михаил Сергеевич! Мы все в дерьме!» Тамара Шенина увидела неуклюжую попытку бывшего коллеги своего мужа выкарабкаться из пренеприятнейшей ситуации,

удержаться на плаву. Когда же, спрашивает она, хитрые и изворотливые перестанут выкручиваться, обливать грязью своих же товарищей, перепрыгивать из кресла в кресло и не оставлять после себя ничего, кроме пустоты?

По-человечески можно было понять несчастную женщину, ее отчаяние, когда ночью из квартиры увели арестованного мужа. Куда обращаться, кому звонить, если в Москве она не прожила и года, не успела обзавестись подругами? Она набрала номер Ивашко. Дзасохов сидел в ту ночь у него. Неизвестен характер их разговора, но, видно, неспроста женщина воскликнула:

— Запомните! Наши дети будут страдать сейчас — ваши будут страдать потом. Нет суда страшнее, чем суд истории.

Вряд ли придет кому в голову осуждать женщину за вырвавшиеся в порыве гнева слова. Ее положению не позавидуешь. В пятьдесят три года крах политической карьеры мужа, полнейшая неопределенность относительно его дальнейшей судьбы. Всю свою жизнь он провел в Сибири, за девятнадцать лет работы на стройках прошел путь от техника-десятника до управляющего трестом. Затем партийная работа в Хакасии, в Красноярске. Перед переездом в Москву Шенин занимал пост первого секретаря крайкома партии. Секретарем ЦК он пробыл ровно год и, как свидетельствует жена, начиная с января 1991 года трижды собирался подавать в отставку. Человек реальных, конкретных действий, он тяжело переносил отчуждение партии от выработки государственной политики, отстранение от решения повседневных задач.

Прямой и даже несколько прямолинейный по натуре, не умеющий в силу своего сибирского характера ловчить, прятать мысли и приспосабливаться, Шенин запомнился мне тем, что на одном из заседаний Секретариата горько сказал: «А зачем, собственно, нужен Секретариат ЦК? Что он решает? Кто эти решения выполняет?» Шенин говорил неприятную правду. Один из немногих практиков в Секретариате, он раньше других увидел, что ЦК агонизирует. Многие его коллеги не хотели видеть того, что уже было очевидным.

Я вовсе не хочу превозносить достоинства Олега

Семеновича, которых у него, безусловно, хватает. Достаточно длительное общение с ним дает мне право говорить о многих его недостатках. Да, он располагал к себе собеседника приветливостью и вниманием. Но вместе с тем у меня сложилось впечатление, что у Олега Семеновича совсем мало было времени для чтения. Речь его была неяркой. Словарный запас — довольно скуден, как у значительной части партработников, особенно с периферии.

В дни путча я с ним не встречался ни разу. Но есть свидетельство сотрудника общего отдела К. Мезенцева, который прорвался к Шенину двадцать первого августа. Олег Семенович честно признался:

— Я согласен с мыслями и действиями ГКЧП. И дистанцироваться от руководства страны не буду...

Эти слова были сказаны в день, когда стало ясно: попытка переворота провалилась.

Шенин и раньше казался мне решительнее своих коллег в Секретариате. Сейчас же, оставшись «на хозяйстве», он, от природы не умеющий маневрировать и плести интриги, действовал прямо и открыто, о чем и свидетельствуют еще раз его слова в записи сотрудника общего отдела ЦК.

Почему именно в августе девяносто первого года «на хозяйстве» оказался Шенин? Случайность это или все было предусмотрено заранее? Как я уже говорил, прежде в отсутствие Горбачева и Ивашко работой Секретариата руководил Дзасохов. В 1990 году он сидел в председательском кресле около двух месяцев. Увидев вместо него Олега Семеновича, многоопытные аппаратчики переглянулись. Все понимали, что без согласования с генсеком такие вопросы не решаются.

Дзасохова в аппарате считали тонким, гибким политиком, умеющим облечь свои мысли в такую форму, что только отдельным людям, близко знавшим его, удавалось постичь подлинный смысл сказанного. Шенин, как уже отмечалось выше, выражал интересы большой группы практиков, руководивших обкомами в российской глубинке, которые на глазах теряли былую власть.

Следствию так и не удалось доказать причастность Шенина к действиям ГКЧП. Но сразу скажу: непросто было бы любому, кто оказался бы в роли старшего на

Старой площади в драматичные для страны и партии дни. Шенину выпала эта незавидная судьба. Впрочем, он никогда не скрывал своих убеждений, его позиция была известна многим.

Глава 5

ПИКИРОВКИ НА СЕКРЕТАРИАТАХ

Сравнивая, как вели заседания Секретариата Дзасохов и Шенин, сразу скажу, что Дзасохов пытался исходить из той новой роли, которая отводилась КПСС после отмены шестой статьи Конституции СССР. Александру Сергеевичу все более-менее удавалось. Может быть, потому, что на практической партийной работе он пробыл недолго и над ним не висел груз прежних представлений. Другим членам Секретариата, которые длительное время руководили обкомами, это давалось труднее. Не был здесь исключением и Олег Семенович. Ведь он привык решать все. А тут предлагаются какие-то странные формулировки: просить коммунистов, работающих, к примеру, в Министерстве культуры, обратить внимание на то-то и то-то. Непривычно.

Первое заседание Секретариата, которое вел Шенин в отсутствие Ивашко, состоялось седьмого августа 1991 года. Как всегда, за день до заседания, из общего отдела принесли материалы к повестке дня. Вопросы, которые предполагалось рассмотреть, удивили своей технологичной направленностью. О тревожном положении дел в энергетике. Об обеспечении политики ценового паритета между сельским хозяйством и другими отраслями экономики страны. Третий еще куда ни шло — о направлениях работы КПСС с ветеранскими организациями. Я недоумевал: какое отношение имеют к ЦК первые два вопроса? Они должны рассматриваться в Кабинете министров, а не в ЦК КПСС.

Мое волнение объяснялось предчувствием сложности отражения того, что произойдет на Секретариате, в сообщении для печати, подготовка которого вменялась в мои обязанности. Чутье не обмануло меня. Перейдя из своего шестого подъезда в первый по

внутреннему коридору, на четвертом этаже возле кабинета Шенина столкнулся с одним из его помощников.

— Хорошо, что я вас встретил, — обрадованно сказал он. — Набирал ваш номер, но вы уже, наверное, вышли. Вы, конечно, обратили внимание на характер вопросов, вынесенных на Секретариат? Давайте условимся так: при всей их кажущейся технологичности это политические вопросы. С этих позиций следует исходить при подготовке сообщения в печать. Делайте упор на политические аспекты проблем. Поняли?

— Да. У меня вот только вопрос: на заседание приглашена большая группа крупных хозяйственных деятелей. Министры, даже заместитель главы Кабинета министров Рябев, по-моему, есть. Наверняка они будут выступать. Их называть в сообщении?

— Конечно. А какие есть сомнения?

— С одной стороны, присутствие специалистов и руководителей при обсуждении проблемы придаст ему веса, деловитости, практической направленности. А с другой, начнутся упреки: партия, мол, опять в управление народным хозяйством полезла. Сколько уже у меня таких случаев было. А кто виноват? Пишущий сообщение.

Помощник потрепал меня по плечу:

— Не беспокойтесь. Пусть это вас не волнует. Творческого вам успеха. Пока. Извините, я тороплюсь. Значит, мы условились? Поняли, как надо писать?

Понять-то я понял, только вот не ясно, как сами приглашенные отнесутся к тому, чтобы их имена упоминались в газетном отчете с заседания Секретариата ЦК. Придется ведь кратко излагать их выступления. В последнее время я все чаще сталкивался с нежеланием выступающих видеть свои фамилии в таких материалах. Сами они, разумеется, мне об этом ничего не говорили. Просто заходил ко мне в кабинет кто-либо из соседнего отдела, раньше ведавший делами этого министерства, и передавал просьбу руководства. «Нельзя подставлять наших людей, — убеждали меня ходоки-ведомственники, — иначе им худо будет в своих организациях. Ага, скажут, вот куда они ходят — на Старую площадь!»

Поначалу мне эти ходатайства представлялись дикими. Чего бояться? Ведь люди об общем деле пекут-

ся. Дожили — скрывать надо, что человек в ЦК пришел. А потом привык. Мало ли из каких соображений это делается? Не исключено, что высшего порядка. И только после пришло прозрение. Какие там высшие соображения! Самые элементарные шкурные интересы — как бы с демократами не рассориться и старые связи с ЦК КПСС не потерять. Кто его знает, всякое может быть в нашей стране. Как бы не пролететь невзначай. Московские чиновники многомудры и многоопытны, для них главное — удержаться на плаву при любых переменах. А я-то, наивный провинциал, тоже делал значительную мину. Мол, как же, как же, посвящен...

Зал заседаний Секретариата находился на пятом этаже, рядом с кабинетом Горбачева. В просторной комнате перед входом в зал толпилось немало народу. Я подошел к группе главных редакторов газет и журналов. Поприветствовали друг друга, обменялись новостями. Поодаль стояла группа заведующих отделами. В дальнем углу комнаты виднелись незнакомые лица — явно приглашенные. На двух столиках, стоявших в разных концах «предбанника», выстроились батареи бутылок с минеральной водой и хрустальные стаканы. Обычно за время работы Секретариата бутылки меняли несколько раз, особенно летом.

У секретарей был свой вход, и они, как правило, пользовались им. Правда, некоторые нарушали установившуюся традицию. Тех, кто опускался до уровня простых заведующих отделами, было не много — Купцов, Шенин, Дзасохов, Лучинский.

На фоне строгих мужчин в темных костюмах, застегнутых на все пуговицы, выделялись двое молодых людей в непривычных для этого помещения одеждах. Все оборачивались на них, спрашивали друг у друга: кто это? Незнакомцы сидели за столом, предназначенном для секретарей ЦК. Любопытство взяло верх, и я подошел к столику, за которым находились представители общего отдела. Мне разъяснили, что молодой человек в светлом костюме без галстука — новый секретарь ЦК КПСС Валерий Калашников. Другой молодой человек, без пиджака и в тенниске — член Секретариата Мальцев. Он в Нижнем Новгороде возглавляет горком партии.

На Мальцева смотрели с интересом. Одни осуждающе: это же надо, додумался прийти на заседание Секретариата ЦК КПСС в тенниске. Другие — с одобрением. Знать, смелый парень. Без предрассудков. Третьи — с надеждой. Вот оно, новое пополнение Секретариата ЦК. Может, у этих ребят что-то получится?

Я смотрел на Мальцева и думал: жаль, что нет в этом зале недавнего заведующего идеологическим отделом Капто. Как-то он пригласил к себе в кабинет заведующего сектором Бакланова. А тот возьми и зайди к нему, в чем был — без пиджака, в рубашке с короткими рукавами. Правда, при галстукe.

— Ты бы еще в плавках зашел, — недовольно бросил взгляд в его сторону Александр Семенович.

Виктор Николаевич Бакланов, фронтовик, отработавший в ЦК более двадцати лет, трудяга, каких поискать, молча сглотнул обиду. Не знаю, кто и когда ввел в правило, чтобы работники партийного аппарата одевались во все темное или серое и чтобы все пуговицы на пиджаке были застегнуты. Особенно мучались в жару. Обливались потом, но аппаратную форму не снимали.

И вот вызов многолетним цековским традициям. Да еще на каком уровне!

Почему я так подробно остановился на этом эпизоде? Честно скажу: увидел в бросившейся в глаза детали начало перемен. Уж больно приелись постные лица начальников. Казенно-скучные слова, унылость. И вдруг нечто, не вписывающееся в привычную атмосферу заседаний — тенниска на одном из членов Секретариата ЦК! Вспомнился художественный кинофильм эпохи Никиты Сергеевича Хрущева. В одном из кадров он широко распахивает окна кремлевского кабинета Сталина, которые никогда не открывались при жизни прежнего хозяина, и свежий воздух наполняет мрачное помещение. Так и мне в тенниске молодого члена высшего партийного руководства увиделся добрый знак перемен в верхнем эшелоне ЦК. Пора, давно пора давать дорогу молодежи.

Увы, надежды мои не оправдались. Первая фраза, которую произнес Мальцев, звучала так: «Я не компетентен в этом вопросе, но хочу сказать следующее». И говорил почти десять минут. Мы переглянулись

с коллегами. Это было первое выступление нового члена Секретариата на первом в его жизни заседании высшего руководящего органа партии. Если ты не компетентен, то о чем можно говорить? Тем более, твои слушатели — крупнейшие специалисты в области атомной энергетики, руководители этой отрасли, а также других ведомств, занимающихся обеспечением городов и сел теплом и электроэнергией. Союзные министры Коновалов, Анисимов, Семенов. Председатель комитета Верховного Совета СССР по энергетике Бушуев. Заместитель председателя Кабинета министров страны Рябев. Всех не перечислить, это заняло бы слишком много места.

Не смутившись присутствием компетентных людей, имея представление о проблеме по коротким сообщениям приглашенных, новый партийный лидер продолжал свою речь. Что ценного мог сказать о проблеме электроэнергетики в масштабах страны оратор, глядя с колокольни Нижегородского горкома партии? Лишь бы не сидеть молча, лишь бы что-то говорить — как комсомольские работники встарь, а иные депутаты сейчас.

Не знаю, как бы развивалась партийная карьера оратора дальше, если бы деятельность ЦК не была приостановлена. Допускаю, что первое выступление могло быть неудачным, что по нему опрометчиво судить в целом о человеке. Но ведь важен стиль, подход. А он не отличался от прежних секретарей ЦК. Стремление всех и по любому поводу поучать, чувствовать себя выше и умнее, наверное, еще долго будет проявляться в начальниках. Глядя на оратора, подумал с горечью: эти люди как политики обречены на неуспех. Хотя в этом их вины нет.

Не отличалась от прежней, доперестроечной, и манера вести заседание Секретариата у Шенина. Все шло по раз и навсегда заведенному порядку. Выступали министры, обрисовывали положение в отраслях. Оно представлялось катастрофическим. Уже более пяти лет страна не имеет стратегии развития энергетики. Сроки разработки новой Энергетической программы СССР снова сорваны. И уж совершенно необъяснимы с точки зрения здравого смысла участвовавшие попытки расчленить Единую энергетическую систему СССР. Ведь

только благодаря ей пока еще удается удержать энергоснабжение на приемлемом уровне.

После выступлений министров Шенин обратился к секретарям: давайте обменяемся мнениями по поводу услышанного. О выступлении Мальцева я уже говорил. Примерно так же высказывались и другие. Конечно же тема обсуждения была непростая, она требовала специальных знаний, а представления у большинства не отличались профессионализмом. Отдельвались дежурными фразами, общими словами. Многие из выступавших никогда не были на объектах энергетики, некоторые имели смутное представление. Толклись в основном вокруг тех вопросов, которые лежали на поверхности. Особенно напирала на роль средств массовой информации. Буквально каждый отмечал: печать должна то-то и то-то, надо обязать средства массовой информации, поручить им развернуть кампанию и т. д. По мнению секретарей, печать должна убеждать население, что атомная энергетика — это хорошо.

Присутствующие на заседании главные редакторы центральных партийных изданий недоуменно переглядывались: кто будет читать газеты, в которых утверждается о преимуществах развития атомных электростанций? Синдром Чернобыля крепко сидел в людях, общественность клеймила бездушных чиновников, не учитывавших экологические последствия принимаемых технологических решений.

Понуро молчали и министры. Им было откровенно скучно. Они никак не предполагали, что Секретариат ЦК уже давно не тот, каким был раньше. Горбачевым были отправлены на пенсию люди, более-менее разбиравшиеся в их проблемах — Долгих, Слюньков, Рыжков. Кстати, Долгих присутствовал на этом Секретариате, его тоже пригласили, но совсем по другому поводу. Его вопрос был третьим в повестке дня, однако в зал пригласили всех сразу, и они оказались невольными свидетелями того, как ЦК «решает» острейший вопрос, от которого в значительной мере зависит жизнеобеспечение миллионов людей, удовлетворение их насущных потребностей.

На Владимира Ивановича Долгих было больно смотреть. То и дело его лицо покрывалось багровыми

пятнами. Глубина проработки вопроса этим составом Секретариата потрясала. Так и хотелось воскликнуть: о чем вы толкуете, мужики? О проблемах топливно-энергетического комплекса или о журналистике?

Самое грустное было в том, что ЦК не мог реально влиять на положение дел не только в энергетике, но и в журналистике.

Увы, это было горькой реальностью. Ну не парадокс ли: до избрания на февральском Пленуме в 1991 году секретаря ЦК КПСС в ранге члена Политбюро, который специально занимался только средствами массовой информации, они как-то еще прислушивались к просьбам со Старой площади. Дзасохов умел ладить даже с альтернативной КПСС печатью. Стоило появиться на этом поприще другому, как прочные и, казалось бы, надежные связи начали рваться одна за другой. А ведь их в перестроечное время создавало новое поколение партийных работников, пришедших в ЦК с практики. Первым в ряду этой талантливой молодежи, известной в кругу журналистов, был, вне всякого сомнения, Георгий Пряхин. Именно он возглавил в конце 1988 года подотдел средств массовой информации, в процессе реформирования аппарата ЦК обновил это подразделение авторитетными, знающими людьми. В редакциях к ним прислушивались, потому что знали их высокие профессиональные качества.

Дзасохов полностью полагался на Пряхина, который блестяще реализовывал политические установки в той форме, которая наиболее подходила моменту. Пряхин в вопросах работы с печатью пользовался максимальной автономией в рамках своих полномочий.

Лучинского, едва он переселился на четвертый этаж первого подъезда, охватил нестерпимый зуд администрирования. Совещания главных редакторов газет и журналов партии следовали одно за другим. Петр Кириллович всегда был словоохотлив и красноречив. Иногда он забывал, что перед ним не многочисленная аудитория, как в прошлые времена, а всего лишь десяток человек, и они разбираются в обстановке не хуже его самого. Расходясь, редакторы недоуменно пожимали плечами: в чем надобность таких встреч? Инфор-

мации никакой, помощь — нулевая, одни общие рассуждения. Постепенно интерес к этим «посиделкам у Лучинского», как окрестили их сами редакторы, пропал. Все чаще они начали посылать вместо себя своих заместителей. Это был тревожный симптом, но Петр Кириллович перемены в настроениях не заметил. Многие редакторы не реализовывали его рекомендаций по той причине, что значительная их часть была невыполнима. Газета есть газета, она функционирует по своим законам, которые диктуются читательским интересом.

Среди самых молодых из них началось роптание. Старые формы работы выглядели диссонансом на фоне процессов, связанных с зарождением новой, демократической печати. Наслышавшись о заведенных там порядках — высоких денежных окладах, немислимых гонорарах и, главное, независимости журналистов от учредителей — талантливая молодежь из газет КПСС валом повалила в новые издания. Надоели постоянные одергивания со Старой площади, телефонное право, нищенское существование, диктат аппарата, постоянное привлечение к написанию речей и брошюр для руководства ЦК. Надо в корне менять отношения ЦК со своими изданиями, взывали редакторы, предоставить финансовую самостоятельность, отказать от мелкой опеки за содержанием. Напрасно! Человек, не написавший ни одной строчки за всю свою жизнь, не представлявший, что такое законы и психология творчества, осуществлял руководство этими процессами.

Когда-то Петр Кириллович работал заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Снова возвратившись в Москву после недолгого пребывания в Таджикистане и Молдавии уже в новом качестве, он не понял, что газетная Москва далеко не та, которой она была до 1985 года. Дзасохов это, кажется, понял. Не могу не привести один эпизод, из которого Александр Сергеевич сделал правильные выводы.

Дело происходило летом 1990 года. После XXVIII съезда КПСС заместитель генерального секретаря Ивашко заболел и отсутствовал почти два месяца. И вот, подлечившись, Владимир Антонович приступил к исполнению своих обязанностей. Дзасохов тоже

практиковал встречи с главными редакторами. Сначала он рьяно взялся за дело. Кому не нравится поруководить прессой? Однажды, собрав в своем кабинете редакторов, он пригласил на встречу Ивашко.

Это была первая встреча заместителя генсека с журналистами в Москве. Владимир Антонович встал из-за стола и начал говорить. Обо всем. Об экономике и международных конфликтах. О кооперативах и работе народных депутатов в Верховном Совете СССР. Вспоминал разные байки и притчи, забавные истории, которые приключались с его знакомыми. Ивашко вообще был любителем поговорить, а тут такая возможность — говорить перед говорунами, да еще после двухмесячного пребывания в больнице. Там он кто был? Пациент. А здесь — при исполнении, перед подчиненными. Замри и ляг!

Совещание началось, если мне не изменяет память, около половины первого. Я всегда поражался страсти руководства к проведению разного рода совещаний в самое неудобное для людей время. Наши начальники, видно, полагали, что проблем с обедом ни у кого нет. При этом они, конечно, исходили из собственных представлений о режиме дня. Владимир Антонович до того увлекся, что совсем потерял счет времени. Отдельные участники совещания начали посматривать на часы, перешептываться, а более молодые — откровенно зевать. Владимир Антонович не унимался. Дзасохов несколько раз выразительно посмотрел на оратора — бесполезно. Заместитель генсека витал в стратосферных высях.

Его выступление продолжалось более полутора часов. Как у Ильфа и Петрова, помните? Речь на митинге по поводу открытия трамвайной линии каждый оратор непременно начинал с характеристики международного положения. Так и здесь. Наконец Владимир Антонович сделал короткую паузу и, посмотрев на редакторов, спросил:

— Я вас случаем не утомил? Не слишком долго говорю?

Он явно рассчитывал услышать верноподданнические заверения: ну что вы, Владимир Антонович, как можно, все очень интересно, никогда не слышали подобных выступлений. Продолжайте, пожалуйста, даль-

ше, мы будем записывать. Так, видимо, и было бы, случись эта встреча годами двумя-тремя раньше.

Но произошло вот что. В мертвой тишине раздался голос:

— Вообще-то длинновато...

Сцена, напоминавшая финал комедии «Ревизор», длилась несколько мгновений. Народ оторопел. Вот это финт отмочил кто-то! Кто? Тогдашний главный редактор «Учительской газеты» Геннадий Николаевич Селезнев. С ума сойти...

Владимир Антонович — сразу видна многолетняя аппаратная школа — на реплику не отреагировал, обиду подавил и, продолжив речь еще минут на пятнадцать, покинул зал.

Мне кажется, именно тогда Дзасохов понял: пресса, даже партийная, уже далеко не та, она жаждет свободы. Времена гласности проходят, наступает эра свободы печати. А это уже качественно новый виток в развитии. Реплика редактора «Учительской газеты», будущего председателя Государственной думы России, прозвучавшая на встрече с Ивашко, не случайна. Нужны новые формы работы с партийными журналистами, которые уже порядком раскрепостились и не видят больше кумиров в высших руководителях ЦК. С ними даже можно спорить и не соглашаться.

Прозрели, к сожалению, далеко не все. Многие все еще испытывали легкое головокружение, неожиданно оказавшись на самой верхотуре партийного олимпа. Особенно те, кто прошел выучку на комсомольской работе. Предлагая записать в постановление по вопросу о развитии энергетики пункт, обязывающий партийные издания развернуть кампанию в поддержку АЭС, выступающие в прениях не подозревали, что этим они вбивают осиновый кол в могилу газет КПСС. Новая печать потому и набирала тиражи, стремительно приобретала популярность, что подыгрывала общественному мнению, для которого атомная энергетика ассоциировалась прежде всего с Чернобылем. Лишенный какой бы то ни было реальной власти, Секретариат ЦК обрекал на верную смерть последние свои массовые средства — партийную печать. Должен же он кому-нибудь что-либо предписывать! Запущенный когда-то механизм крутился по инерции.

Я слушал прения и в отчаянии ломал голову: как отразить это все в газетном сообщении? Драматизм ситуации заключался в том, что многие искренне были уверены в своем особом предназначении. Им казалось, что они и только они спасают отечество. Никто, кроме них, не способен подумать об обеспечении населения в предстоящий осенне-зимний период теплом и электроэнергией. Правда, время внесло некоторые поправки. Вместо прежних императивных глаголов «обязать», «поручить», «разработать» в недрах партийного аппарата придумывали новые, более гибкие формулировки. Но суть от этого не изменилась.

Как в той аппаратной притче, имевшей хождение среди рядовых работников. Невольно у ее истоков стоял автор этой книги. Профессора по партстроительству в своих печатных трудах долго убеждали нас в том, что центральной, ключевой фигурой партийных комитетов являются инструкторы. У меня накопилось много солидных томов и тонких брошюрок с одноименными названиями. В жизни все было иначе. Кто, как не сами инструкторы, знали свое подлинное место в аппарате? «Ко мне, Мухтар!» — горько иронизировали они над своим незавидным положением в партийной иерархии. В этой должности довелось пребывать и мне, правда, непродолжительное время. Но меткость остроумной шутки оценил вполне.

И вот ваш покорный слуга выдал следующую притчу. Встречаются два аппаратчика. «Слышал? — спрашивает один. — Секретари-то наши тоже перестроились». «Да ну?» — удивляется другой. «Точно, перестроились, — убеждает первый. — Сначала преобразовали должность инструктора в должность старшего референта. И обращение соответственно изменилось. Раньше как говорили? «Ко мне, Мухтар!» А сейчас? „Дружок, зайти ко мне, пожалуйста“».

Мухтара заменили на Дружка. Только и всего. Однажды мне позвонила член Политбюро, секретарь ЦК Галина Владимировна Семенова. Накануне заслушивался вопрос по ее ведомству. Ей захотелось посмотреть отчет, написанный мной для прессы.

— Дружок, — услышал я в трубке ее голос, — принеси-ка мне свой отчет с Секретариата.

«Дружку» было сорок семь лет, он имел двоих

детей и написал полку книг. Но для члена Политбюро он оставался все тем же Мухтаром.

Это к слову. Что же касается конкретной ситуации — подготовки сообщения с заседания Секретариата, рассматривавшего вопрос об атомной энергетике — я нашел выход из положения, прибегнув к спасительной формуле, выручавшей меня не один раз. «Что могут и должны сделать в этом плане партийные комитеты и организации?» — задавался я риторическим вопросом. И далее следовала палочка-выручалочка: говоря о месте и роли коммунистов в предотвращении возможных крупных сбоев в энергоснабжении народного хозяйства и населения предстоявшей зимой, секретари ЦК КПСС Е. С. Строев, Г. В. Семенова, члены Секретариата ЦК В. А. Гайворонский, А. Н. Мальцев и другие нацелили партийные организации, коммунистов-руководителей держать в центре внимания все, что связано с оказанием содействия коллективам энергетиков и энергостроителей. И многозначительность соблюдена, и ничего не сказано.

Поскольку итоги рассмотрения первого вопроса подводил председательствовавший, полагалось пару абзацев посвятить его заключению. Шенинское выступление тоже страдало обилием общих слов: ЦК ведь не мог давать указания по конкретным хозяйственным вопросам. Снова пришлось применять журналистскую уловку. Я написал, что секретарь ЦК КПСС О. С. Шенин отметил важность широкой разъяснительной работы среди населения о приоритетной роли электрификации в повышении производительности труда и улучшении условий жизни. Единственное, что удалось выудить из заключительного слова Шенина — это то, что коммунисты должны инициативно проявлять себя и в обсуждении проектов региональных и союзной энергетической программ на длительную перспективу. Как это делать практически, никто толком не знал. Звучит красиво. Но что надо предпринимать в первую очередь, неизвестно.

Никаких практических результатов не дало и обсуждение второго вопроса — об обеспечении политики ценового паритета между сельским хозяйством и другими отраслями экономики страны. Сама по себе проблема, конечно, требовала неотложного решения. Ведь

впервые после нэпа к концу 1990 года в аграрной сфере начало складываться ценовое несоответствие между реализуемой сельскохозяйственной и промышленной продукцией. Крестьяне с доверием восприняли политический вывод о том, что аграрный сектор ближе других к рынку. И вот — горькое разочарование. От достигнутого в 1990 году паритета цен мало что осталось — он разрушился в мгновение ока. У разбитого корыта опять остался крестьянин. Размеры дополнительного удорожания поставляемых селу материально-технических средств уже в 1991 году составили свыше 80 миллиардов рублей. Как можно хозяйствовать, если при переходе к рынку для покрытия только складывавшихся удорожаний вряд ли хватит всей запланированной годовой прибыли сельскохозяйственных предприятий?

На Секретариате выступили такие авторитеты, как министр сельского хозяйства СССР Черноиванов, заместитель министра финансов страны Чернопепцев, вице-президент Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина Прошкус, председатель Крестьянского союза СССР, будущий член ГКЧП Стародубцев и другие. Они убедительно показали, что нарушение ценового паритета между реализуемой сельскохозяйственной и промышленной продукцией стало одной из главных причин нарастания кризисных явлений в аграрной экономике, ухудшения в целом социально-политической ситуации в стране. В самом начале перехода к рынку оказались подорванными стартовые условия для продвижения села по пути аграрных реформ.

Очень эмоционально выступал обеспокоенный Стародубцев. У меня сохранился краткий конспект его речи. Моральный дух крестьянства упал, сказал он. Несколько лет подряд идет настоящая война против колхозов и совхозов. Меня обвиняют в антирыночной позиции. Но ведь переход к рынку в том виде, в каком он осуществляется сейчас, самоубийство. Нет рыночного механизма, а то, что создано, — самый настоящий грабеж населения. Вот почему он воюет против сумасшествия, подчеркнул Василий Александрович. Фермерство — это очередная кампания, которых в России было не счесть. В ближайшие десять-пятнадцать лет фермеры страну не накормят. Горбачев от-

махивается от Стародубцева: ты меня совсем затерроризировал. Не хочет слушать президент ни о промышленном рэжете — за паршивый насос завод требует с колхоза мяса в пятнадцать раз больше стоимости этого насоса, биржевая цена УАЗика в десять раз раз превышает его стоимость, ни о создании Агроснаба, без которого крестьянину не продохнуть. Он задыхается от отсутствия минитехники. Если президент не хочет выслушать радетеля за интересы кормильцев народа, то он надеется, что это сделает Секретариат родного Центрального Комитета.

Министр сельского хозяйства Черноиванов возмущенно говорил о том, что подскочившая цена на «Кировец» (86 тысяч рублей при прежней стоимости 46 тысяч) — это грабеж, что из-за неконтролируемого роста цен только в 1991 году разорились пятнадцать процентов колхозов. Замминистра финансов Краснопевцев подчеркнул, что отпуск на свободу цен в сельском хозяйстве приведет его к краху, что нужно сохранить государственное регулирование цен хотя бы на основные виды сельскохозяйственных машин — тракторы, комбайны, автомобили, что все ведущие страны мира имеют целевые государственные фонды поддержки сельского хозяйства. Вице-президент ВАСХНИЛ Прошкус тоже приводил примеры из практики других стран, которые, сначала отпустив цены на свободу в сельском хозяйстве, через некоторое время вынуждены были снова возвращаться к их регулированию. И уж совсем мрачную картину развала аграрного сектора и всеобщего хаоса нарисовал седой, спортивного вида человек — заведующий отделом аграрной политики ЦК КПСС Иван Иванович Скиба. Он представил проект постановления по обсуждаемому вопросу, а также прилагаемую к нему докладную записку.

Выслушав мнения специалистов, председательствовавший Шенин обратился к секретарям: «Давайте, товарищи, выскажем свое отношение к услышанному». Я посмотрел в сторону Строева. Ему бы задать тон в прениях. Но Егор Семенович слова не попросил. Может быть, потому, что прекрасно понимал: и это высокое собрание ничего не решит.

Новички, видно, еще не потеряли веру во всесилье ЦК КПСС. Секретарь ЦК Валерий Калашников, еще

полмесяца назад занимавший скромный пост доцента в Ленинграде, попросил слова и решительно прошелся по проекту постановления, не оставив на нем живого места. Его речь сводилась в основном к стилистическим погрешностям документа, рожденного в отделе аграрной политики.

Галина Семенова предложила: может, разработать серию постановлений ЦК по крестьянскому вопросу? Она еще верила в силу постановлений, хотя было ясно, что они уже не срабатывают, что нужен принципиально новый механизм доведения до первичных парторганизаций мнения Центрального Комитета. Не исключено, что в Галине Владимировне проснулся бывший главный редактор «Крестьянки», когда она, руководитель журнала, благословляла робкого литературного сотрудника на цикл материалов о социальном обустройстве села.

У меня вдруг возникла ассоциация. Шестидесятые годы, время славы Константина Симонова. Неимоверный успех романа «Живые и мертвые». Сцена, когда начальник авиации Западного фронта, сбитый в небе, лежит во ржи в полубессознательном состоянии. И вдруг он отчетливо понял, что никакой он не генерал и не командующий авиацией, а всего-навсего розовощекий лейтенантик, командир экипажа одного-единственного самолетика. Получив невыносимые полномочия и громадную власть над подчиненными, он остался в душе подчиненным, не поднявшись до высот государственного мышления.

Неловкое положение попытался спасти Егор Строев:

— Если потребуется, мы сочиним золотую бумагу. Я имею в виду постановление. Поверьте, они не выполняются. Можно редактировать сколько угодно. Поэму сочинить, в конце концов. Если бы крестьянам стало от этого легче...

Строев подавил закипавшую злость, перешел на деловой тон:

— По отношению к жителям села допущена очередная несправедливость. В результате непомерного, не контролируемого государством роста цен на промышленные товары финансово-хозяйственная деятельность большого числа колхозов и совхозов оказалась

парализованной, часть их находится на грани банкротства. Идет сокращение объемов производства, сворачиваются программы социального развития села. Разрыв в доходах крестьянских семей по отношению к другим категориям населения не только не сокращается, но еще больше усиливается. Сельский труженик все чаще лишается возможности своевременно получать зарплату за уже вложенный труд.

Егор Семенович приводил конкретные примеры того, как ослабление социальной защищенности порождает у крестьян неудовлетворенность своим положением и может стать причиной дальнейшего разорения деревни. Все это ставит под угрозу выполнение программы неотложных мер по стабилизации продовольственного снабжения населения и вывода экономики из кризиса. Нужны реальная государственная политика цен, протекционизм в отношении сельского производителя, действительно новые рыночные подходы.

Кто-то из приглашенных называл в своем выступлении принятое Кабинетом министров СССР 31 мая 1991 года постановление «О компенсации в 1991 году дополнительных затрат предприятий и организаций агропромышленного комплекса в связи с реформой ценообразования». Постановление вроде неплохое. Но если разобраться, оно лишь несколько ослабляет финансовую напряженность в аграрном производстве, не обеспечивая при этом необходимые экономические условия для его нормального функционирования.

Коснулся этого постановления и Строев. Оно не единственное, сказал Егор Семенович. Таких постановлений два. Кроме того, по этому вопросу вышло три указа президента СССР, заседал Совет безопасности. Ничего не выполняется. Во многих колхозах по два-три месяца не выдают зарплату. Главная причина — расстроилась финансовая система страны, и крестьянин, как всегда, оказался крайним. Мы еще не осознали всего трагизма положения в сельском хозяйстве. Хотя умные люди это видят. На последнем заседании Кабинета министров Щербаков сказал, что он уйдет в отставку, ибо его роль — это роль камикадзе. В 1918 году, когда ввели военный коммунизм, в село пришли люди с винтовками, выгребали последний хлеб. Войну с крестьянами вели в 1932 году, возоб-

новили ее в сорок пятом. Сегодня снова идем в атаку на крестьян — экономическим разбоем, разорением села. Против кого воюем? Там же матери наши остались, больше никого. На Украине биржи скупают хлеб урожая 1992 года. Еще на корню. Наивно полагать: если отпустить цены, то вопросы решатся сами собой. Крестьянин перестанет продавать зерно государству за бесценок. Он же владелец валюты. Это мы уже проходили — во время коллективизации. Не исключено, что могут возникнуть бунты. Терпение у крестьян тоже не беспредельное.

Строев был неузнаваем. Я никогда таким его не видел. Откуда только брались меткие сравнения, смелые формулировки. Егор Семенович обычно был сдержанным, молчаливым, хотя и не поддакивал, как большинство. Яркая речь произвела впечатление.

Я тоже мысленно поблагодарил Строева за его защиту рода крестьянского, поскольку сам родился и вырос в деревне, притом в глухой белорусской глубинке. Но потом подумал: а почему мысленно? И быстро набросал на блокнотном листке несколько строк: «Егор Семенович, смею предложить вам идею — вместо скучного отчета с заседания полностью опубликовать ваше выступление. Со ссылкой, где оно было произнесено. Пусть народ знает, что думает ЦК». Через несколько минут записка вернулась ко мне. В левом верхнем углу стоял большой вопросительный знак. Досадно, что Егор Семенович не согласился с предложенным вариантом, поскромничал.

— Мало ли кто как выступил, — сказал он мне в перерыве, — читателям важнее узнать о коллегиальном решении Секретариата.

Что мог отстраненный от власти ЦК, если не работали указы президента, постановления Кабинета министров, распоряжения Совета безопасности? Секретариату оставалось только констатировать факты. И он выполнял роль коллективного статиста, записав в постановлении, что было бы крупной политической ошибкой по отношению к крестьянству продолжать декларировать необходимость ценового паритета вместо конкретных мер по восстановлению и поддержанию эквивалентности обмена между городом и деревней. Требуется не взаимные призывы одних руко-

водителей к другим, а конкретные действия по обеспечению выплат компенсаций сельскохозяйственному производителю. Куда пошло это, в общем-то правильное, постановление? В ЦК компартий союзных республик, обкомы и крайкомы партии. Как будто там не знали, что творится в их колхозах и совхозах.

Высказанное в заключительном слове Шенина предложение обратиться от имени Секретариата ЦК к партии о помощи селу осталось пустым звуком. Никакого обращения не было. Причины мне неизвестны. Не исключено, что помешала попытка августовского путча.

Знаете, сколько времени ушло на обсуждение первых двух вопросов? Пять часов. Заседание началось в три, а когда наконец приступили к последнему вопросу, было уже восемь часов вечера. И все это время приглашенные пожилые люди сидели в зале, дожидаясь своей очереди. Среди них было немало таких, имена которых знала вся страна. Например, председатель Всесоюзного совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза Огарков, председатель Советского комитета ветеранов войны маршал авиации Силантьев, другие фронтовики. Казалось бы, вопрос о направлениях работы КПСС с ветеранскими организациями надо рассматривать прежде других, тем более что партия всегда призвала окружить ветеранов теплом и заботой.

Пять часов ждал маршал Огарков, интеллигентнейший, с прекрасно поставленной речью человек, чтобы поведать о своих трудностях и бедах. Уставшие секретари, израсходовав силы при обсуждении проблем развития атомной энергетики и паритета цен, с трудом воспринимали, о чем говорит состарившийся военачальник. Огарков с болью рассказывал, что в ветеранской среде нарастает беспокойство в связи с попытками зачеркнуть историческое прошлое страны, идеалы и ценности, которым это поколение посвятило свою жизнь. Перед ними встает вопрос: не окажутся ли они в связи с переходом к рыночным отношениям заложниками этого процесса, ибо уже сейчас, в условиях резкого повышения цен и всеобщего дефицита, они поставлены в наиболее тяжелое положение. В ряде

регионов ветеранов лишают заслуженных ими элементарных льгот и помощи, проявляют черствость и равнодушие к их нуждам. А между тем общество в большом долгу перед ветеранами войны, тружениками тыла фронтовых лет, солдатскими вдовами, которым требуется всесторонняя помощь.

Пять часов томился маршал авиации Силантьев, прежде чем поведал секретарям ЦК ужасающие факты. Не выполняется указ президента СССР об увековечении памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. На его веку это двадцать первое постановление о захоронении останков воинов. Первое было подписано Сталиным ранней весной сорок второго года, когда государственная санэпидемслужба предупредила Верховного Главнокомандующего: таяние снегов и половодье могут привести к вспышкам эпидемии на громадных пространствах. Трупы защитников Родины не были убраны повсеместно. Сталин издал жесткий приказ, но и последующие девятнадцать грозных постановлений, подписанные его преемниками, результата не дали. Каждой весной на полях, в придорожных кюветах обнажаются черепа и кости безвестных российских солдат. Незахороненных.

— Мы не имеем морального права праздновать День Победы, — со слезою на глазах говорил маршал Силантьев. — По древним обычаям война считается незаконченной до тех пор, пока не захоронен последний погибший солдат. Кто мы — цивилизованные люди или варвары?

Посмотрите, что делается, взывал к присутствовавшим престарелый военачальник. В Минске, где он недавно был, материалы тридцати шести школьных музеев боевой славы выброшены на свалку. За ненужностью. И это в Белоруссии, где каждая пядь земли полита кровью советских людей. Молодежь становится манкуртами, процветают нигилизм и откровенный цинизм.

Если мы не спохватимся и не возьмемся за ум, сказал заместитель председателя комиссии Верховного Совета СССР по делам ветеранов и инвалидов Васильев, быть большой беде. Молодежь предоставлена сама себе. Комсомол, пионерская организация разва-

ливаются. Раньше были кружки, клубы по интересам, детское и юношеское творчество. Сейчас этого и в помине нет. Куда пойдут юноши и девушки? На чердаки и в подвалы? Посмотрите, сколько у нас нищих, калек, убогих. Количество людей, которых государство безжалостно выбрасывает на улицу, растет с каждым днем. Нельзя пренебрегать старшим поколением. Мы оплеваны, оклеветаны. Чуть ли не каждого старого человека считают сексотом, стукачом. Не дай бог быть престарелым. Нужен закон о социальной защите пожилых людей. Хотя ни одно, даже самое строгое предписание, не может внушить молодежи уважение к старости. Над старостью в нашей стране издеваются. Самые бесправные люди — это пенсионеры и инвалиды. Нет лекарств, нет элементарной пищи, даже минеральной воды не найти. Бутылка «боржоми» у кооператоров стоит сто рублей. При минимальной стотридцатидвухрублевой пенсии.

Выступавшие говорили все, что наболело на душе, что не давало спать по ночам. А тут еще поднялся Николай Иванович Шляга, генерал-полковник, начальник Главного военно-политического управления Вооруженных Сил СССР. Ладно, Васильев провинциал, из Пскова, никогда в партийном аппарате не работал, но ты уж, Николай Иванович, тертый калач. Не видишь, что ли: все устали. Разве можно столько сразу информации переварить? Ее даже записать не успевают.

Не понял Шляга, всегда строптивым характером отличался, снова на речь потянуло. Знаете, сказал он, сколько в стране ветеранов-афганцев? Шестьдесят восемь тысяч. А других воинов-интернационалистов, воевавших в Египте, на Кубе, в Анголе? Четыре тысячи. Никто ими не занимается. Создают свои коммерческие организации, перебиваются с хлеба на квас — увечные, больные, обманутые, брошенные страной и партией. Нельзя так обращаться со своими сыновьями. Вот пятидесятилетие рождения советской гвардии приближается. Хороший повод для всплеска патриотической волны. Предложения на сей счет поданы лично товарищу Горбачеву. В ответ — молчание. Может, все это уже не нужно?

Документ для истории

В феврале 1991 года, в канун 73-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота в пресс-центре состоялась встреча советских и иностранных журналистов с членами ЦК КПСС, начальником Главного военно-политического управления Вооруженных Сил СССР — первым заместителем министра СССР генерал-полковником Н. И. Шлягой и впервые избранным секретарем Всеармейского партийного комитета генерал-майором (впоследствии членом Политбюро, генерал-лейтенантом) М. С. Сурковым. Разговор шел об итогах первой Всеармейской партийной конференции и реформировании партийно-политических структур в Вооруженных Силах.

«Первая Всеармейская партийная конференция Вооруженных Сил СССР стала важным событием в жизни армейских коммунистов, — сказал, открывая встречу, генерал-полковник Николай Иванович Шляга. — Она завершила процесс создания самостоятельных структур армейских организаций КПСС, приведения их в соответствие с государственным законодательством, Уставом КПСС, как это было предусмотрено XXVIII съездом партии».

На конференцию было избрано 1026 делегатов, которые представляли весь социальный состав коммунистов армии и флота. В ее работе приняли участие Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР М. С. Горбачев, выступивший с речью, а также делегации от центральных комитетов компартий союзных республик, крайкомов, обкомов партии.

Конференция избрала Всеармейский партийный комитет и Контрольную Комиссию организации КПСС в Вооруженных Силах. Секретарем Всеармейского партийного комитета избран член ЦК КПСС генерал-майор М. Сурков, председателем Контрольной Комиссии организации КПСС в Вооруженных Силах — генерал-майор П. Григорьев.

Конференция стала завершающим этапом на пути разделения партийных и государственных функций, которые ранее совмещались в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Вопросы информационного агентства «Новости». Выступая на Всеармейской конференции, М. С. Горбачев говорил о том, что департизация в армии означала бы подрыв и развал единых Вооруженных Сил страны. Как бы вы прокомментировали это утверждение и в какой форме проявились бы негативные стороны департизации?

Второй вопрос. Проведение первой за 73 года Всеармейской партийной конференции означает, мне представляется, перевод жизни армейских коммунистов как бы в новое качество. Что, по-вашему, может и должна дать Вооруженным Силам и ее партийным организациям демократизация партийной работы в армии?

Н. Шляга. Коммунисты армии и флота, делегаты конференции целиком и полностью поддержали мнение президента, высказанное в отношении департизации армии и флота. Этот вопрос поднимается в средствах массовой информации не первый раз. Речь скорее идет о том, что деструктивные силы, которые предлагают департизировать Советские Вооруженные Силы, ставят, наверное, иную цель — перепартизировать их.

Относительно департизации существует ряд точек зрения. Одни предлагают: в Вооруженных Силах имеет право на создание своих структур только правящая партия. Такой партией в настоящее время является КПСС. Если говорить о численности армейских коммунистов, то их свыше миллиона. Согласно второй точке зрения, в Вооруженных Силах право на создание своих структур должны иметь все партии и общественные движения, действующие в рамках Советской Конституции и Союзного законодательства. Есть и третья точка зрения: в армии и на флоте не должно быть никаких партийных структур, и тот, кто находится на государственной службе, должен приостанавливать свое членство в партии.

В Вооруженных Силах придерживаются первой точки зрения. Принятый Верховным Советом СССР Закон об общественных объединениях не запрещает воинам Советских Вооруженных Сил иметь право на создание своих политических структур в системе Вооруженных Сил СССР.

Коммунисты армии и флота многое делают для того, чтобы уровень боевой готовности, воспитания людей соответствовал требованиям, которые сейчас предъявляются советским народом к Вооруженным Силам. Буквально на всех ответственных участках находятся члены КПСС. Я мог бы сослаться на выступление делегата конференции, командира атомного подводного крейсера, который сказал, что если убрать из экипажа атомной подводной лодки членов КПСС, то он не представляет, как можно обеспечить выполнение тех задач, которые решаются на корабле. Он высоко оценил действия коммунистов, вокруг которых сплачиваются экипажи кораблей, лодок.

М. Сурков. Мне представляется, что демократизация партийной работы в армии — это прежде всего наибольший коллективизм, учет различных мнений, оказание помощи командирам в создании благоприятного микроклимата в воинском коллективе. Безусловно, мы будем стремиться к тому, чтобы партийные организации ушли от той функции, которая одно время им предназначалась. Я имею в виду раздражавшие людей одергивания, угрозы взысканий, персональных дел. Хотя вместе с тем демократизация предусматривает и поддержание соответствующей партийной дисциплины в рамках Устава КПСС. Конечно, партийные организации в армии будут взаимодействовать самым тесным образом со всеми общественными движениями и организациями, которые действуют в рамках сегодняшней Конституции СССР.

Вопросы радио «Свобода». Во-первых, вы, Николай Иванович, сказали о том, что на конференции речь шла о неких проблемах, волнующих Вооруженные Силы. Хотелось бы знать характер этих проблем.

И второй вопрос. В журналистские круги просочились сведения о том, что президент был принят на конференции не очень, мягко говоря, доброжелательно, что были попытки обструкции. Более того, есть сведения, я повторяю, они неточные, о том, что президенту был предложен месячный срок для более четкой ориентации своих политических взглядов. Так ли это?

Н. Шляга. О каких проблемах шла речь на конференции? Вы знаете, что в Советских Вооруженных Силах осуществляется военная реформа, выводится

значительный контингент войск из стран Восточной Европы, Монголии. Это создает большие трудности с обеспечением военнослужащих жилой площадью в тех регионах, куда они прибывают. Вот, пожалуй, один из самых больных вопросов, который вызывал острую обеспокоенность делегатов конференции. В настоящее время около 195 тысяч семей офицеров, прапорщиков, военнослужащих сверхсрочной службы, мичманов не имеют жилой площади.

Дополнительные трудности, о которых говорили делегаты, заключаются и в том, что в ряде регионов обострились межнациональные отношения, которые так или иначе сказываются и на выполнении своего долга воинами армии и флота. Так, осложнилась прописка офицеров и трудоустройство их жен в Прибалтике, Закавказье, Молдове.

Остро ставилась проблема воспитания личного состава. Криминогенная обстановка, которая сложилась в стране, затронула и Вооруженные Силы, поскольку они неотъемлемая часть общества.

Что касается второго вопроса, то президент нашей страны М. С. Горбачев был принят делегатами конференции очень тепло, никакой обструкции, никаких негативных проявлений в его адрес на конференции не было. Все вопросы Михаилу Сергеевичу — и те, которые задавались от микрофонов, и в записках — носили доброжелательный, конструктивный характер.

М. Сурков. Я тоже не знаю, откуда эта информация — о якобы настороженном, прохладном отношении к президенту. У нас есть стенограмма, магнитофонные записи всех выступлений, и мы вполне открыто и честно вам заявляем, что этого не было.

Вопрос американского журналиста. Обсуждали на конференции вопросы, связанные с армейской молодежью, с январскими событиями в Вильнюсе? Какие выводы вы сделали из этого обсуждения?

Н. Шляга. В контексте реформирования политорганов в армии и на флоте создается целостная структура подразделений, занимающихся работой с молодежью. В Главном военно-политическом управлении и военно-политических управлениях видов Вооруженных Сил, родов войск, округов, групп войск и флотов будут функционировать отделы такого профиля, в дру-

гих звеньях — отделения, сектора и группы. В армии, как известно, основным контингентом являются молодые люди. Странно было бы, если бы этот вопрос не нашел отражения на Всесоюзной партийной конференции. Он затрагивался и в докладе, и в выступлениях делегатов, и в принятых директивных решениях нашей первой конференции.

Что касается второй части вашего вопроса, то в прямой постановке он не выносился и не обсуждался. Хотя, как я уже отмечал, делегаты с озабоченностью говорили об обострении межнациональных отношений в ряде регионов страны. Для нас этот вопрос весьма актуален, поскольку в армии и на флоте в настоящее время проходят службу воины более 85 национальностей.

М. Сурков. Я хотел бы напомнить о событиях в Тбилиси двухлетней давности. Комиссия под руководством народного депутата СССР А. Собчака сделала выводы, в которых полностью обвинила в случившемся Советские Вооруженные Силы. Это стало известно во всем мире. А через два года было опубликовано заключение Генерального прокурора СССР Н. Трубина, которое полностью опровергает то, что говорил Собчак на II съезде народных депутатов. Но новость осталась незамеченной, ее опубликовали только «Красная звезда» и «Советская Россия». Поэтому я не хотел бы уподобляться Собчаку, давать скоропалительное заключение по январским событиям в Вильнюсе. Для этого есть депутатская группа, Прокуратура СССР. Они разберутся и доложат, кто виноват и в чем.

Вопрос радиостанции «Би-би-си». На пресс-конференции во время работы внеочередного съезда народных депутатов России представитель Демократической партии России сказал, что он согласовал уже с генералом Кобецом, который возглавляет комитет обороны при Верховном Совете РСФСР, возможность создания в армии ячеек этой партии. Он так же, как и вы, сослался на закон об общественных объединениях. Как вы к этому относитесь? Если такие организации будут создаваться, к чему это приведет?

Н. Шляга. Российской армии нет, есть Советская Армия, Советские Вооруженные Силы. Товарищ Ко-

бец Вооруженными Силами нашей страны не руководит, а руководит министр обороны и Верховный Главнокомандующий — президент СССР. Да, закон об общественных объединениях не запрещает создание разных партийных структур. Пока их в армии нет. Будут ли они возникать? Это покажет жизнь, время.

М. Сурков. Небольшое дополнение. Мы за взаимодействие с теми партиями, деятельность которых не противоречит законодательству. А ведь немало таких лидеров, которые, выступая на митингах, призывают к суду над КПСС, физическим расправам над коммунистами. Мы-то не призываем к аналогичным действиям по отношению к своим политическим оппонентам. Поэтому лично я как коммунист, как секретарь парткома буду делать все от меня зависящее, чтобы такие экстремистские структуры с агрессивными настроенными лидерами не появлялись в армии. Будем показывать их истинную сущность, их лицо, вскрывать их истинные намерения. Но без призывов к суду над ними. Пусть люди сами убедятся, что стоит за красивой оболочкой их лозунгов и программ.

Вопрос газеты «Красная звезда». Михаил Семенович, на первом съезде народных депутатов СССР вы обратились с запиской к Михаилу Сергеевичу Горбачеву о недопустимости использования армии в решении межнациональных конфликтов. Не изменилась ли сегодня ваша точка зрения как секретаря Всесоюзного партийного комитета?

М. Сурков. Нет, не изменилась. Я считаю, что армия не должна использоваться против своего народа. Правда, сегодня возникла новая ситуация, когда в различных регионах создаются незаконные вооруженные формирования, которые имеют значительный запас оружия и боеприпасов. Наверное, было бы опрометчивым поручать неподготовленным людям разоружать их. Воевать с безоружным народом армия не должна, это мое глубокое убеждение, а вот оказывать необходимую помощь внутренним войскам в выполнении Указа президента о разоружении незаконных вооруженных формирований армия могла бы.

Вопрос-уточнение с места. Николай Иванович, вы сказали, что армейские организации КПСС готовы сотрудничать со всеми общественными органи-

зациями и партиями, которые действуют в рамках Конституции. С какими именно общественными организациями вы считаете возможным сотрудничать?

Н. Шляга. В Программном заявлении XXVIII съезда партии четко сказано, с кем и по каким направлениям КПСС будет сотрудничать. Что же касается нахождения соприкосновения точек зрения по отдельным проблемам, то мы можем определиться тогда, когда эти партии опубликуют свои программы, обнародуют свои конечные цели. Пока же они только критикуют недостатки, допущенные в ходе перестройки, обвиняя во всех грехах КПСС.

Вопрос агентства «Студинформ». Михаил Семенович, вы говорили о недопустимости вмешательства армии во внутренние дела страны. Как вы тогда прокомментируете действующий Указ президента о совместном патрулировании улиц и городов армией и представителями милиции?

М. Сурков. По-моему, никто из честных людей не ощущает на себе каких-то неудобств от совместного патрулирования. Больше всего это нервнрует уголовные элементы, они пускай и переживают. А порядочные люди ущемленными себя не чувствуют. Их никто не проверяет, не преследует. Патрулирование введено для того, чтобы охранять честных, порядочных граждан, и мы полностью поддерживаем эту акцию президента. Противоречия между предназначением армии и временным ее использованием для поддержания порядка на улицах я не вижу. Надо отдавать себе отчет, сколько оружия оказалось в руках у уголовных элементов, сколько вооруженных формирований возникло в последнее время.

Вопрос газеты «Вечерняя Москва». Очень часто приходится слышать из уст руководителей армии об антиармейских настроениях в печати. Но ведь печать не критикует солдат, лейтенантов и прапорщиков, мичманов и даже подполковников и полковников. Есть узкий круг руководителей армии, их можно пересчитать по пальцам, которые подвергаются критике. Другое дело — обоснованной или нет. Но отождествлять эту критику с антиармейскими настроениями, видимо, было бы неправильно.

М. Сурков. Позвольте не согласиться с вами. Кам-

пания в прессе, кстати, довольно активная, шла не против лично маршала Д. Язова или генерала М. Моисеева, а против всей Советской Армии. Разве мало примеров, когда печать называет наших солдат «окупантами», «захватчиками», «убийцами», подсчитывает, сколько мирных жителей убили или избили саперными лопатками. Давайте говорить об этом честно. Есть издания, которые чуть ли не специализируются на очернении, оплевывании армии. Я могу сослаться на свой пример. Ко мне однажды обратился с просьбой об интервью «Мегаполис». Я согласился. И вот появляется материал «Пять уроков этики», где утверждается, что Сурков в гостинице «Москва» занимает два номера. Но ведь у Суркова нет в Москве квартиры и, согласитесь, две взрослые дочери не могут жить с отцом и матерью в одной комнате гостиницы. Что якобы Сурков угрожал народному депутату СССР Белозерцеву, который объявил о вводе войск в Москву, поймал его в коридоре и сказал: «Белозерцев, вот на тебя целая пачка бумаг, ты за это ответишь». Я иду к Белозерцеву, тот опровергает: «Да я такого никогда не говорил». Разве это не подрыв авторитета депутата — генерала, коммуниста?

Вопрос газеты «Радикал». Если армия лишится партийных офицеров, естественно, ничего хорошего не получится, ведь армия без командиров — это толпа, а коммунисты среди офицеров составляют сегодня 80 процентов. Речь не о том, чтобы их оттуда убрать. Как вы смотрите на то, чтобы остановить их членство в партии на период службы?

Н. Шляга. У нас в армии рейтинг КПСС очень высокий. Самой авторитетной партией в Вооруженных Силах является КПСС. Это не только мои слова, это подтвердили 1026 делегатов от более чем миллиона коммунистов армии и флота на первой Всеармейской партийной конференции. В порядке информации хотел бы сказать, что в ходе отчетно-выборной партийной кампании в армии и на флоте не распалась ни одна первичная организация КПСС. Не было у нас ни одного случая и их самороспуска. Есть ли случаи выхода из КПСС среди армейских коммунистов? Не буду скрывать: есть. Но количество принятых в КПСС за прошлый и три месяца нынешнего года значительно пре-

вышает количество вышедших из наших рядов. Только после XXVIII съезда в армии и на флоте в КПСС принято 35 тысяч человек. Количество принятых в КПСС в первом квартале текущего года увеличилось на 50 процентов по сравнению с таким же периодом прошлого года. В партию вступают молодые офицеры, прапорщики, мичманы, военнослужащие сверхсрочной службы. Это люди, которые будут определять завтрашний день Вооруженных Сил СССР.

Вопрос газеты «Рабочая трибуна». Известно, что за несколько последних месяцев около восьми тысяч человек в Вооруженных Силах по разным причинам либо приостановили свое членство в КПСС, либо вышли из ее рядов. Эта цифра представляется довольно значительной. Каково ваше отношение к этому процессу? Он вызывает тревогу, беспокойство, или вы считаете это нормальным явлением?

М. Сурков. Безусловно, эта проблема волнует Всеармейский партийный комитет. Мы тщательно выясняем, кто выходит из партии, по каким причинам. Сначала давайте уточним, кто выходит из партии. Как правило, это рабочие и служащие армии. Они дают самый высокий процент. Но, как вы понимаете, не эта категория определяет лицо Вооруженных Сил. Конечно, есть среди выбывших офицеры и прапорщики. Многие из них по различным проступкам, отношению к службе заслуживали сурового партийного взыскания. И вот накануне принятия по ним решения выходят из КПСС, объясняя этот шаг политическими мотивами. Означает ли это, что среди военнослужащих нет лиц, которые выходят из партий по убеждениям? Такие люди тоже есть. Мы с ними работаем, но решать — быть в партии или не быть — это право каждого человека.

Вопрос-уточнение с места. Есть ли в Вооруженных Силах парторганизации, не перечисляющие партвзносы? Есть ли должники среди коммунистов-военных?

М. Сурков. Остро проблема по уплате партийных взносов сегодня в армии не стоит. Подавляющее большинство коммунистов регулярно уплачивают членские взносы, где бы они ни находились — в любых точках Советского Союза или за рубежом. Должники, безус-

ловно, есть и, как правило, из тех, кто запланировал свой выход из партии. Их численность совсем незначительная.

Заседание Секретариата ЦК между тем продолжалось.

Робко подняла руку миловидная женщина — тоже пять часов ждала, чтобы произнести несколько фраз. А ведь должность у Рахимовой немалая — заместитель председателя Кабинета министров СССР. Вопрос о ветеранском движении — очень важный вопрос, произнесла она. И все, что она здесь услышала, непременно доложит своему руководству. Тут уж меня пот прошиб. Получается, что заместитель председателя Кабинета министров страны сама ничего решить не может, и ее задача, как у инструктора ЦК — рассказать об увиденном и услышанном заведующему сектором?

Обсуждения наиважнейшего вопроса не получилось. Из секретарей ЦК только двое — Купцов и Мельников — участвовали в дискуссии. Купцов выступил не очень ярко, хотя обычно ему был свойствен реализм, хорошее знание жизни, смелость и независимость суждений. Видно, все выговорились при обсуждении предыдущих вопросов. Мельников ухватился за фразу Шляги — приближается пятидесятилетие разгрома немцев под Москвой, и празднование этой даты могло бы содействовать сплочению всех горожан, если, конечно, они позабудут распри.

Желающих выступить больше не было. Завершая обсуждение, Шенин польстил ораторам: не знаю, как мои коллеги, а лично я словно побывал в мире мудрых мыслей. До чего же талантливы наши люди! Обратившись ко мне, Олег Семенович высказал пожелание: в сообщении для печати надо сказать, что в результате заинтересованного обмена мнениями и с учетом высказанных секретарями ЦК предложений утверждены меры, направленные на укрепление связей и взаимодействия партийных комитетов с организациями ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил СССР. Что имел в виду Олег Семенович, видно, знал только он один.

Рассказывая о предпоследнем заседании Секретари-

ата ЦК, не могу не отметить весьма существенной детали. Я стал свидетелем поистине исторического факта, поскольку на этом заседании состоялось последнее утверждение партийных кадров. Думаю, их имена должны войти в историю. Называю для будущих исследователей последних дней ЦК КПСС фамилии партийных работников, вызванных для утверждения на Старую площадь седьмого августа — на последнем заседании тринадцатого августа кадровые вопросы не рассматривались. Первые секретари Иркутского обкома партии Спириин и Нарынского обкома Кыргызстана Исаков завершили список кадров, подлежащих утверждению в ЦК КПСС. Они были последними, кого вызывали для этой цели в Москву.

Заседание Секретариата закончилось около девяти часов вечера. Когда я уходил из зала, ни одного главного редактора партийных изданий там уже не было. Те, кто помоложе, смылся во время первого перерыва, более дисциплинированные, работавшие раньше в аппарате — после второго. Длинные заседания выдержать было трудно. Особенно тем, кто возглавлял государственные службы информации — сугубо внутрипартийные дела для них не представляли особого интереса.

Первым вопросом обычно проходило утверждение кадров. Почти у каждого первого секретаря обкома спрашивали, как обстоят дела с оттоком из партии. Интересовались причинами, просили назвать статистику. Владимир Антонович Ивашко нередко вспоминал карикатуру в «Крокодиле»:

— Сейчас модно все сваливать на партию. Я вот недавно такой рисунок видел: сидит рыбак на берегу, закинул удочку и ждет. А под рисунком подпись: «Если не клонет, сразу же выйду из партии!»

Первый раз это было свежо. А потом стало повторяться. Мы уже наперед знали, какая и когда следует шутка. И если возникала заминка с принятием какого-либо документа, дружно подсказывали заместителю генсека:

— Повесить вопрос на третий гвоздик!

— На третий? — переспрашивал Владимир Антонович. — А может на второй? Хотя нет, вы правы — на третий. Время для его принятия еще не пришло.

«Повесить на третий гвоздик» — значит снять с рассмотрения, перенести на другой срок.

В июле 1991 года Ивашко пришел к нам в гостиницу «Октябрьская» на встречу с иностранными и советскими журналистами по итогам только что закончившегося пленума ЦК. Мы тогда не подозревали, что это был последний пленум и последний приход к нам заместителя Генерального секретаря.

У меня сохранилась стенограмма его единственной пресс-конференции, состоявшейся в конце 1990 года в пресс-центре ЦК по итогам встречи руководителей левых партий стран Центральной и Восточной Европы, тоже оказавшейся последней. Трудно было Владимиру Антоновичу, сугубому «внутреннику», полгода назад переехавшему в Москву из Киева, говорить по таким щекотливым вопросам, как крах коммунистических партий в дружественных социалистических странах. А может, в этом был как раз некий умысел, что именно ему, провинциалу, мало сведущему в международных вопросах, поручили заявить о капитуляции? Впрочем, судите сами.

Документ для истории

После окончания первой и последней встречи приехавших в Москву лидеров левых партий стран Центральной и Восточной Европы состоялась их пресс-конференция для советских и иностранных журналистов.

Болгарскую социалистическую партию представлял заместитель председателя Президиума Высшего совета БСП Любомир Кючуков, Венгерскую социалистическую рабочую партию — председатель Дьюла Тюрмер, партию Демократического социализма Германии — ее председатель Грегор Гизи, социал-демократию Республики Польша — председатель Главного Совета партии Александр Квасьневский (избранный в 1996 году президентом Польши), Коммунистическую партию Советского Союза — заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС Владимир Ивашко, Коммунистическую партию Чехословакии — ее председатель Павол Канис.

В о п р о с. Как вы оцениваете встречу в Москве?

В. Ивашко. Встреча руководителей левых партий стран Центральной и Восточной Европы имела своей целью проанализировать видение партиями ситуации как в каждой стране, так и в каждой партии, обсудить те изменения, которые произошли и происходят в Восточной Европе, и связанные с ними проблемы будущего левых сил. Мы уделили значительное внимание вопросам, связанным с единой Германией, продвижением к единой Европе. Всем известно, что изменения, которые происходят в ряде этих стран, сопровождаются нестабильностью обстановки. Что этому могли бы противопоставить левые силы?

Мы говорили о проблемах сотрудничества партий — участниц встречи в новой обстановке. Естественно, детали разговора передать в коротком сообщении трудно. Встреча ведь продолжалась два дня.

Она проходила, на мой взгляд, исключительно демократично. Каждый высказывал свою точку зрения. Была дискуссия. С чем-то участники встречи соглашались, против чего-то возражали. Это нормальный демократический процесс, и он свидетельствует о тех демократических изменениях, которые происходят внутри партий и в отношениях между партиями.

Мы пришли к выводу о том, что такие встречи исключительно полезны. Вероятно, их надо проводить чаще и в разной комбинации: в таком же кругу, более широкие, хотя мы на этот раз не ограничивали круг участников и у нас были наблюдатели, которые тоже принимали активное участие в проведении встречи.

Мы говорили о некоторых проблемах, которые нам можно было бы решать сообща. Это — дело, естественно, будущего. Но надо подумать и о совместных научно-теоретических исследованиях, и единстве акций, касающихся тех или иных конкретных событий, и о многом другом, разумеется, на совершенно добровольной демократической основе.

(Принимающие участие в пресс-конференции участники встречи поддерживают оценку встречи, данную В. Ивашко.)

Вопрос. Будет ли новая организация типа Коминтерна? Обсуждались ли проблемы экономического сотрудничества?

Д. Тюрмер. В ходе нашего разговора мы не затрагивали вопрос о том, нуждается ли рабочее движение

в организации. Считаем, что в создании постоянной организации для сотрудничества нет необходимости. Те формы, о которых сегодня шла речь, достаточно гибки для того, чтобы обмениваться информацией, опытом, делегациями. Но мы признали необходимым создать новые формы сотрудничества — на базе принципов уважения суверенитета, независимости каждой партии, невмешательства во внутренние дела отдельных партий, без какой-то внешней опеки по отношению к отдельным партиям.

Относительно экономических вопросов. Все мы признали, и наша партия в том числе, что, несмотря на изменения, которые произошли в Совете Экономической Взаимопомощи, и на то, что Варшавский Договор находится практически на стадии роспуска, взаимная зависимость наших стран остается объективным фактором. И наша партия видит свой долг в том, чтобы служить национальным интересам Венгрии. Поэтому мы и ставили вопрос о расширении экономических, хозяйственных контактов сотрудничества в различных областях. Я думаю, что наши партии таким образом могут способствовать осуществлению своих национальных интересов. И еще один момент: мы можем способствовать расширению межгосударственных контактов тем, что улучшаем политическую атмосферу, которая существует в отношениях наших стран. Если эту задачу мы выполним, то можно считать, что не зря приехали сюда.

П. Канис. Компартия Чехословакии тоже не предполагает создания какого-то международного органа или организации. Что касается экономической проблемы, то мне кажется, что все наши страны имеют сходную ситуацию. Хотя наши партии действуют в разных условиях, нет сомнений в том, что нам надо вместе решить некоторые концептуальные проблемы перехода к рынку.

В. Ивашко. Действительно, вопрос о каком-то новом Коминтерне или другой международной организации не поднимался и не обсуждался на встрече вообще. Речь шла о действиях левых сил в специфических условиях каждой страны, о товарищеских взаимоотношениях между партиями, о взаимобмене информации

ей, о взаимопомощи на паритетных основах без всякого нового организующего начала.

Что касается вопросов экономики, то они пронизывали всю встречу в том или ином аспекте. В этом ничего удивительного нет. Ведь партия, которая не имеет своей социально-экономической политики, достаточно сильной и привлекательной, просто никому не нужна. Поэтому естественно, что представителей наших партий интересовал анализ будущего Восточной Европы в крупном плане. Каково оно в условиях сложившихся производственных связей, в условиях того мирового рынка, который сейчас существует?

Общим, как уже сказал товарищ Канис, для всех нас, для наших стран является то, что переходим к рыночным отношениям в экономике. Это порождает и будет порождать на протяжении длительного времени новые социальные проблемы, у одних одни, у других — другие, но будут они обязательно. И с этим, как я понял, все согласны. Не могут же земли на востоке объединенной Германии, входившие раньше в состав ГДР, и те люди, которые там живут, по мановению волшебной палочки интегрироваться в совершенно новую экономическую систему. Естественно, там будут социальные вопросы. У нас они очень тесно сплетаются с вопросами национальными, с вопросами, связанными с судьбой Союза республик. В каждой стране есть свои особенности. Но есть и общие тенденции, которые живо обсуждались на этой встрече.

Г. Гизи. Мы действительно имеем общую историю, и я считаю очень важным постоянно обращаться к ней. Что касается создания международной организации левых сил или чего-нибудь подобного, то такой вопрос вообще не поднимался.

Об экономических вопросах. Многие промышленные предприятия на территории бывшей ГДР жили за счет экспорта из стран Восточной Европы. Этот экспорт сейчас драматически сокращается, особенно после создания валютного союза, потому что условия платежей совершенно изменились. Однако это означает тяготы не только для других европейских государств, это означает трудности и для восточных земель Германии. Потому что вследствие сокращения заказов возникает неполный рабочий день, нередко

даже остановка предприятий. Конечно, мы говорили о том, каким образом можно предотвратить рост безработицы и закрытия предприятий.

А. Квасневский. Мы не говорили ни о какой официальной структуре, напоминающей бывший Коминтерн. Все наши левые партии оказались сейчас в очень сложном положении, поэтому первая задача для нас — как интегрировать их в наших странах, как договориться с другими партиями и движениями, которые близки нам. Вторая — добиваться, чтобы контакты, отношения между нашими партиями были откровенными и эффективными, как этот диалог, состоявшийся в Москве.

Л. Ключков. Мы приехали сюда, чтобы не обособляться коллективно от других. Наоборот, наши интересы, интересы Болгарской социалистической партии — открыться социалистическим, социал-демократическим партиям как в нашей стране, так и в Европе, в целом открыться Социалистическому интернационалу.

В о п р о с. Какова судьба социализма в Европе?

В. Ивашко. Вопрос, я думаю, прост по сути своей. Применительно к любому региону, где живут люди труда, социализм не утратит актуальности. Один мой близкий товарищ считает, что идеи социализма первым провозгласил Иисус Христос в Нагорной проповеди. И до тех пор, пока живут люди, которые своим трудом зарабатывают на хлеб насущный, будут существовать социалистические идеи.

Другое дело, что понимать под социализмом. Я думаю, это вопрос не пресс-конференции. Это вопрос науки и политики. Мы сегодня, во всяком случае в этом кругу, понимаем под социализмом совсем не ту модель, которая культивировалась на протяжении последних десятилетий и по ряду параметров отходила и от марксизма, и от ленинизма. Когда придут к власти партии осциалистической ориентации в Восточной Европе? Такой вопрос задается довольно часто.

Боюсь, что на него сегодня не ответит никто. История свидетельствует, что варианты могут быть самые разные: от резкого полевения масс до, наоборот, временного прихода к власти какого-то нового типа тоталитаризма. Прогнозировать ситуацию, да еще

применительно ко всей совокупности стран, по-моему, дело не обоснованное ни научно, ни политически. Социалистическая же идея — это мое глубочайшее убеждение — бессмертна. И лучшего пока человечество не придумало. Конечно, те или иные элементы социализма в разных странах называют по-разному, но это уже другой вопрос.

В о п р о с. О нашумевших миллионах Партии демократического социализма.

Г. Гизи. Думаю, что мы имеем дело с очень хорошо организованной провокацией. Я надеюсь, что скоро мы сможем внести определенную ясность.

Прошу иметь в виду усилившуюся политическую борьбу против нашей партии, попытки отнять у нее все имущество и полностью исключить ПДС из политической жизни. На встрече была высказана мысль о солидарности с нашей партией. Мы ценим это.

В о п р о с. О будущем Варшавского Договора. Шансы левых партий.

В. Ивашко. Специально вопрос о Варшавском Договоре на встрече не обсуждался, хотя в ряде выступлений и затрагивался. На встрече констатировалась ситуация, существующая реально, исходящая из межгосударственных соглашений, которые всем хорошо известны. Каких-то суждений, которые шли бы вразрез этим соглашениям, я не уловил.

Д. Тюрмер. Мы думаем, Венгрия переживает переходную и незаконченную эпоху. Вопрос о том, каким путем она пойдет, еще не решен. Мы считаем, что перед Венгрией, перед венгерским обществом два пути: концепция буржуазного развития или второй вариант, и за него мы выступаем, — это создание современного коллективного общества, которое базируется на смешанных формах собственности, на регулируемом рынке, а также на демократических и политических институтах. Мы думаем, что в ближайшие годы этот вопрос решится. Выборы в сентябре этого года показали, что значительная часть людей еще не приняла окончательного решения, не голосовала за возврат к капитализму, но и не выступала против него. Это большой резерв для левых сил. Мы смотрим на наше будущее реалистически, но в целом оптимистично.

П. Канис. Употребление старых значений понятий

«левые» и «правые» осложняет восприятие новых процессов в наших странах. На мой взгляд, основанием для того, чтобы определиться, какого толка коммунистическая партия — левого или правого, должно быть уточнение ее места и роли государства в обществе. В Чехословакии многие партии, в том числе и наша сегодня, — конгломераты различных сил. Все эти партии и движения должны пройти еще сложные исторические процессы. Наша партия только одна из всех левых сил заняла место в парламенте, преуспела в выборах в Чешской и Словацкой республиках. Мы — партия, которая была бы адекватна процессу перехода от административно-директивно-партийно-государственной системы к обществу, которое должно стоять на принципах плюралистической демократии и рынка.

Понимание образа и сути плюралистической демократии рынка у нас и, например, у социал-демократии или политических партий, которые у власти, различное.

Вторая сила — это социал-демократия и клуб «Возрождение». В них те, кто был изгнан из коммунистической партии в 1968 году. Социал-демократия и «Возрождение» хотят объединиться. Я думаю, что это произойдет в марте будущего года.

И третья сила — демократическая левая. Она состоит из многих маленьких организаций и групп.

Эти три организации мы характеризуем как составную часть левых сил в Чехословакии. Нам кажется, что процесс перемен после 17 ноября начался не под лозунгом капитализма, а настоящего социализма. Мы надеемся, что в ближайшее время шансы для левых сил будут больше, чем сейчас.

Г. Гизи. ФРГ, как известно, не является членом Варшавского Договора. Перед ПДС стоит задача добиться роспуска НАТО для того, чтобы в Европе могли возникать совершенно новые структуры безопасности и исчезло блоковое мышление.

Еще несколько слов о том, что мы понимаем под «левыми». Я бы сказал так: «левые» — это люди, которые все еще мечтают о социально справедливом мире, но для этого должны проводить очень напряженную реалистическую работу.

А. Квасьневский. То, что происходит в Польше, да

и в других странах тоже, — это процесс. И мы находимся в какой-то переходной точке, не дошли до конца пути. А там я вижу партии с программами, с ясными различиями между партиями — левыми, правыми и т. д.

Для всех левых сил в Польше, да и не только в Польше, самый главный вопрос теперь — быть партией прошлого или будущего. Социал-демократия у нас возникла из Польской объединенной рабочей партии, и много людей смотрят на нас, как на партию, которая связана только с прошлым, и прежде всего с тем прошлым, у которого было много ошибок, политических трагедий и т. д.

Какой быть партии будущего — вот в чем главный вопрос. И отвечать на него надо. Его уже ставят сейчас, во время больших экономических перемен в Польше. Думаю, он будет возникать и впредь. Всегда будут актуальными вопросы социальной справедливости, социальной защиты людей, которые не имеют капитала, а живут работой своих рук и ума. И место для социализма, социалистической партии, идеалов социализма будет. Правда, практика может быть разной. Она будет зависеть от условий в тех или иных странах.

Сегодня большинство польского народа оценивает прошлое в основном в черных цветах. Для нас, конечно, задача справедливо оценить прошедшие 45 лет, когда левые силы руководили Польшей. И второе. Надо представить такую программу — экономическую, политическую, — которая добавляла бы общественной поддержки левым партиям, левым силам.

Я бы сказал очень коротко так: новые политические силы — правые силы в Польше — строят капиталистические отношения. Наша задача — как левых сил — делать все, чтобы этот капитализм был с «человеческим лицом».

Л. Кючуков. Я начну с того, что до недавнего времени мы как будто находились в плену моносимволов. Мы были монопольной партией, имели монопольное положение в обществе и любили в основном монолог. У нас не было контактов с другими силами общества. Сейчас у нас нет претензий на монополию, что касается левой идеи. Мы готовы сотрудничать со всеми остальными левыми силами.

Я хотел бы еще остановиться на той специфике, которая присуща Болгарии. Как правящая партия, Болгарская социалистическая партия имеет трудную задачу осуществить переход от централизованной экономики тоталитарного общества к рыночной экономике со всеми сопровождающими этот период трудностями: падением производства, ростом инфляции, безработицей, ухудшением уровня жизни.

Но мы думаем, что по мере дальнейшей дифференциации общества будет происходить расширение социальной базы левых сил, в том числе и социальной базы для нашей партии. А все остальные политические партии найдут свою естественную социальную базу.

Вопрос. Какова судьба партийного имущества?

В. Ивашко. Есть люди, которые очень бы хотели сначала сбросить на обочину, а потом вообще уничтожить Коммунистическую партию Советского Союза. Для этого не гнушаются никакими средствами. В частности, используют слухи относительно каких-то астрономических сумм в банках, подзуживают людей: вот бы эти суммы забрать «на благо народа»!

Суммы эти сформированы за счет членских партийных взносов и доходов от издательской деятельности. О точном размере их можно прочесть в докладе Н. Е. Кручины на XXVIII съезде КПСС. После съезда денег стало не больше, а гораздо меньше. Мы 500 миллионов рублей перечислили в фонд ликвидации последствий Чернобыльской аварии.

В какой-то газете я прочитал недавно такую сентенцию: мол, переход к рыночным отношениям вызовет большие сложности, вот если бы КПСС отдала свои деньги, людям бы стало намного проще жить. Если разделить все деньги, имеющиеся на счетах у партии, пожалуй, выйдет 16 рублей 30 копеек на человека. Спасет ли это кого-нибудь?

Мы называем сумму средств, которыми располагаем. Многие другие ее не называют. А в условиях рыночной экономики самой большой тайной станет коммерческая, финансовая. Зайдите в любую фирму на Западе и попросите показать их бухгалтерские книги. Что вам ответят? Естественно, не покажут, если нет специального судебного или иного распоряжения. Но

мы откровенно говорим о нашем имуществе. Данные напечатаны во всех газетах. Это делается не в экономических целях. Это делается в политических целях.

Когда возник вопрос с перечислением денег, принадлежащих ПДС, я разобрался в этих делах. КПСС вообще никогда не имела инвалютного счета. Никогда. До этого года. А в этом году открыла его. И там лежало месяц назад около двух миллионов инвалютных рублей. А нам нужно значительно больше для того, чтобы газеты выходили: они печатаются в основном в типографиях, принадлежащих партийным издательствам, партийным комитетам, и для производства многое надо покупать, в том числе за валюту.

Вопрос. На какие средства существуют сейчас левые партии?

Д. Тюрмер. Венгерская социалистическая рабочая партия находится в очень удобном положении. Нам не надо было думать, как распорядиться старым имуществом, — в силу специфического развития Венгрии от имущества старой партии ВСРП ничего не досталось. Точнее, поделились мы с социалистической партией по-братски: им достался капитал, а нам остался Маркс. Но в общем-то мы довольны.

Итак, мы начали с нуля и живем за счет взносов членов партии, за счет тех, скажем, денежных подарков, которые иногда вносят даже не члены партии. Я такой пример приведу. Накануне сентябрьских выборов пришел один частник, небольшим заводом владеет, и сказал: «Я вас ненавижу, но родился я при этом, точнее, при старом режиме, и я знаю, чем ему обязан, и потому хочу умереть с чистой совестью. Вот вам 100 тысяч форинтов».

Специальных связей у нас с другими партиями нет. Мы и не просим, и не принимаем денежных средств от других партий.

П. Канис. Мы в Чехословакии самая большая партия. Только после семнадцатого ноября вступило больше 15 тысяч человек. Мы открыто говорим, что мы сейчас еще и самая богатая партия. Однако в федеральном собрании уже предложен проект закона о национализации нашего имущества. Перед тем как приехать в Москву, я написал в письме президенту, что проблему имущества нашей партии надо решать поли-

тическим договором, а не конституционным законом. (Такой закон позже был принят в ЧСФР. — Н. З.).

Мы хотим эту проблему решить открыто, потому что строим новую партию и хотим, чтобы это была партия серьезная, делала серьезную политику. Из всего имущества, которое имела наша партия, мы уже много отдали, часть взяло государство.

В. Ивашко. Относительно источников финансирования партии и ее собственности хочу сказать следующее. В обществе распространен феномен — многие значительно больше говорят, чем читают и думают. Давайте подумаем. У Михаила Булгакова есть литературный герой по фамилии Швондер, который считал, что у любого можно отнять все что угодно. Так действительно было в нашей стране, Швондер — собирательный образ. Это привело ко многим негативным последствиям. Давайте подумаем, запомнив Швондера, почему западный капитал не бежит в страны Восточной Европы?

Вот, скажем, в той же Чехословакии. Побежал крупный западный капитал, понес вложения? И не думает. Даже средний капитал не едет со своими вложениями. С товарами — да, выкачивать деньги, пожалуйста. Капитал не несут. Почему? По многим причинам, в частности и потому, что нет уверенности в стабильности. И чего нести туда, где у любого, кто бы то ни был, могут все отнять под любым предлогом?

У нас до нынешнего года примерно три четверти областных партийных организаций были дотационными, убыточными. Примерно четверть — прибыльными. ЦК Компартии Украины, где я работал первым секретарем, в прошлом году внес в общепартийную кассу 55 миллионов рублей. Это то, что у нас превышало доходы над расходами. На следующий, 1991 год Украина попросила дотацию — 100 миллионов рублей, договорились на 80 миллионах. Партия уменьшилась. Правда, здесь кто-то сказал — катастрофически. Не вижу пока катастрофы. Да, у нас за десять месяцев этого года из партии выбыло 800 тысяч человек. Девятнадцатимиллионная партия, естественно, впитала в себя самых разных людей. Но меня интересует совсем другая цифра. К нам вступило в кандида-

ты, а уж после XXVIII съезда в члены партии 80 тысяч человек и еще 175 тысяч из кандидатов перешли в члены партии. Вот эта цифра меня интересует больше.

Доходов от издательской деятельности почти не будет по ряду обстоятельств, которые складываются не в нашу пользу. Это и уменьшение тиражей газет, и подорожание полиграфических материалов и тарифов, в том числе и на распространение печати.

Значит, пока мы живем за счет накоплений. Дальше намерены зарабатывать для выполнения своих уставных функций, как это записано в Законе об общественных объединениях.

Г. Гизи. Вы хотите знать, как мы будем в будущем себя финансировать? Конечно, в первую очередь за счет членских взносов, а также тех государственных дотаций, которые предусмотрены законодательством, в данном случае Федеративной Республики Германии.

Будет ли у нас своя экономическая деятельность, сказать трудно. Частично что-то разрешено, частично нет. Основным источником доходов для федеральных политических партий являются пожертвования, обычно не платят за это определенную часть налогов. И это, конечно, для левых партий представляет большую проблему, потому что нет концернов, которые бы поддерживали нас своими пожертвованиями. И тогда стоишь перед выбором — или проводить такую политику, чтобы получать пожертвования от концернов, или же оставаться при своей политике, но без источников пополнения финансов.

Но почему бы нам не создать, так сказать, «красный концерт»? Я думаю, что нам всем придется заново задуматься. Партии должны иметь столько средств в своем распоряжении, сколько нужно для осуществления их политики. В то же время они не должны быть чрезмерно богаты, потому что это вводит в искушение, вызывает негибкую политику, которая исходит как бы из полноты средств.

А. Квасьневский. У меня ответ очень простой, потому что у нас денег уже нет. Несколько дней тому назад польский парламент принял решение о национализации всего, что осталось от ПОРП. Это было политическое решение, не связанное ни с какими экономическими аргументами, тем более что уже несколько меся-

цев тому назад правительственная комиссия разделила все, что находилось в собственности ПОРП.

Мы надеемся, что в законе все же будет запись о нашем праве использовать деньги, которые складываются из членских взносов прошлых лет. Вопрос экономический для нас — один из самых сложных, самых важных, и поэтому мы говорили здесь, во время московского совещания, что нам надо развивать разные формы экономического сотрудничества, создавать экономические институты, которые помогали бы нам зарабатывать средства, необходимые для политической деятельности. Наша партия, как и ПОРП в прошлом, никогда никаких денег из-за границы не получала, мы не финансируемся ни американским конгрессом, ни Верховным Советом СССР.

Вопрос. Хотят ли левые партии снова прийти к власти?

А. Квасьневский. Думаю, мы все стремимся, чтобы стать когда-нибудь у власти, а теперь в оппозиции немножко отдыхаем.

Г. Гизи. В настоящее время это не является актуальным. Посмотрим, что будет через несколько лет. Мы терпеливые.

Л. Кючуков. Мой ответ на вопрос такой: мы не стараемся вновь прийти к власти, потому что мы сейчас у власти, мы попытаемся ее удержать.

Д. Тюрмер. Мы тоже надеемся прийти к власти, и по секрету скажу, что придем.

П. Канис. Хорошо, если бы возникла возможность участия в коалиционном правительстве.

Однако вернемся к последней пресс-конференции Ивашко по итогам последнего, как оказалось впоследствии, пленума ЦК КПСС. Второе лицо в партии никак не прокомментировало сведения о создании движения демократических реформ Яковлева-Шеварднадзе.

— Поживем — увидим, — сказал Владимир Антонович.

А вот на вопрос о возможном расколе ответил:

— Да, трещина в партии есть. Мы считаем, что иметь свое мнение группа партийцев может, но ор-

ганизационно оформлять фракцию нельзя. Как и записано в уставе.

И тут же рассказал байку о председателе колхоза, которого вызвали в райком «песочить» за финансовые нарушения. «Ты уж держись там покрепче», — напутствовали председателя односельчане. «Буду стоять, пока морды хватит!» — заверил своих земляков председатель колхоза. «Вот и мы так же, — добавил Владимир Антонович, — будем стоять, пока морды хватит. Я имею в виду Секретариат ЦК как центр политического единства».

Крылатую фразу о морде, правда, не совсем понятную, но смешную, подхватили многие газеты, сделал ее заголовком сообщения о пресс-конференции. После этого ЦК продержался всего один месяц.

Владимир Антонович вел заседания живо, интересно. Нередко свои выступления сдабривал различными забавными историями, притчами, побасенками. Видно, его обожали студенты, когда он читал лекции — с таким преподавателем не соскучишься.

Некоторые притчи помнятся до сих пор. Однажды, чтобы остудить пыл полемизировавших, он рассказал такую шараду, предупредив, что разгадать ее — дело непростое.

— Представим себе кафе. Самое обыкновенное. Кооперативное, государственное или частное — не имеет значения. Зашли в это кафе три гражданина. Пообедать или поужинать — все равно. Сели за столик, подозвали официантку, сделали заказ. Официантка принесла все, что просили клиенты. Три гражданина просят принести им счет. Официантка приносит: пожалуйста, с вас тридцать рублей. Поскольку в трапезе участвовали трое, с каждого полагалось по десятке. Что они и сделали. Официантка прошла в свой закуток, проверила счет еще раз и обнаружила, что ошиблась. Трапеза обошлась троим гражданам в двадцать пять рублей. Официантка подозвала ученицу и говорит ей: видишь вон тех граждан, которые собираются уходить? Подойди к ним и верни пятерку сдачи. И подает ученице пять рублей — рублевыми ассигнациями. Ученица направилась к указанным гражданам, а сама себе думает: с чего это она будет отдавать им всю сдачу? Перебьются. И, застенчиво улыбаясь, вручает каждо-

му из троих по одному карбованцу. А два рублика положила в кармашек передника. Граждане сдачу взяли. Значит, каждому трапеза обошлась в девять рублей. Девять умножьте на три. Сколько получаем? Правильно, двадцать семь. Плюс два карбованца осталось в кармашке ученицы. Итого двадцать девять. А было тридцать. Куда девался рубль?

Или вот такая притча.

— В Харькове дело было. В хрущевские времена. Любил Никита Сергеевич всякие совещания, слеты передовиков сельского хозяйства проводить. И, как правило, в Москве. Поездка в столицу в те времена даже для таких больших начальников, как председатели колхозов, была нерядовым событием. И вот собрали человек десять председателей из области и повезли в Москву, Никиту Сергеевича слушать. Приехали в белокаменную, разместились в гостинице. Пришло время ужинать. Спустились в ресторан. Заказали еду, ну и к еде кое-что соответственно. Тогда с этим делом напряженки не было. Приносят закуски, графинчики запотевшие. Налили по одной, по второй. Вот-вот должны горячие блюда нести. Опрокинули по третьей, остатки закусок подобрали. Новичок среди них попался, впервые в Москву приехал. Мнется, вроде хочет сказать что-то, да не решается. Что у тебя там, спрашивают у него. Да вот вроде икру заказывали, но не несут почему-то. Очень хотелось мужику икры попробовать, ни разу в жизни не приходилось. Компания переглянулась. Действительно, вроде икру не приносили. А заказывали ли мы ее, усомнился кто-то. Подозвали официанта. Заказывали, отвечает. Так почему тогда не несешь, если заказывали, повышают голос труженики сельского хозяйства. Да я вроде приносил, оправдывается официант, десять порций было. В специальной посудине, и показывает, в какой именно. Тут один из компании вроде как смутился. Да, говорит, была одна порция, так я ее «з'ів».

Но вернемся к предпоследнему заседанию Секретариата. Шенин, в отличие от Ивашко, баек не рассказывал, председательствовал довольно энергично, и тем не менее просидели до девяти вечера. Назавтра с утра я принялся за подготовку сообщения для печати. Порядок здесь существовал такой. Текст, обычно шесть-

семь машинописных страничек, передавался в общий отдел, где его регистрировали, ставили красный штамп. Оттуда отчет попадал Ивашко. Потом его читали другие секретари, и каждый считал своим долгом высказать какие-нибудь замечания. При этом, за исключением, пожалуй, Дзасохова, никто ничего не правил.

Александр Сергеевич иногда вносил серьезные коррективы, как правило, содержательного характера. Со многими из них нельзя было не согласиться, и я с благодарностью принимал их. Но немало было и вкусовщины, субъективизма, замены одних слов другими, которые ничего, кроме изменения строя фразы, не давали. Что же касается других секретарей, то их замечания в основном сводились к подчеркиванию отдельных словосочетаний и резолюциям на полях либо внизу страницы.

Резолюции были примерно такого характера: «Слова «партийные организации и комитеты» повторяются в абзацах №№ 1, 2, 3 на первой странице, в абзацах № 3, 4 на второй странице» и т. д. Сначала я ничего не понимал, а потом узнал, что эти тексты секретари сами не читают, а передают помощникам, которые оценивают написанное со своей колокольни. Самое главное правило при подготовке любого аппаратного документа заключалось в том, чтобы не допустить близко стоящих одинаковых слов. Помощники и действовали согласно этому многолетнему правилу.

Напрасно я доказывал, что перед ними не аппаратный документ, а живой журналистский репортаж, написанный по законам этого жанра. На меня смотрели непонимающими глазами. И нередко довольно сурово отчитывали: почему такой-то секретарь, помощником которого был мой собеседник, дается в сообщении перечислением, через запятую, а такому-то отведено два абзаца? Не надо ссорить между собой секретарей, понижая голос, доверительно советовали мне, не надо никого выделять. Отводите каждому равное количество строк, и вами будут все довольны.

«А читатели? — возражал я. — Это же будет скучнейшая протокольная справка. Кто ее одолеет до конца? Репортаж и есть репортаж, он дает возможность высказать свою точку зрения по поводу развернувшей-

ся дискуссии на Секретариате, изложить разные мнения, сопоставить их, сгруппировать вопросы по темам или оттенкам. Вы посмотрите, как пишут газеты о работе сессий Верховного Совета, съездов народных депутатов. Сколько умных наблюдений, выводов, критики, наконец! Авторы не заискивают перед депутатами, а смело и даже иронично препарируют их выступления. Потому эти материалы и читабельны».

Меня терпеливо выслушивали, снисходительно улыбались (ох уж эти журналисты, сколько с ними, капризными, мороки!), и все оставалось по-прежнему.

— Ты, кажется, уже исписался, — сказал мне однажды Дзасохов. — Из твоего текста не вытекает дух обсуждения, не предстает атмосфера заседания.

— Правильно, Александр Сергеевич, — радостно, еще не веря в свою удачу, отвечал я. — Абсолютно верное замечание. Целый год один и тот же человек еженедельно пишет отчеты. Практически об одном и том же. Надо влить свежую струю в это дело. Знаете, что я хочу предложить? Пусть каждая газета самостоятельно пишет о заседаниях Секретариата. «Рабочая трибуна» будет готовить сообщения с точки зрения своей специализации, «Сельская жизнь» — с учетом своей проблематики. Сразу обогатится тематическая палитра, появятся новые оттенки, нюансы. Такое разнообразие, уверен, пойдет только на пользу.

Это была моя мечта-идея. На всех уровнях, от заведующих отделами до заместителя генсека, пытался пробить ее, и все безуспешно. Перспектива присутствия на заседаниях Секретариата ЦК нескольких журналистов не вдохновляла, судя по всему, моих собеседников. Даже в ранге членов редколлегии, редакторов по отделам партийной жизни — людей особо надежных и проверенных. Из прессы на заседаниях могли присутствовать только главные редакторы газет и журналов ЦК КПСС — этому правилу неуклонно следовали и на более позднем, завершающем этапе перестройки.

Общий отдел стоял насмерть: никаких посторонних! Но как можно писать сообщения о работе Секретариата, передавать дух обсуждения вопросов, не бывая там? А вы сочиняйте по предварительным мате-

риалам, которые вместе с повесткой заседаний рассылаются. Там и докладные записки есть, и проекты постановлений. Кому они рассылаются? Да хотя бы вашему заведующему отделом.

Идеологическим отделом тогда заведовал Капто. Он распорядился знакомить меня с этими материалами. На их основе я и сварганивал сообщения о заседаниях до их проведения. Лихо получалось. С перечислением выступивших и даже с кратким изложением сказанного. Первый читатель этих материалов, которому я принес текст на визу, рассмеялся: все верно схвачено, хоть ты после этого и Секретариат не проводи. Не знаю, рассказывал ли он об этом случае своим коллегам. Не смеяться бы, а бить тревогу: смотрите, во что превратились наши Секретариаты. Их ход уже заранее предугадывается.

Так я оказался там, где многие мои коллеги, отработав в аппарате не один десяток лет, ни разу не были. До этого на какие только ухищрения не приходилось идти! Например, в начальническом мозгу рождалась такая вот идея: пригласить двух журналистов, одного из «Правды», другого из ТАСС, и пусть они, сидя в цеховском кабинете, сочиняют текст о заседании Секретариата. «Но ведь они не знают, о чем писать!» — восклицал я. А пусть им кто-нибудь расскажет, о чем говорилось на Секретариате. Кто, например? Те, кто там постоянно присутствует — работники общего отдела. А еще лучше связать журналистов с теми отделами, которые готовят вопрос на Секретариат. Никто лучше их не знает темы. Приходилось выполнять и такие поручения.

Глава 6

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Прошу прощения у читателей за отступления, но без них трудно понять обстановку в аппарате ЦК в последний месяц его существования. Перечисление фактов и событий, без увязки их с предыдущими,

ровным счетом ничего не даст. Важно знать все причинно-следственные связи конца партийного аппарата.

Подготовив сообщение о заседании, которое вел Шенин, с учетом пожеланий его помощника, я распорядился отправить материал в общий отдел. Вскоре мне позвонили оттуда и сказали, что текст передан на ознакомление Шенину. Еще через некоторое время проинформировали — у Шенина замечаний нет, Олег Семенович просил только показать текст Дзасохову.

Александр Сергеевич сделал незначительные вкучовые правки, их совсем немного, в основном стилистического плана, так что перепечатывать нет необходимости, и материал засылается в ТАСС для передачи партийным газетам. Я облегченно вздохнул. Редкий случай, когда все благополучно кончилось, и довольно быстро.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, облегчение было преждевременным. Ближе к вечеру позвонил помощник Дзасохова и сказал, что звонил из Кремля шеф и просил отозвать из ТАСС переданное туда для распространения сообщение. Скоро он вернется на Старую площадь, и мне надо быть к этому времени у него. Придется поработать над материалом.

— А что такое? — растерянно переспросил я. — Он ведь согласился с предложенным вариантом.

— Видно, передумал. Засомневался, стоит ли упоминать о присутствии на Секретариате двух заместителей председателя Кабинета министров, руководителей ведомств. Рассматривались-то в принципе хозяйственные вопросы. А партия ими не занимается. Надо поразмышлять над этим.

Что же, Александр Сергеевич, может, и прав. Я позвонил в ТАСС и сел за второй экземпляр сообщения. Выбросил даже намеки на присутствие министров и их участие в обсуждении вопросов. Правда, фамилии Огаркова и Силантьева оставил, добавив, что по проблемам, связанным с ветеранским движением в стране, состоялся заинтересованный обмен мнениями. И что с учетом высказанных предложений утверждены меры, направленные на укрепление связей и взаимодействия партийных комитетов с организациями ветеранов войны и труда, Вооруженных Сил СССР.

Поздно вечером зашел к Дзасохову с его помощником.

Пробежав глазами новый вариант, Александр Сергеевич засомневался:

— А может, прежний оставим? Хотя ты его уже отозвал. Понимаешь, не нравится то, что вызвали кучу народа — совсем как в старые времена.

— По-моему, председательствующий сознательно шел на это. И хотел, чтобы данное обстоятельство нашло отражение в газетном отчете, — перешел я с нормального на аппаратный язык, которым овладел довольно неплохо. — Я понял так, что именно эту особенность заседания необходимо выпятить. Чтобы на местах, в обкомах и крайкомах, поняли: стал Шенин за главного в ЦК — и соответственно изменился подход к обсуждению вопросов на Секретариате. Наконец-то ЦК стал заниматься делом! Партийные комитеты должны воспрянуть духом.

— Ты так думаешь? — нахмурившись, спросил Дзасохов. Хотя видно было, что у него внутри идет борьба, распространяться на эту тему не стал. — Не лежит у меня душа к первому варианту, и все. Возврат к прежней, доперестроечной практике. Ладно, запускай второй вариант.

— Хорошо, — согласился я. — Только Шенин его не видел. Председательствовал-то он.

Об отношениях между Шениным и Дзасоховым мне тогда было неизвестно.

— Пусть это тебя не беспокоит, — сказал Дзасохов. — Главное, руководствоваться интересами дела. Чтобы оно не страдало.

Когда мы вышли из кабинета Дзасохова, его помощник спросил:

— Сегодняшний номер «Известий» видели? Обратили внимание на заметку с пресс-конференции Строева? Помните заголовок: «О партийном влиянии на привесы и надои»? Очевидно, он повлиял на решение Александра Сергеевича. Долбают партию в хвост и в гриву.

Двенадцатого августа в «Правде» вышел второй вариант сообщения о заседании Секретариата ЦК КПСС — без упоминания о выступивших министрах.

Документ для истории

Последнее заседание Секретариата ЦК КПСС состоялось тринадцатого августа. Однако предварительно вынесенные на рассмотрение вопросы были сняты с повестки дня. Вместо них предлагался один — о работе парторганизаций Компартии РСФСР в условиях действия указа президента РСФСР от 20 июля 1991 года. По всему было видно, что вопрос возник неожиданно, к нему не готовились заранее. Во всяком случае, папка с материалами была пуста. Для меня это создавало дополнительные трудности, поскольку все приходилось ловить на слух. Полагавшиеся всегда проект постановления и записка отсутствовали.

Услышав о внезапном изменении повестки дня, приглашенные обменивались вопросительными репликами: что бы это значило? Неужели Секретариат ЦК круто повернулся к первоочередным задачам дня?

Судя по всему, Олег Семенович именно это и имел в виду. Мы не должны обходить стороной острейшие вопросы, сказал он. В стране усиливается волна критики в адрес Политбюро и Секретариата ЦК КПСС за нерешительность, вялость, пассивность. Взять хотя бы известный указ Ельцина о прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР. Как воспринят этот антидемократический, антиконституционный акт на местах? Что предпринимают первичные партийные организации? Сохраняются ли уверенность и работоспособность кадров и актива партии?

На мой взгляд, Шенин довольно объективно обрисовал обстановку в своем вступительном слове. Сказав, что многие парторганизации заняли выжидательную позицию, надеясь, что Комитет конституционного надзора отменит распоряжение российского президента, председательствовавший подчеркнул, что повсеместно выражается неверие в этот комитет. Департизация набирает темпы. Приводилось несколько примеров того, как отдельные руководители форсируют этот процесс. Начался он в органах МВД и КГБ, а сейчас перекинулся на «гражданские» объекты. Руководители УВД Московской, Калужской и других областей изда-

ли распоряжения о роспуске партийных организаций в подведомственных им органах. Люди ждут четких указаний от ЦК, как им действовать в этой обстановке, а Политбюро, Секретариат ЦК ограничиваются туманными политическими заявлениями, общими декларациями, из которых ничего не понять.

После краткого вступления Шенин предоставил слово Манаенкову. Информация Юрия Алексеевича заняла минут двадцать. Главный вывод, к которому пришел Манаенков и которым он поделился с коллегами как человек, отвечавший в Секретариате ЦК за кадры партии и вопросы партийного строительства, — это то, что расчет на быстрый развал всех существующих партийных структур в трудовых коллективах не оправдался. Синдром самовосхваления, которым болела партия в течение многих лет, сказался и в следующей оценке ситуации, которую дал выступавший: она во многом если не смягчена, то выравнена решениями июльского пленума ЦК, развернувшейся дискуссией по проекту программы КПСС. Юрий Алексеевич не преминул польстить своим коллегам по столу: дескать, сыграли свою роль и соответствующие рекомендации Секретариата ЦК, руководства российской Компартии. В областях же считали: как раз они и вызывали больше всего растерянность и непонимание на местах. В них не было главного — ответа на вопрос: что делать?

Обращаясь мыслями к тому заседанию и оценивая его с позиций послеавгустовских событий 1991 года, видишь невооруженным глазом жестокий стратегический просчет участников обсуждения в оценке ситуации, связанной с выходом известного указа российского президента. Поехала крыша, а секретари не хотели этого видеть, убаюкивая себя сказочками о том, что большинство людей убеждены: КПСС — защитница социальных интересов трудовых слоев населения, а раз так, люди никогда не позволят ослабить, а тем более ликвидировать ее. К лету ситуация в стране резко изменилась, рейтинг КПСС сильно упал, она не находила прежней твердой опоры ни среди рабочих, ни среди крестьянства. Общий кризис, поразивший общество, не мог не затронуть и партию. О падении ее популярности у народа свидетельствовали и социологические опросы. Но лидеры КПСС не хотели этого

слышать, им, пришедшим сравнительно недавно, год назад, к власти, хотелось быть руководителями великой, единственной, славной, родной.

Даже Прокофьев, лидер московских коммунистов, по моим наблюдениям — один из трезво мыслящих и весьма критически настроенных членов Политбюро, выступал на том Секретариате не в свойственной ему манере. Он явно благодушествовал, приводил почему-то только позитивную информацию. Чем это было вызвано? Не знаю. Но факт остается фактом: Юрий Анатольевич нарисовал такую успокаивающую картину, что тревожиться за судьбу столичной парторганизации не было оснований. Из его слов явствовало, что после выхода указа президента РСФСР горком приступил к выяснению точки зрения хозяйственных руководителей, секретарей парторганизаций по данному вопросу.

Согласно рассказу Прокофьева, были опрошены 450 директоров промышленных предприятий. И только двое из них заявили, что им не нужны партийные организации. Все остальные утверждали, что парторганизации являются опорой хозяйственным руководителям в формировании общественного мнения, в проведении экономических реформ на предприятиях. Приятно слушать такую информацию, не правда ли? Отражала ли она истинное положение дел в Москве, показали августовские события и последовавший вслед за ними распад городской парторганизации. Вот подлинная цена жарким заверениям об осуществлении мер по пересмотру структуры, стиля, методов и режима работы аппарата «с учетом необходимости смещения центра тяжести на территории и на нерабочее время».

Нащупав привычную колею, телега покатила дальше. Ездовые говорили то, о чем было приятно слушать. Приехавший из Ленинграда Гидаспов, видимо, тоже не захотел портить настроение коллегам. Работу в трудовых коллективах решено не сворачивать, сказал Борис Вениаминович. Такая же позиция и у хозяйственных руководителей. В Ленинграде только один партком пытаются вытеснить с предприятия. Хотя это неправильно, произнес Гидаспов, и здесь свое веское слово должен сказать Комитет конституционного надзора.

Среда формирует позицию. Вот и лидер российских коммунистов Купцов — остроумный, смелый на пресс-конференциях — говорит о беспочвенности панических слухов и возгласов типа того, что все потеряно, все рухнет и т. д. Растерянность, вызванная указом Ельцина о департизации, продолжал Валентин Александрович, большинством партийных организаций преодолевается. Начинается глубокое осмысление поиска путей выхода из кризисного состояния. Приведа пример жесточайшего прессинга в органах МВД республики, в результате которого из 5500 первичных парторганизаций распалось только 750, Купцов успокаивал: свыше 500 из них действуют, но уже как территориальные. Так что оснований для беспокойства нет, просто нужно найти иные формы работы. Вон в Черемушкинском районе Москвы в течение года существует территориальная партийная организация работников народного образования.

А возьмите Иванова, подхватил Александр Сергеевич Дзасохов. В тамошнем инженерно-строительном институте тоже нашли умное, неординарное решение вопроса — аккредитацию организации коммунистов при учебном заведении. Правда, когда ему показали проект газетного сообщения с этой фразой, последнюю ее часть, касающуюся расшифровки «умного, неординарного решения», Дзасохов решительно вычеркнул. Побоялся быть непонятым партийной массой? Не знаю. Дзасохов в свойственной ему абстрактной манере выражения мыслей размышлял о разумном сочетании территориального и территориально-производственного принципа строения партийных организаций. Эти две формы деятельности нуждаются в хорошем паритете и должны дополнять друг друга.

«Разве парткомы способствуют распаду хозяйственных связей? — задавала риторические вопросы Галина Владимировна Семенова. — Разве парткомы взвинчивают цены? Уничтожают социальные программы? Нарушают права человека? Наоборот, даже в сегодняшних труднейших условиях партийные комитеты защищают интересы людей труда, заботятся об их жизнеобеспечении».

Позвольте, Галина Владимировна, перед кем вы отстаиваете партийные комитеты? Перед президентом

РСФСР, прекратившим их деятельность в государственных органах? Да нет, ваши слушатели — секретари ЦК КПСС. И вы объясняете им необходимость присутствия партийных структур на производстве?

Галина Владимировна перешла между тем к своей любимой теме — средствам массовой информации. Она призвала их с помощью документальных фактов, а их множество, ярче показывать роль секретарей первичных парторганизаций в жизни трудовых коллективов.

Столь же бессмысленными и бесполезными были выступления и других ораторов. Ни одного дельного предложения. Бедные «первички», они еще на что-то надеются...

Стойте, вон, кажется, Кодин просит слова. Заместитель председателя Центральной Контрольной Комиссии КПСС не витает в облаках, как многие, не оторвался от реальной жизни, знает ее не понаслышке.

— Странное впечатление производит на меня работа сегодняшнего Секретариата. Какая же глубокая пропасть разделяет высшие органы партии и первичные парторганизации! Если так дело пойдет и дальше, боюсь, многим секретарям ЦК трудно будет избраться делегатами на ХХІХ съезд, а некоторым и вообще невозможно. На местах зреет глубокое недовольство позицией Секретариата ЦК. Пусть простит меня Дзасохов, «9-я студия» телевидения, конечно, важна, но ведь на карту поставлена судьба партии. Неужели этого кто-то еще не понимает? Нужны нетрадиционные подходы. Иначе всем нам будет крышка. И тогда уж наверняка «9-я студия» не потребуется. Выступать по телевидению надо. Но обязательно обращаться к рядовым коммунистам. А наши «артисты» изощраются в области болтологии на международные темы, в то время как рядовые партийцы ждут ответа. Когда-нибудь мы горько пожалеем об этом. И кажется, весьма скоро. Мы постоянно запаздываем по всем вопросам. Уже в ныне действующем уставе партии должна быть норма, предусматривающая приостановление членства на период исполнения государственных обязанностей. Я не понимаю, куда смотрит организационный отдел? Неужели события в Молдове, республиках Прибалтики ничему не научили?

Кодин, кажется, перестарался и в пылу гнева затро-нул орготдел. Тут же мгновенноотреагировал его заведующий и одновременно секретарь ЦК Манаенков. Покрывшись багровыми пятнами, что означало высшую степень негодования, Юрий Алексеевич хорошо поставленным голосом заявил, что только что прозвучавший выпад он не принимает, поскольку устав партии принимал съезд, а не отдел. И вообще, это в высшей степени нахальство — делать такие замечания. Это не критика, а самое настоящее критиканство.

Более сдержанно откликнулся Дзасохов. С дипломатическим тактом он популярно разъяснил простодушному «внутреннику» Кодину, что является еще и председателем комитета по международным делам Верховного Совета страны, а эта должность требует многих качеств, в том числе и умения держаться на телевизионном экране.

Маленькая сцена, вспыхнувшая, очевидно, от скуки, тут же рассосалась. Опять возобладал мирный, домашний тон. Подводя итоги обсуждения вопроса, Шенин предложил с учетом высказанных суждений и точек зрения принять постановление, в котором изложить рекомендации местным партийным комитетам о работе в условиях действия указа президента РСФСР. Посмотрев в мою сторону, Олег Семенович сказал:

— Надо дать подробную информацию об этом. Нормально напишите.

В соответствии с указанием материал был подготовлен уже на следующий день. Как и в предыдущий раз, утром раздался звонок по кремлевской «вертушке», и помощник Олега Семеновича вежливо поинтересовался, готово ли сообщение. Помилуйте, взмолился я, ведь сейчас начало десятого утра, а Секретариат закончился вчера поздно вечером. Надо все осмыслить, взвесить, выделить главное. Часам к четырем принесу.

— Кстати, о главном, — сказал помощник. — В прошлый раз вы почему-то не указали, что заседание Секретариата проходило под председательством товарища Шенина.

— Извините, но так я пишу, если за председательским столом Генеральный секретарь или его замести-

тель. По уставу эти два лица руководят работой Секретариата. Если же Горбачева и Ивашко по каким-то причинам нет, а заседание ведет другой секретарь, обычно применяю журналистский прием, из которого явствует, кто вел заседание. Напрямую никогда не указываю, что заседание вел, к примеру, Дзасохов. Он строго запретил это делать. Признаюсь, в прошлом году, когда он впервые остался «на хозяйстве», по незнанию применил неподходящую к нему форму. Он сильно отчитал меня.

— Вот как? Тем не менее, сделайте, как я сказал. Хотя нет, ну, в лоб, напрямую, не надо. Найдите нужную форму, но чтобы было видно, кто председательствовал.

Описание того, как проходил и этот материал, заняло бы слишком много места. Но чтобы читатель имел представление о том, чем занимался Секретариат ЦК и его аппарат, обозначу лишь пунктирно путь сообщения о заседании в прессу. Материал тщательно шлифовали помощники Шенина, прежде чем показать его шефу. Потом над ним сидел сам Олег Семенович. Наконец он дал разрешение на публикацию. Но тут об этом материале вспомнил Дзасохов и тоже захотел его посмотреть. Начали искать, а материал уже в ТАССе, телетайпы гонят его во все концы страны.

Ознакомившись с копией, Дзасохов отдал распоряжение отозвать материал из ТАСС и сказал, что над ним следует еще поработать. Многие центральные газеты КПСС уже успели набрать его и даже выставить на полосу. И вдруг получают сообщение, что переданный материал о заседании Секретариата ЦК КПСС аннулируется. Вместо него будет передан новый вариант. Опять переверстка, задержка с выпуском номера, нарушение графика, что приводит к опозданию выхода газеты. Это значит — поезда и самолеты уйдут без тиража, почтовые машины и почтальоны возвратятся с узлов связи без газет. Огромные материальные убытки!

Но разве задумывались об этом на Старой площади? В процесс редактирования включались все новые и новые люди, каждый хотел внести свою лепту в совершенствование чего? По сути, обыкновенного репортерского материала. К нему относились как к важней-

шему документу ЦК. Иногда я ловил себя на мысли, что даже к подготовке постановлений ЦК не подходили столь ревностно, как к этим сообщениям. Может, исходили из того, что постановления, в избытке плодившиеся каждую неделю, рассылались в партийные комитеты и оседали там в шкафах и сейфах, недоступные рядовой партийной массе, а сообщения публиковались в газетах, выходивших тогда миллионными тиражами? Знакомые партработники с периферии рассказывали, что в последние месяцы постановления ЦК на местах почти никто не читал — они были обтекаемые, туманные, наукообразные. Понять их было невозможно. А поскольку в целях демократизации с большинства гриф секретности снимали, то и складировали их в общих отделах, не зная, что с ними делать. Возврату, по новым правилам работы с партийными документами, они не подлежали.

Глава 7

ПЛЮРАЛИЗМ В ОДНОЙ ГОЛОВЕ БЫВАЕТ ТОЛЬКО У ИДИОТОВ

Вновь и вновь я возвращаюсь к документам ЦК последнего года. Перебираю в памяти и по записям обсуждавшиеся вопросы. Да, некоторые из них рассматривались со значительным опозданием. Да, значительная часть страдала абстрактностью, абсолютной неприменимостью на практике. Но ведь большинство отражало настроения партийцев, специфику работы КПСС в изменившихся условиях. Более того, несмотря на существенные недостатки, в целом, по моему глубокому убеждению, принятые Секретариатом ЦК в последний год документы создавали хорошую основу для консолидации прежде всего самой партии, выхода ее на качественно новый уровень в обновлявшемся обществе. Почему же благие намерения завершились полным крахом?

Как свидетель всех споров и дискуссий, которые велись на Секретариате, позволю себе поделиться личными наблюдениями по этому поводу.

Мне представляется, что ключом в понимании обстановки, обусловившей кризис в партии и стране, явились не известные широким кругам слова, произнесенные тогдашним членом ЦК КПСС и первым заместителем председателя Кабинета министров СССР В. И. Щербаковым на заседании Политбюро третьего июля 1991 года. Заседание шло под председательством Горбачева. Руководство ЦК тогда ограничилось кратким информационным сообщением о заседании Политбюро в несколько абзацев. Детали туда, конечно же, не вошли. Напомню: обсуждался вопрос о взаимоотношениях партии и рабочего движения.

Так вот, Щербаков задал вопрос, который помнится мне до сих пор. Он спросил: что такое КПСС сегодня? Это партия защиты от перестройки и от коммунистического правительства?

В самую точку попал бывший вице-премьер. Ведь коммунистам, партийным комитетам приходилось отвечать за те непопулярные меры правительства Павлова, которые чувствительно сказывались на жизненном уровне трудящихся. Экс-премьер ведь тоже был членом ЦК! Парадокс, или даже может быть тупик ситуации, заключался в том, что партия, в руководящем органе которой состояли Павлов и Щербаков, да и другие члены правительства, провозглашала: именно она является партией социальной защиты трудящихся, именно их интересы стоят у нее на первом плане. Следовательно, в политике и конкретной деятельности КПСС после XXVIII съезда и особенно в 1991 году далеко не все глубоко продумано, не все адекватно изменившимся условиям. Возможно, проведение внеочередного съезда или всесоюзной партийной конференции внесло бы ясность в содержание заученно повторяемой на всех уровнях формулы о том, что КПСС — партия социальной защиты людей труда. Ведь буквальное понимание этой формулы подталкивало партийные комитеты к подмене функций профсоюзных комитетов. Если средний класс — предприниматели, кооператоры, менеджеры — набирает силу, если на глазах меняется социальная структура населения, то не может ли так случиться, что КПСС останется партией исключительно одних люмпенов?

Но ни съезд, ни конференция так и не состоялись. А они были нужны не позже июня — июля 1991 года. Объявленный на декабрь XXIX съезд, если бы он даже и состоялся, положения не изменил бы. Время было упущено. Безвозвратно.

Недееспособность и бессилие ЦК КПСС особенно резко обозначилось с осени 1990 года. Фактически секретари ЦК были отчуждены от выработки государственной политики. Они не имели представления, что делается в Ново-Огареве, что предпринимает правительство. Требовалась иная тактика, это становилось очевидным. В рабочей среде нарастало разочарование переменами, инициированными Горбачевым. В Секретариате ЦК конечно же понимали, что вялая, оборонительная тактика губительна. Но что было делать? Лидер украинских коммунистов С. И. Гуренко на заседании Политбюро третьего июля в присутствии генсека высказал любопытное суждение. Надо, мол, привыкать к тому, что партия не всегда должна вступать с правительством в согласие. Хорошая мысль. Но ведь правительство-то коммунистическое! Опять тупик.

Дело дошло до того, что один из руководителей ЦКК смущенно признался: он не располагает никакой информацией и вынужден черпать ее из прессы. Секретари ЦК — народные депутаты, они хоть на заседаниях Верховного Совета бывают, а ЦКК варится в своем соку. Однажды на Секретариате повисла такая безысходность, проявилась такая ненужность этой организации, что один из секретарей, недавно переведенный в Москву из области, прямо и честно сказал, что он не видит другого выхода из тупиковой ситуации, кроме своей отставки. Во всяком случае, хоть смело буду смотреть в глаза потомкам, с горечью произнес он. Но выходцами из комсомола поддержан не был.

Я мог бы привести немало других свидетельств того, что в аппарате ЦК понимали свою обреченность. Умных людей там всегда было много. Упаднические настроения усилились после пресс-конференции Олега Семеновича Шенина. Она была первой и последней его встречей с журналистами в качестве члена Политбюро.

Документ для истории

В пресс-центре ЦК КПСС состоялась встреча советских и иностранных журналистов с членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС О. С. Шениным. Ниже следуют фрагменты из стенограммы.

Вопрос журнала «Вопросы истории КПСС». В каких кабинетах родилась инициатива повысить цены на партийные издания в два — два с половиной раза? Каким образом вы, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, курирующий важнейшие вопросы нашей партийной жизни, будете решать их без средств массовой информации? Обсуждался ли этот вопрос на заседании Политбюро, на Секретариате?

Ответ. Вопрос этот непростой. Он был тщательно изучен руководителями партийных изданий, Управлением делами ЦК КПСС, просчитывались всевозможные варианты. Мы рассмотрели его на Секретариате Центрального Комитета и все же пришли к выводу, что в нынешней ситуации подписные цены надо поднимать. Но одновременно шла речь и о том, что партийным комитетам следует серьезно подумать, как оказать помощь значительной части подписчиков за счет средств партийного бюджета, в том числе за счет тех средств, которые сейчас оставляют в своем распоряжении первичные партийные организации.

Кое-где это удалось сделать, к примеру, в ряде областей Российской Федерации, в Казахстане. Однако эта практика достаточно широкого распространения не получила, главным образом потому, что многие партийные организации оказались в тяжелом финансовом положении. Мы сейчас снова вернулись к рассмотрению вопроса о партийной печати. Очевидно, придется предпринимать какие-то специальные меры, в том числе искать средства на дотацию. Особенно это касается финансирования местной партийной печати, городских и районных газет.

Вопрос газеты «Рабочая трибуна». Как вы относитесь к начавшемуся процессу выдворения партийных организаций за пределы предприятия?

Ответ. Такие факты действительно имели место. Правда, это началось в то время, когда отсутствовал Закон об общественных объединениях. С его приняти-

ем ситуация коренным образом должна измениться. В связи с этим хочу сказать, что на днях Секретариат ЦК рассматривал вопрос о деятельности партийных организаций правоохранительных органов. Как вы знаете, есть призывы к их «деполитизации», «департизации». Но поскольку мы намерены жить в правовом государстве, надо исходить из верховенства законов, а не чьих-то пожеланий и эмоций. Закон об общественных организациях содержит четкие указания на сей счет. Думаю, что их можно распространять на все государственные органы, предприятия и организации. Мы будем отстаивать права коммунистов, первичных партийных организаций на их активную деятельность, в том числе и в стенах предприятий.

В то же время не следует забывать, что у нас территориально-производственный принцип формирования партийных организаций, который мы подтвердили на XXVIII съезде. Поэтому наряду с тем, что мы будем отстаивать права партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, нам надо думать и о серьезной реорганизации деятельности территориальных партийных организаций, об их усилении. Ведь не секрет, что если на производстве парторганизации могут что-то решать, то по месту жительства они этим похвастаться не могут.

Вопрос газеты «Красная звезда». В статье 5-й Закона об общественных объединениях сказано, что деятельность политических партий осуществляется в нерабочее время их членов и за счет средств этих объединений. Как быть в связи с этим с освобожденными партийными работниками Армии и Флота? Ведь их основной служебной деятельностью и является как раз партийная работа. Не означает ли это положение закона, что с 1 января они должны получать зарплату за счет партийной кассы?

И далее. По 16-й статье этого же закона. Не ограничивает ли она, на ваш взгляд, возможности КПСС по проведению своей линии в Вооруженных Силах и не является ли это первым шагом в департизации Вооруженных Сил?

Ответ. О военнослужащих, профессионально занимающихся партийной работой. Здесь, по-моему, все ясно: надо платить из партийной кассы, из партийного

бюджета. А вот остальные доплаты — за офицерское звание, выслугу лет и другие — должны идти за счет бюджета Министерства обороны.

Что касается второго вопроса, то, думаю, вряд ли может создаться такая ситуация, когда партийные решения будут противоречить конституционным нормам. Ведь партия на XXVIII съезде заявила, что она действует в соответствии с законами, с Конституцией. Поэтому если какая-то партийная организация или партийный комитет будет отходить от этой линии, то, наверное, вполне правомерно, что военнослужащий может не выполнять установку партийной организации, а действовать в соответствии с законом. И все же полагаю, что каких-то принципиальных расхождений здесь быть не может.

Не считаю, что это шаг к департизации. Нам, наверное, надо пожить в условиях нового закона, точно так же, как и в условиях нового Устава. Мы еще не попробовали ни того, ни другого.

Вопрос китайского информационного агентства «Синьхуа». Как вы оцениваете в настоящее время ситуацию в низовых организациях партии? Принимает ли ЦК КПСС какие-нибудь меры для того, чтобы положение на Украине стабилизировалось?

Ответ. Ситуация в первичных партийных организациях самая разная. Немало таких, которые не растерялись, нашли свое место в процессах перестройки. Они выработали свои конкретные программы, контактируют с трудовыми коллективами, с профсоюзными и молодежными организациями, с хозяйственным руководством, вплотную занимаются вопросами, связанными с улучшением условий труда, социальной защиты трудящихся в связи с переходом к рыночным отношениям.

Я дважды был в Компартии Литвы (КПСС). Она работает в тяжелейших условиях. И тем не менее многие первичные парторганизации нашли там свое место, занимаются конкретной работой. Отрадно, что эта партия постоянно пополняется, в том числе и за счет молодежи.

Но есть и такие, а это довольно значительная часть, которые находятся в состоянии растерянности, неуверенности, пребывают в ожидании установок из центра.

Такая позиция конечно же не работает на авторитет партии. Владеем ли мы обстановкой на местах? Конечно. Нет ни одного секретаря ЦК, который в последнее время несколько раз не выехал бы в республики и области и не поработал бы там, в том числе и в первичных партийных организациях.

На уровне Секретариата ЦК стараемся определить общие направления деятельности, даем соответствующие ориентировки. Однако процесс активизации работы парторганизаций идет пока непросто, особенно там, где морально-психологическая ситуация сложна для коммунистов. А она обострилась, в частности на Украине — в Тернопольской, Ивано-Франковской, Львовской областях. Коммунистам там приходится нелегко, каждодневно нагнетаются страсти, на митингах звучат всевозможные требования, вплоть до расправы над коммунистами. Безусловно, все это создает определенный фон и определенные настроения, в том числе в первичных организациях, осложняет их работу.

Вопрос агентства «Новости». Члены руководства некоторых политических партий заявляют, что после ближайших парламентских выборов они получат большинство в Верховном Совете СССР. Как вы оцениваете такие заявления? Рассматривало ли руководство КПСС направления деятельности партии в случае, если она перестанет быть правящей?

Ответ. Естественное желание каждой политической партии стать правящей, добиться большинства в парламенте и проводить через него свою политику. Лично я мало верю, что это может произойти в ближайшее время. Ну а если мы перестанем быть правящей партией, то соответственно и политику будем менять. У нас есть такие примеры в Литовской, Латвийской компартиях, в частности.

Вопрос итальянского журналиста. Каковы возможности сотрудничества между правительствами России и СССР в связи с переходом на рыночную экономику, и какую роль в этом может играть КПСС?

Ответ. Не может плодотворно работать союзное правительство, если у него не будет контактов с правительством Российской Федерации. Это нереально. Убежден, что и российское правительство не может

обойтись без контактов с союзным правительством, потому что настолько наша экономика едина, что одно без другого невозможно.

В конце концов ведь не личные же амбиции должны двигать, руководить, а все-таки забота о народе. Если действительно все серьезно заботятся о судьбе нашей страны, то эта забота должна привести к согласию, контактам, взаимодействию. Это касается и союзного, и республиканского правительства.

О роли КПСС в этом вопросе. Думаю, ее роль в том, чтобы ни в коей мере не давать разгораться костру конфронтации, а наоборот, примирить стороны, консолидировать идеи, сплотить силы обоих правительств, обоих парламентов. И мы немало делаем для того, чтобы и те и другие более трезво оценивали ситуацию и работали вместе, а не врозь.

Вопрос газеты «Литературная Россия». То и дело мы слышим или читаем заявления такого рода: кто защитит КПСС? В какой защите, на ваш взгляд, нуждается КПСС? И еще. Некоторые представители определенных сил ставят вопрос о суде над КПСС. Например, депутат Моссовета Балашов заявил в печати, что он готовит судебный процесс над КПСС. Ваше отношение к этому? И в связи с этим можно ли вообще говорить о какой-то исторической вине Коммунистической партии?

Ответ. В какой защите нуждается КПСС? Появились уже не просто нападки, есть уже и практические действия, даже законы отдельных органов власти, которые, прямо скажем, беспокоят коммунистов. К примеру, в той же Литовской Республике. Реалии таковы, что надо действительно думать и о защите.

Кто защитит КПСС? Вывод один: сама КПСС! Это не значит, что надо постоянно оправдываться, бить себя в грудь: нет, мы не плохие, мы хорошие! Это не поможет, я думаю. Защищаться надо конкретной работой, конкретными действиями. Если люди увидят, что мы заняты не одними внутрипартийными проблемами и не кресла делим, если убедятся, что мы заняты делом, которым сегодня живет все общество, то тогда и авторитет будет расти. И в какой-то особой защите она, наверное, не будет нуждаться, потому что люди сами поймут, за что борется эта партия, чем она

занята, что ее волнует. И если она отвечает интересам и чаяниям народа, то и отношение к ней будет соответствующее.

Есть, правда, и иные мнения, они нередко звучат на пленумах, да и на XXVIII съезде можно было услышать в некоторых выступлениях: когда же, мол, это кончится, когда о нас наконец прекратят плохо писать, надо, чтобы нас перестали критиковать, пусть президент даст команду, чтобы так не делали, пусть скажет, чтобы так не говорили. Я думаю, это просто уход от реальной жизни. Надо ведь понимать, что роль партии в обществе сейчас совершенно иная. Надо думать о том, как в этих условиях уметь работать и добиваться того, чтобы авторитет партии рос.

Об исторической ответственности КПСС. Наверное, есть вопросы, за которые КПСС должна отвечать. Но те, кто ставит в вину партии тот же тридцать седьмой год, должны помнить, что от репрессий пострадала прежде всего и больше всего сама партия. Или разве не виноваты в том, что в своих рядах воспитали предателей, которые росли при поддержке партии, занимали высокие посты, а сейчас с готовностью стали в ряды ее противников? Разве не вина партии в том, что она не смогла вовремя разобраться во всех сложностях экономического развития недавних лет, не смогла прийти к пониманию, что многие проблемы надо решать по-другому? И еще одно немаловажное обстоятельство: степень вины. Теперь некоторые хотят видеть виновными и рядовых коммунистов — тех, кто работал на производстве или в сельском хозяйстве и отдавал все свои силы труду. Надо различать их и тех, кто определял политику. Эти люди ответственны далеко не в равной степени.

Такие перекосы сплошь и рядом. Чтобы их не было, надо исходить из оценок об ответственности партии за то, что произошло в стране, данных в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Звучали они и во многих выступлениях на XXVIII съезде КПСС. Главное не повторять того, что было, а работать по-новому, стать настоящей политической партией, действовать так, как требует закон, проводить коллективно выработанную политику.

Вопрос журнала «Партийная жизнь». Как Секретариат ЦК расследует заселение жилого дома по улице Димитрова? И еще. Что вы подразумеваете под словом «предательство» в партии?

Ответ. О доме по улице Димитрова недавно писали еженедельник «Аргументы и факты» и некоторые другие издания. Расследование по этим публикациям заканчивается. Сообщение в ближайшее время будет опубликовано Управлением делами ЦК КПСС. (Опубликовано в газете «Правда» 1 ноября 1990 г. — Н. 3.). Предваряя его информацию, могу только сказать, что тут много возникает заминок, вытекающих из существовавших порядков. Если, к примеру, место застройки давалось в центре, то оговаривалось, что дом должен быть определенной высотности, комфортности, отделки и т. д. И это для всех организаций и органов, а не только ЦК. Квартыры в этом доме распределяло не только Управление делами ЦК КПСС. ЦК передал некоторым организациям определенную площадь в этом доме взамен ранее полученной у них. А непосредственно распределением и заселением они занимались сами. Это ни в коем случае не оправдание, а просто информация. Сказать, что не было никаких перекосов, нельзя. И мы ответственно заявляем, что такого больше не будет.

Что я имею в виду под предательством? И в партии, и в обществе, и в семье случается всякое. Допускаю, что человек даже и жизнь свою может переосмыслить и прийти к совершенно другим философским и жизненным установкам. Это нормальный процесс, когда задаешься вопросом, соответствуешь ли ты требованиям, которые предъявляются члену КПСС? Если чувствуешь, что этим требованиям соответствуешь, если все положения, установки, программа и устав совпадают с тем, что дорого человеку, что находится внутри него — какой смысл выходить из партии? Или надо честно и прямо сказать, что ошибался, когда присягал на верность партии, когда писал в заявлении о том, что полностью признаю и обязуюсь выполнять Программу и Устав КПСС. Бывает, почувствовал человек обузу — и ушел. Но не поливай же ты грязью ни прежнюю семью, ни все остальное, ибо поливаешь ты самого себя, не правда ли? Это и по-человечески как-то

непорядочно. Такое всегда называлось предательством. Если на Руси юродивых еще жалели, то предателей — никогда.

Вопрос иракского журналиста. Неприятели КПСС множатся быстро, а партия занимает оборонительную позицию. Не пора ли покончить с самобичеванием? Партия же изменилась.

Ответ. Я с вами целиком и полностью согласен, пора кончать. Надо не самобичеванием заниматься, а работать, действовать. Еще раз подчеркну: не все партийные организации занимают оборонительные позиции. Немало и таких, которые ведут достаточно четкую наступательную работу, завоевывают позиции, поддерживают контакты с нарождающимися партиями, движениями, вступают с ними во взаимодействие, предлагают свои меры. Это взаимодействие помогает уходить от конфронтации, улучшать ситуацию.

Думаю, мы уже проанализировали свое прошлое, сказали о том, что у нас было хорошего и плохого, о своих ошибках, а теперь надо начинать работать. У меня, например, настроение такое. И у моих товарищей по Секретариату тоже.

Вопрос еженедельника «Союз». Считаете ли вы, что во внутривнутрипартийной жизни после XXVIII съезда начали происходить какие-то радикальные перемены? Если да, то какие?

Ответ. Думаю, что радикальных перемен в партии пока не произошло. Пока на подступах очень многие и во многом. В чем здесь причина? Видно, подзатянулась предсъездовская обстановка, дискуссии и т. д. А поскольку мы народ достаточно инертный во всем, то инертность сохраняется и в партии. Вроде бы видим — пора кончать дискутировать, надо начинать работать, а остановиться не можем. Тем не менее выход из критической ситуации начинает появляться, и я, например, верю, что недалек тот день, когда радикальные перемены станут реальностью.

Мои коллеги из идеологического, гуманитарного и других отделов, работники партийных комитетов с периферии, прочитав мои опусы с заседаний Секретариата, а затем и сами постановления, высказывали

уйму интересных мыслей. Улыбку вызывали сообщения о кадровых перемещениях. Нередко утверждения проходили в ЦК КПСС через семь-восемь месяцев после избрания на пост первого секретаря обкома и крайкома.

Потом появилась промежуточная инстанция — ЦК Компартии РСФСР. Однажды присутствовавший на заседании «большого» ЦК Иван Кузьмич Полозков, узрев свои кадры, приглашенные на утверждение, взбунтовался: почему вы их утверждаете раньше нас? Вот и ездили российские партийные кадры сначала на беседу к Полозкову и к членам его Политбюро, а через месяц на утверждение в «большом» Политбюро. А какой, собственно, смысл был в утверждении первых секретарей обкомов? Они ведь были избраны на партийных конференциях своих регионов, и, как правило, на альтернативной основе. За год я не помню случая, чтобы Секретариат не утвердил кого-нибудь, отвел чью-нибудь кандидатуру. Утверждение и раньше носило формальный характер, что уж тут говорить о новых временах, когда руководители партийных комитетов на местах стали меняться с невероятной быстротой. «Может, вместо института утверждения кадров ввести институт их представления?» — предлагали многие.

Немало нареканий вызывал и характер постановлений ЦК. Несоответствие этой формы связи между ЦК и местными партийными комитетами в новых условиях видели не только в регионах. Понимали архаичность постановлений, принимаемых по разным поводам, и в Секретариате ЦК. Время от времени об этом заходил разговор. Иногда даже бралась под сомнение целесообразность принятия общепартийных документов универсального характера. Невозможно в одном документе предусмотреть задачи всех партийных комитетов, действовавших в разных условиях. Как можно, например, сидя в Москве на Старой площади, ставить одинаковые задачи партийным организациям, работающим в республиках Прибалтики и Казахстана, Молдовы и Белоруссии, Армении и Украины? Абсолютно разная специфика. Выпускать постановления по каждой компартии отдельно? Но ведь они самосто-

ятельны. А с другой стороны, ЦК в Москве в этом случае превратится в надсмотрщика, творца инструкций и указаний. Снова заколдованное колесо, и никто не знает, как из него выбраться. И все оставалось по-прежнему — плодились пространнейшие постановления, как в былые времена, когда был сильный центр и ЦК выступал в роли его станового хребта.

Ну не нонсенс ли принимать развернутое постановление о работе партийной организации Харьковского государственного университета? Что поучительного почерпнет из него профессор-коммунист в Вильнюсе или, предположим, в Кишиневе? Условия-то совершенно разные. Я уже говорил, что в Секретариате это понимали. Но все ограничивалось пониманием, не больше. Реформирования стародавней практики не было. Может, потому, что реформаторов в ЦК не находилось?

Ответ на этот вопрос скорее положительный, чем отрицательный. К сожалению, личности, которая сумела бы реформировать привычные методы и формы работы Секретариата, сложившиеся десятки лет назад, когда КПСС была руководящей и направляющей силой в обществе, в последнем составе Секретариата я назвать не могу. Нужен был человек, который нашел бы такую форму работы Секретариата ЦК, которая превратила бы этот коллегиальный орган руководства в орган партийной власти новой генерации. На мой взгляд, заседания Секретариата ЦК, бывшие в прежние времена совершенным инструментом выработки партийной политики по конкретным вопросам, утратили свое значение. Их надо было чем-то заменять, потому что задачи партии с уходом из хозяйственной и управленческой сферы стали иными. Новые политические методы, о которых уже столько сказано, должны были осваиваться прежде всего именно Секретариатом. Но, к сожалению, все оставалось по-старому. А может, на реформирование не хватило смелости.

...Пятого ноября 1991 года в последний раз я открыл двери здания, где отработал шесть лет. После более чем двухмесячного отлучения от работы мне вернули трудовую книжку с записью о том, что я осво-

божден от занимаемой должности в ЦК КПСС с 11 ноября 1991 года. И названа соответствующая статья КЗоТ РСФСР. В течение десяти дней после этого я могу зарегистрироваться в городской или районной бирже труда. Тогда мне еще два месяца могут выплачивать пособие по безработице. Перспектив на трудоустройство — никаких.

Я вышел из здания, хотел еще раз оглянуться на него, и не смог.

Кто-то оставил там, уходя 23 августа, сапоги. Я же оставил там душу.

Глава 8

ВЕДАЛИ ЛИ ОНИ, ЧТО ТВОРЯТ?

Неужели никто из окружения Горбачева ни разу не сказал генсеку о пагубности его курса?

Нашелся один чужак-человек.

Пятнадцатого июня 1989 года заведующий общим отделом ЦК КПСС Болдин передал Горбачеву письмо от В. И. Конотопа, который двадцать лет до выхода в 1985 году на пенсию возглавлял Московскую областную партийную организацию.

«Уважаемый Михаил Сергеевич, уважаемые члены Политбюро ЦК КПСС! — начал читать генсек. — Согласен, что процессы в нашем обществе идут необратимые и сейчас уже поздно об этом говорить, но тем не менее обращаюсь к Вам с вопросом: неужели Вам недостаточно «опыта», например, Польши, чтобы увидеть, куда движется наша страна? Демократизация и гласность в современном виде, к нашему несчастью, воскресила и активизировала сионистов, националистов, бухаринцев и троцкистов, хапуг всех мастей, неофашистов и прочую нечисть. Космополиты, используя почти все средства информации, особенно печать и телевидение, многие учреждения культуры, опутали трудящиеся массы плотной паутиной упадничества, недоверия к партии, полностью предали забвению воспитание у советских людей исконного чувства пат-

риотизма, а Захаров и Карякин, мне стыдно об этом писать, народные депутаты СССР, со своими иезуитскими замыслами уже замахнулись даже на святая святых — Владимира Ильича Ленина. Им и их соратникам уже многое удалось в их «деятельности», и если Вы и на этот раз закроете глаза на эту провокацию, то им и это удастся решить. Пока они официально отповеди не получили, а народ волнуется».

Горбачев досадливо поморщился. Что этому Конотопу надо? Таких писем Болдин раньше не подсовывал. «Наверное, что-то будет просить», — подумал генсек. Иначе с какой стати Болдин решил ознакомить его с этим стариковским брюзжанием?

Преодолевая раздражение, Горбачев читал дальше.

«Как вам известно, получили широкое распространение открытые и злые нападки на армию, административные органы, включая и КГБ. Особенно трагично складывается положение молодых людей. Им настойчиво внушают, что история нашего социалистического государства — это сплошная грязь и что в ней нет ничего человеческого, героического и выдающегося. При этом без совести и чести подтасовываются факты, тщательно замалчивается история развития капстран, которые сотни лет жирели, главным образом, за счет грабежа колониальных и отсталых стран, да и в настоящее время сосут с них непосильные долги, а Россия, вместе с братскими республиками, скорее другим помогала, чем латала свои дыры, в том числе помогала и развитым капиталистическим странам в избавлении их от порабощения гитлеровским фашизмом. Такой гигантской и предательской демагогии мир еще не знал. Нестерпимо видеть и слушать, когда генерального секретаря ЦК КПСС ставят рядом с Сахаровым, который ни одного доброго слова не сказал в адрес КПСС и социализма, а скорее наоборот. Западные воротилы с радостью похлопывают нас по плечу и хвалят на все лады нашу перестройку, довольно потирая руки и, по моему мнению, преждевременно предвкушая уже сейчас, как они за компанию с Польшей проглотят и нас. Конечно, они могут и подавиться, но вместе с ними об этом же мечтают и многие их единомышленники, в том числе и часть народных депутатов

СССР, и в нашей стране. Не случайно Евтушенко на съезде говорил о новой бескровной Отечественной войне. Но он явно ошибается, наш народ легко и добровольно не отдаст свои исторические завоевания».

Горбачев нетерпеливо снял трубку прямой связи с Болдиным:

— Выясни, сколько лет этому Конотопу. У него, наверно, старческий маразм...

«Поверьте, товарищи, у настоящих советских людей, которых сейчас всячески оскорбляют и представляют их как «рабов», не только отбили охоту самоотверженно трудиться, но и нормально жить на этом свете, так как первые годы перестройки принесли им больше горя, чем радостей. Сейчас бушуют межнациональные страсти, а впереди могут быть еще трагичней социальные бури, вызванные усиливающимся расслоением общества и стремительным ростом несправедливости в материальном и моральном положении советских людей. В настоящее время Федоровы и им подобные деятели, нажившие свое благополучие при нашей «негодной системе», много раз повторяют об «умных и деловых» людях, но мне кажется, что самые мудрые люди сейчас живут и работают в ГДР, твердо заявившие о невозможности «соединения огня с водой». У нас же процветает наукообразная, путаная абалкинщина, поддерживаемая конъюнктурщиками от идеологии и философии».

Раздражение генсека росло. Но он решил одолеть письмо до конца.

«Мне представляется, — читал дальше Горбачев, — что мы непростительно рано хороним плановую систему, не совершенствуя ее, а полагаясь на «внекапиталистическую саморегулирующуюся экономику», преждевременно хороним и руководящую роль партии, в первую очередь, ее кадровую политику, полагаясь на мифическое добровольное народовластие без должной дисциплины и строгого порядка. Подстраивать наш «парламент» под буржуазный гиблое дело, там истинную власть повседневно и повсеместно осуществляют «доллар» и толстосумы, которые, обрзано говоря, кого хотят — милуют, кого хотят — казнят. Не случайно в составе народных депутатов

оказалось так много демагогов, а съезд временами был похож на балаган.

Думаю, Вам не трудно представить, с каким волнением и душевной тревогой я Вам писал это письмо, но подсознательно предполагаю, что реакция Ваша будет скорее всего в западном духе — «не будем драматизировать события». У меня складывается такое мнение потому, что у Вас сейчас больше доверия нахальным «Огонькам» и «Взглядам», «Ю. Афанасьевым» и «Г. Поповым», чем скромным людям, которые независимо от ранга и положения всю свою жизнь, в самые тяжелые годы испытания преданно и самоотверженно трудились и служили Родине и народу.

Я был бы счастлив, если бы так думал только я один или ограниченный круг людей моего поколения, но это далеко не так.

С искренним товарищеским приветом В. И. Конотоп».

Замигала красная лампочка на телефонном пульте. Горбачев покосился — Болдин. Генсек снял трубку.

— Михаил Сергеевич, Конотоп шестнадцатого года рождения. Ему семьдесят три, — доложил Болдин.

— Семьдесят три... — повторил Горбачев. — Тогда ясно.

И опустил трубку.

Взял ручку и начертал резолюцию: «Прошу ознакомить членов ПБ, кандидатов в члены ПБ, секретарей ЦК».

Поскольку это письмо попало ему в руки, делать вид, что его не было, нельзя. Пусть все прочтут. Потом обменяемся мнениями.

Письмо Конотопа с резолюцией генсека перекочевало в новейшие времена из архива Политбюро в архив президента России. К сожалению, стенограмма обсуждения письма не найдена.

Впрочем, можно представить характер обмена мнениями. Наверняка все набросились на старика, осмелившегося выступить против курса на перестройку. Аналоги уже были — всем помнились молотилка, которую Горбачев устроил Ельцину на октябрьском Пленуме ЦК 1987 года, трехдневное обличение на Политбюро письма ленинградской преподавательни-

ны Нины Андреевой в газете «Советская Россия». единодушно названном членами горбачевского Политбюро «манифестом антиперестроечных сил».

А выступление Сажы Умалатовой на IV съезде народных депутатов в декабре 1990 года? От него тоже тогда все открестились, хотя она, простая рабочая, тоже увидела, куда ведет страну Горбачев, и не побоялась сказать об этом открыто, во всеуслышание:

— Руководить дальше страной Горбачев не имеет морального права. Нельзя требовать с человека больше, чем он может. Все, что мог, Михаил Сергеевич сделал. Развалил страну, столкнув народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой. Уважаемый Михаил Сергеевич! Народ поверил вам и пошел за вами, но он оказался жестоко обманутым. Вы несете разруху, развал, голод, холод, кровь, гибель невинных людей... Вы должны уйти ради мира и покоя нашей многострадальной страны...

Кроме этих немногих случаев, да еще, пожалуй, эпизода с послом СССР в ПНР В. И. Бровиковым, отозванным в Москву за критику политики перестройки, за все время правления Горбачева никто открыто не высказал несогласия с его курсом. Это уже потом, после бесславной отставки генсека-президента, многие члены высшего руководства вдруг предстали перед нами такими отважными диссидентами.

Хотя нет, был еще один эпизод, когда часть членов ЦК, в основном с периферии, устроила своему генсеку жаркую баню. Но вмешались московские члены Политбюро, и в результате вышел мини-путч, такой же робкий и опереточный, что и у ГКЧП. Случилось это на Пленуме ЦК в апреле 1991 года.

Критика Горбачева со стороны руководителей республиканских и областных партийных организаций была зубодробительной. Требовали одного из двух — или навести порядок в стране, для чего безотлагательно ввести чрезвычайное положение, либо уходить в отставку. Некоторые секретари ЦК компартий республик и обкомов, не боясь последствий, открыто называли политику Горбачева антинародной.

Руководитель Украинской парторганизации С. И. Гуренко потребовал вновь законодательно закре-

пить за КПСС статус правящей партии, восстановить прежнюю систему расстановки руководящих кадров, контроль партии над средствами массовой информации. Его поддержали руководители Московской городской парторганизации Прокофьев, Ленинградской областной — Гидаспов, Белорусской республиканской — Малофеев. Самым жестким было выступление Зайцева из Кузбасса. На нем, двадцать третьем по счету выступавшем, терпение Горбачева лопнуло.

Генсек, с затравленным видом сидевший в президиуме, не выдержал лавины обвинений, обрушившихся на него с трибуны. Двадцать три выступления — и все против него. Побледнев, он встал и произнес:

— Ладно, раз так — я ухожу. Прошу рассмотреть мое заявление об отставке.

Объявили перерыв.

К обидевшемуся генсеку направились его любимчики и начали уговаривать снять сгоряча сделанное заявление об отставке.

— Михаил Сергеевич, дорогой, не покидайте нас. Не обращайтесь внимания — они не ведают, что творят. Злость затмила им разум. Забудьте, что они сказали. Без вас на другой день от них ничего не останется.

Пока одна часть членов ЦК занималась увещеванием капризного генсека, превознося его заслуги и заверяя, что без него все остановится, другая часть начала сбор подписей за снятие заявления Горбачева с обсуждения.

Среди подписавшихся — уйдет Горбачев, уйдем и мы — известные имена. Назарбаев, Вольский, Бакатин, Лацис, Грачев. Всего 72 подписи. 72 члена ЦК КПСС «устыдились» предложения о замене Генерального секретаря.

Закончились закулисные шушуканья. Объявили заседание. Пленум по предложению Политбюро подавляющим большинством голосов (13 против и 14 воздержавшихся из 400 присутствовавших) решил снять с рассмотрения выдвинутое Горбачевым предложение о своей отставке. Притихший, «пристыженный» Пленум фактически униженно попросил Горбачева остаться на своем посту. Генсек милостиво согласился.

Секретари ЦК и обкомов, требовавшие смещения Горбачева и пытавшиеся таким образом спасти пар-

тию и страну, плевались, глядя в сторону кремлевских лизоблюдов, собиравших подписи в защиту генсека. Ведь в канун Пленума двадцать шесть крупнейших парторганизаций краевого и областного уровня открыто выразили недоверие Горбачеву. По сути кипела вся партия! Но когда наступил момент принимать решение, у партийной верхушки затряслись поджилки, заработали инстинктивные номенклатурные тормоза.

Бакатин, критикуя выступление Гуренко и Прокофьева, сказал, что это поиск ведьм и неприятие инакомыслия в понимании социализма.

— Мы имеем дело, — сказал Назарбаев, — с попыткой похоронить идею обновления общества и государства, вернуть нас к командной системе, тоталитарному строю.

Об этой своей роли некоторые члены Политбюро и секретари ЦК, выступившие инициаторами коллективной отставки в случае смещения Горбачева с поста генсека, сегодня предпочитают не вспоминать. Наоборот, они не устают повторять, что видели, куда ведет страну Горбачев.

Оказывается, в корне не согласны были с политикой Горбачева премьер Рыжков, члены Политбюро Воротников, Крючков и Язов, заведующий отделом ЦК Болдин. Правда, об этом они заговорили, лишившись своих должностей.

А когда были в силе, пребывали на кремлевском политическом олимпе, пели осанну любимому Михаилу Сергеевичу, потакая всем его прихотям. На заседаниях Политбюро я не слышал ни одного, даже самого робкого возражения генсеку, никто не осмеливался высказать суждение, отличное от точки зрения Генерального секретаря.

О том, как шло обсуждение судьбоносных вопросов на Политбюро, когда каждому было ясно, что страна катится в пропасть, дают представления вот эти записи.

Они сделаны 27—28 декабря 1988 года на двухдневном заседании Политбюро. Председательствовал Горбачев. Он только что вернулся из поездки в США, где участвовал в работе ООН. Обсуждались меры по практическому обеспечению итогов его визита — воплощению в жизнь пресловутого горбачевского нового мышления.

Документ для истории

Заседание Политбюро ЦК КПСС

27—28 декабря 1988 года

Председательствующий — М. С. Горбачев

Присутствовали: В. И. Воротников, Л. Н. Зайков, Е. К. Лигачев, В. А. Медведев, В. П. Никонов, Н. И. Рыжков, Н. Н. Слюньков, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, А. Н. Яковлев, А. П. Бирюкова, А. В. Власов, А. И. Лукьянов, Ю. Д. Маслюков, Г. П. Разумовский, Ю. Ф. Соловьев, Н. В. Талызин, Д. Т. Язов

Горбачев. Я сразу хочу сказать, что, развивая нашу линию, наши инициативы, мы вышли на очень важный этап в реализации концепции нового мышления. И мне думается, мы действуем в правильном направлении, товарищи. Это прежде всего говорят представители зарубежных стран, представители политических кругов, широких кругов общественности...

Если говорить о том, как разворачивается обсуждение того, что нами внесено на рассмотрение Организации Объединенных Наций, мирового сообщества, то я бы сказал, что это заслуживает самого тщательного внимания, взвешенных и ответственных оценок. То, что мы вышли с такими предложениями, — на них этот мощный фактор действует сильно. Он застал многих врасплох. Мне кажется, что мы очень правильно поступили, что не только продумали содержательную часть, но и тактику реализации задуманного. Мы не стали ждать переговоров, а инициативно пошли. Если бы мы начали излагать это в других условиях, в рамках переговоров, то это, вообще говоря, приняло бы форму обычности. Больше того, это бы затуманивалось всякими вопросами, затяжками, изучением...

Значит, мы взрослеем. Значит, нынешнее руководство набирается больше опыта, действует, хотел сказать, «более изощренно». но это не совсем так, потому что у нас хорошие замыслы. Наша политика не с двойным дном, замыслы у нас открытые...

Мы можем констатировать, что наши инициативы выбили почву из-под ног у тех, кто твердил, и небезуспешно, что новое политическое мышление — это одни слова. Мол, Советскому Союзу еще нужно доказать.

Разговоров, красивых слов много, но еще не убраны ни один танк, ни одна пушка. Поэтому одностороннее сокращение произвело огромное впечатление и, прямо сказать, создало совершенно другой фон для восприятия нашей политики и вообще Советского Союза в целом. Это огромный политический выигрыш в глобальном масштабе. Наша инициатива сочетает в себе и философскую часть, и конкретику.

По мнению многих собеседников, огромную роль в том, что идея, выдвинутая нами, все больше захватывает воображение американцев и людей в других странах, сыграл курс СССР на урегулирование региональных конфликтов. Это, товарищи, тоже сфера реальной политики. Если взять Афганистан, Юго-Восточную Азию, Юг Африки, Ближний Восток — все, что там происходит, делается при самом активном нашем участии в позитивном, конструктивном плане. Это тоже меняет образ Советского Союза в глазах мировой общественности...

Представители политических кругов отмечают, что Советскому Союзу удалось решительно раздвинуть рамки отношений, ранее сводившиеся к переговорам об ограничении вооружений. Наш фронт как бы развернулся. Это видно. Это мы должны констатировать без всякой эйфории для того, чтобы реально оценить ситуацию.

Столь впечатляющие позитивные сдвиги вызвали среди консервативной части политической элиты США, да и не только США, обеспокоенность, озабоченность и даже страх. Есть это и у Тэтчер. Отсюда рассуждения другого плана, смысл которых — снизить ожидания, посеять сомнения, даже подозрения. За всем этим скрывается замысел остановить процесс размыывания, разрушения фундамента «холодной войны». Вот о чем идет речь. Мы же хотим и предлагаем построить новый мир, новые отношения. Но их надо строить на другом фундаменте. Для этого надо разрушить старый фундамент. Тех, кто противится этому, меньше, но это очень влиятельные круги.

По закрытой информации, которая к нам приходит, они прямо говорят: мы не можем позволить, чтобы Советский Союз перехватил инициативу и вел за собой весь мир...

Если вы вспомните предвыборную кампанию в США, то международные вопросы здесь практически не присутствовали. По-моему, это делалось для того, чтобы, так сказать, сохранить монолитность перед Советским Союзом, перед миром. А сейчас мы видим, как разворачивается серьезнейшая дискуссия на всех уровнях — на политическом, научном, общественном и т. д. Дискуссия по принципиальным вопросам внешней политики. И это хорошо, товарищи. Это тоже большое достижение.

Какие здесь рассуждения, изыскания, в каком направлении они идут? В повестке дня дискуссии оказался вопрос, почему произошли эти сдвиги, почему идет к концу «холодная война». Я думаю, мы в какой-то мере ответили на этот вопрос и поэтому смогли выстроить свою политику. Вместе с тем я должен сказать, что надо продолжать дальше работать для того, чтобы получить полный ответ. Дело ведь не только в нас, а в мире. Ничего бы не получилось с нашим новым мышлением, если бы оно не упало на подготовленную почву. Значит, эти настроения, которые охватывают все континенты и которые отличаются большим разнообразием, нам надо анализировать постоянно. Ответ на этот вопрос имеет огромное политическое значение.

Какую политику США будут по отношению к нам проводить? Тут несколько версий очень интересных и серьезных. Они заслуживают того, чтобы мы продолжали нашу интеллектуальную деятельность, не останавливались в нашей работе в этом отношении.

Вот одна из версий: изменение политики СССР имеет своей причиной глубокий кризис коммунизма и социализма, и то, что сейчас происходит в социалистическом мире и в Советском Союзе, якобы представляет собой отход от этих идей. То есть мы демонтируем через свою перестройку социализм и отказываемся от коммунистических целей. Эта версия используется для того, чтобы обесценить наши мирные инициативы. Мол, это вынужденные шаги, им деваться некуда. Что же, тут, вообще говоря, есть некоторая доля реализма, но все-таки не в той мере. Не то мы имели в виду, когда выработывали свою политику. Мы учитывали, конечно, и внутренние потребности.

На базе этой версии делается вывод, что Соединенным Штатам не надо ничего предпринимать со своей стороны для закрепления позитивных сдвигов в международных отношениях. Советскому Союзу, мол, все равно деваться некуда, как и другим соцстранам. Он будет шаг за шагом сдавать свои позиции. Это серьезно, товарищи. «Вашингтон таймс» об этом пишет. И «Фонд наследия» уже для будущей администрации Буша рекомендации в этом духе дает.

А вот точка зрения либеральных кругов: СССР не отказывается от социализма, а спасает его, как в свое время с помощью нового курса президент Рузвельт спасал американский капитализм. Они напоминают при этом, что капитализм не раз, решая свои проблемы, заимствовал социалистические идеи планирования, государственного регулирования, программы социального обеспечения, построенного на принципе большей социальной справедливости. То есть они не хотят позволить правым сыграть на этой версии и обесценить наши мирные инициативы.

И еще интересный аргумент либералов: Советский Союз в эпоху перестройки демонстрирует образец строгого анализа, самокритики, на которую никак не решится капитализм, и прежде всего американский. Вы, наверное, обратили внимание, что «Вашингтон пост» в декабре напечатала на эту тему статью под заголовком «Сверхдержава и самокритика», где подбрасывает тему о том, что пора бы и американцам заняться самокритикой, что у них своих проблем не меньше, чем у нас.

Короче говоря, на этом сейчас построена значительная часть дискуссий в Америке. Идут заседания в научных кругах — открытые, закрытые. Даже либералы из США говорят: важно не позволить правым деятелям использовать некоторые непродуманные выступления в советской печати как свидетельство отказа СССР от социализма, обращения к капиталистическим ценностям и идеалам. Даже там поняли. Скоро, наверное, и у нас поймет кое-кто. Вадим Андреевич, это пища для размышления.

Медведев. И не только для размышления.

Горбачев. Такой разговор мы с тобой уже имели. В общем, как вы понимаете, в поисках причин перемен

нашей политики на первом плане присутствует изучение вопроса о причинах перестройки и будущем СССР: произойдет ли отход СССР от социализма.

Если эта версия возобладает, то это очень серьезно скажется на политике. Кстати, элементы этой концепции присутствуют в рассуждениях Буша. Они как бы передаются от Рейгана Бушу. Надо сказать, что это и в Западной Европе присутствует: дескать, при Рейгане Соединенные Штаты нарастили военный потенциал, активизировали помощь борцам за свободу в разных регионах и тем самым убедили Советский Союз в бесперспективности экспансионистской политики. Некоторые европейцы тоже хотят видеть источник изменения в советской политике в американской силе.

Пожалуй, это наиболее сильное направление. По сути, это близко к официальной точке зрения. И вред ее очевиден, поскольку если она утвердится и будет положена в основу политики будущей администрации, то она увеличит гонку вооружений и военное вмешательство США в других странах. Я сейчас очень внимательно слежу за этими делами. Переговорный процесс в Женеве по ядерным вооружениям — это сложный процесс. Потребуется время для того, чтобы новой команде в него включиться. Интерес к 50-процентному сокращению стратегических вооружений меняется, по моему. По крайней мере, последние сведения (по закрытым каналам пришли) такие, что больше интерес проявляется к химическому разоружению и к другим...

Теперь нам надо работать над нашей аргументацией дальше. И не только над аргументацией. Надо выработать долговременный план практических действий реализации выдвинутой концепции. На этот счет на Политбюро представлены соображения отделов ЦК, МИДа, Министерства обороны, Комитета госбезопасности. Они дают программу действий на ближайшее и отдаленное будущее. Может быть, это еще первый документ. Надо основательно нам самим обдумать все хорошенько. Это что касается непосредственно наших инициатив, реакции на них.

Из всего, что обсуждалось в дни пребывания в Нью-Йорке, главным был вопрос о будущем перестройки. И я это хочу особо подчеркнуть на Политбюро. Не произойдет ли поворота назад? Кстати сказать,

это предмет особо активных спекуляций крайне правых. Если брать весь спектр мнений по этому вопросу и в американской, и в западноевропейской прессе, в заявлениях, то, пожалуй, позитивные голоса в пользу перестройки все-таки перевешивают. А вот если вы проанализируете содержание радиоперехвата на языках нашей страны по всем радиоголосам, то тут делается явный акцент на трудностях перестройки, на осложнении процесса перестройки в экономике, в межнациональных отношениях, в развитии процесса демократизации и гласности и т. д.

Находясь вынужденно в изоляции, я постарался двенадцать дней изо дня в день анализировать и систематизировать материалы на этот счет и дать им оценку. Советским людям вдалбливается, что перестройка сдает, буксует, что она ничего не дала людям, что в руководстве, в партии разлад, в стране дело идет к хаосу. За что бы сейчас ни взялось руководство, оно так или иначе попадает в ловушку. Да и судьба нынешнего руководства на волоске. Если уж прямо говорить, толкуют, что Горбачев доживает свои дни. По самым оптимистическим прогнозам, мне дают год-полтора. Так, Владимир Александрович?

Крючков (председатель КГБ СССР). Говорят по-разному.

Горбачев. Тебе не хочется высказываться. Это все так. Я не скажу, товарищи, что это нас сильно удивляет. Не хочу впадать в излишнее бодрчество, но раз они недовольны, раз они пытаются такие прогнозы делать — значит, они боятся нашей перестройки. Но из этого не вытекает, что у нас проблем нет и все хорошо. Я думаю, что мы своей головой должны все понять, как оно есть. Все-таки главное — это наша перестройка. Вот, товарищи, ключ ко всему. Это решающий фактор мирового процесса на нынешнем этапе.

Вот вчера сидим с Мисом (председатель правительства. — *Н. З.*). Он говорит: «Советский Союз — это симпатии, это нарастание симпатий. Вообще, то, что происходит, трудно даже было сначала объяснить». Правда, он там начинает и другое говорить.

Конечно, еще рано делать серьезные выводы о политике будущей администрации, но вот что можно сказать, опираясь на контакты и кое-какую инфор-

мацию. Во-первых, трудно ожидать, что она пойдет на обострение отношений с СССР или ввяжется в какую-то международную авантюру, способную их серьезно испортить. Кажется, для такой констатации есть основания, и веские. Но с другой стороны, товарищи, по-моему, совершенно определенно мы должны сказать, что администрация не готова к новому серьезному повороту отношений с СССР, который бы соответствовал шагам, предпринятым нашей стороной. Во всяком случае, на сегодня это выглядит так. Поэтому они говорят: будем осторожными, не будем торопиться.

Правда, в последний момент, когда удалось оторваться от Рейгана, я сказал Бушу об этой нерешительности. Он сразу сказал: вы должны понять мою позицию. Я не мог в силу американской традиции вылезать на первый план, пока не состоялась передача власти. Тут мне все ясно, вопросов никаких нет. У нас будет понимание. И он заверил — преемственность будет. Он считает, что следует наращивать достигнутое и вносить свой вклад.

Все, что пришло к нам по разным каналам, говорит о том, что с их стороны будут добавлены усилия в целях развития наших отношений.

Мы должны знать, что Буш очень осторожный политик. Как говорят, «природная осторожность» Буша — его отличительный признак. Все это в нем заложено. Это мы должны видеть. Что может заставить Буша действовать? Только потеря авторитета администрации. Значит, нам нужны обстоятельства, которые мы сейчас создали своими инициативами, укреплять и двигать этот процесс.

Настроения нынешней администрации больше всего отвечают центристским настроениям в политических кругах США. И сам Буш прямо говорит: я — центрист. Большинство из тех, кто сегодня оказывается в команде Буша, это люди, которых в Америке называют традиционалистами. Люди, воспитанные в годы «холодной войны» и пока еще не имеющие какой-либо внешнеполитической альтернативы традиционному послевоенному курсу Соединенных Штатов со всеми его колебаниями вправо, влево и даже с авантюрами. Это мы должны понимать. И многое тут

будет зависеть от того, как мы будем действовать. Я думаю, что там пока беспокоятся, чтобы просто не оказаться в проигрыше — больше ничего. Больших прорывов трудно ожидать. От нас потребуется умная политика.

Вот Арбатов поделился своими соображениями. Они вдруг подбрасывают такую вещь: мол, мы сейчас пока не готовы, пока еще подождем, посмотрим. В общем, потянут время, хотят сбить эту волну, которая порождена нашими инициативами. Им на это было сказано, что, конечно, можно подождать, потому что у нас много работы по новым направлениям — европейскому, азиатскому, латиноамериканскому. Тогда они заявляют: да нет, вы неправильно нас поняли.

В общем, надо иметь хорошо продуманную, динамичную, практическую политику. Не позволить будущей администрации взять такой затяжной тайм-аут и сбить темп нашего политического наступления. Это мы должны иметь в виду.

До нас довели, что они заинтересованы, чтобы Бейкер побыстрее встретился с Шеварднадзе. Это надо приветствовать, но не забывать двигать и другие направления. Тогда они увидят, что отстают.

Вот прочитал бумаги Эдуарда Амвросиевича по Японии. Япония увидела, что процесс у нас пошел и с Китаем, и с Америкой, и с Западной Европой. Она — экономический гигант, но остается в стороне от большой политики. Это ее задевает. И США будет задевать, если они почувствуют, что без них что-то делается. У нас есть сильные ходы. Мы должны усилить нашу наступательность на других направлениях, о которых я говорил.

Мне думается, что общий итог такой: мы сделали крупный, мощный шаг, он вызвал в мире новую волну, которая наносит удары по бастионам «холодной войны», открывает широкую дорогу для наращивания нашей внешней политики в духе нового мышления. В то же время это требует переосмысления деятельности всех наших внешнеполитических институтов, прямо скажем, и Политбюро, и правительства. Это большая работа.

Вот что я хотел сказать. Наверное, я так много говорил, что вам ничего не осталось. Но есть и такое,

что можно добавить. Я не думаю, что сейчас надо обсуждение открывать. Но если есть какие-то дополнения, соображения, замечания по документам, то я прошу взять слово.

Рыжков. Я думаю, что сделан крупнейший политический шаг. Его трудно даже переоценить. Если рассматривать нашу внешнюю политику на протяжении двух-трех лет, то это как раз является логическим продолжением предыдущих шагов, которые начинались в январе 1986 года.

Действительно, мы в какой-то степени больше стали размышлять и чувствовать реальную обстановку, которая необходима для оздоровления мирового климата, да и для решения внутренних проблем нашего государства.

Поэтому, Михаил Сергеевич, мы целиком поддерживаем то, что сделано. Была осуществлена большая подготовительная аналитическая работа в этом кабинете. Многие из присутствующих в этом участвовали. Это не какие-то спонтанные предложения. Это глубоко взвешенные, реалистичные предложения. Они, как мы разбирались, не влияют на нашу обороноспособность. Наоборот, в какой-то степени это заставит нас по-другому подойти к структуре вооруженных сил, к системе подготовки военных кадров. Это очень сильный, мощный шаг, который поставил нашу страну в совершенно другое состояние в мировом сообществе.

Все-таки за эти два с лишним года облик страны изменился. Шаг за шагом мы становимся в глазах мирового сообщества другой страной. Мы показываем, что такое социализм в новом понимании. Здесь уже упоминали о беспрецедентном отношении к бедствию, которое произошло в Армении. Мы, сидящие вместе за этим столом, пережили Чернобыль. Мы помним, какое отношение к нашей стране было тогда. Ведь мы ни одного доброго слова не получили, ни одного. Это я точно помню, да и все товарищи помнят. Не говоря о том, что мы ни одной копейки не получили для пострадавших, нам даже сочувствия практически не выразили. Нас хлестали налево, направо, как только могли. И не потому, что мы задержались с информацией (мы потом анализировали — другие не меньше нас думали, прежде чем давать информацию), а пото-

му, что многое непонятно было. За это время совершенно изменилась вся ситуация вокруг нашей страны.

Я думаю, что мы предприняли чрезвычайно правильные шаги. Нам нельзя было проводить дальше политику, которую мы проводили. Нельзя было десятилетиями гнать вооружение за счет уровня жизни нашего народа. Это недопустимо дальше. Продолжение старой политики не сулило никаких перспектив в улучшении жизни населения. Поэтому шаг этот, на мой взгляд, — исторический. Он войдет в историю.

Конечно, политиканствующие круги будут стремиться зарабатывать очки на этом деле, в том числе и нас будут критиковать. Надо реально смотреть на эти вещи. Но все равно мировое сообщество, на мой взгляд, воздаст нам должное.

Правильно вы говорили, Михаил Сергеевич: если бы эти предложения мы ввели в какие-то переговорные каналы, все это растворилось бы в дискуссиях, и такого политического резонанса в мире не было.

Горбачев. Правые американцы говорят, что Горбачев внес эти предложения прямо с трибуны ООН. Советское руководство не сочло нужным предварительно поставить нас в известность. Это свидетельствует о коварстве советского руководства.

Рыжков. Я думаю, это говорит о мудрости и ответственности советского руководства. Они не ждали такого. Что им оставалось делать? С точки зрения экономической ситуации мы все больше и больше убеждаемся, что без этого нам не выйти на определенный уровень благосостояния. С этих позиций мы также сделали очень большое дело. В эти дни пришлось контактировать в Ереване с некоторыми общественными деятелями — от представителя Генерального секретаря ООН до матери Терезы. Все в один голос говорят, что мы даже не представляем, какой наплыв моральных чувств это все вызвало к нашей стране. Чтобы такой отклик произошел в мире, — это не бывало.

Горбачев. Я получил от матери Терезы поразительное письмо.

Рыжков. Она довольно умная женщина, трезво рассуждает. Они все говорят, что это результат нового политического мышления советского руководства, которое создало новый облик Советского Союза.

И второе. Конечно, на всех произвело большое впечатление, что была прекращена международная поездка Генерального секретаря и что в тот же день он вылетел на Родину, чтобы быть дома во время этой трагедии. Они намекают, даже не намекают, а прямо говорят, что в результате этой беды Советский Союз включился в гуманные отношения. То есть вы видели, как весь мир отреагировал на вашу беду. Соответственно и вы должны изменить отношение к другим. Конечно, нам, Михаил Сергеевич, нужно пересмотреть некоторые позиции. Видимо, пройдет немного острота, надо подумать.

Горбачев. Об отношении к ряду организаций?

Рыжков. Конечно. Это Красный Крест, это всевозможные наши общества. В отношении критики, Михаил Сергеевич, она была и будет, никуда мы от нее не денемся. Единственное — о тезисе «отхода от социализма». Надо как-то, Вадим Андреевич, органам массовой пропаганды больше проводить эту линию. Надо, по-видимому, сказать, от чего мы отходим и к чему мы приходим. Ведь мы не от социализма, а от извращения социализма отходим. Я думаю, тут надо проводить целенаправленную линию, в том числе среди нашего населения. Сейчас все эти глушения прекратились, все имеют возможность спокойно слушать всевозможные передачи. Но надо очень умно показывать, где мы отходим от чего-то, а где мы стоим очень твердо. Я думаю, это надо очень серьезно обдумать.

Михаил Сергеевич, еще один вопрос. В отношении решения. Мы его получили недавно. Мы бы просили несколько дней, чтобы посмотреть и все тщательно взвесить. Здесь очень категорические записи, что надо в Международный валютный фонд вступать. У нас недавно принята концепция, где мягче все записано. Постепенность какая-то должна быть. Здесь ведь как? Вступить-то можно, но тогда и себя вывернуть наизнанку.

Горбачев. Помимо того, что надо семь миллиардов дать.

Рыжков. Потом надо будет принимать решения, которые они будут нам диктовать: как обеспечивать жизненный уровень населения, какие цены поднимать, какие уменьшать. Я думаю, надо еще раз все тщатель-

но взвесить. Я не говорю, что это не надо делать, но, по-видимому, не так быстро, как здесь написано. И в заключение предлагаю одобрить деятельность, которую Михаил Сергеевич вел там. Прделана огромнейшая работа, огромнейшая. Я думаю, что ей надо дать самую высокую оценку.

Горбачев. То, что произошло в Нью-Йорке, я вам скажу, это нечто поразительное, небывалое. Как реагировали ньюйоркцы — я об этом хочу сказать. Ньюйоркцы — народ избалованный всякими королями, визитами. Их ничем не удивишь. На десятки километров люди шпалерами. Мы ехали по Бродвею ночью с какого-то мероприятия. Служба безопасности решила: поедем там, где не ожидают, расставили посты в одном направлении, а поехали в другом. Удивительно, товарищи, какая реакция была в народе. Не так просто это все. Правда, один говорил: имейте в виду, настроение людей легко повернуть и туда, и сюда. Сам факт, вообще говоря, поразительный. Поразительный просто. Реакция, как у наших людей. Эдуард Амвросиевич, ты хотел сказать?

Шеварднадзе. Я присоединяюсь к вашему анализу. Как непосредственный участник этого очень большого, важного, исторического события, хотел бы сказать несколько слов. Это событие имеет огромное значение. Оно никого не оставило равнодушным. Это общее мнение — старожилков и относительно новых людей, которые работают в системе Организации Объединенных Наций. Такого выступления с точки зрения масштабности и глубины, новизны и реальности, философского, концептуального осмысления мира эта организация не помнит. Об этом говорили и писали очень авторитетные люди.

Все понимают, что это плоды долгих размышлений. Именно в таком плане высказалась Тэтчер, когда она ознакомилась с вашим выступлением.

Многие считают, что открываются идеальные возможности, идеальная перспектива для выхода цивилизации в новый, мирный период ее развития. Я думаю, вы правильно говорили, Михаил Сергеевич, о том, что момент был выбран очень удачно. Прежде всего в том смысле, что американский народ, жители Нью-Йорка с рождения восприимчивые к большой политике. И не

только в Америке, но и в других странах Европы, Азии политика стала очень популярной. Люди понимают, что без политики не решишь проблему выживания, проблему спасения, без политики невозможно решать проблемы, которые накапливались десятилетиями в области экологии, экономики и т. д.

Политика — главное средство решения всех вопросов. Без политики невозможно решать проблемы прекращения гонки вооружений, сохранения космоса мирным и т. д. В этом отношении действительно произошло удивительное совпадение: с одной стороны, готовность советского руководителя изложить совершенно реалистическую научно-философскую программу решения этих вопросов, а с другой стороны, соответствующая подготовленность общества, в том числе и той аудитории, перед которой вам пришлось выступать.

Я думаю, это очень важный момент. И в этом, наверно, заключается причина успеха всех предложений, которые были высказаны вами с трибуны Генеральной Ассамблеи.

Я думаю, очень сильно поработает ваше выступление и в интересах перестройки. Я имею в виду международные аспекты, внутренние аспекты и т. д. Я не знаю, есть ли люди, которые остались равнодушными. Даже те, кто были экстремистски настроены и мучили воду в определенном смысле, и те, по-моему, начинают осмысливать и определять свою позицию в перестройке, поскольку понимают, что сегодня в мировых делах именно Советский Союз задает тон, определяет содержание, характер мировой политики.

Мне кажется, очень сильно прозвучал на весь мир весь комплекс предложений, которые были посвящены проблемам большой политики — военно-политическим, экономическим, экологическим, гуманитарным аспектам. И очень важно, что важнейшая часть выступления — философско-концептуальная часть — очень сильно подкреплялась конкретными практическими предложениями, готовностью Советского Союза действовать именно в практическом плане. Все это имеет огромное значение.

Задачи, которые сейчас стоят перед нами, заключаются в том, чтобы теоретически осмыслить все, что

вытекает из выступления на Генеральной Ассамблее. Это не так просто. Вопросы нового политического мышления, вопросы приоритета общечеловеческого, соотношения национального и общечеловеческого и т. д. Все это в принципиальном плане решено, но требует очень серьезного, углубленного изучения именно на современном уровне.

Горбачев. Кое-где воспринимается так, что вроде мы сами сдаем позиции.

Шеварднадзе. Это тоже есть, но это, наверное, уже наши недостатки. Здесь мы недостаточно настойчиво, недостаточно аргументированно разъясняем суть и содержание нового политического мышления.

Вот вы вспомнили о Нью-Йорке. Я почему сказал, Михаил Сергеевич, что люди созрели сегодня для большой политики? Я тоже ничего подобного не видел. Даже у наших друзей ничего подобного не видел. Мне говорили очень авторитетные люди, которые относятся к нам с известным доверием, что руководство города предпринимало меры для того, чтобы создать настроение известной обеспокоенности, неуютности, что ли, в связи с прибытием Генерального секретаря. Несколько раз передавали, что такие-то улицы будут закрыты.

Горбачев. В первые дни жители были оповещены по всем телеканалам, что мы сорвали нормальное движение.

Шеварднадзе. Остановили частный транспорт. А это для Нью-Йорка вопрос самый серьезный. И в этих передачах не было ничего такого, что говорило бы о поддержке, понимании и т. д. А когда состоялось выступление — это было стихийное стечение народа 10-миллионного города, если взять только центр. Ничего подобного не видели.

Горбачев. Кто хорошо работал и честно — это полиция. Она действовала решительно.

Шеварднадзе. Михаил Сергеевич, я с вами согласен, нынешняя администрация будет более осторожной, более предусмотрительной, может, более трусливой. Но мне кажется, что все, что сделано за последние годы в области нормализации советско-американских отношений, — это уже стало достоянием американцев. Вот самые последние результаты опроса обществен-

ного мнения: свыше 80 процентов за рейгановскую политику с точки зрения нормализации советско-американских отношений. Поэтому и нынешняя администрация будет вынуждена проводить политику дальнейшего углубления и расширения сотрудничества с нами. Может быть, им требуется какое-то время, чтобы осмыслить все еще раз. Я не исключаю, что они сейчас серьезно осмысливают проблемы космоса. Ведь сразу менять политику в отношении космоса не так просто. Надо заменить министра обороны — тоже непростой вопрос. Придет человек с новым мировоззрением, новыми взглядами. Мы должны ожидать более осторожного подхода со стороны нынешней администрации. Самое главное, как вы правильно сказали, Михаил Сергеевич, нам надо иметь задел, обеспечить активную работу по всем направлениям — по химическому оружию, стратегическим наступательным вооружениям, по гуманитарным проблемам. У нас никогда не было такой обстановки, такой ситуации. Действительно, мы по гуманитарным вопросам вышли на самые передовые позиции. Трудно приходится, я это понимаю, но очень много мы выиграли с точки зрения формирования облика нашей страны.

Тут представлен проект постановления. Конечно, я не считаю, что это окончательный вариант. Придется еще поработать. Допустим, поручение по МВФ. Речь идет о том, чтобы разработать мероприятия и внести соответствующие предложения по всем принципиальным вопросам. Тут затронут очень большой комплекс вопросов, который требует серьезного внимания.

Неверно, что записку не согласовывали с Министерством обороны. Известны причины: товарищей не было на месте, на месте был товарищ Лобов, и с ним все вопросы, все пункты согласованы. К нему ходили, визировали и так далее. Но дело не в этом. Это не самое главное. Вот чего я боюсь. Что предлагается, например, в докладе Министерства обороны? Данные в Верховный Совет представлять только после их рассмотрения Советом Обороны и на Политбюро и так далее. Надо ли делать так, когда мы готовимся к новому Верховному Совету с его новым статусом, новыми правами, новым содержанием, новой формой работы? Я считаю, что этого не следовало бы делать.

Вызывает очень серьезные возражения предложение о том, чтобы в Верховный Совет представлялась информация лишь об основных направлениях военного строительства, а не о планах такого строительства, как это предусмотрено в проекте. Результатом будут отсутствие какой-либо конкретики в обсуждении этого вопроса в Верховном Совете и те же самые негативные последствия, о которых мы говорили. Конкретные планы по-прежнему будут приниматься и осуществляться в закрытом порядке без Верховного Совета. Наверное, этого не надо допускать. Совершенно не ясно, как Верховный Совет, не имея информации о конкретных планах, сможет серьезно рассматривать и утверждать расходы на оборону. Это тоже вопрос очень серьезный. Непонятно возражение против тех положений проекта постановления, где речь идет о представлении плана графика вывода наших войск с территории союзников и их обсуждение с друзьями.

Насколько известно, на заседании Комитета министров обороны конкретные сроки вывода не обсуждались. Мы должны иметь такие планы, согласовать их с союзниками и объявить открыто, чтобы все знали о нашем твердом намерении последовательно, целенаправленно и упорядоченно осуществлять сказанное в Организации Объединенных Наций. Иначе, если все будет решаться так, как об этом товарищи пишут, — в рабочем порядке, мы подставимся под обвинение в попытке спустить на тормозах вывод и переформирование, сделать все не так, как об этом говорилось с трибуны Генеральной Ассамблеи.

Следующий момент прямо противоречит сказанному с трибуны сессии и положению записки. Я имею в виду формулировку Министерства обороны о том, чтобы остающимся после сокращения на территории соцстран силам придавалась бóльшая, я подчеркиваю, бóльшая оборонительная направленность. Это вроде слова, но они имеют принципиальное значение. Товарищ Горбачев говорил о придании этим силам иной, однозначно оборонительной структуры. Разница большая и важная. Нас будут ловить, так сказать, на каждом шагу. Теперь же нам предлагается говорить не о структуре, а о какой-то абстрактной направленности. За этой разницей в словах неизбежно будут стоять

различные методы реализации заявления Генерального секретаря. На практике мы должны делать так, как было сказано с трибуны ООН, чтобы дела не расходились со словами.

Нельзя согласиться и с тем, как трактуются в записке Министерства обороны вопросы гласности и открытости, которые имеют сегодня принципиально важное, важнейшее значение. При осуществлении наших односторонних шагов гласность и открытость должны быть, на мой взгляд, максимальными. Иначе не только не будет должного эффекта, но, мне кажется, политика окажется в пропагандистском проигрыше. Наши оппоненты не замедлят этим воспользоваться, чтобы посеять сомнения в том, что заявленные нами шаги осуществляются не полностью.

Предлагается не максимальная, а допустимая открытость. Что это такое — допустимая открытость, не понятно. Еще более важно, что даже допустимая гласность и открытость предлагается лишь применительно к выводу наших войск с территории союзников.

К мерам же по сокращению на нашей территории, очевидно, никакая гласность не допускается. Это тоже, наверное, неправильно.

И в целом нужно сделать вывод, что предлагаемые в записке поправки, в частности, к военно-политическому разделу, направлены на недопущение настоящей гласности и открытости. Я все же считаю, что эти вопросы имеют большое значение.

И в заключение, Михаил Сергеевич, несколько слов. Вы говорили об отдельных информациях. Информации идут со всех концов: сколько продержится нынешнее советское руководство, сколько отпущено одним, другим, третьим, о разногласиях и т. д. Знаете, Михаил Сергеевич, я об этом думал в Нью-Йорке...

Горбачев. По крайней мере превалирует мнение, что в советском руководстве создана команда, которой в Советском Союзе еще не было. И что удивительно, если вы посмотрите, что идет в их прессе, то все-таки преобладает позитив. А по радиопередачам на нашу страну — все взорвать.

Шеварднадзе. Михаил Сергеевич, они хотят заставить нас нервничать. А так серьезные люди, серьезные политики. Даже самые критически настроенные, с ко-

торами я встречался неоднократно, не допускают мысли о том, что здесь может быть что-то.

Горбачев. Вчера Мэтлок утром просился к Яковлеву и приехал. Послушал он передачу из Ленинграда, инспирированную товарищем Соловьевым. Во время передачи выступил и председатель Управления КГБ, который сказал, что надо иметь в виду происки империалистических разведок и их подрывную деятельность против перестройки. Вот Мэтлок и говорит: «Я имею специальное поручение от руководства и нынешнего, и будущего заявить, что мы за перестройку».

Шеварднадзе. Знаете, иногда мы сами раздуваем некоторые зарубежные авторитеты. Вот вычитали обзор этого Киссинджера. Посмотрите, что после вашего выступления осталось от этой теории.

Горбачев. Ничего не осталось.

Шеварднадзе. Еще один сказал, второй, третий, но не надо принимать это за чуть ли не абсолютную истину. Я думаю, что надо серьезнее к этому относиться.

Горбачев. Мы привыкли, что у нас если кто-то выступает, то он обязательно высказывает официальную точку зрения. А там просто болтают, понимаете ли. Когда подошел Киссинджер, я ему говорю: «Приветствую моего постоянного критика». Он говорит: «Господин Генеральный секретарь, откуда у вас такое мнение? Как только мы с вами встретимся, так вы мне об этом говорите». А я говорю: «Разве неправильно?» Он говорит: «Нет, неправильно. Я вам хочу сказать, что я полностью разделяю вашу концепцию, философию того, что вы сегодня сказали. Полностью разделяю. Я не согласен только с рядом конкретных подходов». Я тебя записываю, Вадим Андреевич, для выступления.

Медведев. Я считаю, что выступление Михаила Сергеевича на Генеральной Ассамблее — это действительно крупнейший акт в области внешней политики и международных отношений, имеющий поворотное значение.

Возникают ассоциации с вашим Заявлением от 15 января 1986 года. Это выступление является, конечно, и продолжением, но одновременно стало и очень мощным развитием той акции. Оно выводит все вопросы

на более широкий, философский и социологический горизонт в смысле понимания процессов, происходящих в современном мире.

А с другой стороны, оно отличается от Заявления тем, что многие принципиальные вопросы выводятся в плоскость практического решения, в том числе разоруженческие. Все это вместе является серьезным вкладом в наше новое политическое мышление, что, безусловно, окажет большое и сильное влияние на ход дальнейшего развития мировых событий. Судя по тому, что мы слышали, отклики совершенно беспрецедентные.

То, что случилось и из-за чего пришлось прервать поездку, — это трагедия. К сожалению, приходится констатировать, что не удалось осуществить дальнейшие шаги в этой поездке. Но вместе с тем здесь есть и нечто положительное. То, что затем последовало — реакция в мире на нашу беду, наше отношение к этой реакции, — явилось наглядной иллюстрацией того, о чем говорилось в вашем выступлении в ООН. Это демонстрация нового подхода, открытости, искреннее стремление к международному сотрудничеству по самым разным вопросам.

Конечно, Михаил Сергеевич, в какой-то мере армянская трагедия несколько потеснила тему вашего выступления. Но я думаю, что продолжение обсуждения идет, и оно является довольно весомым. И все же, мне кажется, надо продумать серию крупных мероприятий, крупных акций пропагандистского характера, которые могли бы в полной мере соответствовать уровню постановки вопросов и раскрытию их содержания. Может быть (я, правда, ни с кем не советовался по этому вопросу), организовать какую-то очень крупную, на высоком уровне пресс-конференцию, в которой можно было бы обобщить реакцию и внутренней, и международной общественности, прокомментировать ее. Затем ваше предвыборное выступление и других руководителей, доклад на I Съезде народных депутатов, то есть выстроить какую-то цепочку узловых мероприятий, в которых эта работа могла бы быть продолжена.

И второе, о чем я хотел сказать, — это взаимосвязь внутренних и международных аспектов перестройки.

Конечно, воздействие вашего выступления на внутреннюю аудиторию исключительно велико. Это подтверждается материалами проходящих отчетно-выборных конференций в краях и областях, это чувствуется во всем. Мне кажется, что здесь очень важна не только принципиальная постановка вопроса, но и выход на практические проблемы конверсии, на извлечение максимального эффекта из сокращения вооружений и Вооруженных Сил для нашего внутреннего развития. К сожалению, проблемой конверсии мы занимались очень плохо. Практически вообще не занимались. И в этом отношении отстали от западных разработок в этом деле. Я думаю, и западными разработками в той мере, в какой они доступны, надо постараться воспользоваться и широко развернуть эту работу с привлечением ученых, чтобы действительно разработать четкую и ясную программу, рассчитанную на получение быстрейшего и наибольшего эффекта.

В этом плане я хотел бы высказать одно практическое предложение. Оно касается реализации результатов сокращения Вооруженных Сил, которых мы можем достичь в максимально короткие сроки или сбить один из острых политических вопросов. Это вопрос военного призыва студентов вузов и техникумов и вопрос воинского их обучения. В Казани снова пришлось с этим столкнуться — в университете, да и в ходе самой конференции были выступления на эту тему. Мне кажется, что пора этот вопрос рассмотреть и кардинально решить с учетом открывающихся возможностей и с учетом анализа и эффективности тех видов военного обучения, которые проводятся в вузах. Надо непредвзято это проанализировать. Я думаю, мы можем открыть для себя здесь многие неожиданные выводы...

Горбачев. Когда мы обсуждали это на Совете Обороны и даже на Политбюро рассматривали, у нас шла речь о сокращении войск на пятьсот тысяч. Потом для того, чтобы решить вопрос о студентах, сказали: добавьте к этим пятистам еще сто тысяч человек, чтобы снять проблему призыва студентов, но говорить везде только о пятистах тысячах. Они относятся непосредственно к армии, а сто тысяч — это строительные войска. Эдуарду Амвросиевичу хотелось бы назвать

цифру 600 тысяч, а я ему говорю — нет, потому что дальше, когда мы начнем сопоставлять численность войск, то нас все время будут тыкать, что вот эти войска строительные, а мы будем доказывать, что нет. Поэтому официально мы говорим о 500 тысячах. А сто тысяч строителей, Дмитрий Тимофеевич, использовать для решения проблемы студентов.

Язов. Еще 65 тысяч призываем. Надо принимать решение. Но это при условии, что после окончания института те, кто закончили, будут служить полтора года или год.

Горбачев. Это при условии, которое мы еще обсудим. После окончания войны все изучали военное дело. Я был в Рязанском училище два раза, в школе полковых младших командиров практику проходил по месяцу. Я не меньше знал, потому что, может быть, я шагистикой меньше занимался, а с точки зрения знаний — не меньше было. Надо посмотреть и такой вариант.

Медведев. Вопрос военной подготовки тоже надо проанализировать. Все ли делается правильно, все ли необходимо? В ряде случаев это надо делать, но, может быть, далеко не всегда.

Горбачев. Допустим, студент, который закончил физтех, за два года службы все наполовину забудет. Вот мне прислали записку, я направил ее Вадиму Андреевичу.

Медведев. Зачем такого брать? Там есть кафедра, он закончил ее, получил военное образование и имеет офицерское звание.

Горбачев. Вот и я об этом говорю. Это все и надо утрясти. Давайте мы такое поручение сегодня дадим уже в практической плоскости проработать вопрос, выделить его отдельно и внести.

Медведев. Тут еще важная деталь: подчас не совпадает военная подготовка с профилем вуза. Для чего это делается? Надо военное образование как-то связывать с профилем подготовки студентов.

Горбачев. Не всегда это возможно.

Медведев. Последнее соображение, Михаил Сергеевич. Я думаю, что всем ясно, какие большие задачи и проблемы подняты в вашем выступлении для работников теоретического фронта. К сожалению, пока кри-

тический настрой среди обществоведов преобладает. Призыв к положительной разработке проблем социализма, который содержался в докладе на XIX партийной конференции, встречает меньший отклик, чем критическое переосмысление. Я думаю, этот процесс тоже надо как-то активизировать. Не ослабляя стремления к критическому осмыслению прошлого и настоящего, вести дело к тому, чтобы наши социалистические представления развивались в соответствии с современными условиями.

Горбачев. Хорошо. Александр Николаевич.

Яковлев. То, что произошло в Нью-Йорке в этом месяце, — это, конечно, огромное событие в мировой политике. Я считаю, что Советским Союзом сделан еще один шаг в утверждении гуманистического мышления.

Всем хорошо известно, что национальное самоуважение, национальное достоинство достигается активной политикой, и прежде всего внешней политикой. Мне представляется, что после этого события у нашего народа, у всех нас, у партии повысился уровень самоуважения. Сейчас на практические рельсы переведены гуманистические идеи, развиваемые за последние три года.

Правильно Николай Иванович Рыжков говорил, что это логическое продолжение новой внешней политики. Но это не только продолжение, но как бы и водораздел. Оно не только суммирует накопленное за три года, но и открывает новые возможности внешней и внутренней политики. Я бы это подчеркнул: и у внутренней политики, ибо здесь должны меняться подходы и к экономике, и к мышлению, и к оценкам происходящих событий. Все это имеет очень далеко идущие последствия, может быть, о которых сейчас еще трудно говорить.

Во-вторых, как представляется, отказ от самоизоляции социализма, которая позволяла сочинять о нас много всякой чепухи и посадила нас за «железный занавес». Это позволяет социализму начать свой великий поход, демонстрируя социализм как социальный пример.

В-третьих, это такое событие, которое говорит о переходе от традиционного мышления к созидатель-

ному, соревновательному, сотрудническому мышлению. И здесь нам предстоит еще, конечно, много работать. Я не думаю, что мы все избавились от старых подходов. Нас еще очень часто берет озноб при каких-то поворотах, при расстановке каких-то акцентов, нюансов и пр. Но так или иначе та коренная линия, которая проложена в предложениях Советского Союза, должна быть безукоризненно выполнена. Нам надо следовать этой линии неукоснительно, иначе мы понесем серьезные психологические, а во многом и политические издержки.

Все это ломает послевоенную структуру и создает новую, в которой Советский Союз может играть ведущую созидательную роль. И в этом, я думаю, огромный политический и социальный смысл того, что произошло.

Тут начался разговор о Буше и новой администрации. Конечно, видимо, в основном и главном Буш пойдет по линии перемен, деваться ему, собственно, некуда. Такова общественная обстановка, такова политическая обстановка. Так будет, если, конечно, не появится что-то такое неожиданное. Но здесь, видимо, и от нас что-то зависит. Конечно, сейчас Буш не готов к серьезным поворотам. Об этом прямо так не говорят, но для того, чтобы завоевать себе американское общественное мнение, он вроде предлагает сейчас ускорить договоренности. Видимо, нам надо посмотреть. Бушу будет труднее управляться с правыми, чем это удавалось Рейгану. Во время этой поездки американцы рассказали нам такой анекдот. Секретная служба дала инструкции охране Буша: в случае покушения на Буша стрелять в Куэйла. Я думаю, что это показывает отношение к правым. Да, Бушу труднее с правыми будет.

Горбачев. По конституции вице-президент становится сразу президентом.

Яковлев. Вчера я встретился с Мэтлоком. Он говорит, что Буш более профессионален, более информирован, но и в то же время более осторожен. Он мне пытался внушить, что он всегда принимал участие в выработке конкретных решений, интересовался деталями, знает многих, то есть он как бы подавал в выгодном свете нового президента.

Что нам надо еще учесть с точки зрения нажима на американцев? Это то, что американцы очень боятся нашей европейской и тихоокеанской политики. Им бы не хотелось прыгать на ходу в поезд, да еще в убегающий поезд. Они привыкли быть машинистами. Их очень беспокоит активизация нашей внешней политики в других регионах. И то, что мы начали эти направления очень активно разрабатывать, для американцев это больной вопрос, заставляющий их по-новому смотреть на вещи.

Самое главное, Михаил Сергеевич, вы об этом не раз говорили, — это исчезновение образа врага. Если мы и дальше будем двигаться в этом направлении, а мы будем вести это дело, это окончательно выдернет коврик из-под ног военно-промышленного комплекса. Конечно, американцам придется коренным образом менять свои подходы.

Хотелось бы сказать и о внешнеэкономических связях, Михаил Сергеевич. Вы поручили мне там встретиться с представителями бизнеса. Наводят на некоторое размышление и последующие встречи. Они все приветствуют перестройку, все готовы идти на отношения, но по крайней мере на две вещи жалуются.

Первое: очень приятно говорить с руководителями наших ведомств. Полное взаимопонимание, все — хорошо, все — замечательно, в духе перестройки. Как только спускаемся на следующие этажи — ничего не происходит. Начинают нас учить. Вот, говорят, «Интуристу» предложили построить гостиницы на хороших условиях. Нам час читали мораль, что капиталисты меньше заботятся о нуждах людей, чем при социализме. Мы знаем свое несчастье, что мы меньше заботимся, но мы предлагаем гостиницы строить. Вот и в других ведомствах такая же история.

Второе — это отсутствие настоящей экономической информации. Мне кажется, что мы привыкли к политической информации, давно ее ведем, «холодная война» это заставляла делать. И дальше будем это все, наверное, делать. Но, видимо, надо больше подумать об экономической информации. Очень мало информирован бизнес. Задают совершенно неоправданные вопросы, которых они не знают.

И третье. Жалуются на низкий уровень образован-

ности в коммерческих делах наших кадров. Люди очень плохо разбираются в кредитной системе, в банковской системе и т. д.

Вот, пожалуй, три вопроса, которые обращают на себя внимание. Видимо, нам надо как-то подумать над ними, чтобы активизировать нашу деятельность.

Язов. Во исполнение решений Совета Оборона от девятого ноября в Министерстве обороны уже разработаны планы вывода войск из ГДР, ЧССР, ВНР и ПНР.

Я после вашего выступления в Организации Объединенных Наций был на партийной конференции в Группе советских войск в Германии. Ни одного вопроса или заявления провокационного не было. Четырнадцать человек выступали, и все с одобрением к этому отнеслись. В субботу был на конференции Киевского района в Москве. Был задан вопрос: «Не отразится ли на обороноспособности вывод?» Я ответил. Больше ни одного вопроса не было, все отнеслось с пониманием. С пониманием к этому относятся все Вооруженные Силы страны. В Комитете министров обороны, который проходил в Софии, все министры отнеслись с пониманием.

Я считаю, что мы готовы доложить Совету Оборона наши планы реализации тех предложений, которые были обнародованы в Организации Объединенных Наций.

Министерство обороны не возражает против освещения вопросов военного строительства в Комиссии Верховного Совета. Но пока по Конституции остается Совет Оборона, то, мне представляется, прежде чем входить в Комиссию Верховного Совета, надо все вопросы рассматривать на Совете Оборона. Я не знаю, почему с этим не согласен товарищ Шеварднадзе. Прежде чем Михаил Сергеевич выступал с известными предложениями в Организации Объединенных Наций, этот вопрос рассматривался в Совете Оборона и здесь, на Политбюро. А как же иначе? Ведь американцы нам тоже не все открывают. То, что нам хотелось бы у них узнать, ни за какие деньги у них не купишь. А почему мы должны все сразу проводить через Комиссию Верховного Совета? Сейчас Комиссия Верховного Совета будет представлять очень широкий круг людей. И не обязательно всем все знать.

Горбачев. Я думаю, что возникло недопонимание. Мы должны все это проработать, определить, чем будет заниматься Комиссия по военным делам Верховного Совета. Совет Обороны сохраняется. Определено, что Председатель Верховного Совета будет Председателем Совета Обороны. Это остается. Что касается деталей, то это все прояснится. И у американцев есть много вещей, которые рассматриваются в закрытом порядке.

Язов. Совершенно правильно.

Горбачев. Есть вопросы, которые никакой конгресс не рассматривает. Они могут быть в компетенции и президента, и Совета национальной безопасности.

Язов. Теперь о формулировке об оборонительной направленности. В своем выступлении Михаил Сергеевич действительно сказал об уменьшении на 10 тысяч танков. Для этого надо затронуть все войска, которые находятся в Группе советских войск в Германии. Мы вынуждены задеть танковые дивизии. В танковых дивизиях есть мотострелковые полки. Мы имеем в виду эти мотострелковые полки оставлять. А из танковых дивизий, которые там остаются, танковые полки брать, чтобы больше вывести танков. В этой ситуации стоит ли всю нашу структуру показывать только потому, что мы хотим гласности?

Мне представляется, что это прерогатива тех государств, на территории которых находятся наши войска. Во всяком случае, то, что можно показывать, мы будем показывать, но не обязательно им все раскрывать. Что касается графика вывода, мы готовы его доложить. Мы предлагаем три дивизии в этом году вывести из Восточной Европы, три дивизии — в следующем году. Относительно части, касающейся СССР и Монголии, то мы также готовы доложить Совету Обороны график вывода.

Лигачев. Я тоже хотел бы два-три обстоятельства затронуть. Действительно, прошло времени чрезвычайно мало, а в мире происходят удивительные изменения. Идет процесс от конфронтации к сотрудничеству, гаснут региональные конфликты, миллионы людей возвращаются к мирной жизни, хотя тут не все просто, но тенденция явно обозначена.

Словом, идет перестройка международных отноше-

ний, причем основательная. При этом она не теряет своего классового характера, о чем было подчеркнуто Михаилом Сергеевичем в докладе на XIX Всесоюзной партийной конференции. Вместе с тем было также сказано, и это совершенно справедливо, о приоритете общечеловеческих ценностей, общечеловеческих интересов. Я думаю, что если бы не было общего интереса стран, принадлежащих к различным общественно-экономическим системам, то не было бы единства действий. Общим интересом являются, видимо, следующие направления. Огромная тяжесть военных бюджетов. Это ощущает не только мир социализма, но и мир капитализма. Вопросы, связанные с выживанием человечества, экологические проблемы стали чрезвычайно актуальными. Все это, вместе взятое, и прежде всего наша инициативная политика, позволило привести к некоторым переменам в лучшую сторону. Это первое, что я хотел бы отметить.

Второе. Нынешняя политика, как я понимаю, — это большой комплекс вопросов. Но среди них главное, генеральное — это разоружение. Очень важно, что Михаил Сергеевич в своем выступлении внес очень важные, кардинальные предложения именно в этом направлении. Причем, я думаю, что нам надо сказать, если уже не всему народу, то активу партии. Это прежде всего надо. Я вот только что вернулся, как и многие товарищи, из области. Задают вопросы. Это естественно, понятно. Странно было бы, если бы не задавали. Это нам прежде всего надо разоружение. Мы взвалили на себя такую ношу, связанную с военным бюджетом, что в области экономики нам трудно будет что-либо кардинальное решить, причем иногда взваливали без достаточных оснований. Я уже об этом однажды говорил.

Но это отнюдь не значит, что мы должны ослабить обороноспособность страны. У нас есть достаточно путей, подходов и средств, чтобы сокращать непомерно большие военные расходы и рационально, разумно использовать средства для укрепления обороноспособности страны. Об этом прямо надо сказать партии, партийному активу. Сейчас, когда мир уже начинает медленно, но верно разоружаться, в конце концов сила государства будет определяться не военным могущест-

вом, а сильной экономикой и политически сплоченным обществом.

И третье. Я думаю, что если даже Запад не пойдет навстречу нам и с его стороны не будет каких-либо конкретных сдвигов с разоружением, то и в этом случае мы будем иметь сильные международные позиции. Давайте вспомним односторонний мораторий на ядерные испытания. Я думаю, мы не понесли никаких потерь, а приобрели огромный вес. Мы очень основательно укрепили свои международные позиции, пойдя на такую непростую акцию, каким являлся односторонний мораторий на ядерные испытания.

И наконец, Михаил Сергеевич, я хотел бы обратить внимание на следующее. Это находится в контексте того разговора, который здесь развернулся. По некоторым вопросам мы просто проигрываем, потому что уклоняемся от их решения. Я вот в последнее время побывал в ряде организаций в Москве и в области. Буквально везде заваливают вопросами, связанными с кооперативным движением. Эту тему подогревают и зарубежные некоторые передачи, что нельзя не учитывать в пропаганде как новый фактор. Причем люди очень здраво рассуждают: мы за кооперацию, за кооперативные формы в различных сферах экономической деятельности. Но вот некоторые кооператоры не знают удержу, занимаются спекуляцией. Их немного, но на эти факты довольно остро реагируют люди. Мол, на них нет власти, нет узды, хотя прямо скажу, что и местные органы многое могли бы сделать, чтобы утвердить определенный порядок. Эту рану мы не лечим, а, наоборот, раздражаем. Вместе с рядом других вопросов. Вот сейчас есть решение Совета Министров по вопросам, связанным с контролем за производством товаров для детей, для взрослых. Теперь уже этот вопрос в какой-то степени начинает сниматься. Но есть, еще раз повторяю, вопросы, которые мы тянем просто до обидного. По поводу внешнеэкономических связей. На внешний рынок рвутся сейчас буквально все, особенно в агропромышленном комплексе. Много там появилось людей оборотистых и деятельных. Просто крик стоит, понимаете ли. Причем говорят: берут с нас 5—10 процентов аккуратно, автоматически снимают, так сказать, барыши, но никто не хочет

нас научить этому делу. Видимо, следовало бы нам серьезно заняться этим делом.

Конференция, которая недавно прошла в Ростовской области, очень интересная, содержательная. Там была совершенно ясная и твердая позиция коммунистов по всем политическим проблемам перестройки.

Я хотел бы присоединиться к поздравлениям Михаила Сергеевича в связи с его выступлением в ООН и в связи с тем интересным анализом, который дан сегодня событиям, развернувшимся уже после речи в ООН.

Горбачев. Завершаем, товарищи?

Воротников. А по проекту можно?

Горбачев. Пожалуйста.

Воротников. Проект я в целом поддерживаю. Тут очень широкий фронт направлений взят. Я его полностью поддерживаю с учетом тех замечаний, которые высказаны. Я затрону лишь один момент. Вы, Михаил Сергеевич, в своем выступлении подчеркнули неоднозначный подход к перестройке и реакцию в капиталистических кругах, в том числе и в Соединенных Штатах. Но у нас в социалистических странах есть очень серьезные проблемы.

Не стоит ли нам в нашем проекте все-таки сформулировать направление нашей политики относительно социалистического содружества? Ведь в проекте, кроме телемостов, которые надо проводить с социалистическими публицистами, больше ничего нет. Мне представляется, что обстановка настолько непростая в ряде соцстран, что нам следует в этом или другом документе как-то определиться. Это вытекает из текста вашего выступления.

Горбачев. Давайте, товарищи, завершать. Наша акция, которую мы долго готовили и провели в жизнь, вызвала большой резонанс. Она выводит нас на новый уровень мышления и работы. Хотел бы подчеркнуть, что это не должно остаться благим пожеланием. Нам будет проверять жизнь, реальная политика, ход дел. К этому надо отнестись с большой ответственностью, чтобы текучка, которой у нас хватает, не поглотила и не отодвинула эти вопросы. Продвигать надо все, что мы предложили миру в Организации Объединенных Наций. Вопросы политического, дипломатическо-

го, идеологического обеспечения — это все должно быть задействовано.

Мне думается, что наше постановление охватывает в основном все эти направления. Но надо, чтобы товарищи почитали еще. Может, они что-то полезное добавят или какие-то уточнения будут.

Вот у меня два момента. Виталий Иванович сказал, что в стране и даже дома задают вопрос: как это, вообще говоря, мы опять «раздеваемся» самостоятельно. А вот Егор Кузьмич подошел к этой теме с другой стороны: партия должна знать. Мы пока это скрываем, откровенно говоря. И скрываем по одной причине: если нам сейчас признаться, что мы без этого не можем выстроить экономическую и социальную перспективу, то необходимо будет сказать — почему. Сейчас пока даже партии нельзя об этом сказать, надо сначала все привести в порядок. Если мы скажем сегодня, сколько мы берем на оборону из национального дохода, это может свести на нет выступление в Организации Объединенных Наций. Потому что нигде такого положения больше нет, ни в одной стране. Есть только у нищенских стран, у которых половина бюджета идет на военные дела.

Шеварднадзе. Ангола, например.

Горбачев. Да. Но там и бюджет, и все — другое. Мы же говорим о совершенно другом. И если нам сейчас пойти на это, то нам скажут: ваши предложения — это чепуха, вам надо раза в три-четыре военные расходы сократить. У нас же все идет, товарищи, как? Во-первых, в планах закладываются военные расходы в два раза больше, чем прирост национального дохода, потом национальный доход проваливаем, а планы военные выдерживаем. Так прикиньте, что же тут творится вообще. Поэтому еще немного надо потерпеть. Но все вы правы — сказать придется. Пока еще в политическом плане. Я, помните, на Пленуме ЦК постарался это сделать. Сейчас это может так выплеснуться, товарищи, что обесценим все эти вещи. Поэтому давайте будем наводить порядок. К тринадцатой пятилетке, Юрий Дмитриевич, мы реализуем все эти решения и нам будет что сказать. Тогда у нас расходы по этой статье приблизятся где-то к американским.

Поэтому давайте это иметь в виду, иначе можем получить такой бумеранг... Но надо проводить политическую мысль о том, что это связано с экономикой, с развитием, нам деньги надо считать, у нас они не лишние. В такой постановке, я считаю, настало время говорить публично, товарищи. Кстати, на конференции мы об этом сказали. Вот это первое.

Теперь о том, что подрываем мы обороноспособность или не подрываем? Не подрываем. Больше того, чем быстрее мы в нашей армии сосредоточим усилия на главных направлениях, на качестве, на компетентности, тем быстрее мы укрепим обороноспособность страны. А сейчас для многих армия — кормушка. Ловим пьяниц и охотников и уговариваем их уйти на пенсию вовремя. А он не хочет уходить, потому что он уже при коммунизме живет. И доходы коммунистические у многих, и потребности хорошие. Перестраивать все это необходимо. Поэтому показать надо народу, что это дает в политическом плане. И убедить при этом, что ЦК и правительство не могут поступиться ни при каких условиях обороноспособностью.

Этот вопрос, я считаю, для нас бесспорный, товарищи. Суэта в этих делах недопустима. Я вам скажу, еще не все мы сделали. Еще надо разбираться. Мы пока подготовили только то, что надо было сделать на этом этапе. И Юрию Дмитриевичу (Ю. Д. Маслюков — кандидат в члены Политбюро, председатель Госплана СССР. — *Н. З.*), и Дмитрию Тимофеевичу (Д. Т. Язов — член Политбюро, министр обороны СССР. — *Н. З.*), и Игорю Сергеевичу и Олегу Дмитриевичу (О. Д. Бакланов — секретарь ЦК КПСС. — *Н. З.*) следует основательно продолжить эту работу.

В конце концов все сводится к перестройке. Это ключ ко всему. Я перечитал (позволяли условия) все выступления товарищей на конференциях, посмотрел, как идут конференции. В принципе, мне кажется, партия сильно меняется в лучшую сторону. Вот, скажем, неожиданности, которые выплыли на Камчатке. Их надо было предвидеть. Это наши недоработки. Я об этом Георгию Петровичу (Г. П. Разумовский — секретарь ЦК КПСС. — *Н. З.*) сказал. Не все мы знаем по-настоящему. Кое-где выдвинули тех людей, которых мы в ЦК хотели забрать. Это где, в Пскове?

Мы его хотели сюда забрать, а они опередили нас и выдвинули его.

Или на Камчатке: на второго секретаря одного товарища не избрали, а на рядового его взяли — это ему по плечу. Посмотрите, это же прекрасно! Идет в партийном плане серьезный разговор, без всякой демагогии. А смотрите, какую школу Попову устроили. И в то же время избрали его. Стали выдвигать кандидатуру. А Попов говорит нашему работнику: «Ты скажи, что меня, иначе не выполнишь свою роль представителя ЦК». А он говорит: «Нет, все-таки давай будем идти, как положено. Кого, товарищи?» Сначала заминка, потом один говорит — Попова, другой — Попова. «Еще какие предложения?» — стимулирует наш товарищ. И где-то уже при общем нарастании голосов за Попова вдруг говорит: «Может быть, альтернативную кандидатуру выдвинете?» Зал тут же развернулся: хватит, сказали — пусть делает выводы и работает. Вот такие вещи, между прочим, наблюдались в здоровых организациях всегда.

Вот Донецк. В Донбассе могли такую баню устроить... Сидит представитель ЦК и дрожит, что его кандидатуру провалят. И вдруг голосование — сто процентов. Его инфаркт чуть не хватил, говорит: да что же это за организация! Организация — пестрая. Верят — значит, будут долбать по-настоящему, не верят — тоже.

Устанавливается атмосфера партийного товарищества, открытости. Это хорошо. Будут приходиться в результате селекции сильные люди — это то, что нам надо. Меньше будет ошибок.

Так вот, надо перестройку защищать, надо ее отстаивать, надо ее вести. И многое, я считаю, на конференциях сделано сейчас. Надо и дальше продолжать эту линию, прежде всего в экономике, но о ней следующий вопрос. Мы к этому еще вернемся.

Что касается конкретно военных аспектов, я считаю, что надо доработать постановление и проработать вопросы, которые были подняты в ходе выступлений. Конечно, большая работа военным предстоит, серьезная во всех отношениях — в военном плане, организаторском плане, человеческом плане, психологическом плане. Я считаю, первая задача такая: чтобы

ни у народа, ни у армии не возникло даже малейшего сомнения в том, что ЦК и нынешнее руководство меняют свое отношение к армии. Это вообще недопустимо, это не соответствовало бы действительности. Дмитрий Тимофеевич, из твоего сообщения видно, что люди понимают это. Хорошо. Надо вот так вести. Это первое.

Второе. Конечно, большую работу надо провести по нашей группировке в Восточной Европе. Делать это надо планомерно. Я знаю, что все эти предложения готовятся для Совета Обороны. Мы договорились провести его в начале января и заслушать эти вопросы. Мне думается, что в тех решениях, которые готовятся по мерам реализации, надо опять повторить задачу укрепления обороноспособности, повышения боеспособности наших Вооруженных Сил.

И дальше. Не забыть, чтобы к тем людям, которые уйдут из армии, проявлено было внимание.

Язов. 100 тысяч офицерского состава.

Горбачев. Большинство из них выслужило?

Язов. На сегодня у нас 58 тысяч выслужило. Эти уходят.

Горбачев. Потом другие подойдут.

Язов. Да, впереди еще два года.

Горбачев. Так что это в основном естественный процесс. Но все равно надо проявить внимание и сделать необходимые записи в тех решениях. И вопрос о студенчестве мы договорились выделить. Его надо проработать и отдельно решить, Дмитрий Тимофеевич.

Язов. Ясно.

Горбачев. Исходить из этого, как мы договорились. Смотрите, чтобы у молодых офицеров не возникло такое настроение: стоит ли дальше продолжать учебу, связывать свою судьбу с армией. Это все надо исключить, товарищи. Я не знаю, скольким поколениям армия еще нужна будет. По крайней мере для ближайших поколений сильная армия определенно нужна. Такое государство, как мы, не может жить так. Все будет зависеть от многих факторов. Я думаю, что при любых поворотах нам надо армию совершенствовать. Кстати, армия нужна и с точки зрения поддержания внутренней стабильности. Это инструмент важный во всех отношениях. Вот так.

Давайте закончим обмен мнениями. Он был нужен. Это действительно большая политика. Есть предложение поручить товарищам Шеварднадзе, Зайкову, Яковлеву, Язову, Каменцеву (В. М. Каменцев — заместитель Председателя Совета Министров СССР. — Н. З.) доработать проект постановления ЦК по данному вопросу с учетом обсуждения на заседании Политбюро ЦК КПСС.

Члены Политбюро. Согласны.

Вот так. Приняли решение втайне от партии. А потом тот же Николай Иванович Рыжков в книге «Перестройка: история предательств» будет строить невинные глазки, разоблачая коварного Генерального секретаря. Хотя, может быть, они и в самом деле не ведали, что творили?

Горько читать сегодня эти самовосхваления, самовозвеличивания, комплименты друг другу в мудрости, прозорливости. Время рассудило, кто жестоко просчитался. Войска НАТО у российских границ — вот конечный результат недалёковидной политики Горбачева и его сподвижников.

Остальное — партийные лозунги.

Глава 9

ПОСЛЕДНЕЕ ПОЛИТБЮРО: ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ

Политбюро было создано в марте 1919 года. Его первый состав: председатель Совнаркома Ленин, председатель Моссовета Каменев, нарком финансов Крестинский, наркомнац Сталин, наркомвоенмор Троцкий.

Всего пять человек. Плюс три кандидата в члены Политбюро: редактор «Правды» Бухарин, председатель Петроградского Совета и председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев, председатель ВЦИК Калинин.

Председательствовал на заседаниях Политбюро,

как и на заседаниях Совнаркома, Ленин. Даже тогда, когда в 1922 году в партии был учрежден пост Генерального секретаря, на который был избран Сталин.

В первом Политбюро не было ни одного «чисто» партийного работника, кроме, пожалуй, Бухарина, возглавлявшего печатный орган ЦК. В последнем, горбачевском, Политбюро были собраны исключительно партийные функционеры. Туда не попали ни министр обороны, ни председатель КГБ, которые до 1990 года традиционно входили в состав высшего органа политической власти.

Наверное, поэтому горбачевское Политбюро не имело ни прежней силы, ни влияния. Поэтому и потерялось в дни августовского кризиса 1991 года, не имея под собой никаких структур.

С 1919 по 1991 год в Политбюро (Президиум) входило 157 человек. Это были сильные люди с твердыми характерами. Некоторые из них исключались из партии, восстанавливались, как Молотов и Каганович, снова исключались — как Каменев и Зиновьев. Кирова застрелили в здании обкома, Троцкого убили в Мексике ледорубом, Сокольников зарезали в тюремной камере уголовники, сами застрелились Гамарник, Орджоникидзе, Томский, есть версии, что покончили с собой Кулаков, Рашидов и Щербицкий, Фрунзе был умерщвлен во время хирургической операции, а Машеров — в автомобильной аварии.

Это были личности крупного масштаба. Они достойно переносили опалы и отставки, умели держать удар, интриговали между собой за власть и влияние, но что касалось единства партии и безопасности страны — тут они умели забывать мелкие обиды и костьюми ложились за великую идею.

Из кого же сколотил Горбачев свое Политбюро?

АМАНБАЕВ Джумгалбек Бексултанович. Член Политбюро ЦК КПСС с апреля 1991 года. Член ЦК КПСС с апреля 1991 года.

Родился в 1945 году в селе Чаек Джумгалского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР. Киргиз. Член КПСС с 1972 года.

В 1966 году окончил Киргизский сельскохозяйственный институт имени К. И. Скрябина, в 1985 году —

заочное отделение Академии общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат биологических наук.

Трудовую деятельность начал в 1966 году зоотехником Тянь-Шаньской опытной станции НИИ животноводства, затем был научным сотрудником, с 1971 года — директором Ошской областной госплемстанции. С 1974 года на партийной работе: заместитель заведующего и заведующий сельскохозяйственным отделом Ошского обкома партии, первый секретарь Алайского райкома, с 1981 года — секретарь Ошского обкома Компартии Киргизии. В 1985—1988 гг. — секретарь ЦК Компартии Киргизии. С 1988 года — первый секретарь Иссык-Кульского обкома Компартии Киргизии.

В апреле 1991 года избран первым секретарем ЦК Компартии Кыргызстана. На апрельском (1991 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК КПСС введен в состав ЦК КПСС и избран членом Политбюро ЦК КПСС. Народный депутат СССР. С 1993 года — заместитель премьер-министра Республики Кыргызстан.

АННУС Лембит Эльмарович. Член Политбюро ЦК КПСС с января 1991 года. Член ЦК КПСС с июля 1990 года.

Родился в 1941 году в городе Кохтла-Ярве Эстонской Республики. Эстонец. Член КПСС с 1963 года. В 1960 году окончил Таллинский строительномонтажный техникум, в 1973 году — заочную Высшую партийную школу при ЦК КПСС, в 1979 году — Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат исторических наук.

В 1960—1961 гг. служил в Советской Армии. В 1961—1964 гг. — бригадир, мастер городского РСУ, начальник цеха комбината бытового обслуживания «Теэ» в Таллине. С 1964 года — второй секретарь Морского райкома партии, инструктор, заведующий сектором, с 1979 года — заместитель заведующего отделом, помощник первого секретаря ЦК Компартии Эстонии. В 1983—1989 гг. — главный редактор журнала «Ээсти коммунист». В 1989 году — инспектор ЦК Компартии Эстонии. С марта 1990 года — первый секретарь Калининского райкома Компартии Эстонии г. Таллина.

С декабря 1990 года — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии (КПСС). На январском (1991 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК избран членом Политбюро ЦК КПСС.

После событий августа 1991 года — собственный корреспондент газеты «Правда» в Эстонии.

БУРОКЯВИЧЮС Миколас Мартинович. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1927 году в городе Алитусе (Литва), в семье рабочего. Литовец. Член КПСС с 1946 года. В 1955 году окончил Вильнюсский государственный педагогический институт, в 1963 году — Академию общественных наук при ЦК КПСС. Доктор исторических наук, профессор.

Трудовой путь начал в 1942 году, работал столяром и токарем на военном заводе в городе Воткинске Удмуртской АССР. С 1944 года — на комсомольской работе: инструктор, заведующий сектором, секретарь Вилкавишского укома комсомола. С 1945 года — пропагандист Вилкавишского укома партии, затем слушатель республиканской партийной школы при ЦК Компартии Литвы, с 1946 года — пропагандист, заведующий парткабинетом — заместитель заведующего отделом Вилкавишского укома партии. В 1947—1949 гг. вновь учился в республиканской партийной школе, затем инструктор, заведующий сектором ЦК Компартии Литвы. С 1956 года — заведующий отделом Вильнюсского горкома партии. С 1963 года — старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК Компартии Литвы. С 1969 года — заведующий кафедрой Вильнюсского инженерно-строительного института. С 1976 года — профессор кафедры Вильнюсского государственного педагогического института. С декабря 1989 года — секретарь, с марта 1990 года — первый секретарь временного ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС). С апреля 1990 года — первый секретарь ЦК Компартии Литвы.

После августа 1991 года — в подполье, проживал в России, Белоруссии, возглавляя ушедшую в подполье Компартию Литвы. 15 января 1994 года арестован в Минске литовскими властями при содействии тогдашнего председателя КГБ Белоруссии, бывшего сек-

ретаря ЦК комсомола республики по вопросам коммунистической идеологии В. Егорова, и насильственно доставлен в Вильнюс.

Бурокаявичус обвиняется в причастности к январским событиям 1991 года в Вильнюсе, в измене родине и заговоре с целью свержения государственного строя Литвы. На начало 1998 года четыре года находился в тюрьме без приговора суда. Литовские власти отказываются освободить его даже под подписку о невыезде, о чем неоднократно просила Государственная дума России. Политзаключенному Бурокаявичусу не разрешили свидание с приезжавшим в Литву на его 70-летие представителем Компартии Российской Федерации Валентином Купцовым.

ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС, избранный на этот пост в марте 1985 года. Член Политбюро ЦК КПСС с октября 1980 года. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1979—1980 гг. Секретарь ЦК КПСС в 1978—1985 гг. Член ЦК КПСС с 1971 года.

Родился в 1931 году в селе Привольное Красногвардейского района Ставропольского края, в семье председателя колхоза. Русский. Член КПСС с 1952 года.

Трудовую деятельность начал с 13 лет, работал помощником комбайнера. В 1955 году окончил юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, в 1967 году — Ставропольский сельскохозяйственный институт. С 1955 года — на комсомольской работе: заместитель заведующего отделом Ставропольского крайкома ВЛКСМ, первый секретарь Ставропольского горкома ВЛКСМ, второй, первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола.

В марте 1962 года избирается партторгом крайкома КПСС территориально-производственного колхозно-совхозного управления, с декабря того же года — заведующий отделом сельского крайкома партии. С сентября 1966 года — первый секретарь Ставропольского горкома КПСС, с августа 1968 года — второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС. В 1970—1978 гг. — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС.

В ноябре 1978 — марте 1985 года — секретарь ЦК КПСС.

В марте 1985 года избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

В декабре 1989 — июне 1990 года — председатель Российского бюро ЦК КПСС.

Депутат Верховного Совета СССР 8-11 созывов. Народный депутат СССР в 1989—1990 гг. В 1988—1989 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В мае 1989 года на первом Съезде народных депутатов СССР был избран Председателем Верховного Совета СССР.

В марте 1990 года на внеочередном третьем Съезде народных депутатов СССР избран президентом СССР.

Лауреат Нобелевской премии мира (1990 г.). 24 августа 1991 года заявил об уходе с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. 27 декабря 1991 года ушел в отставку с поста президента СССР. С января 1992 года — президент Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-фонд»).

Лучший немец. Муж Раисы Максимовны. Беспартийный писатель. В 1996 году выставлял свою кандидатуру на пост президента России, набрав менее одного процента голосов. В Омске, во время предвыборной поездки, схлопотал по шее от одного из избирателей — за предательство Родины.

Второй после Андропова Генеральный секретарь, вышедший из комсомольских работников.

При Сталине дед по материнской линии — Пантелей Ефимович — сидел в тюрьме, по отцовской линии — Андрей Моисеевич — был сослан и несколько лет валил в Сибири кедры и пихты, и, как сейчас выяснилось, вовсе не по политическим мотивам. Дед супруги был расстрелян в 1937 году как ярый троцкист, отец Раисы Максимовны отсидел в тюрьме четыре года как противник Сталина.

Финансирует строительство церкви на своей родине — в селе Привольном. Так поступают те, кому есть что замаливать.

ГУРЕНКО Станислав Иванович. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1936 году в городе Иловайске (ныне

Донецкой области), в семье учителей. Украинец. Член КПСС с 1961 года.

В 1958 году окончил Киевский политехнический институт. Кандидат экономических наук.

Трудовой путь начал в 1958 году инженером-технологом Донецкого машиностроительного завода имени 15-летия ЛКСМ Украины, затем работал на этом предприятии старшим инженером-конструктором, начальником лаборатории. С 1963 года — старший преподаватель Донецкого политехнического института. С 1964 года — вновь на Донецком машиностроительном заводе имени 15-летия ЛКСМ Украины: заместитель главного технолога, главный технолог, заместитель главного инженера, главный инженер, в 1970—1976 гг. — директор завода.

С 1976 года — секретарь Донецкого обкома партии. В 1980—1987 гг. — заместитель Председателя Совета Министров Украинской ССР. С 1987 года — секретарь, второй секретарь ЦК Компартии Украины. С июня 1990 года — первый секретарь ЦК Компартии Украины. Народный депутат СССР с 1989 года.

На апрельском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС открыто потребовал отставки Горбачева с поста Генерального секретаря, заявив: «Со страной сделали то, что не смогли сделать враги».

ДЗАСОХОВ Александр Сергеевич. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Секретарь ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1934 году в городе Владикавказе, в семье служащего. Осетин. Член КПСС с 1957 года. В 1957 году окончил Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Кандидат исторических наук.

Трудовую деятельность начал в 1957 году первым секретарем Орджоникидзевого горкома комсомола (Северо-Осетинская АССР). С 1958 года — ответственный организатор ЦК ВЛКСМ, с 1961 года — ответственный секретарь Комитета молодежных организаций СССР (КМО СССР), затем был руководителем группы молодых советских специалистов в Республике Куба. С 1964 года — советский представитель в Международном подготовительном комитете IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Алжире. С 1965 года — вновь ответственный секретарь, с 1966 года — заместитель,

первый заместитель председателя КМО СССР. В 1967—1986 гг. — ответственный секретарь, заместитель, первый заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. В 1986—1988 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Сирийской Арабской Республике.

С 1988 года — первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС. С февраля 1990 года — председатель Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран членом Политбюро ЦК, секретарем ЦК КПСС. Народный депутат СССР в 1989—1992 гг.

Возглавлял идеологическую работу КПСС. Последний идеолог партии не имел в этой области никакого опыта, но зато был знаком Горбачеву по комсомольской юности, и этого было достаточно для выдвижения на пост, который в ЦК традиционно занимали крупные теоретики.

С 1992 года сопредседатель международной ассоциации «За диалог и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В декабре 1993 года избран депутатом Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации. С 1995 года — председатель межпарламентской группы Федерального Собрания РФ. Входил в депутатскую группу «Народовластие».

С февраля 1998 года — президент Республики Северная Осетия-Алания.

ЕРЕМЕЙ Григорий Исидорович. Член Политбюро ЦК КПСС с апреля 1991 года. Член ЦК КПСС с июля 1990 года.

Родился в 1935 году в селе Тырново Единецкого района Молдавской ССР. Молдаванин. Член КПСС с 1957 года.

В 1965 году окончил Кишиневский сельскохозяйственный институт имени М. В. Фрунзе, в 1974 году — Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС. Кандидат философских наук.

Трудовую деятельность начал в 1952 году заведующим библиотекой сельской средней школы. В 1954—1956 гг. служил в Советской Армии. С 1956 года — на комсомольской работе: инструктор, второй, первый секретарь райкома комсомола, заместитель заведующего отделом, второй секретарь ЦК ЛКСМ Молда-

ви. С 1960 года — инструктор, старший инструктор отдела Совета Министров Молдавской ССР. В 1966—1970 гг. первый секретарь Котовского райкома партии. В 1970—1980 гг. — заместитель, первый заместитель Председателя Совета Министров Молдавской ССР. В 1980—1990 гг. — председатель Молдавского республиканского совета профсоюзов ССР Молдовы. С февраля 1991 года — первый секретарь ЦК Компартии Молдовы. На апрельском (1991 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК КПСС избран членом Политбюро ЦК КПСС. Народный депутат СССР в 1989—1992 гг.

С конца 1991 года — советник генерального директора производственного объединения «Мезон».

ИВАШКО Владимир Антонович. Член Политбюро ЦК КПСС с декабря 1989 года. Заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с апреля 1989 года, кандидат в члены ЦК КПСС в 1986—1989 гг.

Родился в городе Полтаве в 1932 году, в семье рабочего. Украинец. Член КПСС с 1960 года. Окончил в 1956 году Харьковский горный институт.

Трудовую деятельность начал в 1957 году ассистентом кафедры горного института. В 1962—1973 гг. — на преподавательской работе в высших учебных заведениях Харькова, избирался секретарем парткома института. Кандидат экономических наук, доцент.

С 1973 года — на партийной работе: заведующий отделом, секретарь Харьковского обкома партии, секретарь ЦК Компартии Украины. В 1987—1988 гг. — первый секретарь Днепропетровского обкома Компартии Украины. С 1988 года — второй секретарь, в 1989—1990 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Украины. Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва. Народный депутат СССР с 1989 года. В 1990 году — Председатель Верховного Совета Украинской ССР.

На XXVIII съезде партии избран заместителем Генерального секретаря ЦК КПСС. Выдвиженец Горбачева, сильно ему приглянулся. С 1992 г. был на пенсии. В том же году выступал в качестве официального представителя КПСС на процессе в Конституционном суде.

Добрый, безвредный человек. Но длительная ра-

бота преподавателем наложила свой отпечаток — выступления на заседаниях Политбюро и Секретариата превращались в утомительные занудливые нравоучения. Раскрыться как политическому лидеру мешало чувство провинциализма и подтачивавшая болезнь.

Скончался 13 ноября 1994 года после тяжелой болезни. Короткое, в несколько строк, сообщение о кончине первого и последнего в истории КПСС заместителя Генерального секретаря было опубликовано лишь в «Правде». Отсутствовали подписи, стояло анонимное «Друзья и товарищи по совместной работе».

КАРИМОВ Ислам Абдуганиевич. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1938 году в городе Самарканде, в семье служащего. Узбек. Член КПСС с 1964 года.

В 1960 году окончил Среднеазиатский политехнический институт, в 1967 году — Ташкентский институт народного хозяйства. Кандидат экономических наук.

Трудовую деятельность начал в 1960 году на ташкентском заводе «Ташсельмаш»: помощник мастера, мастер, технолог. С 1961 года работал инженером-конструктором, ведущим инженером Ташкентского авиационного производственного объединения имени В. П. Чкалова. В 1966—1983 гг. — главный специалист отдела, помощник председателя, начальник отдела, начальник управления, заместитель, первый заместитель председателя Госплана Узбекской ССР. В 1983—1986 гг. — министр финансов республики, в 1986 г. — заместитель Председателя Совета Министров, председатель Госплана Узбекской ССР. С декабря 1986 г. — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, одновременно с марта 1990 года — президент Узбекской ССР. Народный депутат СССР с 1989 года.

С марта 1991 года — президент Республики Узбекистан, с ноября 1991 г. — одновременно председатель Народно-демократической партии Узбекистана. В конце августа добровольно сложил с себя обязанности члена Политбюро ЦК КПСС.

Его портрет в сиянии звезд и лучей солнца на колоссальных размерах полотне возвышается над парадной лестницей в Государственном историческом

музее Узбекистана — на том месте, где до 1991 года размещался портрет Ленина. Там, где был музей Ленина, теперь восславляются жизнь и цитаты человека, которого многие его подданные именуют «Папа».

В 1995 году Каримов отменил предстоявшие президентские выборы и провел референдум, продливший его правление до начала следующего века. Официальные результаты референдума поразили — 99,6 процента голосов. Как отмечала канадская газета «Глоб энд мейл», любой желавший проголосовать «за» мог просто вручить бюллетень без какой-либо отметки в нем. Но голосовавшие «нет» должны были войти в кабинку для голосования, чтобы сделать соответствующую отметку в бюллетене под настороженными взглядами официальных наблюдателей.

Все основные оппозиционные партии в Узбекистане запрещены. Большинство диссидентов — либо в тюрьме, либо в изгнании. Уличные протесты под запретом. Пресса под жестокой цензурой, любая неудобная информация вымарывается.

23-миллионное население Узбекистана является третьим по численности среди бывших советских республик и самым большим в Средней Азии регионом, богатым природными ресурсами. Однако две трети населения получают доходы, эквивалентные 20-30 долларам в месяц.

Узбекистан Каримова открыто уклоняется от военных контактов с Россией. На территории этой страны нет ни одного российского военного объекта, последняя российская авиаэскадрилья, входившая в состав Коллективных миротворческих сил СНГ и дислоцировавшаяся на узбекском аэродроме Кагайты, была «депортирована» в Таджикистан в 1996 году.

ЛУЧИНСКИЙ Петр Кириллович. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Секретарь ЦК КПСС с января 1991 года. Член ЦК КПСС с апреля 1989 года. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1986—1989 гг.

Родился в 1940 году в селе Старые Радуляны (ныне Флорештского района Республики Молдова), в семье крестьянина. Молдаванин. Член КПСС с 1964 года. В 1962 году окончил Кишиневский государственный

университет имени В. И. Ленина, в 1974 году — Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС. Кандидат философских наук.

Трудовую деятельность начал в 1960 году инструктором ЦК ЛКСМ Молдавии, затем был заведующим отделом Кишиневского горкома комсомола. В 1962—1963 гг. служил в Советской Армии. С 1963 года — инструктор ЦК ЛКСМ Молдавии, первый секретарь Бельцкого горкома комсомола, заведующий отделом, второй, с 1967 года — первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии. В 1971—1976 гг. — секретарь ЦК Компартии Молдавии, с 1976 года — первый секретарь Кишиневского горкома партии. В 1978—1986 гг. — заместитель заведующего отделом ЦК КПСС, в 1986—1989 гг. — второй секретарь ЦК Компартии Таджикистана. С 1989 года — первый секретарь ЦК Компартии Молдовы (до июня 1990 г. — ЦК Компартии Молдавии). Народный депутат СССР с 1989 года. С июля 1990 года — член Политбюро ЦК КПСС. С января 1991 года — секретарь ЦК КПСС.

Руководил работой средств массовой информации партии, не совсем четко представляя, что это такое.

Председатель ликвидационной комиссии по упразднению ЦК КПСС.

С 1992 года — Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Молдова в Российской Федерации, с февраля 1993 года — Председатель парламента Республики Молдова, с 1996 года — президент Республики Молдова.

По взглядам — социал-демократ. Убежден, что СССР уже не вернется.

МАЛОФЕЕВ Анатолий Александрович. Член Политбюро ЦК КПСС с декабря 1990 года. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1933 году в городе Гомеле, в семье служащих. Белорус. Член КПСС с 1954 года. В 1949 году окончил Гомельское железнодорожное училище, в 1967 году — Белорусский государственный институт народного хозяйства имени В. В. Куйбышева, в 1974 году — Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС.

В 1949 году работал слесарем Минского, с 1950 го-

да — Гомельского вагоноремонтного завода. В 1952—1956 гг. служил в Советской Армии. В 1956—1962 гг. вновь работал слесарем Гомельского вагоноремонтного завода. С 1962 года — на партийной работе в Гомеле: инструктор, заведующий отделом Железнодорожного райкома, с 1965 года — инструктор, с 1966 года — заведующий сектором обкома партии. С 1970 года — инструктор ЦК Компартии Белоруссии. В 1971—1978 гг. — первый секретарь Мозырского горкома, секретарь Гомельского обкома партии. С 1978 года — председатель Гомельского облисполкома. С 1982 года — первый секретарь Гомельского, с 1985 года — Минского обкомов партии Белоруссии, одновременно с апреля 1990 года — председатель Минского областного Совета народных депутатов. С ноября 1990 года — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва, с 1989 года — народный депутат СССР.

На апрельском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС потребовал от Горбачева ввести чрезвычайное положение.

С 1992 года — заместитель председателя Главного управления государственных материальных ресурсов Совета Министров Республики Беларусь. С конца 1996 года — председатель Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь.

МАСАЛИЕВ Абсомат Масалиевич. Член Политбюро ЦК КПСС в 1990—1991 гг. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1933 году в селе Алыш Фрунзенского района Ошской области Киргизской ССР, в семье крестьянина. Киргиз. Член КПСС с 1960 года. В 1953 году окончил Кызыл-Кийский горный техникум, в 1956 году — Московский горный институт, в 1964 году — Алма-Атинскую высшую партийную школу.

С 1956 года помощник начальника участка, заместитель главного инженера шахты рудоуправления «Кызыл-Кияуголь», помощник главного инженера треста «Киргизуголь» в г. Ош, инструктор Ошского обкома партии. С 1964 года — инспектор отдела Комитета партийно-государственного контроля ЦК Компартии Киргизии и Совета Министров республики, заместитель председателя Комитета партгосконтроля Ошского обкома партии и областного Совета депута-

тов трудящихся, заместитель председателя областного Комитета народного контроля. В 1966—1969 гг. — заведующий отделом Ошского обкома партии, заместитель заведующего отделом ЦК Компартии Киргизии. С 1969 года — первый секретарь Таш-Кумырского горкома партии, с 1971 года — заведующий отделом ЦК Компартии Киргизии. В 1972—1974 гг. — председатель Фрунзенского горисполкома. С 1974 года — секретарь ЦК Компартии Киргизии. В 1979—1985 гг. — первый секретарь Иссык-Кульского обкома партии, в 1985 году — инспектор ЦК КПСС. С ноября 1985 по апрель 1991 года — первый секретарь ЦК Компартии Киргизии. Одновременно в апреле — декабре 1990 года — Председатель Верховного Совета Киргизской ССР. Народный депутат СССР с 1989 года.

С апреля по август 1991 года — в аппарате ЦК КПСС. С 1992 года — на пенсии. В июне того же года избран в исполком Партии коммунистов Кыргызстана. Издал книгу «Страницы жизни и бедное наше отечество».

МАХКАМОВ Кахар. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1932 году в городе Ленинабаде Таджикской ССР, в крестьянской семье. Таджик. Член КПСС с 1957 года. В 1953 году окончил Ленинградский горный институт.

Трудовой путь начал в 1953 году начальником вентилиации шахты треста «Таджикуголь» в г. Шураб, затем работал помощником главного инженера, начальником эксплуатационного участка, главным инженером, начальником шахты, управляющим рудоуправления «Таджикуголь». С 1961 года — председатель Ленинабадского горисполкома, с 1963 года — председатель Госплана Таджикской ССР, одновременно с 1965 года — заместитель Председателя Совета Министров Таджикской ССР. В 1982—1985 гг. — Председатель Совета Министров Таджикской ССР. С 1985 г. — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, одновременно с апреля 1990 года — Председатель Верховного Совета Таджикской ССР. В 1990—1991 гг. — президент Таджикской ССР. Народный депутат СССР с 1989 года.

С 1992 года на пенсии.

МУТАЛИБОВ Ниязи Аяз оглы. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1938 году в Баку, в семье служащего. Азербайджанец. Член КПСС с 1963 года. В 1962 году окончил Азербайджанский институт нефти и химии имени М. Азизбекова.

Трудовую деятельность начал в 1958 году старшим техником-конструктором Азербайджанского научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации. В 1959—1974 гг. работал инженером конструкторского бюро, мастером цеха, начальником специального конструкторского бюро, главным инженером, директором (в 1966—1974 гг.) Бакинского завода холодильников. С 1974 года — генеральный директор Бакинского производственного объединения по выпуску холодильников и бытовых машин, с 1977 года — второй секретарь Наримановского райкома партии г. Баку. В 1979—1982 гг. — министр местной промышленности, с 1982 года — заместитель Председателя Совета Министров, одновременно председатель Госплана Азербайджанской ССР. С 1989 года — Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР, в январе 1990 года был избран первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. В мае 1990 — июне 1992 года — президент Азербайджанской ССР (Азербайджанской Республики). Народный депутат СССР с 1989 года.

В августе 1991 года поддержал ГКЧП.

С 1992 года живет в Подмосковье. В связи с расследованием событий 19—20 января 1990 года в Баку прокуратурой Азербайджанской Республики в феврале 1994 года выдан ордер на его арест.

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1986 года. Член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС в 1981—1986 гг.

Родился в 1940 году в селе Чемолган Каскеленского района Алма-Атинской области, в семье крестьянина. Казах. Член КПСС с 1962 года.

В 1967 году окончил завод-втуз при Карагандинском металлургическом комбинате, в 1976 году — Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Трудовой путь начал в 1960 году разнорабочим стройуправления треста «Казметаллургстрой» в г. Темиртау Карагандинской области, затем работал чугунищиком разливочных машин, горновым доменной печи на Карагандинском металлургическом заводе (с 1966 г. — комбинат): диспетчер, газовщик, старший газовщик доменного цеха. С 1969 года — заведующий отделом Темиртауского горкома партии, первый секретарь Темиртауского горкома комсомола, второй секретарь Темиртауского горкома партии. В 1973—1977 гг. — секретарь парткома Карагандинского металлургического комбината. С 1977 года — секретарь, второй секретарь Карагандинского обкома партии, с 1979 года — секретарь ЦК Компартии Казахстана. В 1984—1989 гг. — Председатель Совета Министров Казахской ССР. В 1989—1991 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, одновременно с февраля 1990 годп — Председатель Верховного Совета Казахской ССР, с апреля 1990 года — президент Казахской ССР (с декабря 1991 года — Республики Казахстан). Народный депутат СССР с 1989 года.

Добровольно сложил с себя обязанности члена Политбюро в конце августа 1991 года.

Оценивая роль М. С. Горбачева в истории СССР, заявил, что он как политик и коммунист не планировал таких глубоких перемен. Происки внешних врагов сильно преувеличены. Горбачев и его ближайшее окружение просто утратили бразды правления. Власть в Москве, фигурально выражаясь, лежала на земле, и Б. Ельцин, благодаря своей политической воле, взял эту власть в свои руки.

НИЯЗОВ Сапармурад Атаевич. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1940 году в г. Ашхабаде. Туркмен. Член КПСС с 1962 года. В 1967 году окончил Ленинградский политехнический институт, в 1976 году — Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Трудовой путь начал в 1959 году инструктором Туркменского территориального комитета профсоюза рабочих и служащих геологоразведочных работ. В 1965 году работал формовщиком на одном из ленин-

градских предприятий. С 1967 года — мастер, старший мастер цеха Безмеинской ГРЭС имени В. И. Ленина в Ашхабадской области. В 1970—1980 гг. — инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом ЦК Компартии Туркменистана, в 1980—1984 гг. — первый секретарь Ашхабадского горкома партии. С 1984 года — инструктор отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. В 1985 году — Председатель Совета Министров Туркменской ССР, с декабря того же года — первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана, одновременно с января 1990 года — Председатель Верховного Совета Туркменской ССР, с октября 1990 года — президент Туркменской ССР. Народный депутат СССР с 1989 года.

С октября 1991 года — президент Туркменистана, одновременно с ноября 1991 года по июнь 1992 года — премьер-министр Туркменистана. С декабря 1991 года — председатель Демократической партии Туркменистана.

Уже весной 1992 года Президиум Верховного Совета Туркменистана принял постановление: «Считать целесообразным изготовление портретов президента Туркменистана и неограниченную их продажу населению». С тех пор редкая газета республики выходит без двух-трех портретов бывшего пламенного коммуниста в каждом номере.

Президентом подписывается указ об учреждении международной премии имени Махтумкули. Первым лауреатом становится сам президент. Учреждается звание героя Туркменистана. И первый «Золотой месяц» (так называется медаль) вручается президенту. Одна из книг о президенте называется «Вождь». В Ашхабаде главная магистраль столицы — проспект Ленина — переименован в проспект Сапармурада Туркменбаши.

«Туркменбаши». «Отец нации»... Масштабы почитания бывшего члена Политбюро на родине превосходят Ленина, Сталина и Брежнева вместе взятых.

Хлеб в Туркмении — по карточкам.

ПОГОСЯН Степан Карапетович. Член Политбюро ЦК КПСС с декабря 1990 по июль 1991 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1932 году в селе Агакчи Талинского района Армянской ССР в семье служащих. Армянин. Член КПСС с 1956 года. В 1955 году окончил Ереванский государственный университет.

Трудовой путь начал в 1949 году колхозником в своем селе. В 1955—1958 гг. — секретарь комитета комсомола Ереванского государственного университета. С 1958 года — заместитель заведующего отделом ЦК ЛКСМ Армении. В 1959—1962 гг. — второй, первый секретарь ЦК ЛКСМ Армении. С 1967 года — первый секретарь Арагатского райкома Компартии Армении. С 1970 года — председатель Государственного комитета Совета Министров Армянской ССР по телевидению и радиовещанию. В 1988—1990 гг. — директор информационного агентства при Совете Министров Армянской ССР. С августа того же года — секретарь ЦК Компартии Армении, первый секретарь Ереванского горкома Компартии Армении. В ноябре 1990 — мае 1991 года — первый секретарь ЦК Компартии Армении.

С июля 1991 года — на пенсии.

ПОЛОЗКОВ Иван Кузьмич. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1935 году в селе Лещ-Плота Солнцевского района Курской области, в семье колхозника. Русский. Член КПСС с 1958 года. В 1965 году окончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт, в 1977 году — Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС, в 1980 году — Академию общественных наук при ЦК КПСС.

В 1954—1957 гг. служил в Советской Армии. С 1957 года работал в Солнцевском районе Курской области: колхозник, председатель районного комитета по физической культуре и спорту, второй секретарь райкома комсомола, затем, после учебы в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, — первый секретарь райкома комсомола. С 1962 года — на партийной работе: инструктор райкома, заместитель заведующего отделом парткома производственного колхозно-совхозного управления, секретарь, второй секретарь райкома партии. В 1969—1972 гг. — замести-

тёль заведующего отделом Курского обкома партии. С 1972 года — председатель Рыльского райисполкома, с 1973 года — первый секретарь Рыльского райкома партии Курской области. В 1975—1978 гг. — инструктор отдела ЦК КПСС. С 1978 года был слушателем АОН при ЦК КПСС. Окончив академию, вновь работает в аппарате ЦК партии. В 1983—1984 гг. — секретарь Краснодарского крайкома партии, с 1984 года — снова в аппарате ЦК КПСС. С 1985 года — первый секретарь Краснодарского крайкома партии, одновременно с апреля 1990 года — председатель Краснодарского краевого Совета народных депутатов. С июня 1990 по июль 1991 года — первый секретарь ЦК Компартии РСФСР. В 1989-90 гг. — народный депутат СССР. В 1990—1993 гг. — народный депутат Российской Федерации.

Будучи одним из основателей Компартии РСФСР, подвергался изошренным нападкам демократической прессы, превратившей его в одиозную фигуру.

В сентябре 1991 года перенес инфаркт миокарда, сделавший его инвалидом второй группы. В 1993 году вышел из горящего, разбитого танковыми снарядами здания Верховного Совета с последними защитниками и был задержан вместе с Руцким и Хасбулатовым. В связи с резким ухудшением здоровья был отпущен под подписку о невыезде. В течение полугода вызывался на допросы в прокуратуру. Перенес инсульт и второй инфаркт.

Пишет книгу о том, «как Горбачева заставили пере- вести назад стрелки развития человечества». Надеется на выход своего труда на Западе, поскольку уверен, что в России издать не осмелятся.

ПРОКОФЬЕВ Юрий Анатольевич. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1939 году в городе Муйнаке Каракалпакской АССР, в семье служащего. Русский. Член КПСС с 1960 года. В 1962 году окончил Московский автомеханический институт, в 1972 году — Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС. Кандидат экономических наук.

Трудовую деятельность начал в Москве в 1957 году

старшим пионервожатым школы, затем был на комсомольской работе: секретарь комитета комсомола автомеханического института, инструктор, второй, первый секретарь Первомайского райкома ВЛКСМ, заместитель заведующего, заведующий отделом горкома комсомола. С 1968 года — на партийной работе в Москве: инструктор, заместитель заведующего отделом МГК КПСС, с 1977 года — секретарь, второй, первый секретарь Куйбышевского райкома КПСС, с 1985 года — заведующий отделом МГК партии. В 1986—1988 гг. — секретарь Мосгорисполкома. С 1988 года — секретарь, второй, в 1989—1991 гг. — первый секретарь Московского горкома КПСС.

Допрашивался по делу ГКЧП, но оснований для ареста у следователей не набралось.

В 1998 г. был Президентом АО «ТВ-Информ».

РУБИКС Алфредс Петрович. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года. Почетный гражданин американского города Литл-Рок (Арканзас).

Родился в 1935 году в г. Даугавпилсе (Латвия), в семье служащего. Латыш. Член КПСС с 1958 года. В 1963 году окончил Рижский политехнический институт, в 1980 году — Ленинградскую высшую партийную школу.

Трудовой путь начал в 1954 году сменным мастером Рижского электромашиностроительного завода. В 1954—1957 гг. служил в Советской Армии. С 1957 года работал инженером-технологом, секретарем комитета комсомола электромашиностроительного завода. В 1961—1963 гг. — секретарь комитета комсомола Рижского политехнического института, секретарь Рижского горкома комсомола, начальник бюро электромашиностроительного завода. В 1963—1968 гг. — второй, первый секретарь Рижского горкома комсомола, с 1968 г. — секретарь ЦК ЛКСМ Латвии. С 1969 года — на партийной работе: заместитель заведующего отделом ЦК Компартии Латвии, первый секретарь Ленинградского райкома г. Риги. В 1982—1984 гг. — министр местной промышленности Латвийской ССР. С 1984 года — председатель Рижского горисполкома.

В апреле 1990 года избран первым секретарем ЦК Компартии Латвии. Народный депутат СССР с 1989 года.

23 августа 1991 года арестован за поддержку ГКЧП СССР прямо в своем рабочем кабинете, содержался в следственном изоляторе г. Риги. Вернувшийся из Фороса Горбачев сказал: «Я благодарю всех за приветствия и заверения в поддержке, за исключением Хусейна, Каддафи и Рубикса». В июле 1995 года приговорен к восьми годам тюремного заключения. Будучи узником тюрьмы, был избран депутатом латвийского сейма, исполнял депутатские обязанности в неволе. Перенес тяжелую болезнь, тюремным врачам едва удалось поставить его на ноги. Освобожден в январе 1998 года.

В феврале того же года приезжал в Москву, где встречался с лидером КПРФ Геннадием Зюгановым. Как сообщил Рубикс журналистам, они «сошлись в своих оценках» ситуации в России и Латвии, где «много совпадает». И Рубикс, и Зюганов согласились, что в обеих странах «у власти находятся криминализованные элементы».

СЕМЕНОВА Галина Владимировна. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года, секретарь ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родилась в 1937 году в Смоленске, в семье военнослужащего. Русская. Член КПСС с 1965 года. В 1959 году окончила факультет журналистики Львовского государственного университета имени И. Франко, в 1981 году — Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат философских наук.

Трудовую деятельность начала в 1959 году литературным сотрудником в областной газете «Комсомольское племя» (г. Одесса). С 1963 года — заведующая отделом редакции газеты ЦК ЛКСМ Украины «Комсомольская искра» по зоне Одесской, Николаевской, Херсонской и Крымской областей. В 1965—1974 гг. — литературный сотрудник, заведующая отделом, ответственный секретарь, с 1974 года — главный редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь». В 1978—1981 гг. — аспирантка АОН при ЦК КПСС. С 1981 года — главный редактор журнала «Крестьянка».

На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избрана членом Политбюро ЦК, секретарем ЦК КПСС. Народный депутат СССР с 1989 года.

Избрание в Политбюро было для нее полнейшей неожиданностью. Удивилась и не скрывала, что не представляет своей новой роли.

Третья женщина в Политбюро за всю историю его существования. До нее была Фурцева и ныне забытая Бирюкова. Правда, Бирюкова была не «полным» членом, а всего лишь кандидатом в члены.

Названа М. С. Горбачевым в числе зрелых политиков и честных людей, не поддержавших ГКЧП.

После запрета КПСС — на пенсии. Вице-президент информационного содружества «Атлантида». сопредседатель исследовательской ассоциации «Женщины и развитие».

СИЛЛАРИ Энн-Арно Аугустович. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1944 году в Таллине, в семье служащего. Эстонец. Член КПСС с 1972 года. В 1967 году окончил Каунасский политехнический институт.

Трудовую деятельность начал в 1967 году помощником мастера на фабрике «Кейла» в Таллине, затем работал старшим мастером, начальником прядильного производства, заместителем главного инженера фабрики. С 1974 года — заведующий отделом Ленинского райкома партии г. Таллина. В 1976—1981 гг. — инструктор, заведующий сектором, заместитель, первый заместитель заведующего отделом ЦК Компартии Эстонии. С 1981 года — инструктор отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. В 1984—1986 гг. — первый секретарь Тартуского, с 1986 года — первый секретарь Таллинского горкомов партии. С 1989 года — секретарь, с марта 1990 года — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии (самостоятельная).

В настоящее время — член Демократической партии труда Эстонии.

СТРОЕВ Егор Семенович. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Секретарь ЦК КПСС с сентября 1989 года. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1937 году в деревне Дудкино Хотынец-

кого района Орловской области, в семье колхозника. Русский. Член КПСС с 1958 года. В 1960 году окончил Мичуринский плодоовощной институт имени И. В. Мичурина, в 1969 году — Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Трудовой путь начал в 1955 году колхозником. С 1957 года — бригадир, затем агроном, начальник производственного участка, секретарь партбюро колхоза. С 1963 года — на партийной и советской работе в Орловской области: заместитель секретаря, заведующий отделом парткома производственного колхозно-совхозного управления, секретарь Хотынецкого райкома КПСС. С 1969 года — второй секретарь Покровского райкома партии, председатель исполкома районного Совета депутатов трудящихся, первый секретарь Покровского райкома КПСС Орловской области. В 1973—1985 гг. — секретарь Орловского обкома КПСС, инспектор ЦК КПСС. С 1985 года — первый секретарь Орловского обкома КПСС. На сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК партии избран секретарем ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва. Народный депутат СССР с 1989 года.

После августовского путча 1991 года выселили из квартиры в Орле.

Назван М. С. Горбачевым в числе зрелых политиков и честных людей, не поддержавших ГКЧП.

С 1992 года — директор Всероссийского НИИ селекции и сорторазведения плодово-ягодных культур (г. Орел), с апреля 1993 года — глава администрации Орловской области. В декабре 1993 года избран депутатом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в 1995 году — председателем Совета Федерации РФ. То есть в табели о рангах — третье лицо в стране.

Когда Госдума приняла декларацию о денонсации Беловежских соглашений, заявил: хоть тысячу законов примите, от этого бывший СССР не восстановится. Надо подождать, чтобы осела историческая пыль над рухнувшим зданием Союза, дать возможность пройти свежим дождям, появиться принципиально новым всходам.

Скромный и доброжелательный, порядочный в моральном плане. Но не революционер и не оратор-трибун.

СУРКОВ Михаил Семенович. Член Политбюро ЦК КПСС с апреля 1991 года. Член ЦК КПСС с июля 1990 года.

Родился в 1945 году в городе Челябинске. Русский. Член КПСС с 1968 года. В 1977 году окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

С 1960 года — слесарь, контролер предприятия в городе Омске. С 1963 года работал в Ленинграде: стропаль-такелажник, с 1964 года — преподаватель физкультуры в школе-интернате. С 1965 года — в Советской Армии. Был курсантом, командиром отделения — старшим механиком, старшиной батареи. Проходил службу на должностях политсостава: заместитель командира роты, помощник начальника политотдела дивизии, заместитель командира батальона, секретарь парткома полка, заместитель командира полка, заместитель начальника политотдела дивизии. В 1981—1985 гг. — начальник политотдела — заместитель командира дивизии. С 1985 года — первый заместитель начальника политотдела армии. С 1988 года — член Военного совета — начальник политотдела гвардейской армии. С 1990 года — ответственный секретарь парткомиссии при Главном политуправлении Советской Армии и Военно-Морского Флота. С марта 1991 года — секретарь Всесармейского партийного комитета. Генерал-майор.

На апрельском (1991 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК избран членом Политбюро ЦК КПСС. Народный депутат СССР. Член Комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности.

С 1995 года — депутат Государственной думы Российской Федерации, заместитель председателя парламентского комитета по обороне. Член думской фракции КПрФ.

ФРОЛОВ Иван Тимофеевич. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Секретарь ЦК КПСС в 1989—1990 гг. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1929 году в селе Доброе Добровского района Липецкой области, в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1960 года. В 1953 году окончил МГУ имени М. В. Ломоносова. Однокурсник Раисы Максимовны Горбачевой, чем во многом объясняется его стремительная карьера.

Трудовую деятельность начал в 1952 году в издательстве. С 1956 года — консультант, заместитель заведующего отделом, ответственный секретарь журнала «Вопросы философии». С 1962 года — редактор-консультант, заместитель ответственного секретаря издававшегося в Праге журнала «Проблемы мира и социализма». В 1965—1968 гг. — помощник секретаря ЦК КПСС. С 1968 года — главный редактор журнала «Вопросы философии». В 1977—1979 гг. — ответственный секретарь журнала «Проблемы мира и социализма». С 1979 года — заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований. В 1980—1986 гг. — председатель научного совета при президиуме АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники. С 1986 года — главный редактор журнала «Коммунист», с 1987 года — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС.

С октября 1989 года — главный редактор газеты «Правда», одновременно в декабре 1989 — июле 1990 гг. — секретарь ЦК КПСС. Доктор философских наук, профессор. Действительный член АН СССР (с 1987 г.). Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва. Народный депутат СССР с 1989 года.

Во время августовского кризиса 1991 года заочно снят с поста главного редактора «Правды» общим собранием трудового коллектива. Находился на лечении в Германии.

ШЕНИН Олег Семенович. Член Политбюро ЦК КПСС с июля 1990 года. Секретарь ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1937 году в Волгоградской области (пристань Владимирская), в семье служащего. Русский. Член КПСС с 1962 года. В 1955 году окончил Красноярский горный техникум, в 1976 году — Томский инженерно-строительный институт, в 1986 году — Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Трудовой путь начал в 1955 году в Красноярске техником-десятиником, затем работал прорабом на предприятии, начальником отдела, главным инженером, начальником стройуправления треста «Красноярсклюминстрой» и начальником стройуправления «Игарстрой». начальником стройуправления, заместителем уп-

правляющего, управляющим трестом «Ачинскальминстрой». С 1974 года — на партийной работе: первый секретарь Ачинского горкома партии, с 1977 года — второй секретарь Хакасского обкома партии Красноярского края. В 1982 году избран секретарем Красноярского крайкома, в 1985 году — первым секретарем Хакасского обкома КПСС. С 1987 года — первый секретарь Красноярского крайкома КПСС, одновременно с апреля 1990 г. — председатель Красноярского краевого Совета народных депутатов. На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС. Народный депутат СССР с 1989 года.

В молодости отсидел девять месяцев восемнадцать дней за нарушение техники безопасности на стройке — тогда погибло двое рабочих. Работал в Афганистане.

Хороший организатор, трудоголик, честный, принципиальный человек с твердым характером. Недостаток — не был известен ни в партии, ни среди членов ЦК, не говоря уже о широких слоях населения. По складу ума — технократ. Глубоко провинциален. Не имел опыта работы в центральных органах.

Двадцать второго августа 1991 года арестован по делу ГКЧП, полтора года содержался в следственном изоляторе «Матросская тишина». в тюрьме перенес три операции. В октябре 1992 года отпущен до суда по состоянию здоровья под подписку о невыезде. С марта 1993 года — председатель Союза коммунистических партий — КПСС. Председатель Комитета народов СССР.

Горбачева называет «проходимцем», считает, что судьба КПСС и СССР была решена в Вашингтоне, Бонне, Лондоне и Тель-Авиве.

Последний состав Секретариата ЦК КПСС

Этот руководящий орган партии был создан в 1919 году и первоначально состоял из одного ответственного секретаря и пяти технических работников. Первым ответственным секретарем ЦК КПСС была Стасова.

В 1922 году вместо поста ответственного секретаря был введен пост Генерального секретаря. Первым Ге-

неральным секретарем стал Сталин. Этот пост он совмещал с руководством двумя наркоматами — по делам национальностей и Рабоче-крестьянской инспекции. Кроме того, он был членом Реввоенсовета Республики, членом Совета Труда и Оборона, членом коллегии ВЧК-ОГПУ, т. е. опирался на реальные властные структуры.

Секретарями ЦК КПСС с 1919 по 1991 годы были 109 человек. Здесь тоже немало известных имен: Молотов, Куйбышев, Жданов, Маленков, Хрущев, Брежнев, Андропов.

По численности Секретариат ЦК КПСС был небольшим, но эффективным органом, руководившим повседневной деятельностью ЦК. При Горбачеве в его состав вошли 18 человек: 11 секретарей ЦК КПСС, 5 членов Секретариата ЦК, а также Генеральный секретарь и его заместитель, избравшиеся по новому Уставу КПСС съездом партии. Это было рыхлое, аморфное формирование, самое большое по численности за всю его историю.

АНИСКИН Виктор Васильевич. Член Секретариата ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1948 году в деревне Озеро Тепло-Огаревского района Тульской области, в семье колхозника. Русский. Член КПСС с 1974 года. В 1971 году окончил Яхромский совхоз-техникум Московской области, учился во Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования.

В 1967—1969 гг. служил в Советской Армии. После окончания техникума работал бригадиром колхоза «Новостройка». с 1975 года — главный агроном колхоза «Коммунар». с 1980 года — председатель колхоза имени М. Горького Клинского района Московской области.

На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран членом Секретариата ЦК КПСС.

ГАЙВОРОНСКИЙ Валентин Алексеевич. Член Секретариата ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1948 году в городе Архангельске, в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1973 года. В 1973 году

окончил вечернюю среднюю школу в городе Северодвинске Архангельской области.

Трудиться начал в 1965 году после учебы в Северодвинском городском профессионально-техническом училище № 1. Работал токарем, учеником электросварщика, электросварщиком на машиностроительном предприятии. В 1967—1969 гг. служил в Советской Армии. С 1969 года — вновь в Северодвинске: электросварщик, мастер производственного обучения ГПТУ-1. С 1979 года работает электросварщиком Мариупольского производственного объединения «Азовмаш».

На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран членом Секретариата ЦК КПСС.

ГИДАСПОВ Борис Вениаминович. Секретарь ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1933 году в городе Самаре, в семье служащего. Русский. Член КПСС с 1962 года. В 1955 году окончил Куйбышевский индустриальный институт имени В. В. Куйбышева. Доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, сейчас РАН.

Трудовую деятельность начал в 1955 году ассистентом Куйбышевского индустриального института. С 1959 года — аспирант, старший инженер проблемной лаборатории, младший научный сотрудник, ассистент, старший преподаватель, и.о. доцента, доцент, с 1965 года — декан, профессор, одновременно (с 1969 г.) заведующий кафедрой Ленинградского технологического института имени Ленсовета, с 1971 года — главный конструктор специального конструкторско-технологического бюро «Технолог». В 1977—1985 гг. — директор Государственного института прикладной химии (ГИПХ), с 1985 года — генеральный директор научно-производственного объединения ГИПХ, с 1988 года — председатель правления межотраслевого государственного объединения «Технохим» в Ленинграде.

В 1989 году был избран первым секретарем Ленинградского обкома КПСС, одновременно с июля 1990 года — секретарь ЦК КПСС. Народный депутат СССР с 1989 года. Лауреат Ленинской премии (1976 г.) и Государственной премии СССР (1981 г.).

В 1992 году — научный консультант-эксперт меж-

отраслевого объединения «Технохим» (г. С.-Петербург), затем снова его генеральный директор.

«Стояние на площадях» называет глупостью. Считает, что свое уже отыграл, а потому политикой больше не занимается. Вот экономика, конкретные дела — другое дело. Правда, дачи на Канарах нет. А хорошая квартира, машина — так они были у него и во времена перестройки.

По мнению Л. Н. Зайкова, Гидаспов — выскочка, а не коммунист. Ничего хорошего для Ленинграда не сделал.

ГИРЕНКО Андрей Николаевич. Секретарь ЦК КПСС с сентября 1989 года. Член ЦК КПСС с сентября 1989 года. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1981—1989 гг.

Родился в 1936 году в городе Кривой Рог Днепропетровской области. Украинец. Член КПСС с 1963 года. Окончил Криворожский горнорудный институт в 1958 году, Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС в 1971 году.

После окончания института работал бригадиром электромонтажников, инженером, старшим инженером, механиком шахты рудоуправления имени Дзержинского в городе Кривой Рог. С 1962 года — на комсомольской работе: секретарь комитета комсомола рудоуправления, первый секретарь Криворожского горкома, первый секретарь Днепропетровского обкома комсомола, с 1970 года — второй, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины.

С 1975 года — на партийной работе: инспектор ЦК Компартии Украины, второй, с 1980 года — первый секретарь Херсонского обкома партии. В 1987—1989 гг. — первый секретарь Крымского обкома партии. На сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС избран секретарем Центрального Комитета КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва. Народный депутат СССР с 1989 года.

Назван М. С. Горбачевым в числе зрелых политиков и честных людей, не поддержавших ГКЧП.

С 1992 года — заместитель сопредседателя-координатора Международного конгресса промышленников и предпринимателей (г. Москва).

КАЛАШНИКОВ Владимир Валерьянович. Секретарь ЦК КПСС с июля 1991 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1947 году в городе Гулькевичи Краснодарского края в семье инженерно-технических работников. Русский. Член КПСС с 1973 года. В 1970 году окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета.

После службы в Советской Армии с 1972 года работал заведующим кабинетом на кафедре Ленинградского высшего артиллерийского командного училища. С 1975 года — ассистент, с 1982 года доцент, с 1984 года — старший научный сотрудник Ленинградского государственного университета. С 1986 года — заведующий кафедрой политической истории, с 1989 года — декан факультета общественных наук и гуманитарной подготовки Ленинградского электротехнического института. Доктор исторических наук, профессор.

На XXVIII съезде КПСС избран членом ЦК партии, на июльском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС — секретарем ЦК КПСС.

КУПЦОВ Валентин Александрович. Секретарь ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1937 году в деревне Миндюкино Череповецкого района Вологодской области, в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1966 года. В 1966 году окончил Северо-Западный заочный политехнический институт, в 1988 году — Ленинградскую высшую партийную школу.

Трудовой путь начал в 1955 году колхозником, затем был заведующим избой-читальней в Уломском районе Вологодской области. В 1956—1958 гг. служил в Советской Армии. С 1958 года работал в Череповце: вальцовщик, мастер прокатных станов, секретарь парткома цеха, заместитель секретаря парткома металлургического завода. В 1974—1979 гг. — второй, первый секретарь горкома партии. С 1979 года — первый секретарь Вологодского горкома, с 1984 года — второй секретарь Вологодского обкома партии. В 1985 году — инспектор ЦК КПСС. С 1985 года — первый секретарь Вологодского обкома КПСС, одно-

временно с марта 1990 года — председатель областного Совета народных депутатов. С апреля 1990 года — заведующий отделом ЦК КПСС по работе с общественно-политическими организациями. На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран секретарем ЦК КПСС. Народный депутат СССР с 1989 г. С июля 1991 года — первый секретарь ЦК Российской Компартии.

С декабря 1993 года — руководитель аппарата фракции депутатов «Коммунистическая партия Российской Федерации» Госдумы России, с 1995 года — депутат Госдумы РФ. Первый заместитель председателя ЦК КПрФ.

МАЛЬЦЕВ Александр Николаевич. Член Секретариата ЦК КПСС с июля 1991 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1952 году в городе Муроме Владимирской области. Русский. Член КПСС с 1985 года. В 1979 году окончил Ленинградский государственный университет. Кандидат философских наук.

Трудовую деятельность начал после службы в Советской Арии в 1973 году — эмалировщиком Муромского завода имени С. Орджоникидзе, затем работал плотником-бетонщиком строительного управления треста Мосстрой.

После окончания аспирантуры с 1982 года преподавал в Горьковском сельскохозяйственном институте: был ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, исполнял обязанности заведующего кафедрой философии и проблем социализма.

С 1990 года — первый секретарь Нижегородского горкома Компартии РСФСР.

На XXVIII съезде КПСС избран членом ЦК партии, на июльском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС — членом Секретариата ЦК КПСС.

МАНАЕНКОВ Юрий Алексеевич. Секретарь ЦК КПСС с сентября 1989 года. Член ЦК КПСС с 1986 года.

Родился в 1936 году в деревне Новопокровка Сосновского района Тамбовской области, в семье колхозника. Русский. Член КПСС с 1960 года.

Трудиться начал в 1955 году в колхозе, был скотни-

ком-пастухом, плотником. В 1958—1962 гг. работал литературным сотрудником, заведующим отделом, ответственным секретарем, заместителем редактора районной газеты в Тамбовской области. В 1962—1964 гг. — инструктор Ламского райкома КПСС, заместитель редактора районной газеты.

После окончания в 1964 году Мичуринского плодово-овощного института имени И. В. Мичурина работал старшим агрономом Староюрьевского производственного колхозно-совхозного управления, избирался секретарем парткома совхоза. В 1965—1968 гг. — редактор староюрьевской районной газеты. С 1968 года — секретарь, второй секретарь Ржаксинского райкома КПСС, с 1970 года — первый секретарь Уметского райкома КПСС Тамбовской области. В 1973—1981 гг. — заведующий отделом, секретарь Тамбовского обкома КПСС. В 1974 году окончил ЗВПП при ЦК КПСС. В 1981—1982 гг. работал в Афганистане. С 1983 года — второй секретарь Тамбовского обкома, с 1984 по сентябрь 1989 года — первый секретарь Липецкого обкома КПСС.

На сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС был избран секретарем ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва. Народный депутат СССР с 1989 года.

МЕЛЬНИКОВ Иван Иванович. Секретарь ЦК КПСС с июля 1991 года. Член Секретариата ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1950 году в городе Богородицке Тульской области, в семье служащего. Русский. Член КПСС с 1972 года. В 1972 году окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Трудовую деятельность начал в 1972 году преподавателем спецшколы при МГУ. С 1974 года — аспирант, заместитель секретаря комитета комсомола, старший инженер лаборатории, ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры, секретарь парткома механико-математического факультета МГУ. В 1986 году был избран председателем объединенного профсоюзного комитета, в 1988 году — секретарем парткома МГУ имени М. В. Ломоносова.

На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран

членом Секретариата ЦК КПСС. С июля 1991 года — секретарь ЦК КПСС, председатель комиссии ЦК КПСС по молодежной политике, с сентября 1991 года — доцент механико-математического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

С 1995 года — депутат Госдумы РФ, председатель думского комитета по науке и образованию. Заместитель председателя ЦК КИРФ.

ТЕПЛЕНИЧЕВ Александр Иванович. Член Секретариата ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родился в 1937 году в деревне 2-й Большой Двор Череповецкого района Вологодской области, в семье колхозника. Русский. Член КПСС с 1964 года. В 1956 году окончил Моздокский элеваторный техникум (Северо-Осетинская АССР), в 1972 году — Липецкий филиал Московского института стали и сплавов.

Трудовой путь начал в 1956 году заведующим лабораторией Верецагинской конторы «Заготзерно» Пермской области. В 1956—1959 гг. служил в Советской Армии. С 1960 года — подручный разлищика, разлищик, старший разлищик мартеновского цеха Череповецкого металлургического завода. В 1967—1972 гг. — разлищик, старший разлищик, мастер разлижки конверторного цеха. С 1972 года — секретарь парткома цеха, заместитель секретаря, с 1975 года — секретарь парткома Новолипецкого металлургического завода, с 1983 года — металлургического комбината имени Ю. В. Андропова.

На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран членом Секретариата ЦК КПСС.

ТУРГУНОВА Гулчехра. Член Секретариата ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1990 года.

Родилась в 1944 году в селе Ташлак Ташлакского района Ферганской области, в семье колхозника. Узбечка. Член КПСС с 1965 г. В 1969 году окончила среднюю школу.

Трудовой путь начала в 1962 году ткачихой шелкоткацкой фабрики в Ахунбабаевском районе Ферганской области. В 1963—1969 гг. — ткачиха, инструктор, мастер производственного обучения фирмы «Атлас» в г. Мар-

гилане. С 1969 года — ткачиха Маргиланского производственного объединения ковровых тканей «Атлас».

На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избрана членом Секретариата ЦК КПСС.

ФАЛИН Валентин Михайлович. Секретарь ЦК КПСС с июля 1990 года. Член ЦК КПСС с 1989 года. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1986—1989 гг. Член ЦК КПСС в 1976—1986 гг.

Родился в 1926 году в Ленинграде. Русский. Член КПСС с 1953 года. В 1950 году окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Доктор исторических наук.

Трудовой путь начал в 1942 году токарем на московском заводе «Красный пролетарий». С 1950 года — сотрудник Советской Контрольной Комиссии в Германии. В 1952—1958 гг. работал в Комитете информации при МИД СССР: старший референт, помощник, старший помощник, заместитель начальника отдела. С 1958 года — референт ЦК КПСС, с 1959 года — в МИД СССР: советник, заместитель заведующего отделом, заведующий отделом, член коллегии министерства. В 1971—1978 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ. С 1978 года — первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС. В 1983—1986 гг. — политический обозреватель газеты «Известия». С 1986 г. — председатель правления агентства печати «Новости». С 1988 года — заведующий отделом ЦК КПСС.

На июльском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС избран секретарем ЦК партии. Одновременно с апреля 1991 года — председатель комиссии ЦК КПСС по проблемам международной политики. Народный депутат СССР с 1989 года. Лауреат Государственной премии СССР (1982 г.).

С 1992 года работает в Институте по изучению проблем мира при Гамбургском университете (Германия).

В догорбачевских Политбюро и Секретариате ЦК КПСС трудились лауреаты Ленинской и Государственной премий, некоторые — дважды и трижды. Были в их составе Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, награжденные орденами не

только к круглым датам или ко дням рождения. Секретари ЦК КПСС Устинов и Патолитчев имели только орденов Ленина — по одиннадцать, кандидат в члены Политбюро Машеров — семь. Кто скажет против этих людей плохое слово?

Или — против секретаря ЦК КПСС Бакланова? Звание Героя Социалистического Труда он получил за участие в создании знаменитого «Бурана», не уступающего американским «Шаттлам». Ленинскую премию — за модернизацию одного из комплексов, который до сих пор стоит на боевом дежурстве, орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета» — за разработку новейшей ракетно-космической техники.

В горбачевских Политбюро и Секретариате ЦК уже не было места ни Героям, ни лауреатам.

Потому что получать награды до самозабвения любил лишь один человек — генсек. Он не брезговал ничем, даже лауреатством всевозможных общественных организаций, скоропалительно создаваемых тремя-четырьмя учредителями — физическими лицами — где-нибудь на скамейке в городском парке от нечего делать, для развлечения.

В горбачевские времена высмеивали любовь к наградам «дорогого Леонида Ильича». Да, на его маршальском мундире сверкало множество разных звезд и орденов. Но присмотритесь внимательно — это были высшие знаки отличия иностранных государств.

Трудно себе представить, чтобы Леонид Ильич согласился принять почетное звание «Гуманист столетия», учрежденное тремя боливийскими футбольными болельщиками в пивнушке по дороге со стадиона, или премию ассоциации по обеспечению досуга в крохотном итальянском городишке. Да Леониду Ильичу вряд ли кто и осмелился бы предложить подобное — престиж возглавляемой им великой державы для Брежнева, при всех его слабостях, был превыше всего.

Чего не скажешь о последнем генсеке.

Документ для истории

Много лет подряд одним из самых приближенных к Михаилу Сергеевичу людей был его помощник, а затем заведующий общим отделом ЦК КПСС и руко-

водитель аппарата президента СССР Валерий Иванович Болдин.

В начале 1991 года Валерий Иванович пригласил меня для конфиденциальной беседы, в ходе которой предложил перейти из аппарата ЦК КПСС, где я работал, в аппарат президента СССР, во вновь создаваемую информационно-аналитическую группу.

— Это исключительно важное подразделение, — убеждал Валерий Иванович. — В его функции будет входить подготовка материалов непосредственно для Михаила Сергеевича. На основе ежесуточных сводок КГБ, Генштаба, МВД, шифротелеграмм совпосольств.

Предложение было неожиданное, и я попросил два дня на размышления. В условленное время пришел в кабинет руководителя президентской канцелярии с твердым отказом.

— Почему? — искренне удивился Болдин.

— Есть одно обстоятельство...

— Какое?

— Администрация президента СССР — единственное учреждение, где нет партийной организации...

— Это вам представляется подозрительным?

— Да.

— Что ж, вам виднее. — Взгляд Болдина стал равнодушно-холодным.

И вот встреча спустя несколько лет после того памятного разговора. Беседа с согласия Валерия Ивановича идет под диктофонную запись.

— Валерий Иванович, как вы считаете, была ли закономерность в том, что Михаил Сергеевич появился в Кремле? Или это случайность?

— Я думаю, что появление Горбачева в ЦК КПСС и избрание его Генеральным секретарем в значительной мере было не случайным. Дело в том, что в тот период, когда все это происходило, руководство партии и страны было престарелым. По существу единственным мало-мальски подвижным человеком являлся Горбачев.

Этим, собственно, и определилась дальнейшая его судьба, а также судьба страны и партии. Вскоре после прихода Горбачева в Политбюро умер Суслов, вслед

за ним Брежнев. После Леонида Ильича партию возглавил Андропов — человек недостаточно здоровый. Несмотря на хорошие идеи, которые у него были, осуществить их он не успел, поскольку последние месяцы своей жизни он провел в больнице. По существу с середины сентября 1982 года и до своей кончины в феврале 1984 года он не появлялся в ЦК КПСС. Естественно, что он мог влиять на дела партии и государства в очень незначительной степени.

Его скорая смерть произвела довольно тягостное впечатление, потому что вслед за Брежневым столь скоро ушел из жизни еще один лидер. Всякая смена руководства потрясает прежде всего аппарат управления. Это, конечно, не могло не сказаться на последующих решениях о руководстве партией и страной.

Казалось бы, уже тогда можно было сделать определенные выводы, но в то время был еще жив Устинов и другие деятели, пришедшие к власти в 1964 году вместе с Брежневым. Само собой, они не были заинтересованы в том, чтобы к управлению страной пришел слишком ретивый человек, тем более не их круга. Поэтому делалось все для того, чтобы этот процесс оттянуть. Так возникла фигура Черненко. Наверное, его избрание Генеральным секретарем и доконало все общество. Не буду вдаваться в вопрос о том, насколько он был мудрым или хотя бы подготовленным к этой деятельности. Возраст и состояние здоровья вызвали к нему критическое отношение. В марте 1985 года его не стало. Со смертью третьего лидера подряд за столь короткое время стало ясно, что в руководстве идут негативные процессы, сотрясавшие основы планомерной деятельности в экономике, развитии всего народного хозяйства. В тот период, конечно, все готовы были к любому решению, лишь бы к руководству пришел человек, отличающийся от тех, кто был немощен.

Надо сказать, что в тот период, пожалуй, больше никого не было на глазу. Громыко находился в очень преклонном возрасте, хотя, наверное, вряд ли он сам это осознавал. Во всяком случае, пост главы государства он вряд ли мог занять. То же самое можно сказать о Гришине, да и о всех членах Политбюро, которые оставались от брежневской команды. Следует иметь в виду, что на местах произошла смена руково-

дителей. Если в центре они еще кое-как держались, то в областях, краях, республиках пришла новая генерация, не столь тесно связанная с Брежневым. Поэтому местные партийные функционеры не были особо заинтересованы в том, чтобы держаться за престарелых членов Политбюро из брежневского состава, наоборот, они хотели каким-то образом поменять старое руководство. Таким образом, росла потребность появления более здорового и энергичного руководителя. Но, кроме Горбачева, из «молодежи» мало-мальски претендовать на этот пост было некому. К тому же он сумел поставить дело так, что были скомпрометированы Гришин и Романов. Так была расчищена дорога для появления молодого, во всяком случае более молодого и свежего человека, не связанного с прошлой системой. И когда Черненко скончался, обращать взоры членам ЦК было особенно не на кого.

Лигачев тоже был в возрасте, Ельцина никто фактически не знал. Пришедшие в андроповские времена новые члены Секретариата ЦК, в том числе Рыжков, были мало кому известны, к тому же они не имели опыта крупной партийной работы. Поэтому взяли то, что было на виду. Это сегодня мы можем рассуждать на тему о том, правильный был сделан выбор или неправильный, а в ту пору надо было скорее принимать решение. Тем более Горбачеву удалось поставить дело таким образом, что Пленум ЦК был назначен на следующий день после смерти Черненко, то есть не прошло еще и суток, никто не успел осмыслить происшедшее, подобрать какие-то иные варианты. Скоропалительно состоялся пленум, а перед ним столь же поспешно заседание Политбюро. В этом смысле, безусловно, Горбачев появился случайно, но эта случайность имела определенные объективные условия, ибо он все-таки обладал качествами, которых не доставало у других претендентов, а именно: молодости и энергии. Не следует забывать и того немаловажного обстоятельства, что прежде чем Горбачев стал Генеральным секретарем, он прошел все предварительные ступеньки, выдвинувшись в секретари ЦК, побывав в качестве кандидата в члены Политбюро, а затем и члена Политбюро.

— О его выдвижении секретарем ЦК. Очень много ходит разговоров о том, как он сменил на этом посту

Кулакова. О Федоре Давыдовиче немало разных инсинуаций, версий скоропостижной смерти: застрелился, перепил, отравлен в результате злого умысла, козней. Не расчищали ли Горбачеву дорогу уже тогда?

— Горбачев из той когорты людей, которые делают свою судьбу своими руками. Он хорошо просчитывал все шаги — как выбраться из Ставрополя в Москву, как из «рядовых» секретарей ЦК стать Генеральным. Вернувшись в родные места после окончания юридического факультета МГУ, он не стал работать на поприще юриста, а пришел в крайком партии и попросил, чтобы ему подобрали какую-либо руководящую работу. При этом высказал пожелание, что поскольку он имеет опыт работы в комсомоле, было бы неплохо, если бы ему предоставили возможность заниматься подобной деятельностью и на родине. То есть я хочу сказать, что он не ждал милостей от судьбы, а делал свою судьбу сам. Естественно, с помощью супруги, выступавшей в роли генератора, стимулировавшего его кипучую натуру.

Поначалу выдвинув себя на поприще комсомольской работы, он, конечно, многое сделал для того, чтобы пройти все остальные ступеньки. Бесспорно, он умел это делать. Говорун он отменный. Он мог произносить красивые, пускай и непонятные, слова. Это производило впечатление. Только потом люди начали сомневаться, что они слышат голос, но не вполне понимают, о чем идет речь.

Особые знаки внимания он стал оказывать влиятельным лицам из Москвы, которые часто бывали на Ставрополе. Это, как известно, край курортный, предгорья всегда славились минеральными водами, там еще с прошлого века собиралась вся элита, вся интеллектуальная часть российского общества, там можно было хорошо отдохнуть, подлечиться. И он, естественно, эти возможности использовал. Особенно когда перешел на партийную работу.

Туда приезжали на отдых и лечение многие влиятельные лица из Политбюро — Брежнев, Косыгин, Андропов, Черненко, Кириленко. Я уже не говорю о министрах, руководителях Госплана, Госнаба. Естественно, он принимал высоких гостей, создавал им необходимый комфорт в зависимости от их увлечений. Застолья были по-кавказски богатыми и щедрыми.

Гостеприимный хозяин заботился и о членах семей московских руководителей. Если приезжала, например, дочь Брежнева с мужем, он встречал их и проводил с ними время так, как будто приехал сам Генеральный секретарь. Он отлично понимал, что через детей сильных мира сего, через близких к Генеральному секретарю людей он может добиться большего, чем непосредственно от самого Брежнева. Он сопровождал дочь Леонида Ильича в баню, устраивал для нее различные показательные застолья и прочее. Это была, может быть, ему и не очень приятная, но пенка. Он не скрывал перед близкими ему людьми, что это нужно ему для дела. Для какого — это стало ясно позднее. То же самое было и по отношению к супруге Громько, дочери Сулова, которые туда приезжали отдыхать. Список именитых чад можно продолжить. Однажды в узком кругу он высказался так: ну как не сделать вот это, может быть, и не очень законное действие, поспособствовать кому-то, если те, для кого он делает блага, могут отозваться о нем хорошо на самом верху? Следуя этой логике, он часто направлял различные подарки членам Политбюро. Я не хочу сказать, что это всегда были материальные ценности, я этого не знаю, но то, что по его заданиям отправлялись в Ленинград для того же Романова цветы и прочие знаки внимания — это хорошо известно.

Характер Горбачева в ставропольский период его жизни — это характер известного персонажа литературного произведения русской классики. Я имею в виду Молчалина. И самое печальное, что молчалинская манера поведения срабатывала. Люди, которым он угождал, помогли ему выбиться, приняли в свой очень тесный и узкий круг, куда невозможно было пробиться фигурам куда более значительным, чем первый секретарь Ставропольского крайкома партии.

Как он проявил себя на посту секретаря ЦК КПСС, курировавшего аграрный сектор экономики страны? Скажу прямо: процентов восемьдесят его коллег из других регионов были подготовлены гораздо лучше, чем он, знали дело глубже, имели больший опыт.

— Вы имеете в виду Моргуна из Полтавы? Говорят, он был альтернативой Горбачеву при избрании на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Это верно?

— Моргун тоже был близким к Брежневу челове-

ком и по совместной работе в Казахстане, и по другим связям. С точки зрения агрономической Моргун был более подготовлен, чем Горбачев. Но, наверное, полтавчанин Моргун был не таким ловким и хитрым, как ставрополец Горбачев. А то, что Моргуна тоже двигали на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству, секрета не составляет.

— **Интересно, какая группа двигала?**

— Прежде всего та, которая стояла вокруг Брежнева. Это могли быть его помощники, а также люди, которые работали с ним в Казахстане, а потом участвовали в решении аграрных проблем. Моргун часто бывал в Москве. И вообще, он ведь знал сельское хозяйство изнутри. Он начинал, если память мне не изменяет, с директора совхоза, прошел большую и трудную школу освоения сельскохозяйственного производства в тех районах, где оно практически не велось. Он пережил все невзгоды, которые случались на целине, в том числе и черные бури. Набирался опыта на партийной и государственной работе в Казахстане. Его кандидатура на пост секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству была вполне подходящей.

— **Очень много легенд сложено о противостоянии Горбачева и Романова в период их работы «рядовыми» секретарями ЦК. Фигура Романова, наверное, противоречивая? Ленинградцы о нем по-разному отзывались. Он из города дворцов, науки и культуры, а Горбачев из пыльного южнорусского городка с одной центральной улицей, без горячей воды и канализации. Была ли между ними борьба за верховенство, как, скажем, между Сталиным и Троцким при Ленине?**

— Я хотел бы прежде закончить мысль, связанную с восхождением Горбачева. Умер Кулаков, занимавшийся в ЦК вопросами сельского хозяйства, работавший до Горбачева первым секретарем Ставропольского крайкома. Горбачев неоднократно мне говорил, что Кулаков умер естественной смертью в связи с сердечной недостаточностью. Но в то же время Горбачев рассказывал своим близким, что Кулаков застрелился. Свидетели этих разговоров живы. Тайну можно прояснить, наверное, у Чазова.

— **Да, Евгений Михайлович много знает...**

— Но в своей книге «Здоровье и власть» он этот вопрос обошел. Как человек мудрый, Чазов должен

уметь хранить секреты. Что он и делает. Однако есть косвенные улики. Например, то обстоятельство, что на похороны Кулакова не приехал Брежнев, в свое время очень ценивший его. Не участвовали в траурных мероприятиях и другие влиятельные члены Политбюро. Прощальную речь с трибуны Мавзолея произнес Горбачев, приехавший для этого из Ставрополя. Мне кажется, данный случай близок к тому, который произошел с генералом армии Цвигуном, первым заместителем председателя КГБ СССР. Думаю, Горбачев сказал правду своим землякам о кончине Кулакова. Я не думаю, что Кулаков недобровольно ушел из жизни. По крайней мере, на сегодняшний день не допускаю такой мысли. Хотя знаю некоторые основания, по которым он мог взвести курок. Но гадать по таким деликатным вещам не хотел бы. Я обычно предпочитаю говорить то, в чем стопроцентно уверен.

Если исходить из того, что стечение обстоятельств привело к смерти Кулакова, то можно предположить, что оно выдвинуло и Горбачева. Останься Федор Давыдович в живых, мне кажется, Михаил Сергеевич вряд ли бы стал Генеральным секретарем. В этом случае был бы совершенно иным расклад политических сил в Кремле. Он, безусловно, куда-нибудь продвинулся бы, ибо обладал определенной респектабельностью, умением подать себя. Пока разберутся в содержании! А по форме он соответствовал настроениям общества.

На протяжении всего своего пути наверх он без сожаления сдавал недавних друзей. Заняв высокий пост в Политбюро, Горбачев сдал Косыгина, который очень много помогал ему лично и Ставропольскому краю. Когда начался конфликт между Брежневым и Косыгиным, Горбачев выступил против Косыгина. Удивленные ставропольцы спрашивали: как же так, ведь Алексей Николаевич столько сделал для края, вы всегда высоко ценили его, лестно отзывались о нем, а сейчас по существу предали. На это он отвечал: здесь Кремль, а не Ставрополь, здесь постоянно надо уметь делать политес.

То есть он подводил теоретическую базу под необходимость предательства — исключительно ради карьеры. Это самое страшное. Я могу допустить возможность компромиссов, лавирования, временных союзов ради интересов государства, партии, нации. Такие мо-

тивы можно понять и оправдать — ведь они во имя высших интересов. Но когда все это предпринимается только ради личной карьеры — согласитесь, это высшая степень безнравственности. Я сейчас говорю о вещах, которые, к сожалению, мне стали известны за последние годы. Раньше я не знал о них, как не знал и многого другого. Вот что касается его восхождения к власти.

Вы задали вопрос о Романове, об их отношениях. Конечно, Романов с точки зрения его биографии, его опыта работы занимал особое место. Он был образован. Он был глубоким знатоком оборонной промышленности, пользовался в этой области большим авторитетом. И не только в Ленинграде, где расположена значительная часть предприятий оборонной отрасли. Его знали оборонщики всей страны. Я знаком с ним с 1964 года, когда он возглавлял Ленинградский горком партии. Авторитет Романова, конечно, пугал кое-кого в Москве. Хотя у него не всегда все складывалось благополучно, да и известные слабости были. Не знаю точно с чьей подачи, но он был скомпрометирован еще до появления Горбачева в ЦК КПСС. С этим фактом связана его отставка. Речь идет об использовании царской посуды из запасников Эрмитажа на свадьбе дочери. Это была самая откровенная провокация, направленная на то, чтобы дискредитировать его. Кем была предпринята эта акция, остается только догадываться. Хотя он мозолил глаза многим претендентам на пост генсека. На всякий случай его, наверное, и убрали. Как это бывает иногда, самая примитивная ложь воспринимается за чистую монету. Помню, я тогда работал в «Правде», и мне показалось вполне возможным такое обстоятельство. От долгого пребывания Брежнева у власти люди верили во что угодно. Он уже раздражал всех, о нравах в высших эшелонах власти ходили самые невероятные слухи. На это, видимо, и был расчет тех, кто планировал данную акцию.

Что касается Горбачева, то он относился к Романову холодно. Во всяком случае, товарищеских чувств не испытывал. Надо сказать, что отношения в Политбюро после сталинского, вернее, военного периода, складывались очень сложно. Если раньше члены руководства партии и правительства встречались друг с другом, вместе проводили выходные и отпуска,

собирались за праздничным столом, то в последующем этого уже не было. По той причине, что опасались, как бы не заподозрили в сговоре. Горбачев, когда приехал в Москву, по простоте провинциальной позвонил Суслеву и пригласил к себе на дачу, сказав, что хотел бы видеть его в гостях: «Будет накрыт ставропольский стол». Суслов, как известно, тоже из Ставропольского края.

— **Земляки, стало быть.**

— Да. Но Суслов не поехал. Такое в Политбюро не было принято. И завязать какие-то более тесные отношения с руководством на деловой основе у Горбачева не получилось. Я помню 70-летие Хрущева, 70-летие Брежнева, а еще раньше их 60-летие. У них дым стоял коромыслом на юбилеях. Приходили соратники, друзья. На свои дни рождения Горбачев ничего подобного не делал. То ли со страху, то ли были еще какие-то мотивы.

— **Валерий Иванович, работая в аппарате ЦК, я много слышал от старожилов Старой площади, как проходило избрание Горбачева Генеральным секретарем. Рассказывали о каких-то таинственных ночных переговорах с Громыко. Кто вел эти переговоры? Лигачев?**

— Нет, это был не Лигачев. Я сейчас не хочу называть это имя. Пусть Горбачев сам напишет. А я потом посмотрю, того ли он назвал...

— **Можно ли поставить имя Горбачева в ряду предшествовавших ему генсеков Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, бравших Кремль, скажем так, захватом, или соратники Михаила Сергеевича поняли, что он тот, кто должен стать лидером?**

— Я не совсем понял вопрос касательно того, что Андропов брал Кремль. Я этого не понимаю, потому что Андропов в общем-то не брал Кремль. Во всяком случае, я не допускаю, чтобы он использовал здесь какую-то особую силу, делал под Кремлем подкопы, закладывал динамит и так далее. Ничего этого он не делал. Он занимал пост, который был, я полагаю, выше, чем пост второго секретаря ЦК. При нем была мощная, адекватная сила, созданная для защиты интересов страны.

— **А он не мог использовать ее в личных целях?**

— **Чтобы укрепить свои позиции в борьбе за кресло генсека? Нет, я не воспринимаю мысль о том, что**

Андропов брал Кремль. Что касается других названных вами лиц, то я бы сказал, что Кремль брал после Сталина Хрущев. Несмотря на его, так сказать, внешний, как бы это поделикатнее сказать, простоватый вид, он был не прост.

Брежнев. Да, он в значительной мере, как вы говорите, брал Кремль. Он его брал в связи с тем, что Хрущев потерял свое преимущество. Власть обычно теряют тогда, когда теряют аппарат управления. Так, кстати, произошло и с Горбачевым. Ему хитрости не хватило. Хрущев предпринял много усилий для того, чтобы ослабить аппарат управления путем его бесконечных реорганизаций. Этим он заложил основу своего краха, как, кстати, и Горбачев. Горбачев совмещал все мыслимые и немыслимые посты. Он был Генеральным секретарем партии, президентом страны, председателем Совета обороны, Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами. Ну и что? Не сами по себе должности делают фигуру сильной. Фигуру сильной делают те рычаги, которые реально могут влиять на ход дела. А Горбачев к концу своего правления утратил все рычаги. Могут, конечно, сказать, что он хотел как лучше, он хотел как раз избавиться от этого всесильного аппарата.

Что тут можно сказать? Конечно, аппарат бывает инерционный. Аппарат может мешать. Его, безусловно, надо обновлять. Но обновлять с умом. Люди должны понимать, чего от них хотят. Если бы перед аппаратом ЦК горбачевской эпохи была поставленная цель и сказано, что это делается ради того, чтобы достичь вот этого, то аппарат мог и помочь решить поставленные задачи. То же самое относится и к аппарату других структур, в том числе и силовых. Но ведь при Горбачеве никто ничего не мог понять. Даже я, находясь вблизи этого человека, не понимал, чего он хочет. Если сегодня он говорил о том, что мы перестроим и сделаем вот это и что надо идти по такому-то пути на основе рыночной экономики, то на другой день он говорил совершенно другое, и создавалось впечатление: либо он играет, либо не понимает того, что делает, либо старается обмануть всех. Вы знаете метафору, когда можно обманывать одного столько-то, таких-то столько-то, но никогда нельзя обманы-

вать весь народ бесконечно. В конце концов такой правитель обманывал самого себя.

Я обхожу вопросы, связанные с тем, принимал ли он меры, исходя из своего понимания положения дел, или руководствуясь чьими-то советами. Есть некоторое основание сомневаться, что он сам по своей воле это делал, но я повторяю, что все это вы сами знаете.

Вот такая ситуация, связанная со взятием Кремля. Если правильно я запомнил, вы спрашивали об этих лицах?

— Да. Черненко я не упоминал. Он вроде как был легитимно стал генсеком. А как, по-вашему, Ельцин?

— Ему власть сама упала в руки. Она валялась давно, по крайней мере с 1989 года. До 1990 точно. С 1991 ее пинали как хотели, и поэтому речь шла о том, кто ее подберет. Нужен был посильнее человек. Вот все эти игры и усиление руководства России произошли потому, что Горбачев сумел максимально потерять свой авторитет и уничтожить власть в центре. Все мало-мальски разумные люди поняли, что человек этот бесперспективный. Лучше всего держаться, как говорил Николай Иванович Рыжков, за трубу, то есть быть поближе к конкретному делу. Люди перетекали в республику, потому что знали: она останется, что бы ни происходило в центре. А поскольку туда шли достаточно сильные личности, может быть, не все принципиальные, но в основном достаточно грамотные, то, естественно, произошла переориентация мышления. Хочет или не хочет Горбачев признавать аксиому, но он кузнец судьбы своей и страны.

— Валерий Иванович, в ставропольском периоде деятельности Горбачева остались кое-какие белые пятна. Говорили о коррупции, стяжательстве, обывательском вещизме. Сам Михаил Сергеевич в одном из недавних интервью сказал, что под него был создан специальный отдел в МВД, целью которого было «копать под Горбачева». Что там было в действительности?

— Мне приходилось разговаривать со многими руководителями, теперь уже бывшими, республик и областей Северного Кавказа, и они считали, что Ставрополье по многим показателям преступности превосходило Краснодарский край. Но конкретных фактов я не знаю. А говорить с чужих слов считаю неэтичным.

Хотя был один случай. Как-то следственная бригада Прокуратуры СССР, возглавляемая Гдлянном и Ивановым, работая по делам узбекского руководства, имела неосторожность тронуть ставропольское прошлое генсека. Негодование Михаила Сергеевича было столь велико, что он тотчас поручил КГБ заняться этим делом и выяснить, кто заинтересован покопаться в его прошлом, откуда исходят команды и не является ли это политическим заговором против архитектора перестройки.

Генсек поручил и мне переговорить с бывшим Генеральным прокурором СССР Рекунковым и узнать, кто давал команды заниматься Ставрополем. Рекунков в ту пору был уже на пенсии. Я пригласил его в ЦК. Горбачев лично допросил экс-прокурора. Кто поручал прокуратуре копать в его ставропольском прошлом? Кто направлял туда следователей? Не исходило ли это от Черненко или кого-то еще из московского руководства? Когда Рекунков ушел, не удовлетворив любопытство генсека, он сказал мне: «Здесь не обошлось без участия тех, кому уж очень хотелось помешать моему избранию генсеком. Да и сегодня кому-то выгодно ворошить старое. Надо разобраться во всем. Я давал тебе письмо моего старого знакомого, заместителя министра внутренних дел, который прямо утверждает, что была команда покопаться. Санкционировало ее высокое руководство. Я доберусь до истины, Крючкову уже даны поручения. Попробуй с ним поговорить с этим заместителем министра внутренних дел. Он, правда, болеет и, мне сказали, находится в больнице».

Визит к заместителю министра дал немного. Он был тяжело болен, с трудом говорил, и, как намекали врачи, дни его были сочтены. Единственно, что он сказал определенно, так это то, что команда о проверке деятельности ставропольского руководства шла от очень высоких лиц из ЦК. И задание имела союзная прокуратура.

Встретиться с ним больше не пришлось, потому что он был очень плох, а недели через три умер, унеся с собой тайны, которые интересовали Горбачева. Он не сомневался, что ворошат старое его политические оппоненты, которые распускают слухи, в основе кото-

рых, видимо, что-то было. Иначе вся эта нервозность Горбачева, мобилизация сил непонятны.

— Существует точка зрения, что все делалось не по воле Горбачева, а как раз вопреки ей. Он выпустил джинна на волю и не смог совладать с ним.

— Это когда он мог сделать?

— Наверное, с 1989 года. Развал СЭВ, Варшавского Договора, потеря ГДР... События нарастали как снежный ком, и Горбачев был бессилён их остановить. Злого умысла поначалу не было...

— Во-первых, надо видеть первопричину. Катиться все кувырком стало после 1985 года. Сначала были одни слова, причем правильные. Люди верили им. Но потом вера стала проходить, потому что люди увидели: это болтун. Из той плеяды, для которых дело — это слово. Увидев, что он человек несерьезный, многие решили воспользоваться моментом. Сначала с некоторой опаской, а потом, не встретив серьезного пресечения, все смелее и смелее стали выходить на митинги. Вспомните, сколько людей собиралось на площадях Москвы. И никакой реакции властей.

А теперь сравните с тем, что произошло 1 мая 1992 года на Ленинском проспекте. Демонстрация оппозиции, выступившей против режима Ельцина, закончилась избиением вышедших на улицы. Я уверен, что перестройка Манежной площади совершена с целью недопущения митингов протеста. Что, Горбачев не мог принять аналогичное решение? У него было много возможностей раз и навсегда закрыть митинги, но он, во-первых, не мог, а, во-вторых, боялся. Он громко протестовал против грандиозных демонстраций, устраиваемых демократами, нелицеприятно высказывался по поводу беспомощности тогдашних руководителей МВД. Критиковал, кричал, топал ногами, но сам ничего не делал, чтобы остановить стихию. А руководители силовых структур знали: случись что, он снова вывернется, заявит, он-де ни при чем, как это было в Тбилиси, а позднее в Вильнюсе. И тогда найдут крайнего. Он никогда не мог взять на себя ответственность, принять решение. Указания по многим принципиальным вопросам он давал не сам, а через меня или других помощников. Это ведь разные вещи. Одно дело, когда команду дает лично президент, и совсем

другое, когда передаем мы. Сколько энергии он затратил на то, чтобы убедить председателя Совета Министров РСФСР Александра Владимировича Власова выдвинуть свою кандидатуру на пост председателя Верховного Совета — в противовес Ельцину. Власов не соглашался, но Горбачев уговорил его, обещая поддержку. И вдруг, спустя некоторое время, отводя глаза, говорит: «Медведев, позвони Власову, пусть он снимет свою кандидатуру». Что, сам не мог объяснить Власову, если возникла новая ситуация? Такие решения приводили к тому, что власть просыпалась сквозь растопыренные пальцы. Никто никого не слушал. Оппозиция, противники, отлично поняв это, делали то, что хотели делать. Демократам, по сути, не препятствовал никто.

И вообще, когда речь идет о Горбачеве, смешнее всего звучат слова о демократии, ибо он люто ненавидел всех так называемых демократов во главе с Гавриилом Поповым. Он делал все возможное, чтобы препятствовать действиям межрегиональной депутатской группы в союзном парламенте. А сегодня он кокетничает, заигрывая со своими победителями: «Ах, я демократ, я открыл дорогу демократии, я плюрализм допустил». Ничего он не допустил. Он все упустил. И о Хасбулатове точно так же отзывался, как и о Попове: мол, эта профессура не имеет никакого понимания в политике, у нее шкурный интерес — добраться до власти.

Свою беспомощность он представляет сегодня как последовательные продуманные ходы, направленные на предоставление обществу демократии. А что ему остается? Раз не получилось ничего, то хотя сослаться на дарование мифической демократии. Основы же настоящей демократии между тем разрабатывали совсем другие люди — из Политбюро. И из ГКЧП, как не покажется это кому-либо странным. Они хотели управляемого процесса. Они были против хаоса, они выступали за то, чтобы была какая-то осмысленность в действиях. Так что демократ он, конечно, липовый.

— Как вы думаете, почему он вдруг обратился к репрессиям 30-х и начала 50-х годов? Ведь еще в 1985 году в интервью «Юманите» он резко восставал против термина «сталинизм». А потом вдруг началось сплошное очернение советской истории...

— Я могу объяснить это тем, что, проиграв на экономическом поле, ничего на нем не добившись, кроме инфляции, ухудшения снабжения продовольственными и промышленными товарами, снижения темпов производства, ему ничего не оставалось кроме как переключиться на поле политической борьбы. Он относится к числу руководителей, которые очень болезненно реагируют на свои неудачи, проигрыши, потери. Ухудшение же экономического положения вело к тому, что население теряло в него веру. Да и на Западе все отчетливее нарастало разочарование: о перестройке говорит много, а ничего реального не происходит, наоборот, напряжение в обществе с каждым днем выше.

Тогда-то он, чтобы продлить свое пребывание в Кремле, и переключился на перестройку политической системы и сталинские репрессии. Наверное, косвенно он имел в виду и нанести удар по партии, поскольку увидел к тому времени, что она выступает его главным противником. А он человек в этом отношении безжалостный.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Ты на каком этаже живешь? — спросил меня один из тех, кому я давал читать свои опусы. — На шестом? Надо срочно переселяться ниже. А то можешь нечаянно выпасть из окна. Шучу, конечно. А если серьезно, знаешь, чего нет в твоих записках? Истинных виновников краха КПСС. Все, конечно, оказались не на высоте — и Политбюро, и Секретариат, и его аппарат, и горкомы-райкомы. Я не умаляю их вины, она действительно велика. Но причина распада партии совсем в другом. Знаешь, кто ее развалил? Те, кто погубил Октябрьскую, а еще раньше — Великую французскую революцию. Мелкие лавочники — вот кто! Ведь это они, когда им было надо наверх пролезать, гуртом в нее перли, а как только открылась возможность по-большому хапнуть, они первыми убежали из нее. Сколько десятилетий партия оберегалась от них, самосохранялась, чтобы не дать растворить себя в мелкобуржуазной стихии! Лимиты для них устанав-

ливалась, квоты. Пролезали, иногда даже на самый верх. Если вспомнить историю КПСС, то с самого ее зарождения в ней два крыла боролись: твердое, рабочее, и мелкобуржуазное — кооперативщики, перекупщики, деятели. От Ленина и Мартова-Цедербаума все идет. Ленин, Сталин, Брежнев, Андропов, Черненко представляли твердую линию. Мартов, Аксельрод, Бухарин, Рыков, Каменев, Зиновьев, потом Хрущев, ну и Горбачев — представители другой линии, мелкобуржуазной.

Относительно Горбачева. Не знаю, сам он прикнул к мелкобуржуазному крылу или его опутали коварные приближенные. Но, как бы то ни было, а партийный аппарат капиталы не копил. Ты лично за двенадцать лет работы в партии много накопил? Тот. Рабочие скоро прозреют, вспомнишь мое слово. И произойдет это тогда, когда их начнут с заводов выгонять. Вот когда они, оказавшись без работы, станут в очередь за миской супа, они все вспомнят. И Иосифа Виссарионовича, и Леонида Ильича, и Юрия Владимировича. И сравнят с новой, демократической властью, которая выбросит их с детьми на улицу. А хозяевами жизни станут жирные мурлы. Как же, будут они заботиться о бедных, держи карман шире. Ну пять лет можно врать, что КПСС виновата, ну от силы десять. А потом народ поймет, что к чему. Народ их и выгонит. Либо на выборах прокатит, а то, как в семнадцатом, к стенке поставит. Русский бунт страшен.

А партия еще проявит себя. Нельзя одним указом, будь то горбачевский или ельцинский, вытравить дела такой могучей силы, пропитавшей все поры общества. КПСС разных лидеров видела и только крепче выходила из огня. Уверен, что и на этот раз выйдет. Ответственные идеи всегда сильнее отдельных личностей. Может быть, как раз запрещение сыграет партии на руку. Запреты всегда вызывают обратный эффект. Церковь у нас запрещали? Запрещали. И что из этого получилось? Надо было бы вспомнить об этом тем, кто подписывал решения о роспуске партии. Или они не могут смотреть так далеко? Что, много ренегатов, перебежчиков, предателей? А когда, в какие времена их мало было? Этого добра всегда хватало. Вот и сейчас

мстят за свою бесталанность, бесплодность, никчемность. Системе, которая их вскормила и выучила. Согласись, что жизнь и развитие общественной мысли на нынешних лидерах вряд ли остановится. Уже кто-то, небось, сделал первый круг на своем комбайне. При том новейшей марки.

*13 октября — 10 ноября 1991,
10 января — 23 февраля 1992,
2 февраля — 8 марта 1998*

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ЗАПИСКА ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

О. С. ШЕНИНА

(Написана за час до ареста 22 августа 1991 г. Предназначалась для опубликования в одной из газет ЦК КПСС.)

ЦК КПСС

Президиум ЦКК КПСС

Полностью всегда разделял курс Апреля 1985 года, направленный на улучшение жизни людей, на демократизацию.

Но я против курса АПРЕЛЯ 1991 года, когда страна пошла к катастрофе, полному развалу Советского Союза, побежала к капитализации, обнищанию миллионов советских людей и обогащению кучки теневиков.

Уже до этого много говорилось о росте преступности, разгуле теневой экономики, усиливающихся и преобладающих практически в гражданскую войну межнациональных конфликтах.

Но Апрель 1991 года дал «зеленый свет» на полную неуправляемость этих процессов.

По логике, обладая колоссальной властью, которая «успешно» продемонстрировала буквально за несколько часов в виде арестов и даже трагической гибели вернейшего перестройке человека (Б. К. Пуго), Президент БЫЛ ОБЯЗАН добиваться восстановления конституционного порядка в стране (причем речь идет о Конституции СССР, на которой была дана клятва о ее строгом соблюдении).

Однако никаких попыток не предпринималось. Издаваемые указы не действовали и никем не контролировались.

Все это происходит потому, что в стране, которая движется, по заявлению руководства, к демократии, ликвидировано коллегиальное руководство.

Решения по жизненно важным для судеб народа и страны вопросам принимаются за закрытыми дверями, узким кругом лиц.

При этом игнорируются решения Верховного Совета СССР, съезда народных депутатов СССР.

Проигнорирована воля народа, высказанная на референдуме о сохранении СССР.

А что стоит государственный переворот, при котором распускаются органы советской власти и на смену приходят неконституционные авторитарные структуры!

В тяжелейшем положении оказалась КПСС, с которой генсек просто перестал считаться, самоустранился от руководства.

Политбюро практически не работает. Каждый пленум для руководства партии стал мукой, так как члены ЦК не могут больше мириться с создавшимся положением в стране и в партии.

В самую тяжелую для партии минуту, когда в РСФСР началась департизация, генсек и Президент не услышал тревожного голоса миллионов коммунистов.

А ведь с партии до сих пор идет жесточайший спрос за все, что происходит в стране. На нее вешают все «грехи» уже нынешние, «достигнутые» в результате политических игр авантюристов разных мастей из всевозможных партий, движений, течений и т. д.

В трагедии, которая произошла, вина не тех, кто старался взять на себя ответственность за возвращение к курсу Апреля 1985 года, а тех, кто сошел с этого пути.

Страна давно уже катилась к этой трагедии.

К сожалению, дела в социально-экономическом развитии идут так, что впереди еще более трудные испытания для народа и страны. При отсутствии конституционного порядка ждать перемен к лучшему не приходится.

Не могу состоять в Политбюро, решение за которое принимает один человек.

Не могу соответственно быть и секретарем ЦК КПСС.

Уверен, что коммунисты сумеют сделать все, чтобы народ им поверил.

Прошу считать это официальным заявлением для предстоящего пленума ЦК КПСС и для Президиума ЦКК КПСС.

Требую опубликования в полном объеме в одной из газет КПСС.

Член КПСС О. ШЕНИН
22 августа 1991 года.

2. ЗАПИСКА Г. Х. ШАХНАЗАРОВА М. С. ГОРБАЧЕВУ ОТ 26.04.1991

(Шахназаров Г. Х. — бывший помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, в тот момент — помощник президента СССР.)

Михаил Сергеевич!

Некоторые размышления по итогам Пленума ЦК.

Процесс разделения партии, начавшийся фактически вместе с перестройкой, все больше принимает необратимый характер. Это было, видимо, неизбежно, потому что КПСС включала в себя людей различных убеждений и шли они в одну партию только потому, что не было других.

Официально в партии выделяются сейчас две-три группировки — демократическое движение коммунистов; марксистская платформа; несколько своеобразная группа «Коммунисты за демократию». поскольку она возникла не вообще в партии, а в рамках Верховного Совета России и претендует на охват коммунистов в российском депутатском корпусе.

На деле группировок и течений намного больше. В то же время достаточно четко (по крайней мере по состоянию на сегодняшний день) просматриваются два основных направления: социалистическое (или социал-демократическое) и коммунистическое.

На последнем Пленуме произошла дальнейшая поляризация этих направлений, что отражает положение во всей партии. *Раскол* между ними уже существует де-факто. Теперь речь идет только о том, чтобы оформить это *размежевание де-юре*.

Если не предусмотреть каких-либо шагов в этом направлении, отдать все естественному, стихийному

течению событий, то есть опасность, что вместо размежевания произойдет распад партии. Уже сейчас из ее рядов выходит все больше людей. Можно не сомневаться, что после Пленума число разочарованных, не верящих в возможности ее перестройки значительно увеличится.

Кроме того, тактика «выжидания» ведет к тому, что часть коммунистов, включая целые организации, будет переходить к «демократам». Появление фракции Руцкого тому наглядное свидетельство.

Поэтому важно принять упреждающие меры, чтобы придать неизбежному в конечном счете процессу управляемый характер, не допустить хаотического распада партии и тем самым сохранить ее как целостную политическую силу.

Такую роль способна выполнить только абсолютно обновленная партия четкой социалистической ориентации.

Поскольку крайне невыгодно выглядеть инициатором раскола в глазах основной массы коммунистов, не сделавших пока окончательного выбора в пользу своего присоединения к реформаторам или консерваторам, чрезвычайно важно избрать правильную тактику.

И другой момент: ни в коем случае не должно возникнуть впечатления, что кто-то собирается «уходить» из партии или «выгонять» другую сторону. Речь должна идти именно о процессе политического размежевания, итогом которого могло бы стать «мирное» разделение КПСС на партию демократического социализма и коммунистическую.

Такой подход вполне реален, поскольку решения XXVIII съезда и принятое им Программное заявление — это фактически политическая основа именно социалистической партии.

Можно предполагать, что консервативная часть, столь активно начавшая атаковать руководство на последнем Пленуме, уже в ближайшее время начнет собирать силы. Пойдут агитировать организации за принятие резолюций, требующих созыва съезда, отчета Генсека, его отстранения, возвращения КПСС на подлинно марксистско-ленинский путь и т. д.

С учетом этого можно было бы наметить следующий план действий.

В ближайшие дни большая группа членов ЦК КПСС выступила бы в «Правде» с заявлением по итогам прошедшего Пленума. В нем констатировать, что в ЦК, как и во всей партии, происходит разделение на тех, кто стоит на платформе XXVIII съезда (за демократический социализм, правовое государство, рынок, преобразование Союза, действия в рамках конституционной законности, поиск контактов с молодежным движением, широкое сотрудничество с другими политическими силами, выход из кризиса на основе коалиционного сотрудничества, продолжение политики нового мышления на мировой арене), и тех, кто, по сути дела, пытается восстановить партию в том виде, какой она была в доперестроечный период (монопольное правление вплоть до восстановления законодательного статуса правящей партии, прямой диктат над государственными органами, возврат к номенклатурной системе расстановки кадров, выход из нынешнего кризиса путем силовых мер без всякого учета реального положения в стране, фактически отказ от всех демократических завоеваний перестройки, неизбежный возврат к политике конфронтации на международной арене).

Дальнейшее совместное пребывание реформаторов и консерваторов в одной партии становится обузой для тех и других. Поэтому каждый член партии должен сейчас определиться — остается ли он на платформе XXVIII съезда, или разделяет взгляды Полозкова, Гуренко, Малофеева и других, выступивших в таком духе на Пленуме ЦК.

Предлагается провести собрания в партийных организациях и размежеваться на такой основе, а затем собрать внеочередной съезд партии, на котором провести окончательное размежевание и условиться о ответственном дележе имущества.

Принципиально важно, чтобы при этом было внесено предложение переименовать КПСС в *Партию демократического социализма*. В ином случае есть опасность, что наши консерваторы в один голос заявят, будто они тоже за решения XXVIII съезда. В таком случае партия опять окажется дезориентированной, продолжится ее агония.

Четкое заявление о переименовании заставит каждого окончательно определиться.

Публикация такого заявления положит начало дискуссии. На определенном этапе понадобится занять позицию по этому вопросу руководству партии, а затем и ее лидеру. Это внесет решающий перелом в дискуссию, повлечет за собой поворот «болота» в сторону реформаторов.

Такая подлинная перестройка КПСС и размежевание с неисправимыми консерваторами будет означать создание крупной политической силы центристского характера, которая станет подлинной опорой Президента. Он должен стать ее признанным лидером, не занимая официально какого-либо руководящего поста.

Появление Партии демократического социализма, которая сумеет унаследовать основные структуры КПСС и большую часть традиционного ее влияния, может привлечь в ее ряды немалую часть людей, которые сейчас ушли к демократам просто потому, что разочаровались в КПСС. Они с охотой вернутся в новую, преобразенную партию. Это относится и к интеллигенции, и к молодежи, и к рабочему классу, т. е. к самым боевым слоям общества, на которые сейчас все больше опирается оппозиция.

Если этот план будет принят, его надо осуществлять в быстром и энергичном темпе. От Генерального секретаря требуется сейчас только одно — дать свое принципиальное согласие.

Если такого согласия не будет, то примерно такой процесс все равно будет неизбежен. Только тогда он пойдет стихийно и способен принять разрушительный характер, окончательно погубив партию и тем самым лишив центристское направление реальной политической поддержки.

3. О ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОКРУЖЕНИЯ М. С. ГОРБАЧЕВА

(Информация КГБ СССР от 20 июня 1991 года)

По данным из окружения М. С. Горбачева, в ближайшие 2—3 дня им должно быть принято решение, которое существенным образом повлияет на дальнейшее развитие событий в СССР, окончательный выбор основных направлений внутренней и внешней политики. Это связано с шагами, которые были предприняты в последнее время кабинетом министров и его пред-

седателем Павловым. М. С. Горбачев расценил эти действия как попытку определенной группы людей, сконцентрированных вокруг Павлова, резко укрепить власть правительства в стране, не допускать радикальных реформ во внутренней политике и экономическом развитии, отодвинув тем самым М. С. Горбачева на второй план, подорвав его личный авторитет в стране и за рубежом.

Особую озабоченность ближайшего окружения М. С. Горбачева вызвал тот факт, что линия Павлова получила активную поддержку у Язова, Крючкова, а также частично Пуго (позиция последнего не однозначна). М. С. Горбачев также озабочен наметившейся линией Верховного Совета СССР на резкую критику позиций президента на его переговорах по созданию федеративного Союза. В частности, большинство в Верховном Совете резко возражает против линии Горбачева на то, чтобы передать в ведение республик целый ряд важных функций, принадлежащих в настоящее время центральному правительству СССР, в первую очередь, его предварительного согласия на требование некоторых республик о фактическом роспуске министерства внешних экономических связей и передаче прав на внешнеторговую деятельность в ведение республиканских властей.

Ситуация для М. С. Горбачева осложняется тем фактом, что в правительственных кругах США и стран Западной Европы также оценивают сегодняшнее положение в результате действий Павлова и его кабинета министров как реальное ослабление позиций президента СССР и снижение возможности для него влиять на дальнейшее развитие событий, определять выбор основных направлений внутренней и внешней политики СССР. В частности, в ближайшем окружении Дж. Буша полагают, что М. С. Горбачев практически исчерпал свои возможности как лидер такой страны, как СССР. Вместе с тем, с учетом надвигающихся президентских выборов в США, для республиканской администрации было бы крайне нежелательным в данный момент отказываться от поддержки М. С. Горбачева, оказываемой ему в течение длительного времени. Параллельно в администрации Буша и правительствах других западных стран пытаются опреде-

лить возможную кандидатуру на замену Горбачева, которая могла бы быть положительно оценена в политических и общественных кругах Запада. На данном этапе такая кандидатура пока не просматривается. Президент Буш и его ближайшее окружение категорически отказываются рассматривать в качестве возможной фигуры для замены Горбачева Б. Н. Ельцина.

В окружении Буша полагают, что приход Ельцина к власти в СССР приведет к «катастрофическому развитию событий и кардинальному пересмотру позиции США и ведущих западных стран по вопросу их политики в отношении СССР». Окружение Буша также считает крайне неправильными действия Горбачева по практической поддержке программы экономического развития СССР, подготовленной Явлинским вместе с американскими учеными. В администрации Буша считают, что этот план абсолютно нереалистичен. В первую очередь, он не учитывает «русских национальных особенностей, которые будут играть существенную роль при выполнении любой программы экономического развития в такой стране, как СССР». По существующему мнению в администрации Буша, лишь отдельные компоненты этого плана могут представить практический интерес и быть реализованы. В этой связи с настороженностью воспринимается линия М. С. Горбачева на то, чтобы «сделать ставку на программу Явлинского и вести дело к тому, чтобы сделать его премьер-министром СССР».

В окружении Буша также расценили действия Лукьянова во время его визита в Лондон как первую серьезную попытку начать возможную работу «по замене М. С. Горбачева». Они считают, что Лукьянов во время переговоров в Лондоне пытался «показать себя Западу как возможный преемник Горбачева».

С учетом указанных факторов, как считают в ближайшем окружении Горбачева, у него сейчас существуют следующие варианты выхода из создавшегося положения. Первый из них — начать активную борьбу против Павлова и поддерживающих его Крючкова, Язова и др. С настоятельными рекомендациями действовать именно в этом направлении выступает А. Н. Яковлев. В ближайшем окружении М. С. Горбачева также считают,

что он не исключает для себя варианта повторения «действий Ельцина», то есть выйти из КПСС как силы, которая препятствует «дальнейшему демократическому развитию СССР». После этого он должен будет, по логике вещей, пойти на союз с Ельциным и радикальными «демократическими» силами, поддерживающими его.

В настоящее время, по негласному указанию Горбачева, через его пресс-секретариат начата работа по сбору компрометирующих данных на Павлова. В частности, ведется анализ критических публикаций и высказываний ведущих западных политиков и экономистов.

Вместе с тем в ближайшем окружении М. С. Горбачева считают, что он в последнее время практически лишился поддержки ближайших соратников: Шеварднадзе предпринимает усилия по созданию оппозиционной КПСС партии и намерен ее возглавить. Бакатин после президентских выборов в России не выполняет ни одного из указаний Горбачева, абсолютно устал от всяких дел в Совете безопасности, деятельность которого в значительной мере парализована. Такие соратники М. С. Горбачева, как Черняев и Болдин, не способны серьезным образом влиять на развитие событий и оказывать реальное содействие президенту.

В ближайшем окружении М. С. Горбачева полагают, что наиболее логичным, разумным и приемлемым для дальнейшей судьбы СССР было бы повторение М. С. Горбачевым варианта действий, связанных с обстановкой в свое время вокруг программы «500 дней», когда Горбачев в самый последний момент отверг эту программу и поддержал линию Рыжкова.

В этой связи в окружении Горбачева отмечают, что было бы важно с учетом внутренних и внешних факторов «не загонять М. С. Горбачева в угол, а попытаться найти компромиссное решение между ним и Павловым и поддерживающими премьер-министра группами и силами». В частности, по словам источника, было бы целесообразно создать ситуацию, когда М. С. Горбачев пошел бы на фактическое согласие с линией Павлова с одновременным предоставлением

ему возможности публично «скорректировать некоторые элементы программы Павлова и его политической линии».

По словам источника, в ближайшем окружении М. С. Горбачева считают, что наиболее влиятельной фигурой, которая могла бы согласовать с президентом такую тактику, является В. А. Крючков.

4. О ПЛАНАХ ЦРУ ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ АГЕНТУРЫ ВЛИЯНИЯ СРЕДИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

(Адресованная ЦК КПСС записка председателя КГБ Ю. Андропова от 1977 года. Впервые обнародована председателем КГБ В. Крючковым во время выступления на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года.)

По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры — преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных

между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

ИСТОЧНИКИ

Документы из архива автора

XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Бюллетени только для делегатов.

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Бюллетени только для делегатов.

Дневники автора периода работы в ЦК КПСС (1985-1991 гг.)

Записи бесед:

— с заместителем Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Ивашко;

— с бывшим главным редактором газеты «Правда» академиком В. Г. Афанасьевым;

— с бывшим заведующим общим отделом ЦК КПСС В. И. Болдиным;

— с бывшим заместителем председателя Центральной контрольной комиссии КПСС П. Я. Слезко;

— с бывшим заведующим отделом Волгоградского райкома КПСС г. Москвы, ныне академиком А. В. Чернышевым.

Интервью и статьи в советских и зарубежных изданиях членов последнего состава Политбюро и Секретариата ЦК КПСС (1990—1991 гг.)

Рабочие записи автора о заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК КПСС (1990—1991 гг.)

Сообщения для печати о заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК КПСС (1990—1991 гг.). Готовились автором.

Стенограммы пленумов ЦК КПСС (1990—1991 гг.)

Стенограммы пресс-конференций членов последнего состава Политбюро и Секретариата ЦК КПСС (1990—1991 гг.)

Другая литература

Власов А. Записки из рухнувшего дома. — М.: Изд-во «Информпечать» ИТРК РСПП, 1998.

Воротников В. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. — М.: Совет ветеранов книгоиздания, 1995.

Гарифулина Н. Тот, кто не предал. Олег Шенин: страницы жизни и борьбы. — М.: АО «Внешторгиздат», 1995.

Горбачев М. Жизнь и реформы. В 2 кн. — М.: Новости, 1995.

Казначеев В. Последний генсек. — М.: Гудок, 1997.

Коробейников А. Горбачев: другое лицо. — М.: Республика, 1996.

КПСС вне закона?! Конституционный суд в Москве. — М.: Байкальская академия, 1992.

Легостаев В. Технология измены. — М.: 1993.

Лигачев Е. Предостережение. — М.: Правда Интернэшнл, 1998.

Лучинский П. Заложники. — Кишинев, 1992.

Медведев В. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. — М.: Былина, 1994.

Оников Л. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. — М.: Республика, 1996.

Печенев В. Взлет и падение Горбачева. Глазами очевидца. — М.: Республика, 1996.

Разумов Е. Крушение и надежды. Политические заметки. — М.: АООТ «Политех-4». 1996.

Рыжков Н. Перестройка: история предательств. — М.: Новости, 1992.

Чернев А. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. — М.: Редакция журнала «Родина». Научный центр «Руссика». 1996.

Черняев А. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура». 1993.

Черняев А. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. — М.: ТЕРРА; Республика, 1997.

Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. — М.: Россия — Зевс, 1993.

Широнин В. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. — М.: Ягуар, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1

КРАТКИЙ КУРС КОНЦА КПСС

Глава 1		
НЕОЖИДАННЫЙ ЗВОНОК	3	
Глава 2		
ДАЧНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ	16	
Глава 3		
СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ. 26 АВГУСТА 1991 года	33	
Глава 4		
СТРАННЫЕ САМОУБИЙСТВА	44	
Глава 5		
БЕЗРАБОТНЫЙ ЦЕКИСТ	85	
Глава 6		
ЧЛЕН КПСС? ЗНАЧИТ, ВИНОВЕН!	114	
Глава 7		
СКОЛЬКО Я ЗАПЛАТИЛ, ЧТОБЫ ПОПАСТЬ В ЦК	139	
Глава 8		
КАК Я ПРЕСЛЕДОВАЛ ЖУРНАЛИСТОВ	162	
Глава 9		
КАК Я ДУШИЛ ЖУРНАЛИСТИКУ	177	
Глава 10		
ЧТО Я НАКОПИЛ, РАБОТАЯ В ЦК	201	
Глава 11		
ГДЕ И КАК Я ПРОВОДИЛ ОТПУСКА	240	

Часть 2

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Глава 1		
ПРИМЕТЫ СКОРОГО КОНЦА	272	
Глава 2		
КАЖДЫЙ ВЫЖИВАЕТ В ОДИНОЧКУ	310	
Глава 3		
УЗНИК ФОРОССКОГО ЗАМКА	324	

Глава 4	
ЗАЛОЖНИКИ ТУПИКОВОЙ СИТУАЦИИ	360
Глава 5	
ПИКИРОВКИ НА СЕКРЕТАРИАТАХ	399
Глава 6	
ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ	447
Глава 7	
ПЛЮРАЛИЗМ В ОДНОЙ ГОЛОВЕ БЫВАЕТ ТОЛЬКО У ИДИОТОВ	457
Глава 8	
ВЕДАЛИ ЛИ ОНИ, ЧТО ТВОРЯТ?	470
Глава 9	
ПОСЛЕДНЕЕ ПОЛИТБЮРО: ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ	510
ПОСЛЕСЛОВИЕ	559
ПРИЛОЖЕНИЕ	562
ИСТОЧНИКИ	573

Николай Александрович Зенькович
ЦК ЗАКРЫТ, ВСЕ УШЛИ...

Очень личная книга

Редактор *Е. Кожедуб*
Младший редактор *Е. Дубровская*
Художественный редактор *В. Горин*
Технический редактор *Л. Бирюкова*
Корректоры *Т. Ширма, Т. Чернышева*

Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96 г.

Сдано в набор 06.10.98. Подписано в печать 17.11.98. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.
Уч.-изд. л. 29,52. Тираж 15 000 экз. Изд. № 98-220 Д. Зак. № 3709. С 965.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075 Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов в ПФ «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

Николай Зенькович – признанный мастер документального жанра, автор бестселлеров «Вожди и сподвижники», «Тайны уходящего века», «Тайны уходящего века - 2», «Покушения и инсценировки».

В новой его книге – сенсационные факты и подробности «из первых рук», так как Н.Зенькович более шести лет руководил в ЦК КПСС одним из самых острых направлений, присутствовал на всех заседаниях Политбюро и Секретариата.

«Мне разрешалось делать записи в блокнотах, поскольку на меня была возложена обязанность готовить официальные сообщения для печати о различных мероприятиях, проводимых ЦК.

Я располагаю такими уникальными материалами, которые ни один исследователь не найдет в самых секретных цеховских архивах...»

ISBN 5-224-00070-X

9 785224 000708 >